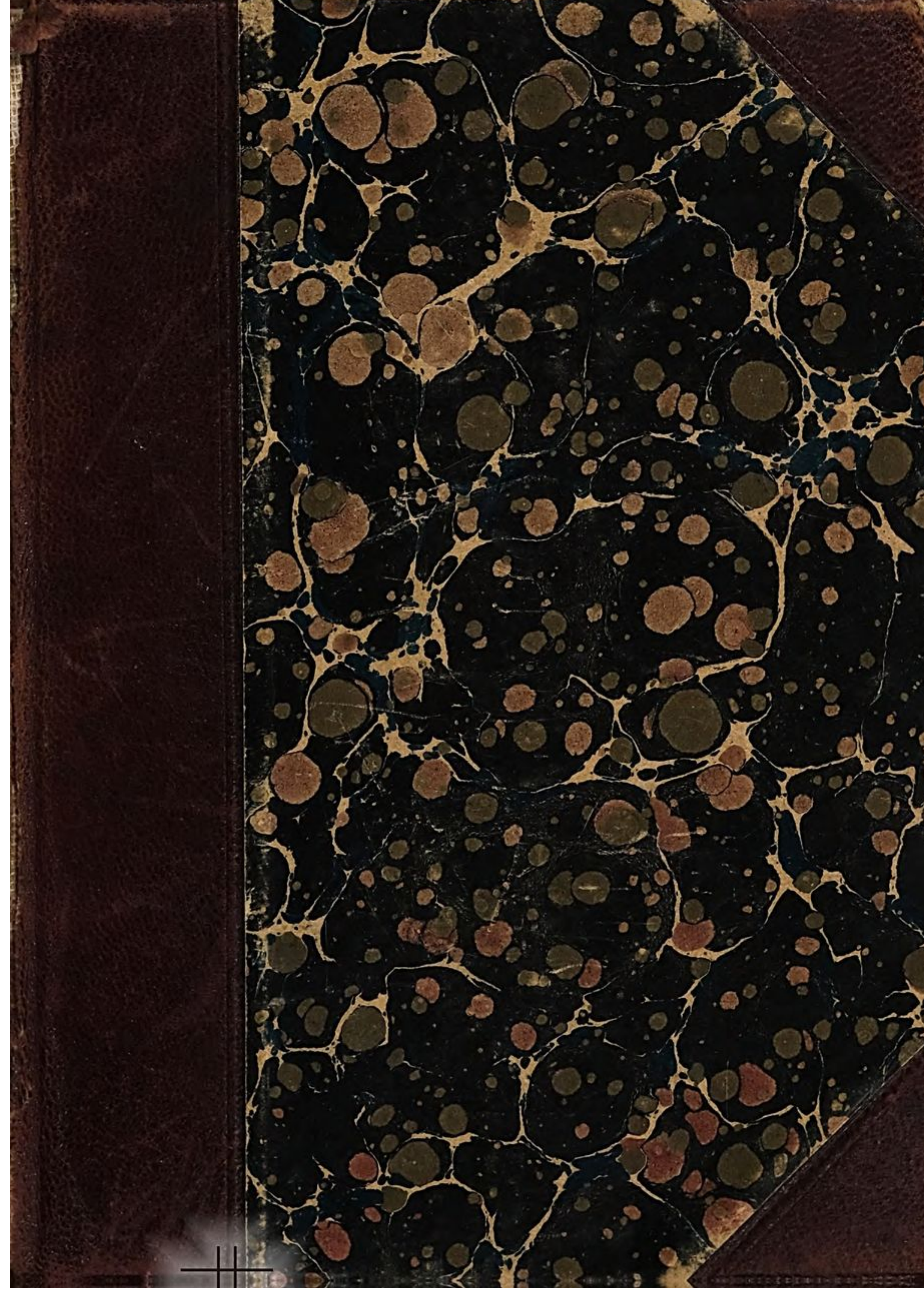

P.O. Russ. 132²

Bayerische Staatsbibliothek

<36656479170016

P.O. russ. 132 z

Г. А. П о т е м к и н ъ.

Дозволено цензурою. Спб., 13 января 1897 года.

Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

КНЯЗЬ ТАВРИДЫ.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ.

Съ портретомъ Г. А. Потемкина.

Чей одръ—земля, кровь—воздухъ
 синь,
 Чертоги—вкругъ пустынные виды,
 Не ты ли, счастья, славы, сынъ,
 Великолѣпный князь, Тавриды,
 Не ты ли съ высоты честей
 Внезапно палъ среди степей.
 Г. Р. Державинъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1897

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgl 89/50395

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗЪ КЕЛЫИ ВО ДВОРЕЦЪ.

PLATE HERBARI

NO. 1 HERBARI

I.

Въ Большомъ театрѣ.

На дворѣ стоялъ апрѣль 1791 года.

Въ этотъ годъ весна наступила въ Петербургѣ сравнительно рано и день былъ почти лѣтній.

Это, впрочемъ, не помѣшало театрамъ-любителямъ наполнить сверху до низу Большой театръ, бывшій въ столицѣ еще новинкой, такъ какъ открытіе его состоялось 22-го сентября 1784 года, т. е. только за семь лѣтъ до описываемаго нами времени.

Въ шестомъ часу вечера, уже начался первый актъ оперы Гольдони: «На лунѣ» и зрители съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за игрой артистовъ, восхищаясь музыкой знаменитаго композитора того времени Паизиелло.

Въ эту эпоху спектакли начинались обыкновенно въ пять часовъ вечера и кончались не позднѣе десятаго часа.

На одной изъ скамеекъ партера сидѣлъ красивый молодой человѣкъ въ формѣ гвар-

*

дейскаго офицера. Высокаго роста съ выразительными темносиними глазами, съ волнистыми свѣтло-каштановыми волосами на головѣ и на усахъ, съ правильными чертами матово-блѣднаго лица, онъ невольно обращалъ на себя взгляды мужчинъ и женщинъ съ различными, впрочемъ, выраженіями. Во взглядахъ первыхъ проглядывало безпокойство, у вторыхъ же, они загорались желаніемъ.

Надо замѣтить, что въ то время въ Большомъ театрѣ креселъ было всего три ряда и сидѣли въ нихъ одни старики, важные савановники. Въ ложахъ второго яруса можно было видѣть старухъ, съ чулками въ рукахъ и стариковъ—купцовъ въ атласныхъ халатахъ, окруженныхъ чадами и домочадцами.

Молодой офицеръ, видимо, недавно находился въ столицѣ, такъ какъ во время антрактовъ и даже самаго дѣйствія съ любопытствомъ провинціала осматривалъ на самомъ дѣлѣ великолѣпно отдѣланную и освѣщенную театральную залу.

Вдругъ взглядъ его остановился на сидѣвшей одиноко во второй отъ сцены ложѣ перваго яруса молодой дамѣ. Она была брюнетка, лѣтъ подъ тридцать, ея черные волосы прекрасно окаймляли блѣлое лицо, на которомъ рельефно выдѣлялись розовыя губки.

Гармоническое сочетаніе линій, изящество формъ, неисключавшее нѣкоторой полноты—таковы были отличительныя черты этой удивительной женщины; дальность разстоянія, не мало мѣшала ему любоваться ею, но онъ догадывался, что она выиграла еще болѣе, если бы было возможно посмотрѣть на нее поближе.

Было, пожалуй, нѣсколько заносчивости въ этихъ прелестныхъ глазахъ, оттѣненныхъ черными густыми бровями, въ складкахъ этого розоваго и улыбающагося рта; слишкомъ много соблазнительнаго кокетства обнаруживалось, пожалуй, въ ея манерѣ держаться и поправлять складки своего платья, но эта утрировка принадлежала именно къ числу тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ можно упрекнуть почти всѣхъ хорошенькихъ знающихъ себя цѣну женщинъ.

Но странная вещь. Когда глаза молодого офицера остановились на ложѣ, въ которой сидѣла молодая женщина, ему показалось, что она сдѣлала какъ бы совершенно незамѣтное движеніе удовольствія, тотчасъ же сдержанное и чуть-чуть кивнула головкой.

Это его поразило. Онъ машинально посмотрѣлъ вокругъ себя, желая узнать, къ кому относится этотъ граціозный кивокъ, этотъ мимическій разговоръ незнакомки, но уви-

дѣлъ вокругъ себя только почтенныхъ старичковъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли принять на себя проявленія чувствъ красавицы.

Неужели эта тонкая улыбка была предназначена ему? Неужели это онъ вызвалъ бѣглое и мимолетное движеніе мечтательныхъ глазъ, которые затѣмъ съ очевидною аффектаціею то стали обращаться на сцену, то обводить зрителей.

Вся кровь бросилась въ голову молодому офицеру. Сначала, впрочемъ, онъ этому не повѣрилъ, потомъ невольно поддался мысли о возможности такого вниманія.

Самолюбивое чувство укрѣплялось въ его сердцѣ и когда, къ концу втораго акта оперы, тотъ же кивокъ головой былъ сдѣланъ въ третій разъ, онъ храбро отвѣчалъ на него такимъ же кивкомъ и улыбкой.

Къ какимъ послѣдствіямъ все это могло повести? Какимъ очарованіемъ или какимъ горемъ можетъ окончиться это приключеніе? Какимъ образомъ онъ могъ даже продолжать его, совершенно незнакомый съ нравами и жизнью Петербурга?

Всѣ эти вопросы лишь на мгновенье мелькнули въ головѣ молодаго человѣка, такъ какъ, когда онъ самодовольно отвѣтилъ на

послѣдній знакъ, дама въ ложѣ видимо обрадовалась, что ее поняли.

Когда окончился третій актъ, молодой человѣкъ вышелъ въ корридоръ взять оставленную шинель.

Капельдинеръ, который, казалось, кого-то ожидалъ, быстро приблизился къ нему и сунулъ ему въ руку маленькій клочекъ бумаги, сложенной вчетверо.

Молодой человѣкъ развернулъ его и прочелъ написанное наскоро карандашемъ, слѣдующее:

«Пріѣзжайте сегодня вечеромъ, васъ ждетъ карета на площади въ сторонѣ отъ другихъ. Позвольте, прекрасный мечтатель, отвезти васъ туда, куда зоветъ васъ любовь».

Онъ дважды прочелъ эту записку и тотчасъ же рѣшился. Этотъ «прекрасный мечтатель» совершенно вскружилъ ему голову. Не долго раздумывая, онъ побѣдоносно пробрался сквозь густую толпу, наполнившую сѣни театра и вышелъ на площадь, гдѣ дѣйствительно замѣтилъ стоявшую въ сторонѣ отъ другихъ экипажей карету.

Слуга, одѣтый въ черную ливрею, стоялъ у дверцы. При приближеніи офицера онъ отворилъ ее, подножка опустилась и молодой человѣкъ безъ дальнихъ разсужденій вскочилъ въ карету.

Какъ только дверцы захлопнулись, молодой офицеръ почувствовалъ, что несется къ неизбежному, увлекаемый какою то неизвестною цѣлью—его охватило странное невыразимое ошущеніе. Тысячи смутныхъ волненій поочередно смѣнялись въ его душѣ: безпокойное любопытство, раскаяніе въ легкомысліи, радостная жажда предстоящей любви, которая во всякомъ случаѣ не могла представляться особенно мрачною, такъ какъ была возвѣщена такими прелестными ручками и такою обольстительною улыбкою.

Была минута, когда ему приходила въ голову тревожная мысль; онъ читалъ французскіе романы, гдѣ герой женскими интригами вовлекался въ водоворотъ политическихъ дѣйствъ и подобно ему вдругъ похищался въ каретѣ, запертой на замокъ.

Онъ поторопился спустить оконное стекло.

Оно очень легко дѣйствовало на пружинахъ. Дверцы тоже свободно отворялись.

Случилось то, что обыкновенно случается всегда: видя, что есть возможность уйдти, онъ даже не рѣшился попробовать.

Онъ началъ смотрѣть по сторонамъ, на окружающую мѣстность, хотя ему, который только утромъ въ первый разъ въ жизни прибылъ въ столицу, эта мѣстность не могла объяснить ничего.

Ѣхали довольно долго. ПроѢхали мостъ. Вскорѣ прекратилась мостовая и колеса экипажа видимо врѣзывались въ рыхлую почву.

На дворѣ почти совершенно стемнѣло.

Кое гдѣ мелькавшіе огоньки въ окнахъ убогихъ строеній, указывали на существованіе людей въ проѣзжаемой мѣстности.

Карета повернула въ узкій переулокъ—тупикъ и остановилась у рѣшетки, за которой стоялъ небольшой, но изящный деревянный домикъ съ закрытыми на глухо ставнями.

Лакей спрыгнулъ съ козелъ. Отворилъ калитку рѣшетки и затѣмъ уже опустил подножку.

Въ то время, когда молодой человѣкъ выходилъ изъ экипажа, тотъ же лакей три раза стукнулъ въ парадную дверь домика и она безшумно отворилась.

Увлеченный таинственностью приключенія, молодой офицеръ не замѣтилъ, что при выходѣ его изъ театра вышелъ и неотступно слѣдившій за нимъ другой офицеръ и что другая большая шестимѣстная карета, запряженная четверкой лошадей на довольно значительномъ разстояніи ѣхала слѣдомъ за каретой, увозившей счастливаго избранника красивой брюнетки.

Когда первая карета повернула въ тупой переулокъ, вторая остановилась на углу.

Молодой человекъ, между тѣмъ, прошелъ въ сѣни, вступилъ въ маленькую, темную переднюю, устланную цыновками и наполненную цвѣтами; затѣмъ, слѣдуя по пятамъ вертлявой, хорошенькой горничной, очутился въ прелестномъ будуарѣ, меблированномъ въ греческомъ вкусѣ, съ обоями на греческій образецъ, освѣщенномъ алебастровою лампою, спускавшеюся съ середины потолка, и пропитанномъ тонкимъ запахомъ какого-то куренья, которое дымилось изъ жаровни, поставленной на бронзовомъ треножникѣ.

Начало предвѣщало многое.

Воображеніе юноши было польщено и очаровано.

Онъ сѣлъ или, лучше сказать, растянулся на изящной кушеткѣ, противъ камина, въ которомъ искрился блестящій огонекъ, примѣшивавшій свой свѣтъ къ свѣту лампы, и это двойное освѣщеніе распространялось отчасти и на самые отдаленные предметы.

Онъ обвелъ глазами всю изящную роскошь окружающей его обстановки и его взглядъ, прежде всего, остановился на одномъ предметѣ, котораго онъ сначала совсѣмъ не примѣтилъ: это была небольшая кровать, съ шелковыми занавѣсками, поддерживаемыми позолоченными фигурками амуровъ; настоящая кровать для кратковременнаго отдыха

какой-нибудь красавицы, внезапно застигнутой припадкомъ мигрени и желающей уединиться во что бы то ни стало.

— И такъ, этотъ будуаръ служить иногда и спальней!—мелькнуло въ головѣ молодого офицера и эта подробность показалась ему имѣющею нѣкоторое значеніе.

Между тѣмъ, хорошенькая горничная, впус-тивъ его въ комнату, тихонько удалилась, почти не взглянувъ на него и лишь сдѣлавъ отрывистое движеніе, видимо означавшее: сидите и ждите.

Онъ и сталъ ожидать, рассматривая окружающіе его предметы.

Вдругъ онъ вздрогнулъ.

Со стѣны, противоположной той, у которой стояла заинтересовавшая его кровать, глядѣлъ на него изъ массивной золотой рамы презрительно властный, знакомый въ то время всей Россіи, взглядъ голубыхъ глазъ.

Съ большаго, прекрасно нарисованнаго маслянными красками портрета смотрѣлъ на него какъ живой свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ - Тавриче-скій.

Молодой человѣкъ задрожалъ.

Кромѣ вообще въ то время магической си-лы этого имени, съ нимъ у сидѣвшаго въ изящномъ будуарѣ прелестной незнакомки

офицера были особья, личные, таинственные связи.

По желанію свѣтлѣйшаго князя онъ съ поля военныхъ дѣйствій изъ армейскаго полка былъ переведенъ въ гвардію и посланъ въ Петербургъ.

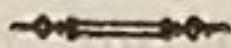
Пріѣхавъ сегодня утромъ, онъ не замедлилъ явиться въ Таврическій дворецъ, но пріемъ его свѣтлѣйшимъ былъ отложенъ до завтра.

— Пусть погуляетъ, оглядится... — вынесъ ему милостивое слово князя докладывавшій о немъ адъютантъ.

Онъ воспользовался этимъ и поѣхалъ въ театръ.

— И вотъ...

Все это мгновенно пронеслось въ отуманенной головѣ вытянувшагося въ струнку передъ портретомъ всесильнаго Потемкина молодого офицера.

II.

Д в о й н и к ъ.

Явственно донесшійся до молодого человека разговоръ изъ сосѣдней комнаты, отдѣленной отъ будуара, видимо, лишь тонкою перегородкою, вывелъ его изъ оцѣпененія.

— Катя, онъ еще тамъ?

— Да, Калисфенія Николаевна, вотъ уже съ часъ какъ онъ ждетъ, хорошо еще, что я затопила каминъ.

— Я не виновата... Меня задержали въ театрѣ... Какъ нарочно явились на поклонъ... и я уѣхала почти послѣдняя... А знаешь, съ моей стороны это ужасная смѣлость... Что если узнаетъ князь...

Молодой человѣкъ инстинктивно посмотрѣлъ на портретъ.

— Но онъ такой прелестный, и къ тому же еще никого я такъ страстно не любила.. вотъ мое единственное извиненіе...—продолжалъ голосъ.

— Неужели я такъ прелестенъ?—самодовольно подумалъ молодой офицеръ.

— Послушай, Катя, мнѣ надоѣло ждать... Убери здѣсь все, я переодѣнусь сама, и приведи его сюда.

Онъ мигомъ вскочилъ. Сердце его сильно билось.

Нельзя не сознаться, что положеніе его было, дѣйствительно, довольно щекотливое.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ дверямъ изъ за которыхъ слышались голоса.

Они отворились. На ихъ порогъ показалась Катя, и посторонившись пропустила молодого человѣка.

Онъ храбро вошелъ въ другую комнату.

Въ изящномъ кабинетѣ, отдѣланномъ точно также въ греческомъ вкусѣ, передъ туалетомъ, на которомъ стояло зеркало поддерживаемое двумя бронзовыми лебедями съ золочеными головками, сидѣла прелестная незнакомка и снимала съ головы какой то уборъ.

Замѣтивъ отраженіе вошедшаго въ зеркалѣ, она вскочила и бросилась къ нему съ легкостью газели.

Онъ почувствовалъ страстныя, благоухающія объятія, кровь бросилась ему въ голову; потомъ вдругъ, порывистымъ, нервнымъ, неожиданнымъ, необъяснимымъ движеніемъ, онъ былъ отброшенъ, чуть не опрокинутъ, — отброшенъ этою прелестною женщиною, которой знойное дыханіе онъ еще чувствовалъ на своемъ лицѣ.

— Боже мой! — воскликнула она съ неподдѣльнымъ выраженіемъ удивленія и ужаса и упала навзничъ на стоявшій вблизи диванъ.

На крикъ своей барыни въ кабинетъ вбѣжала Катя и, ничего не понимая въ происшедшемъ, съ недоумѣніемъ глядѣла на обоихъ, какъ бы спрашивая, что это значитъ?

— Боже мой! — вскричала она въ свою очередь.

— Но, что все это значитъ? — воскликнулъ

наконецъ, придя въ себя, молодой человѣкъ, задыхаясь отъ волненія.

— Я... Я ничего не могу сказать... но навѣрное это не вы.

— Какъ это... не я?

— Вамъ лучше знать...

— Знать! Да вѣдь тутъ легко сойти съ ума. Что это, комедія или мистификація?

Въ эту минуту прелестная хозяйка сдѣлала жестъ своей горничной и та поспѣшила къ ней.

Объ женщины съ минуту разговаривали шепотомъ.

— Ради Бога,—обратилась Катя къ молодому офицеру:—войдите туда.

Она указала ему рукой на дверь будуара.

Потерянный, ошеломленный всѣмъ, что случилось съ нимъ въ этотъ вечеръ, онъ машинально повиновался и вошелъ въ будуаръ!

За нимъ послышался звукъ запираемаго замка.

Совершенно уничтоженный молодой человѣкъ упалъ на кушетку.

Прошло нѣсколько минутъ и онъ не успѣлъ еще привести въ порядокъ своихъ мыслей выдѣлить ихъ изъ того хаоса, въ который онъ были погружены и придать имъ нѣкоторую стройность, послѣдовательность и опредѣленность, какъ въ кабинетѣ снова заговори-

ли, вѣроятно не подозрѣвая, что перегородка была черезъ-чуръ тонка.

— Какое ужасное приключеніе! Какъ я несчастна! Какое необычайное сходство... Что дѣлать? Я теряю голову! Какъ выпроводить его отсюда... Теперь уже ночь...—говорила барыня.

— Успокойтесь, Калисфенія Николаевна, я сейчасъ поговорю съ нимъ... И что же, что теперь ночь... Онъ не маленкій... офицеръ,—отвѣчала горничная.

— Подожди... не лучше-ли написать ему нѣсколько извинительныхъ словъ... Вѣдь онъ, кажется, молодъ, въ немъ должна быть известная доля деликатности; онъ не захочетъ съ досады погубить меня, да и къ тому же, на самомъ дѣлѣ, издали можно было ошибиться...

— Еще бы, я, первая, попалась бы въ просякъ; но все равно,—издали или вблизи, это совсѣмъ не одно и тоже...

— Увы! Я сама очень хорошо вижу! А этотъ? Гдѣ же онъ и что онъ подумаетъ!

— И такъ это была ошибка!—съ отчаяніемъ подумалъ молодой человѣкъ и вскочилъ съ кушетки.

Взглядъ его упалъ на портретъ свѣтлѣйшаго.

Онъ, казалось ему, насмѣшливо улыбался.

Вошла Катя, держа въ рукахъ записку. Она была написана наскоро, безъ подписи и заключала въ себѣ слѣдующее:

«Простите ли вы меня за ночное путешествіе, которое я совершенно невольно заставила васъ совершить, и за то, которое вамъ еще предстоитъ? Ваше сходство съ однимъ изъ моихъ родственниковъ, который долженъ былъ сегодня пріѣхать ко мнѣ, сдѣлало все это. Мое непростительное легкомысліе довершило остальное. Умоляю васъ, забудьте все, но особенно не сердитесь на меня за неприятность, которую я вамъ сдѣлала. Клянусь вамъ, что для меня это гораздо хуже, нежели для васъ—и вы должны мнѣ повѣрить».

— Я сейчасъ выпущу васъ, только достану ключи!—сказала Катя и вышла.

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать на прочтенную записку нѣсколькими словами исполненными чувства оскорбленнаго достоинства и началъ искать перо и чернила на письменномъ столѣ. Вдругъ ему попался подъ руку небольшой бархатный футляръ.

Инстинктивно онъ открылъ его.

Въ немъ оказался портретъ-миніатюръ.

Молодой человѣкъ остолбенѣлъ. Это былъ его собственный портретъ, или же портретъ его двойника.

На немъ былъ изображенъ гвардейскій офицеръ, черты котораго были страннымъ образомъ поразительно похожи на его собственные, въ чемъ онъ могъ какъ нельзя лучше удостовѣриться, приблизившись къ большому зеркалу.

Тотъ же овалъ, тѣ же линіи, но съ нѣкоторыми оттѣнками, которые, впрочемъ, было весьма трудно замѣтить.

Онъ въ недоумѣніи положилъ портретъ обратно и безпомощно обвелъ глазами будуаръ.

Взглядъ его снова остановился на портретѣ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго.

Ему снова показалось, что этотъ всесильный красавецъ насмѣшливо улыбается углами своего надменнаго рта.

— Пожалуйте!—вывела изъ столбняка молодого человѣка вошедшая съ ключемъ Катя.

Онъ машинально послѣдовалъ за нею.

Насмѣшливый взглядъ Потемкина, казалось, провожалъ его, онъ чувствовалъ его на себѣ.

Катя вывела его изъ подъѣзда и проводила до калитки, которую и заперла за нимъ.

Молодой человѣкъ очутился одинъ среди темнаго и пустыннаго переулка.

Онъ на минуту остановился, какъ бы для того, чтобы собраться съ мыслями, затѣмъ

твёрдою походкою пошелъ по деревяннымъ доскамъ, замѣняющимъ тротуаръ.

Онъ рѣшилъ идти на угадъ, такъ какъ совершенно не зналъ ни мѣстности, гдѣ онъ находится, да впрочемъ и это знаніе мало бы помогло ему, такъ какъ, какъ уже извѣстно читателямъ, онъ былъ въ Петербургѣ первый день.

— Будь, что будетъ! Я проброжу по улицамъ до утра, а тамъ сироту дорогу въ городъ, на Ямскую...—думалъ онъ

Не успѣлъ онъ сдѣлать однако и двадцати шаговъ, какъ двое людей загородили ему дорогу и передъ нимъ выросла какая то черная масса, оказавшаяся каретой, запряженной четверкой.

— Князь Святозаровъ, именемъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, прошу васъ слѣдовать за мной!—сказалъ грудной пріятный голосъ.

— Князь Святозаровъ! Вы ошиблись, господа!—сказалъ молодой человѣкъ, придя въ себя отъ неожиданности встрѣчи.

— Ваши уловки не помогутъ.. Намъ извѣстно, что вы князь Святозаровъ и его свѣтлость требуетъ васъ къ себѣ...

— Повторяю, господа, вы ошибаетесь, моя фамилья Петровскій, Владиміръ Андреевичъ...—возразилъ было молодой человѣкъ.

— Повторяю, что мы освѣдомлены лучше васъ... Не заставляйте, г. офицеръ, совершать надъ вами насиліе офицеру, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, прошу васъ безотговорочно садиться въ карету.

Одинъ изъ стоявшихъ передъ нимъ вынулъ изъ подъ полы шинели потайной фонарь и освѣтилъ его и себя.

Нашъ ночной путешественникъ дѣйствительно увидѣлъ передъ собою человека въ военной формѣ жестомъ приглашавшаго его въ открытую дверцу кареты, у которой стоялъ ливрейный лакей.

— Именемъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича прошу васъ, ваше сіятельство.

Молодой человекъ послушно взобрался на подножку и скорѣе упалъ, нежели сѣлъ въ уголъ кареты. За нимъ вошелъ его спутникъ и усѣлся рядомъ.

Подножку подняли, дверца захлопнулась и карета покатилась по рыхлой немощеной улицѣ.

Несчастный молодой человекъ нѣкоторое время сидѣлъ съ закрытыми глазами, безъ думъ, безъ мыслей.

Приключеніе перваго вечера въ столицѣ сбило его окончательно съ толку.

Экипажъ выѣхалъ на замощенныя улицы

и шумъ колесъ о камни вывелъ его изъ оцѣпененія. Не открывая глазъ, онъ началъ соображать.

Кто этотъ князь Святозаровъ, за котораго его принимаютъ?

Не тотъ ли, который изображенъ тамъ на миниатюрѣ и сходство съ которымъ заставило его совершить это ночное путешествіе на окраину города, пережить столько сладостныхъ надеждъ и такое горькое разочарованіе.

За этимъ княземъ Святозаровымъ слѣдять по приказанію свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, портретъ котораго красуется на видномъ мѣстѣ въ этомъ волшебномъ будуарѣ-спальнѣ.

Въ этомъ должна быть несомнѣнная связь!

Мысли молодого человека перенеслись на князя Потемкина, котораго онъ видѣлъ лишь издали, но который игралъ несомнѣнно какую-то роль въ его судьбѣ.

Владиміръ Андреевичъ припомнилъ свое дѣтство въ Смоленскѣ, въ домѣ родственниковъ свѣтлѣйшаго. Онъ былъ воспитанникомъ-пріемышемъ. Кто были его родители онъ не зналъ. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Москву въ университетскую гимназію, откуда вышелъ въ военную службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и прямо отправился

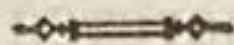
на театръ войны съ Турціей. Неожиданно съ мѣсяцъ съ два тому назадъ онъ былъ отозванъ и изъ своего полка переведенъ въ гвардію съ командировкою въ Петербургъ въ распоряженіе свѣтлѣйшаго князя, генераль-фельд-маршала.

Что могло все это значить?

Эти вопросы жгли мозгъ молодаго человѣка, но, увы, оставались безъ отвѣта.

Вдругъ карета остановилась.

Владиміръ Андреевичъ открылъ глаза и, не смотря на темноту, различилъ изъ окна кареты величественное зданіе Таврическаго дворца.

III.

Въ Таврическомъ дворцѣ.

Таврическій дворецъ, одинъ изъ многочисленныхъ памятниковъ блестящаго царствованія Екатерины II, до сихъ поръ почти въ неизмѣненномъ видѣ сохранившійся на Воскресенскомъ проспектѣ, съ тѣмъ же обширнымъ садомъ, прудами, островками, каскадами и бесѣдками, два раза во время жизни свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго находился въ его владѣніи.

Первоначально онъ былъ построенъ княземъ въ видѣ небольшого домика, но послѣ присоединенія Крыма, по приказанію императрицы, архитекторъ Старовъ на мѣстѣ прежняго дома построилъ роскошный дворецъ на подобіе Пантеона.

Императрица назвала его Таврическимъ и подарила великолѣпному «князю Тавриды», какъ называли тогда не только въ Россіи, но въ Европѣ увѣнчаннаго лаврами военныхъ побѣдъ Потемкина.

Главное зданіе дворца было вышиной около шести сажень, съ высокимъ куполомъ и перистилемъ изъ шести колоннъ, поддерживающихъ фронтонъ.

Къ обѣимъ сторонамъ дворца пристроены флигеля, выведенные до самой улицы. Обширная площадь передъ дворцомъ ограждена невысокою чугунною рѣшеткою.

Внутреннее расположеніе дворца, вмѣстѣ съ пространствомъ между обоими флигелями, представляетъ одну огромную залу, въ серединѣ освѣщенную окномъ, сдѣланнымъ въ куполѣ; два ряда колоннъ придаютъ залѣ необыкновенно величественный видъ.

Въ одной сторонѣ залы разставлены мраморныя статуи, на другой сторонѣ зимній садъ.

Вскорѣ, однако, князь Потемкинъ продалъ

этотъ дворецъ императрицѣ Екатеринѣ II за 460.000 р.

Незадолго же до начала нашего разсказа, а именно въ февралѣ, 1791 года, императрица снова подарила этотъ дворецъ князю Григорію Александровичу, въ числѣ многочисленныхъ милостей и наградъ, которыми она осыпала его прибывшаго изъ Яссъ съ новыми побѣдными лаврами.

Въ тотъ самый день и часъ, когда знакомый уже намъ, Владиміръ Андреевичъ Петровскій, только что прибывшій въ Петербургъ и явившійся къ свѣтлѣйшему, но не допущенный къ нему и получившій черезъ адъютанта милостивое «пусть погуляетъ» началъ въ Петербургѣ такъ печально окончившіяся столичные походы, самъ Григорій Александровичъ готовился къ выѣзду во дворецъ.

Высокій, пожилой—Потемкину въ то время перевалило за пятьдесятъ—широкоплечій богатырь, въ яркомъ мундирѣ обшитомъ сплошь золотымъ шитьемъ, съ широкой грудью, покрытой рядомъ звѣздъ и крестовъ русскихъ и иноземныхъ, онъ ужъ вышелъ изъ кабинета.

Всякій, видавшій свѣтлѣйшаго въ первый разъ, невольно преклонялся передъ этимъ совершенствомъ человѣческой тѣлесной красо-

ты: продолговатое красивое бѣлое лицо, правильный носъ, высоконачерченные брови, и голубые глаза, небольшой ротъ съ пріятной улыбкой и круглый подбородокъ съ ямочкой.

Лѣвый окривѣвшій глазъ былъ неподвиженъ и являлся рѣзкимъ контрастомъ съ правымъ, полнымъ жизни, свѣтлымъ, зоркимъ и нѣсколько разсѣяннымъ.

Князь окривѣлъ въ началѣ своей придворной карьеры по милости тогдашняго всезнайки фельдшера академіи художествъ «Ерофеича», изобрѣтателя извѣстной настойки, приложившаго къ больному глазу Григорія Александровича какую-то примочку.

На князя потеря глаза до того сильно подействовала, что онъ удалился въ Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ рясу и сталъ готовиться къ поступленію въ монашество.

Его спасли прозорливость и доброта императрицы.

Она сама лично навѣстила его и уговорила возвратиться въ міръ.

— Тебѣ не архіереемъ быть, ихъ у меня довольно, а Потемкинъ одинъ, и ждетъ его иная стезя.

Предсказаніе монархини сбылось.

«Свѣтлѣйшій» шелъ уже къ парадной лѣстницѣ своей неуклюжей, перевалистой по-

ходкой, простой, не сановитой и не дѣланной, производившей особое впечатлѣніе.

«Весь залитый золотомъ, да орденами и регаліями; въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и алмазахъ—и такъ шагаетъ по-медвѣжьи»,—говорили современники.

Ряды придворныхъ «свѣтлѣйшаго», блестящей живой изгородью, тянулись отъ зала до подъѣзда.

Князя сопровождалъ его приближенный секретарь Василій Степановичъ Поповъ.

Это былъ подвижной человекъ, лѣтъ сорока семи, средняго роста, съ добродушно-хитрымъ татарскимъ выраженіемъ лица. Уроженецъ Казани, онъ учился въ тамошней гимназій и началъ службу въ канцеляріи графа Панина, въ первую турецкую войну, перешелъ потомъ къ московскому главнокомандующему князю Долгорукову-Крымскому, который назначилъ его правителемъ своей канцеляріи и выхлопоталъ чинъ премьеръ-майора,

По смерти Долгорукова, Поповъ, успѣвшій сдѣлаться извѣстнымъ Потемкину, какъ способный, трудолюбивый и дѣятельный чиновникъ, былъ взятъ имъ въ правители своей канцеляріи и скоро снискалъ неограниченное довѣріе князя.

Ко времени нашего разсказа онъ уже былъ

генераль-маіоромъ и кавалеромъ орденовъ до Владиміра 1-й степени включительно.

Рядъ придворныхъ почтительно преклонялся предъ шедшимъ властелиномъ, который былъ, видимо, въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, но всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на голову вельможи.

Голова эта была свѣтлорүсая, въ природныхъ завиткахъ, безъ пудры, которая считалась необходимой при дворѣ.

Этимъ-то и объяснялось недоумѣніе окружающихъ.

Никто не рѣшился, однако, замѣтить объ этомъ свѣтлѣйшему.

Одинъ изъ стоявшихъ адъютантовъ князя шепнулъ на ходу объ этомъ Попову.

— Ваша свѣтлость, — обратился къ нему Василій Степановичъ, ранѣе не обратившій вниманія на несовершенство туалета «свѣтлѣйшаго», — ваша свѣтлость! На васъ чего то не достаетъ.

Потемкинъ быстро взглянулъ въ зеркало и отвѣчалъ:

— Правда твоя, недостаетъ «шапки»!

Сказавъ это, князь уже при входѣ въ подъѣздъ, вдругъ круто повернулъ обратно и среди недоумѣвающихъ придворныхъ вернулся въ свой кабинетъ.

Видъ его былъ мраченъ, добродушно-весе-

лая улыбка безслѣдно пропала съ его красивыхъ губъ.

Князь захандрилъ.

Вошедши въ кабинетъ, онъ грузно опустился въ кресло. Василій Степановичъ и нѣсколько адъютантовъ вошли вслѣдъ за нимъ и стали въ почтительномъ отдаленіи.

У всѣхъ на умѣ было одно:

— Начинается!

Дѣйствительно начиналось.

Начинались дни, иногда даже недѣли, когда князь запирался въ свою комнату и ложился на диванъ, небритый, немытый, растрепанный, сгорбленный, въ поношенномъ халатѣ и въ утреннихъ туфляхъ на босу ногу.

Самъ князь чувствовалъ приближеніе этихъ дней. Достаточно было малѣйшей незначительной причины, чтобы ускорять ихъ приближеніе.

— Подступаетъ! Идетъ! — говорилъ онъ самъ себѣ еще будучи на ногахъ и въ сравнительно хорошемъ настроеніи духа.

— Пришло! Захватило! — рѣшалъ онъ мрачно, уже лежа на диванѣ.

Болѣзни этой не понимали не только окружающіе «свѣтлѣйшаго», но и онъ самъ. Завистники объясняли ее придворными неудачами самолюбиваго вельможи или, по просту,

народнымъ опредѣленіемъ: «съ жиру бѣсится».

Но это была, очевидно, болѣзнь сильная, давнишняя, съ юныхъ лѣтъ. Это была болѣзнь душевная, а не тѣлесная.

Къ ней, впрочемъ, примѣшивались иногда недомоганья и слабость. Болѣзнь эта являлась, какъ лихорадка, періодически и держала больного иногда три, четыре дня, иногда болѣе недѣли.

Припадки бывали то сильные, то слабые.

— Кофею! — произнесъ князь.

Адъютантъ князя Бауръ бросился отдать приказаніе метръ д'отелю.

Бауръ былъ любимый адъютантъ князя которому онъ давалъ серьезные и щекотливыя порученія.

Въ 1788 году во Франціи разгорѣлась революція.

Свѣтлѣйшій, зорко слѣдившій изъ своего очаковского лагеря за ходомъ европейской политики, нашелъ необходимымъ, въ виду предстоящихъ событій, достать изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя важныя бумаги, касавшіяся Россіи.

Онъ призвалъ Баура и велѣлъ ему взять подорожную и скакать въ Парижъ за модными башмаками для Прасковьи Андреевны По-

темкиной, жены его двоюроднаго брата, впоследствии графа, Павла Сергѣевича.

Вѣсть объ этомъ облетѣла весь лагерь и возбудила толки и пересуды.

— Вотъ причудники! Въ Сибирь посылаетъ за огурцами, въ Калугу—за тѣстомъ, въ Парижъ—за башмаками!—толковали въ офицерскихъ землянкахъ.

Григорій Александровичъ, между тѣмъ, сунулъ въ дорожную сумку Баура пакетъ на имя одного изъ парижскихъ банкировъ и нѣсколько секретныхъ писемъ къ кое кому въ Парижъ, обнялъ его и отпустилъ шутя и смѣясь.

По приѣздѣ въ Парижъ, Бауръ вручилъ пакетъ и письма по адресамъ, а самъ пустился по всѣмъ моднымъ лавкамъ заказывать башмаки «pour madame Potemkin».

Князь зналъ, кого куда посылать и кому что поручить.

На другой день весь Парижъ толковалъ уже о странной фантазіи русскаго вельможи—прислать своего адъютанта въ столицу Франціи за парой башмаковъ.

По этому поводу былъ даже сочиненъ и поставленъ на сцену водевиль.

Но въ то время, когда парижане занимались разговорами о чудачествахъ князя, банкиръ отсчиталъ одной дамѣ шестьдесятъ ты-

сячь червонцевъ за то, чтобы она выкрала изъ бюро страстно влюбленнаго въ нее министра «извѣстныя бумаги».

Золото сдѣлало свое дѣло—бумаги очутились въ рукахъ Баура, а золото у корыстолюбивой сильфиды.

Первый досталъ модные башмаки, положилъ въ карманъ бумаги и внезапно исчезъ изъ Парижа.

Обожатель сильфиды хватился пропажи, но было поздно—она была уже въ рукахъ Потемкина.

Таковъ былъ адъютантъ Бауръ, красивый мужчина, блондинъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

— Что же кофею?—съ нетерпѣніемъ повторилъ князь.

Всѣ присутствовавшіе по очереди спѣшили распорядиться о скорѣйшемъ удовлетвореніи желанія свѣтлѣйшаго.

— Когда же кофей?—мрачно продолжалъ повторять Потемкинъ.

Наконецъ дымящійся душистый напитокъ въ большой чашкѣ севрскаго фарфора на золотомъ подносѣ былъ принесенъ и поставленъ передъ Григоріемъ Александровичемъ.

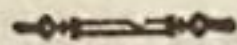
Послѣдній до него не дотронулся. Онъ сердито отодвинулъ подносъ и всталъ.

— Не надобно! Я только хотѣлъ чегонибудь ожидать, но и тутъ меня лишили этого удовольствія.

И князь, низко опустивъ голову, удалился въ смежную съ кабинетомъ комнату, служившей ему уборной—разоблачаться.

— Начинается! — снова промелькнуло въ умахъ присутствующихъ.

Всѣ на цыпочкахъ вышли изъ кабинета и разбрелись по обширнымъ апартаментамъ дворца.

IV.

Князь хандрить.

Князь захандрилъ.

Все во дворцѣ затихло, какъ бы замерло.

Все ходило неслышной походкой, говорило шепотомъ, не смотря на то, что свѣтлѣйшій находился въ самой отдаленной комнатѣ дворца.

Въ комнатѣ этой, обитой сѣрымъ ситцемъ, на огромной софѣ лежитъ неподвижно этотъ «баловень счастья» и смотритъ въ одну точку. Одѣтъ онъ въ атласный фіолетоваго цвѣта халатъ, съ разстегнутымъ на груди воротомъ рубашки. Золотой крестикъ съ двумя образками и ладонкой на шелковомъ шнуркѣ вы-

бились наружу и лежать поверхъ халата. Одна шитая золотомъ туфля лежитъ у босыхъ ногъ на софѣ, а другая валяется на полу.

Князь лежитъ неподвижно, лишь по временамъ тяжело вздыхаетъ и ворчитъ себѣ подъ носъ.

Изъ отрывистыхъ фразъ можно было заключить объ исходной точкѣ этого состоянія свѣтлѣйшаго.

— Что желалъ, къ чему стремился — все есть,.. Исполнены всѣ малѣйшіе помыслы, прихоти.. Чиновъ, хотѣлъ, орденовъ—имѣю.. денегъ... есть.. Деревни.. дома... есть.. Драгоцѣнности.. цѣлые сундуки.. Пирь, праздники.. давалъ и даю.. Всѣ планы.. всѣ страсти... все исполнилось .. а счастья,.. счастья.. нѣтъ... Всѣ удачи не покрываютъ... не залѣчатъ раны первой неудачи... Не залѣчатъ... никогда... никогда...—бормоталъ князь.

Тяжелые вздохи несчастнаго счастливца оглашали комнату.

Въ комнату, гдѣ лежалъ князь, имѣли доступъ только самые близкіе люди и благопріятель свѣтлѣйшаго, а изъ служащихъ — одинъ Василій Стенановичъ, навѣщавшій по временамъ князя и зорко слѣдившій за столомъ, на которомъ лежали бумага, каран-

дашь, прутикъ серебра, маленькая пилка и коробочка съ драгоцѣнными камнями разнаго цвѣта и вида.

Когда князь о чемъ нибудь размышлялъ, то, чтобы не развлекаться и сосредоточить свои мысли на извѣстномъ предметѣ, онъ бралъ въ руки два драгоцѣнныхъ камня и теръ ихъ одинъ объ другой, или же обтачивалъ пилочкой серебро, или, наконецъ, раскладывалъ камни разными фигурами и любовался ихъ игрою и блескомъ.

Что въ это время созрѣвало въ его умѣ, онъ тотчасъ же записывалъ на приготовленной бумагѣ и потомъ, отворивъ дверь, звалъ Попова и отдавалъ приказанія.

Такая бумага съ карандашемъ, коробочка съ драгоцѣнными камнями, серебряный прутикъ и пилочкой лежали на письменномъ столѣ кабинета свѣтлѣйшаго.

Бумага и карандашъ клались и на игральный столъ въ то время, когда князь игралъ въ карты, такъ какъ Потемкинъ и въ этомъ занятіи не оставался празднымъ и, часто прерывая игру, записывалъ то, что приходило ему въ голову. Во время игры въ комнату нѣсколько разъ входилъ Поповъ, становился за стуломъ князя и какъ только замѣчалъ, что бумага отодвинута, тотчасъ бралъ ее и спѣшилъ привести въ исполненіе написанное.

Впрочемъ, во время припадковъ князь рѣдко бралъ въ руки лежавшій на столѣ карандашъ, а если это случалось, то было уже вѣрнымъ признакомъ выздоровленія.

Въ описываемый нами день до поздняго вечера бумага была нетронутой.

Князь продолжалъ лежать неподвижно. Даже принесенныя кушанья убирались назадъ нетронутыми.

Припадокъ княжеской хандры былъ, видимо, сильнѣе обыкновеннаго.

Понятно, что отсутствіе пудры на головѣ, видимая причина начала припадка, была только той каплей, которая переполнила сосудъ. Начало непонятныхъ припадковъ нелюдимости, доходившей до болѣзненнаго состоянія, надо искать въ болѣе отдаленномъ отъ описываемаго нами времени жизни Григорія Александровича Потемкина.

Недаромъ онъ часто повторялъ непонятную ни для кого изъ даже близкихъ ему людей фразу:

— Всѣ удачи не покроютъ... не залѣчатъ ранъ первой неудачи... Не залѣчатъ... никогда... никогда...

Былъ первый часъ ночи, когда Василій Степановичъ, во время припадковъ хандры свѣтлѣйшаго проводившій ночи почти безъ

сна и не раздѣваясь, вышелъ изъ кабинета князя.

На встрѣчу ему быстро шелъ Бауръ.

— Наконецъ я его накрылъ...—съ нескрываемой радостью началъ онъ.—Что свѣтлѣйшій?

— Лежить... Но кого же вы накрыли?...

— Князя Святозарова.

Поповъ отступилъ и удивленно окинулъ взглядомъ говорившаго.

— Вы знаете?

— Что?

— Онъ умеръ.

— Кто?

— Князь Василій Андреевичъ Святозаровъ.

— Онъ здѣсь, живехонекъ... и здоровехонекъ.

— Послушайте... это что-нибудь да не такъ; не далѣе какъ нѣсколько часовъ тому назадъ я получилъ офиціальное донесеніе о смерти князя, убитаго на дуэли, въ домѣ его родителей. Княгиня Зинаида Сергѣевна была здѣсь не болѣе какъ съ часъ времени, желала видѣть свѣтлѣйшаго и просить какънибудь затушить это дѣло... Она пріѣхала прямо отъ только что охладѣвшаго трупа сына, горе ея не поддается описанію...

Бауръ, въ свою очередь, отступивъ шага

на два назадъ, во всѣ глаза удивленно смотрѣлъ на Попова.

— Кого же я привезъ... Я взялъ его тамъ...

— Гдѣ?

— На Васильевскомъ.

— А!

— Онъ вышелъ отъ нее, пріѣхавши къ ней изъ театра... Я видѣлъ его въ театрѣ и не могъ ошибиться... Это онъ... Исполняя порученіе свѣтлѣйшаго, я привезъ его прямо сюда... Вы развѣ не знаете, что свѣтлѣйшій пригрозилъ ему, что если онъ еще разъ будетъ у ней, онъ его на ней женить, а мнѣ поручилъ слѣдить за нимъ... Молодой князь, казалось, образумился и, боясь исполненія угрозы, оборвалъ связь... но сегодня изъ театра видимо не выдержалъ и, получивъ отъ нея записку, помчался... а я за нимъ... Прождалъ я, пока они тамъ амурились, и захватилъ его... при выходѣ...

— Поздравляю... значитъ вы поймали не того... это, конечно, вамъ дѣлаетъ честь, потому что мертваго привезти было легче,— улыбаясь замѣтилъ Поповъ.

— Повторяю вамъ, я ошибиться не могъ...

— Однако, ошиблись... Не могла же ошибиться мать, пріѣхавшая прямо отъ трупа своего единственнаго сына...

— Позвольте... Онъ тоже увѣрялъ меня, что

я ошибаюсь и называлъ себя Петровскимъ...

— Теперь я понимаю... Вы правы... Онъ на самомъ дѣлѣ поразительно похожъ на Святозарова... Я видѣлъ его сегодня утромъ, когда онъ явился къ свѣтлѣйшему.

— Вотъ такъ дѣла! — развелъ руками Бауръ.

— Да, дружище... На всякую старуху бываетъ проруха... Это не парижскіе башмаки... Тутъ самъ чортъ не разберетъ, какъ перепутано... Свѣтлѣйшій, видимо, покровительствуетъ этому Петровскому и это покровительство имѣетъ какое-то отношеніе къ княгинѣ Святозаровой...

— Откуда вы это знаете?

— Знать не знаю ни откуда, а догадываюсь, глазъ у меня наметанъ сталъ на службѣ у его свѣтлости...

— Что же теперь дѣлать... Надо все же доложить князю...

— Объ этомъ нечего и думать... Я было доложилъ ему о смерти князя Святозарова, такъ и самъ не радъ былъ.

— А что?

— Да понесъ такую околесину, что хотъ святыхъ выноси... О небесномъ возмездіи, геенѣ огненной... о своемъ навсегда разрушенномъ счастьи, да и объ этомъ Петровскомъ, кстати.

— Вотъ оно что!

— Вскочилъ на софѣ и присѣлъ даже, какъ я ему сказалъ, а потомъ снова легъ, лицомъ къ стѣнѣ отвернулся и точно умеръ... Четвертый разъ послѣ этого къ нему вхожу — не шелохнется.

— Какъ же быть?

— Ахъ, Бауръ, Бауръ, точно это вамъ въ первый разъ... надо выждать... А арестанта вашего, за безпокойство, угостите-ка ужиномъ, я самъ не прочь закусить, обѣдалъ наскоро, какъ всегда, когда бѣда эта стрясется съ свѣтлѣйшимъ...

— Хорошая мысль, Василій Степановичъ, прекрасная мысль... Можетъ быть, вино развяжетъ этому Петровскому языкъ и мы узнаемъ что нибудь интересное... Пойдемте.

— Да вы куда его упрятали?

— Ужъ и упряталъ... У меня въ комнатахъ.. Какъ гость, честь честью...

— То-то... а то неровенъ часъ... намъ самимъ головы свернетъ...

— Вы что-то нынче, Василій Степановичъ, все загадки задаете...

— Да развѣ наша съ вами здѣсь жизнь — не сплошная загадка?..

— Пожалуй, и правда... — потряхнулъ Бауръ своей бѣлокурой головой.

Они оба отправились въ помѣщеніе Баура, жившаго въ Таврическомъ дворцѣ.

Владиміръ Андреевичъ Петровскій задумчиво сидѣлъ въ креслѣ кабинета любимаго адъютанта свѣтлѣйшаго и, казалось, не перемѣнилъ позы съ момента ухода послѣдняго съ докладомъ о немъ князю.

— Вотъ тебѣ и карьера, вотъ тебѣ и мечты о покровительствѣ всесильнаго, о придворной жизни, красавицахъ...—думалъ совершенно упавшій духомъ молодой человекъ:—Красавицы!—онъ вспомнилъ коварную брюнетку и ея жгучій поцѣлуй.— Попуталъ бѣсъ, въ какую попался кашу; можетъ, всю жизнь придется расхлебывать...— пронеслось у него въ головѣ.

Онъ чутко прислушивался къ царившей во дворцѣ тишинѣ. Малѣйшій шорохъ заставлялъ его нервно вздрагивать.

Вдругъ отворилась дверь и въ комнату вошли Поповъ и Бауръ.

— Что повѣсилъ голову, камрадъ, — дружески ласковымъ тономъ заговорилъ послѣдній.—И впрямь подумалъ, что его привезли подъ гнѣвъ свѣтлѣйшаго... На посѣщеніе красотокъ вечерней порой у насъ его свѣтлость не гнѣвается; самъ грѣшитъ и людямъ прощаетъ...

Петровскій всталъ и съ нескрываемымъ

удивленіемъ смотрѣлъ на Баура и слушалъ совершенно измѣнившійся тонъ его голоса.

Бауръ ни мало не смущенный представилъ его Попову.

— Однако, у меня отъ этой отдаленной прогулки разыгрался аппетитъ, я чаю и вы тоже проголодались? — обратился онъ къ Владиміру Андреевичу. — Ужинъ теперь будетъ очень кстати.

Онъ вышелъ распорядиться.

Петровскій и Поповъ остались одни.

Послѣдній заговорилъ о Нетербургѣ, спрашивалъ о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на молодого человека, и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Свѣтлѣйшій-то завтра приказалъ вамъ явиться, но едва ли представленіе состоится — онъ заболѣлъ...

— Опасно? — съ тревогой въ голосъ спросилъ Владиміръ Андреевичъ.

— Нѣтъ, но надо будетъ переждать нѣсколько дней...

— Идемте, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ! — сказалъ вошедшій Бауръ... — Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

Всѣ трое перешли въ сосѣдную комнату, въ которой былъ сервированъ роскошный и обильный ужинъ «потемкинской» кухни.

Невольный гость отдалъ должную честь

яствамъ и питьямъ, но надежды Баура не оправдались—онъ оказался очень сдержаннымъ на языкъ.

За ужиномъ рѣшено было, что онъ останется у Баура, а завтра пошлютъ за его пожитками на постоянный дворъ на Ямскую.

— Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!—подумалъ Бауръ, выслушавъ согласіе Петровскаго поселиться у него.

.

Свѣтлѣйшій продолжалъ лежать на софѣ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, неподвижно смотря въ одну точку на замысловатый рисунокъ ситца, которымъ были обиты стѣны.

Онъ былъ буквально пораженъ смертью молодаго князя Святозарова и посѣщеніемъ княгини.

Первая рана—рана незалечимая вскрылась.

Передъ нимъ неслись одно за другимъ воспоминанія юности.

V.

Юнссть Потемкина.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, впоследствии свѣтлѣйшій князь Таврическій, былъ сынъ небогатаго дворянина отставнаго

маіора Александра Васильевича Потемкина.

Онъ родился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1739 года, въ имѣніи своего отца, сельцѣ Чижевѣ, около Смоленска.

До двѣнадцатаго года онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ былъ отданъ въ смоленскую семинарію, такъ какъ въ Смоленскѣ въ то время не было свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1755 году открылся московскій университетъ и мать Потемкина (отецъ его умеръ въ 1746 году) опредѣлила сына въ учрежденную при немъ дворянскую гимназію, записавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ рейтаромъ.

Молодой Потемкинъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, отличался необыкновенною памятью, быстротою ума и чрезвычайнымъ честолюбіемъ, которое обнаруживалось во всѣхъ его поступкахъ.

— Хочу быть архіереемъ или министромъ! — говорилъ онъ еще въ бытность свою въ семинаріи.

Въ первое время по поступленіи въ гимназію Потемкинъ занимался очень прилежно, такъ что на другой же годъ получилъ за успѣхи въ наукахъ золотую медаль.

Въ 1757 году директоръ университета Меллисино отправился въ Петербургъ по дѣ-

ламъ службы и взялъ съ собою, для представленія куратору И. И. Шувалову, лучшихъ студентовъ и учениковъ гимназій.

Въ числѣ послѣднихъ находился и Потемкинъ.

Всѣ они черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ были потребованы во дворецъ.

Императрица Елизавета обошлась съ учениками весьма милостиво и, по ходатайству Шувалова, «для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества», пожаловала ихъ чинами съ оставленіемъ до окончанія курса въ университетъ.

Потемкинъ возвратился въ Москву съ чиномъ капрала и снова отдался своимъ любимымъ занятіямъ, т. е. книгамъ.

Онъ читалъ ихъ безъ разбора, всегда лежа въ постелѣ.

Одинъ изъ его товарищей Матвѣй Ивановичъ Афонинъ, въ послѣдствіи ординарный профессоръ московскаго университета, купилъ на послѣднія свои деньги исключительно для Потемкина только что вышедшую тогда въ свѣтъ и надѣлавшую много шума «Натуральную Исторію Бюффона».

Григорій Александровичъ взялъ книгу и такъ быстро пробѣжалъ все сочиненіе, что казалось только перелистовалъ ее.

Афонинъ, оскорбленный такимъ невнима-

ніемъ, не скрылъ отъ любимаго товарища своего неудовольствія, но былъ чрезвычайно удивленъ, когда послѣдній подробно передалъ ему содержаніе книги и доказалъ, что познакомился съ сочиненіемъ весьма основательно.

Другой пріятель Потемкина Ермилъ Ивановичъ Костровъ, впослѣдствіи не безъизвѣстный поэтъ и переводчикъ Илліады, далъ ему съ десятокъ томовъ самаго разнообразнаго содержанія.

Григорій Александровичъ возвратилъ ему ихъ черезъ нѣсколько дней.

— Да ты, братъ, видимо только полистовалъ страницы въ моихъ книгахъ — замѣтилъ удивленный Костровъ, — на почтовыхъ хорошо летѣть по дорогѣ, а книга не почтовая ѣзда.

— Пусть будетъ по твоему — отвѣчалъ Потемкинъ, — что я летѣлъ на почтовыхъ. А все-таки я прочиталъ твои книги отъ доски до доски; если не вѣришь, то изволь, профессорствуй: взбирайся на стулъ вмѣсто каѳедры, раскрой любую изъ своихъ книгъ и спрашивай громогласно, а я отвѣчу безъ запинки.

Оказалось на самомъ дѣлѣ, что Потемкинъ не только прочелъ книги, но вникъ въ каждое сочиненіе и твердо удержалъ въ памяти прочитанное.

Онъ пересказалъ пріятелю все, какъ заданный урокъ. Близость съ Афонинымъ, Костровымъ и особенно съ поэтомъ Василиемъ Петровичемъ Петровымъ, впоследствии переводчикомъ «Виргиліевой Энеиды» и «Потеряннаго рая» Мильтона, имѣла большое вліяніе на развитіе будущаго государственнаго человѣка.

Особенно въ благотворномъ смыслѣ повліялъ на Потемкина Петровъ.

Страстно любя греческую и латинскую словесность, Василій Петровичъ занимался ими съ молодымъ своимъ пріятелемъ, училъ его языку Гомера и переводилъ вмѣстѣ съ нимъ Илліаду.

Въ Григоріи Александровичѣ онъ нашелъ внимательнаго и любящаго предметъ ученика.

Вотъ какъ Петровъ охарактеризовалъ свои занятія съ Потемкинымъ:

Читать пѣвца Троянской брани
Быль, пишутъ, Александровъ вкусъ;
Какъ сотъ, Потемкина гортани
Пріятень стихъ любимца музъ.

Василій Петровичъ перечиталъ съ Потемкинымъ множество разнообразныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія. Благодаря этому же, Григорій Александровичъ впослед-

ствіи изумлялъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ познаній и былъ, по выраженію принца де-Линя, посланника при русскомъ дворѣ, «мудрецомъ безъ книгъ».

Григорій Александровичъ, увлеченный примѣрами пріятелей Кострова и Петрова, самъ писалъ стихи, и даже заслужилъ за это впоследствии стихотворную похвалу Василя Петровича:

Онъ безъ усилія успѣваетъ
Когда паритъ своимъ умомъ
И жарку душу выражаетъ
Живымъ и пламеннымъ перомъ.
Не тяжкимъ праздныхъ словъ примѣсомъ
Красотъ намъ въ слогѣ онъ примѣръ:
Когда-бъ онъ не былъ Ахиллесомъ,
То былъ бы онъ у насъ Гомеръ.

Таковъ былъ юноша Потемкинъ.

Прошло пять лѣтъ.

Григорію Александровичу шелъ двадцать первый годъ.

Начальство гимназіи считало его украшеніемъ заведенія и возлагало на него блестящія надежды, какъ вдругъ онъ внезапно охладѣлъ къ ученью, пересталъ являться въ классы и началъ усердно посѣщать монастыри, гдѣ проводилъ время въ бесѣдахъ съ монахами о религіозныхъ предметахъ.

Университетское начальство, употребивъ безуспѣшно всѣ исправительныя мѣры, вслѣдствіе представленій инспектора гимназіи профессора Антона Алексѣевича Барсова, выключило Потемкина изъ гимназіи «за лѣность и нехожденіе въ классы».

Причиной, произведшей роковой поворотъ во внутреннемъ мірѣ молодого человѣка, была, какъ и всегда,—женщина.

Григорій Александровичъ влюбился, влюбился безумно и даже, увы, не безнадежно.

Ему отвѣчали взаимностью.

Безнадежная любовь находитъ противоядіе въ самолюбіи, но для любви раздѣленной и остающейся лишь въ формѣ неосуществимой мечты, противоядія нѣтъ.

Такова была любовь и молодаго Потемкина.

Между нимъ и любимой имъ дѣвушкой легла пропасть и рана любви не зажила до самой его смерти.

Григорій Александровичъ жилъ въ Москвѣ у пріятеля своего покойнаго отца и сосѣда по имѣнію въ Смоленской губерніи, Ивана Дементьевича Курганова.

Иванъ Дементьевичъ состоялъ главноуправляющимъ графини Анны Ивановны Нелидовой, извѣстной московской аристократки—статсъ-дамы императрицы Елизаветы Пет-

ровны, лично извѣстной царствующей государынѣ.

На поклонъ къ Аннѣ Ивановнѣ ѣздили все московскія власти и вся московская знать.

Управленіе многочисленными имѣніями, разсыпанными въ плодороднѣйшихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ были младшіе управляющіе, сосредоточивалось въ главной конторѣ графини, во главѣ которой стоялъ Иванъ Дементьевичъ.

Это былъ высокій, худой старикъ, всегда съ чисто выбритымъ лицомъ и съ открытымъ взглядомъ добрыхъ, честныхъ, голубыхъ глазъ, до старости не потерявшихъ своего юношескаго блеска.

Онъ былъ вдовецъ и жилъ съ своей единственной дочерью Настей, хорошенькой блондинкой, съ золотисто-льняными волосами, но какимъ-то не дѣтскимъ—ей шелъ пятнадцатый годъ—вдумчивымъ выраженіемъ милостиваго личика, въ одномъ изъ обширныхъ флигелей дома графини на Поварской улицѣ, близъ Арбатскихъ воротъ.

Домъ этотъ, одинъ изъ немногихъ сохранившихся до сихъ поръ въ Москвѣ въ своемъ прежнемъ видѣ, былъ построенъ полукругомъ въ глубинѣ обширнаго двора, огражденнаго съ улицы массивной чугунной рѣшеткою съ двумя воротами, украшенными традиционны-

ми львами, со всѣми причудами теперь, увѣ, отжившаго барства.

Два флигеля своимъ фасадомъ выходили на улицу: въ правомъ помѣщались контора и людская, а въ лѣвомъ жилъ главноуправляющій Иванъ Дементьевичъ Кургановъ.

Оба флигеля были соединены съ главнымъ домомъ крытыми, теплыми галлереями.

Товарищи юности Иванъ Дементьевичъ и старикъ Потемкинъ сохраняли, не смотря на разность житейскихъ дорогъ, положенія и состояній, самыя искреннія дружескія отношенія до самой смерти послѣдняго.

Когда мать Потемкина, Дарья Васильевна привезла сына въ Москву и посѣтила съ нимъ пріятеля своего покойнаго мужа, то послѣдній самъ предложилъ ей помѣстить «Грица» — такъ звали мальчика въ родительскомъ домѣ — у него, не позволивъ, конечно, даже заикнуться о какомъ-либо вознагражденіи.

Дарья Васильевна со слезами на глазахъ бросилась обнимать своего благодѣтеля и уѣхала въ свое имѣніе совершенно успокоенная за судьбу своего единственнаго дѣтища.

Она и не предчувствовала, что въ этомъ домѣ случится съ сыномъ эпизодъ, который отразится на всей его жизни, что здѣсь онъ утратитъ навсегда свое личное счастье, чтобы принести его въ жертву величію государ-

ства, что отсюда онъ выйдетъ, какъ это ни странно, несчастнымъ «баловнемъ счастья».

Гриць, которому шелъ въ это время шестнадцатый годъ, скоро освоился въ чужомъ домѣ: подружился съ четырнадцатилѣтней Настей, съумѣлъ привязать къ себѣ Ивана Дементьевича и сдѣлался въ домѣ какъ родной.

Красивый, стройный, остроумный, веселый, онъ съ самой ранней юности умѣлъ нравиться людямъ и привязывать ихъ къ себѣ своимъ добродушнымъ откровеннымъ характеромъ.

Съ Настей онъ скоро сталъ на «ты» и между ними возникло то чистое братское чувство, которое, подобно тихому ручейку, освѣщенному полуденнымъ солнцемъ, мирно катитъ свои чистыя, какъ кристалъ, воды не только безъ бурь, но даже безъ малѣйшей зыби.

Жизнь флигеля шла совершенно отдѣльно отъ жизни главнаго дома графини и связующимъ звеномъ, кромѣ чисто дѣловыхъ сношеній Ивана Дементьевича съ «ея сіятельствомъ», была племянница графини, дочь ея брата, княжна Зинаида Сергѣевна Несвицкая, ровесница Насти и большая ея пріятельница, часто забѣгавшая во флигель.

и по цѣлымъ часамъ безъ умолку болтавшая съ своей подругой.

Эта дружба завязалась и продолжалась безъ вѣдома старой графини, жившей въ главномъ домѣ съ своей дочерью, молодой графиней Клавдіей Афанасьевной, которой въ моментъ нашего разсказа уже исполнилось восемнадцать лѣтъ.

VI.

Старая графиня.

Жизнь графини Анны Ивановны Нелидовой была даже для тогдашней, полной всевозможнаго рода причудниками и причудницами, Москвы предметомъ толковъ и удивленія.

Огромный домъ былъ переполненъ приживалками, число которыхъ съ прислугой доходило до ста пятидесяти человѣкъ.

Парадныхъ комнатъ было множество, но Анна Ивановна почти никогда не выходила изъ своихъ внутреннихъ апартаментовъ.

Болѣе всего поражала комната, гдѣ она спала: она никогда не ложилась въ постель и не употребляла ни постельнаго бѣлья, ни одѣяла.

Она не выносила никакого движенія око-

ло себя, не терпѣла шума, почему всѣ люди ходили въ чулкахъ и башмакахъ и въ ея присутствіи говорили шепотомъ.

Безъ доклада къ ней никто никогда не входилъ.

Чтобы принять кого-нибудь, соблюдалась тысяча церемоній, и нерѣдко желавшіе видѣть ее ожидали приѣма по нѣскольکو часовъ.

Въ офиціантской сидѣло постоянно 12 офиціантовъ; на кухнѣ было четырнадцать поваровъ и огонь никогда не гасился, такъ какъ Аннѣ Ивановнѣ приходила фантазія спросить чего-нибудь закусить не въ назначенный часъ и это случалось за частую ночью; для обѣдовъ и завтраковъ, у нея какъ и для сна, не было положенныхъ часовъ.

Все дѣлалось по капризу, по первому требованію ея сіятельства.

Комната, гдѣ она постоянно находилась, была обита малиновымъ штофомъ.

Посрединѣ было сдѣлано возвышеніе, на которомъ стояла кушетка подъ балдахиномъ, отъ кушетки полукругомъ съ каждой стороны стояло по шести вазъ изъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора самой тонкой работы, и въ нихъ горѣли лампы.

Эффектъ, производимый всей этой обстановкой, былъ поразителенъ.

Въ этой комнатѣ Анна Ивановна совершала свой туалетъ также необыкновеннымъ способомъ.

Передъ ней стояли шесть дѣвушекъ, кромѣ тѣхъ, которыя ее причесывали; на всѣхъ нихъ были надѣты принадлежности туалета ея сіятельства.

Графиня ничего не одѣвала того, что не было согрѣто предварительно животной теплотой.

Для этого выбирались красивыя дѣвушки отъ 16 до 20 лѣтъ; послѣ двадцати лѣтъ ихъ назначали на другія должности.

Даже мѣсто въ каретѣ, передъ тѣмъ какъ ей выѣхать, согрѣвалось тѣмъ же способомъ и для этого въ домѣ содержалась очень толстая нѣмка, которая за полчаса до выѣзда садилась въ каретѣ на то мѣсто, которое потомъ должна была занять графиня.

Пока она выѣзжала, нѣмка нагрѣвала мѣсто на креслахъ, въ которыхъ Анна Ивановна всегда сидѣла.

Спала графиня на кушеткѣ, на которой разстилалось что-нибудь мѣховое, и покрывалась она какимъ-нибудь салопомъ или шалью.

На ночь она не только никогда не раздѣвалась, но совершала даже другой туалетъ,

не менѣе нарядный, чѣмъ денной и съ такими же церемоніями.

Надѣвался обыкновенно бѣлый пеньюаръ, вышитый или съ кружевами, на шелковомъ цвѣтномъ чехлѣ, затѣмъ пышный чепчикъ съ бантами, шелковые чулки, непременно тѣлеснаго цвѣта, и бѣлые башмаки съ лентами, которыя завязывались, а бантики тщательно расправлялись, какъ будто бы графиня ѣхала на какой-нибудь балъ.

Въ такомъ пышномъ туалетѣ графиня опускалась на кушетку и никогда не оставалась одна.

При ней было до сорока избранныхъ женщинъ и дѣвушекъ разнаго возраста, которыя поочередно должны были находиться въ ея комнатѣ.

На ночь въ комнату ея сіятельства вносились диваны, на которыхъ и помѣщались дежурныя.

Онѣ должны были сидѣть всю ночь и непременно говорить въ полголоса.

Подъ ихъ говоръ и шепотъ дремала причудница и если только онѣ умолкали, она тотчасъ же просыпалась.

Столъ ея былъ не менѣе прихотливъ, какъ все остальное, и накрывался каждый день на сорокъ персонъ.

Сама она обѣдала съ дочерью и племянни-

цею за особеннымъ столомъ, къ которому приглашались только избранные, а зачастую даже въ своей комнатѣ, куда вносился уже накрытый столъ на шесть персонъ, такъ какъ она требовала около себя абсолютной тишины и спокойствія.

Она не хотѣла знать никакой заботы, никакого горя, и когда ея второй сынъ Михаилъ былъ убитъ на дуэли, ей рѣшились сказать объ этомъ только годъ спустя.

Старшій сынъ ея Николай пропалъ безъ вѣсти, уѣхавъ за границу.

Всѣ доходы съ имѣній привозились и сдавались Ивану Дементьевичу. Въ одной изъ комнатъ конторы стоялъ комодъ, куда ссыпались деньги по ящикамъ, по качеству монеты, и самъ Иванъ Дементьевичъ хорошенько не зналъ, сколько ссыпалось и сколько расходовалось.

Дѣло велось по простотѣ, безъ книгъ и двойныхъ и тройныхъ бухгалтерій.

Въ домѣ было такъ много всевозможныхъ рѣдкостей, что комнаты были похожи на магазинъ.

Однихъ платьевъ счетомъ было пять тысячъ.

Для нихъ велась особенная книга, съ приложеніемъ образчиковъ, по которымъ графиня назначала, какое платье желала одѣть.

Два сундука были наполнены самыми рѣдкими кружевами, цѣнностью до ста тысячъ рублей.

Цѣлая комната была занята разными дорогими мѣхами, привезенными, какъ говорили, изъ Сибири.

Графиня страшно любила наряжаться, забирала очень много по магазинамъ.

Когда ей нравились какія нибудь матеріи то она покупала цѣлыми кусками, чтобы у другихъ не было подобныхъ.

Рожденная княжна Несвицкая, она вышла замужъ поздно — подъ сорокъ лѣтъ: такъ долго не могла она найти себѣ человѣка по сердцу.

Графъ Афанасій Григорьевичъ Нелидовъ прожилъ съ ней не болѣе десяти лѣтъ и умеръ отъ ожирѣнія сердца, оставивъ ей по завѣщанію все свое громадное состояніе, которое, въ соединеніи съ огромнымъ приданнымъ графини, и составило то колоссальное богатство, которое считалось первымъ даже въ Москвѣ, тогда городъ неимовѣрныхъ богачей.

Дочь графини Анны Ивановны, Клавдія Афанасьевна, была сильная брюнетка и рѣзкими чертами восточнаго типа лица напоминала свою мать.

Тѣ же злые глаза. тѣ же надменно сложен-

ныя губы тотъ же прямой носъ съ горбинкой и низкій лобъ.

Ни она, ни мать въ молодости не были красивы, онѣ обѣ брали фигурой, сложеніемъ и посадкой.

Когда графинѣ Клавдіи или «Клодинѣ» какъ звала ее графиня Анна Ивановна, было тринадцать лѣтъ, въ домѣ ея матери появилась княжна Зина, десятилѣтняя дѣвочка, дочь покойнаго младшаго брата графини, князя Сергѣя Несвицкаго, умершаго молодымъ вдовцемъ.

Сначала дѣвочки жили дружно, но это продолжалось какихъ нибудь два-три года, пока еще не успѣлъ окончательно сложиться властный и эгоистичный характеръ молодой графини.

Княжна Зинаида, гордая отъ природы, не дала себя совершенно подчинить своей взрослой кузинѣ и онѣ разошлись, одна съ затаеннымъ злобнымъ чувствомъ, другая—нашедши себѣ утѣшеніе въ дружбѣ съ Настей Кургановой.

Года шли, все хорошеющая княжна Зинаида Сергѣевна возбуждала все большую и большую ненависть со стороны своей двоюродной сестры, пока, наконецъ, не случилось обстоятельство, доведшее это «родственное чувство» до своего апогея.

Но не будемъ забѣгать впередъ.

Молоденькая Настя успѣла заинтересовать свою подругу разсказами о появившемся въ домѣ мальчикѣ Грицѣ, который съ годами дѣлался стройнымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ.

Дѣтскія игры и забавы съ лѣтами привели къ другому чувству, заставившему юныя сердца товарищей дѣтства, какъ это бываетъ всегда, забиться сильнѣе и тревожнѣе.

Княжнѣ Зинаидѣ шелъ въ то время восемнадцатый, а Потемкину двадцать первый годъ. Молодые люди влюбились другъ въ друга.

Въ это же время въ домѣ графини Нелидовой появилось новое лицо.

Это былъ князь Андрей Павловичъ Святозаровъ, прибывшій изъ Петербурга, гдѣ онъ игралъ довольно значительную роль при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны.

Онъ пріѣхалъ въ отпускъ повидаться съ родными, безвыѣздно жившими въ Москвѣ и входившими въ тотъ высокій кругъ московскаго высшаго общества, въ которомъ вращались графиня Нелидова и ея дочь.

Князю было лѣтъ тридцать пять. Онъ шелъ по статской службѣ и мѣтилъ въ сенаторы или министры.

О его выдающихся способностяхъ государ-

ственного человека говорили съ полнымъ убѣжденіемъ въ компетентныхъ правительственныхъ сферахъ.

Онъ стоялъ во главѣ одного изъ административныхъ учрежденій столицы, былъ на виду, но былъ холостъ.

Петербургскія маменьки уже цѣлые годы устраивали безуспѣшно облаву на выгоднаго жениха, желая доставить своимъ дочкамъ блестящую партію.

Появленіе его въ Москвѣ, хотя и на время, вселило сладкія надежды въ московскихъ матеряхъ взрослыхъ дочекъ.

Графиня Анна Ивановна тоже намѣтила князя въ женихи своей «Клодинѣ», а послѣдняя, кромѣ того, безъ ума влюбилась въ петербургскаго гостя.

На московскихъ балахъ и «soirées dansantes» князь былъ видимо увлеченъ величественной фигурой молодой графини Нелидовой, ея восточнымъ типомъ и огненнымъ взглядомъ черныхъ глазъ.

Онъ сталъ усиленно ухаживать за ней и сдѣлалъ визитъ въ домъ графини.

Этотъ визитъ измѣнилъ его намѣренія.

Совершенная противоположность молодой графини, которой уже было за двадцать, ея двоюродная сестра княжна Зинаида, восемнадцатилѣтняя блондинка, съ выра-

женіемъ лица Гетевской Гретхенъ, положительно заплонила сердце уже пожившаго и избалованнаго женщинами князя и онъ круто повернулъ въ ея сторону.

Совершилась безмолвная драма.

Гордая графиня Клодина замѣтила перемену въ князѣ и, затаивъ въ сердцѣ злобу и ненависть къ неожиданной соперницѣ, первая отстранила отъ себя намѣченнаго ея матерью и избраннаго ею самою жениха, объявивъ матери, что не любитъ его и не можетъ сдѣлаться его женой.

— Не перестарокъ же я какой нибудь, что вы хотите сбыть меня съ рукъ, маман,—замѣтила она.—Князь, кажется, къ тому же совершенно растаялъ отъ прелестей Зинаиды,—язвительно замѣтила она.—Ему она какъ разъ подъ пару, покорная овечка, да и вамъ, маман, сбыть ее съ рукъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ, думаю, лучше...

Графиня Анна Ивановна удивленно вскинула глаза на свою дочь, такъ какъ, вмѣстѣ съ другими свидѣтелями ухаживанія князя на балахъ и вечерахъ за ея дочерью, думала, что послѣдняя не прочь сдѣлаться изъ фрейлинъ статсъ-дамой и переѣхать въ Петербургъ уже княгиней Святозаровой.

Она прочла на лицѣ графини Клодины серьезное рѣшеніе.

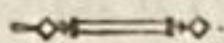
— Какъ хочешь, та chère, я тебя не неволю, ты вѣдь мнѣ не мѣшаешь...—отвѣтила старуха.

Князь Святозаровъ обратился такимъ образомъ изъ жениха Клавдіи Афанасьевны въ жениха Зинаиды Сергѣевны.

Послѣдняя, влюбленная въ Потемкина, далеко не старалась увлечь блестящаго жениха, что еще болѣе раззадоривало послѣдняго.

Онъ сдѣлалъ предложеніе старой графинѣ, и та, послѣ переданнаго уже нами разговора съ своею дочерью, дала свое согласіе.

— Я поговорю съ ней... и думаю, что это уладится,—сказала она восхищенному князю

VII.

По монастырямъ.

Молодой Потемкинъ, между тѣмъ, въ одинъ прекрасный день признался Ивану Дементьевичу Курганову въ своей любви къ княжнѣ Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

Старикъ страшно взволновался.

— Вотъ глупости! Развѣ ты не знаешь, что княжна Несвицкая самая богатая невѣста не только въ Москвѣ, но, пожалуй, и во всей Россіи.

— Я это знаю, — отвѣчалъ Григорій Александровичъ, — но Зина любитъ меня.

— Почему ты это знаешь?

— Она сама мнѣ это сказала.

Кургановъ окинулъ молодого человѣка строгимъ взглядомъ.

— Ты воспользовался тѣмъ, что моя дочь ея подруга, и увлекъ молоденькую дѣвушку, почти ребенка, ты, еще самъ мальчишка...

Григорій Александровичъ опустилъ голову.

— Если ты это сдѣлалъ, то поступилъ болѣе чѣмъ нехорошо... нечестно... Графиня Анна Ивановна, конечно, довѣряя мнѣ, смотрѣла сквозь пальцы на частыя посѣщенія моей квартиры ея племянницей... Ты сдѣлалъ меня невольнымъ нарушителемъ довѣрія ея сіятельства, ты, въ благодарность за мою ласку, за любовь къ тебѣ, какъ къ сыну, опозорилъ мои сѣдины.

— Иванъ Дементьевичъ, Иванъ Дементьевичъ... — бормоталъ смущенный юноша.

— Я хочу все знать... Говори...

Молодой человѣкъ разсказалъ ему въ подробности весь свой романъ съ молодой княжной.

Кургановъ выходилъ изъ себя. Его чистой совѣсти представлялось все это въ мрачномъ видѣ, онъ все преувеличивалъ и продолжалъ волноваться.

Онъ позвалъ свою дочь и сталъ упрекать ее въ пособничество въ этому «позорному дѣлу»—его подлинное выраженіе.

Настя плакала и увѣряла отца, что она не имѣла никакихъ дурныхъ намѣреній, что ничего дурнаго и не случилось.

Старикъ нѣсколько успокоился, убѣдившись на самомъ дѣлѣ, что происшедшій подъ его кровлей романъ двухъ молодыхъ людей остался на почвѣ чистаго чувства.

— Честь и дочь—мои главные сокровища, —сказалъ Иванъ Дементьевичъ, обращаясь къ молодому Потемкину.—Ты поступилъ непорядочно, хотя я убѣжденъ, что неумышленно... Ты говорилъ ей о любви и нарушилъ ея сердечный покой и за это ты долженъ быть наказанъ. Какъ, чтобы меня и мою дочь обвинили въ пособничество къ ловлѣ богатой невѣсты для сына моего друга... Одна эта мысль ужасаетъ меня! Что подумаетъ обо мнѣ ея сіятельство! Она можетъ потребовать отъ меня отчета... Ты понимаешь это, Гриць, сознаешь ты свою опрометчивость?

Потемкинъ стоялъ понуря голову.

— Ты можешь это поправить только тѣмъ, что болѣе не увидишься съ княжной.

Григорій Александровичъ тяжело вздохнулъ.

— Ты вздыхаешь, ты страдаешь при этой мысли,—продолжалъ старикъ, — но подумай только, какъ безсмысленна твоя любовь. Княжна Несвицкая — богачка, никогда не можетъ быть твоей женой, женой теперь еще школьника, а впоследствии, въ лучшемъ случаѣ, гвардейскаго офицера съ нѣсколькими десятками душъ за душою... Будь благо-разумень... Соберись съ силами, будь честенъ и забудь...

— Но она?!—воскликнулъ съ болью въ голосъ молодой человѣкъ.

— Она выйдетъ замужъ за князя Святозарова... Онъ сдѣлалъ ей предложеніе... Говорятъ, онъ такъ же богатъ, какъ и она...

Григорій Александровичъ зарыдалъ какъ ребенокъ, закрывъ лицо руками.

— Несчастный, какъ онъ ее любитъ! — пробормоталъ Иванъ Дементьевичъ.

Григорій Александровичъ на другой же день рано утромъ ушелъ изъ дома и вернулся только поздно вечеромъ.

Такую жизнь онъ повелъ изо дня въ день.

Княжна, конечно, узнала о странномъ поведеніи молодого человѣка.

Настя сочинила ей цѣлую исторію, что Потемкинъ рѣшилъ теперь жить только для науки, что онъ самъ недавно назвалъ будто бы свое увлеченіе княжной дѣтской ша-

лостью, согласившись съ ея отцемъ, считавшимъ это чувство одной глупостью, а потому и избѣгаетъ ея.

Княжна была поражена, неутѣшна, но, увы, не отступалась отъ своего чувства.

Настасья Ивановна, между прочимъ, передала своей подругѣ и сущность разговора ея отца съ Григоріемъ Александровичемъ и княжна почувствовала себя оскорбленной.

Съ ея сердцемъ, съ ея чувствомъ, значитъ, только играли?

Она горько оплакивала свою потерянную иллюзію и разбитыя мечты.

Въ это то время ее позвали къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая передала ей о предложеніи, сдѣланномъ княземъ Святозаровымъ.

— Я уже выразила согласіе... Надѣюсь, что ты не пойдешь противъ моей воли, я тебѣ замѣнила отца и мать, — замѣтила графиня.

Княжна согласилась.

Князь былъ красивъ, знатенъ, ласковъ можетъ быть, только немного серьезенъ для такой молодой дѣвушки.

Княжна чувствовала къ нему симпатію и сказала себѣ:

— Я его могу полюбить.

Этой любовью къ мужу она хотѣла вылѣчить рану своего молодого сердца.

Свадьбой не замедлили. Она была роскошна. Вся титулованная, сановная Москва присутствовала на ней. Молодые, сдѣлавъ установленные визиты, черезъ нѣсколько дней уѣхали въ Петербургъ.

Григорій Александровичъ Потемкинъ по прежнему велъ образъ жизни, о которой народъ очень мѣтко замѣчаетъ: «одна заря вгонить, другая выгонить».

Домашніе его почти не видали и не знали гдѣ онъ проводитъ дни.

Иванъ Дементьевичъ находилъ нужнымъ дать свободу молодому человѣку.

-- Пусть забудется... даже покутить малость... эта встряска только для него полезна...—думалъ старикъ.

Потемкинъ однако и не думалъ кутить

Онъ бросился въ другую сторону и цѣлые дни, не посѣщая классовъ, проводилъ въ монастырскихъ церквахъ.

Усердная и продолжительная молитва юноши обратила на него вниманіе монаховъ съ которыми онъ вскорѣ свелъ знакомство и сталъ проводить время въ ихъ кельяхъ за бесѣдой на тему о суетѣ мірской жизни.

Полученное первоначальное воспитаніе въ смоленской семинаріи сближало его съ лицами духовнаго званія.

Онъ нашель среди нихъ себѣ покровите-

---ЭТИТЕ-
---ЭЛПЛЕ-

лей, которые поддержали появившуюся въ головѣ молодого человѣка мысль идти въ монахи.

Послѣдовавшее исключеніе Потемкина изъ гимназіи еще болѣе укрѣпило его въ этомъ намѣреніи. Свадьба княжны Несвицкой съ княземъ Святозаровымъ окончательно подвинула его на этотъ рѣшительный шагъ.

Но для поступленія въ монашество необходимо было заручиться рекомендаціей кого нибудь изъ лицъ высшаго духовенства.

Въ то время въ Москвѣ славился умомъ и подвижническою жизнью архіерей Амвросій Зертисъ-Каменскій, впоследствии извѣстный архіепископъ московскій и калужскій.

Объ искреннемъ желаніи юноши Потемкина было доложено его преосвященству покровителемъ молодого человѣка, монахомъ Чудова монастыря.

Его преосвященство пожелалъ увидѣть будущаго инока и подвижника, какъ говорилъ о немъ докладчикъ.

Съ трепетомъ сердца вступилъ Григорій Александровичъ въ архіерейскіе покои и остался ждать въ пріемной, пока служка пошелъ докладывать о прибывшемъ его преосвященству.

Много думъ пронеслось въ головѣ молодого человѣка, много ощущеній переиспыталъ

онъ за тѣ десять-пятнадцать минутъ, которыя онъ провелъ въ пріемной Амвросія.

Служка вернулся и попросилъ Потемкина слѣдовать за нимъ.

Прошедши еще двѣ комнаты, онъ отворилъ дверь и пропустилъ въ нее Григорія Александровича.

Молодой человѣкъ очутился въ образной архіерея.

Это была довольно обширная комната, двѣ стѣны которой были сплошь увѣшаны иконами стариннаго художественнаго письма, нѣкоторыми въ драгоцѣнныхъ окладахъ, а нѣкоторыми безъ всякихъ украшеній, внушающими своей величественной простотой еще болѣе благоговѣйныя чувства.. Двѣнадцать лампадъ слабымъ мерцаніемъ освѣщали комнату, борясь съ свѣтомъ дня, проникавшимъ въ узкія готическія окна.

На высокомъ креслѣ въ черномъ камлотовомъ подрясникѣ сидѣлъ почтенный старецъ, перебирая правой рукой надѣтыя на лѣвой кипарисовыя четки.

Покрытый клеенкою войлокъ пола заглушалъ шаги.

Все въ этомъ уголочкѣ молитвъ московскаго іерарха располагало къ молитвенному настроенію.

— Подойди сюда, сынъ мой Григорій! — раз-

дался грудной, проникающій въ душу, голосъ Амвросія.

Потемкинъ приблизился и съ благоговѣніемъ и какимъ то душевнымъ трепетомъ поцѣловалъ благословившую его руку чуднаго старца.

Архіерей долгимъ проницательнымъ взоромъ обвелъ стройнаго, красиваго юношу, казалось, созданнаго для счастья, любви и беззаботной жизни шумной молодости, и кротно улыбнулся угломъ рта.

Быть можетъ, и въ головѣ суроваго по жизни монаха промелькнула именно эта мысль и онъ не могъ представить себѣ этого полнаго жизни красавца въ подрясникѣ послушника, отрекающагося отъ этой еще неизвѣданной имъ жизни.

— Въ монахи, слышалъ, хочешь?—спросилъ его преосвященство.

— Имѣю искреннее желаніе, ваше преосвященство...—отвѣчалъ хорошо заученной формулой отвѣтовъ Григорій Александровичъ.

— А давно ли это у тебя искреннее желаніе и почему явилось оно?—спросилъ послѣ нѣкоторой паузы, пристально смотря въ глаза гостя, Амвросій.

— Съ малолѣтства...—отвѣчалъ заученной фразой Потемкинъ и опустилъ глаза, не вы-

нося проникающаго въ душу взгляда старца.

— Ой ли, съ малолѣтства... Что же родители изобидѣли?..

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Такъ съ чего... Ты мнѣ, молодецъ, признавайся, какъ на духу... Между мной и тобой только Богъ...

Онъ снова уставилъ свой взглядъ на Потемкина.

Тотъ невольно опустился на колѣни у ногъ епископа и зарыдалъ такъ же, какъ зарыдалъ, когда Иванъ Дементьевичъ запретилъ ему видѣться съ княжной.

— Говори! — замѣтилъ Амвросій, давъ ему выплакаться.

Григорій Александровичъ, прерывая свою рѣчь всхлипываніемъ, откровенно и подробно разсказалъ весь свой романъ съ княжной Несвицкой, рѣшеніе пріютившаго его Курганова, свадьбу княжны и свое исключеніе изъ гимназіи...

— Съ этого-то ты и захотѣлъ въ монахи? — снова угломъ рта улынулся архіерей. — Отречься задумалъ отъ жизни, еще не живши... Думаешь молиться-то легче, чѣмъ учиться, или служить... Нѣтъ, братъ, не легко это, коли по настоящему, а не по настоящему совсѣмъ не надо, потому грѣхъ еще большій...

Бога ты не обманешь... Ты, чай, въ службу записанъ?..

Григорій Александровичъ отвѣчалъ, не скрывъ и полученіе чина капрала.

— Вишь, тебя наша матушка-царица еще малышемъ уже пожаловала, а ты отъ службы увильнуть хочешь на монастырскіе хлѣба... Ловокъ, я вижу, ты, братъ... Вотъ тебѣ мой отеческій совѣтъ... Поѣзжай-ка ты въ Питеръ, да послужи-ка вѣрой и правдой нашей милостивицѣ, благовѣрной государынѣ... Коли годовъ черезъ десять сохранишь желаніе въ монахи идти—иди, а теперь нѣтъ тебѣ моего благословенія...

Потемкинъ все продолжалъ стоять на колѣняхъ, понутивъ голову.

— Встань!—сказалъ архипастырь.

Амвросій тоже всталъ и подошелъ къ вдѣланному въ стѣнѣ шкафу, отперъ его и, вынувъ пачку денегъ, подалъ ее Григорію Александровичу.

— Здѣсь пятьсотъ рублей тебѣ на дорогу и на первое время... Поѣзжай и служи...

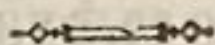
Григорій Александровичъ дрожащей рукой взялъ деньги.

Амвросій благословилъ его. Молодой человѣкъ облилъ руку старца слезами благодарности. Онъ вышелъ отъ него обновленный.

На другой же день онъ уѣхалъ въ Петер-

бургъ, простившись съ Кургановымъ и не скрывши отъ него ничего.

Матери онъ тоже написалъ откровенное письмо.

VIII

Первый лучъ и первый ядъ.

Прибывши въ Петербургъ, Григорій Александровичъ безъ всякихъ препятствій былъ зачисленъ въ дѣйствительную службу вахмистромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

Это было въ половинѣ 1761 года, послѣдняго года царствованія императрицы Елисаветы Петровны, умершей внезапно 25 декабря 1761 года.

Полковая служба вскорѣ его сблизила со всею лучшею петербургскою молодежью.

Онъ сдѣлался однимъ изъ горячихъ приверженцевъ великой княгини Екатерины Алексѣевны.

Непродолжительно было царствованіе Петра III, вступившаго на престолъ послѣ смерти Елисаветы Петровны.

Наступило 28 іюня 1762 года—день государственнаго переворота, доставившаго корону Екатеринѣ II.

Въ числѣ окружавшихъ въ Петербургѣ молодую государыню представителей гвардіи находился и вахмистръ Потемкинъ.

Принимая присягу въ вѣрности отъ гвардіи, императрица подъѣхала верхомъ къ конно-гвардейскому полку и обнажила шпагу.

Вдругъ она увидала, что на ней нѣтъ темляка и смутилась.

Начальство полка замѣтило это смущеніе и растерялось.

Григорій Александровичъ, не сводившій глазъ съ обожаемой всею молодежью того времени государыни, первый замѣтилъ это и, подскочивъ къ смутившейся императрицѣ, сорвалъ съ своего палаша темлякъ и поднесъ его стоявшей передъ полкомъ съ обнаженной шпагой Екатеринѣ.

Государыня милостиво приняла услугу догадливаго вахмистра и подарила его благосклонной улыбкой.

Императрицу поразила находчивость и присутствіе духа молодого красавца.

Потемкинъ уже намѣревался отъѣхать къ своему мѣсту, но лошадь его, привыкшая къ эскадронному ученью, остановилась подлѣ лошади императрицы и не слушая ни шпоръ, ни усилій всадника, стояла какъ вкопанная.

— Какъ васъ зовутъ?—обратилась къ скоп-

фужепному вахмистру императрица, желая ободрить его.

— Вахмистръ Григорій Потемкинъ, ваше императорское величество,—отвѣчалъ Григорій Александровичъ.

— Откуда вы родомъ?

— Дворянинъ Смоленской губерніи, ваше императорское величество!

— Давно на службѣ?..

— Второй годъ, ваше императорское величество!

— Не тяжела служба?

— Теперь, когда жизнь cadaго изъ насъ посвящена вашему императорскому величеству,—легка..

— Хорошо сказано, г. подпоручикъ Потемкинъ...—отвѣчала государыня.

Такимъ образомъ, Григорій Александровичъ былъ произведенъ въ подпоручики.

Черезъ нѣсколько дней ему было кромѣ того пожаловано шестьсотъ душъ крестьянъ.

Первый лучъ яркаго солнца счастья блеснулъ на него.

Набожный юноша всецѣло приписалъ это благословенію архіерея Амвросія и деньгамъ, даннымъ ему московскимъ іерархомъ.

Въ немъ заговорило честолюбіе и въ этомъ чувствѣ ему захотѣлось утопить оскорбленное чувство первой любви.

Снова, какъ во дни ранняго дѣтства, въ его головѣ засѣла мысль: «Хочу быть министромъ».

Эта новая, созданная имъ цѣль его жизни, казалось, успокоила его. Его мысли перестали нестись къ дому на набережной Фонтанки, гдѣ жили князь и княгиня Святозаровы.

Послѣдніе жили очень замкнуто и Григорій Александровичъ въ теченіе проведеннаго имъ въ Петербургѣ года ни разу не встрѣчался съ своимъ прежнимъ кумиромъ.

Свѣтскія петербургскія сплетни, однако, не миновали его ушей и глубоко огорчали его.

Въ петербургскомъ свѣтѣ говорили, что бракъ Святозаровыхъ нельзя отнести къ ряду счастливыхъ, что супруги не сошлись характерами и ведутъ жизнь далеко не дружную.

Къ несчастію, въ этихъ толкахъ было болѣе правды, чѣмъ это бываетъ обыкновенно.

Княжна Зинаида Сергѣевна, вышедши замужъ лишь съ надеждой полюбить своего мужа и этой второй любовью заглушить первое чувство, не нашла поддержки своимъ стараніямъ въ князѣ Святозаровѣ.

Молодой мужъ не понималъ ее.

Онъ чувствовалъ только, что сердце его жены не принадлежитъ ему всецѣло и вмѣ-

сто того, чтобы стараться привлечь ее къ себѣ ласкою, онъ сталъ ревновать къ прошедшему, сдѣлался недовѣрчивъ и угрюмъ.

Онъ совершенно пересталъ улыбаться, молчалъ и окончательно удалился отъ общества, принудивъ къ этому и жену. Къ каждому шагу, къ каждому движенію княгини онъ сталъ относиться съ предубѣжденіемъ.

Самъ, быть можетъ, не сознавая того,—онъ сдѣлался тираномъ.

Молодую княгиню это еще болѣе оттолкнуло отъ мужа.

Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы княгиня подарила мужа сыномъ.

Князь былъ на седьмомъ небѣ.

Можно было подумать, что онъ переродился, но, увы, не въ пользу жены,—ее онъ какъ бы даже не замѣчалъ.

Какая то непонятная отцовская любовь поглощала его всецѣло.

У него была одна цѣль въ жизни—его сынъ, Василій.

Онъ окружилъ его всѣми возможными роскошью и удобствами, онъ расточалъ ему свои ласки, объ немъ онъ только и заботился, объ немъ онъ только и говорилъ, ему онъ только и улыбался.

Его друзья и сослуживцы смѣялись надъ нимъ и говорили, что ему недостаетъ только

одного для полнѣйшаго счастья: что онъ не можетъ кормить самъ грудью своего сына.

Княгиня была удалена отъ сына, она видѣла его только изрѣдка. Къ нему приставили кормилицу.

Казалось, князь хотѣлъ быть одинъ любимымъ своимъ сыномъ.

Когда мать брала его на руки, онъ выходилъ изъ себя и кричалъ съ безпокойствомъ:

— Оставь, оставь, ты дѣлаешь ему больно! Онъ запретилъ ей даже цѣловать своего ребенка.

Княгиня покорно переносила весь этотъ адъ семейнаго очага, эту полную невыносимыхъ мукъ жизнь въ золоченой клѣткѣ, но все же чувствуя свое одиночество, свою беззащитность отъ домашняго тирана, она искала хоть когонибудь, кому бы могла излить свою наболѣвшую душу, и нашла...

Въ несчастной княгинѣ приняла участіе ея двоюродная сестра Клавдія Афанасьевна.

Надо замѣтить, что молодая графиня Нелидова недолго послѣ свадьбы Зинаиды Сергѣевны оставалась въ дѣвушкахъ.

Она вскорѣ вышла замужъ за графа Петра Антоновича Переметьева, старика лѣтъ подъ шестьдесятъ, годившагося ей не только въ отцы, но, пожалуй, въ дѣдушки.

Этотъ неровный бракъ надѣлалъ большого

гума въ Москвѣ и былъ толкуемъ на разные лады въ московскомъ высшемъ обществѣ.

Цѣль графини Клодины была достигнута; она переѣхала съ мужемъ въ Петербургъ и, также какъ княгиня Святозарова, сдѣлалась статсъ-дамой при дворѣ императрицы.

Она-то и приняла участіе въ своей кузинѣ и выказала ей горячую привязанность.

Зинаида Сергѣевна вѣрила въ эту запоздалую дружбу и платила ей искренней взаимностью.

Довѣрчивая и честная по натурѣ, она и не подозрѣвала, что ея двоюродная сестра играетъ комедію и съ адскимъ расчетомъ ловко строить ей роковую западню.

Графиня Клодина поклялась отомстить за отбитаго у ней жениха, князя Святозарова, и выжидала.

Какое мщеніе задумала она?

Она хотѣла, во что бы то ни стало, совершенно разбить ихъ семейную жизнь и самой явиться въ роли утѣшительницы князя Андрея Павловича, котораго она не могла разлюбить до сихъ поръ, но чувство къ которому тщательно скрывала въ тайникѣ своего сердца.

Она не была изъ разборчивыхъ въ средствахъ для достиженія своей цѣли. Она бы ни на минуту не задумалась сдѣлаться лю-

бовницей князя Святозарова, лишь бы доставить огорченіе его женѣ, ея счастливой соперницѣ.

Этой-то предательницѣ и довѣрилась молодая княгиня.

Окончательное охлажденіе, происшедшее между супругами послѣ рожденія сына, было на руку свѣтской интриганкѣ.

Она воспользовалась невинными признаніями своей кузины, чтобы разжечь ревность князя Святозарова.

Вскорѣ она узнала всю тайну княгини Зинаиды Сергѣевны.

Она любила молодого Потемкина и до сихъ поръ не забыла его.

На этомъ графиня Клодина построила свой гнусный планъ.

Она знала, что молодой Потемкинъ въ Петербургѣ. Слухъ о происшедшемъ въ Петергофѣ сталъ быстро извѣстенъ въ высшемъ свѣтѣ.

Вскорѣ она устроила, что молодой Потемкинъ былъ ей представленъ и сдѣлалъ визитъ.

Его пригласили вечеромъ на маленькій *soirée*.

Графиня привезла почти насильно къ себѣ и княгиню Святозарову.

Такъ состоялась неожиданная для обоихъ встрѣча.

Графиня Клодина слѣдила за ними во всѣ глаза.

Это было въ гостинной.

Она видѣла, какъ они оба смутились и растерялись.

Княгиня поблѣднѣла при видѣ молодого офицера и, едва поклонившись, вышла въ другую комнату.

Потемкинъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и отошелъ къ окну, чтобы скрыть взволновавшія его чувства.

Графиня Клодина все это замѣтила и осталась довольна.

— Они до сихъ поръ любятъ другъ друга — сказала она себѣ. — Дѣло теперь только въ томъ, чтобы раздуть огонь.

Въ это время въ залѣ начались танцы.

Графиня подошла къ Григорію Александровичу.

— Какъ вы задумчивы? — сказала она, почему вы не танцуете.

— Я никогда не танцую! — отвѣчалъ онъ печально.

— Это теперь говорятъ всѣ молодые люди... Какіе скучные дѣлаются мужчины... Неразговорчивые, серьезные...

— Но если ужъ данъ отъ Бога серьезный характеръ.

— Какъ у васъ?

— Да.

— Тогда надо позволить развеселить себя такому капризному существу какъ я... Мы вѣдь съ вами старые знакомые, жили когда-то подъ одной кровлей, хотя видѣлись довольно рѣдко... Такъ прочь скуку... Я готова побиться объ закладъ, что знаю причину ее.

Потемкинъ поблѣднѣлъ.

— Садитесь здѣсь со мной. Тутъ намъ никто не помѣшаетъ и поговоримъ о вашемъ, данномъ отъ Бога, серьезномъ характерѣ. Мнѣ сдается, что онъ явился у васъ не особенно давно.

— Вы думаете?..

— Да, и знаю даже съ какого времени...

— Вотъ какъ!

— Съ тѣхъ поръ, какъ княжна Зина вышла замужъ...

Григорій Александровичъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Что вы... говорите...—началъ онъ задыхаясь.

— Тихе, тихе...—засмѣялась она. — Я читаю въ вашемъ сердцѣ, какъ въ раскрытой книгѣ. Вы все еще ее любите...

Онъ схватилъ ее за руку.

— Ради Бога, замолчите! — бормоталъ онъ.

— Кто же насъ слышитъ? И ее вѣдь здѣсь нѣтъ, она въ залѣ...

— Все равно... если бы вы знали...

— Что?

— Я чувствую, что не могу совладать съ собой... О, говорите, какъ вы могли узнать тайну, которую я самъ отъ себя скрывалъ... Можетъ быть, она вамъ это сказала?..

— Несчастливая Зина ничего не говорила мнѣ... Я просто догадалась...

— Вы назвали ее несчастною?..

— Да, она несчастлива.

— Развѣ князь...

— Князь обожаетъ ее... Но она его не любитъ...

— Она его не любитъ?!!

— Она не можетъ его любить, потому что ея сердце принадлежитъ вамъ, потому что она осталась вѣрной своей первой любви...

— О, замолчите, замолчите...

— Почему?—развѣ я говорю неправду, развѣ вы сами не замѣтили, какъ она поблѣднѣла, встрѣтившись съ вами, какъ она задрожала, кланяясь вамъ...

— Мнѣ показалось, что она хотѣла избѣгнуть этой встрѣчи.

— Конечно, при такой массѣ свидѣтелей она должна была бояться выдать себя.

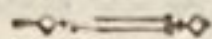
Григорій Александровичъ задыхался отъ волненія.

Графиня Клодина положительно пожирала его глазами.

— Я люблю Зину и страдаю съ ней вмѣстѣ. Я бы такъ хотѣла видѣть ее счастливой... Зачѣмъ вы не женились на ней?

— Я не смѣлъ объ этомъ и думать...

— Жаль, что я не знала объ этомъ ранѣе.. Зина была бы теперь вашей счастливой женой.

IX.

З м ѣ я.

— Теперь я все понимаю! — продолжала коварная женщина. — Иванъ Дементьевичъ своимъ самолюбіемъ и своей гордостью погубилъ двѣ жизни... Онъ разлучилъ васъ съ Зиной и разбилъ вашу университетскую карьеру... Въ это время князь сдѣлалъ предложеніе... Вы, быть можетъ, не знаете, что сначала она отказала... Она навѣрное ждала... васъ... Но, такъ какъ вы скрывались отъ нея, она съ отчаянія послушалась совѣта моей матери... Она, конечно, подумала, что вы никогда не любили ее..

— Бѣдная княгиня! — вздохнулъ Потем-

кинъ.—Она презираетъ меня теперь, ненавидитъ, быть можетъ...

— О, я могу поклясться, что тотъ поцѣлуй, которымъ она подарила меня, предназначался для васъ.

Григорій Александровичъ сомнительно покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, все кончено! Она жена другого... О, если бы я смѣлъ съ ней поговорить, если бы я могъ ей сказать...

— Что вы все еще ее любите...

— Нѣтъ, это было бы для нее оскорбительно... но я хотѣлъ бы объяснить ей свое поведеніе въ Москвѣ...

— Что же васъ удерживаетъ?

— Она не захочетъ меня выслушать...

— Въ ея будуарѣ можетъ быть—нѣтъ... Но здѣсь, у меня...

— За такое счастье я отдалъ бы всю жизни!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Глаза графини Клодины блеснули.

— Это я вамъ устрою... Необходимо, дѣйствительно, чтобы вы оба объяснились... Это будетъ для нея утѣшеніемъ, а для васъ облегченіемъ...

— Какъ вы добры.

— Хорошо, хорошо, вы меня поблагодарите послѣ...

Въ это время въ гостинную вошла княгиня Зинаида Сергѣевна.

Графиня Клодина пошла ей навстрѣчу, между тѣмъ, взгляды княгини и Григорія Александровича, продолжавшаго стоять на томъ же мѣстѣ, встрѣтились.

Казалось, это были двѣ встрѣтившіяся молніи.

Княгиню поразила необыкновенная блѣдность молодаго человѣка.

Ея сердце наполнилось жалостью.

Сославшись на головную боль, она простилась съ хозяйкой, которая успѣла шепнуть ей:

— Я буду у тебя завтра... мнѣ надо многое сказать тебѣ...

Княгиня вспыхнула. Она прочтала на губахъ подруги готовое съ нихъ сорваться имя Потемкина.

— Ты всегда моя желанная гостья... — съ трудомъ проговорила она.

Подруги разцѣловались.

— Такъ до завтра!—шепнула княгиня.

— Да...

Княгиня уѣхала.

Вскорѣ откланялся хозяину и хозяйкѣ и Григорій Александровичъ.

На другой день часовъ около трехъ графиня Клодина уже была въ будуарѣ княгини Святозаровой.

Послѣдняя ожидала ее съ нетерпѣніемъ.

— Твои вчерашнія слова, милая Клодина, ужасно обезпокоили меня, — начала княгиня Зинаида, когда подруга удобно усѣлась въ креслѣ: — Я продумала о нихъ всю ночь... У тебя есть вѣрно передать мнѣ что нибудь очень важное?

— Это зависитъ отъ того, какъ ты на это взглянешь... Дѣло идетъ о сохраненіи твоего спокойствія, даже о предупрежденіи опасности...

— Опасности! Ты меня пугаешь...

— Ты довѣрила мнѣ часть твоей тайны, милая Зина, но сказала, съ понятной сдержанностью, не все... Но настоящая дружба провицательна... Ты простишь меня, если я тебѣ скажу, что я все узнала...

— Все узнала! — воскликнула, дрожа, княгиня.

— Да, вчера я еще сомнѣвалась, но твое смущеніе вечеромъ мнѣ все открыло.

Княгиня опустила голову.

— Но это не та опасность, о которой я говорю, — продолжала великосвѣтская змѣя: — Главная опасность заключается въ его любви къ тебѣ... въ любви безумной...

Княгиня радостно улыбнулась.

— Ты думаешь? — спросила она.

— Къ несчастію, я въ этомъ увѣрена...

— Онъ тебѣ сказалъ это?

— Да.

— Что же онъ говорилъ тебѣ?—взволнованнымъ голосомъ торопливо спросила княгиня.

Графиня Клодина рассказала о вмѣшательствѣ въ любовь молодыхъ людей Ивана Деметьевича Курганова.

— О, я теперь все поняла!—воскликнула княгиня, закрывъ лицо руками.

— Несчастный открылъ мнѣ свое разбитое сердце, онъ говорилъ мнѣ о своей безнадежной любви къ тебѣ, о своемъ безъисходномъ горѣ.

Княгиня Зинаида простонала, не отнимая рукъ отъ лица.

Графиня продолжала:

— Его отчаяніе произвело на меня сильное впечатлѣніе... Сознаюсь тебѣ, мнѣ стало искренно жаль его...

— Клодина, Клодина! — подняла голову княгиня Зинаида и вдругъ испуганно спросила:

— Ты не сказала ему, что и я несчастна?..

— Я отъ этого воздержалась...

— Значитъ, онъ думаетъ, что я его не люблю...

— Милая моя, большинство женщинъ умѣютъ скрывать свои чувства, ты же не принадлежишь къ ихъ числу. Твои глаза зеркало

твоей души... Ты сама выдала себя ему съ головой... Онъ понялъ, что ты не забыла его...

— О, горе мнѣ!—воскликнула княгиня.

— Въ настоящее время онъ находится въ отчаянномъ положеніи. Вновь вспыхнувшая страсть къ тебѣ не остановится ни передъ чѣмъ... Меня это заставляетъ опасаться... тѣмъ болѣе, что онъ теперь на хорошей дорогѣ по службѣ... на дорогѣ блестящей...

— Несчастный!—пробормотала княгиня.

— Его любовь безгранична, и во всякомъ случаѣ онъ хочетъ тебя видѣть, съ тобой говорить.

— Это невозможно!—испуганно воскликнула княгиня.

— Эта мысль засѣла ему въ голову... Чтобы добиться этого, онъ на все готовъ, онъ силой ворвется въ твою комнату и, думаю, не побоятся даже твоего мужа, если бы онъ загородилъ ему дорогу.

— И ты не объяснила ему все безуміе этой мысли?

— Объяснять безумному?!

— Что же дѣлать, что же дѣлать?..—говорила княгиня, ломая руки.

— Это-то и есть та опасность, о которой я упомянула и которую надо предупредить...

— Но какъ? Я не вижу средствъ!..

— Подумай, что можетъ произойти, если

между отчаянно влюбленнымъ Петемкинымъ и твоимъ мужемъ произойдетъ стычка.

Молодая женщина задрожала.

— Клодина, Клодина!—умоляющимъ голосомъ сказала она.—Не покидай меня, посоветуй мнѣ...

Несчастливая сама лѣзла въ западню.

Графиня, повидимому, обдумывала и, наконецъ, сказала послѣ продолжительной паузы:

— Знаешь, Зина, что бы я сдѣлала на твоёмъ мѣстѣ.

— О, говори, говори...

— Чтобы предупредить съ его стороны безумную выходку, я согласилась бы на его просьбу, я бы увидѣлась съ нимъ...

— Что ты выдумываешь?! Пойми, какъ я могу его здѣсь принять тайкомъ отъ мужа?..

— Здѣсь, конечно, нѣтъ, но Петербургъ великъ. Есть много мѣстъ гдѣ встрѣтиться. Это можетъ произойти будто бы нечаянно...

— Свиданье!—испуганно вскрикнула княгиня.—Я никогда не рѣшусь на это!

Графиня Клодина закусил губу и окинула свою собесѣдницу злобнымъ взглядомъ.

Это было, впрочемъ, лишь на одно мгновение.

Она переломила себя и сказала ласково:

— Я вѣдь только сказала, что бы я сдѣла-

ла на твоёмъ мѣстѣ... Я опасюсь за твое семейное спокойствіе и хотѣла предупредить катастрофу... Впрочемъ, я не понимаю, что ты видишь дурного въ этомъ свиданіи, тѣмъ болѣе, что имъ, быть можетъ, можно спасти несчастнаго человѣка отъ самоубійства...

Княгиня тихо плакала.

— Подумай объ этомъ, милая Зина,—продолжала графиня.—Дѣло идетъ о жизни и смерти почти юноши, одно твое слово можетъ спасти, или погубить его... Признаюсь тебѣ, что я дала ему слово, что уговорю тебя на это свиданье... Это мой долгъ, а то бы онъ еще вчера надѣлалъ глупостей, которыя могли кончиться смертью его, или князя...

Графиня Клодина, видимо, принимала всѣ мѣры, чтобы запугать княгиню Святозарову и заставить ее рѣшиться на тотъ шагъ, который нуженъ былъ ей для ея мщенія.

Молодая женщина все еще не соглашалась.

Графиня рѣшилась на послѣднюю ставку.

— Знаешь ли, чего я всего болѣе опасюсь?—сказала она.

Княгиня подняла на нее свои заплаканные глаза.

— Говори мнѣ все, что ты думаешь...

— Что онъ вызоветъ твоего мужа на дуэль...

— Но по какой причинѣ?..

— Боже мой, какъ ты наивна; конечно, онъ не скажетъ ему: «я люблю вашу жену»... Мужчины всегда найдутъ какойнибудь поводъ для столкновенія... Онъ умышленно оскорбитъ твоего мужа публично и причина дуэли готова...

Княгиня Зинаида Сергѣевна сидѣла какъ приговоренная къ смерти.

— Что дѣлать? Что дѣлать? — повторяла она.

Графиня Клодина молчала.

— Скажи же мнѣ хоть слово... Дай совѣтъ... — съ болью въ голосъ обратилась молодая женщина къ своей гостьѣ.

— Я уже сказала... — хладнокровно отвѣчала та.

— Согласиться на свиданье... — задумчиво произнесла княгиня.

Графиня продолжала сидѣть молча, перебирая кружева своего платья.

Молодая женщина тоже молчала. По ея лицу было видно, что внутри ея происходила страшная борьба.

— Я хочу его видѣть, я буду съ нимъ говорить! — воскликнула княгиня.

Въ глазахъ графини блеснула злобная радость.

— Я буду съ нимъ говорить! — повторила княгиня. — Но гдѣ и какъ?

— Положись на меня! — съ убѣжденіемъ сказала графиня.

— Ты pomoжешь мнѣ...

— Ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ?!

— И останешься около меня, чтобы, въ случаѣ чего, спасти меня отъ самой себя?

— Я обещаю тебѣ это.

— Но кто его объ этомъ предупредить?

— Я.

— Скажи же ему, что я это дѣлаю только для того, чтобы исполнить твое обѣщаніе... Слышишь?..

— Успокойся... Скажу все, что надо и что оградить твою честь...

— Гдѣ же мы можемъ увидѣться?

— Я обдумываю это и мнѣ кажется, что я придумала.

— Такъ пусть это будетъ завтра, послѣ завтра, какъ можно скорѣй.

Графиня Клодина нѣжно обняла свою жертву и, притянувъ ее къ себѣ, горячо поцѣловала.

— Гдѣ же?—спросила съ дрожью въ голосѣ княгиня.

— Я скажу это тебѣ завтра... Сегодня я все это еще хорошенько обдумаю.

— Гдѣ же мы увидимся?

— Пріѣзжай ко мнѣ... въ это же время...

— Хорошо... И это будетъ завтра же?..

— Этого я не знаю... Ты очень спѣшишь...

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока все это такъ или иначе не кончится...

— Все кончится благополучно... — угломъ рта улыбнулась графиня. — Однако мнѣ пора... Мнѣ еще надо во дворецъ.

Обѣ женщины снова крѣпко разцѣловались.

Искренень былъ поцѣлуй только со стороны княгини Зины.

Х.

Анонимное письмо.

Княгиня Зинаида Сергѣевна на другой день аккуратно прибыла къ своей «спасительницѣ», какъ она мысленно называла графиню Клавдію Афанасьевну.

Домъ графа Переметьева находился на Невскомъ проспектѣ, вблизи Фонтанки, слѣдовательно въ очень недалекомъ разстояніи отъ дома Святозаровыхъ.

Былъ прекрасный день ранней осени.

На дворѣ стоялъ сентябрь.

Подѣхавши къ роскошному дому графа Переметьева, княгиня отпустила свою карету, приказавши пріѣхать за ней часа черезъ три.

У подъѣзда дома она замѣтила карету графини.

— Ужели сегодня! — подумала княгиня и сердце у ней усиленно забилося.

Графиня Клодина ожидала ее дѣйствительно уже въ шляпѣ и послѣ первыхъ привѣтствій объявила, что пора ѣхать.

Княгиня покорно послѣдовала за своей подругой.

Обѣ женщины сѣли въ дожидавшуюся у подъѣзда карету и она покатила.

— Куда мы ѣдемъ? — робко спросила княгиня.

— На Васильевскій...

— Онъ тамъ ждетъ? — тревожно воскликнула княгиня.

— Нѣтъ! Свиданье назначено не на сегодня. Боже мой, какъ ты дрожишь, успокойся или...

— Я не знаю, что со мной? Я ужасно боюсь.

— Боишься, развѣ я не съ тобою...

— У меня какое-то тяжелое предчувствіе близкой бѣды.

— Какой ты еще ребенокъ?

— Клодина, если онъ тамъ не ждетъ, для чего же мы ѣдемъ въ такую даль, на Васильевскій...

— Ты это узнаешь. — смѣясь, отвѣтила графиня.

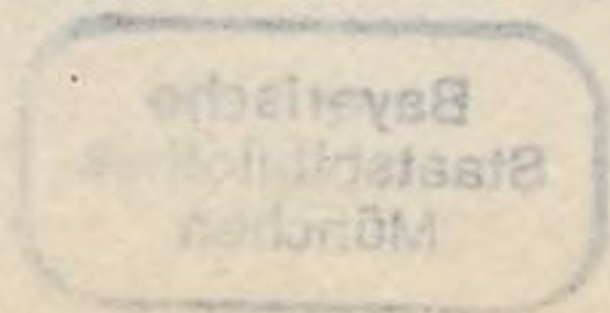
Васильевскій островъ въ описываемое нами время входилъ въ составъ города лишь по 13-ю линію, а остальная часть, вмѣстѣ съ Петербургскою стороною по рѣку Карповку. составляла предмѣстье.

Но и та часть Васильевского острова, которая лежала по эту сторону городской черты, была лишь полужаселена, улицы хотя и были, но по нимъ тянулись заборы досчатые и рѣшетчатые, за которыми при проѣздѣ мелькали деревянныя, а еще рѣже на счетъ каменные строенія.

На десятой линіи, куда привезла графиня Клавдія Аѳанасьевна княгиню Зинаиду Сергѣевну, среди развалившихся хижинъ и заборовъ былъ лишь одинъ почти новенькій одноэтажный деревянный домикъ, весело выглядывавшій изъ-за палисадника, освѣщенный мягкими лучами сентябрьскаго солнца.

Домъ, казалось, необитаемъ. По крайней мѣрѣ, съ передняго фасада пять его оконъ были закрыты ставнями и заложены болтами и открытыми оставались лишь окна, выходившія въ большой дворъ и тѣнистый обширный садъ позади двора.

Карета остановилась и графиня вышла изъ

нея, предложивъ сдѣлать то же самое и своей спутницѣ.

Княгиня съ недоумѣніемъ осматривала пустынную, немощеную улицу съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ.

Клавдія Афанасьевна, между тѣмъ, дернула за звонокъ, находившійся у калитки.

Изъ стоявшей въ глубинѣ двора сторожки показался высокій, нѣсколько сгорбленный старикъ и медленною, развалистою походкою подошелъ къ рѣшеткѣ.

Увидавъ графиню, онъ какъ-то быстро выпрямился и также быстро отодвинулъ засовъ

— Здравствуйте, матушка, ваше сіятельство...—зашамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, низко кланяясь пріѣхавшимъ дамамъ.

— Здравствуй, Акимычъ... все-ли у тебя благополучно?

— Богъ милостивъ, ваше сіятельство... все благополучно... и чему быть неблагополучному... тишь у насъ, да гладь, да Божья благодать!...

— Отопри домъ...—приказала Клавдія Афанасьевна.

Старикъ бросился, насколько позволяли ему его старческія силы, снова къ сторожкѣ и вышелъ черезъ минуту уже къ вошедшимъ на дворъ дамамъ, гремя ключами...

Направившись къ дому, онъ отперъ подъѣздъ и графиня съ княгиней вошли въ домъ.

Онъ былъ не большой, но очень уютный, вся меблировка, состоявшая изъ дорогой мебели, зеркалъ, бронзы, содержалась въ образцовой чистотѣ.

Изъ оконъ, выходившихъ въ садъ и во дворъ, лились потоки свѣта.

— Гдѣ мы?—удивленно спросила княгиня.

— У меня! — отвѣчала Клавдія Афонасьевна.

— У тебя!

— Да, этотъ домъ принадлежалъ матери моего мужа, которая до самой смерти не хотѣла переѣхать въ другую часть города. Послѣ ея смерти, мужъ оставилъ его какъ онъ есть, но конечно ремонтировалъ, оттого онъ и выглядываетъ почти новымъ. Старикъ Акимычъ, бывшій дворецкій старой графини, съ женой и двумя взрослыми дочерьми, сторожить этотъ памятникъ его барыни, какъ зенницу ока, старшая его дочь служить у меня камеристкой и все семейство мнѣ очень предано... Я вспомнила объ этомъ домикѣ, заботясь о тебѣ... Домикъ этотъ точно нарочно устроенъ для свиданій... влюбленныхъ.

Княгиня вспыхнула и укоризненно посмотрѣла на свою подругу.

Та какъ будто не замѣтила этого взгляда и продолжала.

— Сегодня суббота... Черезъ недѣлю я пріѣду сюда въ это же время... Теперь ты знаешь дорогу и можешь пріѣхать одна... Впрочемъ, карета, которая привезла насъ сюда, будетъ ожидать тебя у подъѣзда моего дома и доставить тебя безъ хлопотъ въ этотъ глухой уголокъ Петербурга... За это время я извѣщу Потемкина и онъ также пріѣдетъ сюда... Мы оба будемъ тебя ждать послѣ трехъ часовъ...

— Если это уже такъ надо, то я пріѣду... — сказала княгиня съ дрожью въ голосѣ: — Но ты вѣдь будешь здѣсь, неправда ли... Ты будешь около меня? Ты мнѣ это обѣщала...

— Да, да, если ты этого хочешь, успокойся...

— У меня нѣтъ больше отъ тебя тайнъ, Клодина, все, что бы я ни говорила съ Григоріемъ Александровичемъ, ты можешь слышать...

— Какое счастье, что я вспомнила объ этомъ домикѣ... — замѣтила графиня, не отвѣчая ничего на слова Зинаиды Сергѣевны.

Они вышли изъ дома.

Акимычъ почтительно ожидалъ ихъ у крыльца.

— Иди, садись въ карету, я сдѣлаю толь-

ко кое-какія распоряженія... — сказала графиня и, подошедши къ старику, стала ему говорить что-то вполголоса.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла изъ калитки и сѣла рядомъ съ сидѣвшей уже въ каретѣ княгиней Святозаровой.

Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа онѣ были уже дома и княгинѣ вскорѣ доложили, что за ней пріѣхала карета.

Подруги разстались, крѣпко нѣсколько разъ поцѣловавшись.

Недѣля прошла.

Княгиня Зинаида Сергѣевна съ удовольствіемъ бы провела эти дни наединѣ сама съ собою, но графиня Клодина, видимо, опасаясь, какъ бы ея подруга не раздумала и не разрушила бы этимъ весь хитро придуманный планъ, являлась къ ней ежедневно и подъ какимъ нибудь предлогомъ увозила ее изъ дому.

Въ субботу утромъ, князь Андрей Павловичъ Святозаровъ получилъ слѣдующее письмо:

«Ваше сіятельство!

«Одинъ преданный вамъ другъ считаетъ своею священной обязанностью предупредить васъ о дѣлѣ, которое касается вашей чести и семейнаго счастья и которое извѣстно уже всему Петербургу. Уже съ мѣсяцъ, какъ княгиня Святозарова назначаетъ свиданья одно-

му молодому офицеру. Эти свиданья происходят въ 10-й линіи Васильевского острова. Тамъ есть единственный приличный домъ съ тѣнистымъ садомъ и вы безъ труда найдете его. Сегодня, въ субботу, они должны видѣться тамъ послѣ трехъ часовъ. Отъ васъ зависитъ, ваше сіятельство, убѣдиться въ справедливости этихъ словъ и наказать тѣхъ, кто покрываетъ незаслуженнымъ позоромъ ваше честное имя».

Прочитавъ эти строки, князь, какъ пораженный громомъ, упалъ въ кресло въ своемъ обширномъ, роскошно отдѣланномъ кабинетѣ.

Его била лихорадка и онъ обезумѣвшими глазами смотрѣлъ на листокъ бумаги, который держала его дрожащая рука.

— Какая подлость! — хрипло простоналъ онъ и злобно скомкалъ роковое письмо.

Нѣсколько минутъ онъ остался неподвиженъ и даже пересталъ дышать.

Затѣмъ онъ поднялъ голову, его поблѣднѣвшія губы горько улыбались.

— Анонимное письмо! — съ омерзениемъ сказалъ князь самому себѣ.

Вдругъ въ груди его заклокотало ревнивое бѣшенство.

— Но если это правда! — прошепталъ онъ. — У меня нѣтъ враговъ! И притомъ этотъ подробный адресъ... Нѣтъ, это должно быть

правда... Она не любить меня... О, позоръ, позоръ! Обмануть, обмануть ею... О несчастная, презрѣнная женщина... Ничто не удержало ее безстыдную отъ преступной страсти— даже мысль о своемъ ребенкѣ не могла спасти ее! Она украла мою честь и покрыла позоромъ мое имя и колыбель своего ребенка... А я... я любилъ ее такъ искренно... Я все еще люблю ее и теперь!.. О, какъ справедливо было мое подозрѣніе... Это ужасно, ужасно!

Онъ вскочилъ въ неистовствѣ.

Изъ его груди вырывались глухіе стоны, его руки поднялись, какъ бы кому угрожая.

Было мгновенье, когда онъ хотѣлъ идти къ женѣ и показать ей это письмо.

Еслибы онъ это сдѣлалъ, княгиня могла бы сейчасъ оправдаться, рассказавъ всю правду.

Но, къ несчастію, князь этого не сдѣлалъ.

Ревность—плохой совѣтникъ.

Она овладѣваетъ разумомъ и сердцемъ и смущаетъ самую сильную душу.

Князь рѣшилъ убѣдиться и отомстить.

Дьявольскій планъ графини Клодины удался какъ нельзя лучше.

Князь нервными шагами сталъ ходить по кабинету, стараясь успокоиться, что было необходимо для появившагося въ головѣ его плана.

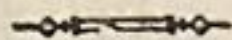
Спокойствіе, между тѣмъ, не давалось ему.

Напротивъ, онъ болѣе и болѣе растранивалъ себя, припоминая поведеніе своей жены за послѣднее время. Оно представлялось ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Ея слова, ея движенія, самое выраженіе ея лица возставали въ его односторонне направленномъ умѣ уличающими фактами ея невѣрности.

Сомнѣніе въ ея виновности черезъ какіе нибудь полчаса выросло въ твердую увѣренность...

— О, я буду отомщенъ, я смою мой позоръ кровью...

Онъ бросился въ дѣтскую, чтобы у колыбели своего ребенка найти силу пережить тѣ нѣсколько часовъ, которые остались до полного убѣжденія въ томъ ужасномъ фактѣ, что онъ «обманутый мужъ» и что у его сына нѣтъ «честной матери».

XI.

Двойной выстрѣлъ.

Къ завтраку графъ вышелъ по наружности совсѣмъ покойный.

Онъ принудилъ себя даже къ разговору съ своей женой.

При этомъ, однако, онъ пристально смо-

трѣлъ на нее и замѣтилъ, что она имѣла разстроенный и разсѣянный видъ.

— У нея нечистая совѣсть!—подумалъ онъ. После завтрака онъ спросилъ:

— Ты сегодня дома?

— Нѣтъ, я думаю выйти.

— Куда, можно полюбопытствовать?

— Къ Клодинѣ.

— Но она, кажется, была вчера у тебя?

— Да, но я обѣщала ей сегодня привезти узоръ для подушки...

— Ты поѣдешь въ каретѣ...

— Нѣтъ, я хочу пройтись, мнѣ необходимо движеніе...

— Какъ хочешь... Я также ѣду...

Съ этими словами онъ вышелъ изъ столовой.

Княгиня вздохнула.

Ее снова охватилъ страхъ.

Но не ѣхать было нельзя. Графиня и онъ ждали.

— Быть можетъ, я поступаю нехорошо, но я дѣлаю такъ, какъ подсказываетъ мнѣ моя совѣсть!—подумала княгиня.

Князь Андрей Павловичъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ и съ силой дернулъ за сонетку.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ камердинеръ.

— Велите заложить карету, чтобы она не

выѣзжала къ подъѣзду ранѣе, нежели я скажу.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство!—сказалъ старый слуга и направился къ двери.

— Степанъ!—остановилъ его князь.—Когда графиня выйдетъ изъ дома, доложишь сейчасъ же мнѣ.

Камердинеръ вскинулъ удивленно-испуганный взглядъ на своего барина, но тотчасъ потупился и произнесъ лаконически: «слушаю-съ», удалился.

Князь подошелъ къ одному изъ библиотечныхъ шкафовъ, стоявшихъ по стѣнамъ обширнаго кабинета, отперъ ящикъ и отворилъ его.

Вынувъ черной кожи футляръ, онъ открылъ его.

Въ футлярѣ оказался изящно отдѣланный пистолетъ-двустволка.

Положивъ обратно футляръ въ ящикъ, онъ вынулъ изъ послѣдняго пороховницу «мѣшечекъ съ пулями». Медленно и тщательно зарядивъ пистолетъ, онъ сунулъ его въ карманъ.

Медленными шагами началъ онъ ходить по кабинету.

Дверь отворилась и на ея порогъ появился камердинеръ.

— Ея сіятельство изволили выйти изъ дому!—доложилъ онъ.

Князь вздрогнулъ, остановился, обвелъ слугу недоумѣвающимъ взглядомъ и вдругъ какъ бы что-то вспомнивъ, быстро направился къ выходу изъ кабинета, бросивъ на ходу камердинеру:

— Велите подавать карету!

Камердинеръ посторонился, чтобы пропустить князя и, печально качая головой, пошелъ исполнять приказаніе.

Когда князь вышелъ изъ подъѣзда, онъ увидѣлъ свою жену въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ себя, уже подходящей къ Аничкову мосту.

Князь Андрей Павловичъ пошелъ пѣшкомъ, приказавъ экипажу слѣдовать за собой шагомъ.

Онъ быстро дошелъ до моста, чтобы не потерять изъ виду жену.

Послѣдняя шла не торопясь по Невскому проспекту и не доходя до дому графа Переметьева, вдругъ скрылась.

Это поставило графа въ недоумѣніе, но лишь на минуту.

Онъ увидѣлъ, что стоявшая у тротуара карета отъѣхала.

— Она сѣла въ заранѣе приготовленную карету!—догадался онъ

Вскочивъ въ свою карету онъ приказалъ кучеру слѣдовать на разстояніи за ѣхавшимъ экипажемъ.

Блѣдный, съ стиснутыми отъ внутренней боли зубами, онъ то и дѣло высовывался изъ окна кареты и страшнымъ взглядомъ слѣдилъ за экипажемъ, увозившимъ его жену на любовное свиданье.

Княгиня Зинаида Сергѣевна ѣхала тоже ни жива, ни мертва, хотя, конечно, и не подозрѣвала, что въ ста шагахъ отъ нея ѣхалъ за ней ея мужъ.

Графиня Клавдія Афанасьевна, понятно, и не подумала ѣхать въ этотъ день на Васильевскій островъ.

Устроивъ ловушку своей подругѣ, она ограничилась лишь тѣмъ, что отдала на этотъ день соотвѣтствующія приказанія Акимычу, его женѣ и дочерямъ на случай прибытія въ западную намѣченныхъ ею жертвъ.

Сама же она въ тотъ моментъ, когда обѣ кареты съ княземъ и княгиней Свѣтозаровыми уже подѣзжали къ 10-й линіи Васильевского острова, спокойно обсуждала съ своей портнихой фасонъ новаго бальнаго платья къ предстоящему зимнему сезону.

Княгиня робко вышла изъ остановившаго-

ся экипажа и съ замираніемъ сердца подошла къ калиткѣ.

Она оказалась отворенной.

Она вошла во дворъ и направилась къ парадному крыльцу, тоже оказавшемуся незапертымъ.

Пройдя переднюю и залу, она очутилась въ гостиной, окна которой выходили въ садъ.

Здѣсь она увидала совершенно незнакомаго ей молодого офицера.

Это не былъ Потемкинъ...

— Поручикъ Евгеній Ивановичъ Костого-ровъ. — представился онъ ей, почтительно кланяясь.

— Что вамъ угодно? — растерянно произнесла княгиня и зашаталась.

Онъ ловко подставилъ ей кресло, въ которое она скорѣе упала, нежели сѣла.

— Мой другъ и товарищъ Григорій Александровичъ просилъ... поручилъ... — началъ, путаясь, молодой человѣкъ.

— Что онъ поручилъ вамъ? — снова почти безсознательно спросила княгиня, вся дрожа отъ волненія.

— Хотя онъ и желалъ бы очень видѣться съ вами, независимо отъ вашего настойчиваго приглашенія, переданнаго ему вашей зна-комой...

Княгиня подняла голову и окинула его удивленнымъ взглядомъ.

— Но, обдумавъ все серьезно и хладнокровно... онъ нашель, что это свиданье будетъ лишь лишней мукой для него и для васъ... Вамъ лучше не видѣться совсѣмъ... особенно наединѣ... Онъ просилъ васъ извинить его... Онъ не будетъ...

— И это онъ... поручилъ... сказать... вамъ... когда самъ...

Княгиня остановилась и поблѣднѣла еще болѣе...

— За мою скромность... я ручаюсь вамъ честью нашего мундира... Притомъ, я не имѣю удовольствія васъ знать... не знаю и не хочу знать вашего имени... — сказалъ молодой человѣкъ, думая, что сидѣвшую передъ нимъ барыню возмутила откровенность съ нимъ Потемкина.

— Но гдѣ же графиня? — вдругъ вскрикнула Зинаида Сергѣевна.

Молодой офицеръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я не знаю никакой графини и не видѣлъ здѣсь никого.

Княгиня поднялась въ страшномъ волненіи.

Она стала понимать правду.

Въ это время съ улицы донесся шумъ подѣхавшаго экипажа.

— Это ловушка! — бормотала она: — Это ловушка! Но къ чему, зачѣмъ?

Молодой человѣкъ былъ изумленъ

Въ сосѣдней комнатѣ раздались тяжелые шаги.

Княгиня бросилась къ двери и очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ.

— Измѣна, подлость! — вскрикнула она и стала передъ княземъ, преграждая ему дорогу.

Лицо князя Андрея Павловича страшно измѣнилось. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно — губы его дрожали.

Въ рукѣ у него былъ пистолетъ.

Онъ прямо подошелъ къ молодому офицеру.

— Выслушай меня, выслушай меня! — кричала княгиня, бросаясь между мужемъ и молодымъ человѣкомъ.

Онъ съ силою оттолкнулъ ее.

Онъ совершенно обезумѣлъ.

— Милостивый государи! Я клянусь вамъ, что я эту барыню... — началъ было молодой человѣкъ, но не успѣлъ окончить фразы.

Раздался двойной выстрѣлъ.

Графъ выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ.

Несчастный молодой человекъ глухо вскрикнулъ и упалъ къ ногамъ графа.

Княгиня съ крикомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ къ раненому, но вдругъ зашаталась и упала около него.

— Я отомстил! — пробормоталъ князь, взглянувъ на свою жертву.

Съ этими словами онъ бросилъ пистолетъ въ окно, въ садъ.

Затѣмъ онъ поднялъ свою жену на руки и понесъ ее, запачканную кровью, изъ дома черезъ дворъ на улицу, гдѣ кучера весело бесѣдовали другъ съ другомъ.

Появленіе князя съ безчувственной княгиней на рукахъ прекратило разговоръ.

Оба кучера обмѣнялись взглядами.

Князь положилъ свою жену въ карету, сѣлъ рядомъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой.

Княгиня очнулась уже около Невскаго проспекта. Она удивленно обвела глазами кругомъ себя и вспомнила все.

Съ какимъ то паническимъ ужасомъ она отодвинулась отъ своего мужа въ уголъ кареты.

— Онъ умеръ! — простонала она.

— Я, защищая свою честь, убилъ твоего любовника!.. — сказалъ князь.

Глаза ея сверкнули гнѣвомъ. Она уже готова была защищаться, но вдругъ замолчала.

Незаслуженное оскорбленіе возмутило ее.

Если она рѣшилась на это роковое устроенное графиней свиданье, то только для того, чтобы спасти своего мужа отъ безумной выходки влюбленнаго въ нее Потемкина, а теперь этотъ мужъ, убійца ни въ чемъ не повиннаго человѣка, смѣетъ бросать ей въ глаза обвиненіе въ невѣрности.

Она и Потемкинъ сдѣлались жертвою гнусной интриги злой, хитрой и мстительной женщины, его другъ, взявшійся исполнить его порученіе, подсказанное благоразуміемъ, поплатился за это жизнью, а этотъ убійца спокоенъ и считаетъ себя правымъ.

— Почему же вы меня также не убили, какъ этого несчастнаго...—произнесла она, судорожно подергивая губами.

— Ты мать моего ребенка!—сказалъ онъ—и не смотря на все это, я люблю еще тебя...

Она вздрогнула.

— Да, — продолжалъ онъ ласково — это правда, Зина, я все еще тебя люблю, я постараюсь забыть... — сдавленнымъ шепотомъ—проговорилъ онъ послѣднія слова.

— Свое преступленіе...—сказала она.

— Позоръ, которымъ ты меня покрыла...—отвѣчалъ онъ.—И если ты хочешь, я могу тебя простить...

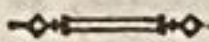
Она презрительно пожала плечами и сухо отвѣтила.

— Я не нуждаюсь ни въ чьемъ прощеніи, а въ вашемъ въ особенности... Забудьте сегоднѣшній день, если можете, а я, я не въ силахъ забыть его.

Въ это время карета остановилась у подъѣзда.

Князь вышелъ и предложилъ руку женѣ, чтобы помочь ей, но она сдѣлала видъ, что не замѣтила его протянутой руки.

Вошедши въ домъ, она тотчасъ ушла въ свою комнату и заперлась изнутри.

ХІІ.

Предсмертная записка.

Оставшись наединѣ съ собой, княгиня опустилась въ кресло, закрыла лицо руками и неудержимо зарыдала.

Напряженные съ того момента, какъ она очнулась въ каретѣ и вспомнила все, нервы не выдержали и она должна была найти исходъ въ слезахъ, крупными каплями катившихся изъ глазъ несчастной женщины.

— Ея мужъ — убійца ни въ чемъ неповиннаго человѣка! Она — участница этого преступленія, главная причина смерти товари-

ща, друга ея дѣтскихъ игръ, предмета ея первой и, кажется, послѣдней любви — Потемкина.

Она вся дрожала при этомъ воспоминаніи.

Вдругъ ей пришла на память графиня Клодина.

Лицо княгини исказилось отъ внутренняго волненія.

О, какъ она ненавидѣла теперь эту женщину!

— Это чудовище! — вслухъ произнесла она съ омерзеніемъ.

Она бросилась на колѣни передъ висѣвшими въ углу образами, ломала руки, рыдала и, молилась.

Въ опустѣвшемъ домикѣ на Васильевскомъ островѣ происходила, между тѣмъ, другая, полная ужаса сцена предсмертныхъ мукъ молодого офицера.

Несчастный Костогоровъ отъ неистоваго крика и паденія княгини пришелъ на нѣкоторое время въ себя.

Онъ видѣлъ, какъ князь унесъ на рукахъ свою жену и понялъ, что послѣдній принялъ его за любовника, разбившаго его семейное счастье.

Евгеній Ивановичъ хотя и присѣлъ на полу но чувствовалъ себя очень слабымъ.

Онъ сознавалъ опасность своего положенія

и не обольщался надеждою на возможность жить.

Въ его умѣ сложилась какая-то странная увѣренность, что онъ раненъ смертельно.

Вслѣдствіе этого онъ откинулъ всякую мысль о себѣ и задумался надъ положеніемъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой роковой драмѣ, гдѣ онъ разыгралъ роль случайной жертвы.

Только случайной—это онъ хорошо понималъ.

Сидѣвшія въ немъ пули предназначались для Потемкина. Послѣдній, конечно, не зналъ объ этомъ, посылая его на это роковое свиданіе.

Эта дама и ея мужъ несомнѣнно принадлежать къ высшему петербургскому свѣту и ни онъ, ни она неповинны въ его смерти. Она, понятно, менѣе всѣхъ, придя на свиданье любви, рассчитывала сдѣлаться свидѣтельницей убійства. Онъ, заставъ жену свою съ любовникомъ, каковымъ долженъ былъ быть сочтенъ каждый мужчина, находившійся наединѣ съ его женой, имѣлъ нравственное право кровью похитителя его чести смыть позоръ съ своего имени.

Значитъ виновныхъ въ его смерти нѣтъ.

Такъ рѣшилъ умирающій.

За что же они страдаютъ за него, если

его трупъ найдутъ здѣсь и начнется слѣдствіе?

За что онъ заставитъ ихъ испытать всѣ непріятности полицейскихъ розысковъ?

Нѣтъ, никогда! Вѣдь этимъ онъ не вернетъ себя къ жизни.

Съ усиліемъ онъ растегнулъ мундиръ и вынулъ изъ кармана записную книжку съ карандашемъ. Вырвавъ листокъ, онъ написалъ слабѣющей рукой слѣдующія строки.

«Въ смерти моей прошу никого не винить... Я застрѣлился самъ. Костогоровъ».

Спрятавъ записную книжку, онъ сунулъ въ карманъ и на писанную имъ записку.

Еще минуту и онъ бы опоздалъ. Въ глазахъ его потемнѣло и онъ лишился чувствъ.

Пришедшій вскорѣ Акимычъ засталъ бездыханный трупъ.

Онъ бросился въ полицію, которая вскорѣ прибыла на мѣсто и увезла покойника въ часть впрядь до выясненія личности застрѣливагося офицера.

Найденная въ карманѣ записка, а въ саду револьверъ привели полицію къ несомнѣнному убѣжденію, что офицеръ застрѣлился.

Оставался открытымъ вопросъ, какъ и зачѣмъ попалъ онъ въ необитаемый домъ графа Переметьева.

Спрошенный Акимычъ отозвался положительнымъ незнаніемъ.

— Провѣтриваль я, ваше благородіе, комнаты,—отвѣчалъ онъ на вопросъ квартальнаго,—можетъ и забылъ запереть входную дверь, а какъ его милость забрались туда и засѣли—мнѣ невѣдомо.

На этомъ показаніи старикъ и уперся.

Вѣсть о самоубійствѣ офицера на Васильевскомъ островѣ, доложенная въ тотъ же день государынѣ полиціймейстеромъ, облетѣла быстро весь городъ и достигла графини Переметевой и князя и княгини Святозаровыхъ—этихъ трехъ лицъ, которыя знали болѣе по этому дѣлу, нежели петербургская полиція.

Графъ Петръ Антоновичъ Переметевъ съѣздилъ къ полиціймейстеру и этотъ визитъ сдѣлалъ то, что неправдоподобному показанію Акимыча о томъ, что ему неизвѣстно, какимъ образомъ поручикъ Костогоровъ очутился въ охраняемомъ имъ домѣ, дали полную вѣру.

На князя извѣстіе о найденной запискѣ самоубійцы произвело самое тяжелое впечатлѣніе.

— Сильно же онъ любилъ ее, если ходилъ на свиданья, постоянно ожидая смерти, и чтобы не набросить тѣнь на любимую жен-

щину, носилъ въ карманѣ свой смертный приговоръ.

Съ княгиней произошло нѣчто необычайное.

Она вдругъ безумно, страстно полюбила этого погибшаго изъ-за нея человѣка.

Утро другого дня застало ее несомкнувшею глазъ всю ночь.

Она провела ее въ слезахъ и молитвѣ за наканунѣ ей неизвѣстнаго, а теперь дорогаго покойника.

Ея жизнь была разбита—она это чувствовала.

Для нея не существовало теперь ни счастья, ни покоя.

Сердце ея навсегда закрылось для ея мужа.

Его ревность, его постоянно мрачное настроеніе навсегда оттолкнули ее отъ него.

Кровь невиннаго человѣка, которую онъ пролилъ, легла между нимъ и ей глубокою пропастью.

Они не могли болѣе жить вмѣстѣ.

Княгиня рѣшила уѣхать и жить вдали отъ людей, похоронивъ свою молодость.

Только мысль о ея ребенкѣ немного останавливала ее—она знала, что его не отдадутъ ей.

Но страхъ и отвращеніе къ ея мужу преодолѣли въ ней и материнское чувство.

Ея ребенокъ и безъ того такъ мало принадлежалъ ей.

Болѣе всего ее гнала отъ мужа одна мысль, что онъ можетъ подумать, что она хочетъ оправдаться передъ нимъ. Она, напротивъ, не хотѣла, чтобы онъ хотя на минуту усомнился въ ея виновности.

Въ этомъ она находила удовлетвореніе своей гордости, возмездіе за свое глубоко оскорбленное чистое сердце.

Не хотѣла ли она своимъ молчаніемъ пробудить въ душѣ мужа угрызенія совѣсти?

Можетъ быть!

Она боялась одного, что мужъ не пуститъ ее, что онъ захочетъ продолжать эту теперь невыносимую для нея совмѣстную жизнь.

Она встала съ постели, отперла дверь и дернула за сонетку.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась ея горничная Аннушка, молодая миловидная брюнетка съ вздернутымъ носикомъ и бойкими глазами.

— Анята, прикажи принести сюда изъ гордеробной сундуки и чемоданы и уложить всѣ мои вещи.

Аннушка, хотя и знала отъ прислуги о размолвкѣ между княземъ и княгинею, но все же сдѣлала удивленный видъ и остановилась, какъ бы не понявъ приказанія.

— Что же ты стоишь, развѣ ты не поняла меня?

— Поняла, ваше сіятельство, но развѣ вы...
— дѣвушка остановилась.

— Что «развѣ я»?

— Уѣзжаете?

— Да, я ѣду...

— Далеко?..

— Ты это увидишь, такъ какъ я возьму тебя съ собою...

— Я готова ѣхать съ вашимъ сіятельствомъ хоть на край свѣта.

— Въ такомъ случаѣ, торопись, такъ какъ мы должны уѣхать сегодня же.

Князю Андрею Павловичу не замедлили доложить, что княгиня готовится къ отъѣзду.

Не прошло и часу послѣ отданнаго Зинаидой Сергѣевной приказанія, какъ князь вошелъ въ ея комнату.

— Правда-ли, что вы хотите уѣхать?

— Да, даже сегодня...

— Сегодня!

— Это мое право...

— Можетъ быть... Но вы не сдѣлайте этого. Зина, умоляю тебя, обдумай хорошенько, пока есть время. Выслушай меня. Я люблю тебя, такъ люблю, что хочу забыть о случившемся.

Она покачала головой.

— Князь, есть вещи, которыя не забываются: кровь, которую вы пролили, покойникъ, который насъ разлучаетъ.

Андрей Павловичъ посмотрѣлъ на жену мрачнымъ взглядомъ.

— Мнѣ странно слышать отъ васъ такія рѣчи. Если я васъ не упрекаю, если я не требую отъ васъ отчета въ поруганіи моего имени, то вы бы должны были молчать также, какъ и я. Тотъ не преступникъ, кто защищаетъ свою честь. Я убилъ негодяя!..

— Князь, не надругивайтесь надъ своей жертвой!

— Вы рѣшаетесь заступаться за него при мнѣ.

— Передъ вами и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Но вѣдь это безстыдство! — воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, князь, это только справедливо.

— Но вѣдь это былъ вашъ любовникъ.

Княгиня промолчала, но потомъ вдругъ спросила.

— Если вы думали, что я опозорила ваше имя, зачѣмъ вы не убили и меня?

— Признаюсь, у меня была эта мысль, но я вспомнилъ о нашемъ ребенкѣ и моя рука не поднялась на тебя... Твой сынъ защитилъ тебя... Онъ еще болѣе чѣмъ моя любовь, заставляетъ меня простить тебя и позабыть о

случившемся... Ему одному ты должна быть благодарна за мое снисхожденіе... Я умоляю тебя остаться...

— Я твердо рѣшила уѣхать, князь... Я хорошо обдумала! Мы не можемъ больше жить вмѣстѣ.

— Да, конечно, я возбуждаю въ васъ отвращеніе—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.— Это понятно. Вы меня никогда не любили, а теперь вы меня ненавидите за то, что я убилъ вашего любовника.

Княгиня задрожала, глаза ея блеснули но она не отвѣтила ничего.

Она внутренно поклялась не защищаться ни однимъ словомъ.

— Вы мнѣ не отвѣчаете?

— Это правда, я васъ не люблю—сказала она наконецъ.— Я не скажу, чтобы вы въ меня вселяли ненависть, но мнѣ жутко около васъ... Я васъ боюсь.

— Если вы уѣдете, то никогда не увидите вашего сына.

— Я это знаю.

— И это васъ не удерживаетъ.

— Нѣтъ...

— Могу я спросить васъ хотя, куда вы ѣдете.

— Въ мое имѣнье, въ Смоленскую губернію.

— Если вы такъ настойчиво рѣшили, я васъ не задерживаю.

Князь вышелъ.

Въ этотъ же день, вечеромъ, княгиня выѣхала изъ Петербурга.

ХІІІ.

В ѣ щ і й с о н ъ.

Какъ громомъ изъ яснаго безоблачнаго неба былъ пораженъ Григорій Александровичъ Потемкинъ при извѣстіи о смерти своего друга и посланника Костогорова.

Онъ хорошо понялъ, что за полицейскимъ протоколомъ о самоубійствѣ Евгенія Ивановича скрывается цѣлая потрясающая жизненная драма, разыгравшаяся въ необитаемомъ домикѣ на 10-й линіи Васильевского острова.

Въ своемъ пылкомъ воображеніи Потемкинъ легко и подробно нарисовалъ себѣ почти близкую къ истинѣ картину появленія оскорбленнаго мужа въ моментъ разговора Костогорова съ княгиней Святозаровой.

Но какимъ образомъ князь узналъ о мѣстѣ и времени этого свиданья?

Интрига графини Цереметьевой стала ясна Григорію Александровичу. Устройство этого

свиданья было местию со стороны отвергнутой невесты князя Святозарова. Григорій Александровичъ зналъ подробности сватовства князя въ Москвѣ—она и увѣдомила князя, она и направила орудіе смерти на голову несчастнаго Костогорова, получившаго пулю въ сердце, предназначенную для него, Цотемкина.

Григорій Александровичъ вздрогнулъ и невольно перекрестился.

Онъ былъ спасенъ положительно чудомъ.

Графиня Клавдія Афанасьевна своимъ змѣинымъ языкомъ съумѣла раздуть въ неупержимое пламя тлѣвшую въ его сердцѣ искру любви къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ и онъ не только рѣшилъ идти на свиданье съ ней, но даже умолялъ графиню ускорить его; онъ заранѣе рисовалъ себѣ одну соблазнительнѣе другой картины изъ этого будущаго свиданья.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ провелъ онъ почти въ лихорадочномъ состояніи, нѣсколько ночей безъ сна. Въ ночь подъ роковую субботу онъ также не могъ сомкнуть глазъ почти до разсвѣта, но утомленный организмъ взялъ свое и подъ-утро Григорій Александровичъ забылся тревожнымъ сномъ.

Вдругъ... Онъ ясно не могъ припомнить, было ли это во снѣ или въ полубодрствен-

номъ состояніи, онъ увидалъ себя перенесеннымъ въ Москву, въ келью архіерея Амвросія. Ему представилась та же обстановка свиданья съ богоугоднымъ старцемъ, какая была передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Не ходи, сынъ мой, оставайся, на гибель себѣ и ей идешь... — явственно услышалъ онъ голосъ Амвросія.

Три раза повторилъ старецъ эту фразу.

Потемкинъ проснулся, или лучше сказать очнулся отъ этого кошмара, обливаясь холоднымъ потомъ.

— На гибель себѣ и ей идешь... — звучали въ его ушахъ слова, слышанныя во снѣ.

Они дали толчекъ другому направленію его мыслей.

Онъ началъ разсуждать.

Это самое вѣрное лекарство для влюбленныхъ.

Къ какимъ послѣдствіямъ могло привести, въ счастливомъ случаѣ, это свиданье? Сдѣлаться любовникомъ княгини. Жить постоянно подъ страхомъ свѣтскаго скандала. Каждую минуту, на самомъ дѣлѣ, готовить гибель себѣ и ей! То чувство, которое онъ питалъ къ ней въ своемъ сердцѣ, было первою чистою юношескою любовью, далеко не жаждущею обладанія. Ему даже показалось,

что обладаніе ею низведетъ ее съ того пьедестала, на которомъ она стояла въ его воображеніи, поклоненіе замѣнится страстью, кумиръ будетъ поверженъ на землю.

Онъ вспомнилъ кромѣ этого другой образъ, образъ, видѣнный имъ недавно въ Петергофѣ, лучезарный образъ величественной, геніальной женщины, въ рукахъ которой находились судьбы Россіи и милостивая улыбка которой была, быть можетъ, для него преддверіемъ почестей, славы, кипучей дѣятельности на пользу дорогаго отечества, возвышенія къ ступенямъ трона великой монархини.

Въ немъ проснулось честолюбивое чувство.

Петергофскій образъ заслонилъ собой образъ московскій.

— На гибель себѣ и ей идешь! — снова прозвучали въ ушахъ слова его вѣщаго сна.

Онъ сидѣлъ раздѣтый на кровати въ маленькой петербургской квартиркѣ на Морской улицѣ. Онъ жилъ въ ней вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Евгеніемъ Ивановичемъ Костогоровымъ и даже ихъ кровати стояли рядомъ.

Онъ познакомился съ Костогоровымъ вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Москвы и черезъ мѣсяцъ, два, они стали друзьями и даже изъ экономіи поселились на одной квартирѣ.

— Попрошу Костогорова...—думалъ Григорій Александровичъ, смотря на спавшаго крѣпкимъ сномъ Евгенія Ивановича.—Писать неудобно, не ѣхать совсѣмъ и заставить ее понапрасну ждать еще неудобнѣе; пусть онъ съѣздитъ и деликатно, нѣжно,—онъ это умѣетъ,—объяснить ей всѣ горькія послѣдствія мгновеннаго счастья...

Спавшій Евгеній Ивановичъ Костогоровъ былъ въ своемъ родѣ человѣкъ примѣчательный.

Круглый сирота и уроженецъ Петербургской губерніи,—онъ потерялъ своихъ родителей, которыхъ онъ былъ единственнымъ сыномъ, въ раннемъ дѣтствѣ, воспитывался въ Петербургѣ у своего троюроднаго дяди, который умеръ лѣтъ за пять до времени нашего разказа и Евгеній Ивановичъ остался совершенно одинокимъ.

Всегда ровный характеромъ, мягкій, обходительный готовый на услугу, онъ былъ кумиромъ солдатъ и любимцемъ товарищей. Была, впрочемъ, одна странная черта въ его характерѣ. Не смотря на обходительность и услужливость, онъ умѣлъ держать не только товарищей, но и начальство въ почтительномъ отдаленіи, внушая имъ чувство уваженія, препятствовавшее близкому сближе-

нію и въ особенності тѣмъ отношеніямъ, которыя извѣстны подъ мѣткимъ прозвищемъ амикошонства.

Самъ онъ тоже держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ, но эта склонность къ уединенію, эти старанія избѣгать шумныхъ компаній, объяснялось добродушно знавшими его людьми, созерцательностью его характера, его набожностью, дѣйствительно сильно развитою, и нисколько не оскорбляло товарищей, по прежнему относившихся къ нему съ смѣшаннымъ чувствомъ любви и уваженія.

Съ Григоріемъ Александровичемъ свело Костогорова именно это чувство набожности. Только что готовившійся поступить въ монахи, уйдти отъ міра и его соблазновъ, попавшій въ полкъ, чуть ли не прямо изъ монашеской кельи, Потемкинъ, конечно, представлялъ изъ себя находку для Евгенія Ивановича. Они очень скоро сдѣлались пріятелями, а затѣмъ и друзьями.

Этому способствовало и еще одно драгоценное свойство въ характерѣ Потемкина, онъ не любилъ, какъ онъ выражался, рыться въ чужой душѣ, онъ предоставлялъ человѣку высказываться самому, но никогда не расспрашивалъ.

Люди же съ характеромъ, подобнымъ какъ у Костогорова, страстно желаютъ выска-

заться, но высказаться по своей волѣ, такъ какъ малѣйшее поползновеніе узнать что нибудь отъ нихъ, пугаетъ ихъ и они уходятъ въ самихъ себя какъ улитка въ свою раковину.

Къ этому-то Костогорову и рѣшилъ обратиться съ просьбой замѣнить его на свиданьи съ княгиней Григорій Александровичъ.

Онъ припомнилъ теперь, какъ охотно и быстро согласился Евгеній Ивановичъ исполнить его просьбу, оказавшуюся роковой, не смотря на то, что Потемкинъ не сказалъ ему даже имени дамы, съ которой ему придется имѣть объясненіе.

Въ общихъ чертахъ лишь передалъ онъ своему другу исторію своей любви и возникновеніе мысли о назначенномъ свиданьи.

О причинѣ, заставившей его отказаться ѣхать самому, Григорій Александровичъ умолчалъ.

Одинъ Потемкинъ зналъ тайну смерти несчастнаго Костогорова. Всѣ остальные, знавшіе покойнаго, какъ на причину его самоубійства указывали на странности, обнаруживаемыя при его жизни, и посмертная записка умершаго—эта послѣдняя, какъ это ни странно, чисто христіанская ложъ являлась въ ихъ глазахъ неопровержимымъ документомъ.

Найденный въ саду пистолетъ, разряженный на оба дула, въ другое время могъ вызвать на размышленіе, такъ какъ являлось крайне страннымъ, что самоубійца пускаетъ въ себя разомъ двѣ пули и бросаетъ въ садъ орудіе самоубійства. Самая роскошь отдѣлки пистолета могла вызвать соображеніе о непринадлежности его покойному, человѣку блѣдному, жившему незначительнымъ доходомъ съ маленькаго имѣнья въ Петербургской губерніи.

Соображенія эти, впрочемъ, не пришли почему-то въ голову тѣмъ, кому слѣдовало.

Евгеній Ивановичъ Костогоровъ былъ признанъ самоубійцей и, какъ таковой, при строгости тогдашнихъ духовныхъ властей, былъ лишенъ церковнаго погребенія.

Товарищи покойнаго, въ числѣ которыхъ былъ и блѣдный, какъ смерть, Потемкинъ, проводили тѣло Костогорова за черту Смоленскаго кладбища и неотпѣтое опустили въ одинокую среди поля могилу.

Григорій Александровичъ вернулся съ похоронъ разбитымъ и нравственно и физически.

Онъ раздѣлся и въ теченіи цѣлой недѣли, отозвавшись нездоровьемъ, не выходилъ изъ комнаты. Это былъ первый припадокъ хандры, потомъ преслѣдовавшей его всю жизнь.

Образъ покойнаго Костогорова какъ живой стоялъ передъ нимъ и Потемкинъ съ рыданьями надалъ ничкомъ на подушку, не смѣя по цѣлымъ часамъ поднять головы.

Видѣнье исчезало и на смѣну ему появлялось передъ Григоріемъ Александровичемъ смѣющееся злобное лице графини Клавдіи Афанасьевны Переметьевой.

Потемкинъ въ безсильной злобѣ сжималъ кулаки.

Злоба была дѣйствительно безсильна, такъ какъ на другой день послѣ самоубійства Костогорова графиня уѣхала изъ Петербурга, какъ говорятъ, въ Москву, къ своей матери, объ опасной болѣзни которой она получила будто бы извѣстіе.

Отвратительный демоническій образъ графини смѣнялся печальнымъ обликомъ княгини Зинаиды Сергѣевны.

У Потемкина останавливалось біеніе сердца.

Только теперь, когда на любимую имъ женщину обрушилось несчастіе, онъ понялъ, какъ дѣйствительно сильно онъ любилъ ее, какъ дѣйствительно сильно онъ любитъ ее и теперь.

Съ какимъ неземнымъ наслажденіемъ онъ припалъ бы къ ея колѣнямъ и вмѣстѣ съ ней

выплакалъ ихъ общее горе, созданное ихъ разлукою.

Зачѣмъ, зачѣмъ онъ предоставилъ Костогорову право умереть у ея ногъ?

Это право было его—онъ отдалъ его.

Онъ сталъ завидовать лежавшему въ одинокой могилѣ.

— Видѣться съ ней?—мелькнуло въ умѣ.

— Нѣтъ! Никогда!

Между нимъ и ею лежалъ трупъ его друга.

XIV.

Страшный замыселъ.

Вскорѣ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ Петербурга распространилась вѣсть объ отъѣздѣ въ свое родовое имѣніе княгини Зинаиды Сергѣевны Святозаровой.

Свѣтская сплетня сдѣлала свое дѣло и имя княгини и ея странный несвоевременный отъѣздъ начали сопоставлять съ не менѣе таинственнымъ почти бѣгствомъ изъ Петербурга графини Переметевой и странно совпавшимъ съ этими двумя эпизодами самоубійствомъ офицера въ необитаемомъ домѣ покойной графини Переметевой.

Смерть графа Петра Антоновича Пере-

метьева, происшедшая отъ апоплексическаго удара, поразившаго старика черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ отъѣзда его молодой жены, подлила масла въ огонь и свѣтскія розсказни обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ пріобрѣли почти легендарную окраску.

Мы не будемъ разсказывать эти подчасъ довольно пошлыя варіаціи свѣтскихъ сплетень, такъ какъ всѣ онѣ были далеки отъ той истины, которую мы, по праву бытописателя, открыли передъ нашими читателями; скажемъ лишь, что эти толки заняли около мѣсяца, срокъ громадный для скучающихъ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ и жаждущихъ новизны свѣтскихъ кумушекъ.

Отмѣтимъ лишь одинъ свѣтскій пересказъ происшедшаго, не лишенный благородно-рыцарской романической подкладки. Говорили, что покойный Костогоровъ влюбилъ въ себя обѣихъ задушевныхъ подругъ — княгиню Святозарову и графиню Переметьеву и онѣ обѣ назначили ему свиданье въ домикѣ на Васильевскомъ островѣ, чтобы онъ окончательно выбралъ одну изъ нихъ.

Костогоровъ, съ своей стороны также влюбленный въ обѣихъ, не могъ рѣшиться кому отдать предпочтеніе и чтобы не принадлежать ни той, ни другой, покончилъ съ собою,

пустивъ себѣ въ сердце двѣ пули, дабы убить въ немъ обѣ любви.

Князь Святозаровъ и графъ Переметьевъ, узнавъ о коварствѣ своихъ женъ, выгнали ихъ изъ своихъ домовъ. Графъ не перенесъ удара и умеръ; князь же отдался всецѣло воспитанію своего сына Василя, заперевшись у себя дома, даже отъ близкихъ друзей.

Извѣстіе объ отъѣздѣ княгини Святозаровой достигло наконецъ и Григорія Александровича Потемкина.

Чуткимъ сердцемъ понялъ онъ въ связи съ рассказомъ о жизни княгини, слышаннымъ имъ отъ графини Переметьевой, всю разыгравшуюся семейную драму въ домѣ князя Святозарова.

Изъ воспоминаній своего самаго ранняго дѣтства онъ зналъ, что такое ревность необузданнаго мужчины. Его отецъ Александръ Васильевичъ былъ человѣкъ гордый, порою необузданный и не стѣснявшійся въ своихъ желаніяхъ, насколько это позволяло ему его положеніе. Такъ при живой еще первой женѣ, онъ женился на второй—Дарьѣ Васильевнѣ, урожденной Скуратовой и всю свою жизнь мучилъ ее своими ревнивыми подозрѣніями.

Григорій Александровичъ вспоминалъ

сколько разъ обливала эта несчастная женщина его прижатую къ ея груди бѣлокоруую головку горячими слезами несправедливой обиды.

Выдержала и бы она, если бы ревнивецъ-деспотъ вскорѣ не умеръ.

Потемкинъ старался узнать, куда именно уѣхала княгиня Святозарова и узнавъ, что ея родовое имѣнье находится по сосѣдству съ маленькимъ имѣньищемъ его матери, тотчасъ отписалъ ей, прося постараться завести знакомство съ княгиней и отписывать ему, что бысъ ея сіятельствонъ ни приключилось, держа въ секретѣ это его порученіе.

Мать Григорія Александровича, Дарья Васильевна, жившая безвыѣздно въ своемъ имѣньицѣ, скоро отвѣтила на эту просьбу сына полнымъ согласіемъ, а затѣмъ описала и первое посѣщеніе ею княгини, которая приняла ее «милостиво и ласково» и показала ей «сущимъ ангеломъ».

Вскорѣ пришло и второе письмо, въ которомъ Дарья Васильевна уже прямо хвасталась предъ сыномъ своею близостью къ княгинѣ Святозаровой: «взяла она меня старуху къ себѣ въ дружество», писала она и въ доказательство приводила то обстоятельство, что княгиня повѣдала ей, что «она уже четвертый мѣсяцъ какъ беременна. Какъ она голубушка

радуется, сына-то у ней мужъ-извергъ отнялъ, Господь же милосердный посылаетъ ей другое дѣтище какъ утѣшеніе»,—кончала это письмо Дарья Васильевна.

На самомъ дѣлѣ, когда княгиня узнала, что она готовится вторично быть матерью, невыразимая радость наполнила ея сердце.

У ней отняли перваго ребенка, но Господь ея вознаграждаетъ, сжалившись надъ ней.

На колѣняхъ она благодарила Бога за это счастье.

Передъ ней открывалась новая жизнь. Наступившая пустота, будетъ наполнена — она будетъ жить для своего дорогого ребенка, она прольетъ на него всю теперь по неволѣ скрытую нѣжность своего любвеобильнаго сердца.

Она въ первый разъ плакала отъ радости. Ее посѣтила мысль о мужѣ:

— Если бы онъ теперь пріѣхалъ, я бы открыла ему свои объятія, я бы рассказала ему всю правду, я бы полюбила его—отца моего дорогого будущаго дѣтища...

На другой же день она написала ему письмо:

«Господь меня не оставилъ, Онъ насъ разлучилъ, но Онъ даетъ каждому изъ насъ по ребенку; черезъ пять мѣсяцевъ я сдѣлаюсь снова матерью»—писала она между прочимъ.

Она хотѣла прибавить: Пріѣзжай, я хочу

забыть все, что произошло, я тебѣ докажу свою невинность и мы еще будемъ счастливы», но проснувшись снова въ ея сердцѣ гордость помѣшала ей написать эти строки.

Письмо княгини, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было написано, возбудило въ князѣ Андреѣ Павловичѣ снова лишь сомнѣніе и ревность.

Извѣстіе о беременности жены поразило его такъ сильно, что онъ чуть было не сошелъ съ ума.

Несчастный разсчитывалъ время съ самыми мучительными подробностями и по его разсчету выходило, что это ребенокъ не его.

Это убѣжденіе укрѣпилось въ его умѣ.

Онъ оставилъ письмо жены безъ отвѣта, нанеся ей такимъ образомъ новое оскорбленіе.

Она поняла, что между ней и ея мужемъ—все кончено.

Князь, между тѣмъ, въ мукахъ своихъ страшныхъ сомнѣній не имѣлъ покоя ни днемъ ни ночью.

Всего болѣе возмущало его то обстоятельство, что этотъ незаконный ребенокъ въ одинъ прекрасный день явится на свѣтъ—къ довершенію удара это будетъ сынъ—подъ его именемъ и обокрадетъ его любимаго сы-

на, возметъ его титулъ, права и половину наслѣдства.

Этого онъ не могъ допустить ни въ какомъ случаѣ.

Но какъ?

Для достиженіи этого необходимо было одно, чтобы этотъ ребенокъ исчезъ.

Это былъ единственный выходъ.

Но нельзя же стереть ребенка съ метрическаго свидѣтельства—значить, онъ не долженъ былъ имѣть метрическаго свидѣтельства.

Но какъ это слѣлать?

Надъ этой то думой князь проводилъ безсонныя ночи.

Наконецъ, въ головѣ его созрѣлъ планъ, который показался ему самымъ удачнымъ.

Ребенка необходимо украсть тотчасъ послѣ его рожденія и подкинуть кому-нибудь, какъ незаконнаго.

Онъ позвалъ въ кабинетъ своего камердинера Степана Сидорова, котораго всѣ въ домѣ, начиная съ самого князя, называли сокращенно: Сидорычъ.

Это сокращеніе не было унизительно, а напротивъ, указывало на нѣкоторое почтеніе къ близкому къ барину слугѣ.

Сидорычъ былъ однолѣтокъ графа, и когда то товарищъ его дѣтскихъ игръ. Онъ бого-

творилъ графа и готовъ былъ за него идти буквально въ огонь и въ воду.

Второе онъ даже доказалъ на дѣлѣ, спасши тонувшаго князя, когда еще послѣдній былъ мальчикомъ.

Эта услуга въ связи съ привычкой сдѣлала то, что Сидорычъ сталъ необходимымъ для князя человѣкомъ, повѣреннымъ его сокровенныхъ тайнъ, даже совѣтчикомъ.

Онъ былъ человѣкъ природнаго ума и, находясь постоянно при князѣ, даже вкусилъ отъ образованности, хотя очень поверхностно.

Впрочемъ и образованіе самого князя не было особенно глубже.

— Сидорычъ,—сказалъ ему князь,—я знаю, что ты мнѣ преданъ, ты доказывалъ мнѣ это не разъ, я за это платилъ тебѣ своею откровенностью. Чего я не могъ тебѣ сказать, ты, вѣроятно, догадывался самъ. Такимъ образомъ, ты знаешь всѣ мои тайны, даже семейныя... Сегодня я долженъ тебѣ дать очень важное порученіе, которое будетъ новымъ доказательствомъ моего къ тебѣ довѣрія... Но раньше я долженъ быть вполне увѣренъ, что ты готовъ мнѣ слѣпо повиноваться.

— Вы знаете, ваше сіятельство, что на меня можно положиться! — просто отвѣчалъ Степанъ.

— Хорошо, такъ слушай! Княгиня, ты знаешь, беременна...

Камердинеръ почтительно наклонилъ голову въ знакъ того, что это обстоятельство ему извѣстно.

— Черезъ какихъ нибудь два-три мѣсяца у нея родится ребенокъ.

— Ваше сіятельство такъ любите дѣтей, что, конечно, это доставитъ вамъ большую радости! — замѣтилъ Степанъ полупочтительно, полуфамильярно.

Нельзя было опредѣлить, звучала ли въ его голосѣ иронія, или же онъ совершенно искренно произнесъ эту фразу.

Глаза князя Андрея Павловича сверкнули гнѣвомъ.

— У меня только одинъ ребенокъ... Тотъ, который родится — не мой, я его не признаю и никогда не признаю.

Степанъ въ ужасѣ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Князь подошелъ къ нему ближе и сдавленнымъ шопотомъ заговорилъ.

Слуга почтительно слушалъ, но видимо было, что рѣчь князя производила на него страшное впечатлѣніе.

Онъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе.

— Понялъ? — спросилъ его князь:

— Понялъ! Слушаюсь! — такимъ же сдав-

леннымъ шопотомъ произнесъ Степанъ и шатаясь вышелъ изъ княжескаго кабинета.

XV.

При дворѣ.

Успокоившись за судьбу уѣхавшей княгини и зная, что мать не преминетъ исполнить его просьбу и будетъ сообщать обо всемъ, что случится съ любимой имъ женщиной, Григорій Александровичъ пересталъ хандрить и бросился въ водовородъ свѣтской придворной жизни.

Быть можетъ онъ старался забыться, а быть можетъ ко двору его влекло пробудившееся со всею силою честолюбіе.

Кромѣ чина подпоручика гвардіи, шестисотъ душъ крестьянъ, молодой Потемкинъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Мечты честолюбца исполнялись: первый самый трудный шагъ—начало было сдѣлано. Онъ сталъ извѣстенъ государынѣ, которая невольно обратила вниманіе на величественнаго конногвардейца, образованнаго и остроумнаго.

Въ первые годы царствованія Екатерины, жизнь при дворѣ была непрерывной цѣпью удовольствій.

Увеселенія были распредѣлены по днямъ: въ воскресенье назначался балъ во дворцѣ, въ понедѣльникъ — французская комедія, во вторникъ—отдыхъ; въ среду—русская комедія; въ четвергъ—трагедія или французская опера, причемъ въ этотъ день гости могли являться въ маскахъ, чтобы изъ театра прямо ѣхать въ вольный маскарадъ.

Собранія при дворѣ раздѣлялись на большія, среднія и малыя.

На первыя приглашались всѣ первыя особы двора, иностранные министры, на среднія — одни только лица, пользовавшіяся особеннымъ благоволеніемъ государыни. На малыя собранія—лица близкія къ государынѣ.

На послѣднихъ гостей обязывали отрѣшиться отъ всякаго этикета.

Самой государыней были написаны въ этомъ смыслѣ правила, выставленныя въ рамкѣ подъ занавѣскою.

Правила эти были слѣдующія: 1) оставить всѣ чины внѣ дверей, равномерно какъ и шляпы, а наипаче шпаги; 2) мѣстничество и спѣсь оставить тоже у дверей; 3) быть веселымъ, однакоже ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, какъ заблагоразсудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умѣренно и не очень громко, дабы у прочихъ головы не заболѣли;

6) спорить безъ сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зѣвать; 8) во всякихъ затѣяхъ другимъ не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій могъ найти свои ноги для выходу изъ дверей; 10) сору изъ избы не выносить, а что войдетъ въ одно ухо, то бы вышло въ другое прежде, нежели выступить изъ дверей. Если кто противъ вышеписаннаго проступился, то по доказательству двухъ свидѣтелей, долженъ выпить стаканъ воды, не исключая дамъ, и прочесть страничку Телемахида; а кто противъ трехъ статей провинился, тотъ повиненъ выучить шесть строкъ изъ Телемахида наизусть. А если кто противъ десяти проступится, того болѣе не впускать.

При входѣ вистѣли слѣдующія строки, написанныя государыней:

„Asseyez vous, si vous voulez,
Ou il vous plaira
Sans qu'on vous le répète cent fois“

Григорій Александровичъ былъ принять сперва на среднія, а затѣмъ и на малыя собранія при дворѣ.

Государыня оказывала ему свое благоволеніе. Ей нравились въ немъ умъ, находчивость и смѣлость.

Онъ выказывалъ эти качества очень часто.

Однажды, императрица обратилась къ нему съ какимъ то вопросомъ на французскомъ языкѣ, и онъ отвѣчалъ ей по русски.

Одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ знатныхъ сановниковъ замѣтилъ Потемкину, что подданный обязанъ отвѣчать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ ему задали вопросъ.

Григорій Александровичъ, ни на минуту не смутившись, отвѣтилъ.

— А я напротивъ думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ вѣрнѣе можетъ мысли свои объяснить: русскій же языкъ я учу съ малолѣтства...

Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ. Григорій Александровичъ подошелъ къ столу, оперся на него рукою и сталъ смотрѣть въ карты государыни.

Орловъ шепнулъ ему, чтобы онъ отошелъ — Оставьте его — замѣтила государыня — онъ вамъ не мѣшаетъ.

Распространенное мнѣніе о томъ, что возвышеніе Потемкина произошло почти съ баснословной быстротою, далеко не вѣрно.

Первые годы его служебной карьеры были изъ весьма заурядныхъ и повышение шло довольно обыкновенными шагами.

Будущему «великолѣпному князю Тавриды» приходилось въ это время занимать неподходящія должности и дѣлать страшные скачки отъ одного дѣла къ другому.

Сперва онъ занималъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ казенныхъ мундировъ; затѣмъ засѣдалъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ святѣйшемъ синодѣ, «дабы слушаніемъ, чтаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій навикалъ быть способнымъ и искуснымъ къ сему мѣсту»,—какъ сказано въ указѣ синоду.

Занимая эту должность, онъ продолжалъ состоять въ военной службѣ.

Вскорѣ кромѣ того Потемкинъ былъ отправленъ курьеромъ въ Стокгольмъ, для извѣщенія русскаго посла, графа Остермана, о совершившейся перемѣнѣ въ правленіи.

Тамъ, между прочимъ, одинъ изъ шведскихъ вельможъ, показывая королевскій дворецъ, ввелъ его въ залу, гдѣ хранились трофеи и знамена, отнятыя у русскихъ.

— Посмотрите, какое множество знаковъ славы и чести наши предки отняли у вашихъ!—сказалъ вельможа.

— А наши,—отвѣчалъ Потемкинъ,—отняли у вашихъ еще больше городовъ, которыми и теперь владѣютъ.

Этотъ полный достоинства отвѣтъ моло-

дого офицера не замедлилъ сдѣлаться известнымъ при петербургскомъ дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ.

Государынѣ особенно понравился этотъ отвѣтъ и она была одна изъ ревностныхъ распространительницъ его въ обществѣ.

Звѣзда Потемкина восходила, но восходила не по капризу фортуны-женщины, а въ силу на самомъ дѣлѣ выдающагося ума и способностей, въ которыхъ зоркій глазъ повелительницы Сѣвера, славившейся умѣньемъ выбирать людей, усмотрѣлъ задатки будущаго полезнаго государственнаго дѣятеля.

Служебныя занятія у способнаго и смѣтливаго Потемкина не отнимали много времени.

Свободное время онъ всецѣло посвящалъ двору и свѣту.

Высшее общество Петербурга, въ описываемое нами время, отличалось широкимъ гостепріимствомъ и каждый небогатый дворянинъ могъ весь годъ не имѣть своего стола, каждый день мѣняя дома знакомыхъ и незнакомыхъ.

Такихъ открытыхъ домовъ, не считая въ гвардейскихъ полкахъ, находилось множество.

Первыми аристократическими домами тогда въ Петербургѣ признавались царскіе чер-

тоги слѣдующихъ сановниковъ: графа Разумовскаго, князя Голицына, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графовъ Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строгонова, Панина, двухъ Нарышкиныхъ, Марьи Павловны Нарышкиной.

Приемы у этихъ вельможъ бывали почти ежедневно; на вечерахъ у нихъ гремѣла музыка, толпа слугъ въ галунахъ суетилась съ утра до вечера.

Григорій Александровичъ, въ которомъ принимала участіе сама императрица, конечно, былъ во всѣхъ этихъ домахъ желаннымъ гостемъ.

Онъ былъ на дружеской ногѣ съ братьями Орловыми, изъ которыхъ Григорій не называлъ его иначе какъ «тезкой».

Впрочемъ, отношенія этихъ знаменитыхъ братьевъ, Алексѣя и Григорія, къ Потемкину не были искренни.

Они, какъ умные люди, предвидѣли его возвышеніе, въ душѣ завидовали ему и въ тайнѣ интриговали.

Много нашептывалось о молодомъ камеръ-юнкерѣ государынѣ и это нашептываніе было нѣсколько разъ причиной временнаго невниманія императрицы къ своему будущему знаменитому подданному-другу.

По странной ироніи судьбы Григорій Ор-

ловъ первый способствовалъ приглашенію Григорія Александровича въ интимный кружокъ императрицы.

Потемкинъ обладалъ удивительною способностью поддѣлываться подъ чужой голосъ, чѣмъ нерѣдко забавлялся Григорій Орловъ.

Послѣдній какъ то въ разговорѣ съ императрицей передалъ ей объ этихъ «передразниваніяхъ» молодого офицера.

Екатерина пожелала поближе познакомиться съ забавникомъ.

Спрошенный о чемъ то государыней, Потемкинъ отвѣчалъ ей ея же голосомъ и выговоромъ, чѣмъ до слезъ разсмѣшилъ ее.

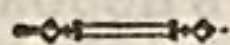
Такъ проводилъ жизнь въ Петербургѣ молодой екатерининскій орленокъ, еще не расправившій какъ слѣдуетъ крылья, чтобы воспарить въ высь къ поднебесью и затмить всѣхъ орловъ ея царствованья, включая и братьевъ Орловыхъ.

Среди великолѣпнаго екатерининскаго двора, среди вихря свѣтскихъ удовольствій, смѣняющихся одно за другимъ какъ бы въ волшебномъ калейдоскопѣ, Григорій Александровичъ ни на минуту не забывалъ отдаленнаго села въ Смоленской губерніи, гдѣ жила отшельницей его первая, святая, незабываемая

мая любовь—княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова.

Съ волненіемъ распечатывалъ онъ еженедѣльно получаемыя имъ отъ матери письма, всегда пространныя, въ которыхъ словоохотливая старушка шагъ за шагомъ описывала жизнь сіятельной затворницы—«ангела-княгинюшки».

Послѣднее изъ этихъ писемъ принесло роковое извѣстіе

XVI.

С о о б щ н и к ъ.

Время появленія на свѣтъ втораго ребенка князя Святозарова приближалось.

Камердинеръ князя Степанъ, котораго мы оставили ушедшимъ неровною походкою изъ кабинета князя Андрея Павловича, зналъ въ общихъ чертахъ судьбу, приготовленную его бариномъ этому имѣющему вновь появиться существу.

Добрякъ по натурѣ, онъ дрожалъ при мысли, что на его долю выпало исполнить это страшное дѣло.

Онъ былъ горячо преданъ своему барину и ставилъ своимъ долгомъ слѣпое ему пови-

новеніе, но въ этомъ случаѣ душа его возмущалась и въ его сердцѣ происходила тяжелая борьба.

Исходъ ея былъ однако въ пользу князя Андрея Павловича.

Сидорычъ не нашелъ въ своей холопской душѣ достаточно силы, чтобы открыто протестовать противъ замысловъ его сіятельства и честно и прямо отказаться отъ возложеннаго на него гнуснаго порученія.

Онъ примирился съ необходимостью и, какъ утопающій хватается за соломенку, схватился за мысль, что, быть можетъ, эта чаша пройдетъ мимо него.

Вскорѣ онъ былъ снова позванъ въ кабинетъ къ князю.

Предчувствуя тему предстоящаго разговора, онъ явился блѣдный, трепещущій.

Это, послѣ описаннаго нами разговора князя съ своимъ камердинеромъ, было уже чуть ли не третье совѣщаніе сообщниковъ.

Князю Святозарову, казалось, доставляло наслажденіе растравлять рану своего сердца, умышленно бередя ее.

Разговоръ съ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ князь могъ говорить о своемъ несчастіи, съ Степаномъ, вслѣдствіе этого былъ всегда со стороны князя разсчитанно-продолжительнымъ.

Онъ то начиналъ въ подробности разсказывать Степану исторію своей женитьбы, своей любви къ женѣ и къ первому ребенку, ея холодность, ея отчужденность отъ него, то старался выпытать отъ него, что онъ самъ знаетъ и думаетъ по поводу его семейнаго разлада.

Такъ было и на этотъ разъ.

— Развѣ ты не знаешь причины, почему княгиня уѣхала изъ Петербурга?.. — спросилъ, между прочимъ, Андрей Павловичъ, пристально смотря на стоявшаго передъ нимъ Сидорыча.

— Если ваше сіятельство настаиваете, то я отвѣчу вамъ правду—я догадался...

— Тогда, значить, ты знаешь, что жена меня обезчестила.

Степанъ печально наклонилъ голову.

— Да! — продолжалъ князь глухимъ голосомъ:—Несчастливая имѣла любовника.

— Вы разсчитались съ нимъ, ваше сіятельство...

— А, ты и это знаешь!..

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, ты хорошо понимаешь, что ребенокъ, который долженъ родиться, не имѣетъ права носить имя князей Святозаровыхъ.

Степанъ снова испуганно вскинулъ глаза на своего барина.

— Это не мой ребенокъ!—выкрикнулъ уже много разъ повторенную имъ фразу князь.

— Если ваше сіятельство мнѣ позволитъ...
—вставилъ Сидорычъ.

— Говори.

— Я думаю, что ваше сіятельство можете ошибаться...

— Я не ошибаюсь... Но, къ дѣлу... И такъ, ты берешься исполнить мое порученіе?...

Степанъ вздрогнулъ, но тотчасъ пересилилъ себя и съ трудомъ выговорилъ:

— Для вашего сіятельства я на все готовъ.

— Слушай же... Необходимо украсть ребенка прежде, нежели его успѣютъ окрестить, а затѣмъ надо скрыть его...

— Ваше сіятельство!..—только произнесъ Степанъ.

— Могу я на тебя рассчитывать, или нѣтъ?

—спросилъ князь, нахмутивъ брови.

— Конечно, но...

— Ну?

— То, что ваше сіятельство хочетъ предпринять, такъ серьезно...

— Я это знаю, но это необходимо... Я долженъ это сдѣлать для моего сына.

— Ваше сіятельство подумали о послѣд-

ствіяхъ, которыя будутъ послѣ исчезновенія ребенка?..

— Конечно.

— И ваше сіятельство не боится?..

— Я ничего не боюсь, кромѣ этого незаконнаго ребенка...

— Но какъ же исполнить это дѣло, у вашего сіятельства, вѣроятно, уже составленъ планъ...

— Планъ... планъ...—схватился за голову князь.—Никакого опредѣленнаго плана, надо просто похитить ребенка, пока его еще не крестили, пока онъ безъ имени... вотъ и все...

— Похитить... легко сказать.

— А еще легче исполнить...—съ раздраженіемъ воскликнулъ князь.—Съ помощью этого можно исполнить все, если только человекъ не глупъ, какъ пробка...

Андрей Павловичъ выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ шифоньерки, у которой стоялъ, и сталъ кидать изъ него на письменный столъ объемистыя пачки крупныхъ ассигнацій.

— Вотъ тебѣ средство и плата за услугу... Надо подкупить окружающихъ княгиню и съ помощью ихъ украсть ребенка.

Онъ продолжалъ бросать ассигнаціи. На столѣ ихъ собралась внушительная кучка.

— Собирай... и въ дорогу... Каждая минута дорога...

Степанъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Отъ вида этого богатства, лежавшаго передъ нимъ и отдаваемого въ его безконтрольное распоряженіе, у него закружилась голова, остановилось біеніе сердца. .

— Собирай же! — крикнулъ князь хриплымъ голосомъ

— Ваше сіятельство... такъ много...

— Это мало сравнительно съ услугой, но если ты доволенъ—тѣмъ лучше... Но, смотри, если ты меня обманешь, я отыщу тебя на днѣ морскомъ и живаго изрѣжу на столько же частей, сколько тутъ ассигнацій...

— Все исполню, что смогу, иначе возвращу деньги вашему сіятельству...—отвѣчалъ Сидорычъ.

— Тогда я убью тебя... — воскликнулъ князь.

Степанъ собралъ пачки и скоро онѣ исчезли въ его объемистыхъ карманахъ.

— Что же надо дѣлать съ ребенкомъ, если удастся украсть его...

— Надо его отдать въ какое-нибудь бѣдное семейство на воспитаніе за хорошее вознагражденіе. Я завѣщаю ему капиталъ, чтобы онъ могъ жить безбѣдно, но главное, чтобы онъ никогда не узналъ тайны своего рожде-

нія... Все это будетъ идти чрезъ твои руки..
Мое имя не должно упоминаться... Объ этомъ
мы поговоримъ послѣ, у насъ будетъ впе-
реди достаточно времени, теперь же поѣз-
жай съ Богомъ...

— Съ Богомъ... — машинально повторилъ
Степанъ.

Печальная улыбка появилась на его гу-
бахъ.

Степанъ отправился къ себѣ.

Много онъ передумалъ за этотъ день и
ночь, которую провелъ безъ сна.

На другой день онъ уѣхалъ изъ Петер-
бурга рано утромъ.

Князь еще не просыпался.

Онъ тоже провелъ бессонную ночь.

Степанъ выѣхалъ изъ Петербурга на почто-
выхъ, и послушный приказанію своего ба-
рина, не жалѣлъ на водку ямщикамъ и по-
тому неся, какъ принято было называть
въ то время «по курьерски».

Но ни быстрая ѣзда, ни комфортъ, кото-
рый на средства князя могъ позволять себѣ
Сидорычъ, не могли освободить его отъ тя-
желыхъ, навязчивыхъ думъ о страшномъ по-
рученіи, которое ему придется исполнить.

Его доброе сердце не могло не понимать
всей гнусности затѣяннаго имъ съ бариномъ
дѣла и ему то и дѣло мерещился во снѣ и да-

же на яву, о́бднѣй ни въ чемъ неповинный ребенокъ, отнятый отъ родной матери и брошенный волею одного человѣка въ совершенно другую обстановку, нежели та, которая принадлежитъ ему по праву рожденія.

— Дѣйствительно ли, что ребенокъ незаконный?

— Имѣетъ князь на это неопровержимыя доказательства, или же это лишь простое подозрѣніе, укрѣпленное злобными чувствами покинутаго мужа!

Такіе, или почти такіе вопросы не давали покоя несчастному Степану ни тогда, какъ онъ какъ вихрь несся по столбовымъ дорогамъ, ни тогда, когда онъ, утомленный бѣшен-ной ѣздой, отдыхалъ въ отведенной ему лучшей станціонной комнатѣ.

— Что если князь отнимаетъ у матери своего собственнаго ребенка, что если онъ его осуждаетъ изъ пустого подозрѣнія на низкую долю? Тогда вѣдь поступокъ его, Степана, является еще болѣе чудовищнымъ. Тогда вѣдь это такой грѣхъ, которому нѣтъ и не можетъ быть прощенія.

Холодный потъ выступалъ на лбу вѣрнаго слуги и сообщника князя Андрея Павловича Святозарова.

Съ другой стороны Степану былъ дорогъ князь Андрей Павловичъ. Онъ любилъ его

не только какъ своего барина, а какъ товарища дѣтства, друга, родного человѣка. Для него онъ готовъ былъ на все. Онъ обѣщалъ оправдать его довѣріе и... оправдаетъ его, хотя бы за это ему пришлось поплатиться гееной огненной.

Но кромѣ этой «геены», которая въ умѣ Степана стала представляться для него неизбежной, но съ которой онъ, въ силу своей любви къ князю, почти примирился, есть и другой судъ, судъ земной, судъ болѣе близкій, судъ, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ означать, что порученіе имъ неисполнено, такъ какъ если онъ будетъ уличенъ въ кражѣ ребенка, права послѣдняго будутъ возстановлены.

А этого именно и не надо.

Ребенокъ долженъ исчезнуть, безслѣдно, навсегда...

Какъ это сдѣлать?

Роковой вопросъ возставалъ передъ нимъ. Князь разрѣшилъ его, указавъ на силу тѣхъ ассигнацій, которыя защиты у него, Степана, въ нагрудникѣ и кафтанѣ.

Но такая сила ли онѣ?

Степана начало брать сомнѣніе.

Вѣдь не будетъ же княгиня молчать и бездѣйствовать, когда у ней украдутъ только что рожденного ею ребенка. Вѣдь у ней

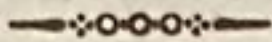
есть тоже такая же сила, которую носить на себѣ Степанъ, даже быть можетъ и большая.

Значить, чья еще возьметъ?

Заподозрѣнныхъ окружающихъ княгиню арестуютъ, начнутъ отъ нихъ допытываться истины и быть можетъ даже навѣрное допытуются. Конецъ обнаруженной нити доведетъ до него, Степана, и до самого князя, а такимъ дѣламъ и сама Государыня не потатица, не посмотритъ на сѣтельное лицо, а упечетъ туда, куда Макаръ и телать не гоняетъ!

Волосы становились дыбомъ подъ шапкой несчастнаго Степана.

Въ такихъ тяжелыхъ думахъ, онъ проѣхалъ всю дорогу, и достигъ наконецъ села Чижева, лежавшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Смоленска и въ двухъ верстахъ отъ имѣнья княгини Святозаровой.

XVII.

Страшный торгъ.

Не зная, какъ и самъ князь Святозаровъ, подробностей устроеннаго графиней Переметевой свиданья княгини съ Потемкинымъ,

вмѣсто котораго явился на него покойный Костогоровъ, Степанъ Сидоровъ избралъ своимъ наблюдательнымъ пунктомъ надъ имѣніемъ княгини Зинаиды Сергѣевны усадьбу Дарьи Васильевны Потемкиной, явившись туда подъ видомъ проѣзжаго купца—скупщика хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ.

Усадьба, какъ мы знаемъ, отстояла отъ имѣнья княгини всего въ двухъ верстахъ и несомнѣнно была совершенно пригодна для цѣлей княжескаго камердинера.

Домикъ старухи Потемкиной былъ старинный, построенный безъ фундамента, такъ что полъ лежалъ почти на землѣ. Дарья Васильевна мало занималась своимъ домомъ, заботясь единственно только о теплѣ. И дѣйствительно, зимою у нея бывало жарко, но за то лѣтомъ полусгнившая тесовая крыша пропускала течь, такъ что въ залѣ, во многихъ мѣстахъ бумага, которой былъ оклеенъ потолокъ отмокла, и висѣла въ видѣ широкихъ воронокъ. Весной же или въ сырую погоду нерѣдко черезъ лакейскія и дѣвичьи двери, если они оставались непритворенными, въ комнаты проникали лягушки и давали о себѣ знать неблагозвучнымъ шлепаньемъ по полу.

Въ этомъ домикѣ все было по старому; какъ

будто жизнь, вошедшая въ него въ началѣ восемнадцатаго вѣка забылась въ немъ и оцѣпенѣла; мебель, домашняя утварь, прислуга и наконецъ, сама Дарья Васильевна въ ея шлафрокѣ на ватѣ и чепцѣ съ широкими оборками—все носило на себѣ печать чего то, существовавшего десятки лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія, стараго, но не старѣющаго.

Среди прислуги Дарьи Васильевны самыя приближенными были старикъ Ѳаддей Емельяновичъ и его жена Лукерья Петровна.

Для краткости ихъ звали Емельянычъ и Петровна.

Первый игралъ роль дворецкаго, а вторая ключницы.

Какъ Емельянычъ, такъ и Петровна любили выпить; оба они были одарены большими носами; оба были стары и нѣжно любили другъ друга.

Подойдетъ, бывало, 60-лѣтняя Петровна къ 70-лѣтнему Емельяновичу, такъ не говоря ни слова, только посмотреть на него значительно, а Емельянычъ, поднявъ свою съдую голову, взглянетъ черезъ окуляры, всегда торчавшіе на кончикѣ его носа, пристально въ глаза своей Петровны и вотъ они уже поняли другъ друга.

Ѳаддей Емельяновичъ возьметъ, положить

въ сторону всегда вертѣвшійся въ рукахъ его чулокъ со спицами, рассѣдлаетъ носъ отъ окуляровъ, скинетъ съ гвоздика свой неизмѣнный длиннополый сюртукъ и ваточный картузь, одѣнетъ и вотъ они рука въ руку идутъ въ кладовую, гдѣ хранятся травникъ и другія цѣлебныя настойки, откуда черезъ нѣсколько времени возвращаются домой, хотя и тѣмъ же порядкомъ и съ тою же любовью, какъ пошли, но уже съ значительно разрумянившимися носами и уже не тою твердою походкою.

Въ жизнь свою они никогда не ссорились, не спорили и ни въ чемъ не упрекнули другъ друга и, когда гораздо уже позднѣе нашего настоящаго разказа, умерла Лукерья Петровна, то старикъ, пережившій ее двумя годами, каждое воскресенье ходилъ версты за три на кладбище, едва передвигая отъ старости ноги, чтобы только посидѣть на могилѣ своей Петровны.

Появленіе въ усадьбѣ Дарьи Васильевны заѣзжаго купца, человѣка бывалаго даже въ столицахъ, было привѣтствуемо гостепріимною по натурѣ Дарьей Васильевной съ живѣйшею радостью.

Эта радость нисколько не уменьшилась даже и тогда, когда Дарья Васильевна, разговорившись съ пріѣзжимъ за чайкомъ, узнала,

что онъ никогда и не слыхивалъ о ея сынѣ офицерѣ Григоріѣ Александровичѣ Потемкинѣ.

Самолюбіе матери было только нѣсколько уязвлено.

Степанъ Сидоровичъ однако же скоро изгладилъ это непріятное впечатлѣніе, рассказавъ кучу питерскихъ новостей, а главное, выразивъ желаніе купить излишекъ хлѣба, домашней живности, полотень и другихъ сельскихъ продуктовъ и выложилъ передъ Дарьей Васильевной пачку ассигнацій въ формѣ крупнаго задатка.

Старушка, жившая далеко не въ большомъ достаткѣ, при тридцати душахъ крестьянъ и двухъ стахъ десятинахъ земли, была очень обрадована свалившимися съ неба деньгами и не знала какъ угодить и куда посадить тароватаго гостя.

Ему отвели горенку рядомъ съ помещеніемъ Емельяныча и Петровны.

— Ты у насъ, батюшка, погости, не стѣсняйся... Гостю мы рады, радешеньки;—сказала Дарья Васильевна.

Степану Сидоровичу этого только и надо было.

На дворѣ стоялъ апрѣль 1763 года.

Въ этотъ годъ была ранняя весна и погода стояла уже теплая.

— Погощу, матушка, если позволите, ужъ больно у васъ мѣсто хорошо, а и погода стоитъ разчудесная, а я погулять люблю, подышать чистымъ воздушкомъ! — отвѣчалъ гость.

— Погуляй, родимый, погуляй... — обрадовалась Дарья Васильевна.

Степанъ Сидоровичъ дѣйствительно началъ гулять.

Онъ навелъ точныя справки о состояніи здоровья княгини Зинаиды Сергѣевны.

Появленія младенца ожидали со дня на день.

Въ домѣ находилась повивальная бабка, выписанная изъ Смоленска.

Всѣ эти свѣдѣнія Сидорычъ получилъ отъ Аннушки, горничной княгини Зинаиды Сергѣевны, уѣхавшей вмѣстѣ съ нею, какъ вѣроятно помнитъ читатель, изъ Петербурга.

Послѣдняя, избалованная въ столицѣ, до смерти скучала въ «медвѣжьей берлогѣ», какъ она называла княжеское имѣнье, гдѣ было одно «сиволапое мужичье», съ которымъ, по ея мнѣнію, ей даже говорить не пристало.

Привыкшая къ поклоненію великосвѣтскихъ лакеевъ, она не обращала никакого вниманія на глазѣющихъ на нее парней, не только деревенскихъ, но даже и дворовыхъ, совершенно «неполированныхъ», какъ опре-

дѣляла ихъ, въ разговорѣ съ княгиней, «питерская принцесса», — насмѣшливое прозвище, присвоенное Аннушкѣ этими же «неполизированными» парнями.

Встрѣчѣ съ Степаномъ Сидорычемъ она обрадовалась до нелзя, забросала его разспросами о питерскихъ общихъ знакомыхъ, и тотчасъ начала жаловаться на свое печальное житье-бытье въ медвѣжьей берлогѣ.

Хитрый и проницательный Степанъ Сидоровъ тотчасъ догадался, что преданная княгинѣ горничная озлилась на свою барыню за пребываніе въ глуши, и представляетъ удобную почву для его плановъ.

Онъ напрямикъ заговорилъ съ нею о порученіи, которое далъ ему князь Андрей Павловичъ, и о хорошей наградѣ, ожидавшей ее, если она будетъ усердной помощницей.

Онъ показалъ ей начку ассигнацій.

— Тутъ три тысячи рублей... и они будутъ твоими, на нихъ ты можешь и выкупиться на волю и сберечь малую толику на приданое... Въ Питерѣ выдешь за чиновника и заживешь барыней, а князь не оставитъ и напредки своими милостями, мало — такъ получай и пять тысячъ...

Такъ говорилъ соблазнитель.

Степанъ не ошибся въ своей жертвѣ.

Аннушка тотчасъ поддалась соблазну и

продала свою барыню за пять тысяч ассигнаціями.

— Надо тоже подмазать и Клавдію Семеновну...— робко замѣтила она.

Клавдіей Семеновной звали повивальную бабу.

— Подмажемъ, не твоя забота... Ты только оборудуй, погудорь съ ней и приведи ее сюда

— Да какъ же это... живаго-то ребенка, да украсть?.. Вѣдь тамъ, окромя меня, прислуга есть... Неровенъ часъ, попадешься — подъ плетми умрешь... — недоумѣвала Аннушка.

— Надо такъ, чтобы не попасться... Да, погоди маленько, я это дѣло обмозгую, еще вѣдь не скоро.

— Да, Клавдія Семеновна говоритъ, что еще денька четыре, а можетъ и вся недѣлька.

— Значить еще время намъ не занимать стать... Погодь, обмозгую...

Степанъ Сидорычъ, несмотря на далекій путь, все еще, дѣйствительно, не обмозговалъ, какъ безопаснѣе устроить порученное ему княземъ страшное дѣло.

Какъ онъ ни думалъ, какъ ни соображалъ, все выходило по русской пословицѣ: «Куда ни кинь, все клинъ».

Покончивъ переговоры съ Аннушкой, онъ

снова сталъ обдумывать окончательно планъ, и снова ничего не выходило.

Счастливый или вѣрнѣе несчастный случай помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія, когда приходилось чуть ли не отказываться, отъ исполненія княжескаго порученія сдѣлавъ половину дѣла.

Судомойка въ домѣ Дарьи Васильевны Потемкиной—Акулина была тоже на сносяхъ и полѣзши въ погребъ, оступилась и родила мертваго ребенка—дѣвочку.

Въ домѣ всѣ завыли и заохали.

Въ числѣ сочувствующихъ несчастію былъ и Степанъ Сидорычъ, только что вернувшійся со свиданія съ повивальной бабкой, соглашавшейся помочь его сіятельству за тысячу рублей, только что бы «безъ риска» и «подъ отвѣтъ непопасть».

При видѣ мертвенькаго младенца, Степана Сидоровича осѣнила мгновенная мысль.

Планъ былъ составленъ.

Онъ отвелъ въ сторону Емельяныча и шепнулъ ему:

— Уступи-ка мнѣ младенца этого мертвенькаго, не хорони.

Старикъ даже отступилъ шага на два отъ говорившаго.

— Чтооо... Кажись я не дослышалъ...

— Уступи мнѣ младенца... говорю... двѣсти рублей дамъ, а то и поболѣ...

— Съ нами крестная сила... Сгинь... разрушья.. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его...

Емельянычъ сталъ истово креститься.

Но дьяволъ, принявшій по его мнѣнію, образъ почтеннаго купца, не исчезалъ.

— Уступи, говорю, мнѣ до зарѣзу надобно, коли двѣсти рублей мало... еще сотнягу набавлю...

Видя, что онъ имѣетъ дѣло не съ «злымъ духомъ», а съ человѣкомъ, у Оаддея мелькнула мысль, что купецъ повредился умомъ и онъ опрометью бросился изъ людской, гдѣ лежала больная съ мертвымъ ребенкомъ, къ барынѣ.

— Что еще?—воскликнула Дарья Васильевна, увидя блѣднаго, какъ смерть, Емельяныча, вошедшаго въ угловую гостинную.

— Съ купцомъ нашимъ, матушка-барыня, неладно...

— Съ какимъ купцомъ?

— Да вотъ съ этимъ, съ питерскимъ...

— Что же случилось...

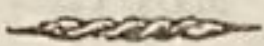
— Въ умѣ, видимо, повредился, родимый!

— Что же онъ сдѣлалъ...

— Никакихъ пока поступковъ, только несетъ совсѣмъ несуразное.

- Что же, говори толкомъ...
- Младенца просить продать ему за триста рублей.
- Какого младенца?
- Акулинина.
- Мертваго...
- Такъ точно...
- А ты нонѣ въ амбаръ ходилъ?
- Ни маковой росинки...

Дарья Васильевна пристально посмотрѣла на Оаддея и убѣдившись, что онъ совершенно трезвъ, сама сперва перетрусила не на шутку и, лишь черезъ нѣсколько времени, придя въ себя, приказала привести къ себѣ Степана Сидорыча.

XVIII.

Н а ч и с т о т у.

Когда Емельянычъ привелъ Степана Сидорича къ Дарьѣ Васильевнѣ, послѣдняя сдѣлала ему чуть замѣтный знакъ, чтобы онъ остался присутствовать при разговорѣ.

— Еще, оборони Боже, бросится съ безумныхъ глазъ драться! — мелькнула у нея трусливая мысль.

Она пристально посмотрѣла на стоявшаго передъ ней съ опущенной головой Степана.

Тотъ былъ окончательно смущенъ.

Работая уже нѣсколько недѣль надъ пріисканіемъ безопаснаго способа исполнить страшное порученіе своего барина и работая безуспѣшно, осѣнившая его мысль при видѣ мертваго ребенка, разрѣшающая всѣ сомнѣнія и долженствовавшая привести все дѣло къ счастливому концу, до того поразила его, что онъ тотчасъ полѣзъ съ предложеніемъ уступить ему мертваго младенца къ Оаддею Емельяновичу, не принявъ во вниманіе, что подобное предложеніе въ свою очередь, должно было поразить старика своею необычайностью и послѣдній, не смотря на соблазнительный кушъ, не только откажется, но доведетъ этотъ разговоръ до свѣдѣнія своей барыни.

Степанъ Сидоровъ все это сообразилъ только тогда, когда уже старикъ, снова вошедши въ людскую сказалъ осторожно и мягко.

— Войди въ комнаты, барыня тебя кличетъ...

Отступать было нельзя и Степанъ машганально отправился вслѣдъ за Емельянычемъ, безъ мысли о томъ, какъ ему придется объяснить странное предложеніе, сдѣланное Оаддею.

Потому-то онъ и предсталъ передъ Дарьей Васильевной съ поникшею головою,

— Ты чего это у меня тутъ смутьянишь... тебя честь честью приняли, какъ гостя, а ты такъ-то за гостепріимство платишь... Думаешь, задатокъ далъ, такъ у меня и домъ купилъ, такъ возьми его назадъ, коли деньги твои въ шкатулкѣ въ прахъ не обратились, ты, можетъ, и впрямь оборотень...

Дарья Васильевна говорила отрывисто и громко, стараясь придать возможную строгость своему голосу, хотя внутренно страшно трусила.

Мысль, что онъ «оборотень» показалась до того странной Степану Сидоровичу, что онъ невольно вскинулъ глаза на говорившую.

Дарья Васильевна въ нихъ не прочла ожидаемаго безумія и нѣсколько успокоилась.

— Что ты за шутки со старикомъ Емельянычемъ шутишь, кажись, онъ тебѣ въ отцы годится, а наось, что выдумалъ, у него мертвыхъ младенцевъ приторговывать... напугалъ и его, да и меня даже до трясучки... Говори, съ чего тебѣ на умъ взбрело такія шутки шутить...

Степанъ Сидоровичъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ; онъ чувствовалъ, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, что такъ быстро и такъ хорошо составленный планъ рушится... Если онъ повернетъ все въ шутку, случай къ чему давала ему въ руки сама Дарья Ва-

сильевна, мертвого младенца зароютъ, а за нимъ все-таки будутъ слѣдить и все кончено.

Планъ исполненія воли князя останется снова неосуществимымъ.

Все это мгновенно промелькнуло въ головѣ Степана.

Онъ рѣшилъ дѣйствовать на чистоту и вдругъ совершенно неожиданно для Емельяныча и для Дарьи Васильевны бросился въ ноги послѣдней.

— Не вели казнить, матушка барыня, вели помиловать!—заговорилъ онъ, лежа ничкомъ на полу.

— Что, что такое, въ чемъ простить... — встала даже съ кресла Дарья Васильевна.

— Я не купецъ... не торговецъ...

— Кто же ты?

— Я камердинеръ его сіятельства князя Андрея Павловича Святозарова.

— Святозарова?—воскликнула Дарья Васильевна и снова, но уже совершенно машинально, опустилась въ кресло.

— Точно такъ, матушка барыня, точно такъ-съ...

Мы уже знаемъ, что Дарья Васильевна, по порученію сына, была знакома съ княгиней Зинаидой Сергѣевной, и по ея рассказамъ, а также изъ писемъ Григорія Александровича, знала, что княгиня разошлась съ мужемъ,

который ее къ кому-то приревновалъ, и уѣхала въ свое помѣстье, чтобы болѣе не возвращаться въ Петербургъ.

Другихъ подробностей княжеской размолвки она не знала, но и этихъ свѣдѣній для нея было достаточно, чтобы сообразить, что появленіе камердинера князя близъ имѣнья его жены, появленіе съ большой суммой денегъ,—изъ разсказовъ Емельяныча Дарья Васильева знала, что у купца деньжищъ цѣлая уйма,—было далеко не сирота.

Покупка мертваго ребенка, въ связи съ каждымъ часъ ожидаемымъ разрѣшеніемъ отъ бремени княгини,—Дарья Васильевна знала это, такъ какъ бывала въ Несвицкомъ, имѣніи княгини, почти ежедневно и даже отрекомендовала ей повивальную бабку,—тоже показалась для смѣтливой старушки имѣющей значеніе.

Она вспомнила усиленные просьбы сына по возможности сообщать ему подробныя свѣдѣнія о княгинѣ и о томъ, получаетъ-ли она какія-либо вѣсти отъ своего мужа, т. е. князя Андрея Павловича, камердинеръ котораго теперь лежалъ у ея ногъ, и рѣшила выпытать отъ послѣдняго всю подноготную.

— Зачѣмъ же тебѣ или твоему князю понадобился мертвый ребенокъ? — уже прямо спросила она его.

— Все скажу съ глазу на глазъ, матушка-барыня...—поднялъ съ земли голову, не вставая съ колѣнъ, Степанъ.

— Встань... — сказала Дарья Васильевна, уже совершенно оправившаяся отъ первоначальнаго испуга. — Ступай, Емельянычъ, ты мнѣ больше не нуженъ.

Старикъ направился къ двери, окинувъ подозрительнымъ взглядомъ Степана Сидорыча.

Послѣдній все продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— Встаны!..—повторила Дарья Васильевна — И рассказывай...

Степанъ поднялся съ колѣнъ:

— Только не ври...—добавила Потемкина.

— Какъ на духу расскажу всю истинную правду, матушка барыня... — заявилъ Степанъ.

Онъ дѣйствительно во всѣхъ подробностяхъ рассказалъ Дарьѣ Васильевнѣ порученіе князя Андрея Павловича, не признающаго имѣющаго родиться ребенка княгини своимъ, не скрылъ и извѣстнаго ему эпизода убійства княземъ любовника своей жены, офицера Костогорова и кончилъ признаніемъ, что имъ уже подговорены и горничная княгини и повивальная бабка.

— Господи Іисусе Христе, Господи Іисусе Христе...—только шептала про себя набож-

ная Дарья Васильевна, слушая страшный рассказ княжескаго камердинера.

— Что же вы съ младенцемъ этимъ дѣлать то хотите, изверги?—прерывающимся отъ волненія голосомъ спросила она.

— Князь, какъ я вамъ докладывалъ, изволилъ приказать украсть, раньше чѣмъ его окрестятъ, чтобы, значить, онъ его фамилію не носилъ... Наша холопская доля—что приказано, то и дѣлать надо... князь то у насъ строгъ, да и человѣкъ сильный... У самой государыни на отличкѣ... Только такъ украсть то несподручно... княгиня тоже молчать не станетъ... и тоже управу найдетъ... такъ оно и выходитъ по пословицѣ: «паны дерутся, а у хлоповъ чубы трясутся».

— Что же дѣлать?

Въ силѣ и значеніи князя Святозарова Дарья Васильевна не сомнѣвалась, она слышала сама эту фамилію, да и сынъ писалъ ей о его несмѣтномъ богатствѣ высокомъ мѣстѣ при дворѣ. Бороться противъ его воли ей, какъ и Степану, казалось невысказаннымъ, потому то она даже повторила какъ то растерянно:

— Что же дѣлать?

— Да ужъ я давно ума приложить къ этому дѣлу никакъ не стумѣю... Надумалъ я одно... тысячу, другую рублевъ повивальной-

то отвалить... согласится живорѣзка... только ужъ грѣшно больно... младенецъ невинный... ангельская душа...

— Что же ты надумалъ?

— Да, такъ, легонько давнуть, какъ принимать станетъ... много ему, ангельчику, нужно, и духъ вонъ...

— Съ нами крестная сила...—не своимъ голосомъ крикнула Дарья Васильевна:—Душегубство какое задумалъ... И изъ головы это выбрось... грѣхъ не замолимый...

— Знаю, матушка-барыня, знаю, и самому во, какъ боязно, только что же подѣлаешь, тоже свою шкуру отъ князя спасти надо... Живаго не украсть, какъ онъ приказалъ, а иначе никакъ не сообразишь, какъ и сдѣлать... Княгиня-то тоже, не наша сестра, заступу за себя найдетъ...

— Охъ, Господи...—вздыхнула совершенно ошеломленная Потемкина.

— Вотъ, матушка-барыня, какъ увидѣлъ я мертвенькаго Акулинина младенца, и озарила меня мысль, безъ грѣха тяжелаго дѣло это оборудовать, и княжескую волю исполнить, и ангельской души не губить...

— Это какъ же?

— Подмѣнить...

— Что-о-о?

— Подмѣнить, младенцевъ-то... Акулининъ

то сойдетъ за княгинюшкина, а княгинюшкинъ-то сюда, будто онъ Акулининъ, а князь за деньгами не постойтъ, его на всю жизнь обезпечить... Ужъ больно я той мысли возрадовался, матушка-барыня, да Емельянычу и бухнулъ... а онъ, вишь, какъ перепугался, да и васъ перепугалъ, матушка-барыня!..

Степанъ замолчалъ.

Дарья Васильевна тоже молчала, низко опустивъ свою сѣдую голову.

Она думала.

Планъ Степана Сидоровича относительно подмѣна ребенка показался ей не только удобоисполнимъ, но и чрезвычайно удобнымъ въ томъ отношеніи, что она всегда будетъ въ состояніи возвратить ребенка его матери и раскрыть гнусный поступокъ князя и его слуги. Для всего этого ей нужно было посоветоваться съ сыномъ, которому она подробно и опишетъ все происшедшее здѣсь и сдѣлаетъ такъ, какъ онъ ей укажетъ.

— Ему съ горы виднѣе, а мы здѣсь люди темные!—мелькнуло въ ея головѣ.

Горой почему то она считала Петербургъ.

— Что же вы мнѣ, матушка-барыня, скажете, какъ ваша милость рѣшить, такъ и быть...

— Что же, по моему ты дѣло надумалъ... Я распоряжусь, поговорю съ Емельянычемъ,

возьми ребенка, а княгинина принеси сюда, да по осторожнѣй, не повреди какъ нибудь, да не простуди...

— Ужъ будьте покойны, матушка-барыня въ цѣлости и сохранности предоставимъ.— Дозвольте къ ручкѣ вашей милостивой приложиться, сняли вы съ меня петлю вражескую... отъ геены огненной избавили...

Дарья Васильевна протянула Степану руку.

Тотъ горячо поцѣловалъ ее.

Потемкина не чувствовала, что на ея руку капнуло что то горячее.

Степанъ плакалъ.

Съ его души, на самомъ дѣлѣ, спала страшная тяжесть. Исполнить волю князя теперь было болѣе чѣмъ возможно...

Она и была исполнена...

Послѣ разговора Дарьи Васильевны съ Емельянычемъ, Степанъ вышелъ на свиданье съ своими сообщниками, съ сверткомъ въ рукахъ.

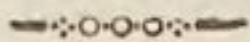
Въ эту же ночь—княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова родила мертваго ребенка—дѣвочку.

Въ домѣ же Дарьи Васильевны Потемкиной, въ ея спальнѣ появилась люлька, гдѣ спалъ сладкимъ сномъ спеленутый здоровый новорожденный мальчикъ.

Акулина была рада, что за ея ребенком — отъ нея, когда она на другой день пришла въ себя, скрыли подмѣнъ — такъ ухаживаетъ сама барыня, допуская ее лишь кормить его грудью.

Дарья Васильевна обо всемъ подробно написала сыну.

Это то роковое извѣстiе и получилъ отъ матери Григорій Александровичъ.

XIX.

Екатерина — человѣкъ.

Въ то время, когда совершались описанныя нами въ предыдущихъ главахъ событiя, которыми семья Потемкиныхъ, сперва сынъ, а затѣмъ мать, роковымъ образомъ связала свою судьбу съ судьбою семьи князей Святозаровыхъ, Григорій Александровичъ вращался въ придворныхъ сферахъ, въ вихрѣ петербургскаго «большаго свѣта», успѣвая, впрочемъ, исполнять свои многоразличныя обязанности.

Его выдающіяся способности позволяли ему употреблять на это гораздо менѣе времени, нежели бы понадобилось другому, и сама государыня, слѣдя за успѣхами выведеннаго ею въ люди молодаго офицера, все

болѣе и болѣе убѣждалась, что не ошиблась въ немъ, что его умъ, энергія и распорядительность принесутъ въ будущемъ несомнѣнную пользу государству, во главѣ котораго поставила ее судьба.

Своимъ зоркимъ взглядомъ великая монархиня провидѣла въ Потемкинѣ государственнаго дѣателя, имя котораго не умретъ на скрижаляхъ исторіи.

Но, не смотря на это, возвышенія въ чинахъ Григорія Александровича, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, шли далеко не быстро,—государыня, видимо, испытывала его.

Потемкинъ съ своей стороны платилъ ей восторженнымъ благоговѣніемъ и это чувство придавало ему бодрости, вѣру въ свои силы и въ достиженіи цѣли, которая, какъ мы знаемъ, была таже что и въ ранней его юности, и выражалась тою же формулою: «Хочу быть министромъ».

Эта мысль и эта увѣренность преслѣдовали Григорія Александровича съ утра до вечера и съ вечера до утра и суевѣрный по природѣ онъ еще болѣе укрѣпился въ нихъ послѣ видѣннаго имъ сна, показавшагося ему чрезвычайно знаменательнымъ.

Этотъ сонъ онъ видѣлъ какъ разъ послѣ полученія имъ письма отъ Дарьи Васильевны, въ которомъ старушка обстоятельно опи-

сывала совершившійся «пассаждъ» въ домѣ княгини Святозаровой, просила совѣта, что сдѣлать съ посланнымъ ей Богомъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ ребенкомъ.

Григорій Александровичъ нѣсколько разъ перечиталъ письмо, прежде чѣмъ приняться за отвѣтъ.

Онъ былъ сильно взволнованъ.

Все недавнее прошлое возстало передъ нимъ, образы несчастнаго Костогорова и неменѣе, если не болѣе, несчастной княгини Зинаиды Сергѣевны, появились одинъ за другимъ передъ его духовнымъ взоромъ.

— Нѣтъ, князю неудастся его дикая нелѣпая месть...— вслухъ промолвилъ Григорій Александровичъ,—къ тому времени когда этотъ ребенокъ вырастетъ, я буду въ силѣ, и эта сила дастъ мнѣ возможность возстановить его права... Теперь же, пусть, пока его сіятельство вмѣстѣ съ своими достойными сообщниками утѣшаются мыслью, что достигли своей цѣли—повергли въ ничтожество незаконнаго сына княгини...

Онъ сѣлъ писать письмо матери.

Онъ писалъ долго и медленно и поздняя ночь застала его за этой работой.

Наконецъ онъ окончилъ и запечаталъ пакетъ.

Измученный пережитымъ и перечувствованнымъ, онъ, наскоро раздѣвшись, бросился въ постель, но долго не могъ заснуть: княгиня и ея сынъ не выходили изъ его головы.

— Я возвращу ей его, когда буду министромъ...

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ заснулъ

Странный сонъ постигъ его.

Онъ увидѣлъ себя въ обширной свѣтлой комнатѣ, стѣны которой увѣшаны громадными зеркалами.

Въ глубинѣ этой комнаты, на высокомъ тронѣ сидѣла императрица въ нарядѣ, который она надѣвала въ высокаторжественные дни, въ бриллиантовой коронѣ на головѣ, въ свѣтлозеленомъ шелковомъ платьѣ, въ корсажѣ изъ золотой парчи съ длинными рукавами, на которомъ одна подъ другой были приколоты двѣ звѣзды и красовались двѣ орденскія ленты съ цѣпами этихъ орденовъ.

Вся фигура императрицы была, какъ бы прозрачной и отъ нея лился лучами какой-то фосфорическій свѣтъ.

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ его, Потемкина.

Онъ преклоняетъ колѣна передъ этимъ чуднымъ видѣніемъ и, случайно взглянувъ въ одно изъ зеркалъ, видитъ, что нѣсколько лучей, исходящихъ отъ императрицы, освѣща-

ють его фигуру, такъ что и онъ самъ кажется облитымъ фосфорическимъ свѣтомъ.

Но, странное дѣло: вдругъ какая-то темная дымка окружаетъ его фигуру—онъ перестаетъ видѣть свое отраженіе въ зеркалахъ, тогда какъ образъ «русской царицы» разгорается все ярче и ярче.

Потемкинъ проснулся.

Снова величественный образъ монархини наполнилъ его сердце, вытѣснивъ оттуда всѣ воспоминанія прошлаго.

Отправивъ на утро письмо, Григорій Александровичъ отдался суетѣ придворной жизни, работѣ, вознагражденный за послѣднюю лицезрѣніемъ своей «богини», какъ онъ мысленно называлъ государыню.

Не одинъ онъ, впрочемъ, боготворилъ въ то время императрицу — ее боготворила вся Россія.

Ее любили не только люди, но и животныя.

Послѣднія, даже тѣ, которыя дичились всякихъ ласкъ, встрѣчая государыню, давали ей себя ласкать, чужія собаки со двора прибѣгали къ ней и ложились у ея ногъ. Послѣ бывшаго, незадолго до нашего разсказа, большого пожара въ Петербургѣ, голуби слетѣлись тысячами къ ея окнамъ и нашли тамъ пристанище и кормъ.

Про ангельскую доброту государыни ходили по городу цѣлыя легенды.

Императрица вставала въ шесть часовъ, когда въ Зимнемъ дворцѣ все спало, и не безпокая никого, сама зажигала свѣчи и разводила каминъ.

Однажды она услыхала громкій, неизвѣстно откуда исходящій голосъ.

— Потушите, потушите огонь!..

— Кто тамъ кричитъ?—спросила она.

— Я, трубочистъ!—отозвался голосъ изъ трубы.

— А съ кѣмъ ты говоришь?

— Знаю, что съ государыней, — отвѣчалъ голосъ:—погасите только поскорѣе огонь, мнѣ горячо.

Императрица тотчасъ сама залила огонь.

Она не любила тревожить прислугу и часто говаривала:

— Надо жить и давать жить другимъ.

Если она звонила, чтобы ей подали воды, и камеръ-лакей спалъ въ сосѣдней комнатѣ, то она терпѣливо ждала.

Вставъ съ постели, государыня переходила въ другую комнату, гдѣ для нея были приготовлены теплая вода для полосканія рта и ледъ для обтиранья лица.

Обязанность приготовленія всего этого лежала на особой дѣвушкѣ, камчадалкѣ Але-

ксѣевой, часто бывавшей неисправной и заставлявшей императрицу подолгу ждать.

Разъ Екатерина разсердилась и сказала.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ часто, взыщу, непременно взыщу...

При входѣ Алексѣевой, она, впрочемъ, ограничилась слѣдующимъ выговоромъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Екатерина Ивановна, или ты обрекла себя навсегда жить во дворцѣ? Смотри, выйдешь замужъ, то неужели не отвыкнешь отъ своей безпечности, вѣдь мужъ не я; право, подумай о себѣ...

Однажды, въ Петергофѣ, прогуливаясь въ саду, императрица увидала въ гротѣ садоваго ученика, который имѣлъ передъ собою четыре блюда и собирался обѣдать.

Она заглянула въ гротъ и спросила:

— Какъ ты хорошо кушаешь! Откуда ты это получаешь?

— У меня дядя поваромъ, онъ мнѣ даетъ...

— И всякій день по стольку?

— Да, государыня, но лишь во время вашего пребыванія здѣсь.

— Стало быть ты радуешься, когда я сюда переселяюсь.

— Очень, государыня!—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, кушай, кушай, не хочу тебѣ мѣшаты!—сказала государыня и прошла далѣе.

Всѣ служащіе при государынѣ были къ ней беззавѣтно привязаны и полнѣйшее ея неудовольствіе повергало слугъ въ большое горе.

Одинъ изъ ея камердинеровъ и самый любимый Поповъ, отличался необыкновенной правдивостью, хотя и въ грубой формѣ, но императрица на него не гнѣвалась.

Какъ то государыня приказала ему принести часы, объяснивъ именно какіе.

Поповъ отвѣтилъ, что такихъ у нея нѣтъ.

— Принеси всѣ ящики, я сама посмотрю, коли ты упрямишься!—сказала императрица.

— Зачѣмъ ихъ по напрасну таскать, когда тамъ часовъ нѣтъ.

— Исполни, а не груби...—замѣтилъ бывшій при этомъ графъ Орловъ.

— Еще правда не запрещена—она сама ее любить...—возразилъ Поповъ. — Я принесу мнѣ что же.

Ящики были принесены, но часовъ не нашли.

— Кто же теперь неправъ, вы или я, государыня?—спросилъ Поповъ.

— Я, прости меня..—отвѣчала та.

Въ другой разъ, не находя у себя на бюро нужной бумаги, императрица сдѣлала тому же Попову выговоръ.

— Вѣрно, ты ее куда-нибудь задѣвалъ! — сказала она.

— Вѣрно вы сами куда-нибудь ее замѣшали... — грубо отвѣчалъ онъ.

— Ступай вонъ! — съ досадой крикнула Екатерина,

Поповъ ушелъ.

Скоро найдя бумагу въ другомъ мѣстѣ, она приказала позвать Попова къ себѣ.

Послѣдній однако сразу не пошелъ.

— Зачѣмъ я къ ней пойду, когда она меня отъ себя выгнала... — возразилъ онъ.

Только по третьему зову предсталъ онъ передъ очі своей государыни.

Разъ рано утромъ императрица взглянула въ окно и увидала, что какая то старуха ловить передъ дворцомъ курицу и никакъ не можетъ поймать.

— Велите пособить бѣдной старухѣ; узнайте, что это значитъ? — приказала она.

Государынѣ донесли, что внукъ этой старухи служить поваренкомъ, и что курица казенная — краденая.

— Прикажите же навсегда — сказала Екатерина, — чтобы эта старуха получала всякій день по курицѣ, но только не живой, а битой. Этимъ мы отвратимъ отъ воровства молодого человѣка, избавимъ отъ мученья его бабушку и поможемъ ей въ нищетѣ.

Послѣ того старуха каждыи день являлась на кухню и получала битую курицу.

Волосы государыни были очень длинны, такъ что, когда она сидѣла въ креслѣ, достигали до полу.

Убиралъ ихъ ежедневно парикмахеръ Козловъ, жена котораго жила внѣ Петербурга.

Государыня однажды освѣдомилась у него о здоровьѣ послѣдней.

— Пишетъ, государыня, что здорова.

— Какъ, неужели она не пріѣзжаетъ видѣться съ тобой?

— Да на чемъ, нанимать дорого, казенныхъ же теперь не даютъ; вы намъ много хлопотъ надѣлать изволили, сокративъ конюшни.

Въ то время только что ввели сокращенія по конюшенному вѣдомству.

— Не вѣрю, однако же, чтобы съ такою точностью исполняли мое приказаніе, и чтобы по знакомству выпросить было невозможно. Скажи мнѣ откровенно?

— Сказалъ бы, — отвѣчалъ Козловъ, — но боюсь, какъ бы не прозналъ это оберъ-штальмейстеръ.

— Нѣтъ, ручаюсь, что все останется между нами! — успокоила его императрица.

— Тогда знайте, что все старое по старому:

лишній поклонъ и коляска подвезена; только не проговоритесь, не забудьте обѣщанія.

— Ни-ни! — сказала царица и хранила тайну.

Въ числѣ дворцовыхъ поваровъ былъ одинъ очень плохой, но государыня не увольняла его и когда наступала его очередная недѣля, говаривала:

— Мы теперь на діетѣ; ничего, попостимся; за то послѣ хорошо поѣдимъ.

Однажды государыня выслушивала чей-то докладъ, а въ сосѣдней комнатѣ придворные играли въ воланъ и такъ шумно, что заглушали слова читавшаго.

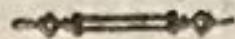
— Не прикажете-ли, — сказалъ онъ, — велѣть имъ замолчать?

— Нѣтъ, — отвѣчала императрица, — у всякаго свои занятія, читай немного погромче и оставь ихъ веселиться.

Такова была великая Екатерина — какъ человекъ.

Не даромъ имя «матушки-царицы» окружено было для современниковъ ореоломъ доброты и мудрости.

Послѣднее качество впрочемъ уже было качествомъ императрицы.

XX.

Императрица.

Кромѣ обаятельнаго образа человѣка и женщины, въ императрицѣ Екатеринѣ были всѣ качества идеальной правительницы.

Она съ большимъ правомъ и въ лучшемъ смыслѣ, нежели Людовикъ XIV, могла сказать: «государство—это я».

Дѣйствительно, не смотря на свое иноземное происхожденіе, она такъ сроднилась съ Россіей, что составляла съ ней одно цѣлое, не даромъ русская исторія приняла для цѣлой эпохи названіе «екатерининской».

Государыня идеально усвоила себѣ русскую рѣчь и даже многія русскія привычки. Она парилась въ русской банѣ и употребляла часто въ разговорѣ пословицы.

Она была очень религіозна и строго исполняла всѣ правила православной церкви, ходила на литургіи, всенощныя, говѣла и соблюдала посты.

Мнѣніе народа она ставила выше всего, даже въ мелочахъ.

Государыня рѣдко каталась по городу—ей не позволяли этого ея многочисленныя занятія, но однажды, почувствовавъ головную

боль, она сѣла въ сани, проѣхалась и получила облегченіе.

На другой день у государыни была тоже боль головы и ей совѣтовали употребить вчерашнее лекарство, т. е. опять ѣхать въ сани, но она отвѣчала:

— Что скажетъ про меня народъ, когда бы увидѣлъ меня два дня сряду на улицѣ?

Съ утра государыня садилась за дѣла; въ кабинетѣ всѣ бумаги лежали по статьямъ, по разъ заведенному порядку, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Передъ нею во время чтенія бумагъ ставилась табакерка съ изображеніемъ Петра Великаго.

Императрица говорила, смотря на него.

— Я мысленно спрашиваю это великое изображеніе, что бы онъ повелѣлъ, что бы запретилъ, или что бы сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ.

Занятія государыни продолжались до девяти часовъ.

Послѣ девяти первый къ ней входилъ съ докладомъ оберъ-полиціймейстеръ.

Государыня расспрашивала его о происшествіяхъ въ городѣ, о состояніи цѣнъ на жизненные припасы и о толкахъ про нея въ народѣ.

Узнавъ разъ, что говядина отъ малаго при-

гона скота поднялась въ цѣнѣ съ двухъ копѣекъ до четырехъ, она приказала тотчасъ же выдать деньги на покупку скота и, такимъ образомъ, понизить цѣны.

Послѣ оберъ-полиціймейстера входили: генераль-прокуроръ—съ меморіями отъ сената, генераль-рекетмейстеръ — для утвержденія разсмотрѣнныхъ тяжбъ, губернаторъ, управляющій военною, иностранною коллегіями и т. д.

Для нѣкоторыхъ членовъ назначены были на недѣлѣ особые дни, но всѣ чины въ случаяхъ важныхъ и не терпящихъ отлагательства могли и въ другіе дни являться съ докладомъ.

Изъ кабинета государыня переходила въ парадную уборную, гдѣ представлялись ей нѣкоторые вельможи въ то время, когда ей убирали голову.

Туалетъ государыни продолжался не болѣе десяти минутъ; прислуживала ей калмычка Алексѣева, гречанка А. А. Палакучи накалывала ей наколку и двѣ сестры Звѣревы подавали булавки.

Пріемъ въ уборной государыни почитался знакомъ особенной царской милости.

Въ началѣ своего царствованія государыня принимала всѣ просьбы лично, но когда въ Москвѣ просители во время коронаціи стали

передъ ней на колѣни полукругомъ и преградили ей дорогу къ соборамъ, а армяне подали ей вмѣсто просьбъ свои паспорта, государыня лично уже просьбъ не принимала.

Скажемъ нѣсколько словъ о началѣ ея свѣтлаго царствованія.

28 іюля 1762 года императрица Екатерина II издала первый свой манифестъ, въ которомъ говорилось о причинахъ, побудившихъ ее занять престолъ своего мужа.

Въ заключеніе манифеста императрица заявила, что она вступила на престолъ по явному и нелицемѣрному желанію своихъ подданныхъ.

Для того, чтобы закрѣпить дѣло 28 іюня, императрица поторопилась назначеніемъ времени для своей коронаціи и не далѣе, какъ черезъ недѣлю по восшествіи своемъ на престолъ, именно 7 іюля, былъ обнародованъ манифестъ объ имѣющемъ совершиться въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года коронованіи.

Этотъ манифестъ вышелъ въ одинъ день съ манифестомъ о кончинѣ Петра III.

1 сентября государыня выѣхала изъ Петербурга совершенно незамѣтно.

Въ столицѣ не знали о цѣли ея поѣздки.

Распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому.

Приготовленіемъ короны занять былъ И. И. Бецкій.

Сдѣланная корона поражала своимъ богатствомъ: въ ней находилось пятьдесятъ восемь однихъ крупныхъ брилліантовъ, большаго жемчуга семьдесятъ пять штукъ; вообще корона оцѣнивалась тогда знатоками въ два милліона рублей.

9 сентября императрица пріѣхала въ подмосковное село Петровское, а 13 сентября, происходилъ ея торжественный въѣздъ въ древнюю столицу.

Въ числѣ сопровождавшихъ императрицу лицъ, былъ и Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Всѣ улицы первопрестольной столицы были убраны ельникомъ, на подобіе садовыхъ шпалеръ, обрѣзанными разными фигурами. Дома, балконы украшены были коврами и разными матеріями.

Для торжественнаго въѣзда императрицы, устроено было четверо тріумфальныхъ воротъ: на Тверской улицѣ, въ Земляномъ городѣ, на Тверской улицѣ въ Бѣломъ городѣ, въ Китай-городѣ, Воскресенскія и Никольскія въ Кремлѣ.

У Никольскихъ воротъ императрицу встрѣтилъ московскій митрополитъ Тимофѣй съ

прочимъ духовенствомъ и говорилъ ей краткую поздравительную рѣчь.

Коронація императрицы происходила съ обычными церемоніями 22 сентября.

Первенствующимъ архіереемъ при коронаціи былъ архієпископъ новгородскій Димитрій Сѣменовъ, возведенный въ день коронаціи въ санъ митрополита, а слѣдующимъ за нимъ былъ митрополитъ московскій Тимофѣй Щербатскій.

На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи Екатерины, на лицевой сторонѣ былъ изображенъ бюстъ императрицы, на другой сторонѣ были надписи:—вверху: «за спасеніе вѣры и отечества», внизу:—«коронована въ Москвѣ сентября 22 дня 1762 года».

По случаю коронаціи, императрица многихъ изъ своихъ приближенныхъ осыпала своими милостями, выразившимися въ повышеніи чиновъ, въ пожалованіи шпагъ съ брилліантами, въ награжденіи орденами.

Имя Потемкина, однако, въ числѣ награжденныхъ не встрѣчается.

28 сентября императрица давала праздникъ собственно для народа.

Къ этому празднику заказаны были особаго рода экипажи, украшенные рѣзьбою и позолотою; на нихъ устанавливались жареные

быки съ многочисленною живностью и хлѣбами.

Эти экипажи въ день народнаго праздника разъѣзжали по улицамъ города и служили источникомъ народнаго угощенія.

За ними тянулись другого рода экипажи и роспуски съ установленными на нихъ бочками пива и меда.

Какъ роспуски, такъ и самыя бочки съ пивомъ, тоже устроенныя съ особою исключительною цѣлью, отличались оригинальностью своего убранства: бочки, напримѣръ, по краямъ и инымъ мѣстамъ были раскрашены подъ цвѣтъ серебра.

На многихъ открытыхъ мѣстахъ города поставлены были столы для нищихъ съ большимъ запасомъ всевозможнаго рода закусокъ. Кромѣ того, нищимъ раздавали и деньги.

Главный центръ празднества находился на Красной площади и на Лобномъ мѣстѣ.

Здѣсь установлено было множество столовъ съ различными закусками. Бросались въ глаза горы пироговъ, лежавшихъ на столахъ пирамидальными возвышеніями, сидѣли цѣлыя стада жареныхъ птицъ, какъ живыя, а близъ нихъ большіе фонтаны выметывали изъ себя въ огромные чаны красное и бѣлое вино.

На ближайшихъ къ Кремлю перекресткахъ

стояли красивые балаганы и шатры съ цвѣтными флагами, перевитыми лентами.

Въ нихъ находились также лакомые даровые припасы—груды золоченыхъ пряниковъ, маковыя избойни.

Тамъ и сямъ возвышались качели, высилась комедь съ акробатическими представленіями, толкались куклы на помостѣ, слышался голосъ импровизатора-разскащика, объясняющаго затѣйливую картину.

Государыня въ сопровожденіи большой свиты, съ пышною обстановкою разъѣзжала по Москвѣ и любовалась картиною народнаго празднества; между тѣмъ окружавшіе ее бросали въ народъ жетоны.

Во время коронаціонныхъ празднествъ государыня предпринимала прогулки и катанья въ подмосковныя села, гдѣ царскій поѣздъ, обыкновенно встрѣчали крестьянскія дѣвушки въ праздничныхъ сарафанахъ и съ веселыми хороводными пѣснями.

Празднества въ Москвѣ по случаю коронаціи продолжались цѣлую недѣлю.

Съ такимъ торжествомъ, начатое царствованіе и было рядомъ торжествъ для Россіи.

Народъ боготворилъ «матушку-царицу», служащіе знали, что ихъ заслуги будутъ оцѣнены съ высоты трона, а ихъ проступки не ускользнутъ отъ зоркаго взгляда государы-

ни, придворные боготворили императрицу великодушную и щедрую.

Не любя разныхъ попрошайекъ, она умѣла награждать.

Подарки она дѣлала съ такимъ умѣньемъ и тактомъ, что ихъ нельзя было не принять.

Она дарила всегда неожиданно: то пошлетъ плохую табакерку съ червонцами, то горшокъ простыхъ цвѣтовъ съ драгоценнымъ камнемъ на стеблѣ, то простой рукомойникъ съ водою, изъ котораго выпадетъ драгоценный перстень; то подложить подъ кровать имянинницѣ двѣ тысячи серебрянныхъ рублей, или подарить невѣстѣ перстень съ своимъ изображеніемъ въ мужскомъ нарядѣ, сказавъ:

— А вотъ и тебѣ женихъ, которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь и останешься ему вѣрна—или пошлетъ капельмейстеру Паизьэло, послѣ представленія его оперы «Дидона», табакерку, осыпанную брилліантами сънадписью, что карфагенская царица при кончинѣ ему ее завѣщала.

Бывали примѣры, что государыня посылала подарки и обличительнаго свойства для исправленія нравовъ своихъ придворныхъ и чиновниковъ.

Такъ, узнавъ, что владимірскій намѣстникъ беретъ взятки, Екатерина послала ему въ по-

дарокъ въ день Новаго года, кошелекъ длиною въ аршинъ.

Намѣстникъ развернулъ его у себя за обѣденнымъ столомъ на глазахъ всѣхъ гостей.

Одному изъ вельможъ, любившему выпить, государыня подарила большой кубокъ, а другому старичку, взявшему къ себѣ на содержаніе танцовщицу, послала понугая, который то и дѣло говорилъ: «Стыдно старику дурачиться».

Одинъ изъ вельможъ, охотникъ до мелкихъ рукодѣлій, подарилъ государынѣ расшитую шелками подушку своей работы.

Государыня подарила ему брилліантовья серьги.

Императрица, какъ извѣстно, отличалась необыкновенною вѣжливостью въ обращеніи съ людьми и любимой ея поговоркою было: *«Cen'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli»* (Не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивымъ).

По рассказамъ, государыня имѣла особенный даръ приспособлять къ обстоятельствамъ выраженіе своего лица.

Часто послѣ вспышки гнѣва въ кабинетѣ, подходила она къ зеркалу и, такъ сказать, сглаживала, прибирала свои черты и являлась въ залу съ свѣтлымъ и царственно привѣтливымъ лицомъ.

Этими драгоцѣнными свойствами правительница государства пріобрѣла себѣ не только обожаніе подданныхъ, но и удивленіе, скажемъ болѣе, поклоненіе иноземныхъ современниковъ.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на насъ за отступленіе отъ нити разсказа, для слабаго изображенія человѣческихъ и царственныхъ чертъ великой императрицы, блескъ которой съ высоты трона отразился на цѣлую эпоху и безъ хотя краткаго изображенія этой, по выраженію поэта «Богоподобной царевны», не могли бы быть понятны дальнѣйшія подробности нашего правдиваго повѣствованія.

Недаромъ поэты воспѣвали ее какъ «Сѣверную Семирамиду», недаромъ философы ея времени удостовѣряли, что «съ сѣвера идетъ свѣтъ».

Побѣдительница внѣшнихъ враговъ, она мудро управляла внутри своего государства, вызывая уваженіе и любовь своихъ подданныхъ.

Становится понятнымъ, почему восторженный Потемкинъ могъ создать себѣ въ благоговѣніи къ императрицѣ почти религіозный культъ, которому готовъ былъ принести всякія жертвы на разрушенномъ алтарѣ соей первой чисто й любви.

XXI.

На поляхъ битвъ.

Прошло болѣе шести лѣтъ.

Положеніе Григорія Александровича въ служебномъ отношеніи и при дворѣ было далеко не таково, чтобы вполне удовлетворить его колоссальное честолюбіе.

Онъ за это время успѣлъ, однако, быть пожалованнымъ въ камергеры.

Это было въ 1768 году, а за годъ передъ этимъ онъ былъ командированъ съ двумя ротами своего полка въ Москву, гдѣ тогда собралась извѣстная «Большая коммиссія» для составленія «Уложенія».

Въ ней Потемкинъ участвовалъ въ качествѣ опекуна депутатовъ отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, выбравшихъ его «по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ» а также былъ членомъ коммиссіи духовно-гражданской.

Но всѣ эти ранги, повторяемъ, были мелки для души, жаждавшей громкихъ подвиговъ, богатства, власти, славы.

А такою, несомнѣнно, была душа Потемкина.

Онъ убѣдился, наконецъ, что во дворцѣ,

гдѣ кишѣли интриги и было такъ много конкурентовъ, ему не найти желаемой грандіозной фортуны и рѣшилъ искать ее на полѣ битвы.

Наступилъ 1769 годъ.

Была объявлена война Турціи.

Григорій Александровичъ, продолжая находиться въ Москвѣ въ составѣ Большой коммисіи, обратился еще въ концѣ 1768 года къ государынѣ съ умно и ловко написаннымъ письмомъ, цѣлью котораго было произвести впечатлѣніе на императрицу. Онъ просилъ въ немъ дозволенія ѣхать въ армію.

Вотъ что писалъ онъ въ немъ, между прочимъ:

«Безпримѣрныя вашего величества попеченія о пользѣ общей, учиняетъ отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ вашимъ... Я ваши милости видѣлъ, съ признаніемъ вникалъ въ премудрыя указанія ваши и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, наполняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ вашего величества усердіемъ. Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ и такъ благодарность моя тогда только изъяснится во всей своей силѣ, когда мнѣ, для

славы вашего величества, удастся кровь пролить. Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ вашей, наградить недостатки моихъ способностей, и вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ вашемъ»...

Цѣль была достигнута.

Въ засѣданіи «Большой Коммиссіи» 2 января, 1769 года, маршалъ собранія Бибииковъ объявилъ, что «господинъ опекунъ отъ ино-вѣрцевъ и членъ коммиссіи духовно-гражданской, Григорій Потемкинъ по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, отправляется въ армію волонтеромъ.

Григорій Александровичъ былъ переименованъ изъ камергеровъ въ генераль-маіоры.

Ему было всего тридцать лѣтъ.

Съ современной точки зрѣнія такая карьера можетъ быть названа болѣе чѣмъ блестящей, но въ описываемую нами эпоху для лицъ, приближенныхъ къ государынѣ, подобное повышение было зауряднымъ.

Русская армія находилась подъ начальствомъ князя Голицына, осаждавшего крѣпость Хотинъ на Днѣстрѣ.

Эта при Екатеринѣ первая война съ турками, какъ извѣстно, была рядомъ блестящихъ побѣдъ и торжествъ русскаго оружія.

Русскія войска покрыли себя неувядаемою славою подъ начальствомъ графа Румянце-

ва-Задунайскаго, назначеннаго на смѣну князя Голицына.

Выгодный миръ при Кучукъ-Кайнарджи завершилъ погромъ турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ.

Эта же война доставила первые лавры Потемкина.

Во все время продолженія военныхъ дѣйствій съ 1769 по 1774 годъ Григорій Александровичъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Фокшанахъ, Ларгѣ, Кагулѣ, при осадѣ Силистріи и за свою распорядительность и личную храбрость получилъ чинъ генераль-поручика и ордена св. Анны 1 степени и св. Георгія 3-го класса.

Изучивъ еще ранѣе въ Петербургѣ конную службу, Потемкинъ оказался не только лихимъ кавалеристомъ, но и прекраснымъ организаторомъ кавалерійской атаки, что онъ блестяще доказалъ вскорѣ по прибытіи его въ армію.

Князь Голицынъ въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ о пораженіи Молдаванжи-паши, въ августѣ 1769 года, писалъ императрицѣ между прочимъ слѣдующее:

«Непосредственно рекомендую вашему величеству мужество и искусство, которое оказалъ въ семъ дѣлѣ генераль-маіоръ Потем-

кинъ; ибо кавалерія наша до сего времени не дѣйствовала съ такою стройностью и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генераль-маіора».

Но и среди тревоженій военной жизни, подъ свистомъ пуль, при радостныхъ побѣдныхъ кликахъ, Потемкинъ душой стремился въ Петербургъ, во дворецъ, къ той, чей образъ жилъ непрестанно въ его душѣ

Тамъ былъ источникъ величія, милости и богатствъ.

Тамъ жила «державная властительница», вниманіе которой, одинъ благосклонный взглядъ, стоили въ его глазахъ неизмѣримо болѣе истребленія несмѣтныхъ полчищъ враговъ, взятія десятковъ крѣпостей.

Образъ русской Минервы не покидалъ его воображенія и былъ для него путеводной звѣздой среди опасностей военныхъ подвиговъ.

Онъ вѣрилъ въ эту звѣзду.

Онъ стремился снова подъ ея животворные лучи.

Счастье ему благопріятствовало и на этотъ разъ.

Выборъ главнокомандующаго арміей графа Румянцева-Задунайскаго, отправлявшаго курьера съ донесеніями къ императрицѣ, палъ на Григорія Александровича.

Въ концѣ 1770 года, онъ прибылъ въ Петербургъ съ отличными рекомендаціями графа.

Въ письмѣ Задунайскаго перечислялись заслуги Потемкина:

«Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и ввѣрены ему для донесенія вамъ многія обстоятельства, къ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся».

«Обширныя и дальновидныя замѣчанія» о которыхъ говоритъ Румянцевъ, вѣроятно же всего были тѣ грандіозные планы восторженнаго фантазера Потемкина, которые вылились въ послѣдствіи въ форму знаменитаго «греческаго проекта», пугавшаго такъ Европу въ прошломъ столѣтіи и стоящаго еще и теперь передъ ней грознымъ привидѣніемъ въ образѣ «восточнаго вопроса».

Государыня благосклонно приняла и выслушала прибывшаго съ поля битвы Григорія Александровича, но увы, онъ понялъ, что часть его возвышенія при дворѣ еще не пробила.

Онъ пробылъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Положеніе его было далеко не изъ блестящихъ, даже по части денежной. Онъ, впрочемъ, нуждался въ деньгахъ и ранѣе.

Незначительный сравнительно съ потребностями свѣтской жизни доходъ съ его имѣнія, заставлялъ его влѣзать въ долги, даже мелкіе; такъ, онъ задолжалъ нѣсколько сотъ рублей мѣщанину Яковкину.

Послѣдній занимался въ Петербургѣ мелочной торговлей.

Въ его лавкѣ находилось въ изобиліи все что нужно для военнаго человѣка: чай, сахаръ, кофе, слизки, молоко, хлѣбъ, булки, мыло, клей, мѣлъ, позументы, сапожный товаръ, вакса, пудра, медъ, огурцы, капуста, колбаса и проч.

Яковкинъ, какъ тогда говорили, былъ кормилецъ нижнихъ чиновъ и даже офицеровъ половины гвардіи.

Правда, онъ не дешево продавалъ гвардейцамъ свой товаръ, но за то онъ вѣрилъ имъ въ кредитъ.

Потемкинъ, служа въ конногвардейскомъ полку, забиралъ разную мелочь у Яковкина и былъ постоянно ему долженъ.

Онъ уѣхалъ въ дѣйствующую армію не расплатившись, да и по пріѣздѣ снова въ Пе-

гербугъ, принужденъ былъ забирать въ долгъ у того же Яковкина, такъ какъ денегъ у него было мало.

«Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей», говоритъ русская пословица.

Григорій Александровичъ зналъ ее и постарался обзавестись друзьями при дворѣ.

Посчастливой случайности, библіотекаремъ государыни былъ въ то время его московскій пріятель Василій Петровичъ Петровъ.

Онъ воспитывался въ Московской духовной семинаріи, въ которой по окончаніи курса, сдѣлался учителемъ поэзіи, риторики и греческаго языка.

Въ 1768 году, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ штатъ придворной библіотеки и вскорѣ потомъ отправленъ въ Англію, гдѣ научился языкамъ: англійскому, нѣмецкому и французскому, а по возвращеніи опредѣленъ переводчикомъ при кабинетѣ, а затѣмъ сдѣланъ библіотекаремъ.

Вторымъ близкимъ къ государынѣ лицомъ, съ которымъ будущій «князь Тавриды» счумѣлъ сойтись на дружескую ногу, былъ Иванъ Тимофѣевичъ Елагинъ, директоръ театровъ.

Оба они, а первый еще до пріѣзда Григорія Александровича изъ арміи, постоянно

видѣла, съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъясняется Потемкинъ на счетъ ея особы; она сперва приказывала передавать ему словесные отвѣты, а потомъ принялась за перо и вела съ нимъ переписку».

Блестящій умъ, беззавѣтная преданность, обширные замыслы для возвеличенія Россіи—все это высказалось въ яркомъ свѣтѣ въ письмахъ восторженнаго молодаго генералъ-маіора и не могло не повліять на государыню въ смыслѣ благосклонности къ такому подданному.

Обстоятельства при этомъ складывались такимъ образомъ, что такой именно человекъ, какимъ былъ Потемкинъ, становился необходимымъ у кормила правленія.

Турція за наши побѣды отплатила намъ страшною чумою.

Произошелъ бунтъ въ Москвѣ со всѣми его ужасами. Его кровавою жертвою сдѣлался архіепископъ Амвросій, тотъ самый, который въ бытность свою архіеремъ, отклонилъ юношу Потемкина отъ мысли поступленія въ монастырь и далъ ему денегъ на дорогу въ Петербургъ.

Усмиреніе московскихъ волненій и прекращеніе чумы было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Григорія Орлова, о чемъ свидѣтель-

ствуютъ до сихъ поръ существующія въ Царскомъ Селѣ триумфальныя ворота, на которыхъ красовалась лаконическая надпись:

«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

Между тѣмъ возникъ пугачевскій бунтъ.

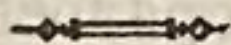
Несмотря на свою прозорливость, Екатерина вначалѣ не постигла важности этого движенія и считала его не болѣе, какъ частной попыткой дерзкаго разбойника; но когда возстаніе охватило весь край отъ Екатеринбурга и Уфы до Астрахани и Камышина, императрица увидѣла опасность, грозившую ей трону.

Въ такую трагическую минуту, не находя около себя никого, кромѣ ловкихъ и опытныхъ интригановъ, Екатерина сознала свое одиночество и рѣшилась опереться на могучую руку Потемкина, котораго государственныя способности, горячую любовь къ ней и Россіи, неукротимый характеръ и твердую волю она давно уже успѣла оцѣнить.

Зароненныя въ ея душу Григоріемъ Александровичемъ сѣмена нашли подготовленную обстоятельствами плодородную почву.

Послѣдній тѣмъ временемъ, хотя, находясь въ дѣйствующей арміи по прежнему проявлялъ храбрость и распорядительность, командовалъ уже цѣлымъ резервнымъ корпусомъ подъ Силистріей, и отличался во мно-

гихъ дѣлахъ, но душою и всѣми своими помыслами все же былъ въ Петербургѣ, у трона повелительницы Сѣвера.

XXII

П р і е м ы ш ъ.

Въ то время, когда весь поглощенный честолюбивыми замыслами Григорій Александровичъ Потемкинъ выказывалъ чудеса храбрости и недюжинныя способности военачальника въ войнѣ съ турками, а между тѣмъ, въ Петербургѣ готовился ему еще болѣе высшій служебный жребій, — постъ правой руки мудрой государыни, въ далекомъ Смоленскѣ, въ домѣ подполковника Василя Андреевича Энгельгардта, среди многочисленныхъ дочерей послѣдняго, росъ милостивый десятилѣтній мальчикъ Володя — пріемышъ Василя Андреевича и его жены Марѣы Александровны, старшей сестры Потемкина.

Въ городѣ не мало удивлялись, что Энгельгардты, люди далеко не богатые, имѣвшіе на рукахъ четырехъ дочерей, взяли себѣ на воспитаніе пятаго ребенка — мальчика.

Кто былъ этотъ пріемышъ — никому не было извѣстно въ точности.

Какъ на причину принятія къ себѣ на воспитаніе Володи, указывали на желаніе обоихъ родителей—Энгельгардтовъ имѣть сына.

Этимъ удовлетворялось провинціальное любопытство, хотя злые языки, не довольствуясь этимъ, сочинили цѣлая романическаія исторія о происхожденіи Энгельгардтовскаго пріемыша, какъ звали въ Смоленскѣ жившаго у Энгельгардтовъ мальчика.

Въ этихъ исторіяхъ играли роль то мужъ, то жена Энгельгардты.

Официально мальчикъ значился Владиміромъ Александровичемъ Петровскимъ

Намъ съ тобой, дорогой читатель, не надо вмѣстѣ съ смоленскими обывателями того времени ломать головы надъ происхожденіемъ этого ребенка.

Мы видѣли его спящимъ въ люлькѣ въ спальнѣ Дарьи Васильевны Потемкиной на другой день его рожденія.

Это былъ князь Святозаровъ, законный сынъ князя Андрея Павловича, лишенный послѣднимъ и титула и родителей.

Мальчикъ находился подъ особымъ покровительствомъ Григорія Александровича Потемкина.

Это, впрочемъ, содержалось въ самой сокровенной тайнѣ не только отъ постороннихъ, но даже отъ самого Володи.

Получивши отъ сына пространный отвѣтъ на свое неменѣе пространное письмо о случаѣ съ ребенкомъ ангела-княгинюшки, Дарья Васильевна Пстемкина буквально исполнила все, что писалъ ей Григорій Александровичъ.

Она окрестила ребенка и назвала Владимиромъ.

Восприемникомъ его былъ сосѣдній помѣщикъ Андрей Васильевичъ Петровскій, по странной игрѣ слѣпого случая носившій одно имя съ настоящимъ отцомъ ребенка княземъ Святозаровымъ.

Акулинѣ было объявлено, что барыня беретъ ея сына на воспитаніе и сдѣлаетъ изъ него «барченка», что только, конечно, порадовало кормилицу Володи, которая считала себя его родной матерью.

Впрочемъ, Акулинѣ не пришлось долго радоваться на своего ненагляднаго сыночка, такого красиваго, да нѣжнаго, точно впрямь «барченка», она умерла въ тифозной горячкѣ, когда Володѣ былъ третій годъ въ исходѣ.

Крестный отецъ мальчика, одинокій старикъ-помѣщикъ, сосѣдъ по имѣнію Дарьи Васильевны, такъ привязался къ мальчику, что когда ему пошелъ седьмой годъ, подалъ на высочайшее имя прошеніе объ усыновленіи сироты, сына дворовой дѣвушки Акули-

ны Птицыной Владиміра, по крестному отцу Андреева.

На прошеніе это, не безъ хлопотъ со стороны Григорія Александровича и его петербургскихъ друзей, воспослѣдовало милостивое разрѣшеніе и Владиміръ Андреевичъ сталъ дворяниномъ Петровскимъ и былъ записанъ въ военную службу.

Андрей Васильевичъ вскорѣ умеръ, оставивъ въ наслѣдство своему пріемному сыну свое маленькое имѣнье съ домомъ и всею обстановкою и десять тысячъ рублей ассигнаціями капитала.

Опекуномъ къ мальчику былъ назначенъ Василій Андреевичъ Энгельгардъ, который, когда мальчику минуло восемь лѣтъ, взялъ его къ себѣ въ домъ для обученія грамотѣ.

За деревенскимъ домомъ Петровскаго присматривала Дарья Васильевна и штатъ дворовыхъ людей.

Изъ вещей Володѣ былъ данъ въ Смоленскѣ только образъ Казанской Божіей Матери, которымъ покойный Петровскій благословилъ мальчика.

Образъ этотъ имѣлъ свою таинственно-загадочную исторію. Онъ достался Андрею Васильевичу отъ его роднаго дѣда Юрія Петровича.

Послѣдній былъ деньщикомъ Петра Вели-

каго и государь изъ всѣхъ своихъ деньщиковъ довѣрялъ ему исключительно.

Однажды оказался недочетъ въ значительной суммѣ денегъ, отвѣтственность въ которой лежала на Юрьѣ Петровичѣ.

Одинъ изъ его товарищей, но кто именно—неизвѣстно, сдѣлалъ на него доносъ, что недостающія деньги истрачены имъ самимъ.

Вслѣдствіе этого доноса, какъ обвинитель, такъ и обвиняемый были арестованы и подвергнуты допросу.

Кто не знаетъ тогдашняго способа допросовъ?

Не сознается, такъ пытать...

Обоихъ отвели въ застѣнокъ.

Донощикъ долженъ былъ быть первый подвергнутъ пыткѣ по пословицѣ: доносчику первый кнутъ, и еслибы онъ выдержалъ, тогда приступили бы къ пыткѣ оговореннаго, о чемъ послѣдній и былъ предупрежденъ.

Когда Юрій Петровичъ сидѣлъ за перегородкой, отдѣлявшей его отъ страшнаго застѣнка, онъ отъ утомленія, сидя на лавкѣ и прислонившись къ углу, задремалъ.

И слышитъ онъ, какъ будто сквозь дремоту, что кто-то говоритъ ему.

— Нагнись! Подъ лавкой, гдѣ ты сидишь, найдешь образъ Казанской Божіей Матери, возьми его и молись ему, и будешь спасенъ...

Очнувшись отъ дремоты, Юрій Петровичъ тотчасъ же бросился шарить подъ лавкой, дѣйствительно нашелъ тамъ образъ Божіей Матери Казанской и началъ ему усердно молиться.

Наступило, наконецъ, время допроса.

Слышитъ онъ черезъ перегородку, что прошли въ застѣнокъ и стали спрашивать его лиходѣя.

Тотъ колебался.

Устрашенный страшными приготовленіями къ пыткѣ, онъ сознался, что сдѣлалъ доносъ на товарища по злобѣ и указалъ мѣсто, гдѣ мнимо растраченная сумма была спрятана.

Юрій Петровичъ выпущенъ былъ на свободу и найденный въ застѣнкѣ образъ обложилъ серебрянной вызолоченной ризою и завѣщалъ, чтобы образъ этотъ вѣчно находился въ его потомствѣ...

Этотъ образокъ висѣлъ надъ кроватью Володи Петровскаго, въ домѣ Энгельгардта въ Смоленскѣ и мальчикъ усердно утромъ и вечеромъ, молился ему за упокой души дяди Андрея, за здравіе бабушки Дарьи, тетей Зинаиды, Марѣы и дядей Андрея и Григорія.

Такъ выучила его молиться Дарья Васильевна, но кто были тетя Зинаида и дядя Григорій мальчикъ не зналъ и на его вопросы

ему отвѣчали, что онъ узнаетъ это, когда вырастетъ большой и будетъ хорошо учиться.

Мальчикъ пересталъ задавать объ этомъ вопросы, но тайна окружавшая эти неизвѣстныя ему имена въ связи съ положеніемъ сироты-пріемыша въ чужомъ домѣ выработала въ немъ сосредоточенность и мечтательность.

Ребенокъ ушелъ въ самого себя и жилъ въ своемъ собственномъ созданномъ его дѣтскимъ воображеніемъ міркѣ.

Учился, онъ однако, очень хорошо, сначала подъ руководствомъ гувернантки-француженки вмѣстѣ съ дочерьми Энгельгардта, а затѣмъ учителя изъ окончившихъ курсъ смоленскихъ семинаристовъ, передавшимъ своему ученику всю пройденную имъ самимъ премудрость, гувернера-француза и наконецъ учителей семинаріи.

Образованіе мальчикъ получилъ такимъ образомъ по тому времени превосходное.

За этимъ слѣдилъ откуда то издалека тотъ же таинственный «дядя Григорій».

Дарья Васильевна по прежнему жила у себя въ Чижевѣ, наѣзжая, впрочемъ, нѣсколько разъ въ годъ въ Смоленскъ погостить къ дочери.

XXIII.

Побѣжденное искушеніе.

Другихъ развлеченій кромѣ посѣщенія Смоленска у старушки Потемкиной не было, такъ какъ по смерти Петровскаго и отъѣздѣ въ Петербургъ княгини Зинаиды Сергѣевны Святозаровой она оказалась безъ близкихъ сосѣдей.

Княгиня Зинаида Сергѣевна долго болѣла послѣ родовъ. Произошло это болѣе всего отъ нервнаго потрясенія, при извѣстіи, что съ такимъ нетерпѣніемъ и съ такими надеждами ожидаемый ею ребенокъ родился мертвымъ.

У несчастной сдѣлалась родильная горячка и она была буквально вырвана изъ когтей смерти усиліями всѣхъ лучшихъ смоленскихъ докторовъ.

Дарья Васильевна почти ежедневно посѣщала Несвицкое и просиживала около больной по нѣскольку часовъ.

Тяжело было старушкѣ, но она этимъ, казалось ей, искупала свою вину передъ несчастной женщиной, вину невольной участницы въ причиненіи ей тяжелаго горя.

Бѣдная мать при ней оплакивала смерть своей бѣдной дѣвочки еще до рожде-

нія, недоумѣвала, какъ это могло случиться и положительно разрывала на части сердце Дарьи Васильевны.

Наконецъ княгиня оправилась.

На дворѣ снова была весна.

Зинаида Сергѣевна почасту и по долгу находилась въ саду, гдѣ въ одной изъ отдаленныхъ аллей деревянный крестъ указывалъ могилу ея мертворожденной дочери.

Сюда приходила несчастная мать грустить о своемъ сынѣ.

Съ потерей сладкой надежды имѣть утѣшеніе въ другомъ ребенкѣ въ сердцѣ княгини Зинаиды Сергѣевны съ необычайной силой развилось и укрѣнилось чувство любви къ оставшемуся въ Петербургѣ сыну—маленькому Васѣ.

Ея женская гордость не позволяла ей вернуться въ Петербургъ, хотя ее тянуло туда, пожалуй, гораздо болѣе чѣмъ ея горничную Аннушку.

Послѣднюю она вскорѣ послѣ выздоровленія отпустила отъ себя, давши ей вольную. Княгиня сдѣлала это въ вознагражденіе за почти двухлѣтнее затворничество въ деревнѣ и за уходъ за собою во время болѣзни.

Такъ по крайней мѣрѣ сказала она обрадованной дѣвушкѣ, пребываніе которой вблизи своей госпожи сдѣлалось для нея послѣ

совершеннаго ею преступленія невыносимымъ.

Теперь она мучилась уже не скукою, а угрызеніями совѣсти. Она осунулась и похудѣла, а княгиня Зинаида Сергѣевна приписывала это скукѣ деревенской жизни и бессоннымъ ночамъ, проведеннымъ у ея постели.

Была, впрочемъ, и задняя мысль у княгини, когда она отпускала Аннушку на волю и снаряжала въ Петербургъ. Она рассчитывала, что все таки тамъ будетъ хоть одинъ преданный ей человѣкъ, который будетъ увѣдомлять ее о сынѣ.

Княгиня и не ошиблась. Аннушка, хотя и не часто, но все же отписывала своей бывшей барынѣ обо всемъ, что дѣлается въ княжескомъ домѣ.

Степанъ Сидоровичъ оказался пророкомъ— Аннушка вскорѣ по прибытіи въ столицу, вышла замужъ за канцелярскаго писца, который съ ея словъ и строчилъ посланія княгинѣ, и за нихъ послѣдняя конечно не оставалась въ долгу и присылала гостинцы и деньги.

Другихъ извѣстій изъ Петербурга до княгини не доходило.

Однообразно скучные дни проводила молодая женщина въ деревенской глуши, особенно въ наступившую долгую зиму.

Старый княжескій домъ, навѣвавшій воспоминанія счастливыхъ дѣтскихъ лѣтъ, невольно заставлялъ княгиню Зинаиду Сергѣевну переживать картины ея недалекаго прошлаго.

Вѣнцомъ этихъ воспоминаній являлся ея дѣвичій романъ съ юношей Потемкинымъ.

Съ сладкой истомой вспоминала она ихъ свиданія подъ покровительствомъ Насти Кургановой, мечты и грезы взаимной любви.

Вспомнилось ей горе непонятнаго для нея разрыва — странная переменъ въ поведеніи «Грица» и его отношеній къ ней и результатъ всего этого — ея несчастное замужество.

Вдругъ всѣ эти воспоминанія окрашивались кровавымъ цвѣтомъ — трупъ убитаго у ея ногъ несчастнаго Костогорова возставалъ въ ея памяти, а за нимъ всѣ послѣдующія тяжелыя воспоминанія: сцены съ мужемъ, выѣздъ изъ Петербурга, разлука съ единственнымъ сыномъ, ложились на ея душу свинцовою тяжестью.

Свѣтлымъ лучемъ среди этого роковаго безпросвѣтнаго мрака являлись тѣ мѣсяцы надежды на новое материнство, увы, надежды, похороненной подъ деревяннымъ крестомъ въ отдаленной аллеѣ сада, въ той самой аллеѣ, гдѣ она еще ребенкомъ любила шутя прятаться отъ старушки-няни.

Съ утра до вечера, а порой и съ вечера до утра, бессонными ночами, мучилась она этимъ кошмаромъ прошлаго.

Развлекали ее посѣщенія Дарьи Васильевны—они напоминали ей о все еще миломъ ей «Грицѣ».

Но старушка, послѣ того, какъ княгиня оправилась, стала рѣже посѣщать ее—Дарьѣ Васильевнѣ, какъ мы уже сказали, было тяжело оставаться съ глазу на глазъ съ ея невольной жертвой.

Другою отрадою были письма Аннушки, но и они, какъ мы знаемъ, рѣдко получались въ «Несвицкомъ».

Жизнь Дарьи Васильевны Потемкиной тоже шла своей обычной колеей. Она вся была поглощена заботами о новомъ жильцѣ стараго дома—Володѣ.

Только одинъ разъ покой Дарьи Васильевны былъ нарушенъ неожиданнымъ и нежеланнымъ гостемъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ родовъ княгини къ Дарьѣ Васильевнѣ явился было снова Степанъ Сидоровъ, чтобы вручить капиталъ, которымъ князь Андрей Павловичъ Святозаровъ пожелалъ обезпечить будущность княгинина сына, но старушка, хотя и приведенная въ великій соблазнъ отъ внушительнаго количества пачекъ съ крупными ассиг-

націямъ, которыя положилъ передъ ней на столъ княжескій камердинеръ, устояла и вѣрная указаніямъ своего сына Григорія Александровича, прогнала Сидорыча вмѣстѣ съ его бѣсовскими деньгами.

— Сгинь ты съ глазъ моихъ долой, уѣзжай, и что бы я тебя никогда не видѣла, забирай свои деньги и съ Богомъ, скатертью дорога.

Сидорычъ сперва просто опѣшилъ и только успѣлъ вымолвить.

— Его сіятельство приказали...

Старушка напустилась на него еще пуще.

— Это тебѣ, холопу, его сіятельство приказывать можетъ, а не мнѣ, я столбовая дворянка, мужъ мой покойникъ майоромъ былъ... Сказано сгинь, пропади... собирай свои ассигнаціи.

Степанъ, послушный вторично данному приказанію, сталъ медленно снова укладывать въ карманы вынутыя имъ деньги.

Дарья Васильевна, надо сознаться, съ сожалѣніемъ смотрѣла, какъ они исчезали въ объемистыхъ карманахъ княжескаго камердинера.

— Скорѣй, скорѣй... — задыхаясь торопила его она.

— А какъ же на счетъ... — заикнулся было Степанъ.

— На счетъ чего это еще?..—перебила его Дарья Васильевна.

— На счетъ княгинина ребеночка...

— Какъ-то тамъ еще княгинина... Княгиня, олухъ ты этакій, родила мертвенькую дѣвочку, ее и похоронили въ княжескомъ саду, тамъ и крестикъ есть... А ты, прости Господи, совсѣмъ ошалѣлъ, пришелъ сюда искать княгинина ребеночка...

Степанъ окончательно растерялся.

— А какъ же Володенька?

— Володенька...—передразнила его Дарья Васильевна.—Володенька Акулининъ сынъ... что взялъ... аспидъ, василискъ... проклятый...

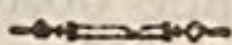
Сидорычъ молчалъ.

Дарья Васильевна разсерженная скорѣе на сына, приказавшаго ей отказаться отъ княжескихъ денегъ, чѣмъ на Степана, продолжала изливать на него свою злобу.

— Ты вотъ что,—говорила она, крича хриплымъ голосомъ,—ступай отъ меня по добру по здорову, а не то я сейчасъ доѣду до княгини, а съ ней въ Петербургъ прямо къ ногамъ матушки-царицы, и васъ съ бариномъ душегубцевъ на чистую воду выведемъ...

Степанъ, услыхавъ такія рѣчи, поспѣшилъ сдѣлать почти земной поклонъ и какъ угорѣлый выбѣжалъ изъ гостинной Потемкиной, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ...

Въ тотъ же день онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ.

XXIV

П р и м и р е н ь е.

Еще болѣе нелюдимый и угрюмый князь Андрей Павловичъ Святозаровъ раздѣлилъ, послѣ отъѣзда своей жены свою жизнь между службой и сыномъ.

Все свободное отъ занятій время онъ проводилъ около него, но образъ жены, матери этого ребенка, все нѣтъ, нѣтъ да и возста-валъ въ его умѣ, а въ глубинѣ сердца шевелилось нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти.

Отправивъ Степана, съ извѣстнымъ уже намъ порученіемъ, онъ сперва находился въ волненіи ожиданія въ боязни, что онъ не сумѣетъ исполнить порученное ему дѣло и что, наконецъ, похищеніе ребенка получить огласку, дойдетъ до государыни и его безче-стіе будетъ достояніемъ не только всего Пе-тербурга, но и всей Россіи.

Послѣдней приходила мысль, что потеря ребенка можетъ губельно отразиться на здо-ровьи, даже на жизни его матери.

Князь послѣ отъѣзда княгини, вспоминая,

какъ онъ упрашивалъ ее остаться, какъ онъ унижался передъ ней, какъ предлагалъ свое полное прощеніе, все болѣе и болѣе озлоблялся противъ нее и дошелъ даже до убѣжденія, что онъ ее ненавидитъ.

Какое же ему дѣло здорова ли, жива ли ненавистная ему женщина.

Растравляя свою злость, растравляя свое оскорбленное самолюбіе, князь довелъ себя даже до мысли, что болѣзнь и самая смерть княгини не доставитъ ему ничего кромѣ удовольствія.

Дни и недѣли томительнаго ожиданія тянулись подобно безконечной вѣчности.

Князь Андрей Павловичъ отдалъ приказаніе доложить ему тотчасъ по возвращеніи Сидорыча, хотя бы это было ночью.

Наконецъ, Степанъ пріѣхалъ.

Это было дѣйствительно ночью.

Разбуженный князь приказалъ позвать его къ себѣ въ спальню.

— Ну, что?— спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ, когда Степанъ прямо въ дорожномъ платьѣ вошелъ въ спальню и остановился у княжеской постели.

— Все благополучно-съ, ваше сіятельство!

— Устроилъ?

— Какъ приказали, ваше сіятельство, сына у ихъ сіятельства нѣтъ.

— А былъ сынъ?

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство.

— А что княгиня?

— Больны-съ..

— Опасно?

Голосъ князя дрогнулъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Обыкновенно... послѣ родовъ...

— Она знаетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— То-есть, какъ же?.. Говори толкомъ.

Степанъ медленно, со всѣми подробностями своего путешествія, разсказалъ князю происшедшее въ селѣ Чижевѣ, въ двухъ верстахъ отъ имѣнія княгини, передалъ свои затрудненія исполнить волю его сіятельства, осѣнившую его мысль, при видѣ мертваго ребенка Акулины, подмѣнъ дѣтей и полную увѣренность княгини Зинаиды Сергѣевны, что она родила мертвую дѣвочку.

Князь слушалъ внимательно и когда Степанъ кончилъ, то вдругъ вскочилъ съ постели и бросился на шею своему вѣрному слугѣ.

— Спасибо, спасибо... Ты мнѣ не слуга, а другъ...— говорилъ князь, цѣлуя запыленнаго Сидорыча и въ губы, въ щеки.

— Что вы, ваше сіятельство, что вы...— лепеталъ растроганный Степанъ: — Мы и такъ вами много довольны...

Въ это время въ сосѣдней съ спальнею комнатѣ, гдѣ помѣщалась дѣтская, раздался крикъ ребенка.

— Вотъ, вотъ кто обязанъ тебѣ болѣе, чѣмъ я, я завѣщаю ему покоить твою старость...—сказалъ князь Андрей Павловичъ и, наскоро накинувъ халатъ и надѣвъ туфли, отправился въ дѣтскую.

Около постели Васи уже стояла проснувшаяся няня.

Ребенокъ, оказалось, крикнулъ во снѣ.

Сидорычъ остался ждать въ кабинетѣ.

Князь вскорѣ вернулся.

— Вотъ счетъ и оставшіяся деньги...—сказалъ Степанъ.

— Какіе счеты, какія деньги... Оставь себѣ... Я передъ тобой неоплатный должникъ,—замѣтилъ князь, садясь на постель.

— Ты говорилъ, что ты отдалъ ребенка Потемкиной.

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство...

— У ней нѣтъ родственниковъ въ Петербургѣ?

— Сынъ, Григорій Александровичъ, офицеръ...

— Это ея сынъ!—какъ бы про себя замѣтилъ князь Андрей Павловичъ.

Онъ слышалъ о красавцѣ Потемкинѣ, въ которомъ принимаетъ участіе сама импера-

трица и даже нѣсколько разъ видѣлъ его во дворцѣ.

— Ты увѣренъ, что она не проболтается... Не напишетъ обо всемъ сыну?

— Не могу знать... Но только думаю, что ей не рука, такъ какъ денегъ она отъ меня двѣ тысячи рублей взяла, а когда я ей объявился вашимъ камердинеромъ и вышло, значить, никакого товару мнѣ отъ нея не надо деньги она мнѣ не возвратила.

— Чтоже изъ этого?

-- Значить, вродѣ сдѣлалась какъ сообщница, на манеръ Аннушки...

— А..

— И притомъ же она при мнѣ Акулинъ его за ея собственнаго ребеночка выдала, и только сказала, что отъ скуки одиночества возьметъ его къ себѣ и воспитаетъ, а потому ей, говорю, супротивъ насъ идти не рука...

— Все таки ей надо отвезти капиталъ.. Отдохнешь, да и снова въ дорогу.. Надо окончательно замазать ей ротъ, а то неровенъ часъ... Сынъ ея на хорошей дорогѣ... Пообѣщай ей ему мое покровительство, это тоже поможетъ привлечь ее окончательно на нашу сторону.

Князь отпустилъ Степана и заснулъ такъ крѣпко, какъ не спалъ уже давно.

Сидорычъ, несмотря на усталость съ дороги, заснуть не могъ.

Замѣчаніе князя Андрея Павловича относительно того, что Дарья Васильевна Потемкина проболтается или напишетъ сыну, который можетъ довести все это до свѣдѣнія начальства, а можетъ быть и самой царицы произвело на Степана гораздо болѣе впечатлѣнія нежели на князя, которому пришло это соображеніе въ голову, и лишило камердинера сладости отдохновенія послѣ выполненнаго труднаго дѣла.

Онъ боялся и дрожалъ и за себя и за князя и самъ не могъ понять за кого онъ боялся болѣе.

— Я что, я рабъ, мнѣ что прикажутъ, то и дѣлать долженъ... а вотъ онъ... самъ себѣ господинъ, онъ и въ отвѣтъ... Оно конечно... постегаютъ...

Степанъ даже заворочался на своей постели, точно почувствовалъ жгучую боль отъ стеганья...

— Неминовать, постегаютъ... заключилъ онъ.

Уже былъ со всѣмъ день, когда онъ заснулъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ самъ напомнилъ князю Андрею Павловичу Свято-

зарову, что слѣдовало бы съѣздить въ Чижево...

— Неровенъ часъ, ваше сіятельство... замѣтилъ онъ.

— Чего же ты опасешься?...

— Сумлѣніе беретъ, ваше сіятельство...

— Нѣтъ, кажется, ты правъ, ей всего лучше молчать, я объ этомъ думалъ...

— Все бы лучше окончательно переговорить... Спокойно и мнѣ и вашему сіятельству...

— Чтожъ, поѣзжай, отвези ей деньги.. Я отъ своего слова не отступаюсь...

— Не объ этомъ рѣчь, ваше сіятельство, а разузнать, что и какъ.

— Такъ поѣзжай, хоть завтра.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

— Говорю поѣзжай...

Князь вручилъ ему въ тотъ же вечеръ пятьдесятъ тысячъ рублей и отпустилъ въ дорогу.

Съ неменьшимъ замираніемъ сердца, чѣмъ и въ первый разъ, ѣхалъ Сидорычъ для окончательныхъ переговоровъ въ Смоленскую губернію.

Сердце-вѣщунъ чуяло что то не доброе...

Предчувствіе оправдалось.

Мы знаемъ, какъ его встрѣтили въ Чиже-

вѣ и какъ онъ принужденъ былъ безъ всякихъ разговоровъ поворотить назадъ.

Въ ушахъ его звучала угрожающая фраза Дарьи Васильевны.

— Да, прямо къ ногамъ матушки царицы и васъ съ бариномъ душегубцевъ на чистую воду выведемъ...

Онъ снова невольно сдѣлалъ движеніе спиной, предвкушая удары плетью.

Проѣхавши нѣсколько станцій, Степанъ нашелъ въ себѣ силы къ болѣе хладнокровному обсужденію случившагося.

— Грозить, старуха, можетъ такъ, на вѣтеръ... — явилась у него успокоительная мысль.

Онъ началъ соображать именно въ этомъ направленіи.

То обстоятельство, что Дарья Васильевна упорно отказывалась отъ факта нахожденія у нея ребенка книгини и настойчиво выдавала его за сына Акулины, привело Сидорыча къ мысли, что старуха сама спохватилась, что совершила преступленіе и отпирается.

— Бойтся, старая, сама подъ отвѣтъ пасть... а я ее испугался... Вотъ ужъ подлинно у страха глаза велики...

Степанъ относительно успокоился.

По мѣрѣ приближенія къ Петербургу его

сталъ тревожить другой вопросъ, что онъ скажетъ князю Андрею Павловичу.

Сказать правду, надо возвратить деньги, а между тѣмъ, Степанъ, съэкономившій отъ своей первой поѣздки нѣсколько тысячъ, сталъ уже одержимъ незнакомымъ ему ранѣе чувствомъ стяжанія, да кромѣ того, эти деньги давали ему возможность осуществить давно лелѣянную имъ мечту: эти деньги давали ему въ руки обладаніе женщиной, образъ которой все чаще и чаще сталъ носиться въ его воображеніи, но которая для него, крѣпостнаго человѣка, была недостижима. На волю его князь отпустить, а съ деньгами она — его. Онъ, ѣхавши къ Дарьѣ Васильевнѣ, хотѣлъ ей отдать только половину, а теперь приходится ихъ всѣ возвращать князю — своими руками отдавать свое счастіе.

Нѣтъ, ни за что!

Сидорычъ сталъ усиленно, какъ онъ выражался, «мозговать» вопросъ, какъ сохранить эти деньги въ своемъ карманѣ.

Усилія его увѣнчались успѣхомъ уже при въѣздѣ въ Петербургъ.

Явившись въ кабинетъ князя Андрея Павловича, Степанъ не говоря ни слова, упалъ ему въ ноги.

— Что, что такое? — воскликнулъ неприготовленный къ этому князь.

— Смилуйтесь, ваше сіятельство, виновать...

— Что, въ чемъ, встань, говори.

— Деньги-то я ей отдалъ...

— Ну, такъ что-жъ, взяла, это и хорошо...—
весело замѣтилъ Андрей Павловичъ.

— А мальчикъ-то померъ..

— Какъ умеръ?

— Умеръ... Недѣли за полторы до моего
пріѣзда, отдалъ Богу душу...

Князь истово перекрестился.

— Это самая лучшая развязка...

— А она-то, Дарья Васильевна, старая
хрычевка, мнѣ это опосля, какъ деньги за-
брала, сказала... Я было деньги назадъ тре-
бовать... Куда ты... Въ три шеи прогнала, а
если что, сыну, говоритъ, напишу, а онъ са-
мой государынѣ доложить... Сколько я стра-
ху натерпѣлся... Смилуйтесь, ваше сіятель-
ство, можетъ сами съѣздите... такая уймища
денегъ, и такъ зря пропадутъ.

— Успокойся, дружище, отлично, что она
взяла, по крайней мѣрѣ у нея ротъ навсегда
замазанъ... Было бы хуже, если бы ты ихъ
привезъ обратно...

Лицо Сидорыча просіяло.

— А что княгиня?—спросилъ князь.

— Все, слышно, хвораетъ, да я чаю, ску-
чаетъ больше...

Князь опустилъ голову и задумался.

Степанъ вышелъ и, вернувшись въ свою комнату, заперъ дверь и бережно уложилъ въ свою укладку привезенныя обратно княжескія деньги.

Онъ былъ капиталистомъ

Оставалось добыть волю.—онъ добудетъ ее.

Князь Андрей Павловичъ, между тѣмъ, совершенно успокоился. Смерть ребенка княгини примирила ее не только съ нимъ, но и съ женою.

У него даже вдругъ явилось сомнѣніе, не ошибся ли онъ, обвинивъ жену; онъ припомнилъ ея слова, полныя загадочнаго смысла, на которыя онъ тогда не обратилъ вниманія, и которыя теперь казались ему шагомъ къ полному оправданію княгини Зинаиды.

— Она не захотѣла оправдываться изъ гордости, я запугалъ ее... — мелькнула у него мысль, окончательно перевернувшая отношенія къ отсутствующей женѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наступила весна.

Князь взялъ отпускъ и уѣхалъ изъ Петербурга.

Былъ чудный майскій вечеръ.

Княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова сидѣла по обыкновенію въ саду около заѣтнаго креста на слѣланной по ея приказанію около него скамейкѣ.

Она думала о своемъ сынѣ... о мужѣ...
Голова ея была опущена на грудь.
Вдругъ около нея раздался голосъ.
— Зина!

Княгиня вскочила.

Передъ ней стоялъ въ дорожномъ платьѣ
князь Андрей Павловичъ.

— Андрей!—воскликнула она и бросилась
ему на шею.

Супруги разцѣловались, какъ бы между
ними ничего не произошло.

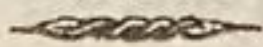
Княгиня опомнилась первая.

— Здѣсь, здѣсь наша дочь, — указала она
на деревянный крестъ, — наша, твоя...

Она снова бросилась ему на шею и зали
лась слезами.

— Вѣрю, моя дорогая, вѣрю... я былъ вино
вать передъ тобой...—прошепталъ князь и на
рукахъ отнесъ почти безчувственную жену
въ домъ.

На другой день они выѣхали въ Петер
бургъ. Онъ повезъ мать къ сыну.

XXV.

У ступеней трона.

4 декабря, 1773 года, Григорій Александро
вичъ Потемкинъ находился подъ Силистріей,

осада которой русскими продолжалась уже довольно долго.

Слѣдя глазами уже опытнаго военачальника за производствомъ этой осады, онъ мысленно продолжалъ находиться у трона обожаемой имъ государыни.

Онъ, конечно, не могъ знать, что въ этотъ именно день империтрица Екатерина отправила ему письмо, которое онъ и получилъ во время праздниковъ Рождества.

Это было для него двойнымъ праздникомъ.

«Господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ»—писала ему государыня—вы, я чаю, столь упражнены глазеньемъ на Силистрію, что вамъ некогда письма читать и, хотя по сію пору не знаю, преуспѣла ли ваша бомбардировка, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предприемлете, ничему, иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію и ко мнѣ персонально, и вообще къ любезному отечеству, котораго вы службу любите. Но какъ, съ моей стороны, я весьма желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то прошу васъ по пустому не вдаваться въ опасности. Прочитавъ сіе письмо, можетъ статья, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? на сіе имѣю вамъ отвѣтствовать: къ тому, чтобъ вы имѣли подтвержденіе моего образа

мыслей о васъ, ибо я всегда къ вамъ доброжелательна».

Григорій Александровичъ нѣсколько разъ перечиталъ это драгоцѣнное для него письмо.

Онъ зналъ боготворимую имъ монархиню, онъ умѣлъ понимать ее съ полуслова, читать между строкъ ея мысли.

Онъ понялъ, что часъ его пробилъ, что царица и отечество требуютъ его исключительной службы при тогдашнихъ тяжело сложившихся обстоятельствахъ внутренней жизни Россіи.

Онъ бросилъ все и поскакалъ въ Петербургъ.

Его отъѣздъ причинилъ большое огорченіе любившимъ его товарищамъ и подчиненнымъ.

Солдаты утѣшались лишь тѣмъ, что ихъ отецъ-командиръ покинулъ ихъ по вызову самой «матушки-царицы».

Вѣсть о письмѣ государыни къ Потемкину—причинъ его отъѣзда изъ арміи,—конечно, тотчасъ же съ быстротою молніи облетѣла войска.

Императрица встрѣтила его съ особеннымъ вниманіемъ.

Онъ былъ представленъ государынѣ Григоріемъ Орловымъ, все еще продолжавшимъ стоять у кормила правленія.

Воспользовавшись благосклонностью царицы, Григорій Александровичъ, памятуя русскую пословицу: «куй желѣзо пока горячо», прежде всего поторопился вознаградить свое честолюбіе.

Онъ былъ недоволенъ полученными имъ наградами, тѣмъ болѣе, что два генерала, Суворовъ и Вейсманъ, стоявшіе ниже его по линіи производства, получили ордена св. Георгія 2-й степени, и написалъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ письмо государынѣ.

Письмо было имъ подано черезъ тайнаго совѣтника Стрекалова, находившагося у принятія прошеній.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Всемиловѣйшая государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы вашей, не щадилъ ее отнюдь, гдѣ только былъ случай на прославленіе высочайшаго имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало вашему Императорскаго Величества волѣ, почиталъ себя уже награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣльныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упускалъ наносить оному всевозможный вредъ, въ чемъ ссылаюсь на коман-

дующаго арміей и на самихъ турокъ. Отнюдь не побуждаемый завистью къ тѣмъ, кои мо-
ложе меня, но получили высшіе знаки высо-
чайшей милости, я тѣмъ единственно оскорб-
ленъ, что не заключаюсь ли я въ мысляхъ
вашего величества меньше прочихъ достоинъ?
Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе,
павъ къ священнымъ стопамъ вашего импе-
раторскаго величества, просить, ежели служ-
ба моя достойна вашего благоволенія и ког-
да щедроты и высокомонаршая милость ко
мнѣ не оскудѣваетъ, разрѣшить сіе сомнѣніе
мое пожалованіемъ меня въ генераль-адъю-
танты вашего императорскаго величества.
Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму
за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что нахо-
дясъ подъ особымъ покровительствомъ ваше-
го императорскаго величества, удостоюсь
принимать премудрыя ваши повелѣнія и,
вникая въ оныя, сдѣлаюсь вѣще способ-
нымъ къ службѣ вашего императорскаго ве-
личества и отчужденъ».

Не долго пришлось Григорію Александровичу ждать всемилостивѣйшаго отвѣта.

На другой же день по отправленіи имъ письма онъ получилъ письмо императрицы.

«Господинъ генераль - поручикъ. Письмо ваше г. Стрекаловъ мнѣ сего утра вручилъ и я просьбу вашу нашла столь умѣренной, въ

разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и отечеству учиненныхъ. что я приказала изготовить указъ о пожалованіи васъ въ генераль-адъютанты. Признаюсь, что и сіе мнѣ пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательная.

1 марта 1774 года Потемкинъ назначенъ былъ генераль-адъютантомъ и вслѣдъ за тѣмъ ему былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невского.

Казалось, самое ненасытное честолюбіе могло бы быть удовлетворено.

Григорій Александровичъ поѣхалъ во дворецъ благодарить за оказанныя ему милости и былъ принятъ болѣе чѣмъ благосклонно.

Вдругъ послѣ этого посѣщенія князь сдѣлался задумчивымъ, заскучалъ и пересталъ ѣздить во дворецъ.

Въ придворныхъ сферахъ, гдѣ съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдили за восхожденіемъ новаго свѣтила, всѣ были поражены.

Изумленіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда узнали, что вновь назначенный генераль-адъютантъ, кавалеръ ордена Александра Невского, удалился въ Александро-Невскую лавру, отростилъ бороду и, надѣвъ мо-

нашесскую одежду, сталъ прилежно изучать церковный уставъ и выразилъ непремѣнное желаніе идти въ монахи.

Сама государыня была поражена.

Никто не могъ найти причину такой странной переменѣ, казалось, въ жизнерадостномъ, веселомъ и довольно молодомъ генераль-адъютантѣ.

Еще такъ недавно сама Екатерина, сообщая Бибикову о назначеніи его друга Потемкина генераль-адъютантомъ, закончила свое письмо словами:

«Глядя на него (т. е. Потемкина), веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу».

И вдругъ...

Причина однако была...

Этой причиной было чувство, которое не могло заглушить ни восторженное поклоненіе государынѣ, ни возвышеніе въ почестяхъ—никакія радости въ мірѣ,—чувство первой чистой любви.

Пріѣхавъ благодарить государыню и проходя по заламъ дворца, Григорій Александровичъ въ одной изъ нихъ совершенно неожиданно встрѣтилъ князя Андрея Павловича Святозарова и его жену.

Они только что вышли отъ императрицы.

Совершенно неподготовленный къ этой

встрѣчѣ—княгиня Зинаида Сергѣевна очень рѣдко бывала при дворѣ—Потемкинъ былъ положительно пораженъ и еле вѣдъ стоялъ на ногахъ.

Ему показалось, что все вокругъ него окуталось непроницаемымъ мракомъ.

Это продолжалось мгновенье.

Григорій Александровичъ переломилъ себя, поклонился княжеской четѣ, какъ того требовалъ придворный этикетъ, и пошелъ далѣе.

Онъ нашелъ въ себѣ силы выразить въ самыхъ утонченныхъ выраженіяхъ свою вѣрнопоподданническую благодарность императрицѣ, но вернувшись изъ дворца, не сумѣлъ совладать со шкваломъ налетѣвшихъ на него воспоминаній прошлаго.

Все вдругъ опостылѣло ему, весь этотъ мишурный блескъ, ожидаемая карьера правой руки повелительницы милліоновъ, богатство, роскошь, исполненіе малѣйшихъ капризовъ—все показалось суетнымъ и ничтожнымъ.

Молоденькая граціозная дѣвушка съ ласковыми, смѣющимися глазами—княжна Несвицкая,—какою онъ ее видѣлъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ стояла передъ нимъ и этотъ дивный образъ, потерянный имъ навсегда, заставлялъ его проливать горькія слезы, какъ бѣшеннаго въ безсильной злобѣ метаться по

кровати, до крови закусывать себѣ ногти, чтобы физическою болью заглушить нравственную.

Онѣ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста и метался какъ дикій звѣрь въ желѣзной клѣткѣ.

Ему было тяжело въ городѣ, онѣ поѣхалъ за-городъ, въ Александро-Невскую лавру.

Тамъ, въ тиши монастыря, онѣ въ горячей молитвѣ обрѣлъ тотъ душевный покой, который онѣ тщетно искалъ уже нѣсколько дней.

— Вотъ та тихая пристань, которая чужда житейскихъ тревоженій...—невольно сложилось въ его умѣ.

Онѣ не захотѣлъ скоро оставить обитель. Ему казалось, что за ея воротами снова вмѣстѣ съ городскимъ шумомъ нахлынетъ на него смерчъ воспоминаній, леденящій его душу ужасомъ.

Григорій Александровичъ зашелъ къ игумену и испросилъ у него разрѣшеніе погостить подъ кровлей святой обители.

Разрѣшеніе было дано и, какъ мы уже сказали, слухъ о томъ, что Потемкинъ идетъ въ монахи, взволновалъ весь Петербургъ.

— Комедіанты!—рѣшили злые великосвѣтскіе языки.

Одна государыня, своимъ чуткимъ женскимъ умомъ, поняла, что у Григорія Александровича есть затаенная душевная рана, что эту

рану можно если не залѣчить, то по крайней мѣрѣ смягчить ея острую боль, только благо-склонностью и милостью.

Провидя, что способности ея новаго приближеннаго неоцѣнимы и болѣе чѣмъ необходимы для Россіи, она снизошла до посѣщенія своего удрученнаго невѣдомымъ ей горемъ, вѣрнопопданнаго, въ кельи Александро-Невскаго монастыря.

Эта высокая милость одна способна была влить живительный бальзамъ въ наболѣвшую душу Потемкина.

Ласковыя слова императрицы довершили остальное.

Не стараясь узнать, какое горе терзаетъ его, она съ присущими ей мягкостью и тактомъ обошла этотъ вопросъ въ разговорѣ съ Григоріемъ Александровичемъ. Она указала ему на тотъ высокій жребій, который выпадаетъ на его долю велѣніемъ судьбы и сказала, что человѣкъ призванный утѣшать горе многихъ, долженъ, если не забыть о своемъ, то имѣть на столько силы духа, чтобы не предаваться ему чрезмѣрно.

Григорій Александровичъ воспрянулъ духомъ.

Екатерина знала своего «ученика», какъ она любила называть Потемкина.

Она утѣшила его искусно нарисованной

картиной славы и безсмертія на страницахъ исторіи.

Онъ долженъ жить и работать не для себя, а для Россіи.

Таковъ былъ смыслъ словъ великой монархини.

Императрица оставила Григорія Александровича совершенно измѣнившимся.

— Я буду жить, я буду работать для нея... для Россіи,—сказалъ онъ самъ себѣ.

На другой день онъ появился во дворцѣ среди изумленныхъ придворныхъ въ богато расшитомъ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, въ орденахъ, веселый, бодрый, жизнерадостный...

Съ этого времени начинается исключительное вліяніе Потемкина на дѣла государственныхъ и рядъ великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи. Тонкій политикъ, искусный администраторъ, человѣкъ съ возвышенною душой и свѣтлымъ умомъ, онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе и дружбу императрицы и пользовался своею почти неограниченною властью—лишь для блага и величія родины. Имя его тѣсно связано со всѣми славными событіями Екатерининскаго царствованія и справедливо занимаетъ въ исторіи одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ.

Звѣзда Григорія Орлова закатилась, возшло новое свѣтило — Потемкинъ.

Они видѣлись въ это время очень рѣдко.

Однажды, Григорій Александровичъ, прѣхавъ во дворецъ, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Ему на встрѣчу спускался Григорій Орловъ.

Они столкнулись лицомъ къ лицу.

Орловъ пристально посмотрѣлъ на Григорія Александровича.

— Что новаго при дворѣ? — спросилъ, чтобы только что нибудь сказать, смущенный Потемкинъ.

— Ничего, кромѣ того, что я иду внизъ, вы поднимаетесь, — отвѣчалъ Орловъ, указавъ рукой на верхнюю площадку лѣстницы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЛУНОЮ.

FACTS BYOTVA

22 POPPER CP TANOIO

I.

Свѣтлѣйшій.

Милліонная улица была почти сплошь запружена экипажами, тутъ были и высокія щегольскія кареты, новомодные берлины и коляски, старые громоздскіе рыдваны, словомъ, экипажи всѣхъ видовъ и цвѣтовъ черные, синіе, голубые, палевые и фіолетовые.

Къ подъѣзду Зимняго дворца, ведущаго въ апартаменты, отведенные свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину, то и дѣло подъѣзжаютъ новыя.

Лакеи и гайдуки мечутся во всѣ стороны подсаживая и высаживая господъ, лихо распахиваютъ и захлопываютъ дверцы и съ трескомъ раздвигаютъ высокія въ шесть ступеней подножки, по которымъ пріѣзжающіе и уѣзжающіе шагаютъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

У Потемкина—пріемъ.

Весь Петербургъ въ пріемные дни ѣздилъ на поклонъ къ свѣтлѣйшему.

Прошло около двухъ лѣтъ, со дня его пріѣзда въ Петербургъ отъ стѣнъ Силистріи, а между тѣмъ за это короткое время съ нимъ совершилась почти волшебная метаморфоза.

Въ 1774 году онъ былъ уже генераль-аншефомъ, и вице-президентомъ военной коллегіи.

Въ послѣдней должности онъ оказалъ большія услуги Россіи въ смыслѣ упрощенія обмундированія войска. Обрѣзавъ солдатамъ косы, которыя они носили до того времени онъ избавилъ ихъ отъ лишней работы надъ своимъ туалетомъ и отъ головныхъ болѣзней, распространенныхъ въ войскахъ.

Онъ ввелъ въ арміи куртки, шаровары и полусапожки, и сдѣлалъ движеніе солдата легче и свободнѣе; введенныя имъ солдатскія шинели были гораздо удобнѣе прежнихъ; введены были болѣе легкія ружья, и численность войска была умножена.

Приведемъ отрывокъ изъ интереснаго проекта Потемкина, имъ самимъ сочиненнаго:

«Завиваться, пудриться, плестъ косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ: на что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и че-

сать, нежели обсыпать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами.

Туалетъ солдата долженъ быть таковъ!

Что всталъ, то и готовъ!

Кромѣ того, сдѣлавшись приближеннымъ къ государынѣ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на скорѣйшее усмиреніе Пугачевского бунта.

Съ присущими ему энергіей и распорядительностью онъ принялъ тотчасъ же рѣшительныя мѣры и много способствовалъ подавленію мятежа, грозившаго большой опасностью государству.

Затѣмъ при его содѣйствіи былъ заключенъ Румянцевымъ-Задунайскимъ выгодный миръ съ турками при Кучукъ-Кайнарджи.

По заключеніи этого мира императрица издала слѣдующій высочайшій именной указъ:

«Генераль-поручикъ Потемкинъ, непосредственно способствовавшій своими совѣтами къ заключенію выгоднаго мира, производится въ генераль-аншефы и всемилостивѣйше жалуются графомъ Россійской Имперіи; въ уваженіе же его храбрости и всѣхъ вѣрныхъ и отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ въ продолженіе сей послѣдней войны, всемилостивѣйше награждаемъ мы его, Потемкина, золотою саблею, украшенною брилліантами

и Нашимъ портретомъ и повелѣваемъ носить ихъ, яко знакъ особаго нашего благоволенія».

Еще ранѣе этого ему были пожалованы ордена русскіе: св. Анны и св. апостола Андрея и иностранные: прусскаго Чернаго Орла, датскаго Слона и шведскаго Серафима и польскіе: св. Станислава и Бѣлаго Орла.

Австрійскій императоръ Іосифъ II прислалъ ему по просьбѣ императрицы Екатерины дипломъ на княжеское достоинство Римской имперіи.

Потемкинъ сталъ «свѣтлѣйшимъ княземъ».

Интересна маленькая подробность.

Незадолго передъ тѣмъ Іосифъ II отказалъ наградить этимъ титуломъ двухъ своихъ министровъ, за которыхъ ходатайствовала императрица—его мать.

Одновременно съ этими сыпавшимися на него положительно дождемъ милостями государыни, и милостями, кстати сказать, вполне заслуженными, Григорій Александровичъ былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Сознавая свои заслуги, онъ понималъ, что раболѣпствующая передъ нимъ толпа не имѣла объ нихъ даже отдаленнаго понятія и низкопоклонничала не передъ нимъ лично, а передъ силой блеска и богатства, которыхъ онъ являлся носителемъ. Онъ для нихъ

былъ лишь «вельможей въ случаѣ», и они совсѣмъ не интересовались какими способами добился онъ этого случая.

За это ихъ глубоко презиралъ Григорій Александровичъ и этимъ объясняется та надменность, съ которой онъ держалъ себя относительно равныхъ ему и та задумчивая простота, которая проявлялась въ немъ по отношенію къ нисшимъ.

Потомки недалеко ушли отъ его современниковъ и большинство ихъ отмѣчало лишь пятна бывшія на этомъ солнцѣ, не замѣчая, что эти пятна только черныя тѣни отъ окружавшаго его общества.

Вернемся впрочемъ въ пріемную свѣтлѣйшаго.

Въ огромной залѣ царитъ относительная тишина, усиливающая жужжаніемъ сдержаннаго шепота.

Громадная толпа ожидаетъ пріема. Тутъ и высокочиновные и мелкіе люди. Всѣ сравнивались передъ недостижимымъ величьемъ хозяина.

Всѣ взгляды то и дѣло устремляются на затворенныя на глухо высокія двери, за которыми находится кабинетъ «свѣтлѣйшаго», всесильнаго и властнаго распорядителя милліоновъ, отъ каприза, отъ настроенія духа

котораго зависитъ людское горе и людское счастье.

Изъ кабинета выходитъ адъютантъ и вызываетъ по фамиліи приглашаемыхъ въ кабинетъ.

При каждомъ появленіи этого роковаго вѣстника даже жужжанье прекращается и наступаетъ могильная тишь.

Вызванный скрывается за завѣтными дверями и снова во всѣхъ углахъ раздается сдержанный шепотъ.

— Много, много можетъ князь... все... шепчетъ толстый генералъ худому какъ спичка человѣку въ дворянскомъ мундирѣ съ треуголкой въ рукахъ...

— То есть какъ все?—робко задаетъ вопросъ послѣдній.

— Все... говорю... все... Царица для него все сдѣлаетъ, а онъ порой царицѣ скажетъ... коли прикажешь, государыня, твоя воля, исполню, а по совѣсти дѣлать бы то не надо и шабашъ, вотъ онъ какой свѣтлѣйшій...

Дворянинъ сокрушенно вздыхаетъ.

— Третій мѣсяцъ каждую недѣлю являюсь, не могу добиться лицезрѣть его свѣтлость... слышится въ другомъ углу сѣтованіе сановнаго старичка.

— Вызваны?

— Нѣтъ, по сепаратному, личному дѣлу...

— Это еще что... Потѣха тутъ прошлый разъ была какъ разъ въ пріемъ... Вызвалъ его свѣтлость тутъ одного своего стараго прія-теля, вызвалъ по особенному, не терпящему отлагательства дѣлу... Тотъ прискакалъ, ногъ подъ собой не чувствуя отъ радости, и то-же, какъ и вы, нѣсколько мѣсяцевъ являлся въ пріемные дни къ «свѣтлѣйшему»—не до-пускаетъ къ себѣ, точно забылъ... Рѣшилъ это онъ запиской ему о неотложномъ дѣлѣ напоминать и упросилъ адъютанта пере-дать...

— Ну и что же?

— Тотъ предупреждалъ, что худо будетъ, не любить его свѣтлость, чтобы ему напоми-нали... но передалъ...

— Принялъ...

— Принялъ здѣсь въ пріемной... Самъ вы-шелъ.

— Вотъ какъ.

— Вызвали это впередъ его пріяте-ля... Князь оглядѣлъ его и говоритъ: «Дѣло, дѣло, помню... помню... Совсѣмъ было забылъ, ви-новать... Вотъ, братецъ, въ чемъ состоитъ дѣло: у меня есть рѣдкій прыгунъ; такъ какъ ты очень высокъ ростомъ, то я спорилъ съ нимъ, что онъ черезъ тебя не перепрыгнетъ. Теперь споръ рѣшится». Князь сказалъ что-то на ухо адъютанту, тотъ исчезъ, а черезъ

минуту откуда ни возмись этот самый прыгунъ и какъ птица перелетѣлъ черезъ пріятеля его свѣтлости. «Ну, я проигралъ!» — сказалъ князь, обнялъ пріятеля, да и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Пріемъ приказалъ кончить.

— Однако, это... — пожалъ плечами сановникъ-старичекъ.

— Что однако, что это... Пріятель-то его свѣтлости какое на другой день мѣсто получилъ, что десятку прыгуновъ можно дозволить черезъ себя перескочить.

Говорившій наклонился къ уху старичка.

— А-а... — многозначительно протянулъ послѣдній. — Неужели?..

— Да, вотъ вамъ и неужели... Для этого онъ его и вызвалъ изъ имѣнья, способности его зналъ, а прыгунъ это такъ капризъ, не напоминай, самъ вспомню... вотъ онъ каковъ, свѣтлѣйшій-то...

— Нѣтъ, кажется, что съ вами рѣшили покончить, Антонъ Васильевичъ! — слышалось въ третьей группѣ.

Говорившій былъ еще сравнительно молодой генералъ съ широкою грудью, увѣшанной орденами.

— Охъ, хо-хо... — вздохнулъ рослый казакъ: — Тутъ, по пріѣздѣ, я уже являлся къ его свѣтлости съ объяснительными бумагами.

Проектъ представилъ, значить, передѣлки въ Сѣчи, кого удалить, кого перемѣстить, такъ тайкомъ потихонечку...

— Ну, что же князь?..

— Швырнулъ бумаги мои въ уголъ да и сказалъ: «Право, не можно вамъ оставаться. Вы крѣпко расшалились и ни въ какомъ видѣ не можете уже приносить пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла»: Показалъ онъ мнѣ тутъ толстую тетрадь, въ которой написаны всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожья и размѣщены одни противъ другихъ...

— Какихъ же больше?—усмѣхнулся генераль.

— Все записано вѣрно, никакихъ обстоятельствъ изъ обоихъ дѣйствій не скрыто и не ослаблено, только «хитра писачка что зробивъ». Худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца на два и словами величиною съ воробьевъ, а что добраго сдѣлала Сѣчь—часто и мелко, точно пескомъ усыпаль. Отъ того наши худыя дѣла занимаютъ больше мѣста, нежели добрыя.. Только одна надежда, что не выдартъ «Грицко Нечеса».

— Это кто-жъ такой?

— А самъ свѣтлѣйшій.. Онъ у насъ подъ такимъ прозвищемъ уже болѣе двухъ лѣтъ вписанъ въ сѣчевые казаки..

— Вотъ какъ.. Грицко Нечеса.. По Сенькѣ

и шапка... — съязвилъ уже совершенно сдвоеннымъ шепотомъ генералъ.

— Полковой старшина Антонъ Васильевичъ Головатый!.. — выкрикнулъ явившійся изъ двери кабинета адъютантъ свѣтлѣйшаго

Казакъ востепенулся и, нѣсколько оправившись, развалистою походкою направился къ кабинету.

Григорій Александровичъ ходилъ взадъ и впередъ по обширному кабинету, то приближался къ громадному письменному столу, заваленному книгами и бумагами, у котораго стоялъ чиновникъ, то удалялся отъ него.

Увидя Головатаго, вошедшаго въ сопровожденіи адъютанта, почтительно остановившагося у двери, онъ круто повернулъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Все кончено... — сказалъ онъ: — Текелли доносить, что исполнилъ порученіе. Пропала ваша Сѣчь.

Головатый пошатнулся. Вся кровь бросилась ему въ лицо и, не помня себя, онъ запальчиво произнесъ:

— Пропали же и вы, ваша свѣтлость!

— Что ты врешь? — крикнулъ Потемкинъ и гнѣвнымъ взглядомъ окинулъ забывшагося казака.

Тотъ разомъ поблѣднѣлъ подъ этимъ взгля-

домъ;—онъ ясно прочелъ на лицѣ «свѣтлѣйшаго» его маршрутъ въ Сибирь.

Антонъ Васильевичъ струсилъ не на шутку.

Надо было скорѣе смягчить гнѣвъ властнаго вельможи и не смотря на поразившее его извѣстіе объ окончательномъ уничтоженіи родной Запорожской Сѣчи, Головатый на-шелся и отвѣчалъ:

— Вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ; такъ коли Сѣчь уничтожена, такъ и ваше казачество кончилось.

— То-то, ври, да не завирайся!—болѣе мягкимъ тономъ сказалъ князь.

Затѣмъ уже хладнокровно онъ объяснилъ Головатому, что онъ и другіе прибывшіе съ нимъ депутаты будутъ переименованы въ армейскіе чины и отпущены изъ Петербурга...

— Ты будешь поручикомъ...—уже совсѣмъ ласково сказалъ свѣтлѣйшій.

Головатый низко поклонился, хотя двѣ слезы скатились по его смуглымъ щекамъ.

Это были слезы надъ могилою Запорожской Сѣчи.

Головатый вышелъ изъ кабинета.

Вскорѣ за нимъ появился адъютантъ и объявилъ, что пріема больше не будетъ.

— Это со мной уже пятнадцатый разъ...— вслухъ сказалъ сановный старичекъ.

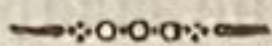
Толпа хлынула къ выходу. Говоръ сдѣлалъ

ся менѣе сдержанный, а на лѣстницѣ стоялъ уже настоящій гулъ отъ смѣшавшихся голосовъ.

Вдругъ та же толпа почтительно разступилась на обѣ сторонѣ лѣстницы и снова притихла, какъ по волшебству.

По лѣстницѣ поднималась маленькая старушка, одѣтая въ черное платье изъ тяжелой шелковой матеріи.

Это была мать свѣтлѣйшаго князя Потемкина, — знакомая намъ, Дарья Васильевна.

II.

Въ Зимнемъ дворцѣ.

Счастье дѣлаетъ людей неузнаваемыми.

То же случилось и съ Дарьей Васильевной Потемкиной.

Кто бы могъ въ шедшей, среди разступившихся почтительно сановныхъ лицъ, по лѣстницѣ дворца почтенной разряженной въ дорогое платье старухѣ, узнать бѣдную смоленскую помѣщицу, жившую въ полуразвалившемся домѣ, гдѣ свободно по комнатамъ шлепали лягушки — Дарью Васильевну, нынѣ кавалерственную статсъ-даму ея императорскаго величества.

Откуда взялась эта важная поступь, эта

милостивая улыбка, играющая на ея губахъ?

Она даже, какъ будто, выросла, не говоря уже о томъ, что пополнила.

Все это сдѣлало единственное въ мірѣ волшебство—счастье.

Дарья Васильевна за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего разсказа прибыла въ Петербургъ и поселилась въ Аничковскомъ дворцѣ, незадолго передъ тѣмъ купленномъ императрицею Екатериною у графа Разумовскаго и подаренномъ Потемкину.

Самъ князь въ немъ не жилъ, и давалъ иногда въ садовомъ павильонѣ дворца великолѣпные праздники.

Съ Дарьей Васильевной прибыли въ Петербургъ и четыре ея внучки Александра, Варвара, Екатерина и Надежда Васильевна Энгельгардтъ. Младшей изъ нихъ было пятнадцать лѣтъ, а старшей шелъ восемнадцатый.

Свѣтлѣйшій дядя не жалѣлъ ничего для воспитанія своихъ племянницъ и лучшіе учителя и учительницы Петербурга были приглашены къ нимъ преподавателями.

Нечего говорить уже о томъ, что пріѣзжіе мать и племянницы свѣтлѣйшаго были окружены почти царскою роскошью и высшее общество столицы носило ихъ на рукахъ.

Всѣ четыре сестры Энгельгардтъ были очень красивыя дѣвушки и этимъ отчасти объяс-

няется болѣе чѣмъ родственная любовь къ нимъ Григорія Александровича — поклонника женской красоты.

Адъютантъ князя, бывшій еще въ залѣ, первый увидалъ вошедшую Дарью Васильевну и бросился съ докладомъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго.

Григорій Александровичъ тотчасъ вышелъ и встрѣтилъ свою мать на серединѣ залы.

Почтительно поцѣловавъ ея руку, онъ провелъ ее въ кабинетъ и кивнулъ головой адъютанту, давая знать, что онъ болѣе не нуждается въ его услугахъ.

Тотъ отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ изъ кабинета.

— Были, видѣли?.. — спросилъ Григорій Александровичъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Сейчасъ отъ княгини... Съ часъ мѣста просидѣла у ней... Ничего, мальчикъ поправляется и она стала много веселѣе...

— Не наступилъ, значитъ, часъ кары Божіей...—съ разстановкой торжественнымъ тономъ произнесъ Потемкинъ.

— Что это ты, Гриць, говоришь, за что ее Богу наказывать... И такъ она безъ мѣры страдалица... Тяжело мнѣ бывать у ней...

— Съ чего это, матушка?..

— Какъ съ чего... Вотъ и нынче заговорила со мной о своей дѣвочкѣ... «Кабы, говорить

она, жива была, играла бы теперь съ Васей, — красныя бы были дѣти... А мнѣ каково слушать, да знать, да сказать не смѣть...

— Дѣйствительно... Это трудно... для женщинъ, главное сказать не смѣть... — засмѣялся Потемкинъ.

— Тебѣ все смѣшки, да смѣшки, а мнѣ да княгинѣ слезки...

Григорій Александровичъ сдѣлался вдругъ чрезвычайно серьезенъ.

— А меньше было бы ей слезъ и горя, коли бы она знала, что сынъ ея живъ, терпитъ низкую долю — неизвѣстно гдѣ и у кого... А это бы случилось, кабы я не вмѣшался и не написалъ бы вамъ тогда...

— Оно, пожалуй, Грицъ, ты и правъ... Но когда же ты возвратишь ей ея ребенка?... Или онъ такъ и останется Петровскимъ?..

— Можетъ быть, такъ и останется... Я теперь объ немъ могу малость получше позаботиться, чѣмъ его батюшка, князь Святозаровъ... Кстати, видѣли вы его!

— Какъ же, видѣла... Просилъ передать тебѣ поклонъ... Веселый такой... радостный, у жены раза три при мнѣ руку поцѣловалъ... а она его въ лобъ...

— Значить... счастливы... — съ горькой усмѣшкой замѣтилъ Григорій Александровичъ

— По видимостямъ, счастливы, только я, Гриць, здѣсь теперь у васъ неприглядѣлась — не узнаешь вѣдь придворныхъ-то лицъ: онъ это улыбается, когда на душѣ кошки скребутся; плачетъ, когда ему можетъ скакать хочется... только Святозаровы, кажется, къ этому роду не подходятъ — простые, прямые люди, онъ, кажись, добрякъ, мухи не обидить...

— А убить человѣка можетъ?..

— Что ты, Гриць, развѣ это было?

— Нѣтъ, я такъ, къ слову...

— И за что ты его такъ не любишь, Гриць?

— Я? Съ чего вы это взяли...

— Не бываешь у нихъ, а они такіе ласковые, да предупредительные...

— Кто ко мнѣ да къ вамъ не ласковъ, да не предупредителенъ...

— Все таки...

— Что все таки... — горячо перебилъ ее князь... не вѣрю я, маменька, въ эту людскую ласковость, всѣ они низкопоклонничаютъ, такъ какъ я высоко стою, меня не достанешь... А могли бы ухватиться хоть за ногу, стащили бы тотчасъ внизъ и растоптали бы съ наслажденіемъ, потому-то и презираю я ихъ всѣхъ... потому-то и вышучиваю съ ними шутки, какія только моей душенькѣ хочется... Тутъ одинъ тоже изъ нихъ обыгралъ

меня на-дняхъ, воспользовался моею разсѣянностью и сфальшивилъ. Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Не судиться идти! И говорю я ему: «Ну, братецъ, съ тобой я буду играть только въ плевки; приходи завтра»... Прибѣгаетъ чуть свѣтъ... «Плюй на двадцать тысячъ» — сказалъ я ему... Онъ собралъ всѣ свои силы и плюнулъ, вонъ въ тотъ самый дальный уголъ попалъ... «Выигралъ, братецъ, я дальше твоего носа плевать не могу!» замѣтилъ я ему и плюнулъ въ рожу...

— Что ты, Гриць! — даже привстала Дарья Васильевна.

— Въ самую рожу... Что же бы вы думали? взялъ деньги обтерся... и по сей часъ ко мнѣ ходитъ... Вотъ каковы они люди...

— Не всѣ же таковы.

— Всѣ — мрачно сказалъ Потемкинъ. — Значить, — вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ — наслѣдникъ выздоравливаетъ и княжеская чета счастлива и довольна...

— Кажись, что такъ, а тамъ кто ихъ знаетъ...

— Конечно, они счастливы и довольны, что имъ! — махнулъ рукой Григорій Александровичъ.

Въ голосъ его прозвучали слезы.

Это не ускользнуло отъ чуткаго слуха матери.

— Что съ тобой, Гриць... Не пойму я тебя... Кажется, счастливѣе тебя человека нѣтъ, а ты...

— Что я?

— Какъ будто не доволенъ ничѣмъ... Вѣдь уже кажется большаго и желать нельзя...

— Вотъ то-то, что вамъ кажется, что и счастливѣе меня нѣтъ, что и желать мнѣ большаго нельзя... а между тѣмъ...

Григорій Александровичъ вдругъ поникъ головой и крупныя слезы покатились по его щекамъ...

— Гриць, что съ тобой? Ты нлачешь...— вскочила въ тревогѣ Дарья Васильевна.

Князь уже успѣлъ оправиться, тряхнулъ головой и отвѣчалъ почти спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, такъ пустяки, это пройдетъ, я усталъ... этотъ пріемъ...

— Ахъ, Гриць, Гриць... чуетъ мое материнское сердце, что съ тобой что то неладное дѣяется, а отчего, и ума не приложу... Сдается мнѣ, скучно тебѣ одному... Жениться тебѣ надо...

— Жениться... мнѣ...—удивленно уставился на Дарью Васильевну Потемкинъ.

— Да, тебѣ... Теперь за тебя какую ни на есть заморскую принцессу выдадутъ... молодую, красивую...

— Нѣтъ, я никогда не женюсь...

— Почему же?—робко спросила старуха, снова уже сидѣвшая въ креслѣ.

— А потому, что нѣтъ и не будетъ мнѣ по душѣ женщины, которая бы мнѣ ненадоѣла... Всѣ надоѣдаютъ, я это уже испыталъ...

— Это все отъ того, что не въ законѣ!—попробовала возразить Потемкина.

— А законъ нарушать еще хуже... а я нарушу... ужъ такова природа моя, мнѣ два раза любить не дано... Свята къ женщинѣ только первая любовь, а вторая тоже, что десятая, это ужъ не любовь, а страсть... похоть...

— Я что то не пойму этого, Гриць...

— И не надо, только сватать меня оставьте... Невѣста моя еще не родилась, да и не родится... Такъ вы и знайте...

Въ тонѣ голоса князя прозвучали ноты раздраженія, наводившія ужасъ на всѣхъ и пугавшія даже его мать.

Она молчала и только печально качала головой...

— Что дѣвчонки?—спросилъ послѣ нѣкоторой паузы Григорій Александровичъ.

Этимъ именемъ называлъ онъ своихъ племянницъ.

— Веселятся, да какъ сыръ въ маслѣ катаются, благодаря твоимъ милостямъ, что имъ дѣлается, тѣло нагуливаютъ...

— И пусть нагуливаютъ, тѣло первое дѣло... Я къ вечеру къ вамъ заѣду, привезу малоазійской сласти рагать-лукумъ прозывается.

— Ужъ ты ихъ очень балуешь...

— Не для нихъ, для себя выписалъ, адъютантъ уже съ недѣлю какъ въ Москву посланъ, сегодня обратно будетъ. Тамъ, говорятъ, въ Зарядьи, близъ Ильинки, купецъ продаетъ перворазборный...

— Причудникъ...—улыбнулась мать, видя, что сынъ снова покоенъ и веселъ.—Я поѣду...

— Съ Богомъ, матушка... Такъ, значитъ, тамъ все благополучно. Спасибо, что исполнили, съѣздили...

— Я для тебя на все...

Григорій Александровичъ припалъ къ рукѣ своей матери и проводилъ ее изъ кабинета до передней, а затѣмъ снова вернулся въ кабинетъ.

Не успѣлъ онъ войти, какъ слѣдомъ за нимъ вошелъ одинъ изъ его адъютантовъ.

— Ну, что?—нетерпѣливо спросилъ князь.

— Все исполнено...

— Онъ здѣсь?..

— Такъ точно, ваша свѣтлость...

— Введите его сюда... и не пускать ни души...

Адъютантъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь кабинета отворилась и на ея порогѣ появился знакомый намъ камердинеръ князя Андрея Павловича Святозарова, Степанъ Сидоровъ.

Съ окладистой русой бородой и усами, одѣтый въ длиннополый камзолъ, онъ былъ неузнаваемъ.

— Кто ты такой?

— Петербургскій купецъ, Степанъ Сидоровъ, ваша свѣтлость...

— Это твоя кондитерская на Садовой?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваша свѣтлость, моей жены...

— Это все одно, мужъ да жена—одна сатана... Я вотъ что хотѣлъ спросить тебя, кто у тебя тамъ дѣвочка, такъ лѣтъ пятнадцати, шестнадцати, за прилавкомъ стоитъ?..

— Это моя падчерица, Калисѣенія...

— Калисѣенія...—повторилъ «свѣтлѣйшій»,—хорошее имя... Только не рука ей сидѣть за прилавкомъ.. Хороша очень...

— Такова воля матери, ваша свѣтлость...

— Чья воля!..—вскрикнулъ Григорій Александровичъ.—Я говорю мою волю...

Степанъ Сидоровъ испуганно попятился къ двери.

— Отвезти ее въ Аничковскій дворецъ, я ее жалую камеръюнгфферою къ моимъ племянницамъ, фрейлинамъ ея величества...

Степанъ поблѣднѣлъ.

— Это невозможно, ваша свѣтлость...

— Чтоооо...—загремѣлъ Григорій Александровичъ.

— Она турецкая подданная и ея мать не согласится отпустить отъ себя, она будетъ жаловаться...—черезъ силу, видимо побѣждая Робость, проговорилъ Степанъ.

— Жаловаться... на меня кому жаловать. ся... крикнулъ внѣ себя отъ гнѣва князь...— Да будь она хоть чертова подданная и имѣй цѣлыхъ три матери она будетъ моею... т. е., она будетъ камеръ-юнгферой моихъ племянницъ, слышалъ?..

Степанъ молчалъ.

— Ея мать... продолжалъ кричать Григорій Александровичъ—твоя жена, такъ ты, какъ мужъ, прикажи...

— Увольте, ваша свѣтлость, не могу—простоналъ Степанъ, опускаясь на колѣни... Пожалѣйте дѣвочку... у нея женихъ...

— Женихъ..взвизгнулъ Потемкинъ...—Тѣмъ болѣе, скорѣе ей надо поступить во дворецъ. . Слушай, чтобы сегодня къ вечеру она была тамъ...

— Смилуйтесь, ваша свѣтлость.. продолжалъ умолять Степанъ.

— Смилуйтесь, я и такъ ей милость оказываю... а онъ смилуйтесь... Да что зря болтать

съ тобой... Сказано, значить такъ надо...
Иначе я съ тобой расправляюсь по свойски..:

Григорій Александровичъ подошелъ совсѣмъ близко къ стоявшему на колѣняхъ Сидорычу и наклонившись сказалъ явственнымъ шепотомъ.

— Я покажу тебѣ, какъ подмѣнивать дѣтей... Слышишь...

Услыхавъ это, Степанъ Сидорычъ упалъ ницъ и остался нѣкоторое время недвижимъ.

Онъ былъ пораженъ этими словами, какъ громомъ.

Григорій Александровичъ, между тѣмъ, не обращая на него никакого вниманія, началъ шагать по кабинету.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Не сдохъ ли онъ со страху?—мелькнуло въ головѣ «свѣтлѣйшаго».

— Отдохнетъ!—самъ отвѣчалъ онъ на свои мысли.

Степанъ дѣйствительно отдохъ и поднялся съ полу съ еще болѣе блѣднымъ искаженнымъ отъ страха лицомъ.

— Что бы нынче вечеромъ... сказалъ князь.

— Слушаюсь, ваша свѣтлость... дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Степанъ.

— Ступай вонъ!

Сидорычъ не заставилъ повторять себѣ это-

го приказанія и ни живъ ни мертвъ вышелъ изъ кабинета.

III.

У з е л ь.

Если веревка разорвана и связана, то несомнѣнно образуется узелъ.

Существуетъ старинная сказка, гдѣ отецъ, желая сохранить миръ между своими двумя сыновьями, подарилъ имъ небольшую доску и гвоздей разной величины отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ.

При каждой ссорѣ по приказанію отца они вбивали въ доску гвоздь размѣра сравнительнаго съ ссорой.

Когда наступало примиреніе, гвоздь вынимался, но оставалось отверстіе или по меньшей мѣрѣ шероховатость.

Такой узелъ и такая шероховатость существовала и въ отношеніяхъ князя Андрея Павловича Святозарова и княгини Зинаиды Сергѣевны, не смотря на кажущееся ихъ полное семейное счастье.

Въ разгарѣ самыхъ чистыхъ супружескихъ ласкъ у нихъ обоихъ почти всегда мелькали въ головѣ мысли, не только уничтожавшія

обаяніе этихъ чудныхъ мгновений, но прямо отталкивающія ихъ другъ отъ друга.

Въ головкѣ княгини мелькалъ то страшный образъ окровавленнаго трупа несчастнаго Костогорова, то деревянный крестъ въ задней аллеѣ деревенскаго парка, тотъ крестъ, у котораго состоялось быстрое неожиданное примиреніе супруговъ.

Въ головѣ князя неслись тѣ же образы, но иначе отѣненныя: трупъ Костогорова и поворожденный младенецъ, похищенный имъ у матери и умершій на чужихъ рукахъ, вызывали въ сердцѣ князя не жалость, а чувство оскорбленнаго самолюбія и затихшей, но не угасшей совершенно злобы.

Появленіе князя Андрея Павловича въ Несвицкомъ въ ту самую минуту, когда княгиня Зинаида Сергѣевна была мысленно около оставленныхъ въ Петербургѣ мужа и сына, было до того для нея неожиданно, что вся выработанная ею система отношеній къ мужу, рухнула сразу и измученная женщина, видѣвшая въ немъ все же единственнаго, близкаго ей человѣка инстинктивно, подчиняясь какому-то внутреннему толчку, бросилась къ нему на шею.

Послѣ такимъ образомъ состоявшагося примиренія отступленія быть не могло и за нимъ невольно послѣдовало объясненіе.

Оно произошло не тотчасъ же, безъ всякихъ разспросовъ со стороны князя, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ съ замѣчательнымъ тактомъ, оно произошло потому что являлось необходимымъ послѣдствіемъ состоявшагося примиренія и, наконецъ, потому, что самой княгинѣ уже давно хотѣлось высказаться, излить свою наболѣвшую душу.

Она рассказала князю Андрею Павловичу романъ своей юности, не называя имени его героя. Она объяснила ему, что встрѣтилась съ нимъ снова въ Петербургѣ, въ гостинной ея кузины графини Переметьевой, и въ мрачныхъ краскахъ, сгущенныхъ озлобленіемъ даже такого добраго сердца, какъ сердце княгини Зинаиды, обрисовала дальнѣйшее поведеніе относительно ея этой свѣтской змѣи, окончившееся убійствомъ не «героя ея юношескаго романа», а его товарища, пріѣхавшаго по его порученію, и ни въ чемъ невиннаго.

— Кого же ты любила въ Москвѣ... Я никого не видалъ у васъ, кто бы могъ остановить твое вниманіе... уронилъ князь, выслушавши повѣсть своей жены.

Онъ сказалъ это хладнокровно, хотя въ душѣ у него поднялась цѣлая буря ревности даже къ прошлому. Кромѣ того, въ его отуманенномъ мозгу противъ его воли по-

явилось недовѣріе въ словамъ жены, хотя они—онъ не могъ отрицать этого—дышали искреннею правдивостью, какъ исповѣдь сердца.

— Ей было время сочинять и не такую исторію въ деревенской глуши...—подсказывало ему его прирожденное ревнивое чувство.

Онъ гналъ отъ себя эту мысль, гналъ всѣмъ усиліемъ своего разсудка, но она какъ бы вслѣдствіе этого, все чаще и чаще возвращалась въ его голову и неотступно гвоздемъ сидѣла въ его разгоряченномъ мозгу.

— Онъ не бывалъ у насъ, ты не могъ его видѣть тамъ въ Москвѣ.

— Гдѣ же ты его видѣла?

— У управляющаго моей тетקי...

— Какой-нибудь разночинецъ! — не удержался князь отъ презрительнаго жеста.

— Нѣтъ, онъ дворянинъ, Григорій Потемкинъ...—отвѣчала княгиня.

— Потемкинъ... тотъ... самый... онъ сынъ твоей сосѣдки!.. — вскочилъ князь въ необычайномъ волненіи.

Бесѣда супруговъ происходила уже въ Петербургѣ, въ будуарѣ княгини.

— Да... Но, что съ тобой? — спросила Зинаида Сергѣевна.

— Ничего... Мнѣ это показалось страннымъ, я здѣсь съ нимъ встрѣчался...

Григорій Александровичъ не занималъ въ то время еще выдающагося положенія, хотя въ Петербургѣ всѣ знали, что онъ пользуется благоволеніемъ государыни, которая часто въ разговорѣ предсказывала «своему ученику» блестящую будущность, въ качествѣ государственнаго дѣателя и полководца.

Волненіе князя Андрея Павловича Святозарова объясняется далеко не признаніемъ опасности подобнаго соперничества, а совершенно иными соображеніями, пришедшими ему въ голову при произнесеніи его женою имени Потемкина.

Его мать, игравшая главную роль въ дѣлѣ похищенія его ребенка — ребенка княгини — продолжалъ подсказывать ему ревнивый голосъ — можетъ, конечно, написать или рассказать сыну обо всей этой грустной исторіи, тѣмъ болѣе для него интересной, что онъ близко зналъ одно изъ ея дѣйствующихъ лицъ — княгиню, былъ влюбленъ въ нее и хотя благоразумно воздержался, по ея словамъ, даже и отъ минутнаго свиданья съ нею на единѣ, но все же сохранилъ о ней, вѣроятно, въ сердцѣ нѣкоторое воспоминаніе.

Значить здѣсь, въ Петербургѣ, есть сви-

дѣтель его преступленія. Онъ самъ, даже въ то время, когда былъ увѣренъ, что ребенокъ княгини не его, чувствовалъ, что съ точки зрѣнія общества его поступокъ не можетъ называться инымъ именемъ. Теперь же, когда сомнѣніе въ принадлежности ребенка ему, въ невинности княгини, стало даже для него вѣроятнымъ, а минутами даже вопросъ этотъ для него же стоялъ уже внѣ всякаго сомнѣнія, преступность совершеннаго имъ была очевидна.

«Онъ умеръ», — мелькало въ его умѣ, и это обстоятельство отчасти уменьшало его безпокойство за свою честь, за доброе имя.

Графиня Клавдія Аѳанасьевна Переметьева, послѣ своего отъѣзда изъ Петербурга въ Москву къ больной матери, такъ и не возвращалась на берега Невы.

На ея отсутствіе было обращено особенное вниманіе на похоронахъ графа, состоявшихся съ необычайною помпою.

Около мѣсяца о графинѣ въ великосвѣтскихъ гостинныхъ были самые разнообразные толки.

Прежде всего получилось извѣстіе, что наследство послѣ графа получили его племянники, такъ какъ графини Клодины не оказалось у матери, которая и не думала хворать.

Куда исчезла Клавдія Аѳонасьевна съ достовѣрностью сказать не могъ никто.

Говорили, что она удалилась въ одинъ изъ очень удаленныхъ отъ Москвы и Петербурга женскихъ монастырей, гдѣ, какъ уже говорили впослѣдствіи, постриглась.

Это были, впрочемъ, только слухи, положительно утверждать ихъ никто не могъ.

Посудивъ и порядивъ, о графинѣ забыли.

Не забыли ее только князь и княгиня Святозаровы.

Князь въ исчезновеніи графини и въ прошедшихъ слухахъ о поступленіи ея въ монастырь находилъ подтвержденіе разсказа своей жены и одно изъ доказательствъ ея невинности.

Несчастному все еще нужны были подтвержденія и доказательства.

Червь ревниваго сомнѣнія точилъ его бѣдное сердце.

Было еще четвертое лицо, замѣшанное въ этой грустной исторіи — это камердинеръ князя Степанъ Сидоровъ.

Его положеніе въ княжескомъ домѣ стало съ нѣкотораго времени совершенно невыносимымъ.

Возвращеніе княгини въ Петербургъ для него, какъ и для всего штата княжескихъ лугъ было совершенно неожиданнымъ.

Надо замѣтить, что вся прислуга любила Зинаиду Сергѣевну и встрѣтила ее съ большою радостью.

О возвращеніи ангела-барыни ея сіятельства много и долго толковали въ людскихъ и прихожихъ княжескаго дома.

Только для Степана это возвращеніе было положительно ударомъ грома, нежданно и негаданно разразившагося надъ его головою.

Одинъ видъ княгини, глядѣвшей и на него какъ на всѣхъ слугъ своихъ, добрыми ласковыми глазами, поднималъ въ его сердцѣ цѣлую бурю угрызений совѣсти.

Несчастный не находилъ себѣ покою ни днемъ ни ночью—исхудалъ и поблѣднѣлъ.

Была у него и другая причина безпокойнаго состоянія духа, но оно было каплей въ морѣ мукъ, переносимыхъ имъ въ присутствіи ея сіятельства.

Наконецъ онъ рѣшился.

Это было уже черезъ полгода послѣ возвращенія княгини и примиренія супруговъ.

Однажды утромъ, явившись по обыкновенію въ уборную Андрея Павловича, онъ по окончаніи княжескаго туалета остановился у притолки двери.

Лицо его имѣло такое выраженіе, что князь невольно задалъ ему вопросъ.

— Тебѣ чего нибудь надо?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Что, говори...

— Облагодѣтельствованъ я вашимъ сіятельствомъ, можно сказать, выше мѣры, сколотилъ на службѣ у васъ изрядный капиталецъ... По совѣсти вѣрьте ваше сіятельство, за всю долгѣтнюю мою службу, вотъ на эстолько не слукавилъ.

Степанъ указалъ на кончикъ своего мизинца.

— Къ чему все это ты говоришь, я тебѣ вѣрю такъ, ты знаешь...

— Къ тому, ваше сіятельство, что дѣло идетъ къ старости...

— Къ какой это еще старости... ты и мнѣ ровесникъ, тебѣ нѣтъ еще тридцати пяти..

— Точно такъ, ваше сіятельство... но все же... однако же...

Степанъ видимо смѣшался.

— Говори толкомъ, чего ты путаешь?

— Хотѣлось бы своимъ домкомъ пожить, человѣкомъ сдѣлаться...

— На волю хочешь?

— Коли ваше сіятельство дозволили бы выкупиться...

— Выкупиться... Ты сошелъ съ ума... На что мнѣ твои деньги... На дняхъ ты получишь вольную.

Степанъ бросился къ ногамъ князя и сталъ ловить его руки для поцѣлуевъ.

— Перестань, перестань... не за что, ты такъ много для меня сдѣлалъ... Я предъ тобой въ долгу...

Андрей Павловичъ былъ отчасти обрадованъ этой просьбой Степана. Несмотря на привычку къ нему съ малолѣтства, постоянное присутствіе его соучастника въ поступкѣ противъ жены, которую онъ по своему все таки очень любилъ, было тяжело князю. Онъ нѣсколько разъ самъ подумывалъ отпустить его на волю, но ему казалось, что этимъ онъ незаслуженно обидитъ преданнаго ему человѣка.

Теперь самъ Степанъ просить его объ этомъ и князь конечно съ удовольствіемъ готовъ исполнить его просьбу.

— Встань, встань... — строго продолжалъ князь.

Сидорычъ поднялся съ колѣнъ

— Что ты хочешь дѣлать? — спросилъ его Андрей Павловичъ.

— Торговлишкой думалъ заняться, ваше сіятельство.

— Смотри, не проторгуйся...

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство... опытнаго товарища имѣю...

— Смотри, какъ бы ты не остался съ опы-

томъ, а онъ съ деньгами...—пошутить князь.
Степанъ улыбнулся.

— Никакъ нѣтъ-съ, я самъ тоже свою голову на плечахъ имѣю-съ...

— Если что случится, обратись ко мнѣ, помни, я у тебя въ долгу...—замѣтилъ князь.

— Много благодаренъ вашему сіятельству, и такъ много довольны вашей милостью...

Степанъ вышелъ съ низкимъ поклономъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ вольную и сталъ, какъ онъ выражался, человекомъ.

IV.

Г р е ч а н к а.

На Садовой улицѣ, невдалекѣ отъ Невскаго проспекта существовала еще во время начала царствованія императрицы Елизаветы, большая кондитерская—родъ ресторана съ билліардными комнатами.

Кондитерская эта охотно посѣщалась офицерами и золотою молодежью того времени.

Говорили, что въ заднихъ комнатахъ этой кондитерской для завсегдатаевъ ея имѣлись ломберные столы, гдѣ можно было до утренней зари сражаться въ азартныя игры.

Это, впрочемъ, не было ни разу удостовѣрено полицейскимъ протоколомъ.

Но не однѣ эти приманки привлекали посетителей въ этотъ укромный веселый уголокъ, прозванный среди молодежи того времени «Капуей».

Жена содержателя кондитерской грека Николая Мазараки, неизвѣстно приблизительно когда и по какимъ причинамъ появившагося на берегахъ Невы, красавица Калисѳенія Ѳемистокловна заставляла, если не биться сердца, то смотрѣть, какъ котъ смотритъ на сало, многихъ петербургскихъ ловеласовъ.

На сколько старый Мазараки былъ безобразенъ съ своимъ ударяющимъ въ черноту смуглымъ лицомъ, съ краснымъ глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ, длиннымъ красноватымъ носомъ, беззубымъ ртомъ, лысой головой, жидкой растительностью на бородѣ и усахъ и испещренными красными жилками постоянно слезоточивыми глазами, настолько прелестна была его жена, Въ началѣ появленія этой четы во главѣ кондитерской, двадцати трехъ много четырехлѣтняя женщина въ полномъ разцвѣтѣ южной красоты. Высокая, стройная съ черной какъ смоль длинной косой толстой змѣей въ нѣсколько рядовъ закрученной на затылкѣ и своей тя-

жестью заставляющей ея обладательницу закидывать голову и придавать такимъ образомъ всей фигурѣ величественный, царственный видъ.

Высокая грудь, маленькія руки съ тонкими пальцами и миниатюрныя ножки довершали чисто классическую прелесть этой женщины, съ гордымъ властнымъ видомъ стоявшей за прилавкомъ и съ видомъ полководца распоряжавшейся арміей «гарсоновъ».

Такова она была въ своемъ величавомъ спокойствіи.

Она была, если только это возможно, еще лучше, когда ея громадные миндалевидные глаза дарили кого-нибудь привѣтливымъ взглядомъ и когда ея красныя, какъ кораллы, художественно очерченныя губы складывались въ радостную улыбку.

Съ этимъ выраженіемъ лица, противъ котораго немногіе могли устоять, встрѣчала она почти всегда своихъ постоянныхъ посѣтителей.

Хороша она была и въ минуты вспышекъ гнѣва, когда ноздри ея правильнаго съ маленькой горблнкой носа раздувались, какъ у арабскаго коня, глаза метали ослѣпительныя искры, а нѣжныя, смуглыя, матовыя щеки вспыхивали багровымъ румянцемъ.

Такова она была изрѣдка со своими подручными, чаще со своимъ мужемъ.

Она казалась неприступной.

Но наружность обманчива вообще, а женская по преимуществу.

Многіе изъ завсегдатаевъ хвастали своей близостью съ ней, но хитрая гречанка умѣла такъ вести свои дѣла, что нельзя было отличить хвастовства отъ правды—она была равна со всѣми при всѣхъ, а какова она была наединѣ, знали лишь тѣ, кто былъ съ нею. Каждый подозрѣвалъ въ другомъ обманутаго соперника и хвастовство близостью съ Калисѣеніей было осторожно, подъ пьяную руку, въ неопредѣленной формѣ.

Кованная большая шкатулка, а въ особенности укладываемыя въ нее крупныя ассигнаціи могли бы быть краснорѣчивыми и убѣдительными доносчиками на свою хозяйку, но и шкатулка и ассигнаціи молчали.

Молчалъ и старый мужъ.

Зналь-ли онъ это или же до него не дошла очередь, такъ какъ извѣстно, что мужья узнаютъ о поведеніи своихъ женъ послѣдними.

Дѣла кондитерской шли прекрасно.

Все, что рассказываемъ мы, относится къ тому же прошлому.

Въ началѣ царствованія императрицы Ека-

терины Калисѣеніи Мазараки было уже далеко за тридцать лѣтъ.

Ея мужъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до государственнаго переворота 1762 г.

Калисѣенія Ѳемистокловна осталась одинокой вдовой, но черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ смерти Николая Мазараки разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой.

Это странное совпаденіе вызвало среди постоянныхъ посѣтителей кондитерской цѣлый рядъ остротъ и каламбуровъ.

Свою новорожденную дѣвочку гречанка тоже назвала Калисѣеніей.

Лѣта, конечно, наложили на Калисѣенію-мать свою, увы, непреодолимую печать, но наступавшее материнство казалось помолодило ее.

Не смотря на то, что она уже приближалась къ сорока лѣтамъ--бабьему вѣку—она все еще продолжала быть чрезвычайно привлекательной хотя ряды ея поклонниковъ порѣдѣли замѣтнѣе, нежели ея чудные волосы.

Смерть Николая Мазараки не отразилась совершенно на теченіи дѣла кондитерской, такъ какъ и ранѣе все это дѣло держала въ своихъ рукахъ «гречанка» такъ звали Калисѣенію Ѳемистокловну, конечно заочно всѣ посѣтители кондитерской.

Рожденіе дочери оказалось очень кстати

для «гречанки»: старѣющая красавица нашла въ ней утѣшеніе.

Очень красивыя женщины чрезвычайно трудно расстаются съ мыслью о своей неотразимости и обыкновенно плохіе математики по части прожитыхъ ими лѣтъ и возникающихъ отъ этого послѣдствій для ихъ наружности.

Также было и Калисѣеніей Ѳемистокловою.

Уменьшеніе числа поклонниковъ и въ связи съэтимъ болѣе рѣдкіе визиты въ завѣтную шкатулку причиняли ей злобное огорченіе, тѣмъ болѣе, что она не могла понять причины этой странной переменѣны отношеній къ ней ея посѣтителей.

Они еще ухаживали за ней, но въ нихъ уже не было какъ прежде этого прямо шального увлеченія.

Ей приходилось дѣлать авансы, а это не было въ ея гордой натурѣ и съ этимъ помириться она не могла.

Вслѣдствіе этого она сдѣлалась на самомъ дѣлѣ почти неприступной.

Она вся, своей страстной натурой, отдавалась любви къ своей дочери.

Она окружила ее возможною роскошью и довольствомъ.

Дѣвочка уже черезъ годъ обѣшала имѣть разительное сходство съ своей матерью.

Былъ, впрочемъ, одинъ человѣкъ, который продолжалъ смотрѣть на Калисоеенію Θεμισстокловну безповоротно влюбленными глазами.

Этотъ человѣкъ былъ знакомый намъ камердинеръ князя Андрея Павловича Святозарова Степанъ Сидоровъ.

Находясь въ положеніи камердинера-друга лица, высокопоставленнаго въ столицѣ, Степанъ пользовался относительной свободой, и пріобрѣтая, воспитываясь вмѣстѣ съ своимъ бариномъ, извѣстный аристократическій лоскъ, которымъ онъ умѣлъ при случаѣ воспользоваться, онъ могъ вращаться въ публичныхъ мѣстахъ, далеко несовмѣстимыхъ съ его званіемъ.

Приличная наружность, даже, пожалуй, красивая, степенный видъ и платье съ барскаго плеча дѣлали то, что его принимали за чиновника или человѣка, живущаго своими средствами.

Послѣдними онъ умѣлъ показать, что не стѣсняется.

Умный и смѣтливый, онъ держался въ различныхъ ресторанахъ и кондитерскихъ особнякомъ, не заводя знакомствъ и не втираясь въ компаніи. Пилъ онъ очень мало, а потому и

знакомства подъ пьяную руку сдѣлать не могъ, да и бывалъ прежде въ подобныхъ мѣстахъ чрезвычайно рѣдко.

Случайно зашелъ онъ въ кондитерскую Мазараки, да сразу и сдѣлался ея частымъ посѣтителемъ, наровя занять мѣсто противъ стойки, за которой величественно возсѣдала уже сравнительно поблекшая Калисѣенія Оемистокловна.

Гречанка скоро приглядѣлась къ частому посѣтителю и даже стала ему привѣтливо улыбаться.

Увядающей красавицѣ было дорого то, что въ то время, какъ другіе посѣтители ограничивались нѣсколькими любезностями, иногда даже двусмысленными, Степанъ Сидоровичъ—она знала даже его имя—какъ прежде очень многіе, неотводно смотрѣлъ на нее безумно-влюбленными глазами.

Они однажды разговорились.

Онъ былъ очень остороженъ. Онъ какъ бы вскользь только говорилъ о себѣ, сказалъ, что онъ купецъ, имѣлъ торговлю бакалеей въ одномъ изъ большихъ губернскихъ городовъ, да передалъ дѣло брату. Въ Петербургъ пріѣхалъ присмотрѣться, нельзя ли какое нибудь дѣло открыть въ столицѣ.

Жить де ему все равно гдѣ; кромѣ млад-

шаго брата родныхъ у него нѣтъ, онъ холостъ и одинъ какъ перстъ.

— Скука иногда такая возьметъ, засосетъ за сердце, хоть ложись, да помирай, только и въ пору...—закончилъ Степанъ Сидоровичъ свой рассказъ.

Калисѣенія Ѳемистокловна заговорила тоже въ минорномъ тонѣ о своемъ одиночествѣ, сиротствѣ, молодомъ вдовствѣ.

Трудно жить одной бабѣ, безъ близкаго человѣка, и на дѣлѣ это очень де отражается. За всѣмъ одной не усмотришь. Гдѣ ужъ! А на чужаго человѣка положиться нельзя...

— Да ужъ нынче народъ сталъ продувной, пальца въ ротъ не клади! — согласился Степанъ Сидоровичъ.

Изъ этого краткаго, но какъ показалось Сидорычу, имѣющаго значеніе разговора, онъ вынесъ убѣжденіе, что онъ можетъ имѣть успѣхъ у молодой вдовы, конечно, при условіи выхода на волю и нѣкотораго капитала.

Отсутствіе обоихъ этихъ житейскихъ благъ, воли и денегъ заставило Степана Сидоровича сдерживать свои порывы, хотя образъ красивой гречанки съ той поры сталъ преслѣдовать его еще настойчивѣе.

Степанъ Сидоровичъ началъ «мозговать» средства для пріобрѣтенія воли и капитала.

И то и другое далось ему въ руки благопріятно сложившимися обстоятельствами.

Всякое людское горе служить основою людскаго же счастья.

Несчастье одного всегда — благополучіе другого.

Тоже было и въ данномъ случаѣ.

Разыгравшаяся въ княжеской семьѣ тяжелая драма, окончившаяся разрывомъ между супругами, послужила исходнымъ пунктомъ будущаго благосостоянія Степана Сидорова:

Читатели уже знаютъ, какъ это произошло.

Степанъ сдѣлался сперва капиталистомъ, а затѣмъ и «человѣкомъ», и «вольнымъ казакомъ», какъ называлъ онъ самъ себя, получивши отпускную.

Съ высоко поднятою головою пришелъ онъ въ кондитерскую вдовы Мазараки.

Его жизнерадостный видъ не ускользнулъ и отъ Калисееніи Оемистокловны.

— Что вы, наслѣдство что ли получили что такъ сіяете?—спросила она и въ тонѣ ея голоса даже прозвучала завистливая нотка.

Радость ближняго всегда нѣсколько непріятна людямъ, хотя въ этомъ они ни за что не сознаются.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ наслѣдство... Наслѣдство — это означаетъ смерть... а я о смерти и думать теперь не хочу... Да и зачѣмъ намъ

наслѣдство... Намъ на прожитокъ хватить да и послѣ насъ останется...—хвастливо сказалъ Степанъ.

— Съ чего же вы такой радостный?..

— Къ рѣшенію пришелъ объ своей участи. Съ души бремя сомнѣнія скатилось... Хочу попытать: или ужъ счастливъ безъ мѣры буду, или совсѣмъ пропаду.

— Ну, послѣднему чего же радоваться... — улыбнулась Мазараки.

— Важно то, что къ рѣшенію пришелъ, а тамъ, что будетъ — Божья воля... По моему, пусть гибель, чѣмъ такъ, одно недоумѣніе...

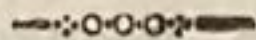
— Я что-то васъ сегодня не понимаю.

— Можетъ поймете... Дозвольте съ вами объясненіе имѣть, сепаратное, на единѣ...

— Со мной!—удивилась Калисѣенія Θεμισстокловна, и въ этомъ удивленномъ тонѣ было много дѣланнаго.

— Съ вами... съ вами...

— Такъ пожалуйста ко мнѣ въ горницу... Вотъ отсюда...—приподняла она прилавокъ.

V.

Х о л о п ь.

Съ трепетнымъ волненіемъ послѣдовалъ Степанъ Сидоровъ въ «хозяйское отдѣленіе»

кондитерской, какъ называли служащіе помещеніе самой Калисееніи Оемистокловны, въ отличіе отъ другихъ комнатъ, находившихся за кондитерской, предоставляемыхъ въ распоряженіе болѣе почетныхъ постоянныхъ посѣтителей.

Помѣщеніе это состояло изъ маленькой пріемной и спальни, обстановка которой видѣлась въ открытую дверь. Рядомъ съ спальней была небольшая комната, гдѣ спала дѣвочка съ нянькой.

Убранство пріемной дышало довольствомъ безъ бросающейся въ глаза роскоши и тою уютностью, которая придается помещенію только женской рукой, посредствомъ ничтожныхъ бездѣлушекъ, салфеточекъ и проч., въ общемъ создающихъ манящую къ себѣ картину.

Изъ отворенной двери соблазнительно выглядывали изящный туалетъ, тоже уставленный разными вещами и принадлежностями изъ фарфора и хрусталя, и часть высокой кровати подъ бѣлоснѣжнымъ одѣяломъ, изъ подъ котораго для очень внимательнаго наблюдателя выглядывали шитыя золотомъ миниатюрныя утреннія туфельки хозяйки.

Оттуда распространялась и раздражала нервы смѣсь запаха духовъ и здороваго женскаго тѣла.

— Присаживайтесь, Степанъ Сидоровичъ... и говорите—сказала вошедшая Калисѣенія Ѳемистокловна, садясь въ кресло и указывая введенному ею гостю на другое.

Степанъ Сидоровичъ сѣлъ, но молчалъ.

Обстановка, окружающая его атмосфера царившая въ этомъ уютномъ уголкѣ его «богини» какъ мысленно называлъ Калисѣенію Ѳемистокловну Сидорычъ, произвели на него ошеломляющее впечатлѣніе.

Всѣ мысли, весь подготовленный смыслъ рѣчи, которую онъ намѣревался держать къ овладѣвшей его сердцемъ красавицѣ мгновенно вылетѣли у него изъ головы и одно желаніе обладать ею, сейчасъ, теперь, отуманило его мозгъ.

Онъ вдругъ, совершенно неожиданно для Мазараки вскочилъ и, охвативъ ее за талію, привлекъ къ себѣ.

— Что вы, что съ вами, вы сошли съ ума!—вскрикнула Калисѣенія Ѳемистокловна, но крикъ этотъ былъ такъ сдержанъ, что не могъ долетѣть до помѣщенія кондитерской, въ которой, къ стати сказать, въ то время было не много посѣтителей.

Видимо было, что случай съ ней не былъ единичнымъ и непредвидѣннымъ.

Калисѣенія Ѳемистокловна съ силой оттолкнула отъ себя черезъ-чуръ фамиллярна-

го гостя и послѣдній снова очутился сидящимъ въ креслѣ.

Онъ скорѣе упалъ, нежели сѣлъ въ него.

— О чемъ же вы хотѣли со мной говорить? —спросила, какъ ни въ чемъ не бывало, Мазараки, спокойно снова усаживаясь въ кресло.

Степанъ Сидоровъ опомнился.

— Простите... Виновать... Затмѣнье нашло... одурь...

— Ничего, ничего, о чемъ, я спрашиваю, вы хотѣли со мной говорить?..

— Да вотъ объ этомъ же...

— То-есть о томъ, чтобы лѣзть со мной обниматься... Это любопытно и... странно...

— Нѣтъ-съ... вы не такъ поняли... или я не такъ сказалъ...

— Одно изъ двухъ... это правильно.

— Точно такъ-съ... Я чтобы въ законѣ...

— Въ законѣ? — переспросила Калисѣенія Ѳемистокловна.

— Да-съ... въ законѣ, а никакъ иначе, я тоже васъ какъ слѣдуетъ понимаю...

— Вы мнѣ дѣлаете предложеніе... кажется надо понимать такъ.,—сказала, улыбнувшись, Калисѣенія Ѳемистокловна.

— Такъ-съ, такъ-съ, такъ и понимать надобно...—обрадовался Степанъ Сидоровичъ.

— Благодарю васъ за честь... — медленно

какъ бы раздумывая, заговорила Мазараки, — но я вѣдь не молоденькая дѣвушка, а потому извините, еслибы и рѣшилась вступить во второй бракъ, то по достаточномъ обсужденіи этого дѣла и на разумныхъ основаніяхъ... Прежде всего я васъ совершенно не знаю...

— Обо мнѣ можете справиться въ домѣ князя Андрея Павловича Святозарова, я съ малолѣтства былъ при его сіятельствѣ, — выпалилъ, перебивши ее, и не обдумавши совершенно, что онъ говоритъ, Степанъ.

— Вы, при князѣ... Чѣмъ же вы были при немъ? — воззрилась на него Калисеенія.

Степанъ поблѣднѣлъ, смѣшался и молчалъ.

Онъ понялъ, что проболтался и проболтался непоправимо. Вратъ теперь было бы бесполезно, справка у любого изъ княжескихъ слугъ уличить его во лжи.

Надо было говорить правду.

Онъ сползъ съ кресла и опустился на колѣни передъ Калисееніей Ѳемистокловной.

— Простите, виновать, я не купецъ, я бывшій дворový челоуѣкъ князя Святозарова, выросъ съ княземъ и до послѣдняго времени служилъ у него камердинеромъ... теперь получилъ отпускную...

Въ головѣ у него въ это время почему-то мелькала мысль, что ему уже во второй

разъ приходится сбрасывать съ себя личину купца.

— Холопъ, рабъ, илотъ... да какъ ты смѣлъ... вонъ?—вскочила она какъ разъяренная тигрица.

Степанъ не двинулся. Онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, низко опустивъ голову.

— Теперь я вольный... Князь мнѣ какъ другъ... Денегъ у меня шестьдесятъ тысячъ... все для васъ... самую жизнь...—продолжалъ онъ безсвязно бормотать.

— Опять, чай, врешь, холопъ!—кинула она ему, неровной походкой ходя взадъ и впередъ по пріемной.

— Убей меня Богъ, коли вру... Съ этой минуты только одну правду отъ меня услышите.

— Чего вы на полу-то ползаете... Встаньте, садитесь...—рѣзко, но все же сравнительно болѣе мягкимъ тономъ сказала Калисѣенія Оемистокловна.

— Простите... тогда встану...—сквозь слезы проговорилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, прощаю...—уже совершенно смягчилась она и даже подала ему руку, чтобы помочь подняться съ полу.

Степанъ послушно всталъ и также послушно по ея приказанію снова сѣлъ въ кресло.

На нѣкоторое время наступило молчаніе.

По глазамъ Мазараки видно было, что она что-то соображала.

Степанъ Сидоровичъ сидѣлъ, не поднимая на нее глазъ.

— Какъ же-съ, Калисѣенія Ѳемистокловна...—первый заговорилъ онъ.

— Что, какъ же?..—спросила она.

— Положите, значить, гнѣвъ на милость...

— Что гнѣвъ... гнѣвъ пустяки... Меня разсердило то, что вы мнѣ солгали... Ложь для меня хуже всего... Человѣку, который солжетъ разъ, я не могу уже вѣрить... не могу уважать его...

— Говорю вамъ, передъ истиннымъ Богомъ, послѣдній разъ солгалъ передъ вами, отнынѣ моя душа будетъ передъ вами какъ на ладонкѣ... — произнесъ жалобнымъ голосомъ Степанъ и видимо для того, чтобы придать большее вѣроятіе своимъ словамъ, перекрестился.

Калисѣенія Ѳемистокловна молчала.

— Такъ какъ же?—снова спросилъ онъ.

— Что же вы думаете дѣлать съ вашими деньгами? — не отвѣчая на вопросъ, какъ бы вскользь, желая переимѣнить разговоръ, сказала она.

— Да вотъ, надумалъ-было съ вами въ компаніи дѣло вести... Сами вы вѣчоръ говорили мнѣ, что можно дѣло расширить, да только

вамъ безъ мужчины трудно... Положиться нельзя на чужого...

— Да, да, это правда, какіе ужъ нынче люди, пальца въ ротъ не кладі... откусять...

— Я и смекнулъ, ежели мой капиталъ, да къ вашей опытности прибавить, да мнѣ для васъ не чужимъ человѣкомъ сдѣлаться, дѣло бы другое вышло, а то что у меня деньги въ укладкѣ задарма лежатъ, можно сказать — мертвыми...

— Это, конечно, послѣднее дѣло, капиталъ долженъ быть въ оборотѣ, приращаться...—замѣтила она.

— Теперь же мнѣ онъ зачѣмъ... Вѣдь я бобыль... Одинъ, какъ перстъ... Умру... все равно въ казну отберутъ, коли полиція, да подъячіе не растащутъ.

— Зачѣмъ это говорить... Вы молоды, женитесь, дѣти будутъ, имъ оставите...

— Нѣтъ-съ, Калисѣенія Ѳемистокловна, коли вы меня, можно сказать, оттолкнули, да такъ кровно обидѣли, ни на комъ я не женюсь, въ монастырь пойду и капиталъ туда же пожертвую... Богу, значить, отдамъ...

Въ голосѣ Степана прозвучали рѣшительныя ноты.

Калисѣенія Ѳемистокловна встрепенулась.

— Обидѣли... а вы не обижайтесь, мало ли что въ горячности скажешь, не подумавши,

иной разъ такую окоlesiцу понесешь, что хоть святыхъ выноси, и отталкивать я васъ не отталкивала, зачѣмъ добрыми людьми пренебрегать, добрые люди всегда пригодятся...

— Значить, дозволите надѣяться?—поднялъ на нее свои глаза Степанъ Сидорычъ.

Въ нихъ блеснулъ лучъ радостной надежды.

— Дайте подумать, на такое дѣло сразу рѣшаться не годится...

-- Только дозвольте надѣяться, а я подожду, съ удовольствіемъ подожду...

— Ждите!

Калисоеенія протянула ему руку.

Степанъ прильнулъ къ ней губами и впился въ нее страстнымъ, продолжительнымъ поцѣлуемъ.

— Заходите, потолкуемъ...—освободила она, наконецъ, свою руку.

— Вы, вотъ, говорите холопъ, рабъ, а ежели теперь вдуматься, такъ вѣдь такой же человекъ, какъ и другіе...—вдругъ началъ онъ, вспомнивъ нанесенную ему ею обиду.

— Говорю—погорячилась, а вы все помните, знаете русскую пословицу: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Нѣтъ, я такъ, къ слову, примѣромъ, завтра же я приишусь въ здѣшніе мѣщане, а

тамъ и въ купцы, и при капиталѣ мнѣ тотчасъ почетъ.

— Конечно, если человѣкъ съ деньгами, тогда иное дѣло...—милостиво согласилась Калисѣенія Ѳемистокловна и встала.

— Безъ денегъ что и князь, только кинуть въ грязь...—пошутилъ успокоившійся Степанъ.

— А сердиться вы перестаньте.. —ласково сказала она и снова протянула ему руку.

Онъ уже стоя снова прильнулъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ.

— Пойдемте... Тамъ, кажется, народу поприбавилось—кивнула она въ сторону кондитерской.—Заходите утречкомъ, на досугѣ все перетолкуемъ.

Она даже шутя и улыбаясь повернула его плечами къ выходу.

Онъ вышелъ въ кондитерскую.

Тамъ, дѣйствительно, уже было нѣсколько новыхъ посѣтителей.

У прилавка стояла дама и мальчикъ отпускалъ ей какое то печенье.

Увидавъ выходящаго изъ-за прилавка Степана, дама удивленно его окликнула.

— Степанъ Сидорычъ!

Онъ тоже удивленно уставился на нее и, наконецъ, не менѣе удивленно произнесъ:

— Анна Филатьевна!

Это была Аннушка, бывшая горничная княгини Зинаиды Сергѣевны.

— Какими судьбами вы сюда попали?..

— Дѣло было къ хозяйкѣ... — уклончиво произнесъ онъ, подумавъ про себя: «Нанесла нелегкая»!

— А я все къ вамъ собираюсь

— Ко мнѣ...

— И къ вамъ конечно, да и къ княгинюшкѣ, навѣстить ее, повидать, уже сколько времени они пріѣхавши, а я все не соберусь, на дому все недосугъ, да недосугъ...

— Меня то вы тамъ уже не найдете... сказалъ Степанъ.

— Это почему же?..

— А потому, что я уже теперь при князѣ не состою... отвѣчалъ онъ пониженнымъ шепотомъ.

— А при комъ же!

— При самомъ себѣ, Анна Филатьевна, при самомъ себѣ...

— Это какъ же?

— Вольную князь пожаловалъ, такъ я отъ него на свою квартирку перебрался, здѣсь недалеко, на Садовой.

— Ааа... протянула Аннушка.—Ну, что же, княгиня, успокоилась...

— Охъ, Анна Филатьевна, не намъ бы съ вами это и вспоминать.. Много грѣховъ на

душу мы изъ за нея, голубушки, приняли.

— Да вѣдь вы не сами..

— Что я самъ... Не моя была воля, княжеская... Да вѣдь сказать правду, васъ вѣдь я не силкомъ тянулъ...

— Вотъ вы какой...—дѣланно улыбнулась Аннушка.—А что ребенокъ?—шепотомъ добавила она.

— Умеръ.

— Умеръ?

— Мѣсяца родименькій не прожилъ, и отдалъ Богу ангельскую свою душеньку.

— Ну это къ лучшему...

— И князь Андрей Павловичъ былъ того же мнѣнія, когда я привезъ ему это извѣстіе...

— А все таки я къ княгинѣ зайду, поклонюсь ея сіятельству...

— И не тяжело вамъ будетъ, мнѣ такъ и смотрѣть на нее не въ терпежъ было...

— Оно, конечно, не радость, а нельзя, тоже она мнѣ благодѣтельница, ни меня, ни мужа не забываетъ.

— Это еще по моему хуже.—Ну да какъ знаете... Прощенья просимъ... Мнѣ недосугъ...

— Заходите...

— Ваши гости.

Степанъ Сидорычъ вышелъ изъ кондитерской.

VI.

Въ греческомъ плѣну.

Прошло два мѣсяца.

Степанъ Сидоровичъ за это время почти ежедневно бывалъ въ кондитерской Маза-раки и по утрамъ, и по вечерамъ.

Наконецъ, они съ Калисоееніей Оемисток-ловой столковались.

Послѣдняя наглядно убѣдилась, что ея по-клонникъ дѣйствительно капиталистъ.

Для этого она очень наивно, чуть не сама, напросилась къ нему въ гости на кофе.

Сидорычъ былъ на седьмомъ небѣ.

Онъ какъ ребенокъ радовался этому посѣ-щенію. Съ утра привелъ въ праздничный видъ свою комнату — онъ нанималъ ее отъ жильцовъ въ домѣ недалеко отъ кондитер-ской около Сѣнной—и ждалъ съ бьющимся сердцемъ наступленія назначеннаго часа.

То и дѣло пріотворялъ онъ дверь своей комнаты, прислушиваясь не только къ раз-дававшимся въ квартирѣ звонкамъ—въ квар-тирѣ кромѣ него было еще нѣсколько жиль-цовъ—но даже ко всякому шуму на лѣстни-цѣ—его комната была крайняя.

Наконецъ, она явилась.

Онъ бросился снимать съ нея верхнее

платье, усадилъ въ покойное кресло у накрытаго для кофею стола, уставленнаго всевозможными лакомствами.

Прислуга подала самоваръ и кофейникъ.

Калисоеенія Θεμιστοκловна меланхолически осматривала помѣщеніе ея поклонника.

Она была очень изящна, видимо особенно потрудились надъ своимъ туалетомъ.

Степанъ Сидоровичъ наливалъ кофе, то и дѣло взглядывая на свою дорогую гостью.

Онъ млѣлъ и таялъ.

— Вотъ моя убогая келійка... — проговорилъ онъ.

— Комната очень миленькая... главное все такъ чисто, аккуратно... Въ мужчинахъ это рѣдкость,—замѣтила Калисоеенія Θεμιστοκловна.

Сидорычъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я чистоту люблю... чистота это первое дѣло...—скромно опустилъ онъ глаза.

— А вы увѣрены въ вашихъ хозяевахъ? Замки въ дверяхъ, кажется, не особенно надежны... Да и прислуга...—шепотомъ заговорила она, наклонившись почти совсѣмъ близко къ Степану Сидоровичу и обдавая его запахомъ сильныхъ духовъ.

— Хозяева люди хорошіе... и прислуга тоже, да и замокъ у двери, это такъ на видъ

онъ кажется ненадежнымъ,—хорошій замокъ...—отвѣчалъ онъ тоже шепотомъ.

— Я къ тому, мой другъ,—она первый разъ назвала его такъ нѣжно,—что хранить дома капиталъ опасно... Мы съ вами такъ сошлись, что я думаю, что имѣю право спросить... подать дружескій совѣтъ...

Она сдѣлала видъ, что раскаявается въ началомъ разговоръ, что не знаетъ, удобно-ли продолжать его.

Все это вмѣстѣ со словами «мой другъ» окончательно разнѣжило Степана Сидоровича,—онъ рѣшилъ на искренность отвѣчать искренностью...

— Что вы, Калисѣенія Ѳемистокловна, я такъ вамъ благодаренъ за участіе... Я вѣдь и самъ понимаю, что живя въ комнатѣ отъ жильцовъ нельзя надѣяться на особую безопасность, но я принялъ мѣры... Если и доберутся до моего сундука, онъ стоитъ вонъ тамъ, подъ кроватью, то все равно ничего не найдутъ...

— Вотъ какъ... — сдѣлала она печальное лицо.

— Хоть тамъ денежки и лежатъ, да не для нихъ, а для насъ съ вами... — засмѣялся тихимъ смѣхомъ Степанъ Сидоровичъ.

— Какъ же это? Это интересно...

— А если вамъ интересно, то послѣ кофею

я вамъ этотъ секретъ покажу... Отъ васъ не утаю... можетъ надумаетесь, такъ ничего скрывать ужъ не придется.

Степанъ Сидоровичъ посмотрѣлъ на нее масляными глазами.

Она милостиво улыбнулась, бросила на него нѣжный взглядъ и вдругъ потупилась, какъ бы сконфузившись.

Выпивъ вторую чашку кофе, Калисѣенія Ѳемистокловна, по тогдашнему обычаю, опрокинула чашку.

— Еще чашечку! — заискивающе попросилъ Сидорычъ.

— Нѣтъ, больше не хочу, благодарю васъ...

— Одну...

— Нѣтъ. нѣтъ!

— Просить можно, неволить грѣхъ... — сказалъ Сидорычъ, допивши свою.

Онъ приказалъ прислугѣ убирать со стола самоваръ, кофейникъ и чайную посуду.

— Сладостями побалуйте.

Калисѣенія Ѳемистокловна начала лакомиться.

Когда прислуга вышла съ подносомъ изъ комнаты, Степанъ Сидоровичъ всталъ, задвинулъ дверь на задвижку и подошедши къ кровати, выдвинулъ изъ подъ нея свою за-вѣтную укладку.

— Пожалуйте смотрѣть... занятная работа, одинъ благопріятель смастерилъ.

Открывши сундукъ, онъ показалъ Калисее-ніи Ѳемистокловнѣ хранившееся въ немъ разное бѣлье и другія мелкія вещи.

— Видите, кромѣ тряпокъ ничего нѣтъ,— говорилъ онъ, аккуратно вынимая содержи-мое и укладывая на кровать.

Сундукъ скоро опустѣлъ.

— Пусто?—спросилъ Степанъ Сидоровъ.

— Пусто,—отвѣчала гостя.

— Гдѣ же денежки?

— Не знаю.

Въ это время Степанъ Сидоровичъ нажалъ пальцемъ дощечку. Раздался легкій трескъ верхнее дно укладки приподнялось, и обнару-жились уложенные рядомъ объемистые пач-ки крупныхъ ассигнацій.

Читатель знаетъ, какія это были деньги.

— Ахъ!—сдержанно воскликнула Калис-еенія Ѳемистокловна и почти любовно по-смотрѣла на обладателя искусно сдѣланной укладки.

Опытнымъ взглядомъ она окинула пачки и поняла, что ея будущій женихъ не преуве-личилъ цифры своего капитала.

— Неправда-ли, хитрая штука?—сказалъ Сидорычъ, снова нажимая какую-то дощечку.

Дно снова пришло въ свое первоначальное положеніе.

— На что хитрѣе!—согласилась Калисѣенія Оемистокловна.

Содержимое сундука тѣмъ же порядкомъ было въ него уложено, онъ былъ запертъ и снова вдвинуть подъ кровать.

Степанъ Сидорычъ отперъ дверь.

Они снова усѣлись къ столу.

— Когда же вы, наконецъ, рѣшите мою судьбу...—заговорилъ Степанъ Сидоровичъ.

— Удивительно, какой вы нетерпѣливый человѣкъ... улыбнулась Калисѣенія Оемистокловна...—Вамъ все сейчасъ вынь да положь...

— Это вы напрасно, ужъ сколько времени я жду... два мѣсяца...

— Два мѣсяца—захохотала она... Это по вашему много... Люди по годамъ ждутъ... Или я не стою, чтобы меня подождать.

Она взглянула на него изъподлобья.

— Кто говоритъ, не стойте... Только вотъ. не знаешь дождешься ли...

— Ну, что ужъ съ вами дѣлать, видно надо перестать томить... дождетесь, дождетесь

Онъ схватилъ ея руку и припалъ къ ней пересохшими губами.

Она не только не отнимала ее, но напро-

тивъ наклонилась къ нему и обожгла ему щеку поцѣлуемъ.

Онъ упалъ къ ея ногамъ.

— Встаньте, встаньте, прислуга можетъ войти, да и мнѣ пора, засидѣлась.

— Куда же вы такъ скоро?—печально произнесъ онъ, поднимаясь съ пола.

— Куда, домой... приходите теперь вы ко мнѣ... такъ и будемъ пока ходить другъ къ другу.

— И долго?

— Не долго...

Онъ помогъ ей одѣться, самъ отперъ и заперъ за нею дверь, еще разъ крѣпко разцѣловавши ея обѣ руки.

Съ этого дня Калисѣенія Ѳемистокловна дѣйствительно перестала томить своего поклонника.

День отъ дня она дѣлалась къ нему все ласковѣе и ласковѣе, нѣсколько разъ даже позволила себя поцѣловать и одинъ разъ сама отвѣтила на поцѣлуй.

— Нашу сестру, бабу-дуру, долго ли оплести,—замѣтила она какъ бы въ оправданіе порыва своего увлеченія,—лаской изъ нашей сестры веревки вить можно.

Степанъ Сидоровичъ ходилъ положительно гоголемъ, не чувствуя подъ собою отъ радости ногъ.

Онъ даже, какъ будто, сдѣлался выше ростомъ.

Наконецъ въ одинъ прекрасный день Калисоеенія Оемистокловна окончательно согласилась быть женою Степана Сидоровича и даже сама стала торопить свадьбой.

Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ онъ показалъ ей свое купеческое свидѣтельство.

Счастливый женихъ бросился со всѣхъ ногъ хлопотать.

Прежде всего онъ полетѣлъ къ князю, прося его и княгиню быть у него посаженными отцомъ и матерью.

— На комъ же ты женишься?—спросилъ князь.

— На Калисоееніи Оемистокловнѣ Мазараки.

— На «гречанкѣ»? — воскликнулъ Андрей Павловичъ, сдѣлавъ удивленное лицо.

Онъ зналъ подъ этимъ прозвищемъ содержательницу кондитерской.

— Точно такъ-съ, ваше сіятельство...

— Да ты, братецъ, сошелъ съ ума?..

— Никакъ нѣтъ-съ... У меня кое-какія деньжонки есть, въ общее дѣло пустимъ... да кромѣ того полюбили мы очень другъ друга.

— И она тебя?..

— Такъ точно...

— Ну, если такъ.. Дай вамъ Богъ счастья,

кучу дѣтей и куль червонцевъ... — пошутить князь. — Изволь, я благословлю.

Степанъ по старой привычкѣ бросился въ ноги Андрея Павловича.

— Встань, вѣдь ты купецъ! — поднялъ его князь.

— Вашей милостью, ваше сіятельство, вашей милостью.

Княгиня тоже согласилась.

Послѣднее благословеніе немного было по душѣ Степану Сидоровичу. Оно должно было пробудить въ немъ укоры совѣсти, но прося князя, обойти княгиню было нельзя.

Съ своей стороны Калисѣенія Ѳемистокловна достала себѣ посаженныхъ отца и мать тоже изъ высокопоставленныхъ лицъ Петербурга, а потомъ и шаферовъ для нея и для жениха, который не хотѣлъ брать изъ своего бывшего крѣпостнаго круга.

Въ числѣ приглашенныхъ были и знакомые намъ Аннушка съ мужемъ.

Свадьба была сыграна съ помпой.

Кондитерская была на этотъ день закрыта, и вечеромъ все помѣщеніе было предоставлено въ распоряженіе гостей, веселившихся до утра.

На другой день, какъ всегда бываетъ послѣ праздника, наступили будни.

Жизнь кондитерской вошла въ свою обычную колею.

Только для Степана Сидорова праздникъ продолжался.

Прошло уже около мѣсяца, а онъ продолжалъ ходить въ какомъ-то праздничномъ туманѣ. Планы о вступленіи въ дѣло веденія кондитерской, строенные имъ во время продолжительнаго сватовства за Калисѣенію Ѳемистокловну, рушились.

Онъ и не думалъ приниматься за дѣло.

Не потому, чтобы его кто нибудь не допускалъ до дѣла, нѣтъ, онъ самъ забылъ о какомъ-либо дѣлѣ, — онъ ходилъ какъ въ помусли, безъ мысли, безъ заботы, весь отлавшись одной поглотившей его страсти, страсти къ женѣ.

Калисѣенія Ѳемистокловна съумѣла разжечь и поддерживать эту страсть даже послѣ того, какъ сдѣлалась женой Степана Сидоровича.

Изучившая до мельчайшихъ подробностей искусство нѣжной страсти, она примѣняла его для цѣлей, понятныхъ ей одной, но которыя скоро станутъ понятны и читателямъ, и надъ своимъ вторымъ мужемъ

Здоровый мужчина, неизбалованный утонченными женскими ласками, потерялъ голову.

То, что для человека, пресыщенного жизнью, является необходимостью, то для сына природы, какимъ былъ, несмотря на свою жизнь въ столицѣ, Степанъ, являлось излеществомъ, дѣйствовавшимъ губительно на нервную систему.

Приправы, безъ которыхъ не можетъ обходиться желудокъ гастронома, страдающаго вѣчнымъ катарромъ, губительны для здороваго желудка.

Въ чадѣ этихъ неиспытанныхъ и одуряющихъ наслажденій, Степанъ Сидоровъ не замѣтилъ, какъ капиталы, изъ его укладки съ секретнымъ дномъ, перешли въ руки его прелестной законной половины, и какъ безповоротно очутился онъ подъ ея бархатной шитой золотомъ туфелькой.

Онъ оказался «въ греческомъ плѣну», какъ зло шутили надъ нимъ остряки—завсегдатаи кондитерской.

Въ отвѣтъ на эту шутку Степанъ Сидоровичъ отвѣчалъ глупо-счастливой улыбкой.

Дни неслись. Утонченныя ласки кончились, но прежняго положенія относительно своей супруги вернуть было нельзя.

Степанъ Сидоровичъ, впрочемъ, и не пытался.

Онъ былъ доволенъ даже въ роли подручго своей жены.

Въ этой роли онъ и остался.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родился сынъ, который названъ въ честь крестнаго отца,—которымъ былъ Андрей Павловичъ Святозаровъ,—Андреемъ.

Это обстоятельство нѣсколько скрасило жизнь Степана Сидоровича—въ ребенкѣ онъ находилъ утѣшеніе въ минуты сознанія своихъ разрушившихся надеждъ и плановъ.

Младшая Калисѣенія уже давно стала ходить, но почему-то дичилась и не любила вотчима, который былъ съ ней ласковъ и, какъ могъ, баловалъ ее.

Мать за то не чаяла въ ней души и дѣвочка отвѣчала ей пылкой привязанностью.

Къ чести Калисѣеніи Ѳемистокловны надо замѣтить, что она какъ умная женщина, никогда не выставляла на показъ ту жалкую роль, которую играетъ относительно ее ея второй мужъ.

Напротивъ, при посѣтителяхъ и слугахъ, она играла роль покорной жены и гдѣ было нужно, всегда вставляла фразы вродѣ слѣдующихъ:

— Не знаю, надо посовѣтоваться съ мужемъ... Я бы ничего, но какъ мужъ...

Это щекотало забитое самолюбіе Степана Сидоровича и тѣмъ нѣсколько примиряло его съ его положеніемъ.

Такъ шли года, не внося въ жизнь нашихъ героевъ никакихъ измѣненій.

Младшей Калисееніи шелъ пятнадцатый годъ.

Она унаслѣдовала красоту своей матери, еще болѣе привлекательную въ виду менѣе рѣзкихъ штриховъ, наложенныхъ на нее природою.

Полуразвившаяся фигура дѣвочки общалась великолѣпно сложенную женщину. Полный огня взглядъ черныхъ глазъ сулилъ неземныя наслажденія.

Она стала замѣнять мать за прилавкомъ кондитерской и торговля въ эти дни шла несравненно бойчѣе.

Около нея уже стали увиваться поклонники. Она уже создала для «Капуи» новыхъ завсегдатаевъ.

Жениха еще конечно не было, — Степанъ Сидоровичъ, говоря это князю Григорію Александровичу Потемкину, просто сболтнулъ.

Въ это же время и увидалъ ее послѣдній, заѣхавъ разъ на перепутьи въ кондитерскую Мазараки.

Этотъ визитъ былъ сдѣланъ имъ вслѣдствіе толковъ о красотѣ дочери «гречанки».

Свѣтлѣйшій взглянулъ и мысленно рѣшилъ судьбу этой прелестной дѣвочки.

Онъ считалъ, что сдѣлаетъ для нея благо-
дѣяніе.

И онъ былъ правъ.

При нравахъ той эпохи судьба младшей
Калисѣеніи не только могла бы быть, но не-
премѣнно была бы еще печальнѣе.

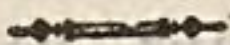
Выборъ «свѣтлѣйшаго» долженъ былъ быть
для нея болѣе чѣмъ лестнымъ.

Ей навѣрное позавидовали бы не только
дамы, но и дѣвушки даже высшихъ сферъ
тогдашняго общества, гдѣ добродѣтель не
считалась особеннымъ цѣннымъ качествомъ.

Любовницъ сильныхъ тогдашняго міра
ожидало и счастливое супружество, покойная
жизнь и не менѣе покойная старость.

Такъ разсуждали тогда всѣ.

Такъ разсуждалъ и Григорій Александро-
вичъ.

VI.

Недостатки «свѣтлѣйшаго».

Самодурство, причудничество и женолюбіе
были отрицательными качествами Григорія
Александровича Потемкина.

Сживаясь съ геніальнымъ умомъ, пылкою
восторженною натурою и подчасъ совершен-

но рыцарскимъ великодушнымъ характеромъ, качества эти имѣли причины, лежавшія внѣ «великаго человѣка».

Мы отчасти изъ разговора Григорія Александровича съ его матерью познакомились съ его справедливымъ взглядомъ на окружающее его общество, среди котораго онъ царилъ много лѣтъ, не какъ «временщикъ», благодаря капризу своего могущественнаго властелина, а по признаваемымъ имъ своимъ трудамъ и заслугамъ.

Онъ понималъ, что у трона великой государыни онъ стоитъ цѣлой головой выше всѣхъ другихъ сановниковъ, мало того, что эти сановники пресмыкаются у его ногъ только потому, что онъ взысканъ милостями императрицы, и при малѣйшемъ неудовольствіи съ ея стороны, готовы первыми бросить въ него грязью.

Князь платилъ имъ за это безобразными выходками самодурства и надменностью, переходяшею всякія границы.

Они раболѣпной толпой тѣснились въ его пріемныхъ, а князь зачастую совсѣмъ не принималъ ихъ и не выходилъ къ нимъ, а если и появлялся передъ ними, то босой въ халатѣ, одѣтомъ прямо на голое тѣло.

Князь приближалъ къ себѣ очень немно-

гихъ. Въ числѣ ихъ былъ и Михаилъ Гарновскій.

Это былъ статный красивый мужчина, по происхожденію шляхтичъ. Онъ былъ повѣренный свѣтлѣйшаго князя Потемкина и ловко обдѣлывалъ какъ княжескія, такъ и свои собственные дѣла.

Онъ могъ являться къ князю въ халатѣ тогда какъ въ то же время передъ небрежно валявшимся властелиномъ стояли на вытяжку министры и заслуженные генералы.

И часто случалось, что князь при появленіи Гарновскаго говорилъ этой раззолоченной толпѣ:

— Подите вонъ, намъ дѣло есть!

Тѣ съ низкими поклонами удалялись, чтобы завтра явиться снова передъ очами могущественнаго князя.

Такое общество было благодарной почвой для развитія прямо идейнаго самодурства.

Что оно было именно «идейное» лучшимъ доказательствомъ служить то, что Григорій Александровичъ проявлялъ его только передъ равными себѣ. Съ низшими же, слугами и солдатами онъ былъ самымъ простымъ задушевымъ бариномъ, даже не позволявшимъ титуловать себя и простой народъ и солдаты платили за это восторженнымъ обо-

жаніемъ Григорію Александровичу, какъ они звали его въ глаза и за глаза.

Самодурство и надменность понятно не проходили безслѣдно и для самого «свѣтлѣйшаго» — онъ наживалъ ими массу враговъ, которые старались клеветать на него и забрасывать его грязью, особенно послѣ его смерти.

Много такихъ клеветъ перешло, какъ это всегда бываетъ съ «великими людьми» и въ исторію.

Не скупились на злословіе, относительно его, конечно, втихомолку его современники и при жизни князя.

Иногда это злословіе достигало до ушей самого князя.

Онъ отплачивалъ за него довольно оригинально.

Генераль Меллесино имѣлъ неосторожность, говоря, въ одномъ обществѣ о Потемкинѣ, выразиться, что счастье вытянуло его за носъ благо онъ у него великъ.

Слухи объ этомъ дошли до Григорія Александровича и Меллесино былъ тотчасъ же вызванъ къ нему.

Въ тревожной неизвѣстности прождалъ генераль часа четыре въ пріемной князя, пока не былъ позванъ.

Григорій Александровичъ принялъ его

одѣтый въ одну сорочку, съ босыми ногами, и, взявъ за руку, подвелъ къ зеркалу, передъ которымъ лежала бритва.

— Помѣряемся носами, ваше превосходительство и чей окажется меньше, тотъ и упадетъ подъ бритвою на полъ? Да что и мѣрить?—Посмотри, какая у тебя гаденькая пуговица, просто тѣфу.

Потемкинъ плюнулъ ему прямо въ носъ.

— Ступай,—сказалъ онъ затѣмъ генералу,— да прошу впредь вздору не болтать а покрѣпче держаться за меня, иначе можетъ быть очень худо.

Другой чиновникъ, вышедши изъ пѣвчихъ и получивши чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, недовольный обхожденіемъ съ нимъ Григорія Александровича, замѣтилъ:

— Развѣ не знаетъ князь, что я такой же генералъ.

Это передалъ князю, который при первой же встрѣчѣ—сказалъ ему.

— Что ты врешь! Какой ты генералъ—ты генералъ—басы!

Григорій Александровичъ терпѣть не могъ, когда люди приближенные имъ къ себѣ зазнавались, онъ давалъ имъ за это обыкновенно очень памятные уроки.

Князь по обычаю вельможъ того времени держалъ открытый столъ. Въ числѣ незван-

ныхъ гостей, почти ежедневно являвшихся обѣдать къ свѣтлѣйшему, былъ одинъ отставной генералъ.

Онъ всегда прежде другихъ садился за столъ и первый бралъ карту, когда князь изъ-являлъ желаніе играть.

Генералъ былъ очень недалекъ и потому Григорій Александровичъ терпѣлъ его и забавлялся его разговорами и сужденіями.

Тотъ же по глупости вообразилъ, что Потемкинъ питаетъ къ нему особенное расположеніе и дружбу, началъ гордиться и хвастаться этимъ, обѣщалъ многимъ свое покровительство и сталъ вмѣшиваться въ дѣла князя.

Григорію Александровичу это надоѣло, онъ рѣшился проучить нахала и показать всѣмъ, какую роль играетъ онъ при немъ.

Однажды генералъ пришелъ къ князю обѣдать раньше всѣхъ, такъ что въ столовой не было никого, кромѣ двухъ любимыхъ адъютантовъ свѣтлѣйшаго.

— Какъ жарко!—сказалъ Потемкинъ,—поѣдемъ купаться.

Генералъ обрадовался приглашенію.

Поѣхали всѣ вчетверомъ въ лѣтній садъ.

Генералъ носилъ на передней части головы накладку.

— Гдѣ же мы станемъ раздѣваться?—спросилъ онъ князя.

— Зачѣмъ раздѣваться!—отвѣчалъ князь и вошелъ въ бассейнъ въ халатѣ.

— Я такъ не могу!—заупрямился было генераль, но его шутя втащили въ воду въ мундирѣ и купали до тѣхъ поръ, пока не смыли съ головы накладку.

Послѣ купанья генераль просился ѣхать домой, что бы переодѣться.

Григорій Александровичъ его не пустилъ, привезъ его къ себѣ, заставилъ мокраго съ блестящей головой обѣдать, играть въ карты, танцовать и быть такимъ образомъ цѣлый вечеръ всеобщимъ посмѣшищемъ.

Генераль пересталъ хвастаться своею близостью къ свѣтлѣйшему.

Другой статскій сановникъ считалъ себя тоже однимъ изъ близкихъ и короткихъ людей въ домѣ Потемкина, потому что послѣдній входилъ иногда съ нимъ въ разговоры и любилъ, чтобы тотъ присутствовалъ на его вечерахъ.

Самолюбіе внушило ему мысль сдѣлаться первымъ лицомъ при князѣ.

Обращаясь съ послѣднимъ часъ отъ часу фамиллярнѣе, онъ однажды сказалъ ему:

— Ваша свѣтлость не хорошо дѣлаете, что не ограничите число имѣющихъ счастье

препровождать съ вами время, потому что между ними есть много пустыхъ людей.

— Твоя правда,—отвѣчалъ Григорій Александровичъ,—я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ.

Вечеромъ Потемкинъ разстался съ нимъ, по обыкновенію, очень ласково и любезно.

На другой день онъ пріѣхалъ къ князю и хотѣлъ войти къ нему въ кабинетъ, но передъ нимъ выросъ лакей:

— Не велѣно принимать!

— Какъ не велѣно, ты вѣрно, братецъ, ошибаешься во мнѣ или въ моемъ имени.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я довольно васъ знаю и ваше имя стоитъ первымъ въ реестрѣ лицъ, которыхъ его свѣтлость, по вашему же совѣту, не приказалъ къ себѣ допускать.

Съ этого времени князь, на самомъ дѣлѣ, никогда уже не принималъ зазнавагося, непрошеннаго совѣтчика.

Не любилъ также свѣтлѣвшій князь и открытой лести, и раболѣпнаго прислужничества. Къ нему нельзя было, что называется, прислужиться, при немъ надо было служить.

Состоять ординарцемъ при свѣтлѣйшемъ князѣ считалось особою честью, потому что трудная обязанность—продежурить сутки въ пріемной передъ его кабинетомъ, не имѣя

возможности даже иногда прислониться—
выкупалась нерѣдко большими подарками и
повышеніями.

Одинъ богатый молодой офицеръ, одержи-
мый недугомъ честолюбія, купилъ за боль-
шія деньги у своихъ товарищей право без-
смѣнно провести трое безпокойныхъ сутокъ
въ пріемной князя, часто страдавшаго без-
сонницей и катавшагося иногда въ такое
время на простой почтовой телѣгѣ то въ Ора-
ніенбаумъ, то въ Петергофъ, то за тридцать
пять верстъ по шлиссельбургской дорогѣ въ
Островки, гдѣ и понынѣ возвышаются зуб-
чатые развалины его замка.

Къ несчастью молодаго честолюбца, сонъ
какъ нарочно овладѣлъ княземъ и подъ ко-
нецъ вторыхъ сутокъ добровольный ордина-
рецъ истомился и изнемогъ, затянутый въ
свой парадный камзолъ.

Только передъ утромъ третьяго дня судьба
улыбнулась ему.

Князь потребовалъ лошадей и поскакалъ
въ Петергофъ, посадивъ его на тряскій об-
лучекъ повозки.

У счастливца, какъ говорится, едва дер-
жалась душа въ тѣлѣ, когда онъ прибылъ
на мѣсто назначенія, но за то въ перспекти-
вѣ ему видѣлись ордена и повышенія.

— Скажи, пожалуйста, за какой просту-

покъ назначили тебя торчать у меня столько времени передъ кабинетомъ? — спросилъ у своего спутника Григорій Александровичъ, очень хорошо понимавшій трудность дежурства.

— Что бы имѣть счастье лишній часъ видѣть вашу свѣтлость, я купилъ эту высокую честь! — отвѣтилъ подобострастно молодой человѣкъ.

— Гмъ!—значительно откашлянувшись князь и затѣмъ добавилъ:

— А, ну-ко, стань бокомъ.

Ординарецъ черезъ силу сдѣлалъ ловкій полуоборотъ.

— Повернись теперь спиной.

И это приказаніе было отлично исполнено.

— Посмотри теперь прямо на меня.

Молодой человѣкъ, подкрѣпленный надеждою, при такомъ тщательномъ, непонятномъ ему осмотрѣ, исполнилъ и это съ совершенствомъ.

— Какой же ты долженъ быть здоровякъ! — произнесъ Потемкинъ и пошелъ отдыхать. Счастье не вывезло честолюбивому ординарцу.

Онъ не получилъ ничего.

Оригинально проучивалъ Григорій Александровичъ и недобросовѣстныхъ игроковъ.

Свѣтлѣйшій очень любилъ играть въ кар-

ты, преимущественно на драгоценные камни.

Какъ то одинъ изъ вельможъ проигралъ ему довольно значительную сумму и уплатилъ ее брилліантами, которые стоимостью были гораздо меньше проигрыша.

Князь узналъ объ этомъ лишь на другой день, когда велѣлъ ювелиру оцѣнить камни.

Не сказавъ ни слова, и не показывая вида неудовольствія при встрѣчѣ, онъ задумалъ наказать недобросовѣстнаго игрока и предложилъ ему принять участіе въ загородной прогулкѣ.

Тотъ согласился.

Григорій Александровичъ позвалъ кучера, который долженъ былъ везти этого вельможу и приказалъ ему устроить такъ, чтобы коляска при первомъ сильномъ толчкѣ сорвалась съ передка и упала, а кучеръ съ передкомъ ѣхалъ бы дальше, не оглядываясь и не слушая криковъ.

День былъ выбранъ холодный и дождливый.

Григорій Александровичъ, обыкновенно ѣздившій въ каретѣ, поѣхалъ на этотъ разъ верхомъ, а всѣ приглашенные на прогулку, по желанію князя, отправились въ открытыхъ экипажахъ.

Отъѣхали довольно далеко отъ Петербурга въ безлюдное пустынное мѣсто, гдѣ негдѣ было укрыться отъ дождя.

Небо, между тѣмъ, кругомъ заволакивалось густыми тучами.

На дорогѣ пришлось проѣзжать громадную лужу.

Когда коляска, въ которой сидѣлъ вельможа, въѣхала въ воду, князь крикнулъ кучеру: «Пошелъ» и самъ поворотивъ круто коня, поскакалъ назадъ, а за нимъ всѣ сопровождавшіе его.

Кучеръ, согласно полученному приказанію, хлеснулъ лошадей и дернулъ коляску такъ сильно, что она сорвавшись съ передка, съѣла посреди самой лужи.

Вельможа началъ кричать и браниться, но кучеръ, не слушая ничего уѣхалъ на передкѣ.

Какъ нарочно, въ эту самую минуту полилъ проливной дождь.

Вымоченный насквозь вельможа долженъ былъ поневолѣ тащиться назадъ въ Петербургъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ по колѣно въ водѣ и грязи.

На сколько не любилъ князь недобросовѣстность, настолько же онъ не сердился на правду.

Одинъ калмыкъ, вышедшій въ люди въ по-

слѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, имѣлъ привычку говорить всѣмъ «ты» и приговаривать: «я тебѣ лучше скажу».

Григорій Александровичъ любилъ играть съ нимъ въ карты, такъ какъ калмыкъ велъ спокойно большую игру.

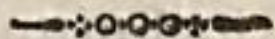
Однажды, понтируя съ какимъ-то знатымъ молдаваниномъ противъ калмыка, князь игралъ несчастливо и, разсердившись, вдругъ съ запальчивостью сказалъ банкомету.

— Надобно быть сущимъ калмыкомъ, чтобы метать такъ счастливо.

— А я тебѣ лучше скажу—возразилъ калмыкъ—что калмыкъ играетъ какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ, какъ сущій калмыкъ, потому что сердится.

— Вотъ насилу-то сказалъ ты «лучше?»—подхватилъ захохотавъ Потемкинъ и продолжалъ игру уже хладнокровно.

Таковы были самодурство и причуды свѣтлѣйшаго князя Потемкина, почву, повторяемъ, для которыхъ и почву благодарную давало само общество, льстящее, низкопоклонничающее и пресмыкающееся у ногъ умнаго и видѣвшаго его насквозь властелина.

VIII.

Ж е н о л ю б е ц ъ.

Третьимъ недостаткомъ свѣтлѣйшаго князя была страсть къ женщинамъ, бывшая вмѣстѣ съ честолюбіемъ преобладающею стороною его натуры.

Клевета современниковъ шла въ отношеніи этой слабости Григорія Александровича такъ далеко, что удостовѣряла за несомнѣнное, что онъ въ погонѣ за наслажденіями не щадилъ даже родственныхъ связей.

Въ одной изданной при жизни Потемкина брошюрѣ, посвященной отношеніямъ князя къ его племянницамъ Энгельгардтъ, онъ названъ «Княземъ Тьмы».

Мы не будемъ касаться этихъ противуестественныхъ отношеній, имѣющихъ подъ собою лишь весьма гадательныя данныя, но должны сознаться, что послѣдняя четверть XVIII столѣтія, отличавшаяся обиліемъ развратницъ и ловеласовъ, имѣла въ Григоріѣ Александровичѣ самага блестящаго и счастливаго представителя послѣднихъ.

Мы уже описали внѣшность свѣтлѣйшаго князя, но тогда когда ему было за пятьдесятъ, когда его портила угрюмость, набѣ-

гавшая на его чело, изборожденное уже морщинами.

Въ описываемое же нами время онъ былъ положительнымъ красавцемъ.

Высокаго роста, пропорціонально сложенный, онъ обладалъ могучими мускулами и высокою грудью.

Орлиный носъ, высокій лобъ, красиво вытянутыя брови, голубые блестящіе глаза, прекрасный цвѣтъ лица, отѣненныи нѣжнымъ румянцемъ, мягкіе свѣтло-русые, вьющіися волосы, ровные бѣлые, какъ слоновая кость, зубы—таковъ былъ обольстительный портретъ князя въ цвѣтушіе годы.

Даже потеря зрѣнія въ одномъ глазу не портила его внѣшняго вида.

Становится понятнымъ, что по числу своихъ побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ онъ не уступалъ герою романтическихъ новеллъ — Донъ-Жуану-ди-Теноріо.

Окруженный къ этому же ореоломъ могущества, богатства и блеска, онъ былъ положительно неотразимъ для женщинъ своего времени, далеко не делѣявшихъ особенно свѣтлыхъ идеаловъ.

Григорій Александровичъ представлялъ изъ себя лакомую приманку для женщинъ, въ особенности для искательницъ приключеній, тщеславныхъ красавицъ, плѣнявшихся

мыслью—пріобрѣсти земныя блага посредствомъ сближенія съ могущественнымъ вельможею.

Мы знаемъ изъ разговора Григорія Александровича съ его матерью, вѣроятно не забытаго читателями, какъ онъ глядѣлъ на женщинъ.

Онъ надоѣдали ему, онъ ими пресытился, какъ пресытился всевозможными яствами и мѣнялъ ихъ одну на другую, какъ мѣнялъ ананасы на рѣдьку и утонченныя гастрономическія блюда на солдатскія щи съ краюхой черного хлѣба.

Другихъ кромѣ, если можно такъ выразиться, вкусовыхъ отношеній у него не было къ представительницамъ прекраснаго пола.

Онъ глядѣлъ на нихъ какъ на одну изъ сладкихъ приправъ на жизненномъ пиру, какъ на десертъ послѣ хорошаго обѣда.

Чувству любви не было мѣста въ сердцѣ свѣтлѣйшаго князя.

Мы знаемъ, что эту любовь онъ похоронилъ еще въ московскомъ домѣ графини Нелидовой и надъ разрушеннымъ алтаремъ этого божества построилъ себѣ храмъ честолюбія и восторженнаго поклоненія царственной женщинѣ.

Кромѣ княгини Святозаровой и импера.

трицы Екатерины для него другихъ женщинъ-людей не существовало.

Другія были только игрушкой, лакомствомъ.

Можно-ли поставить ему это въ вину?

Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно.

Большинство женщинъ, не только описываемой нами эпохи, но и современныхъ, только и могутъ вызывать въ мужчинахъ вкусовые ощущенія, какъ будто только въ этомъ и кроется въ жизни ихъ назначеніе.

Ихъ готовятъ къ этому воспитаніемъ.

Ихъ туалеты, ихъ отношенія къ мужчинамъ все говоритъ за то, что они считаютъ необходимымъ достиженіе этой цѣли.

Мы говоримъ о женщинахъ красивыхъ, изяшныхъ, свѣтскихъ и почти всегда непременно пустыхъ и безсодержательныхъ.

Некрасивыя же, предавшіяся какому-нибудь дѣлу, наукѣ, литературѣ, теряютъ свой женственный образъ и едва-ли могутъ пробуждать уже въ мужчинѣ какія-нибудь ощущенія.

Онѣ въ счетъ не идутъ.

Вообразите же себѣ мужчину съ разбитымъ первою несчастною любовью сердцемъ въ обществѣ этихъ представительницъ гостинныхъ и будуаровъ и рѣшитесь обвинять его въ томъ, что онъ смотритъ на нихъ, какъ

на красивую принадлежность своего жизненного комфорта, какъ на предметъ наслажденій, какъ на десертъ, какъ на лакомство.

Онѣ сами хотятъ этого—и достигаютъ, чего хотятъ.

Въ чемъ же тутъ вина мужчины?

Въ такомъ же положеніи былъ и Потемкинъ относительно женщинъ своего времени, къ довершенію всегда готовыхъ броситься въ его объятія по одному мановенію его руки.

Легко достижимое теряетъ прелесть.

Разбитое сердце Григорія Александровича искало забвенія въ этихъ вѣтренныхъ и зачастую продажныхъ ласкахъ, но не могло найти его.

Отсюда эта безконечная цѣпь любовныхъ приключеній, считавшаяся современниками разнузданностью сластолюбца.

Обольстительный образъ младшей Калисееніи Мазараки не могъ не произвести впечатлѣнія на пресыщеннаго женскими ласками Потемкина.

Взглядомъ знатока оцѣнилъ онъ достоинства этой женщины-ребенка.

— Она черезъ-чуръ молода,—рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ,—но она разовьется подъ моей охраной, подъ моимъ наблюденіемъ.

Онъ рѣшилъ взять ее и создать себѣ неизвѣданное имъ еще наслажденіе ожиданія.

Для его могущества все было возможно, но въ данномъ случаѣ ему благопріятствовали и сложившіяся обстоятельства.

Вотчимъ очаровавшей его дѣвушки сталъ его невольнымъ сообщникомъ и безотвѣтнымъ исполнителемъ его воли.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Григорій Александровичъ послѣ ухода изъ его кабинета Степана Сидорова.

Непремѣнное и страстное желаніе чего-нибудь достигнуть порождаетъ въ сердцахъ людей тревожное сомнѣніе, доходящее до потери сознанія своего права и своей силы.

Тоже случилось и съ княземъ.

Онъ вдругъ сталъ сомнѣваться въ возможности обладать Калисееніей Мазараки и серьезно утѣшался мыслью, что пріобрѣлъ себѣ помощника въ лицѣ ея вотчима.

Передъ перспективой достиженія заманчивой цѣли онъ позабылъ о своемъ могуществѣ.

Степанъ Сидоровъ, зная любовь своей жены къ своей дочери, со страхомъ шелъ домой и обдумывалъ, какъ ему объявить непремѣнную волю свѣтлѣйшаго князя.

Выбѣжавши какъ угорѣлый изъ Зимняго дворца, онъ, выйдя на Невскій, нарочно замедлилъ шаги, чтобы имѣть время сообразить

данное ему Григоріемъ Александровичемъ тяжелое порученіе.

— Жена ни за что не отпуститъ... Съ ней не сообразишь... Кремень-баба.. На рожонъ полѣзетъ, и ничего съ ней не подѣлаешь...— размышлялъ онъ самъ съ собой.

— Что то будетъ тогда?—возникалъ въ его умѣ вопросъ.

Холодный потъ выступалъ на его лбу и онъ чувствовалъ, какъ волосы его подымались дыбомъ.

Князь можетъ погубить ихъ всѣхъ однимъ движеніемъ своего мизинца.

Степанъ Сидоровъ снова ощущалъ на своей спинѣ удары плетей, какъ тогда, когда онъ ѣхалъ исполнять порученіе князя Святозарова.

— И понесла меня нелегкая въ это Чижево...—мелькала у него мысль.

— Да кто же могъ тогда все это знать... предвидѣть...—оправдывалъ онъ самого себя

— Вѣдь не втолкуешь моей греческой бабѣ, что его свѣтлость всѣхъ насъ можетъ придавить ногтемъ... самъ свѣтлѣйшій съ ней едва-ли сообразить и совладаетъ... — переносились его мысли къ женѣ.

Онъ былъ въ положеніи мыши, думающей, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

Наконецъ онъ повернулъ на Садовую и вскорѣ подошелъ къ кондитерской.

— Будь, что будеть!—въ отчаяніи сказалъ онъ самому себѣ и вошелъ въ ворота, чтобы пройти заднимъ ходомъ.

Калисоеенія Оемистокловна ждала его возвращенія съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.

Внезапный вызовъ ея мужа къ свѣтлѣйшему князю Потемкину повергъ ее въ недоумѣніе.

— Зачѣмъ ему понадобился мой вахлакъ?—задавала она себѣ ужъ чуть-ли не сотый разъ вопросъ и не могла найти на него отвѣта.

Вдругъ ее осянула мысль.

Она даже выпрямилась, подняла голову, подбѣжала къ большому зеркалу, находившемуся въ ея пріемной и долго осматривала себя съ головы до ногъ.

Самодовольная улыбка, появившаяся на ея сильно реставрированномъ лицѣ, показала, что она осталась довольна этимъ осмотромъ.

Она хорошо помнила, что нѣсколько дней тому назадъ свѣтлѣйшій удостоилъ посѣщеніемъ ея кондитерскую и выпилъ чашку шоколада.

Возстановляя въ своей памяти подробности этого посѣщенія, она припомнила, что онъ какъ-то загадочно нѣсколько разъ посмо-

трѣлъ на нее,—она сама служила высокому гостю, а дочь была за прилавкомъ,—и сказалъ ей даже нѣсколько любезныхъ словъ.

При этомъ воспоминаніи она покраснѣла даже подъ слоємъ бѣлилъ и румянъ, который покрывалъ ея лицо.

Она не сомнѣвалась теперь болѣе, что свѣтлѣйшій обратилъ на нее свое высокое вниманіе.

Сердце состарившейся красавицы сильно забилося.

Сдѣлаться любовницей могущественнѣйшаго въ Россіи вельможи—это было такое счастье, въ предвкушеніи котораго она задыхалась.

— Вѣрно князь вахлака упрячетъ на какую-нибудь службу... да подальше отошлетъ, деликатный и умный мужчина...—думала она.

— Только напрасно его свѣтлость съ нимъ церемонится... И такъ пикнуть бы не смѣлъ у меня... За счастье долженъ почестъ, холопъ. Тогда я кондитерскую продамъ, ну ее... Одно безпокойство... На серебрѣ, да на золотѣ буду ѣсть... И красавецъ же онъ писанный.. Тогда, какъ я близко поглядѣла на него, индѣ у меня всѣ поджилки затрепетали... Не молодая я... Ну да что же, умный мужчина завсегда понимаетъ, что женщина въ лѣтахъ не въ

примѣръ лучше зеленой дѣвчонки...—продолжала мечтать она.

Въ это самое время въ дверяхъ появился Степанъ Сидоровичъ.

Его озабоченный, растерянный видъ еще болѣе убѣдилъ Калисѣенію Ѳемистокловну въ основательности ея предположеній.

— Ишь, вахлакъ, тоже опечалился, да оно, конечно, тяжело, коли сладкій кусокъ изъ подъ носа вырываютъ... догадывается... — мелькнуло въ ея головѣ.

— Ну, что... Зачѣмъ вызывалъ тебя его свѣтлость?—обратилась она къ мужу.

Тотъ безсильно опустился на кресло противъ сидѣвшей на другомъ жены и молчалъ.

— Что же ты молчишь, какъ воды въ ротъ набралъ... Побилъ тебя его свѣтлость, что ли?

— Хуже...

— Что хуже... Чего ты загадки задаешь.. Говори...

— Дай сообразить...

— Чего тутъ соображать... Я и такъ истомилась тебя ожидаючи, раздумывая, да разгадывая...

— Сейчасъ, сейчасъ, все расскажу... Не обрадуешься...

Степанъ Сидоровичъ вынулъ фуляровый съ красными разводами платокъ и отеръ потъ, обильно покрывавшій его лобъ.

— Что же такое печальное для меня могъ сказать тебѣ его свѣтлость?..—съ усмѣшкой спросила Калисѣенія Ѳемистокловна.

— Уже на что печальнѣе для честной женщины, матери...—началь было Степанъ Сидоровичъ.

— Ты ради Бога это брось... Дѣло говори.. Я безъ тебя знаю, что должна дѣлать честная женщина и мать...

— Ну, коли такъ... Изволь, скажу напрямикъ... Его свѣтлость обратилъ вниманіе...

— Догадалась, догадалась...—перебила его Калисѣенія Ѳемистокловна, даже припрыгнувъ на креслѣ.

— Догадалась?—удивленно взглянулъ на нее мужъ.

— Догадалась... Онъ когда на дняхъ заѣзжалъ въ кондитерскую кофе кушать, то такъ умильно глядѣлъ...

— Такъ, такъ, вотъ и доглядѣлся...

— Что-жъ, я готова... Ты самъ, чай, хорошо понимаешь, что воля его свѣтлости какъ для меня, такъ и для тебя—законъ... Это не кто нибудь другой... понимаешь... тутъ ужъ твои права не при чемъ...

— Какія тутъ мои права. . Все полагаю отъ тебя зависеть, я напротивъ очень радъ, что ты такъ скоро согласилась... Я думалъ...

— Что ты думалъ?.. Что я пойду противъ воли его свѣтлости...

— Да.

— Ну, и глупъ же ты, посмотрю я на тебя, да отъ насъ съ тобой тогда только мокро будетъ, понимаешь...

— Понимаю.

— Ну, такъ значить и толковать нечего, я готова...

— Значить, сегодня же ее и надо собрать и отправить...

— Кого ее?..

— Калисѣенію...

— Калисѣенію? Какую?..

— Какъ, какую? Вѣдь не тебя же облюбовалъ его свѣтлость... А кромѣ тебя одна у насъ еще Калисѣенія...

Калисѣенія Ѳемистокловна закусила до боли нижнюю губу и какъ-то вся даже съежилась.

Впрочемъ, надо сказать, что она тутъ же сразу сообразила, что предстоящая карьера ея дочери можетъ имѣть вліяніе на еще большее улучшеніе ея благосостоянія. Оскорбленную въ своемъ самолюбіи женщину замѣнила торжествующая за успѣхъ своей дочери мать.

— Однако у него губа не дура, языкъ не лопатка, понимаетъ что сладко, — подумала

она даже довольно непочтительно о свѣтлѣйшемъ.

— Куда же ее отправить? Къ нему?

— Зачѣмъ къ нему... Приказалъ отвезти въ Аничковъ дворецъ, тамъ живетъ его мать и племянницы... Жалуетъ онъ Калисѣенію къ нимъ въ камеръ-юнгферы... Для прилику, знамо дѣло...

— Аа... Что же надо съ ней поговорить, да и отправить... Ничего не подѣлаешь...

— Конечно, со свѣтлѣйшимъ не очень то будешь разговаривать. Жаль дѣвчонку...

— Жаль... Ахъ вахлакъ, вахлакъ... Такая ей судьба выходитъ... Моихъ совѣтовъ слушаться будетъ... такъ заберетъ его въ руки, что отдай все, да мало... а онъ жаль...

— Впрочемъ, это твое дѣло...—махнулъ рукой Степанъ Сидоровичъ и вышелъ изъ комнаты.

Калисѣенія Ѳемистокловна позвала дочь, затворилась съ нею въ спальню и провела тамъ съ нею съ глазу на глазъ около двухъ часовъ.

О чемъ говорили онѣ осталось тайной, но молодая Калисѣенія вышла съ разгорѣвшимися щеками, блестящими глазками и съ гордо поднятою головой.

Она была очаровательна.

Въ тотъ же вечеръ состоялось ея переселеніе въ Аничковъ дворецъ.

Калисѣенія Ѳемистокловна сама отвезла ее, видѣлась съ предупрежденною уже сыномъ Дарьею Васильевной Потемкиной, которой и передала дѣвочку съ рукъ на руки и испросила позволенія раза два въ недѣлю навѣщать ее.

— Пристроила...—рѣшила она самодовольно, возвращаясь домой.

IX.

Достойная ученица.

Прошло около двухъ лѣтъ со дня описанныхъ нами событій.

Калисѣенія Николаевна Мазараки провела это время въ Аничковомъ дворцѣ, въ обществѣ Дарьи Васильевны Потемкиной и Александры, Варвары, Екатерины и Надежды Энгельгардтъ, племянницъ «свѣтлѣйшаго».

Мы говоримъ «въ обществѣ», такъ какъ не смотря на то, что Калисѣенія была назначена «камеръюнгфферой» къ дѣвицамъ Энгельгардтъ, она ни одного дня не исполняла эту должность.

Молодость, красота, сравнительно свѣт-

скій лоскъ и кое-какое образованіе, данное ей матерью, а главное, ласковое отношеніе къ ней могущественнаго сына и дяди, сдѣлали то, что Дарья Васильевна обращалась съ ней какъ съ дочерью, а дѣвицы Энгельгардъ какъ съ подругою.

У Калисѣеніи была своя роскошно отдѣланная, по приказанію князя, комната. Она вмѣстѣ училась и вмѣстѣ читала съ племянницами князя.

Только во время визитовъ она не выходила въ пріемныя комнаты и, вообще, ее старались не показывать постороннимъ. Это дѣлалось тоже по волѣ Григорія Александровича, баловавшаго свою любимицу и дарившаго ей цѣнныя бездѣлушки и наряды.

Племянницы князя, поставленныя въ особыя условія въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, не отличавшемся тогда особенно строгимъ нравственнымъ кодексомъ, какъ ближайшія родственницы могущественнѣйшаго вельможи, тоже не выдѣлялись особенною нравственною выдержкою, а напротивъ, были распущены черезъ мѣру даже среди легкомысленныхъ представительницъ тогдашняго петербургскаго «большого свѣта».

Князь Потемкинъ, нравственныя правила котораго были болѣе чѣмъ сомнительны,

звалъ даже самъ одну изъ нихъ «Надежда-безнадежная».

Дарья Васильевна, не находя поддержки для строгости въ сынѣ, отъ котораго они всѣ зависѣли, смотрѣла сквозь пальцы не только на поведеніе его, но и его любимицъ — своихъ внучекъ.

Въ такой средѣ окончательно развилась и распустилась, какъ роскошный цвѣтокъ, Калисѣенія Николаевна.

Уроки матери довершили остальное.

Дочь оказалась ея достойной ученицей.

Она была и ея портретомъ въ молодости, но еще нѣсколько прикрашеннымъ.

Ожиданія Григорія Александровича оправдались.

Ему должна была достаться женщина, затмѣвающая своей красотой всѣхъ тогдашнихъ петербургскихъ красавицъ.

Подготовленная матерью, посѣщавшей очень часто свою дочь и бесѣдовавшей съ ней о предназначенной ей судьбѣ, Калисѣенія ждала только мановенія руки свѣтлѣйшаго, въ котораго влюбилась сама до безумія, чтобы сдѣлаться его покорной рабой.

Но рабой — властительницей.

Мать вооружила ее всѣми тайнами женской власти, всѣми секретами женскаго могущества.

Хитрая и опытная куртизанка передала дочери всѣ свои познанія по этой части.

— Красота,— говорила она ей,—это богатство... Женщина, обладающая ею,—это капиталистка... Она можетъ удѣлять проценты съ этого капитала, но не отдавать его цѣликомъ... Мужчину надо всегда оставлять желать и сознавать, что исполненіе этого желанія зависитъ не отъ его воли, а отъ каприза женщины... Если мужчинѣ не остается ничего желать... онъ пойдетъ искать въ другихъ возникновенія этого желанія и женщина погибла для него навсегда... При умѣньи же распоряжаться своимъ капиталомъ—красотой, можно если не совершенно исключительно сохранить себѣ мужчину, то всегда заставить его вернуться... Пока онъ знаетъ, что онъ не взялъ все—онъ будетъ возвращаться братъ...

Калисѳенія—дочь внимательно слушала Калисѳенію—мать.

Рѣчи эти западали въ умъ и сердце молодой дѣвушки и находили въ нихъ благодарную почву.

Она запомнила ихъ и рѣшила примѣнить ихъ къ жизни съ того дня, какъ въ ея изящныя ручки попадется этотъ величественный красавецъ.

День этотъ насталъ.

Калисѣенія Ѳемистокловна переѣхала изъ Аничкова дворца въ нарочно выстроенный собственно для нея и роскошно отдѣланный въ греческомъ вкусѣ домикъ на одной изъ отдаленныхъ линій Васильевского острова, въ тотъ самый, гдѣ мы застали ее въ началѣ нашего правдиваго повѣствованія.

Григорій Александровичъ утопалъ въ блаженствѣ.

Онъ утолялъ жажду божественнымъ нектаромъ и не могъ утолить ее.

Онъ вкушалъ роскошныя яства и не могъ насытить своего все возростающаго голода.

Уроки Калисѣеніи Ѳемистокловны пошли въ прокъ.

Малѣйшіе капризы «прекрасной гречанки», какъ звалъ ее прознавшій о ея существованіи «большой свѣтъ» исполнялись свѣтлѣйшимъ княземъ.

Послѣ него она стала могущественнымъ существомъ въ Петербургѣ.

По страшному упорству никогда не желавшій дать съ себя снять портретъ, Григорій Александровичъ уступилъ просьбѣ Калисѣеніи, и приказалъ одному изъ художниковъ срисовать себя.

Этотъ портретъ мы видѣли въ будуарѣ Калисѣеніи Николаевны.

Она съ своей стороны исполнила един-

ственное желаніе князя — не заводить близкихъ и многочисленныхъ знакомствъ и не часто появляться въ общественныхъ мѣстахъ.

Посѣщеніе театра ей было разрѣшено.

Несообщительная по природѣ Калисѣенія Николаевна не особенно тяготилась этими условіями своей жизни, съ лѣтами потерявши ми свою первоначальную силу.

Къ дочери переселилась мать, сдавъ кондитерскую всецѣло Степану Сидоровичу, оставшемуся жить съ подроставшимъ сыномъ Андрюшей на прежней квартирѣ.

Дѣла кондитерской шли много тише, но это не беспокоило Калисѣенію Ѳемистокловну.

Она была довольна судьбой дочери и своей собственной.

Выдающаяся красота «прекрасной гречанки» и таинственность ея окружающаго сдѣлали то, что въ нее чуть ли не поголовно влюбилась вся тогдашняя «золотая молодежь» Петербурга.

Всѣ, впрочемъ, хорошо понимали, что соперничество съ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ немыслимо и что красавица Калисѣенія недосягаема.

Появленіе ея на общественныхъ гуляньяхъ дѣлало то, что молодежь толпами слѣдовала

за ея экипажемъ, чтобы только издали полюбоваться на красавицу.

Этимъ, быть можетъ, объясняется предписанное ей Григоріемъ Александровичемъ полузатворничество.

Калисоепія Θεμιστοκловна оказалась права.

Дочь, буквально слѣдуя ея наставленіямъ, достигла того, что Григорій Александровичъ, хотя нельзя сказать, чтобы отличался вѣрностью въ своей привязанности къ ней, но важно было уже то, что «прекрасная гречанка» ему не надоѣдала.

Видѣлся, впрочемъ, онъ съ ней послѣ нѣсколькихъ медовыхъ недѣль довольно рѣдко.

Среди наслажденій любви свѣтлѣйшій ни на минуту не забывалъ о дѣлахъ.

Дѣлъ же у него въ это время было много.

Уже съ конца 1774 года онъ именуется новороссійскимъ генераль-губернаторомъ.

Хотя онъ только изрѣдка посѣщалъ ввѣренныя ему области, но это не мѣшало ему распоряжаться всѣмъ изъ Петербурга и отсюда же зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ его распоряженій.

Въ Петербургѣ онъ, какъ мы знаемъ, жилъ съ царскимъ великолѣпіемъ въ апартаментахъ, отведенныхъ ему въ Зимнемъ дворцѣ, пользовался придворными экипажами, сто-

ломъ и ежемѣсячнымъ жалованіемъ въ двѣнадцать тысячъ рублей.

Государыня то и дѣло выражала свое благоволеніе полезному государственному дѣятелю, дарила ему земли, крестьянъ, дворцы и громадныя суммы денегъ.

Годовой доходъ князя достигалъ громадной суммы трехъ милліоновъ рублей, но все же едва покрывалъ его колоссальныя издержки.

Многочисленные и трудныя занятія по управленію обширнымъ краемъ и военными силами государства не препятствовали Григорію Александровичу слѣдить кромѣ того за ходомъ европейской политики

Въ его головѣ возникъ грандіозный планъ.

Завѣтная мечта и ея осуществленіе не покидали Григорія Александровича до самой смерти.

Она состояла въ доставленіи Россіи господства надъ Чернымъ моремъ, уничтоженія Турціи, путемъ дѣлежа этого государства между Россіей и Австріей и, наконецъ, возстановленіе Греческой имперіи подъ скипетромъ одного изъ внуковъ Екатерины.

Проектъ этотъ, несмотря на кажущуюся неосуществимость, былъ построенъ на вѣрныхъ основаніяхъ.

Хотя въ концѣ-концовъ онъ былъ остав-

ленъ, но попытки къ его осуществленію дали все-таки благодѣтельные для Россіи результаты.

Они сблизили насъ съ Чернымъ моремъ, расширили значительно границы Россіи на западъ и на югъ, проложили дорогу въ Грузію и на Кавказъ и позволили не только принять участіе въ раздѣлѣ Польши, но даже извлечь при этомъ раздѣлѣ наибольшія для Россіи выгоды.

Этотъ-то грандіозный проектъ занималъ умъ свѣтлѣйшаго князя въ описываемое нами время, независимо отъ свѣтской жизни и безчисленныхъ романическихъ приключеній этого труженика-сластолюбца.

Война съ Турціей, война рѣшительная сдѣлалась его завѣтною мечтою.

— Это будетъ не простая война, — восклицалъ князь, — а новый російскій крестовый походъ, борьба креста и луны, Христа и Магомета. Чего не сдѣлали, не довершили крестоносцы, должна сдѣлать, довершить Россія съ Великой Екатериной. Я здѣсь, въ Груді моей, ношу уже давно увѣренность, что Россія должна совершить это великое и Богу угодное дѣло — взять и перекинуть луну черезъ Босфоръ, съ одного берега на другой, въ Азію.

Лелѣя эту мысль, князь постепенно прово-

диль ее въ жизнь, подготавливая все для ея осуществленія на дѣлѣ.

Прежде всего въ пустынномъ новороссійскомъ краѣ, по мановенію руки свѣтлѣйшаго, происходили положительно чудеса.

Какъ изъ земли выросъ рядъ городовъ: Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ.

Послѣдній, заложенный въ 1778 году на устьѣ Днѣпра предназначался для устройства верфи, на которой предполагалось построить многочисленные корабли для будущаго черноморскаго флота.

Великолѣпная гавань для этого флота тоже была уже основана—это Севастополь.

Пустынные, лишенные обывателей, но богатые производительными силами земли степи привлекали массу поселенцевъ.

Всюду кипѣли гигантскія работы, хотя далеко не было осуществлено, то, что задумывалъ князь.

По его мысли въ главномъ городѣ Новороссіи—Екатеринославѣ, пространство котораго опредѣлялось въ 300 квадратныхъ верстѣ, должны были возникнуть «судилища, на подобіе древнихъ базиликъ, лавки въ родѣ «Пропилей въ Аѣинахъ» музыкальная консерваторія и проч...

Соборный храмъ въ Екатеринославѣ долженъ былъ быть по проекту Григорія Алек-

савдровича, на «аршинчикъ» выше знаменитаго храма Петра въ Римѣ.

Этотъ «аршинчикъ» такъ характеризующій вообще русскую натуру, указывалъ на грандіозность проектовъ «свѣтлѣйшаго» увы, далеко не осуществленныхъ.

Но и то, что было создано, приводило въ восторгъ современниковъ, императрицу и радовало предпріимчиваго и энергичнаго Потемкина.

Послѣдній особенно гордился черноморскимъ флотомъ и постоянно обращалъ вниманіе государыни именно на него.

— Я, матушка,--говорилъ онъ ей—прошу воззрѣть на это мѣсто (т. е. Севастополь) какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ своими предшественниками; «тутъ ты не слѣдуешь по стезямъ другого».

Это любимое дѣтище Потемкина—Севастополь въ самое короткое время сдѣлался многолюднымъ приморскимъ городомъ.

Рабочіе тысячами вызывались изъ Россіи. Корабельный лѣсъ привозился изъ Польши, Бѣлоруссіи и Воронежа; желѣзо заготовлялось на сибирскихъ заводахъ и препровождалось черезъ Таганрогъ въ Севастополь и Херсонъ.

Въ 1784 году небольшая эскадра линей-

ныхъ кораблей, фрегатовъ и малыхъ судовъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Войновича, и рваго командира перваго черноморскаго корабля «Слава Екатерины» крейсировалъ уже около береговъ Крыма; а въ 1785 году, составленъ штатъ черноморскаго адмиралтейства и флота, которыхъ непосредственнымъ начальникомъ былъ назначенъ Григорій Александровичъ, со званіемъ «главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ».

Въ послѣднемъ полагалось содержать 12 линейныхъ кораблей, 20 фрегатовъ, 23 ластовыхъ и перевозныхъ судовъ, 3 камеля и 13.500 человѣкъ флотской, солдатской и артиллерійской команды, не считая портовыхъ и адмиралтейскихъ.

На ряду съ этими, незабвенными на страницахъ исторіи русской славы, трудами свѣтлѣйшаго князя, имъ было совершенно нѣчто еще болѣе коллоссальное, доставившее ему наименованіе Таврическаго и уже окончательно обезмертившее его имя въ исторіи.

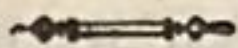
Мы говоримъ о присоединеніи Крыма—этого крупнаго брилліанта въ вѣнцѣ Екатерининской славы.

Этотъ подвигъ «свѣтлѣйшаго», заставившій умолкнуть даже злобныхъ его завистниковъ, совершенный неожиданно не толь-

ко для Европы, но и для Россіи, явился вѣнцомъ его государственной дѣятельности и доказалъ его двойственную геніальную натуру.

Сибаритъ, сластолюбецъ, безпутный Донъ-Жуанъ, «князь Тьмы», какъ называли «свѣтлѣйшаго», завистливые современники доставляющій Россіи, своимъ трудомъ и энергіей цѣлую область—явленіе исключительное не только въ русской, но и во всемірной исторіи.

Оно стоитъ подробнаго описанія.

Х.

Таврида.

По кучукъ-кайнарджисскому миру былъ обусловленъ отказъ Турціи отъ верховныхъ правъ на Крымъ и признана его независимость.

Вынужденные къ подобной уступкѣ неудачной войною и побѣдами Румянцева, турки продолжали лелѣять мечту о возвращеніи своей власти на полуостровѣ и даже домогаться осуществленія этой мечты.

Русскіе съ своей стороны не могли оставаться равнодушными къ подобнымъ домогательствамъ и старались всѣми силами имъ противодѣйствовать.

Въ самомъ Крыму вслѣдствіе этого образовалось двѣ партіи, вступившія между собой въ ожесточенную борьбу и находившія каждая себѣ поддержку въ турецкой и русской сторонахъ.

Ханъ Сагибъ-Гирей, расположенный къ Россіи, былъ свергнутъ и на ханскій престолъ возведенъ преданный турецкимъ интересамъ Девлетъ-Гирей.

Эта переменна правленія не могла быть пріятна Россіи и вскорѣ Девлетъ-Гирей въ свою очередь былъ лишенъ власти и на его мѣсто возведенъ былъ на престолъ Шагинъ-Гирей.

Получивъ власть при помощи Россіи, онъ, конечно, былъ на сторонѣ русскихъ, и кромѣ того, по внушеніямъ петербургскаго кабинета, захотѣлъ быть совершенно независимымъ и предпринялъ въ своемъ государствѣ рядъ реформъ, необходимыхъ для его усиленія.

Вмѣстѣ съ реформами Шагинъ - Гирей ввелъ нѣкоторые европейскіе обычаи, чѣмъ и возстановилъ противъ себя все еще сильную старовѣрческую турецкую партію.

Въ Крыму начались снова междоусобицы, въ которыхъ русское правительство должно было поддерживать Шагинъ-Гирея.

Положеніе становилось невозможнымъ.

Затаенная вражда между Россіей и Турці-

ей въ Крыму ежеминутно готова была вырваться наружу и превратиться въ открытую войну.

Особенно ясно понималъ это Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Онъ былъ убѣжденъ въ невозможности существованія Крыма, какъ самостоятельнаго государства и горячо убѣждалъ императрицу дѣйствовать рѣшительнѣе и скорѣе покончить дѣло присоединенія Крыма къ Россіи.

Его выдающаяся политическая дальновидность всецѣло обрисовывается въ слѣдующемъ письмѣ къ Екатеринѣ.

«Крымъ положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы» — писалъ онъ — «нужна ли осторожность съ турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всѣхъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ черезъ Крымъ входить къ намъ, такъ сказать, въ сердце. Положите ка теперь, что Крымъ нашъ и что нѣтъ уже сей бородавки на носу — тогда вдругъ положеніе границъ будетъ прекрасное: по Бугу турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ видѣнъ. Со стороны

Кубанской, сверхъ частныхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободно, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилоствѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляеть меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотримъ, кого оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у турокъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, что бы не подѣлили между собою Азіи, Африки и Америки.

«Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставить. Ударъ сильный—но кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Кры-

момъ достанется и господство на Черномъ морѣ; отъ васъ зависть будетъ закрыть ходъ туркамъ и кормить ихъ, или морить съ голоду. Хану пожалуйста въ Персіи, что хотите — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму и жители охотно принесутъ и сами просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждахъ хлопотахъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла, или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврическій Херсонъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри Екатерина Вторая, паки вноситъ въ тебя кротость христіанскаго правленія».

Письмо это, кромѣ того, что несомнѣнно указываетъ на зоркій и правильный взглядъ свѣтлѣйшаго князя на внутреннюю политику русскаго государства и его обширныя познанія въ области европейской политики, является также краснорѣчивымъ доказательствомъ его беззавѣтной любви къ родинѣ и неусыпной заботѣ о славѣ обожаемой имъ монархини.

Кромѣ того письмо это является опроверженіемъ ходившаго при его жизни мнѣнія завистниковъ, перешедшаго, какъ это всегда бываетъ, въ исторію, что онъ успѣлъ настолько «обойти» государыню, что она не видѣла,

его злоупотребленій ея довѣріемъ, не видѣла самоуправства князя въ дѣлѣ ея управленія.

Изъ приведеннаго письма, напротивъ, видно, какъ настойчиво Григорій Александровичъ путемъ обстоятельныхъ доводовъ и даже указаніемъ на судъ исторіи и потомства, старается добыть согласіе императрицы на дѣло даже очевидно полезное для Россіи, безъ какового согласія онъ обойтись, видимо, не признаетъ себя въ правѣ.

Такъ было и во всякомъ дѣлѣ. Идея зачастую принадлежала Потемкину, но обсуждала ее всесторонне сама императрица и только убѣжденная основательными доводами давала свое согласіе.

Правда, и проекты самой императрицы обсуждались ею съ ея «первымъ совѣтникомъ», каковымъ былъ Григорій Александровичъ.

Она охотно выслушивала возраженія и прислушивалась къ замѣчаніямъ и хотя отстаивала свою мысль, но въ случаѣ доказанной ей несостоятельности ея взгляда, отказывалась отъ него.

Такова была эта, не смотря на происхожденіе, вполне русская душею монархиня, всецѣло придерживающаяся мудрой народной пословицы: «умъ хорошо, а два лучше».

Умъ Потемкина она признала давно и зна-

ла, что на этотъ умъ можно положиться, но все же не настолько, что онъ могъ дѣйствовать безъ ея согласія.

Она была монархиней въ полномъ смыслѣ этого слова.

Императрица хорошо понимала, что относительно значенія Крыма Потемкинъ правъ, но свести «бородавку съ носу» ей, какъ и всѣмъ ея окружающимъ казалось невозможнымъ безъ войны съ Турціей.

Начинать же войну съ послѣдней, не обезпечивъ себя со стороны сосѣднихъ державъ и особенно Австріи, было немыслимо.

Послѣ долгихъ переговоровъ, при содѣйствіи того же Потемкина, удалось войти въ соглашеніе съ послѣдней.

Австрійскій императоръ Іосифъ II не устоялъ противъ соблазнительной перспективы подѣлить Турцію и заключилъ съ русской императрицей секретный договоръ, которымъ договаривающіяся стороны взаимно обязались помогать другъ другу въ войнѣ съ Оттоманской имперіей, присоединить въ случаѣ успѣха пограничныя къ ихъ имперіямъ области, возстановить Грецію и образовать изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи отдѣльную монархію подъ скипетромъ государя грекороссійскаго вѣроисповѣданія.

Это соглашеніе развязало Россіи руки относительно Крима.

Григорій Александровичъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ удобной минуты, чтобы нанести ему окончательный ударъ.

Поводъ къ этому не замедлилъ представиться.

Потемкинъ находился въ Кременчугѣ.

Былъ іюль 1782 года.

Вдругъ князь получилъ извѣстіе, что взбунтовавшіеся крымцы заставили Шагинъ-Гирея бѣжать и искать спасенія въ Керчи, подъ защитою русскаго флота, турки же, вопреки трактату съ Россіей, заняли Тамань и угрожаютъ вторгнуться въ предѣлы Крима.

Приготовленный ко всякимъ случайностямъ, Григорій Александровичъ тотчасъ же сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Онъ немедленно предписалъ генераль-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину выгнать турокъ за Кубань, Суворову усмирить буджацкихъ и ногайскихъ татаръ, а генераль-поручику графу де-Бальмену войти въ предѣлы Крима и водворить тамъ спокойствіе.

Всѣ эти три порученія были исполнены быстро и успѣшно, почти безъ кровопролитія.

Тогда Григорій Александровичъ предписалъ командовавшему азовскою флотиліей,

вице-адмиралу Клокачеву, оставя нѣсколь-
ко судовъ въ Керчи, сосредоточить осталь-
ныя въ Ахтіарской гавани, гдѣ графъ де-
Бальменъ уже воздвигалъ укрѣпленія.

Свѣтлѣйшій, между тѣмъ, пребывавшій то
въ Кременчугѣ, то въ Херсонѣ, тотчасъ всту-
пилъ въ переговоры съ крымскими, ногай-
скими и кубанскими мурзами и гдѣ увѣща-
ніями, гдѣ золотомъ, гдѣ угрозами, убѣдилъ
ихъ покориться Россіи.

8 апрѣля 1783 года послѣдовалъ высочай-
шій манифестъ, объявившій, что русское
правителство, желая положить конецъ без-
порядкамъ и волненіямъ между татарами и
сохранить миръ съ Турціей, присоединяетъ
навсегда къ своимъ владѣніямъ Крымъ, Та-
мань и всю кубанскую сторону.

Графъ де-Бальменъ привелъ къ присягѣ
старшинъ крымскихъ, Суворовъ — ногай-
скихъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ — ку-
банскихъ.

Такъ давно занимавшее умы русскихъ го-
сударей присоединеніе Крыма совершилось.

Благодаря неусышной энергіи свѣтлѣйша-
го князя Григорія Александровича Потем-
кина, это великое дѣло было окончено безъ
войны и потерь.

Присоединеніемъ къ Россіи цѣлой области
онъ отвѣтилъ своимъ врагамъ, выставлав-

шимъ его изнѣженнымъ сибаритомъ, пустымъ волокитою, неспособнымъ не только къ государственному, но ни къ какому дѣлу.

А враговъ у князя Потемкина было много.

Разсказывали, что однажды императрица обратилась къ своему камердинеру Попову, отличавшемуся, какъ уже знаютъ читатели, грубою откровенностью, съ вопросомъ, что говорятъ въ Петербургѣ о Григоріѣ Александровичѣ.

— Бранятъ... — лаконически отвѣчалъ Поповъ.

— За что же?.. — спросила государыня.

— За все... Да кто его любитъ... Только двое...

— Кто же это?

— Богъ да вы...

Поповъ былъ правъ; дѣйствительно, вся дѣятельность Григорія Александровича была отмѣчена особымъ къ нему благоволеніемъ Божіимъ.

Набожный князь носилъ увѣренность въ этомъ во всю свою жизнь.

Присоединеніе къ Россіи Крыма произвело страшный переполохъ въ Константинополѣ.

Турки спѣшно стали готовиться къ войнѣ, но неожиданное объявленіе австрійскаго императора, что, въ случаѣ разрыва, онъ соеди-

нить свою армию съ русской, умѣрило ихъ воинственный пылъ.

Благоразумныя представленія русскаго полномочнаго министра при Диванѣ Я. И. Булгакова окончательно умиротворило турокъ.

Дѣйствуя чрезвычайно ловко и рѣшительно, онъ не только успѣлъ отклонить турокъ отъ войны, но даже заключилъ съ ними, 23 июня 1783 года, торговый трактатъ, а 28 декабря конвенцію, по которой статья кучукъ-кайнарджисскаго договора о независимости Крыма была уничтожена и Кубань назначена границей между обѣими имперіями.

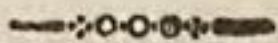
Все это, по собственному сознанію Булгакова, было сдѣлано имъ, благодаря наставленіямъ и указаніямъ Григорія Александровича, хотя послѣдній скромно отказывается отъ этого въ письмѣ къ Булгакову, гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «Вы приписываете это мнѣ и тѣмъ увеличиваете еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами турки; ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены, но русская кровь также бы потекла».

По ходатайству Григорія Александровича, Булгаковъ былъ награжденъ чиномъ дѣй-

ствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, возвратившись въ Петербургъ, за свой безсмертный подвигъ былъ произведенъ, 2 февраля 1784 года, въ генераль-фельдмаршалы, назначенъ президентомъ военной коллегіи и генераль-губернаторомъ Крыма, наименованнаго Таврическою областью.

Съ этого времени онъ официально титулуется свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, а современные ему поэты называли его «великолѣпнымъ княземъ Тавриды».

XI.

Разсѣянные тучи.

По присоединеніи Крыма къ Россіи, ханъ Шагинъ-гирей, потерявшій власть, получилъ обѣщаніе императрицы, что онъ будетъ получать въ вознагражденіе опредѣленную ежегодную пенсію.

По неизвѣстнымъ причинамъ уплата этой пенсіи была отложена.

Ханъ заподозрилъ Григорія Александровича въ утайкѣ назначенныхъ ему денегъ, подалъ жалобу черезъ приближеннаго къ го-

сударынѣ Александра Петровича Ермолова, который поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы настроить императрицу противъ князя, своего бывшего начальника и благодѣтеля

Надо замѣтить, что Ермоловъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку и своею красотою и ловкостью понравился Григорію Александровичу, который взялъ его къ себѣ въ адъютанты и представилъ ко двору.

Онъ вскорѣ сдѣлалъ блестящую карьеру получилъ чинъ генераль-маіора, ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла 1-й степени и званіе флигель-адъютанта, за все это обязанный Потемкину, которому и заплатилъ черной неблагодарностью.

Къ начатымъ Ермоловымъ интригамъ противъ «свѣтлѣйшаго» присоединились всѣ многочисленные его недоброжелатели и даже успѣли внушить императрицѣ, что всѣ дѣлаемые имъ траты совершенно бесполезны и что даже присоединеніе Крыма не стоитъ такихъ большихъ жертвъ.

Григорія Александровича расходившіеся доносчики стали даже обвинять въ кражѣ.

Императрицу все это чрезвычайно вѣстрожило, она стала выказывать князю холодность и даже косвенно намекала ему на необходимость оправданія.

Но не таковъ былъ Потемкинъ.

Гордый и себялюбивый, онъ рѣзко и холодно опровергалъ обвиненіи и даже от-малсчивался.

Наконецъ, онъ не только сдѣлался самъ невнимателенъ къ государынѣ, но даже уѣхалъ изъ Царскаго Села, гдѣ въ то время была императрица, въ Петербургъ и бросился въ вихрь удовольствій, казалось, только думая, какъ бы повеселиться и разсѣяться.

Дѣйствительно, онъ проводилъ время съ своими племянницами, зачастилъ къ Калис-ееніи Николаевнѣ, но между тѣмъ, эта праздность была только кажущаяся, — онъ продолжалъ свою неустанную заботу объ устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго края.

Первое преимущество, доставленное княземъ жителямъ Крыма, заключалось въ томъ. что всѣмъ татарскимъ князьямъ и мурзамъ были пожалованы права и льготы русскаго дворянства, — населенію дозволено было составить изъ среды своей войско, которое впослѣдствіи участвовало, подъ именемъ «таврическаго національнаго войска» въ войнѣ Россіи съ Турціей и наконецъ, всѣ назначенные прежнимъ правительствомъ каймаканы, кадѣи и муфтіи были утверждены въ своихъ должностяхъ.

Татары въ началѣ охотно, повидимому, признавали себя подданными христіанской державы, но вскорѣ, возбуждаемые магометанскимъ духовенствомъ и фанатиками, стали тайно уходить въ Турцію.

Григорій Александровичъ, считая безполезнымъ и даже вреднымъ удерживать людей нерасположенныхъ къ новому порядку вещей, не только не препятствовалъ эмиграціи, но даже приказалъ снабжать желающихъ переселяться изъ Крыма пропускными билетами и денежными пособіями.

Эмиграція пріостановилась.

Потемкинъ раздѣлилъ Таврическую область на семь уѣздовъ, открылъ таврическіе порты для свободной торговли дружественныхъ съ Россіею народовъ, предоставивъ этимъ портамъ, въ отношеніи коммерціи, одинаковыя преимущества съ Петербургомъ и Архангельскомъ и заключилъ выгодные для черноморской торговли трактаты съ Франціей и королевствомъ обѣихъ Сицилій.

Скоро дикія степи новой Тавриды, подобно степямъ Новороссійскимъ благодаря неусыпнымъ трудамъ «свѣтлѣйшаго» превратились въ обработанныя поля и прекрасные луга; развелось овцеводство, бѣдные татарскіе города и деревни начали терять свой жалкій

видъ, оживленные сосѣдствомъ богатыхъ русскихъ селеній.

Такой благотворной для Россіи дѣятельностью отвѣчалъ Григорій Александровичъ на гнусныя подозрѣнія придворныхъ, временно раздѣляемые отчасти даже самой императрицей, находившей сгоряча въ гордомъ молчаніи Потемкина подтвержденіе взводимыхъ на него обвиненій.

Дворъ, удивленный этой переменой, какъ всегда въ описываемое нами время, пресмыкался передъ восходящимъ свѣтиломъ—какимъ, казалось, былъ Ермоловъ

Родные и друзья князя пришли въ отчаяніе и говорили, что онъ губить себя неумѣстной гордостью.

Паденіе его считалось уже почти совершившимся фактомъ.

Всѣ стали удаляться отъ него, даже иностранные министры.

Одинъ французскій посланникъ графъ Людовикъ-Филиппъ Сегюръ, сумѣвшій заслужить особенное расположеніе государыни, остался вѣренъ дружбѣ съ Потемкинымъ, посѣщалъ его и оказывалъ ему вниманіе.

При одномъ изъ свиданій графъ откровенно сказалъ князю, что по его мнѣнію онъ поступаетъ неосторожно и во вредъ себѣ, раз-

дражая императрицу и оскорбляя ея гордость.

— Какъ. и вы тоже хотите — возразилъ ему Григорій Александровичъ, — что бы я склонился на постыдную уступку и стерпѣлъ обидную несправедливость, послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? Говорятъ, что я себѣ врежу, я это знаю, но это ложно. Будьте покойны, немальчишкѣ свергнуть меня; не знаю, кто бы посмѣлъ это сдѣлать?

— Берегитесь — замѣтилъ Сегюръ. — прежде васъ и въ другихъ странахъ многіе знаменитые любимцы царей говорили тоже: кто смѣетъ? — однако послѣ раскаявались...

— Это были любимцы каприза, а не разума вѣнценосцевъ, я другое дѣло... Но довольно объ этомъ... Мнѣ дорога ваша пріязнь, но я слишкомъ презираю моихъ враговъ, чтобы ихъ бояться. Лучше поговоримте о дѣлѣ... Ну, что вашъ торговый трактатъ?

Сегюръ въ это время хлопоталъ о заключеніи между Россіей и Франціей торговаго трактата.

Императрица поручила это дѣло графамъ Остерману, Безбородко, Воронцову и П. В. Бакунину.

Всѣ они были противъ трактата, только одинъ Потемкинъ поддерживалъ домогательство Сегюра.

— Подвигается очень тихо, — отвѣчалъ графъ—полномочные государины настойчиво отказываютъ мнѣ сбавить пошлины на вина.

— Такъ стало быть—замѣтилъ Григорій Александровичъ—это главнѣйшее преткновение? Ну такъ потерпите только, это затрудненіе уладится...

Князь проговорилъ это такимъ увѣреннымъ и спокойнымъ тономъ, что привелъ въ недоумѣніе графа Сегюра.

Уѣзжая отъ него, онъ просто думалъ, что князь самъ себя обманываетъ, не видя пропасти, въ которую готовится упасть.

Грозовыя тучи надъ головой «свѣтлѣйшаго» на самомъ дѣлѣ стали сгущаться.

Ермоловъ принялъ участіе въ управленіи и занялъ мѣсто въ банкѣ, вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, Безбородко, Воронцовымъ и Завадовскимъ.

Пронеслась вѣсть объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву.

Родственники князя потеряли всякую надежду.

Враги торжествовали побѣду

Опытные политики занялись своими расчетами.

Придворные перемѣнили свои роли.

На Милліонной не было уже видно ни одного экипажа.

Графъ Сегюръ терялъ въ Потемкинѣ свою главную опору и, зная, что Ермоловъ скорѣе повредитъ ему, нежели поможетъ, такъ какъ считаетъ его другомъ князя, опасался за успѣхъ своего дѣла.

Однако министры пригласили Сегюра на совѣщаніе и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, согласились на уменьшеніе пошлины съ французскихъ винъ высшаго разбора и даже подали надежду на болѣе значительныя уступки.

Обѣщаніе Григорія Александровича исполнилось, и графъ не зналъ какъ это сопоставить съ его уже всѣми рѣшеннымъ паденіемъ.

Черезъ нѣсколько дней все объяснилось.

Государыня, видя, что князь добровольно удалился отъ двора, стала болѣе хладнокровно обсуждать его поведеніе.

Она пришла къ совершенно правильной мысли, что часто оправдываться подъ тяжестью незаслуженныхъ обвиненій тяжелѣе и обиднѣе, нежели молчать и быть готовымъ пасть подъ гнетомъ несправедливости.

Пришедши къ этой мысли, она сама снова призвала Потемкина въ Царское Село.

Онъ явился туда побѣдителемъ и началъ пользоваться еще большею чѣмъ прежде милостью императрицы.

Ермоловъ получилъ 130.000 р. 4.000 душъ, шестилѣтній отпускъ и позволеніе ѣхать за границу.

Тучи разсѣялись.

Милліонная вновь ежедневно была запружена экипажами.

Когда графъ Сегюръ явился поздравить князя, тотъ поцѣловалъ его и сказалъ.

— Ну, что, не правду ли я говорилъ, батюшка? Что, уронилъ меня мальчишка! Сгубила меня моя смѣлость? И ваши уполномоченные все также ли упрямы, какъ вы ожидали. По крайней мѣрѣ на этотъ разъ, господинъ дипломатъ, согласитесь, что въ политикѣ мои предположенія вѣрнѣе вышли... Помните, что я сказалъ вамъ... Я любимецъ не каприза, а разума государыни...

Покончивъ съ клеветою враговъ, Григорій Александровичъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ, между прочимъ, встрѣтился съ бывшимъ тамъ въ отпуску своимъ товарищемъ юности Василиемъ Петровичемъ Петровымъ.

Послѣдній повелъ его въ недавно открытую типографію Селивановскаго, въ которой принималъ самъ главное участіе.

Войдя въ наборную типографію, Петровъ сказалъ князю:

— Я примусь за дѣло и вы, любезный князь, увидите, что, благодаря ласкѣ хозиа-

на типографіи, я кое-какъ понаторѣлъ въ его дѣлѣ.

Онъ тутъ же весьма быстро набралъ и от-
тиснулъ слѣдующіе стихи:

«Ты воинъ, ты герой,
Ты любишь музъ творенья;
А вотъ здѣсь и соперникъ твой —
Герой печатнаго издѣлья».

Подавъ Григорію Александровичу листокъ
съ оттискомъ стихотворенія, Василій Петро-
вичъ замѣтилъ:

— Это образчикъ моего типографскаго ма-
стерства и привѣтъ за ласковый вашъ при-
ходъ сюда.

— Стыдно же будетъ и мнѣ, если останусь
у друга въ долгу, — отвѣтилъ Григорій Але-
ксандровичъ: — Изволь, и я попытаюсь. Но,
чтобы не ударить въ грязь лицомъ, пусть
нашъ хозяинъ мнѣ укажетъ, какъ за что
приняться и какъ что дѣлать? Дѣло мастера
боится, а безъ ученья и аза въ глаза не уви-
дишь.

Надо-ли говорить, съ какимъ усердіемъ
принялся Селивановскій учить своего сія-
тельнаго ученика.

Потемкинъ и тутъ все сразу понялъ и со-
образилъ.

Хотя гораздо медленнѣе Петрова, но все

же довольно скоро набралъ Григорій Александровичъ четыре строки и сказалъ Василию Петровичу:

— Я, братъ, набралъ буквы, какъ съумѣлъ, а ты оттисни самъ, ты, какъ я видѣлъ, дока въ этомъ дѣлѣ...

Петровъ оттиснулъ набранное и прочиталъ:

«Герой-ли я? Не утверждаю,
Хвалиться не люблю собой,
Но, что я другъ сердечный твой—
Вотъ это очень твердо знаю!»

Въ Москвѣ Григорій Александровичъ пробылъ лишь нѣсколько дней, но и за это кратковременное отсутствіе враги снова съумѣли смутить императрицу и Потемкина въ Петербургѣ ожидалъ, хотя и не такой какъ недавно, но все же довольно холодный пріемъ.

Григорій Александровичъ снова сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія на гнѣвъ государыни и по прежнему сталъ заниматься дѣлами и докладывать обо всемъ выдающемся въ жизни ввѣренныхъ ему областей императрицѣ.

Во время одного изъ такихъ докладовъ государыня вдругъ высказала свое намѣреніе ѣхать въ Херсонъ и лично обозрѣть новыя присоединенныя къ имперіи провинціи.

Ни къ чему подобному Потемкинъ не былъ

подготовленъ и хотя по мѣрѣ силъ онъ заботился о благосостояніи края, но для пріема въ немъ императрицы этого не было достаточно. Онъ хотѣлъ бы показать ей эти области въ блестящемъ положеніи.

— Императрица можетъ пожелать ѣхать очень скоро!

— Какъ сдѣлать что-нибудь въ такое короткое время.

Эти мысли, какъ вихрь, пронеслись въ его головѣ.

Онъ поблѣднѣлъ.

Екатерина замѣтила это и посмотрѣла на него подозрительнымъ взглядомъ.

Григорій Александровичъ понялъ, что это намѣреніе поселили въ умѣ государыни его враги.

Онъ быстро оправился.

— Государыня! — воскликнулъ онъ. — Простите-ли вы мнѣ мое мгновенное смущеніе... но неожиданное предложеніе вашего величества такъ обрадовало меня, что я до сихъ поръ не смѣю вѣрить этому счастью... Край, благословляющій имя вашего величества, съ восторженною радостью узритъ у себя свою обожаемую монархиню.

Екатерина не ожидала такого отвѣта и милостиво улыбнулась.

— Прошу одной милости... — сказалъ По-

тѣмкнѣтъ, — не откладывать этого благаго намѣренія...

— Нѣтъ, нѣтъ, я даже приглашу императора Іосифа встрѣтиться со мною на пути...

— Этотъ чудный край, ваше величество, созданъ для свиданія царей... — восторженно замѣтилъ Григорій Александровичъ.

Путешествіе Екатерины на югъ Россіи было рѣшено.

Князь немедленно послѣ этого разговора принялъ всѣ мѣры для приведенія Крыма въ самое цвѣтущее состояніе. Не щадя, ни денегъ, ни трудовъ, отправилъ онъ туда множество людей, заставивъ ихъ работать и днемъ, и ночью.

XII.

В о з м е з д і е.

Промелькнувшій десятокъ лѣтъ не прошелъ, увѣ, безслѣдно для остальныхъ героевъ нашего правдиваго повѣствованія.

Если на лучезарное, полное блеска и славы жизненное поприще «свѣтлѣйшаго» набѣгали, какъ мы знаемъ, тучки нерасположенія государыни и гнетущихъ воспоминаній юности, то надъ головами другихъ нашихъ героевъ разразились черныя, грозовыя тучи.

Возмездіе, которое ожидалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ для князя Андрея Павловича Святозарова началось и не для его одного.

Первою его жертвою палъ Степанъ Сидоровъ.

Мы оставили его въ тотъ моментъ, когда онъ, неожиданно для самого себя, исполнилъ волю «свѣтлѣйшаго» удачно и легко, найдя не противодѣйствіе, которое ожидалъ, но даже поддержку въ своей женѣ.

Ея быстрое согласіе съ одной стороны его обрадовало, такъ какъ онъ не на шутку перетрусилъ передъ княземъ Потемкинымъ, но съ другой, оно заронило въ его сердце противъ жены какую-то ѣдкую горечь.

Честный по натурѣ, имѣя на совѣсти единственное пятно—страсть къ женщинѣ, которая сдѣлалась его женой и совершившій даже, повинаясь этой страсти, присвоеніе чужихъ денегъ, которыя и перешли цѣликомъ въ карманъ той же женщины, онъ не могъ примириться съ мыслью, что мать можетъ не только хладнокровно отнестись, но даже радоваться гибели своей дочери.

Въ немъ—простомъ человѣкѣ нравственное чувство было гораздо развитѣе, нежели не только у его жены, но у всего тогдашняго такъ называемаго «общества», въ примѣрахъ

котораго она почерпнула и свой нравственный кодексъ.

Онъ считалъ гибелью дѣвочки то, что Калисеенія Оемистокловна признавала ея торжествомъ и съ неба свалившимся счастьемъ.

Онъ не сталъ съ нею препираться по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что не былъ въ силахъ предотвратить гибель своей падчерицы—борьба съ Потемкинымъ, особенно при знаніи послѣднимъ его тайны, была бы съ его стороны безуміемъ.

Онъ понималъ только, на сколько они съ женой разные люди — понималъ только теперь, когда страсть къ женѣ уже улеглась, и когда появился жизненный вопросъ, который они рѣшили съ такою рѣзкою противоположностью мнѣній.

До этихъ поръ сперва отуманенный страстью, а затѣмъ ходившій какъ бы въ угарѣ отъ осуществленія его мечтаній, онъ идеализировалъ связавшую съ ними свою судьбу женщину.

Теперь онъ прозрѣлъ и вдругъ почувствовалъ себя срашно одинокимъ.

Его даже смутила мысль, что эта женщина, такъ охотно продающая свою дочь, могла продать себя и ему за его деньги,—только продать, такъ какъ вѣдь деньги перешли къ ней.

Онъ сталъ припоминать подробности своего сватовства и разнаго рода мелочи, тогда незамѣченныя имъ въ чадѣ влюбленности, теперь возстали передъ нимъ подтверждающими эту мысль фактами.

Да вѣдь онъ и самъ—припомнилъ онъ—считалъ деньги средствомъ пріобрѣсти ея расположеніе. Для этого то онъ только и присвоилъ ихъ.

И онъ пріобрѣлъ ее.

Когда его неправдой нажитый капиталъ изъ его укладки перешелъ въ сундукъ Калисееніи Θεμιστοκловны, онъ былъ даже радъ, такъ какъ цѣль, для которой были добыты имъ эти деньги, была достигнута, а они, сами по себѣ, жгли ему руки, пробуждая въ немъ тяжелыя воспоминанія.

Но никогда такъ ясно, какъ теперь, онъ не признавалъ, что онъ купилъ свою жену.

Если онъ могъ купить ее, то ранѣе могъ купить и другой... Ранѣе... А почему не послѣ него...

Его мысли какъ то невольно перенеслись на его сына Андрюшу, которому былъ девятый годъ въ исходѣ.

Страшная мысль: его ли это сынъ?—каплей раскаленного свинца упала на его мозгъ.

Онъ вспомнилъ князя Андрея Павловича Святозарова.

Степанъ Сидорычъ сидѣлъ въ спальнѣ.

Жена повезла Калисеенію въ Аничковъ дворецъ.

Былъ вечеръ. Въ спальнѣ было совершенно темно, и Степанъ Сидоровичъ не зажигалъ огня. Среди окружавшаго его мрака ему было какъ то легче съ его думами.

— Папа, ты здѣсь!—раздался дѣтскій голосокъ.

Это вбѣжалъ Андрюша.

— Здѣсь, здѣсь, бѣги сюда... сказалъ отецъ и въ голосъ его прозвучала радость.

Приходъ ребенка былъ совершенно во время.

Адское сомнѣніе вдругъ исчезло изъ души Степана Сидоровича, когда онъ ощупалъ въ своихъ рукахъ мягкую и шелковистую головку сына.

— Мой.. мой... прошепталъ... Вотъ для кого я буду жить... я не одинъ...

— Что ты шепчешь, папа... Какъ здѣсь темно... пролепеталъ Андрюша, по дѣтски перескакивая отъ вопроса къ выраженію впечатлѣнія.

— Сейчасъ, голубчикъ, зажгемъ огонь..., сказалъ Степанъ Сидоровичъ и, взявъ за одну руку сына, всталъ, подошелъ къ комоду и зажегъ свѣчу...

— Ты плачешь, папа... спросилъ ребенокъ увидавъ катившіяся по щекѣ отца слезы.

Это были слезы облегченія отъ страшной мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не плачу... отвѣчалъ отецъ, движеніемъ головы стряхивая съ рѣсницъ послѣднія слезы... — Это я вспотѣлъ, очень жарко...

Степанъ Сидоровичъ вынулъ фуляровый платокъ и вытеръ лицо.

— Здѣсь не жарко... настойчиво проговорилъ мальчикъ... Ты плачешь...

— Говорю тебѣ нѣтъ... Видишь, я смѣюсь.

Степанъ Сидоровичъ дѣйствительно засмѣялся.

Ребенокъ успокоился.

Вскорѣ вернулась Калисѣенія Ѳемистокловна.

Восторженно стала она рассказывать о пріемѣ, сдѣланномъ ей и ея дочери Дарьей Васильевной Потемкиной и племянницами «свѣтлѣйшаго». До мелочей описала роскошное убранство дворца, образъ жизни, штатъ прислуги.

— Въ рай, въ рай, прямо въ рай отвезла дочурку... воскликнула она въ концѣ своего рассказа.

Степанъ Сидоровичъ слушалъ безучастно, но Калисѣенія Ѳемистокловна, вся подъ впе-

чатлѣніемъ такъ недавно минувшаго, не замѣтила этого.

На другой день жизнь вошла въ свою колею.

Отсутствіе молодой Калисееніи было, конечно, замѣчено посѣтителями, но на ихъ вопросы отвѣчали уклончиво: однимъ говорили, что барышня больна, другимъ, что она поѣхала гостить къ родственникамъ.

Исчезновеніе «барышни» вскорѣ незамедлило отразиться и на торговлѣ, но Калисеенія Ѳемистокловна не огорчалась этимъ, она вся была поглощена блестящей судьбой дочери.

Медленность Григорія Александровича въ окончательномъ устройствѣ этой судьбы ее страшно бѣсила и порой наводила на страшныя сомнѣнія.

— А вдругъ она ему разонравилась?—задавала она сама себѣ вопросъ, но тотчасъ припоминая обольстительный образъ своей дочери, рѣшала его отрицательно.

— Что же онъ медлитъ?

Этотъ вопросъ оставался безъ отвѣта.

Ея успокаивало то, что князь балуетъ ея дочь, дѣлаетъ ей подарки, подарки цѣнные.

— Приучаетъ... деликатно... хочетъ, что бы по хорошему... рѣшила она.

— Только бы дѣвка его не полюбила... Тогда... бѣда...

Калисѣенія Ѳемистокловна изъ откровенныхъ разговоровъ съ дочерью знала, что ей нравился Григорій Александровичъ.

— Я въ него положительно влюблена! — разъ сказала ей дочь.

— Влюблена, ну и Господь съ тобой, будь влюблена... твой будетъ, отъ тебя не уйдетъ... отвѣчала ей мать. — Только, смотри, не люби его сильно...

— А что...

— Да то, что женщина, которая ихняго брата полюбить, ни въ грошъ ими не ставится, имъ надо, чтобы играли съ ними въ любовь, а ежели какая изъ нашей сестры по глупости да въ серьезъ къ нимъ привяжется, пиши аминь всему дѣлу... Мужчина такой помыкать начнетъ, да потомъ и бросить, какъ ненужную тряпку... Помни это и люби только самое себя... Чай, если бы онъ, такой красивый, да статный, не свѣтлѣйшимъ бы былъ, а служилъ бы у насъ въ кондитерской, вѣдь не влюбилась бы въ него?..

— Конечно, нѣтъ...

— Да если бы онъ тебя такъ не холилъ, подарковъ бы не дарилъ, а наровилъ бы съ тебя взять... Милъ бы онъ тебѣ былъ?

— Нѣтъ...

— То-то же, любить людей надо настолько, насколько они для нас хороши, да угодливы... оно и выходит, что въ нихъ надо любить только одну себя... Поняла?

— Поняла...

— И заруби себѣ на носу, что если въ серьезъ его не полюбишь, то онъ тебя всегда любить будетъ, и холить, и нѣжить, и дарить... а съ любовью-то твоей и отъ воротъ поворотъ укажетъ... Слушайся мать, она тоже ихняго брата насквозь видитъ...

— Я, мамаша, его такъ и не любила, чтобы себя забыть... Это по моему глупо...

— Истинно глупо, истинно глупо... Ты у меня вѣдь умница...

Мать нѣжно поцѣловала дочь въ голову.

Наконецъ, какъ мы знаемъ, Калисѣенія Ѳемистокловна дождалась.

Ея дочь перебралась на новоселье.

Судьба ея была упрочена.

Отъ нея зависѣло дальнѣйшее ея счастье.

Калисѣенія Ѳемистокловна не оставляла ее своими наставленіями и была довольна послушаніемъ молодой женщины.

Вскорѣ она почти совсѣмъ переселилась на Васильевскій островъ.

Степанъ Сидоровичъ не особенно огорчался отсутствіемъ жены. Онъ всецѣло былъ занятъ кондитерской, въ которую пригласилъ,

въ качествѣ продавщицы, красивую шведку, и своимъ сыномъ.

Дѣла въ кондитерской, съ появленіемъ за прилавкомъ шведки, пошли лучше.

Къ сыну Степана Сидоровича пригласили учителя.

Мальчикъ занимался прилежно.

Ему уже былъ одиннадцатый годъ въ исходѣ.

Отецъ имъ не нарадовался.

На ряду съ грамотой и науками, онъ сталъ приучать его и къ торговлѣ, рассчитывая передать ему дѣло кондитерской.

Вдругъ громовой ударъ разразился надъ головой Степана Сидоровича.

Дѣло было на первой недѣлѣ великаго поста.

Во время масленицы онъ по усиленнымъ просьбамъ сына водилъ его нѣсколько разъ на площадь Большаго театра, гдѣ въ описываемое нами время происходили народныя гулянья, построены были балаганы, кружились карусели, пѣли пѣсенники на самокатахъ и изъ огороженной высокой парусинной палатки морилъ со смѣху невзыскательныхъ зрителей классическій «петрушка».

Мальчикъ страшно увлекался этими зрѣлищами и отецъ былъ доволенъ, видя разго-

рѣвшіяся щечки и блестящіе глазки своего Андрюши.

Послѣдній разъ они были на балаганахъ въ прощенное воскресенье.

Вечеромъ еще этого дня мальчикъ съ радостнымъ волненіемъ передавалъ отцу пережитыя впечатлѣнія, а на утро другаго дня онъ уже не могъ поднять головы отъ подушки.

У Андрюши, видимо простудившагося, tookрылась, какъ тогда еще по старинному называли, сильная «огневица».

Испуганный отецъ бросился сперва за докторами, а затѣмъ за матерью.

Нѣсколько лучшихъ врачей того времени явились къ постели больного мальчика, прописали лекарство, предписали тщательный уходъ.

— Болѣзнь заразная...—замѣтили они.

Калисѣенія Ѳемистокловна, пріѣхавшая, по увѣдомленію мужа, узнавши объ этомъ, страшно перепугалась.

Она была чрезвычайно мнительная, а тутъ еще могла быть опасность заразиться не только самой, но перенести болѣзнь въ домъ дочери.

Это соображеніе пересилило въ ней любовь къ сыну, если только она была въ ея холодномъ сердцѣ, и она, давъ мужу нѣ-

сколько совѣтовъ, уѣхала обратно на Васильевскій, даже не взглянувъ издали на больного Андрюшу.

Степанъ Сидоровичъ совершенно обезумѣлъ.

Вмѣстѣ съ приглашенной сидѣлкой проводилъ онъ дни и ночи у постели метавшагося въ бреду сына.

Чутко прислушивался онъ къ неровному горячечному дыханію ребенка и каждый стонъ его смертельною болью отзывался въ его сердцѣ.

Врачебная наука оказалась безсильна.

Послѣ наступившаго кризиса, больной сталъ слабѣе и слабѣе съ каждымъ днемъ.

Только тихое, еле слышное дыханіе указывало нѣкоторую жизнь въ этомъ, обтянутомъ кожей скелетѣ, въ котораго превратился еще мѣсяцъ тому назадъ, цвѣтущій, пылающій здоровьемъ мальчикъ.

Степанъ Сидоровичъ былъ тоже неузнаваемъ.

Съ посѣдѣвшими волосами на головѣ и бородѣ, съ осунувшимся желто-восковымъ цвѣтомъ лица и порою бессмысленно блуждавшими всегда полными слезъ глазами, онъ производилъ страшное впечатлѣніе.

Платье сидѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ.

Даже не особенно чувствительная къ бо-

лѣзни сына и горю мужа Калисѣенія Ѳеми-
стокловна, заѣхавшая какъ-то разъ въ кон-
дитерскую и бесѣдовавшая съ мужемъ че-
резъ отворенную дверь комнаты восклик-
нула.

— Да отдохни ты, на кого ты сталъ по-
хожъ, вѣдь краше въ гробъ кладутъ...

Степанъ Сидоровичъ только махнулъ рукой.
Наконецъ, насталъ самый страшный мо-
ментъ.

Это было подъ утро.

Андрюша вдругъ страшно заметался по
постели, открылъ свои такъ недавно блестя-
щіе и веселые глазки, теперь отражавшіе
вынесенныя страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и
какой-то неземной покой.

Отецъ наклонился къ нему.

Андрюша обвилъ его шею своими исхуда-
лыми рученками и прошепталъ:

— Папа, па...

Онъ не окончилъ.

Изъ его, какъ бы пустой груди вырвался
тяжелый напряженный вздохъ. Голова какъ-
то странно откинулась на сторону.

Въ открытыхъ, глубоко ушедшихъ отъ
худобы лица въ орбиты глазахъ отразился
вѣчный покой.

Въ объятіяхъ отца лежалъ холодный трупъ
сына.

— Возмездіе! — вскрикнулъ дико Степанъ Сидоровичъ и, почти бросивъ бездыханнаго сына на кровать, вскочилъ и вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ и изъ дому какъ былъ безъ шапки и безъ верхняго платья.

Сына похоронили безъ него.

Въ кондитерскую и къ себѣ на квартиру онъ болѣе не возвращался.

Прошло около мѣсяца, и даже предпринятые розыски какъ въ воду канувшаго Степана Сидоровича не привели ни къ чему.

Калисѣенія Ѳемистокловна на-скоро съ убыткомъ продала кондитерскую и вывезла лучшія вещи изъ обстановки, находившейся при ней квартиры, къ дочери. Остальное все было продано вмѣстѣ съ кондитерскою.

ХІІІ.

Пр о п о й ц а.

Жизнь въ домѣ князей Святозаровыхъ текла для того времени болѣе чѣмъ однообразно.

Едва ли былъ тогда другой домъ въ не-ской столицѣ изъ числа домовъ высшаго петербургскаго свѣта, гдѣ бы царила такая патріархальность и такая чисто семейная атмосфера.

Все интересы князя Андрея Павловича и княгини Зинаиды Сергѣевны сосредоточивались на ихъ сынѣ Васи́лѣ, подроставшемъ юношѣ, которому шелъ въ то время шестнадцатый годъ.

Посѣщая изрѣдка, лишь официально дворъ и еще рѣже дѣлая нѣкоторые визиты, княжеская чета жила скромно и замкнуто, совершенно вдали отъ тогдашняго шумнаго большаго свѣта.

Сначала этотъ «свѣтъ» недоумѣвалъ и косился на нихъ, какъ на отщепенцевъ, а затѣмъ явленіе это стало зауряднымъ и мало интереснымъ по своей давности и «свѣтъ» примирился съ нимъ и махнулъ рукою.

Дома князей Святозаровыхъ для него какъ бы не существовало.

Знали только, что князь и княгиня всецѣло поглощены воспитаніемъ молодаго князька Васи́лія Андреевича Святозарова.

— Готовятъ, видно, восьмое чудо! — Поживемъ — увидимъ! — язвили нѣкоторые.

Дѣйствительно князь Васи́лій Святозаровъ, предназначенный родителями по обычаю къ военной службѣ, получилъ для того времени исключительное образованіе.

Цѣлый полкъ учителей и гувернеровъ непрерывно старались набить его голову всевозможной современной мудростью, чтобы

сдѣлать его чуть ли не энциклопедистомъ.

Этимъ занято было все время юноши, хотя нельзя сказать, чтобы уроки этой толпы учителей приносили молодому князю очень большую пользу.

Онъ усваивалъ изъ нихъ, какъ это всегда бываетъ при очень обширной программѣ образованія, лишь отрывочныя свѣдѣнія по различнымъ научнымъ отраслямъ, не зная основательно ни одного предмета.

Быль лишь одинъ видимый результатъ ученія—молодой князь говорилъ довольно свободно на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ.

Для того времени уже однимъ этимъ цѣль образованія считалась болѣе чѣмъ достигнутой—князь и княгиня были довольны и преподавателями и сыномъ.

Что касается воспитанія, то балованный сыночекъ богатыхъ и титулованныхъ родителей росъ понятно избѣженнымъ, своевольнымъ и капризнымъ существомъ.

Малѣйшее желаніе его исполнялось.

«Вася хочетъ!»—эта фраза была закономъ не только для штата княжескихъ служащихъ, включая сюда и гувернеровъ, но и для самого князя и княгини.

Единственно, что достигалось подобнымъ обособленнымъ воспитаніемъ—Вася не имѣлъ

товарищей-сверстниковъ и росъ совершенно одинокимъ — это чистота нравственности юноши.

Князь и княгиня съумѣли уберечь мальчика отъ тлетворныхъ примѣровъ и знанія жизни, бывшей довольно нечистымъ ключемъ за воротами княжескаго дома и въ шестнадцать лѣтъ юноша былъ совершеннымъ ребенкомъ, не зная многого изъ того, что передается другъ другу подростками съ краской волненія на лицѣ, сдавленнымъ шепотомъ и варьируется на разные лады, и что затѣмъ служить надежнымъ щитомъ, когда на грани зрѣлыхъ лѣтъ юношу неизбежно захлеснетъ волна пробудившейся страсти.

Наивность шестнадцатилѣтняго юноши, пріятная для родителей, подчасъ до сѣдыхъ волосъ считающихъ своихъ дѣтей малыми ребятами, едвали можетъ признаваться, особенно въ мальчикѣ, идеаломъ воспитанія.

Окруженный китайской стѣною отъ жизни, не зная ея совершенно, онъ все же будетъ принужденъ вступить въ эту жизнь и на каждомъ шагу наталкиваться на невѣдомыя ему житейскія отношенія.

Конечно, опытъ—этотъ міровой учитель—ознакомитъ его впослѣдствіи со всѣми сторонами жизни, но попасться совершенно неподготовленнымъ въ руки этого суроваго пе-

дагога едвали можно пожелать своему ребенку.

Объ этомъ забываетъ большинство родителей, стараясь показать своимъ дѣтямъ жизнь съ казоваго конца и старательно умалчивая объ ея темныхъ сторонахъ, а между тѣмъ, съ ними то и приходится вступающему въ жизнь юношѣ чаще всего сталкиваться.

Въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи жизни, въ полномъ смыслѣ этого слова, росъ въ родительскомъ домѣ, окруженный раболѣпствующей толпой слугъ и смотрящихъ въ глаза мальчику съ цѣлью угадать его желаніе родителей, молодой князь Василій Святозаровъ.

По наружности это былъ красивый юноша, еще не совсѣмъ сформировавшійся, но общающій быть стройнымъ молодымъ человекомъ.

Отношенія между супругами Святозаровыми сдѣлались самыми душевными.

Общая ихъ любовь къ единственному сыну связала ихъ крѣпкими нерасторжимыми узами.

Прошрое съ лѣтами, если не совершенно забылось, то по крайней мѣрѣ не было частаго повода для воспоминаній о немъ.

Лѣто семейство князей Святозаровыхъ проводило на дачѣ въ окрестностяхъ Петербур-

га, ни разу за все это время не посѣтивъ Невсвицкаго.

Княгиня лишь порой вспоминала деревянный крестъ въ отдаленной аллеѣ тамошняго сада, но это воспоминаніе уже утратило свою острую горечь и появлялось лишь при рѣдкихъ посѣщеніяхъ Дарьи Васильевны Потемкиной, единственнаго лица, являвшагося въ княжескомъ семействѣ представительницей его грустнаго прошлаго.

Тяжелы были эти посѣщенія и для князя Андрея Павловича, привѣтливо и утонченно любезно встрѣчавшаго мать могущественнаго человѣка.

Ему было совершенно не по себѣ въ присутствіи этой его невольной и непрошенной сообщницы.

— Какое счастье, что мальчикъ умеръ! — думалъ князь. — Иначе бы я не выдержалъ и во всемъ покался бы женѣ... Но каково бы было его снова теперь приучать къ иной долѣ.

Князь уже теперь совершенно убѣжденный, что это былъ его сынъ, не думалъ объ охраненіи правъ и богатства своего первенца — Васи.

— На обоихъ бы хватило! — иногда посѣщала его грустная мысль.

Повторяемъ, это было только въ рѣдкіе дни визитовъ старушки Потемкиной.

Несчастье, обрушившееся на его бывшего камердинера Степана Сидоровича, и его таинственное исчезновение дошло до свѣдѣнія князя Андрея Павловича.

Онъ принялъ въ своемъ бывшемъ слугѣ горячее участіе и даже съ своей стороны обратился къ полиціймейстеру съ просьбою въ случаѣ розыска пропавшаго увѣдомить его объ этомъ.

Но прошелъ мѣсяцъ, другой, а о Степанѣ Сидоровичѣ не было ни слуху, ни духу.

Явилось даже предположеніе, что онъ покинулъ Петербургъ.

Аккуратная въ денежныхъ расчетахъ, Калисеенія Оемистокловна открыла, что въ день ухода ея мужа изъ кондитерской у него въ карманѣ должно было быть нѣсколько сотъ рублей.

— Уѣхалъ, вѣрно, къ святымъ мѣстамъ помолиться... Успокоится, вернется...—хладнокровно рѣшила она, переставъ даже справляться объ исчезнувшемъ мужѣ.

Въ тонѣ этого высказаннаго ею рѣшенія звучала настолько равнодушная нотка, что казалось существованіе Степана Сидорова на бѣломъ свѣтѣ... было для нея совершенно безразлично.

Такова была черствая натура этой женщины.

Князь Андрей Павловичъ видѣлся съ Калисоеніей Оемистокловной и зналъ и ея предположеніе относительно судьбы ея мужа.

Не получая отъ полиціи свѣдѣній о результатѣ его розыска, онъ сталъ склоняться къ вѣрности этого мнѣнія.

— Можетъ въ какой дальній монастырь забрался... да тамъ и остался... — думалъ князь.

При воспоминаніи о монастырѣ ему невольно пришла на мысль графиня Переметьева, тоже какъ и Степанъ, безъ вѣсти пропавшая изъ Петербурга.

Однажды утромъ, когда князь Андрей Павловичъ, только что окончивъ свой туалетъ, вышелъ въ кабинетъ, новый камердинеръ Тихонъ съ таинственнымъ видомъ вошелъ въ комнату.

Князь замѣтилъ странное выраженіе лица слуги.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Сидорычъ, ваше сіятельство, тамъ пришли-съ...

— Сидорычъ, какой Сидорычъ... А, Степанъ... — воскликнулъ князь.—Наконецъ то отыскался, зови его сюда...

— Не хороши-съ они.. ваше сіятельство... запинаясь, замѣтилъ Тихонъ.

— Не хорошъ... т. е. какъ не хорошъ...

— Видъ-съ больно безобразный и потомъ съ... хмѣльны очень...

— Пьянъ.

— Т. е. еле на ногахъ стоять-съ...

— Такъ уложите... пусть выспится...

— Ужъ имъ на кухнѣ предлагали.. Никакъ съ ними не сообразишь...

— Что же?

— Къ вашему сіятельству просятъ... Дѣло, говорить—есть... Тайна... Путемъ и не поймешь...

Князь Андрей Павловичъ поблѣднѣлъ.

— Тайна!.. машинально повторилъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство! Несуразное они что то несутъ... Извѣстно во хмѣлю, въ сильномъ градусѣ...

Князь молчалъ и сидѣлъ задумавшись.

— Такъ какъ же прикажете-съ?..

— Что? — спросилъ, точно очнувшись, ничего не слышавшій князь.

— Насчетъ Сидорыча...

— Зови сюда...

— Сюда никакъ невозможно, ваше сіятельство, черезъ чистыя комнаты-съ... Они-съ всѣ въ грязи-съ... На дворѣ-то мокрота и слякоть...

— А...

Князь снова задумался.

— Проведи въ гардеробную... Но, чтобы тамъ ни души...

— Слушаю-съ... — удивленно вскинулъ на князя глаза Тихонъ и удалился.

Князь остался одинъ.

— Тайна, какая тайна?.. Просто съ пьяна городить вздоръ... — пронеслось въ его головѣ:—Надо все-таки его видѣть... несчастный... пьянъ и весь въ грязи... — припомнилъ князь слова Тихона.

Онъ всталъ и медленно прошелъ въ гардеробную, находившуюся на совершенно противоположной сторонѣ дома.

Княгиня Зинаида Сергѣевна еще спала.

То, что представилось глазамъ князя Андрея Павловича въ гардеробной, превзошло всякія его ожиданія.

Если бы онъ не зналъ навѣрное, что стоящее передъ нимъ существо его бывшій камердинеръ, а затѣмъ петербургскій купецъ Степанъ Сидоровъ, однолѣтокъ его, князя, то онъ никогда не повѣрилъ бы этому.

Передъ княземъ стоялъ, какъ-то сгорбившись, разслабленный старикъ, одѣтый въ невозможное рубище, покрытое толстымъ слоемъ липкой грязи.

Цвѣтъ когда-то суконнаго, но теперь состоявшаго изъ одной, продранной въ нѣсколькихъ мѣстахъ основы, халата, подпоя-

заннаго грязной тряпкой, опредѣлить было невозможно.

Одна нога, обернутая въ грязную онучу, была обута въ лапотъ, а другая въ опорокъ дыряваго сапога.

Въ красныхъ, перезябшихъ и трясущихся рукахъ Степанъ держалъ дырявую шляпу тоже неопредѣленнаго цвѣта, покрытую грязью.

Лицо не только измѣнило свое выраженіе, но даже, казалось, въ немъ неосталось ни одной прежней черты.

Красносизый носъ выдѣлялся на опухшемъ синевато-блѣдномъ лицѣ, обросшемъ почти совершенно сѣдою всклокоченною бородою, посѣдѣвшіе также почти волосы на головѣ слѣпившимися косматыми прядями спускались съ головы на лобъ и на шею.

Одинъ глазъ былъ полузакрытъ отъ огромнаго синебагроваго кровоподтека, а другой, слезящійся и воспаленный, имѣлъ какой-то оловянно-безжизненный оттѣнокъ.

Въ то время, когда князь Андрей Павловичъ вошелъ въ гардеробную, стоявшій Степанъ закашлялся.

Хриплый, стонущій кашель шелъ какъ бы изъ совершенно пустой груди и отъ его приступовъ тряслось все исхудалое тѣло несчастнаго пропойцы.

— Степанъ, ты-ли это? — воскликнулъ князь.

Вмѣсто отвѣта Степанъ Сидоровъ повалился въ ноги князю, продолжая оглашать комнату страшнымъ кашлемъ и употребляя, видимо, всѣ усилія прекратить его.

Андрей Павловичъ съ выраженіемъ нѣмаго ужаса смотрѣлъ на своего бывшего вѣрнаго слугу.

Степанъ наконецъ сталъ на колѣняхъ, кашлянулъ послѣдній разъ и отеръ губы рукавомъ халата.

Рукавъ оказался смоченнымъ кровавой пѣной, которая окрасила и часть бороды несчастнаго пропойцы.

Князь съ невольнымъ отвращеніемъ отвернулся, но пересилилъ себя и снова сказалъ:

— Степанъ, что съ тобой? Какъ ты могъ такъ спуститься?..

Тотъ безнадежно махнулъ рукой и на колѣняхъ ближе подползъ къ Андрею Павловичу.

— Не обо мнѣ теперь рѣчь, ваше сіятельство, мой конецъ близехонекъ, я скоро предстану на судъ Вѣчнаго Судьи со всѣмъ моимъ окаянствомъ... Покаралъ меня Господь по дѣламъ и заслугамъ... Такъ пришелъ я теперь сперва на судъ къ вашему сіятельству,

судите меня, простите меня и отпустите мнѣ грѣхъ мой незамолимый...

Все это Степанъ произнесъ коснѣющимъ, заплетающимся языкомъ, видимо съ трудомъ собирая мысли и выговаривая слова.

— Что ты... что ты... за что мнѣ судить тебя, въ чемъ прощать, какой грѣхъ отпустить тебѣ я смѣю... я самъ во многомъ грѣшенъ... Можетъ грѣшнѣе тебя...

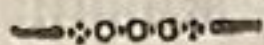
— Обманулъ я васъ, ваше сіятельство, простите меня, окаяннаго... Бабыя прелесть смутила... На капиталы польстился, бабу на нихъ купилъ... Охъ... горе мнѣ... горе... грѣшному...

— Въ чемъ ты обманулъ меня? — спросилъ князь, съ сожалѣніемъ выслушивая, какъ ему казалось, пьяный бредъ.

— Сынъ-то вашъ, Володенька, живъ... — сказалъ Степанъ.

— Что-о-о?.. — воскликнулъ Андрей Павловичъ и пошатнулся.

Еле сдержавшись на ногахъ, онъ, шатаясь, дошелъ до стоявшаго у одной изъ стѣнъ сундука и безсильно опустился на него.

XIV.

«Нашъ сынъ живъ».

— Что ты за вздоръ болтаешь?—сказалъ князь Андрей Павловичъ Святозаровъ, нѣсколько оправившись отъ услышаннаго имъ рокового извѣстія.

— Не вздоръ, батюшка, ваше сіятельство, а истинную правду говорю, подлое свое оканство какъ на духу все открываю, чувствую я, что помру не нынче, завтра, такъ не хочу въ могилу сойти съ тайной отъ вашего сіятельства...

Подробно разсказалъ Степанъ Сидоровъ свою послѣднюю поѣздку въ Чижево, свой разговоръ съ Дарьей Васильевной Потемкиной, ея отвѣтъ и преступную мысль при поѣздкѣ туда удержать половину капитала, а по возвращеніи утаить всѣ деньги, что и было имъ исполнено путемъ выдуманнаго разсказа о смерти ребенка.

Это была полная искренняя исповѣдь раскаявшагося грѣшника.

Степанъ затѣмъ перешелъ къ описанію своей дальнѣйшей жизни, сватовства за Калисѣеніей Мазараки.

— Она, она, весь соблазнъ отъ нея шелъ, точно отуманила меня, оцутала, обвела без-

путная...—говорилъ Степанъ, прерывая свой рассказъ всхлипываніями и тяжелыми передышками.

— Покаралъ меня Господь Богъ въ сынѣ моемъ, не далъ мнѣ грѣшному на него порадоваться, отозвалъ къ себѣ ангела, отецъ котораго душу свою чорту продалъ... Охъ, грѣхи, грѣхи незамолимые...

Приступъ страшнаго кашля прервалъ голосъ Степана Сидорова.

Видимо, отъ сильнаго волненія и напряженія силъ кровь хлынула изъ горла несчастнаго и онъ безъ чувствъ ничкомъ повалился на полъ.

Князь Андрей Павловичъ сидѣлъ неподвижно и хотя, казалось, смотрѣлъ на своего бывшаго камердинера и слушалъ его, но на самомъ дѣлѣ мысли его были далеко отъ лежавшаго у его ногъ Степана, или лучше сказать, онъ не въ силахъ былъ сосредоточиться на какой-нибудь опредѣленной мысли. Онъ какими то обрывками мелькали въ его головѣ, не слагаясь ни въ какую опредѣленную форму.

Разсказъ Сидорыча, изъ котораго князь слышалъ только ту часть, которая касалась доказательства, что его сынъ живъ, казалось, вносилъ въ голову князя еще большую путаницу.

Припадокъ кашля, хлынувшая кровь и наступившая затѣмъ тишина привели князя въ себя.

Онъ какъ то удивленно оглядѣлъ комнату, остановилъ вопросительно - недоумѣвающій взлядъ на лежавшемъ у его ногъ, въ грязи и крови Степанѣ, медленно провелъ рукой по лбу, всталъ и неровной походкой, брезгливо обошедши Степана, вышелъ изъ гардеробной.

Въ сосѣдней комнатѣ его ожидалъ его камердинеръ.

Князь отдалъ приказаніе отвезти Степана Сидорова въ больницу и удалился въ свой кабинетъ.

Не приказавъ сопровождавшему его камердинеру себя беспокоить, князь заперся изнутри и безсильно опустился на кресло у письменнаго стола.

— Мой сынъ живъ!..—вотъ мысль, которая одна стояла въ его умѣ, безъ всякихъ выводовъ и заключеній.

Казалось, она заняла всѣ мыслительныя способности князя.

Наконецъ, силою воли ему удалось сосредоточиться и вызвать мысль о послѣдствіяхъ, которая порождаетъ для него это извѣстіе.

Это была роковая, губительная работа.

Когда передъ Андреемъ Павловичемъ возстала картина его будущаго, онъ содрогнулъ

ся и, схватившись обѣими руками за голову безсильно упалъ на столъ.

Его сынъ живъ; но гдѣ онъ? Онъ въ рукахъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, могущественнѣйшаго послѣ государыни лица въ Россіи, когда-то въ молодости влюбленнаго въ его жену княгиню Зинаиду Сергѣевну.

То, что князь Потемкинъ несомнѣнно принялъ участіе въ отвергнутомъ отцомъ сынѣ любимой имъ женщины, было для Андрея Павловича внѣ всякаго сомнѣнія.

Его мать, Дарья Васильевна, къ которой сама судьба привела исполнителя воли князя Святозарова—Степана, и которая сдѣлалась его сообщницей, конечно, дѣйствовала по указаніямъ сына.

Этимъ объясняется принятіе первыхъ денегъ и отказъ отъ вторыхъ, отъ цѣлаго капитала въ двадцать пять тысячъ рублей.

Она успѣла въ это время уже списаться съ нимъ.

— Обратиться къ ней! мелькнуло въ головѣ князя, но онъ тотчасъ же отбросилъ эту мысль.

Она отвѣтитъ ему то же, что отвѣтила Степану во второй его пріѣздъ въ Чижево.

Онъ всматривался въ нея печально-загадочные

взоры, бросаемые ею при ея рѣдкихъ посѣщеніяхъ на княгиню.

И эти посѣщенія,—онъ теперь былъ убѣжденъ въ этомъ,—совершаются по волѣ Григорія Александровича, который самъ никогда не переступалъ порога его дома и даже не сдѣлалъ ему отвѣтнаго визита приличія, который отдалъ всѣмъ.

Всѣ мелочи, на которыя онъ прежде не обращалъ никакого вниманія, выросли теперь въ глазахъ князя въ вѣсскія предзнаменованія грознаго будущаго.

Значить честь и доброе имя князя Свѣтзарова находится всецѣло въ рукахъ Потемкина.

При этой мысли Андрей Павловичъ заскрежеталъ зубами.

Онъ, какъ большинство придворной партіи, глубоко ненавидѣлъ «свѣтлѣйшаго князя» — выскочку, рагвену, какъ звали, конечно, шепотомъ Григорія Александровича.

Почему же онъ медлитъ обличить его, князя Андрея Павловича и возвратить ребенка когда-то любимой имъ женщинѣ, княгинѣ.

— Быть можетъ, онъ сохранить эту тайну навсегда!—пробѣжала въ головѣ Андрея Павловича успокоительная мысль.

— Нѣтъ, онъ не таковъ, онъ вѣроятно готовитъ князю ударъ, ударъ публичный, онъ за-

хочетъ позабавиться этимъ страшнымъ приключеніемъ, этой роковой опрометчивостью князя...—тотчасъ и отвѣчалъ на нее Андрей Павловичъ.

— Унизить князя Святозарова: сорвать съ него маску высоконравственного человека въ этотъ развращенный вѣкъ, затоптать въ грязь имя родовитаго вельможи—это ли не побѣда для развратника—Потемкина, для выскочки — свѣтлѣйшаго князя римской имперіи!

Князь дико захохоталъ.

— А быть можетъ онъ, этотъ его сынъ, умеръ не тогда, а потомъ... — одну минуту подумалъ Андрей Павловичъ.

— Нѣтъ, онъ живъ, живъ... Онъ растетъ гдѣ-нибудь подъ чужимъ именемъ... Потемкинъ знаетъ гдѣ и, не нынче, завтра, выведетъ его публично передъ отцомъ страшной, грозной, живой уликой.

Андрей Павловичъ затрепеталъ..

Что сынъ его живъ, онъ былъ почему-то глубоко увѣренъ.

— Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Что дѣлать? Что дѣлать? — ломалъ себѣ голову князь.

Онъ не находилъ въ своемъ умѣ отвѣта на эти вопросы.

Выхода не было.

— Смерть!—шепнулъ въ ухо Андрея Павловича какой-то голосъ.

— Смерть!—повторилъ князь вслухъ и какъ-то вдругъ весь успокоился.

Смерть въ представленіи Святозарова на самомъ дѣлѣ была единственнымъ и лучшимъ выходомъ.

Она разрушитъ всѣ планы Потемкина.

Честь фамиліи Святозаровыхъ будетъ сохранена и это историческое имя перейдетъ незапятнаннымъ къ потомству, къ его сыну Василию, и даже къ этому, ко второму, если Потемкинъ возвратитъ его княгинѣ.

Не будетъ же онъ глумиться надъ когда-то любимой имъ женщиной и надъ самого себя наказавшимъ преступникомъ, надъ мертвымъ?

Какъ ни было не лестно мнѣніе князя Андрея Павловича о Григоріѣ Александровичѣ, но онъ разрѣшилъ эти вопросы отрицательно.

— А, быть можетъ, тогда онъ самъ при своемъ могуществѣ выведетъ его въ люди подъ другою фамиліею и даже княгиня не будетъ знать гнуснаго поступка мужа... — думалъ Святозаровъ.

— Нѣтъ, она должна знать... Тогда, когда онъ будетъ въ могилѣ... Она проститъ.. Она — ангелъ...

Князь Андрей Павловичъ зарыдалъ.

— Да, да... смерть...—повторялъ онъ, заставивъ себя успокоиться и движеніемъ головы сбрасывая съ рѣсницъ послѣднія слезы, а быть можетъ, и отгоняя иныя мысли. — Это возмездіе...

Ему пришли на память слова Христа, обращенныя къ апостолу Петру:

«Вложи мечъ въ ножны. Подъявшій мечъ, отъ меча погибнетъ»...

И онъ князь—убійца Костогорова, долженъ стать самоубійцей.

Таковъ божественный законъ возмездія.

Князь всталъ съ кресла, нѣсколько разъ прошелся по кабинету, повторяя:

— Да, да, смерть, смерть...

Онъ подошелъ къ тому же шифоньеру и, вынувъ изъ кармана ключи, открылъ тотъ же ящикъ, откуда около пятнадцати лѣтъ тому назадъ вынулъ пистолетъ, которымъ онъ убилъ мнимаго любовника своей жены—Костогорова.

Пистолетъ былъ замѣненъ новымъ.

Андрей Павловичъ тщательно зарядилъ его, затѣмъ заперъ ящикъ и положилъ ключи въ карманъ.

Съ пистолетомъ въ рукахъ онъ возвратился къ письменному столу и сѣлъ въ кресло.

Положивъ оружіе, онъ досталъ два листа бумаги и началъ писать.

Писалъ онъ недолго.

Это были два письма. Онъ ихъ запечаталъ гербовою печатью и надписалъ адреса.

Затѣмъ онъ снова взялъ въ руки пистолетъ и задумался.

Въ его умѣ, видимо, происходила борьба между желаніемъ жить и необходимостью умереть.

Такъ по крайней мѣрѣ можно было судить по его послѣднимъ словамъ:

— Нѣтъ, смерть... только смерти!..

Онъ приложилъ дуло пистолета къ виску.

Прикосновеніе металла къ тѣлу заставило его вздрогнуть.

Онъ почувствовалъ, что рука его трясется.

Онъ отнялъ пистолетъ отъ виска и направилъ его въ ротъ.

Блеснулъ огонекъ.

Раздался выстрѣлъ.

Князя Андрея Павловича Святозарова не стало.

Его туловище съ раздробленной головой грузно упало на одну сторону кресла.

Окровавленный мозгъ обрызгалъ кругомъ коверъ и мебель.

Смерть была, конечно, моментальная.

Въ этотъ самый моментъ княгиня Зинаида

Сергѣевна, которой доложили о бесѣдѣ князя съ Степаномъ, объ отправкѣ послѣдняго въ больницу, и о томъ, что князь, послѣ разговора съ своимъ камердинеромъ, заперся въ кабинетъ и не велѣлъ себя беспокоить, шла узнать у мужа, что случилось.

Она была, уже въ двухъ шагахъ отъ двери кабинета, когда раздался выстрѣлъ.

Какъ подкошенная княгиня упала безъ чувствъ на полъ.

Сбѣжавшая прислуга бережно отнесла ее въ спальню и пока горничная приводила ее въ чувство, камердинеръ и лакеи бросились къ дверямъ кабинета.

Они оказались запертыми.

Тотчасъ же было послано за полиціей.

Когда въ ея присутствіи двери были отперты слесаремъ, глазамъ вошедшихъ представилась уже описанная нами ужасная картина.

Всѣ судебнo-полицейскія формальности и даже панихиды—князь былъ признанъ лишившимъ себя жизни въ помраченіи ума—были совершены въ отсутствіи княгини Зинаиды Сергѣевны, съ которой то и дѣло происходили истерическіе припадки.

Она лежала у себя въ спальнѣ и почти ни на шагъ не отпускала отъ себя сына, который впрочемъ присутствовалъ на одной па-

нихидъ. Мальчикъ былъ пораженъ смертию отца и плакалъ навзрыдъ.

Лишь ко дню похоронъ, княгиня нѣсколько оправилась и въ слезахъ проводила своего мужа въ мѣсто вѣчнаго его упокоенія въ фамильный склепъ на кладбище Александро-Невской лавры.

Съ кладбища привезли ее домой снова безъ чувствъ.

Вѣсть о самоубійствѣ князя Андрея Павловича Святозарова съ быстротою молніи облетѣла Петербургъ и заняла на нѣсколько дней праздные умы столичнаго великосвѣтскаго круга.

Высказывались предположенія, дѣлались сопоставленія.

Припоминали исторію самоубійства Костогорова и разрыва между супругами, продолжавшагося болѣе года.

До истины, конечно, никто не додумался.

Григорій Алексаидровичъ Потемкинъ при полученіи извѣстія о самоубійствѣ князя Андрея Павловича, произнесъ только одно слово, непонятое никѣмъ изъ окружающихъ князя, кромѣ развѣ отчасти его матери.

Это слово было: «возмездіе».

На письменномъ столѣ покойнаго князя Святозарова найдено было два запечатанныхъ письма, на одномъ изъ которыхъ стоялъ

короткій адресъ «полиціи», а другое адресовано было на имя княгини Зинаиды Сергѣевны.

Въ первомъ письмѣ было только нѣсколько строкъ.

«Въ смерти моей прошу никого ни винить. Я застрѣлился самъ». «Князь Андрей Святозаровъ».

Только по прошествіи шести недѣль, когда княгиня нѣсколько успокоилась отъ постигшаго ее горя, ей рѣшились отдать предсмертное письмо мужа.

Дрожащею рукою сломила она печать и развернула письмо.

Въ немъ было всего двѣ строки, но эти строки заставили несчастную женщину поблѣднѣть какъ полотно и впитаться въ нихъ жадными глазами.

Въ письмѣ стояло:

«Нашъ сынъ живъ, прощай».

«Твой Андрей Святозаровъ».

Что могло значить это письмо?—вотъ вопросъ, который возникъ въ умѣ взволнованной княгини.

— «Нашъ сынъ живъ»—повторяла она слова письма—ну, да, конечно, онъ живъ, если онъ говоритъ о Васѣ. Но о комъ же другомъ онъ могъ говорить... Другого сына у нея не

было... была дочь... она умерла... Что же это значить?...

— Быть может Степанъ Сидоровъ, такъ какъ съ нимъ послѣднимъ говорилъ князь передъ смертью, можетъ что нибудь разъяснить по этому поводу?—подумала она.

Княгиня бережно спрятала письмо въ потайной ящикъ своей шифоньерки и послала справиться въ больницу о здоровьѣ Степана Сидорова.

Ей доставили справку, что онъ умеръ въ день похоронъ князя Андрея Павловича.

Если въ письмѣ была тайна, то онъ унесъ ее въ могилу.

Княгиня долго ломала голову надъ тѣмъ, что могло означать это странное короткое письмо.

— Покойный просто хотѣлъ сказать вамъ что у васъ есть сынъ, который будетъ служить утѣшеніемъ въ безвременной утратѣ мужа—замѣтила княгинѣ одна изъ ея немногочисленныхъ свѣтскихъ пріятельницъ, которой она довѣрила эту тайну.

Эта пріятельница была умнѣйшая женщина на описываемаго нами времени—Дашкова.

Княгиня Зинаида Сергѣевна успокоилась съ этимъ объясненіемъ.

XV.

Женщина-президентъ.

Упомянутая нами пріятельница княгини Святозаровой княгиня Екатерина Романовна Дашкова является, какъ мы уже сказали, одной изъ выдающихся женщинъ Екатерининскаго времени и вполнѣ заслуживаетъ отдѣльной характеристики, хотя и играетъ въ нашемъ повѣствованіи второстепенную роль.

Дочь генералъ-аншефа графа Романа Ларионовича Воронцова, она родилась въ 1743 году, слѣдовательно въ моментъ нашего разсказа ей было подъ сорокъ лѣтъ.

Не выдающаяся красотой, она еще въ ранней молодости обнаружила замѣчательный умъ и живое воображеніе,

На пятнадцатомъ году она вышла замужъ за молодого князя Дашкова, но бракъ этотъ не былъ счастливъ.

При восшествіи на престолъ императрицы Екатерины она оказала ей много важныхъ услугъ, за что и получила званіе статсъ-дамы, орденъ св. Екатерины и пользовалась нѣкоторое время нѣжной дружбой государыни.

Въ описываемое нами время эти отношенія ея ко двору были порваны, вслѣдствіе ея

гордаго и черезъчуръ честолюбиваго характера.

Она только временно наѣзжала въ Петербургъ, и жила все время заграницей, гдѣ занималась образованіемъ своего единственнаго сына.

Во время катастрофы съ княземъ Святозаровымъ, она только что прибыла изъ заграницы и, проведя въ столицѣ нѣсколько мѣсяцевъ, много способствовала смягченію тяжести обрушившагося на княгиню Зинаиду Сергѣевну несчастія.

Екатерина Романовна уѣхала уже тогда, когда княгиня почти совершенно успокоилась.

— О, какъ мнѣ жаль разставаться съ тобой... — воскликнула княгиня Святозарова, прощаясь съ Дашковой. — Если бы ты вернулась сюда совсѣмъ...

— Можетъ быть... можетъ быть... утѣшила ее княгиня Екатерина Романовна.

Дашкова дѣйствительно вернулась совсѣмъ черезъ три года.

Въ то время княгиня Зинаида Сергѣевна уже жила вся одною любовью къ своему сыну Васѣ, молодому, блестящему гвардейскому офицеру.

Прошрое было забыто — время излѣчиваетъ всякое горе.

Съ разъясненнымъ Дашковой смысломъ по смертной записки мужа княгиня Зинаида Сергѣевна согласилась совершенно,—она на самомъ дѣлѣ нашла утѣшеніе въ сынѣ, заставившее забыть ее безвременную и страшную кончину мужа.

Въ судьбѣ же княгини Екатерины Романовны произошелъ тоже поворотъ къ лучшему.

Она снова вошла въ милость у императрицы.

Наступилъ 1782 годъ.

Императрица, высоко цѣня замѣчательныя дарованія и литературные труды Дашковой, рѣшила назначить ее директоромъ императорской академіи наукъ.

На одномъ изъ придворныхъ баловъ государыня высказала Екатеринѣ Романовнѣ это свое рѣшеніе.

Княгиня была поражена необычайностью для женщины такого назначенія и не отвѣтила ничего.

Императрица повторила ей свое предложеніе занять это мѣсто, причемъ отозвалась объ ея трудахъ и дарованіяхъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

-- Простите меня, ваше величество,-- отвѣчала Екатерина Романовна,-- но я не долж-

на принимать на себя такой обязанности, которую не въ состояніи исполнить.

— Почему же не въ состояніи... Ахъ, я и забыла, ты вѣдь гордячка...

— Причемъ тутъ гордость, ваше величество?

— А развѣ ты забыла изрѣченіе: уничиженіе паче гордости...

— Тутъ этого нѣтъ, ваше величество, тутъ только есть искреннее сознаніе своей непригодности къ такому отвѣтственному посту...

— Пустяки, я тебя знаю лучше, чѣмъ ты сама, и надѣюсь на тебя болѣе, чѣмъ ты на себя...

— Назначьте меня директоромъ надъ прачками, ваше величество,—замѣтила серьезно княгиня Дашкова,—и вы увидите, съ какою ревностью я буду вамъ служить. Я не посвящена въ тайны этого ремесла, но ошибка, могущая произойти отъ этого, ничего не значить въ сравненіи съ тѣми вредными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собою каждый промахъ, сдѣланный директоромъ академіи наукъ...

— Повторяю, пустяки... Сколько директоровъ академіи наукъ были гораздо менѣе способными и достойными занимать эту должность, чѣмъ ты.

— Тѣмъ хуже для этихъ господъ,—возра-

зила Екатерина Романовна,—они такъ мало уважали самихъ себя, что взялись за дѣло, которое выполнить не могли...

— Хорошо, хорошо, — сказала императрица,—оставимъ теперь этотъ разговоръ, впрочемъ, твой отказъ еще больше убѣдилъ меня, что лучшаго выбора я не могла сдѣлать.

Княгиня, сильно взволнованная, едва дождавшись окончанія бала, поспѣшила домой и тотчасъ же сѣла писать императрицѣ.

Надѣясь на великодушіе государыни, Екатерина Романовна въ своей запискѣ высказала между прочимъ слѣдующія мысли:

«Частная жизнь коронованной особы можетъ и не появляться на страницахъ исторіи; но такой небывалый еще выборъ лица для государственной должности непременно подвергнетъ ее осужденію: сама природа, сотворивъ княгиню женщиной, въ то же время отказала ей въ возможности сдѣлаться директоромъ академіи наукъ. Чувствуя свою неспособность, она сама не захочетъ быть членомъ какого-либо ученаго общества, даже и въ Римѣ, гдѣ можно пріобрѣсти это достоинство за нѣсколько дукатовъ».

Пробило полночь, когда записка была готова.

Императрицу, конечно, нельзя было тревожить въ такое позднее время, но Екатерина

Романовна нашла невозможнымъ провести ночь въ такомъ несносномъ положеніи, и отправилась къ Григорію Александровичу Потемкину, у котораго никогда прежде не бывала.

Князь былъ въ постели, но княгиня настойчиво потребовала, чтобы ему о ней доложили, такъ какъ она пріѣхала по неотложно важному дѣлу.

Григорій Александровичъ всталъ, одѣлся и очень любезно принялъ неожиданную гостью.

Екатерина Романовна передала ему свой разговоръ съ императрицей.

— Я уже слышалъ объ этомъ отъ ея величества,—сказалъ Потемкинъ,—и знаю хорошо ея намѣреніе. Она рѣшила непременно поставить академію наукъ подъ ваше руководство.

— Принять на себя такую должность,—перебила княгиня,—значило бы съ моей стороны поступить противъ совѣсти. Вотъ письмо къ ея величеству, заключающее въ себѣ рѣшительный отказъ. Прочтите, князь, я хочу потомъ запечатать его и передать въ ваши руки съ тѣмъ, чтобы завтра по утру вы вручили его государынѣ.

Григорій Александровичъ пробѣжалъ бу-

магу и, не отвѣчая ни слова, разорвалъ ее на мелкіе куски.

Екатерина Романовна вспыхнула.

— Это ужъ слишкомъ, ваша свѣтлость! Какъ осмѣлились вы разорвать письмо, адресованное на высочайшее имя.

— Успокойтесь, княгиня—сказалъ свѣтлѣйшій—и выслушайте меня. Никто не сомнѣвается въ вашей преданности императрицѣ. Почему же вы хотите огорчать ее и заставить отказаться отъ плана, которымъ она исключительно и съ любовью занимается въ последнее время. Если вы непременно хотите остаться при своемъ намѣреніи, въ такомъ случаѣ, вотъ перо, бумага и чернила—описываемый разговоръ происходилъ въ кабинетѣ князя--напишите тоже самое еще разъ. Но, повѣрьте мнѣ, поступая противъ вашего желанія, я, однако, дѣйствую какъ человѣкъ, который заботится о вашихъ интересахъ. Скажу болѣе, ея величество, предлагая вамъ эту должность, можетъ быть имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и доставить поводъ къ болѣе частымъ и непосредственнымъ сношеніямъ съ нею.

Григорій Александровичъ съумѣлъ искусно затронуть самолюбіе Екатерины Романовны.

Она обѣщала написать болѣе умѣренное

письмо и прислать его съ своимъ камердинеромъ къ князю, который далъ слово на слѣдующее утро передать его государынѣ.

Вернувшись домой, княгиня Дашкова снова принялась за письмо.

Оно было готово къ шести часамъ утра и отправлено къ Потемкину.

Въ то же утро княгиня получила чрезвычайно любезную записку императрицы и копию съ указа, уже посланнаго въ сенатъ, о назначеніи ея директоромъ академіи наукъ.

Выборъ императрицы оказался на самомъ дѣлѣ чрезвычайно удачнымъ.

Екатерина Романовна Дашкова много сдѣлала для русской науки, писала оригинальныя и переводныя статьи и издавала въ 1783 году журналъ подъ названіемъ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова».

Вскорѣ послѣ назначенія директоромъ академіи наукъ, княгиня Дашкова выработала планъ россійской академіи, энергично принялась за ея устройство и сдѣлана была ея президентомъ.

Такова была чуть ли не единственная пріятельница княгини Святозаровой.

Дружба между Святозаровой и Дашковой объяснялась сходствомъ характеровъ обѣихъ женщинъ.

Княгиня Зинаида Сергѣевна въ лицѣ Даш-

ковой преклонялась передъ своимъ идеаломъ гордой самостоятельной женщины, а Екатерина Романовна видѣла въ ней друга, съ полуслова понимающаго ея взгляды и мнѣнія.

Екатерина Романовна отдыхала душой около княгини Зинаиды Сергѣевны, и за это платила ей сердечнымъ сочувствіемъ.

Княгиня же Святозарова нашла въ Дашковой друга, которому открыла свою наболѣвшую душу.

Она рассказала ей всю свою жизнь, не скрывая ничего.

Княгинѣ Дашковой были извѣстны и юношескій романъ ея подруги съ Потемкинымъ, гнусная интрига графини Переметьевой, убійство Костогорова, разрывъ съ мужемъ, рожденіе ребенка—дѣвочки и примиреніе.

Искренняя исповѣдь княгини произошла уже послѣ смерти князя Андрея Павловича и истолкованія княгиней Екатериной Романовной предсмертнаго письма покойнаго.

Быть можетъ, если бы Зинаида Сергѣевна рассказала подробно всю свою жизнь ранѣе, Дашкова бы воздержалась отъ такого авторитетнаго толкованія письма самоубійцы—князя.

Проницательную и вдумчивую Екатерину Романовну поразило въ рассказѣ-исповѣди княгини Святозаровой, во-первыхъ, стран-

ность рожденія совершенно здоровой женщиной мертвого ребенка, когда, по увѣренію Зинаиды Сергѣевны, ею были приняты всѣ мѣры предосторожности и не было ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ для смерти ребенка въ утробѣ матери, что шло въ совершенный разрѣзъ съ прочно установленной медицинской наукой теоріей о необычайной живучести плода.

Нѣкоторыя, совершенно незначущія фразы покойнаго князя Святозарова, сказанныя имъ его женѣ, послѣ примиренія, которыя княгиня Зинаида Сергѣевна запомнила и передала Дашковой, въ связи съ странными отношеніями князя Андрея Павловича къ своему камердинеру, за какихъ-нибудь полчаса до смерти бесѣдовавшему съ своимъ бывшимъ бариномъ, — все это привело Екатерину Романовну къ догадкѣ, что рожденіе княгиней Святозаровой мертвой дѣвочки — очень странно и таинственно.

Въ чемъ заключалась эта тайна? — Дашкова, конечно, могла догадываться только приблизительно.

Смыслъ фразы посмертнаго письма князя Святозарова: «Нашъ сынъ живъ», не могъ, при такихъ обстоятельствахъ, быть истолкованъ такъ категорически, какъ это сдѣлала

Екатерина Романовна, не знавшая ранѣе подробностей.

— Говорится-ли въ письмѣ о сынѣ Васи-
ліѣ? — вотъ вопросъ, который возстава-
лъ теперь въ умѣ княгини Дашковой и она, по со-
вѣсти, не могла бы теперь разрѣшить его от-
рицательно, хотя у ней не было никакихъ
основаній полагать, что у князя и княгини
Святозаровыхъ былъ другой сынъ, который
считался послѣднею умершимъ, а по свѣдѣ-
ніямъ князя былъ живъ.

Зная, однако, что первое толкованіе пись-
ма покойнаго мужа совершенно удовлетво-
рило княгиню Зинаиду Сергѣевну, Дашкова
даже намекомъ не позволила себѣ заронить
сомнѣніе въ сердцѣ успокоившейся женщи-
ны, своего друга.

Разсказъ Зинаиды Сергѣевны о ея сближе-
ніи, во время жизни въ Несвицкомъ, съ Дарьей
Васильевной Потемкиной, рѣдкое посѣщеніе
ею княгини здѣсь и постоянное объ ней со
стороны старухи, казалось бы, прежде без-
причинное соболѣзнованіе, не вызываемое въ
такой мѣрѣ рожденіемъ мертваго ребенка —
такъ, по крайней мѣрѣ, думала Екатерина
Романовна, — давали послѣдней въ руки нить
къ нѣкоторому разъясненію мучившаго ея
вопроса, и она ухватила за эту нить, по
истинѣ аріаднину, которая, быть можетъ,

была способна вывести ее изъ лабиринта тайны, которая окружала прошлое княгини Зинаиды Сергѣевны.

Дашкова воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ и сдѣлала визитъ Дарьѣ Васильевнѣ Потемкиной.

Конечно, не съ перваго слова заговорила она съ послѣдней о княгинѣ Святозаровой и ея жизни въ Смоленской губерніи.

Съ присущимъ ей умомъ и тактомъ,стороной, осторожно, старалась Екатерина Романовна выпытать у Потемкиной все, что та знаетъ о рожденіи Зинаидой Сергѣевной мертвой дочери.

Но, въ данномъ случаѣ можно было къ обѣимъ дамамъ всецѣло примѣнить пословицу: «нашла коса на камень».

Осторожная Дарья Васильевна отдѣлывалась ничего не говорящими короткими отвѣтами.

Дашкова отъ нея такъ ничего и не доби-лась.

Она вынесла только изъ этого разговора впечатлѣніе, что тайна, на самомъ дѣлѣ, существуетъ, и что Дарья Васильевна посвящена въ нее.

Разъясненіе этой тайны для Дашковой предстояло въ будущемъ.

XVI.

П л е м я н н и ц ы.

Занятый осуществленіемъ своихъ колоссальныхъ проектовъ и разрѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ, выдающейся важности и безчисленными романическими интригами, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ не забывалъ заботиться и объ устройствѣ судьбы своихъ любимыхъ племянницъ — сестеръ Энгельгардтъ.

Мы оставили ихъ балованными, «нагуливающими тѣло», дѣвушками, жившими вмѣстѣ съ своею бабушкою, Дарьей Васильевной Потемкиной, въ роскошномъ помѣщеніи Аничковского дворца.

Три изъ нихъ Александра, Варвара и Надежда были уже взрослыми дѣвушками, когда, по вызову дяди, прибыли въ Петербургъ, лишь младшей, Катѣ, шелъ въ то время двѣнадцатый годъ.

Робко и недовѣрчиво смотрѣла провинціальная дикарка на новую, пышную обстановку и не скоро свыклась съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ она такъ неожиданно очутилась.

За прошедшій десятокъ лѣтъ многое измѣнилось.

Старшая, Александра, и вторая, Варвара, за это время вышли замужъ, первая—за графа Ксаверія Браницкаго, а Варвара Васильевна—за князя Голицына.

Катя выросла и своей красотой затмила ксѣхъ своихъ сестеръ. Въ 1781 году и она, какъ ея сестры, была назначена фрейлиной.

Махнувъ пока рукой на третью свою племянницу, «Надежду-безнадежную», Григорій Александровичъ позаботился найти поскорѣе жениха, распустившейся, подобно роскошному цвѣтку, красавицѣ-Катѣ.

Примѣръ дѣвической жизни трехъ старшихъ племянницъ заставилъ, даже неотличавшагося особенно строгими правилами, князя торопиться.

Достойный женихъ былъ найденъ.

Это былъ графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій.

Потомокъ Карла Скавронскаго, латыша-крестьянина, родного брата императрицы Екатерины I, въ дѣвицахъ Марты Скавронской, имѣлъ въ гербѣ три розы, напоминашія о трехъ сестрахъ Скавронскихъ, «жаворонокъ», по-латышски—«Skawronекъ», такъ какъ отъ этого слова произошла ихъ фамилія, и двуглавые русскіе орлы, въ данномъ случаѣ, не только, по правиламъ геральдики, свидѣтельствующія объ особенномъ благо-

воленіи государя къ подданному, но и заявлявшіе о родствѣ Скавронскихъ съ императорскимъ домомъ.

Сынъ графа Мартына Карловича Скавронскаго, генераль-аншефа, обергофмейстера и андреевскаго кавалера временъ Елизаветы и баронессы Маріи Николаевны Строгоновой, богатѣйшей женщины тогдашней Россіи, графъ Павелъ Мартыновичъ отъ отца и матери получилъ два громадныхъ милліонныхъ состоянія

Молодой Скавронскій былъ уже по рожденію и богатъ и знатенъ.

Въ младенчествѣ его пеленали андреевскими лентами съ плеча императрицы, въ дѣтствѣ и юности тщательно воспитывали, по обычаю того времени, подъ руководствомъ иностранцевъ-гувернеровъ и изъ него вышелъ блестящій молодой человекъ, въ которомъ никто бы не могъ узнать родного внука латышскаго крестьянина.

Природа, впрочемъ, не надѣлила его особеннымъ умомъ. Въ немъ была только одна неудержимая страсть къ вокальной музыкѣ.

Онъ воображалъ себя выдающимся пѣвцомъ, прекраснымъ музыкантомъ и талантливымъ композиторомъ.

Съ лѣтами эта страсть развивалась все

сильнѣе и наконецъ перешла въ чужеземство, близкое къ помѣшательству.

Находя оцѣнку своимъ музыкальнымъ дарованіямъ со стороны соотечественниковъ недостаточною, графъ рѣшился надолго покинуть свое неблагодарное отечество и поѣхалъ искать себѣ извѣстность и славу пѣвца и музыканта за границу.

Оставшись двадцати двухъ лѣтъ отъ роду полнымъ распорядителемъ богатствъ своихъ родителей, графъ Павелъ Мартыновичъ началъ свое артистическое турне по Италіи, этой странѣ красоты и мелодіи, по преимуществу.

Жажда къ артистической славѣ усилилась тамъ у него еще болѣе.

Живя поочередно то въ Миланѣ, то во Флоренціи, то въ Венеціи, графъ Скавронскій былъ окруженъ пѣвцами и музыкантами, жившими на его счетъ буквально «припѣваючи».

Онъ то и дѣло сочинялъ разныя музыкальныя пьесы и даже оперы и тратя большія деньги, ставилъ послѣднія на сценахъ главныхъ итальянскихъ городовъ.

Произведенія эти оказывались ниже всякой критики.

Несмотря на это, знаменитыя пѣвцы и примадонны за большія суммы и дорогіе по-

дарки разучивали и распѣвали оперы графа.

Составленная прислужниками и прихлебателями сіятельнаго композитора клака заглушала своими восторженными аплодисментами свистки и шиканья неподкупленной части публики.

Окружавшіе графа льстецы превозносили до небесъ его композиторскій талантъ и этимъ еще болѣе подбивали меломана-графа продолжать, выгодныя для нихъ, свои артистическія сумасбродства.

Онъ вѣрилъ этимъ похваламъ, принимая ихъ какъ дань неподдѣльнаго восторга и удивленія его композиторскому генію, а долетавшіе порою до его слуха свистки, шиканья и насмѣшки, а также безпощадные отзывы не купленныхъ газетъ считалъ дѣломъ злобной зависти и интриги.

Увивавшіяся около него лица поддакивали ему въ этомъ.

Страсть къ музыкѣ дошла наконецъ у графа до того, что прислуга не смѣла съ нимъ разговаривать иначе какъ речитативомъ.

Выѣздной лакей итальянецъ, приготовившись по нотамъ, написаннымъ его господиномъ, пріятнымъ теноромъ докладывалъ графу, что карета его сіятельства подана.

Метръ д'отель графа — французъ торже-

ственной кантатой извѣщалъ его сіятельство и его гостей, что подано кушать.

Кучеръ, привезенный изъ Россіи, освѣдомлялся о приказаніи барина сильнымъ пѣвучимъ басомъ, оканчивая свои вопросы и отвѣты густою октавою.

Для торжественныхъ случаевъ у графской прислуги имѣлись и аріи и хоры, такъ что бывавшіе у чудака Скавронскаго обѣды и ужины, казалось, происходили не въ роскошномъ его палаццо, а на оперной сценѣ.

Съ своей стороны хозяинъ отдавалъ свои приказанія прислугѣ въ музыкальной формѣ; гости, чтобы угодить ему, вели съ нимъ разговоръ въ видѣ вокальных импровизацій.

Въ числѣ лицъ, неразлучныхъ съ графомъ въ его музыкально-артистическихъ странствованіяхъ по Италіи, былъ и Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ, человѣкъ «одворянившася при Петрѣ Великомъ, купецкаго рода».

Онъ былъ смѣтливъ, расторопенъ и пронырливъ, и на свое счастіе не имѣлъ совершенно музыкальнаго уха.

Онъ совершенно спокойно могъ переносить бой барабана, громъ литавръ, звуки трубъ, визгъ скрипокъ, завываніе віолончели, свистъ флейтъ, вой волторнъ и ревъ контрабасовъ,

хотя бы все это въ сочиненіи Скавронскаго производило невозможную какофонію.

То пріятно осклабляясь, то выражая на своемъ лицѣ чувство радости, горя, восторга, безнадежности, словомъ то, что домогалась произвести на слушателя музыка сіятельнаго композитора, Гурьевъ съ напряженнымъ, ненасытнымъ, казалось, вниманіемъ выслушивалъ длиннѣйшія произведенія графа.

Павелъ Мартыновичъ платилъ за это слушателю, способному понимать истинныя музыкальныя крототы, безпредѣльными любовію, привязанностью и довѣріемъ.

Пользуясь этимъ, Гурьевъ не безвыгодно для себя управлялъ всѣми дѣлами незнавшаго счета деньгамъ молодаго богача.

Музыка такимъ образомъ приносила ему и рядный доходъ.

Проведши въ Италіи пять лѣтъ, Скавронскій вернулся наконецъ, въ Россію.

Ему шелъ двадцать восьмой годъ.

До императрицы Екатерины доходили слухи объ артистическихъ чудачествахъ молодаго—графа заграницей, но государыня не видѣла въ этомъ ничего предосудительнаго, а напротивъ была довольна тѣмъ, что графъ тратилъ свои деньги въ чужихъ краяхъ не на развратъ, картежную игру и разныя грубыя продѣлки, чѣмъ отличались другіе рус-

скіе туристы, давая иностранцамъ плохое понятіе о нравственномъ и умственномъ развитіи русскихъ аристократовъ.

По возвращеніи Скавронскаго въ Петербургъ, онъ сталъ считаться самымъ завиднымъ женихомъ.

Маменьки, тетушки, бабушки наперерывъ старались выдать за него своихъ дочерей, племянницъ и внучекъ, но Павелъ Мартыновичъ, влюбленный по прежнему въ музыку, и не думалъ о женитьбѣ.

Выборъ князя Потемкина, искавшаго мужа для своей младшей племянницы, Екатерины Васильевны Энгельгардъ, палъ тоже на графа Скавронскаго.

Помощникомъ свѣтлѣйшаго, въ этомъ дѣлѣ явился расторопный Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, имѣвшій неотразимое вліяніе на графа и желавшій подслужиться могущественному вельможѣ.

Онъ ловко взялся за дѣло и свадьба вскорѣ была рѣшена.

Графъ Павелъ Мартыновичъ вдругъ измѣнилъ музыкѣ и безъ ума влюбился въ красавицу невѣсту.

Онъ былъ до такой степени доволенъ этимъ бракомъ, что за устройство его подарилъ свату—Гурьеву «въ знакъ памяти и дружбы» три тысячи душъ крестьянъ.

Свадьба состоялась въ ноябрѣ 1781 года, и была отпразднована съ необычайнымъ торжествомъ.

Весь избранный придворный кругъ присутствовалъ на ней.

Послѣ свадьбы, въ Зимнемъ дворцѣ состоялся блестящій балъ и ужинъ въ присутствіи императрицы.

Женихъ пріѣхалъ къ вѣнцу въ каретѣ, украшенной снаружи стразами, стоимшей десять тысячъ рублей.

Послѣ свадьбы начался рядъ роскошныхъ пировъ въ Апраксинскомъ дворцѣ.

Молодые поселились въ собственномъ домѣ графа Скавронскаго, на Милліонной.

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ былъ тоже съ своей стороны очень доволенъ бракомъ своей любимой племянницы.

Онъ баловалъ ее особенно передъ другими сестрами.

Баловство это продолжалось и послѣ замужества.

Екатерина Васильевна тоже очень любила дядю и часто проводила у него въ кабинетѣ и уборной цѣлые часы, особенно когда на свѣтлѣйшаго находила хандра.

Прошло три года со дня замужества Екатерины Васильевны.

Однажды она вошла въ уборную Григорія Александровича, жившаго въ Зимнемъ дворцѣ подъ комнатами, занимаемыми императрицей.

На туалетномъ столѣ она увидѣла портретъ императрицы, осыпанный брилліантами.

Портретъ этотъ князь носилъ постоянно въ петлицѣ своего кафтана.

Взявъ въ руки портретъ и стоя передъ зеркаломъ, Скавронская шутя пришила его къ корсажу своего платья.

— Иди, Катя, навѣрхъ къ императрицѣ и поблагодари ее!—крикнулъ совершенно неожиданно для Екатерины Васильевны лежавшій на диванѣ и хандрившій Потемкинъ.

Скавронская удивленно вопросительнымъ взглядомъ уставилась на дядю и торопливо стала отшивать портретъ государыни.

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимай его, а такъ съ нимъ и ступай!—еще громче крикнулъ Григорій Александровичъ.

Лѣниво приподнявшись, онъ взялъ лежавшій передъ нимъ карандашъ и лоскутокъ бумаги, на которомъ и написалъ нѣсколько словъ.

— Ступай съ этой запиской къ государынѣ и поблагодари ее за то, что она пожаловала тебя въ статсъ-дамы.

— Что вы, дядя, не надо, я пошутила...— торопливо заговорила Екатерина Васильевна.

— Иди, иди, я не шучу...— прикрикнулъ Потемкинъ.

Скавронская, видя его раздраженіе, волей неволей должна была повиноваться.

Смущенная предстала она передъ императрицей и подала ей записку князя.

Съ недовольнымъ лицомъ, съ нахмуренными бровями прочла государыня эту записку и несмотря на свое искусство притворяться и быть любезной, не смогла на этотъ разъ скрыть своего неудовольствія.

Не желая, впрочемъ, отказать Потемкину въ его просьбѣ, она на оборотѣ той же записки написала ему отвѣтъ, въ которомъ уведомила его, что исполнила его желаніе и сдѣлала его двадцатилѣтнюю племянницу статсъ-дамою.

Въ эти годы царствованія Екатерины пожалованіе этого высокаго званія было чрезвычайно рѣдко, а для такой молодой женщины званіе статсъ-дамы было положительно небывалымъ отличіемъ.

Начались толки и пересуды.

Новую счастливницу начали встрѣчать завистливыми взглядами.

Екатерина Васильевна, не любившая ни интригъ, ни сплетень, была очень рада оста-

вить дворъ, когда вскорѣ послѣ этого ея мужъ получилъ мѣсто посланника въ Неаполѣ.

Вотъ до чего доходило бадовство Потемкинымъ своей молодой племянницы.

Съ любовью относился князь и къ другимъ своимъ племянницамъ, а въ особенности къ Варварѣ Васильевнѣ, по мужу княгинѣ Голицыной.

Сохранилась переписка между дядей и этой племянницей, гдѣ попадаются выраженія въ родѣ «губки сладкія» и «улыбочка моя милая».

Но эти «сладкія губки» и «милая улыбка» тянули за каждую свою ласку и деньгами, и подарками, и надоѣдливymi просьбами о покровительствѣ роднымъ и поклонникамъ.

Племянницы князя, за исключеніемъ Екатерины Васильевны, какъ жадная стая набрасывались на подряды, рекомендовали могущественному дядѣ подрядчиковъ и срывали съ послѣднихъ громадныя куртажи.

Свѣтлѣйшій видѣлъ все это, но имѣлъ слабость смотрѣть на дѣйствія «дѣвчонокъ», какъ онъ продолжалъ называть даже уже замужнихъ своихъ племянницъ, сквозь пальцы.

Этимъ и объясняется болѣе сильная привязанность Григорія Александровича къ скромной, далеко не алчной и не надоѣдав-

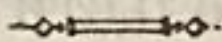
шей своими просьбами Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской.

Слѣдуетъ отмѣтить, какъ одну несимпатичную черту племянницъ свѣтлѣйшаго то обстоятельство, что онѣ какъ бы совершенно забыли, упоенныя роскошью и счастьемъ, о бѣдномъ мальчикѣ-сиротѣ Володѣ Петровскомъ, товарищѣ ихъ дѣтскихъ игръ во время ихъ скромной жизни въ Смоленскѣ.

По крайней мѣрѣ даже имя его никогда не упоминалось.

Таковъ былъ нравственный обликъ этихъ пресловутыхъ племянницъ знаменитаго дяди.

Строго судить ихъ, впрочемъ, нельзя—онѣ были дочери своего вѣка.

XVII.

Страсть сказалась.

На Васильевскомъ островѣ, въ роскошной золотой клѣткѣ, устроенной Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ для своей «жарь-птицы», какъ шутя называлъ князь Калис-еенію Николаевну, тянулась за эти годы совершенно иная своеобразная жизнь.

Полная беззаботность, окружающее довольство, возможность исполненія всѣхъ мимолетныхъ желаній и капризовъ, почти цар-

ская роскошь—всѣ эти условія жизни молодой женщины, казалось, должны бы сдѣлать ее совершенно счастливой.

Такъ, покрайней мѣрѣ, думалъ ея «свѣтлѣйшій» покровитель.

Калисѳенія Николаевна, дѣйствительно роскошно развилась за эти года и была гораздо красивѣе своей матери, когда та была въ ея лѣтахъ.

Читатели, вѣроятно, не забыли нарисованный нами ея очаровательный портретъ въ началѣ нашего правдиваго повѣствованія, а между тѣмъ этотъ портретъ относится къ болѣе позднѣйшему времени.

Въ описываемые же нами годы она была еще свѣжѣе, еще обольстительнѣе.

Была-ли однако, на самомъ дѣлѣ счастлива Калисѳенія Николаевна?

Она и сама не могла рѣшить совершенно утвердительно этого вопроса.

Порою она чувствовала себя въ такомъ состояніи, которому она не могла ни подыскать названія, ни объяснить его причины.

Ее вдругъ снѣдала такая безотчетная грусть, что ей до нельзя противѣло все окружающее, ей хотѣлось куда то бѣжать, бѣжать безъ оглядки, но куда и зачѣмъ—на эти вопросы она не была въ состояніи дать отвѣтъ.

Первый такой припадокъ грусти случился съ молодой женщиной года черезъ два послѣ переселенія ея на Васильевскій островъ.

Калисоеенія Оемистокловна страшно обезпокоилась.

— Что съ тобой, Каля, что съ тобой?— въ необычайномъ волненіи спросила она у плачущей дочери.

— Мнѣ скучно, мама, скучно...

— Съ чего же тебѣ, дурочка, скучно... ка-
жись все у тебя есть, и наряды, и золото, и
лакомства, развѣ только птичьяго молока не
достаетъ...

— Не знаю сама съ чего, а только скучно,
скучно...

Молодая женщина зарыдала.

— Перестань, перестань, глаза испор-
тишь, развѣ можно плакать, отъ слезъ глаза
выцвѣтають, ужъ я съ твоимъ отцомъ въ мо-
лодости и горе видала, да и то не плакала,
боялась...

— Чего?— сквозь слезы спросила дочь.

— А вотъ того, что глаза выцвѣтутъ...

— И пусть выцвѣтутъ...

— Что ты, что ты, въ умѣ ли ты... Тогда его
свѣтлость на тебя и не взглянетъ...

— И пусть не глядитъ... Противень и онъ
мнѣ, такъ противень... и всѣ... и все...

— Шшш... замахала на нее руками Калис-

еенія Θεμισстокловна и боязливо стала оглядываться по сторонамъ, не смотря на то, что онѣ были только вдвоемъ съ дочерью въ будуарѣ послѣдней.—Неровень часъ, кто услышитъ...

— И пусть слышитъ, я и сама ему скажу, не поцеремонюсь ..

— Ошалѣла совсѣмъ!—только махнула рукой мать и пошла къ двери.

Дочь закрыла лицо руками и откинулась на спинку удобнаго кресла.

— Скучно, скучно! — снова простонала она и затопала ногами.

Калисеенія Θεμισстокловна остановилась у двери, раскрыла было ротъ, чтобы что-то сказать, но не сказала, а только покачала головой и вышла изъ комнаты, плотно притворивъ за собою дверь.

Она поняла.

Для нея, испытанной въ дѣлѣ страсти женщины, стало вдругъ совершенно ясно состояніе ея дочери.

Размѣнивавшійся на множество любовныхъ приключеній, Потемкинъ не могъ дать ей того, что требовала ея страстная животная натура, унаслѣдованная ею отъ ея матери, всосанная вмѣстѣ съ ея молокомъ, развитая этою же матерью чуть ли не съ самаго ранняго періода зрѣлости дѣвочки-подростка и

подогрѣтая праздностью и окружающей ее нѣгой.

— Ей надо развлечься!—рѣшила Калисее-
нія Оемистокловна, весьма своеобразно, какъ
мы увидимъ въ послѣдствіи, понимавшая по-
слѣднее слово.

Надо замѣтить, что не смотря на замкну-
тость жизни молодой Калисееніи, ея мать,
все еще мечтавшая о побѣдахъ надъ муж-
скими сердцами, имѣла обширный кругъ зна-
комства среди блестящей молодежи Петер-
бурга.

Старѣющая красавица нельзя сказать, что-
бы совершенно не понимала, что расточае-
мая ей любезности и подносимые подарки
были направлены по адресу «потемкинской
затворницы», но все же эти ухаживанія прі-
ятно щекотали ея женское самолюбіе, а меж-
ду молодыми поклонниками Калисееніи Ни-
колаевны находились и такіе, которые въ дѣ-
лѣ задабриванья маменьки шли дальше уха-
живанья, подарковъ и траты денегъ.

Калисеенія Оемистокловна, хотя и за счетъ
своей дочери, но все же, какъ она выража-
лась, «еще жила».

Она старалась откинуть мысль, что ее под-
купаютъ даже ласками и зачастую ей впол-
нѣ удавался этотъ самообманъ.

Покровительствовать интрижкамъ своей

дочери съ ея поклонниками она и не помышляла, хотя и подавала имъ неясныя надежды, такъ какъ это было для нея выгодно.

Кованная шкатулка снова начала отпираться довольно часто.

Если она воздерживалась отъ осуществленія подаваемыхъ ею надеждъ поклонникамъ дочери, хотя это осуществленіе рисовало ей еще большую, чѣмъ теперь прибыль, то она дѣлала это исключительно изъ боязни «свѣтлѣйшаго».

Григорія Александровича она боялась какъ огня.

Замѣтивъ и понявъ непонятную для самой ея дочери находившую на нее безпричинную тоску, Калисѣенія Ѳемистокловна серьезно задумалась

— Тоскуетъ, мечется, сама не знаетъ, чего хочетъ! — соображала она. — Знаемъ мы эту тоску, сами тоже въ молодости тосковали... Не углядишь за молодой бабой, бросится на шею какому нибудь первому встрѣчному, ни ей корысти, ни мнѣ прибыли, да и влопается передъ «свѣтлѣйшимъ», какъ куръ во щи... Сживетъ со свѣту тогда онъ и ее, и меня... Много ли намъ передъ нимъ надо... Давнулъ пальцемъ и только мокренько будетъ...

Такъ рассуждала сама съ собой, сидя въ

своей комнатѣ, на отведенной ей отдѣльной половинѣ дома, старая куртизанка.

Мысль, что «свѣтлѣйшій» давнетъ пальцемъ, заставила ее задрожать.

Нѣсколько успокоившись, она снова начала обсуждать вопросъ и мысли, въ родѣ того, что «за бабой не усмотришь», что она одна попадется «какъ куръ во щи», снова еще съ большей настойчивостью посѣтили ея голову.

Приходилось принимать рискъ на себя, то есть начать покровительствовать интригамъ пылкой дочери, но дѣлать это такъ, чтобы не только «свѣтлѣйшій», но даже комаръ не подточилъ носа.

Калисѣеніи Ѳемистокловнѣ было страшно но она остановилась все же на этомъ рѣшеніи.

Не скроемъ, что пополненіе кованной шкапулки играло въ немъ роль главнаго двигателя.

— Порадѣю о дочкѣ, своей шкуры не пожалѣю, а порадѣю, а то она такъ съ тоски пропадетъ, всю свою красоту въ слезахъ утопитъ... Что хорошаго... И такъ и этакъ, а «свѣтлѣйшій» отъ нея рыло отворотитъ...

Наединѣ съ собой и мысленно она позволяла себѣ такіа фамиллярныя выраженія относительно князя Потемкина.

— Хитерь, хитерь, Григорій Александровичъ, а баба хитрѣе его.. Проведу и выведу... — утѣшала и подбадривала себя Калисѣенія Ѳемистокловна. — «Гдѣ чортъ не съумѣетъ, тамъ бабу пошлетъ», — вспомнилась ей русская поговорка.

Она даже улыбнулась.

Опасная игра, которую она вознамѣрилась предпринять, стала представляться ей заманчивой, возбуждающей нервы.

Она была въ положеніи азартнаго по природѣ игрока, ставящаго на карту все свое состояніе и даже порою честь и жизнь.

Говорятъ и въ этомъ есть своя прелесть.

Калисѣенія же Ѳемистокловна, по своей натурѣ, была азартнымъ игрокомъ.

Можно быть имъ, никогда не бравши въ руки картъ.

Жизнь — есть также только колоссальное зеленое поле, гдѣ судьба мечетъ банкъ и люди понтируютъ.

«Смѣлость города беретъ» — говоритъ русская пословица, а эта смѣлость не есть ли жизненный азартъ!

Калисѣенія Ѳемистокловна окончательно рѣшилась.

Она стала постепенно готовить дочь къ измѣнѣ своему покровителю.

Она не встрѣтила со стороны послѣдней отпора.

Воспріимчивая для такого сѣмени почва была подготовлена самой Калисѣеиной Ѳемистокловной.

Она, кромѣ того, угадала причину болѣзни своей дочери.

Въ молодой женщинѣ дѣйствительно сказаласть страсть.

Осторожно, подѣ покровомъ величайшей тайны, начались устраиваемыя матерью свиданья съ избранными поклонниками ея дочери.

Опасность и тайна придавали имъ особую прелесть.

Пришлось имѣть преданныхъ, хорошо оплачиваемыхъ слугъ, но этотъ расходъ былъ ничтоженъ сравнительно съ приходомъ.

Кованная шкатулка Калисѣеиной Ѳемистокловны наполнялась.

Чтобы быть справедливымъ, надо замѣтить, что Калисѣеиная Николаевна не была посвящена матерью въ финансовую сторону доставляемыхъ ей ея «доброй маменькой» развлеченій.

Получаемые ею подарки она, конечно, считала лишь знаками вниманія и выраженіемъ чувствъ своихъ счастливыхъ избранниковъ.

Съ искусствомъ опытной куртизанки Ка-

лисеенія Θεμισстокловна не давала дочери привязаться ни къ одному изъ ея обожателей.

Шли годы.

Потемкинъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно поведенія своей «жаръ-птицы».

Калисеенія Θεμισстокловна торжествовала побѣду надъ хваленою прозорливостью «свѣтлѣйшаго».

Но она, такъ изучившая русскія пословицы, забыла одну изъ нихъ: «Какъ веревку ни вить, а все концу быть»

Конецъ дѣйствительно наступилъ.

Однимъ изъ послѣднихъ рекомендованныхъ и покровительствуемыхъ Калисееніей Θεμισстокловной обожателей дочери былъ высокій статный красавецъ секундъ-маіоръ Василій Романовичъ Щегловскій.

Жизнь его была полна приключеній, сдѣлавшихъ его имя окруженнымъ ореоломъ героя.

Онъ вступилъ въ военную службу солдатомъ при императрицѣ Елизаветѣ, участвовалъ въ походѣ въ семилѣтнюю войну и находился при штурмѣ Бендеръ въ арміи графа Панина.

Въ 1777 году, во время похода въ Судакскихъ горахъ былъ раненъ въ шею и въ го-

лову стрѣлою и въ руку кинжаломъ. Обезсиленный отъ потери крови, онъ упалъ и былъ взятъ въ плѣнъ турками.

Въ плѣну онъ находился четыре года до заключенія мира

Обласканный императрицей Екатериной, онъ сдѣлался по возвращеніи изъ плѣна кумиромъ дамъ высшаго петербургскаго свѣта,

Ловкій танцоръ, онъ однажды на придворномъ балу въ присутствіи государыни перемѣнилъ въ малороссійской мазуркѣ четыре дамы.

Императрица, восхищенная его ловкостью и граціей, рукоплескала и наградила ловкаго танцора послѣ бала золотою табакеркою.

Василій Романовичъ былъ большой пріятель Семена Гавриловича Зорича, любимца императрицы Екатерины.

Они были оба товарищами по службѣ и оба молодыми и оба красавцами и почти одновременно были взяты въ плѣнъ турками.

Храбрый майоръ Зоричъ былъ въ тѣхъ же Судакскихъ горахъ окруженъ непріателемъ, храбро защищался, но когда увидалъ, что надо сдаться, закричалъ:

— Я капитанъ-паша.

Это слово спасло ему жизнь.

Капитанъ-паша по турецки полный гене-

ралъ. — Зорича отвезли къ султану въ Константинополь.

Его важный видъ, осанка, разговоръ, все побудило султана отличить его и даже предлагать перейти въ турецкую службу, впрочемъ, съ тѣмъ чтобы онъ перемѣнилъ вѣру.

Семень Гавриловичъ отказался, не смотря ни на угрозы, ни на пышныя обѣщанія.

Когда политическія обстоятельства перемѣнились, султанъ пожелавъ склонить императрицу къ миру, согласился на размѣнъ плѣнныхъ и въ письмѣ поздравилъ государыню, что она имѣетъ такого храбраго генерала, какъ Зоричъ, который отвергъ всѣ его предложенія.

Государыня приказала справиться и по справкамъ ей было доложено, что никакого генерала Зорича не было взято въ плѣнъ, а взять майоръ Зоричъ.

Возвращенный въ Петербургъ, Семень Гавриловичъ былъ представленъ императрицѣ.

— Вы майоръ Зоричъ? спросила Екатерина.

— Я, ваше величество—отвѣчалъ онъ.

— Съ чего же вы назвались русскимъ капитаномъ-нашею, вѣдь это полный генералъ?

— Виноватъ, ваше величество, для спасенія жизни своей и, что бы имѣть счастье служить вашему величеству.

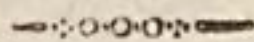
— Будьте же вы генераломъ—сказала императрица—турецкій султанъ хвалить васъ, и я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили.

И майоръ былъ сдѣланъ генераломъ.

Въ описываемое нами время онъ жилъ въ своемъ роскошномъ имѣньи въ Шкловѣ.

Василій Романовичъ Щегловскій жуировалъ въ Петербургѣ одинъ.

Увлечшись «потемкинской затворницей» онъ добился ея взаимности, не жалѣя золота для матери «жарь-птицы».

XVIII.

Въ монастырь.

Связь Калисѣеніи Николаевны съ майоромъ Щегловскимъ носила нѣсколько иной характеръ, нежели ея мимолетныя интрижки съ другими.

Молодая женщина впервые увлеклась своимъ любовникомъ и увлеклась серьезно.

Происходило это, быть можетъ, отъ ихъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на жизнь и характеровъ.

Крайности, говорятъ, французы, сходятся.

Калисѣенія Николаевна и Щегловскій были несомнѣнныя крайности.

Онъ былъ образованный, начитанный идеалистъ, она не воспитанная, полуобразованная дитя природы, почти дикарка обворожительная, полная нѣги восточная женщина.

Она жадно вслушивалась въ его рѣчи.

Онъ открывалъ ей новый міръ, иной нежели рисовала ей ея мать.

— Вѣрите ли вы въ любовь?—разъ спросила она его.

— Слышать отъ прелестнѣйшей изъ женщинъ такой вопросъ по меньшей мѣрѣ странно.

— Это любезность, а я хочу слышать прямой отвѣтъ.

— Тогда я спрошу васъ въ свою очередь, что вы понимаете подъ словомъ «вѣрить въ любовь»?

— Ну можетъ быть я не такъ выразилась, словомъ, я хочу знать, что вы думаете о любви?

— То что думалъ Эзопъ о языкѣ, что это все, что есть лучшаго, и все что есть худшаго...—отвѣчалъ Василій Романовичъ.

— Вы все шутите...

— Нисколько... Я говорю совершенно серьезно... Любовь есть все, что есть въ мірѣ великаго, благороднаго, прекраснаго, самаго сладостнаго, самаго сильнаго, словомъ сама-

го лучшаго, если она искренняя, полная, то есть, заключаетъ въ себѣ всѣ чувства, изъ которыхъ состоитъ и безъ которыхъ не можетъ существовать: довѣріе, уваженіе, безграничная преданность, доходящая до жертвъ и до самопожертвованія.

— О, какъ хорошо вы это говорите!—воскликнула Калисѣенія Николаевна.

— А съ другой стороны любовь есть все, что есть лживаго, низкаго, презрѣннаго, то есть все, что есть худшаго, если она служить для удовлетворенія грубаго инстинкта и проходящаго каприза. Первая даетъ высшее счастье, которое лестно испытать на землѣ, а вторая оставляетъ разочарованіе презрѣніе, отвращеніе и горькія сожалѣнія. Одна возвышаетъ душу, другая унижаетъ ее. Одна внушаетъ великія мысли, другая дурные, низменные помыслы.

— Я въ первый разъ слышу такое прекрасное опредѣленіе любви! — наивно воскликнула Калисѣенія Николаевна.

Дѣйствительно, въ жизненной школѣ своей матери она не могла услыхать его.

Василій Романовичъ посмотрѣлъ на нее съ восторженнымъ сожалѣніемъ, но молчалъ.

— Отчего же не всѣ понимаютъ такъ, какъ вы это прекрасное, возвышенное чувство... Отчего я не слыхала ни отъ кого такого чуд-

наго опредѣленія любви... Ужели всѣ люди созданы для неизменной любви...

— Увы, времена героевъ навсегда миновали,—отвѣчалъ Щегловскій,—поэзія медленно умираетъ, какъ сломленный бурею роскошный цвѣтокъ, вѣра въ людяхъ поколеблена, матеріализмъ торжествуетъ всюду. Остались, безъ сомнѣнія, и останутся и въ будущемъ единичныя личности, люди, преданные завѣтамъ прошлаго, культу величайшей изъ религій, религій любви, но число такихъ отсталыхъ, какъ принято называть ихъ, людей уменьшается день ото дня. Скоро они будутъ также рѣдки, какъ допотопные ископаемые. Въ наше время любовь—только удовольствіе. Она подошла подъ вторую часть опредѣленія Эзопа: все, что есть худшее...

Василій Романовичъ засмѣялся.

— Вы смѣетесь?—удивленно спросила его молодая женщина.

— Я дѣйствую въ этомъ случаѣ по методу Бомарше: онъ всегда спѣшитъ смѣяться, чтобы не заплакать... Я думаю, что все таки слѣдуетъ прикрывать легкимъ газомъ печальную дѣйствительность...

Эти и подобныя рѣчи своеобразнаго поклонника увлекали молодую женщину, открывая ей совершенно новый міръ: она пресытилась уже лекарствомъ, прописаннымъ ей

ея матерью, ей хотѣлось новыхъ неизвѣданныхъ ощущеній.

Она нашла ихъ въ связи съ Щегловскимъ, связи, подбитой имъ подкладкой романтизма, еамоотверженной, идеальной любви, не мѣшавшей стремиться къ ея «апоѳеозу», какъ называлъ идеалистъ Щегловскій, близость къ любимой женщиной.

Калисѳенія Ѳемистокловна не присутствовала при этихъ разговорахъ дочери съ Василиемъ Романовичемъ, иначе бы она чутко угадала опасность отъ такого восторженнаго, или какъ бы она назвала бы его «шалаго» человека.

Опасность дѣствительно была и вскорѣ оказались ея печальные результаты.

Влюбленный по уши въ Калисѳенію Николаевну, Щегловскій, не охлажденный даже близостью къ ней, былъ болтливъ какъ всѣ влюбленные.

Его восторженные отзывы о «потемкинской затворницѣ», возбудили надъ нимъ насмѣшки товарищей и дали пищу злымъ языкамъ.

Сплетни о влюбленномъ въ «прекрасную гречанку» маіоръ дошли до приближенныхъ князя Потемкина и эти послѣдніе не замедлили довести ихъ до свѣдѣнія «свѣтлѣйшаго».

На послѣдняго это извѣстіе не произвело.

повидимому, особеннаго впечатлѣнія. При его Взглядѣ на женщинъ, вѣрность не считалась имъ въ числѣ ихъ прелестей. Качества женщины, по мнѣнію Григорія Александровича, заключались только въ этихъ прелестяхъ—женскихъ же добродѣтелей онъ не признавалъ совершенно.

Хорошо понимая человѣческую натуру, онъ и не ожидалъ, чтобы полная жизни и силъ красавица Калисеенія могла довольствоваться его рѣдкими ласками, но съ другой стороны онъ былъ твердо увѣренъ, что она измѣнила ему не по собственной инициативѣ, такъ какъ сдѣлала бы это менѣе умѣло, что во всей открывшейся передъ нимъ путемъ наведенныхъ справокъ, закулисной жизни его любовницы видна опытная рука куртизанки—ея матери.

Адъютантъ Бауръ, наводившій, по порученію свѣтлѣйшаго, эти справки, представилъ ему обстоятельный докладъ именно въ этомъ освѣщеніи.

Онъ даже разузналъ и о завѣтной кованой шкатулкѣ.

— Хорошо, я справлюсь съ этой гадиной... сказалъ Григорій Александровичъ, нахмуривъ брови.

Мысль его перенеслась на его послѣдняго соперника майора Щегловскаго.

Для Потемкина были почти безразличны интриги «жарь-птицы» съ безвѣстными молодыми офицерами и петербургскими блазнями, какъ тогда называли франтовъ, и онъ, повторяемъ, считалъ ихъ даже естественными для молодой женщины, но красавецъ-маіоръ Щегловскій, извѣстный государынѣ, и пользующійся ея благоволеніемъ, былъ уже, пожалуй, настоящимъ соперникомъ.

Хвастающійся своею близостью къ любовницѣ князя онъ дѣлалъ его уже смѣшнымъ въ глазахъ свѣта, тогда какъ тѣ другіе, пользуясь взаимностью Калисѣевны Николаевны, крали только крохи, падающія отъ стола господъ, не смѣя заикнуться объ этомъ, боясь гнѣва его, «свѣтлѣйшаго».

Соперничество съ Щегловскимъ подняло цѣлую бурю оскорбленнаго самолюбія князя Потемкина.

Онъ, конечно, могъ уничтожить его однимъ взмахомъ пера, могъ отправить въ крѣпость, гдѣ и оставить на всю жизнь—все это было въ его власти.

Но теперь это имѣло бы видъ устраненія соперника, т. е. признанія его опаснымъ, а это значило бы подлить масла въ огонь свѣтской насмѣшки.

Надо было дѣйствовать иначе.

Григорій Александровичъ подумалъ съ ми-

нуту, ходя по своему кабинету, затѣмъ пошелъ къ письменному столу и написалъ на бумагѣ нѣсколько строкъ.

Это было порученіе секундъ-маіору Щегловскому немедленно отбыть въ Таврическую губернію для принятія участія въ начавшихся тамъ приготовленіяхъ къ пріѣзду государыни.

Порученіе было болѣе чѣмъ лестно, а между тѣмъ удаляло отъ Петербурга и отъ Калисееніи Николаевны влюбленнаго и болтливаго маіора.

Въ виду спѣшнаго дѣла на сборъ командированному было дано всего двадцать четыре часа времени.

Объявить эту милостивую волю «свѣтлѣйшаго» къ Василю Романовичу былъ посланъ одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, которому было строго наказано не дозволять имѣть Щегловскому ни съ кѣмъ секретныхъ сношеній, а искусно провести съ нимъ эти назначенные для сборовъ сутки, оказывая всякую помощь.

Щегловскій понялъ, что кроется подъ этимъ порученіемъ, и былъ радъ, что отдѣляется лишь временнымъ удаленіемъ изъ Петербурга, да еще съ такимъ лестнымъ порученіемъ.

Не можемъ скрыть, что при роковой догад-

къ, что «свѣтлѣйшему» все извѣстно, любовь маіора къ прекрасной «гречанкѣ» сильно уменьшилась.

Своя рубашка ближе къ тѣлу даже идеалиста.

— Заслужу ужъ я его свѣтлости, за мизость—думалъ Василій Романовичъ.—Вѣдь захотѣлъ бы, могъ въ казематѣ сгноить, гдѣ на него найдешь управу...

Съ этой-то надеждой «заслужить» выѣхалъ Щегловскій на другой день къ вечеру изъ Петербурга.

Адъютантъ Потемкина простился съ нимъ за городской заставой, пожелавъ счастливаго пути и тотчасъ же, по возвращеніи, явился съ докладомъ объ исполненномъ порученіи къ «свѣтлѣйшему».

Черезъ нѣсколько дней Григорій Александровичъ поѣхалъ на Васильевскій островъ.

Калисѳенія Николаевна встрѣтила его по обыкновенію, цвѣтушая, сіяющая и довольная.

Она и не притворялась.

Отъѣздъ Щегловскаго опечалилъ ее на какіе нибудь полчаса—ей, признаться сказать, довольно таки надоѣлъ восторженный поклонникъ-проповѣдникъ и не говори мать всегда въ его пользу, она давно бы сама показала ему двери.

Князь тотчасъ все это смекнулъ и остался доволенъ.

Никогда онъ не былъ такъ ласковъ, такъ любезенъ съ своей «жаръ-птицей».

Завѣдомыя ея измѣны придали ей въ его глазахъ даже какую-то особенную пикантность.

Такова была странная натура «свѣтлѣйшаго».

— Тотъ товаръ и хорошъ, который на расхватъ!

Такимъ циничнымъ афоризмомъ подтверждалъ Григорій Александровичъ свою мысль.

Мы знаемъ, что женщина въ его глазахъ, была не далеко отъ товара.

Съ вышедшей къ нему во время его отъѣзда Калисѣеніей Ѳемистокловной князь былъ тоже очень милостивъ.

Это успокоило трусливую, «старую куртизанку», на которую командировка Щегловскаго произвела впечатлѣніе удара грома.

— Узналъ, все узналъ... сгнѣшь... пропадешь!—думала она.

Пріѣздъ свѣтлѣйшаго и его привѣтливость разсѣяли ея опасенія.

Увы, не на долго.

Поболтавъ нѣсколько времени съ дочерью, лежавшею въ постели, она удалилась на свою

половину, но вошедши въ свой будуаръ, остановилась, какъ вкопанная.

Передъ ней стоялъ офицеръ въ адъютантской формѣ и два солдата.

Она сразу поняла все.

— По приказанію его свѣтлости я васъ арестую! — сказалъ офицеръ. — Предупреждаю, что всякое сопротивленіе будетъ бесполезно, въ случаѣ неповиновенія, мы употребимъ силу. Извольте одѣваться.

— Куда... въ Сибирь? — сдавленнымъ голосомъ произнесла Калисеенія Ѳемистокловна.

Она какъ-то сразу вся съежилась и состарилась.

— Нѣтъ, много ближе! — улыбнулся адъютантъ.

— Позвольте мнѣ уложиться...

— Все уложено... Мы распорядились ранѣе, отдавъ приказаніе вашей прислугѣ.

Офицеръ указалъ ей на маленькій чемоданъ, который держалъ въ рукахъ одинъ изъ солдатъ.

Верхнее, теплое платье—дѣло было зимой—тоже было уже вынуто изъ шкафа и положено на кресло.

Калисеенія Ѳемистокловна стала одѣваться.

— Вы мнѣ позволите взять еще шкатулку?

— Нѣтъ, по приказанію его свѣтлости шкатулка должна быть передана вашей дочери.

Калисѣенія Ѳемистокловна вздрогнула.

— Она на нее имѣетъ болѣе правъ, чѣмъ вы! Это подлинныя слова его свѣтлости,—добавилъ адъютантъ.

Преступная мать опустила голову.

Въ сопровожденіи двухъ солдатъ она вышла изъ дому.

У подъѣзда стояла тройка.

Одинъ изъ солдатъ сѣлъ на облучекъ къ ямщику, другой посадилъ Калисѣенію Ѳемистокловну въ повозку, сѣлъ рядомъ и крикнулъ:

— Пошелъ.

Тройка понеслась.

Оставшись въ домѣ, адъютантъ приказалъ послѣ отъѣзда матери доложить о себѣ дочери.

Та въ страшной тревогѣ вскочила съ постели и, накинувъ капоть, приняла поздняго гостя.

Онъ передалъ ей шкатулку ея матери и письмо Григорія Александровича.

Въ этомъ письмѣ свѣтлѣйшій увѣдомлялъ ее, что въ виду дурнаго на нее вліянія ея матери, онъ отправилъ ее на вѣчное заключеніе въ монастырь. «Въ шкатулкѣ, которая тебѣ будетъ передана, находятся деньги и

подарки, за которые эта безсовѣстная женщина продавала твои ласки безъ твоего вѣдома. Вотъ какова твоя мать, постарайся не быть на нее похожей, чтобы съ тобой не случилось того же», — заключалъ письмо свѣтлѣйшій.

Къ чести Калисѣеніи Николаевны надо замѣтить, что она сдѣлала жестъ омерзѣнія, читая эти строки, и онѣ еще болѣе ослабили и вообще не сильное впечатлѣніе, которое произвела на дочь судьба матери.

Калисѣенія Ѳемистокловна, посѣявъ въ сердцѣ дочери лишь холодный эгоизмъ, пожала плоды своихъ трудовъ.

Она, дѣйствительно, была заключена въ Спасскій монастырь въ Казани, откуда тотчасъ же прислала отчаянное письмо дочери съ просьбой выхлопотать ей прощенье у свѣтлѣйшаго.

Калисѣенія Николаевна, однако, благоразумно объ этомъ даже не заикнулась передъ Григоріемъ Александровичемъ, довольно часто ее навѣщавшимъ.

Объ ея матери онъ даже не упоминалъ, какъ будто ее никогда и не было на свѣтѣ.

Молчала и молодая женщина.

Она даже повела почти затворническую жизнь.

Это, впрочемъ, продолжалось только до

отъѣзда «свѣтлѣйшаго» изъ Петербурга, послѣ котораго у «жарь-птицы» появились новыя поклонники и въ числѣ ихъ князь Василій Андреевичъ Святозаровъ.

Но не будемъ опережать событій.

XIX.

Н а ю г ъ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ выказаннаго императрицей Екатериной намѣренія посѣтить вновь присоединенныя провинціи, или какъ она, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, шутя говорила: «обозрѣть свое маленькое хозяйство», прежде чѣмъ это намѣреніе осуществилось.

Наступило 1 января 1787 года.

День новаго года прошелъ при дворѣ, по обыкновенію, торжественно и шумно.

Весь дворъ и дипломатическій корпусъ собрались поздравить государыню.

На улицахъ было необычайное оживленіе.

На другой день это оживленіе еще болѣе усилилось. Народъ положительно запрудилъ всѣ улицы Петербурга отъ Зимняго дворца до Московской заставы.

Этотъ день былъ назначенъ государыней

днемъ торжественнаго ея выѣзда изъ столицы въ далекое путешествіе.

Вѣсть объ отѣздѣ «матушки-царицы» съ быстротою молніи облетѣла весь городъ съ пригородами и народъ широкой волной повалилъ къ Зимнему дворцу проводить свою обожаемую монархиню.

Ровно въ полдень началась пальба изъ пушекъ и колокольный звонъ и при этихъ смѣшанныхъ звукахъ торжества императрица выѣхала изъ дворца съ многочисленной свитой.

Въ этой свитѣ находились, между прочими, посланники: австрійскій — Кобенцель, французскій — Сегюръ и англійскій — Фицгербертъ.

Они попеременно ѣхали въ одной каретѣ съ императрицей.

Длинный императорскій поѣздъ медленно подвигался среди моря обнаженныхъ головъ.

Громкое «ура» раскатывалось по городу и заглушало и пушечную пальбу и колокольный звонъ.

Картина была умилительная, встрѣчающаяся только въ Россіи, гдѣ восторгъ народа при видѣ своей царицы-матушки или царя - батюшки искренно - непосредствененъ и сердечно-шуменъ.

Подобныя оваціи не поддаются описанію —

человѣческое перо слишкомъ слабо для выраженія народнаго восторга при видѣ его государя.

Не одними хотя и краснорѣчивыми русскими «ура» сопровождалъ народъ поѣздъ своей обожаемой государыни.

Слышались и другіе прямо отъ сердца исходившіе крики.

— Счастливаго пути, матушка царица! — раздавалось въ одномъ мѣстѣ.

— Да здравствуетъ государыня! — несло въ другомъ.

— Матушка наша, царица свѣтлая, вернись скорѣй... раскатывалось въ третьемъ.

Государыня милостиво кланялась и видимо была растрогана этимъ выраженіемъ любви и преданности своихъ подданныхъ.

Подъ гулъ такихъ искреннихъ сердечныхъ народныхъ привѣтствій, выѣхала императрица изъ Петербурга, но не тотчасъ же отправилась на югъ.

Въ Царскомъ Селѣ была продолжительная остановка.

Государыня прожила тамъ четыре дня и лишь съ 6 января началось это незабвенное на скрижаляхъ русской исторіи путешествіе Екатерины по Россіи.

Государыня ѣхала не спѣша.

Выѣзжала она обыкновенно въ 9 часовъ

утра, въ полдень была остановка для обѣда до трехъ часовъ, а въ семь часовъ вечера, прѣзжала на ночлегъ въ заранѣе опредѣленное мѣсто.

На каждой станціи было заготовлено отъ 500 до 600 лошадей.

Всюду пріемъ былъ достоинъ высокой путешественницы.

Маршрутъ путешествія былъ разсчитанъ предусмотрительнымъ Потемкинымъ такъ, что государыня не могла чувствовать ни усталости, ни скуки.

Обѣды обыкновенно готовились въ нарочно для этой цѣли отремонтированныхъ и роскошно убранныхъ казенныхъ зданіяхъ, рѣже на помѣщичьихъ мызахъ.

Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцамъ имѣній, по распоряженію Григорія Александровича, были отпущены громадныя суммы, такъ какъ нѣкоторые, даже сравнительно богатые помѣщики, не могли бы принять достойнымъ образомъ государыню и были бы поставлены въ затруднительное положеніе.

Вся столовая посуда и бѣлье каждый разъ были совершенно новыя и послѣ обѣда отдавались въ подарокъ хозяевамъ на память о посѣщеніи высокой гостыи.

Необычайный восторгъ и счастье распро-

страняла государыня всюду, гдѣ ни появлялась.

Слѣдомъ за ней неслись благословенія и самыя искреннія лучшія пожеланія.

Если попадались болѣе длинныя разстоянія безъ селеній и жилья, то передъ взорами путешественниковъ въ назначенномъ мѣстѣ, какъ изъ земли выростали роскошные дворцы, нарочно выстроенные по приказанію Потемкина.

Здѣсь въ виду отсутствія хозяевъ серебряную и золотую посуду императрица дарила кому-нибудь изъ своей многочисленной свиты.

На границѣ каждой губерніи императрицу встрѣчалъ мѣстный губернаторъ и сопровождалъ до границы другой губерніи.

Въ нѣкоторыхъ, даже небольшихъ городахъ императрица останавливалась на нѣсколько дней, не столько для отдыха, сколько для внимательнаго изученія экономическаго состоянія этихъ городовъ.

Отъ наблюдательности государыни не смотря на приготовленныя народныя встрѣчи не ускользало ничего — она выносила изъ всего того, что видѣла, знаніе не только казовой стороны своего государства, но и старательно отъ нея скрываемую оборотную сторону медали.

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, она встрѣчала радовавшія ея сердце картины.

Григорій Александровичъ умѣлъ показать товаръ лицомъ.

Дѣятельныя приготовленія начались еще съ 1784 года.

Григорій Александровичъ отправилъ бригадиру Синельникову и другимъ своимъ непосредственнымъ подчиненнымъ ордера съ подробнымъ росписаніемъ, гдѣ надо было строить дворцы, по проектамъ, набросаннымъ самимъ «свѣтлѣйшимъ», гдѣ должны были происходить обѣденные столы, ночлеги, станціи.

Это были, такъ сказать, подготовительныя работы, главные же приготовленія на югѣ происходили уже подъ личнымъ наблюденіемъ самого князя.

Тысячи рабочихъ, согнанныхъ изъ разныхъ областей государства, трудились надъ созданіемъ Екатеринослава, города, которому Потемкинъ въ своемъ пылкомъ воображеніи предназначилъ возвѣщать во вѣки вѣковъ «славу Екатерины» и онъ долженъ былъ по его проекту превзойти всѣ величайшіе европейскіе города.

Кременчугъ князь возвысилъ на степень столичнаго города, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду,

Возникали цѣлые города.

Такъ, возникли Алешки на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона, городъ не существовавшій еще въ октябрѣ 1786 г, а въ апрѣлѣ 1787 года уже отстроенный и населенный малороссами и запорожцами.

Полковнику Корсакову, которому было поручено устройство дороги въ Крымъ черезъ Кизикерманъ и Перекопъ, Григорій Александровичъ писалъ:

«Сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Екатерининскій путь».

На ряду съ этими грандіозными работами князь не забывалъ и мелочей. Прослушивалъ торжественную ораторію, приготовленную къ пріѣзду Екатерины извѣстнымъ итальянскимъ капельмейстеромъ и композиторомъ Сарти, собственноручно написалъ тему, которую долженъ былъ развить въ своей привѣтственной рѣчи духовный витія архіепископъ екатеринославскій и таврическій Амвросій.

На тріумфальныхъ воротахъ въ Перекопѣ по приказанію князя, красовалась надпись: «Предпослала страхъ и принесла миръ».

Наконецъ положительно тріумфальное шествіе государыни приблизилось къ Кіеву.

Здѣсь встрѣтилъ свою повелительницу

Григорій Александровичъ Потемкинъ и его племянницы графиня Александра Васильевна Бранницкая и Екатерина Васильевна Скавронская.

Въ Кіевѣ государыня должна была сдѣлать продолжительную остановку.

Надо было ожидать вскрытія Днѣпра, такъ какъ дальнѣйшій путь предстоялъ водою.

Гигантская, почти титаническая работа была предпринята и въ короткое время исполнена подъ наблюденіемъ Григорія Александровича.

Днѣпръ былъ очищенъ отъ пороговъ и вмѣстѣ съ появленіемъ на его водахъ Екатерины эти воды сдѣлались судоходными.

Десятки великолѣпно отдѣланныхъ галеръ составившихъ цѣлую увеселительную флотилію съ весеннихъ дней запестрѣли на великой рѣкѣ.

Въ нихъ должно было размѣститься три тысячи человѣкъ.

Галера императрицы носила названіе «Днѣпръ» и была отдѣлана съ необычайною пышностью.

На «Бугѣ», такъ называлась галера Потемкина, ѣхалъ самъ устроитель этой исторической фееріи.

Галера «Десна» приспособлена была для

общирной столовой, гдѣ государыня дала торжественные обѣды.

Южная весна вступила въ свои права.

Въ день отплыва императорской флотиліи стояла великолѣпная погода.

Галера «Днѣпръ» шла впереди, а за ней слѣдовало еще сорокъ девять судовъ.

Во всѣхъ этихъ судахъ были устроены великолѣпныя каюты, кабинеты, будуары для дамъ.

Яркое солнце съ яснаго, свѣтлаго неба освѣщало покрытые роскошною растительностью берега.

Какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ передъ взорами очарованныхъ путешественниковъ смѣнялись восхитительные пейзажи.

Оживленные сбѣжавшимся народомъ для привѣтствій своей обожаемой монархини, берега, на которыхъ то и дѣло попадались богатые селенія, красивыя дачи, поля, засеяныя пшеницею, пастбища, наполненные стадами, указывали на несомнѣнное благосостояніе жителей.

Императрица была въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

Она воочію убѣдилась, что всѣ наговоры враговъ ея знаменитаго избранника и ученика были черной клеветой.

Положительнымъ триумфаторомъ ѣхалъ на

«Бугѣ» самъ «магъ и волшебникъ» Цотемкинъ.

Онъ совершенно переродился

Во время остановки въ Кіевѣ на него было нашла обычная хандра.

На этотъ разъ припадокъ ея былъ страшень и продолжителенъ.

Онъ уѣхалъ изъ дворца и нашелъ себѣ временной пріютъ подъ тихою сѣнью Печерскаго монастыря.

Здѣсь въ обширной кельѣ, немытый, нечесанный, въ одномъ халатѣ, безъ всякихъ признаковъ бѣлья, лежалъ онъ на низенькой койкѣ, окруженный толпою льстецовъ, жаждавшихъ милостей.

Суровый, грубый, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ этой толпой.

Даже относительно такихъ лицъ, какъ графъ Румянцевъ-Задунайскій онъ оказывалъ полное пренебреженіе.

Ему было не до нихъ, не до устроеннаго имъ грандіознаго шествія по Россіи императрицы, ни до самой императрицы.

Картины далекаго прошлаго неотступно стояли передъ духовнымъ взоромъ несчастнаго «баловня счастья» и за возвращеніе хотя на мгновенье пережитыхъ имъ сладкихъ минутъ свиданья съ княжною Несвицкою въ домѣ графини Нелидовой, онъ готовъ былъ

отдать свое могущество, власть, свое историческое имя и цѣлый рой окружавшихъ его красавицъ.

Но, увы, прошлое было невосвратимо.

Оно дразнило его изъ своего заманчиваго далека и указывало, что его могущество имѣетъ границы.

Это доводило его до бѣшенства—онъ рвался и метался и какъ буря налеталъ на окружающихъ.

Все кругомъ трепетало.

«Свѣтлѣйшій хандрить» — это была одна изъ самыхъ страшныхъ фразъ того времени.

Хандра прошла только за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Кіева и ею, по счастью, не омрачилось ни на одинъ день дальнѣйшее путешествіе.

Въ особенно населенныхъ мѣстахъ путники останавливались и выходили на берегъ.

Торжественная встрѣча ликующаго, одѣтаго въ праздничныя платья народа, пальба изъ пушекъ и фейерверки ознаменовывали эти кратковременныя остановки.

Что бы ни писали современники, а за ними и потомки, о будто бы непроизводительно истраченныхъ громадныхъ суммахъ на это путешествіе государыни, тяжелымъ бременемъ упавшихъ на состояніе русскихъ финансовъ, путешествіе это, несомнѣнно, послужило ко

благу всѣхъ губерній и областей, черезъ которыя проѣзжала императрица, потому что обогатило ихъ. Оно показало, насколько эти страны плодородны по самой природѣ своей и какъ мало нуждаются въ обработкѣ. Наконецъ, оно обратило вниманіе правительства на новопріобрѣтенныя земли, ободрило жителей и, такъ сказать, предуготовило то блистательное и непоколебимое положеніе, которымъ эти страны пользуются въ настоящее время.

Путешественники приближались къ мѣсту, гдѣ должна была состояться встрѣча русской императрицы съ облагодѣтельствованнымъ ею польскимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ.

XX.

Путь въ Византію.

Въ Каневѣ государыня пробыла менѣе сутокъ.

Встрѣча ея съ польскимъ королемъ Станиславомъ - Августомъ Понятовскимъ состоялась по заранѣе установленному церемониалу.

Современники отмѣтили одну подробность, относящуюся къ Потемкину.

При встрѣчѣ съ королемъ, князь поцѣловалъ у него руку.

Объяснялось это тѣмъ, что будто бы у «свѣтлѣйшаго» было желаніе получить польскую корону, а по польскимъ законамъ королемъ могъ быть гражданинъ и подданный этого государства.

Цѣлованіемъ королевской руки Григорій Александровичъ торжественно засвидѣтельствовалъ свои чувства къ Польшѣ.

Императрица приняла короля очень любезно, хотя и спѣшно, такъ какъ австрійскій посланникъ торопилъ государыню заявляя, что его императоръ уже выѣхалъ изъ Леопольдштата.

Императрица и безъ того опоздала къ назначенному времени свиданья.

Польскій король, впрочемъ, былъ очень доволенъ и разстался съ Потемкинымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Императрица послѣ свиданья послала королю орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Этотъ орденъ получилъ и король шведскій въ бытность свою въ Петербургѣ.

Отъ Канева берега Днѣпра становятся дикіи и скалисты. Русло рѣки невозможно было совершенно освободить отъ множества подводныхъ камней и нѣкоторые изъ нихъ тамъ и сямъ еще торчали изъ воды.

Съ величайшею осторожностью плыли между ними суда императорской флотиліи.

Утро, 6 мая, было великолѣпно, но съ полудня небо стало покрываться тучами, которыя дѣлались все чернѣе и чернѣе, подулъ сильный вѣтеръ и волны сердито бурлили и съ силой разбивались о борты галеръ, сильно накреняя ихъ то въ ту, то въ другую сторону.

Гребцы выбивались изъ силъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ опаснаго мѣста, но усилія ихъ оставались тщетными. Съ минуты на минуту усиливавшійся вѣтеръ, дувшій на встрѣчу судамъ, мѣшалъ имъ подвигаться впередъ.

Гребцами овладѣлъ ужасъ, который скоро сообщился и всѣмъ путешественникамъ.

Одна императрица была спокойна.

Наконецъ разразилась настоящая буря.

Вѣтеръ злобно завывалъ между ущельями береговыхъ скалъ.

Галеры какъ щепки бросало изъ стороны въ сторону, грозя ежеминутно разбѣгъ въ дребезги о поводные камни.

На судахъ, слѣдовавшихъ за императорскими, наступила общая паника.

Женщины плакали и молились.

Мужчины бросились на помощь выбившимся изъ силъ гребцамъ.

Въ галерѣ, на которой находилась императрица, оказалась течь.

Опасность была еще сильнѣе, а между тѣмъ, всѣ окружающіе императрицу, ободренные ея присутствіемъ духа, были почти спокойны.

Не слышно было ни жалобъ, не видно было суматохи, царившей на прочихъ галерахъ. Спустились густыя сумерки.

Все окуталось непроницаемымъ мракомъ.

Вдругъ столбъ синеватаго пламени вспыхнулъ вблизи императорской галеры и освѣтилъ картину общаго смятенія.

Крикъ ужаса вырвался изъ сотни грудей.

Многимъ показалось, что настала минута окончательной гибели.

Сразу не могли даже сообразить причины этого огненного грознаго призрака.

Лишь черезъ нѣсколько времени дѣло объяснилось.

Оказалось, что загорѣлось судно, нагруженное виномъ и шедшее на встрѣчу императорской флотиліи.

Воспламенившееся вино кипѣло какъ огненная лава, вода клубилась, какъ будто въ адскомъ котлѣ и обгорѣлые обломки судна погружались со страшнымъ шипѣніемъ въ kloкочущія волны.

Картина была ужасна и поразительна.

Лишь къ разсвѣту вѣтеръ утихъ и тучи разсѣялись.

Опасность миновала.

Оригинальная флотилія прибыла въ Кременчугъ.

Императрица со всею свитою вышла на берегъ и въ экипажѣ прослѣдовала въ выстроенный для нея великолѣпный дворецъ, окруженный роскошнымъ садомъ.

Письма Екатерины къ невѣсткѣ и другимъ лицамъ были восторженны: государыня была положительно поражена всѣмъ видѣннымъ уже ею по дорогѣ, а между тѣмъ въ Крыму ее ожидали еще большія чудеса.

Съ Кременчуга началось полное торжество князя Потемкина. Съ этого города сразу бросалась въ глаза разница съ только что оставленнымъ малорусскимъ намѣстничествомъ, особенно въ устройствѣ военной части.

Подъ городомъ на другой день по прїѣздѣ туда государыни были устроены маневры двѣнадцатитысячнаго корпуса.

Маневры удались на славу.

Особенно отличался кирасирскій полкъ, названный полкомъ князя Потемкина-Таврическаго.

Сомнѣнія, внушенныя императрицѣ насчетъ «легкоконныхъ» полковъ, сформированныхъ свѣтлѣйшимъ, сразу распались.

— О, какъ люди злы!—сказала она принцу Карлу Іосифу деЛинь, сопровождавшему въ числѣ другихъ дипломатовъ государыню, указывая ему на бравую конницу—какъ имъ хотѣлось обмануть меня!

Екатерина была такъ довольна всѣмъ, что, желая пристыдить и наказать доносчиковъ, послала С.-Петербургскому губернатору слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Я пріѣхала сюда и нашла третью часть той превосходной конницы, коей существованіе многіе зломыслящіе люди отвергали; но я видѣла сіе войско и видѣла его въ такомъ совершенствѣ, до какого никакой корпусъ еще не достигалъ. Прошу васъ сказать всѣмъ людямъ, не вѣрующимъ оному, и истину сію утвердить моимъ письмомъ, и такимъ образомъ посрамить ложное сужденіе неблагонамѣренныхъ господъ. Наконецъ надлежитъ воздать должную справедливость и похвалу людямъ, посвящающимъ себя съ полной ревностью и успѣхомъ на службу своей государыни и отечеству».

Изъ Кременчуга императрица направилась далѣе въ Крымъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города въ степи, состоялась встрѣча государыни съ графомъ Фалькенштейномъ.

Подъ этимъ именемъ путешествовалъ австрійскій императоръ Іосифъ II.

Свиданье произошло въ уединенной хижинѣ казака, въ присутствіи Потемкина, графа Ксаверія Бранницкаго и принца Карла-Генриха Нассау-Зигена.

Послѣ свиданья императоръ поѣхалъ сопровождать императрицу въ путешествіи по Крыму.

Въ Херсонѣ Екатерина въѣхала въ великолѣпной колесницѣ. Съ ней сѣдѣли Іосифъ II и Потемкинъ.

Передъ изумленными путешественниками на мѣстѣ, гдѣ за семь-восемь лѣтъ передъ тѣмъ была лишь пустынная степь и развалины, предстала крѣпость, арсеналъ со множествомъ пушекъ, три готовыхъ на верфяхъ корабля, нѣсколько церквей, красивыя зданія, купеческія суда въ прекрасномъ портѣ, словно какъ изъ земли выросшій новый городъ, богатый и многолюдный.

Множество домовъ было занято не только русскими, но и иностранцами.

Въ роскошныхъ магазинахъ были выставлены драгоцѣнные товары.

Вездѣ была замѣтна жизнь и промышленная дѣятельность.

Государыня остановилась въ адмиралтействѣ.

На сколько оно было великолѣпно украшено для пріема августѣйшей посѣтительницы, можно судить уже потому, что одинъ воздвигнутый въ немъ тронъ стоилъ около пятидесяти тысячъ рублей.

Въ Херсонѣ императрица пробыла довольно долго.

При ней были спущены на воду три судна: два линейные корабля о 66, и фрегатъ о 40 пушкахъ.

За это князь Потемкинъ былъ пожалованъ кайзеръ-флагомъ по своему званію главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ.

Во время одной изъ прогулокъ по городу Григорій Александровичъ умысленно повелъ государыню къ древнимъ воротамъ, на которыхъ сохранилась надпись на греческомъ языкѣ:

«Отсюда надлежитъ ѣхать въ Византію».

Эта древняя надпись не заключала въ себѣ ничего особеннаго и, видимо, служила лишь для указанія пути въ столицу Греціи.

Но «свѣтлѣйшій» придалъ ей другое значеніе, сообразное съ непокидавшимъ его умъ «греческимъ проектомъ».

Указавъ императрицѣ на надпись, онъ сказалъ:

— Путь открытъ, ваше величество, недостаетъ только вашего разрѣшенія...

Императрица выразительно посмотрѣла на него и многозначительно улыбнулась.

Время неслось быстро среди различныхъ осмотровъ и увеселеній.

Представившіеся императрицѣ татары желали показать ей свое искусство въ различныхъ военныхъ играхъ.

Екатерина смотрѣла на нихъ изъ кареты, въ которой сидѣла вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ.

Вдругъ, въ самомъ пылу военныхъ эволюцій, двухъ-тысячный татарскій отрядъ устремился на карету императрицы и въ мигъ окружилъ ее.

Иосифъ II смутился, а императрица, сразу догадавшись, что эта эволюція была сдѣлана по приказанію Потемкина, не выказала ни малѣйшей робости.

Государыня не ошиблась. Это былъ дѣйствительно одинъ изъ сюрпризовъ «свѣтлѣйшаго», старавшагося разнообразить впечатлѣнія, производимыя на императрицу разными зрѣлищами.

Въ числѣ сопровождавшихъ императрицу въ Херсонъ былъ и знакомый намъ соперникъ князя Потемкина по молодой Калисѣеніи, Василій Романовичъ Щегловскій.

Не задолго до отъѣзда изъ Херсона, было получено извѣстіе, что одинъ изъ мостовъ,

по которому надо было ѣхать, разрушенъ бу-
рею и замѣняется новымъ.

Императрица спѣшила выѣхать, а еще не-
извѣстно, былъ ли готовъ новый мостъ.

Григорій Александровичъ послалъ Щеглов-
скаго за двадцать семь верстъ, узнать, по-
строенъ-ли мостъ.

Часа черезъ три, когда государыня сѣла
за обѣденный столъ, Василій Романовичъ
возвратился, загнавъ нѣсколько лошадей и
проскакавъ пятьдесятъ четыре версты не бо-
лѣе, какъ въ три часа.

Войдя въ столовую императрицы, гдѣ на-
ходился и Потемкинъ, Щегловскій, съ тру-
домъ переводя дыханіе, едва могъ промол-
вить:

— Ваша свѣтлость, мостъ готовъ...

— Какъ?— сказала императрица, — онъ уже
и сѣздилъ?— и такъ была довольна, что сня-
ла съ руки своей богатый бриллиантовый
перстень и подарила Щегловскому.

Херсонъ произвелъ на императрицу неиз-
гладимое впечатлѣніе.

При путешествіи вглубь страны это впе-
чатлѣніе еще болѣе увеличивалось.

Чудная природа Крыма, великолѣпное Чер-
ное море, ласкающій, нѣжащій воздухъ, рос-
кошныя горныя панорамы еще сильнѣе по-
дѣйствовали на государыню.

Императрица намѣревалась изъ Херсона ѣхать въ Кинбурнъ, но извѣстіе, что тамъ стоитъ сильная турецкая эскадра, побудила ее отправиться сухимъ путемъ черезъ Перекопъ въ Тавриду.

Князь Потемкинъ съ принцемъ Нассау-Зигеномъ отправились впередъ.

Переѣхавъ черезъ Борисѣенъ, они увидѣли дѣтей знаменитѣйшихъ татаръ, собравшихся тутъ, чтобы привѣтствовать императрицу.

Поговоривъ съ ними, они двинулись къ Каменному мосту, до котораго оставалось около тридцати верстъ, и гдѣ былъ назначенъ почлегъ.

По дорогѣ ожидало ихъ до трехъ тысячъ донскихъ казаковъ съ своимъ атаманомъ.

Они проѣхали вдоль ихъ фронта, очень растянутого, такъ какъ они строились въ одну линію.

Когда они ихъ миновали, то вся эта трехтысячная ватага пустилась вскачь мимо кареты, въ которой ѣхали князь и принцъ.

Равнина мгновенно покрылась казаками и представляла величественную картину, способную воодушевить всякаго.

Казаки сопровождали ихъ до слѣдующей станціи, т. е. около двѣнадцати верстъ и у станціи снова выстроились въ боевой порядокъ.

Между ними былъ полкъ калмыковъ, точь въ точь похожихъ на китайцевъ.

Подъѣхавъ къ Каменному мосту, они нашли тутъ хорошенькій домикъ, построенный въ маленькомъ земляномъ укрѣпленіи и тридцать прекрасныхъ палатокъ, приготовленныхъ для ночлега.

Императрица прибыла также, сопровождаемая казаками.

Равнина, усѣянная людьми, мчавшимися во весь опоръ, то нападая, то отбиваясь другъ отъ друга, производила впечатлѣніе настоящаго сраженія.

Австрійскій императоръ по пріѣздѣ съ императрицей все время говорилъ объ удовольствіи, доставленномъ ему казаками, а государыня сказала Григорію Александровичу съ милостивой улыбкой:

— Это одинъ изъ вашихъ сюрпризовъ.

Потемкинъ приказалъ повторить маневры. Императрица и Іосифъ II вошли на валы, чтобы лучше ихъ видѣть.

Весь вечеръ только и было рѣчи о казакахъ.

Императоръ много спрашивалъ ихъ атамана, который ему, между прочимъ, сказалъ, что они дѣлаютъ обыкновенно по шестьдесятъ верстъ въ день во время похода.

Ни одна кавалерія въ Европѣ не можетъ въ этомъ отношеніи съ ними сравниться.

Императоръ былъ въ восхищеніи и расточалъ князю Потемкину вполнѣ имъ заслуженныя похвалы.

На другой день прибыла жена казацкаго атамана съ дочерью, очень красивой дѣвушкой.

На нихъ были длинныя платья изъ золотой и серебряной парчи и собольи шапочки съ расшитымъ жемчугомъ дномъ, жемчужныя ожерелья и головные уборы и браслеты.

Ихъ представляла графиня Бранницкая.

Затѣмъ казацкіе офицеры и двѣсти казацкихъ ветерановъ подходили къ рукѣ императрицы.

Путешественники отправились далѣе въ Перекопъ.

Въ домѣ солянаго пристава былъ приготовленъ превосходный завтракъ. Императрицѣ были здѣсь показаны всѣ сорта добываемой соли — одинъ изъ нихъ издаетъ запахъ малины.

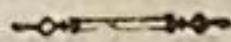
Сѣвъ снова въ карету, государыня со свитой отправилась къ тому мѣсту, гдѣ были разбиты прелестныя палатки для обѣда.

На мѣстѣ ночлега были поставлены палатки на манеръ татарскихъ. Для импера-

трицы былъ устроенъ изъ палатокъ цѣлый домъ, отъ котораго она была въ восторгѣ.

Съ мѣста ночлега были уже видны горы.

Начиналась волшебна-прекрасная страна—Таврида.

XXI.

В ъ К р ы м ѹ.

20 мая императрица прибыла въ древнюю столицу крымскихъ хановъ—Бахчисарай и остановилась тамъ въ ханскомъ дворцѣ.

Отъ Перекопа ее конвоировала блестящая татарская гвардія, составленная изъ родовитыхъ мурзъ.

Ихъ яркіе костюмы и джигитовка приводили въ восторгъ государыню и ея вѣнценоснаго попутчика—Іосифа II.

Это были тѣ самые татары, которые еще недавно возмущались, когда изъ нихъ хотѣли образовать правильные полки и подчинить ихъ дисциплинѣ.

Теперь имъ ввѣрили охрану императрицы и ее окружали тысячи татаръ, готовыхъ стать на ея защиту.

Во время переѣзда въ Бахчисарай съ Екатериной чуть было не случилось несчастіе.

На одномъ изъ крутыхъ спусковъ забыли

затормозить коляску. Лошади, не будучи въ силахъ удержать тяжелый экипажъ, понесли и чуть не опрокинули кучера.

Коляска, въ которой сидѣло восемь чело-вѣкъ, при этой бѣшеннѣйшей скачкѣ, казалось, каждую минуту, должна была разлетѣться въ дребезги, а пассажиры убиты или изувѣ-чены.

Татары, считавшіе гибель экипажа неми-нуемой, кричали:

— Алла, Алла спаси ее! Алла, Алла спаси!

Императрица между тѣмъ, ни на минуту не потеряла присутствія духа и на лицѣ ея не отразилось ни малѣйшаго испуга.

Напротивъ по прїѣздѣ въ Бахчисарай, она была очень весела и въ положительномъ вос-торгѣ отъ всего видѣннаго и отъ своего дворца.

Особенно ей понравилась большая роскош-но отдѣланная зала, вокругъ которой, по сто-ронамъ былъ изображенъ, на арабскомъ язы-кѣ слѣдующій девизъ; «что ни говори кле-ветники и завистники, ни въ Испагани, ни въ Дамаскѣ, ни въ Стамбулѣ, не найдешь по-добной».

Въ этой же залѣ находились цвѣты и пло-ды, сдѣланные изъ воска г. Тоттомъ, во вре-мя его пребыванія въ Крыму, о чемъ онъ упо-минаетъ въ своемъ сочиненіи.

Принцъ Насау-Зигенъ обратилъ на нихъ вниманіе императрицы.

— Удивительно, что все сдѣланное Тоттомъ, достается мнѣ въ руки, — замѣтила она, обращаясь къ австрійскому императору. — Онъ изготовилъ 200 орудій въ Константинополѣ — они всѣ принадлежатъ мнѣ. Онъ украшалъ этотъ дворецъ цвѣтами — они мои. Странная судьба!

Вошелъ Сегюръ.

Императрица перемѣнила разговоръ, начала шутить и смѣяться.

— Я заболталась... — кипула она принцу Насау-Зигену.

Съ наступленіемъ ночи, всѣ горы, окружающія городъ и всѣ дома, расположенные амфитеатромъ, были иллюминированы многочисленными огнями.

Зрѣлище было великолѣпное.

На утро императрица присутствовала у обѣдни въ мѣстной церкви, по окончаніи которой свита, мурзы, муфтіи и татарскіе офицеры подходили къ ея рукѣ.

Въ этотъ день празднуется память св. Константина и Елены и было тезоименитство ея внука Константина Павловича.

Вечеромъ повторилась роскошная иллюминація, бывшая наканунѣ.

22 мая, въ 9 час. утра, высокіе путешествен-

ники тронулись далѣе и въ полдень прибыли въ Инкерманъ.

Здѣсь ожидало императрицу, кстати, самое эффектное зрѣлище.

Въ хорошо построенномъ для государыни дворцѣ, во время обѣда, вдругъ отдернули занавѣсъ, закрывавшій видъ съ балкона, и глазамъ восхищенныхъ зрителей представилась великолѣпная картина: освѣщенная яркимъ солнцемъ Севастопольская гавань съ десятками большихъ и малыхъ кораблей — зачаткомъ славнаго Черноморскаго флота.

На эскадрѣ былъ поднятъ кайзеръ-флагъ или штандартъ пожалованный Потемкину.

Изъ частныхъ лицъ князь получилъ его третій.

Въ ту минуту, когда эскадра салютовала, императрица встала вся сіяющая, съ огненнымъ взглядомъ и провозгласила тосты.

— Надобно выпить за здоровье моего лучшаго друга! — чокнулась она съ императоромъ.

Послѣ обѣда принцъ Насау-Зигенъ подошелъ къ императрицѣ и сказалъ, что онъ такъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, что поцѣловалъ бы ея руку, еслибы на то осмѣлился.

— Князя Потемкина, которому я всѣмъ обязана, слѣдуетъ поцѣловать! — замѣтила она, милостиво протягивая руку принцу.

Тотъ почтительно поцѣловалъ ее.

— Не думаете ли вы, что это тѣ же турецкія суда, которыя стояли у Очакова и не пустили меня къ Кинбурну!—смѣясь, сказала она.

— Эти суда—отвѣчалъ принцъ Насау-Зигенъ—только ожидаютъ вашего приказанія, чтобы отправиться за судами стоящими подъ Очаковымъ.

— Какъ вы думаете, осмѣлюсь ли я на это? — снова замѣтила она, обращаясь къ принцу де-Линю—О, нѣтъ эти люди слишкомъ страшны!

Императоръ смѣялся.

Изъ разговора было видно, что война съ турками желательна для всѣхъ.

Затѣмъ всѣ присутствующіе сѣли въ шлюпки и поѣхали въ Севастополь.

Государыня съ Іосифомъ II ѣхали въ шлюпкѣ, заказанной Потемкинымъ въ Константинополь и совершенно сходной съ султанской.

Вотъ какъ описываетъ эту поѣздку одинъ изъ ея участниковъ графъ Сегюръ.

«Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь. Нѣсколько зданій для склада товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, четыреста домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи,

пристани, торговля и карантинныя, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ, въ 2000 верстахъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможнымъ воздвигнуть такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей. Это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности».

Надо прибавить, что все это было сдѣлано въ баснословно короткое время.

Подтвержденіемъ этого служить сообщеніе Черткова, находящееся въ запискахъ Гарновскаго:

«Я былъ съ его свѣтлостію, — рассказываетъ Чертковъ, — въ Тавридѣ, Херсонѣ и Кременчугѣ, мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Нигдѣ ничего тамъ не было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что онъ позвалъ туда государыню по пустому. Пріѣхалъ съ нею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явились. Чортъ знаетъ, откуда явились строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Какое изобиліе въ яствахъ, напиткахъ, словомъ, во всемъ, — ну, знаешь, — такъ, что придумать нельзя пересказать порядочно. Я иногда ходилъ, какъ во снѣ, пра-

во, какъ сонный, самъ себѣ не вѣрилъ ни въ чемъ, щупаль себя: я-ли? гдѣ я? не мечту-ли, не привидѣніе-ли я вижу? Ну, надобно сказать правду: ему, ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать».

На самомъ дѣлѣ только чародѣй Потемкинъ могъ продѣлывать такія вещи.

Шлюпка проѣхала мимо эскадры, состоявшей изъ трехъ 66-ти-пушечныхъ кораблей, трехъ 50-ти-пушечныхъ и десяти 40-пушечныхъ фрегатовъ.

Они привѣтствовали императрицу тремя залпами.

Шлюпка подошла ко входу въ гавань.

У пристани была великолѣпная лѣстница изъ тесаного камня. Роскошная терраса вела отъ нея ко дворцу императрицы.

Послѣдняя повторяла все время:

— Надѣюсь, теперь не скажутъ, что онъ лѣнивъ!

Она, конечно, подразумѣвала Григорія Александровича.

На другой день Екатерина посѣтила портъ и ѣздила за двадцать верстъ въ море, гдѣ флотъ произвелъ въ глазахъ ея ученье съ нальбою и разныя эволюціи, окончившіяся примѣрнымъ нападеніемъ на деревянную

крѣпостцу, нарочно для этого устроенную на сѣверномъ берегу рейда.

Она была подожжена, когда въ нее бросили шестую бомбу.

Крѣпостца была наполнена горючимъ матеріаломъ и взрывъ былъ очень эффектный.

Императрица была въ восхищеніи.

«Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края» — писала она изъ Севастополя къ московскому генераль-губернатору П. Д. Еропкину: — «и Херсонъ и Таврида современемъ не только окупятся, но надѣяться можно, что если Петербургъ приносить восьмую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ. Кричали противъ Крыма, пугали и отсовѣтовали обозрѣть самолично. Сюда пріѣхавши, ищу причины такова предубѣжденія безразсуднова. Слыхала я, что Петръ Первый долговременно находилъ подобныя въ разсужденіи Петербурга, и я помню еще, что этотъ край никому не нравился. Воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ пріобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украина и Елисаветградъ понынѣ еще помнятъ. Съ сими мыслями и съ немалымъ утѣшеніемъ написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать. Сегодня

вижу своими глазами, что и не причинила вреда, а величайшую пользу своей имперіи.

Изъ Севастополя государыня поѣхала черезъ Бахчисарай, Симферополь, Карасубазаръ и Старый Крымъ до Каффы, которая называется нынѣ Θεодосіей.

Въ Карасубазарѣ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ.

Императоръ замѣтилъ, что онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

Снопъ состоялъ изъ 20 тысячъ большихъ ракетъ.

Іосифъ II призывалъ фейерверкера и спрашивалъ его о количествѣ ракетъ.

— На случай, — говорилъ онъ: — чтобы знать, что именно заказать, ежели придется сжечь хорошій фейерверкъ.

Иллюминація тоже была великолѣпная.

Всѣ горы были увѣшаны вензелями императрицы, составленными изъ 55 тысячъ плошекъ.

Садытакже были роскошно иллюминированы.

Каффа или Θεодосія была единственное мѣсто Тавриды, гдѣ сохранились древніе памятники.

На монетномъ дворѣ была выбита медаль, которую Потемкинъ поднесъ императрицѣ.

Все было приготовлено, чтобы выбить еще нѣсколько медалей, но государыня прошла

далѣе, не остановившись и передала медаль Мамонову, который положилъ ее въ карманъ.

Съ одной стороны медали была изображена императрица, а съ другой надпись о томъ, что она соблаговолила посѣтить монетный дворъ въ сопровожденіи графа Фалькенштейна.

Изъ Θεодосіи государыня отправилась обратно въ Россію.

Въ Кизикерманъ она разсталась съ Іосифомъ II.

Онъ провелъ часъ въ ея кабинетѣ, и въ ту минуту, когда она собиралась сѣсть въ карету, хотѣлъ поцѣловать ей руку, но она не допустила этого и они обнялись,

Затѣмъ императоръ прошелъ впередъ къ экипажу и снова хотѣлъ поцѣловать ей руку, но они дружески расцѣловались.

По отъѣздѣ государыни, подъѣхалъ къ каретѣ Григорій Александровичъ.

Императоръ, сѣвшій уже въ карету, вышелъ изъ нея и направился къ его экипажу.

Князь въ свою очередь вышелъ изъ кареты.

Императоръ простился съ нимъ, привѣтствовалъ его по поводу всего того, что ему удалось показать императрицѣ, поцѣловалъ князя, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Пребываніе Екатерины на югѣ было, какъ

мы уже имѣли случай замѣтить, полнѣйшимъ торжествомъ для князя Потемкина.

Императрица въ самыхъ милостивыхъ и признательныхъ выраженіяхъ одобрила все имъ сдѣланное и по его ходатайству осыпала наградами его сотрудниковъ.

Самъ Потемкинъ получилъ похвальную грамоту, въ которой подробно были прописаны знаменитыя заслуги, оказанныя имъ отечеству.

Григорій Александровичъ провожалъ императрицу до Полтавы и тутъ тоже представилъ ей величественное зрѣлище, достойное великой государыни.

Въ окрестностяхъ Полтавы, на поляхъ, прославленныхъ побѣдой Петра I, внезапно появились двѣ арміи и вступили въ сраженіе въ томъ же боевомъ порядкѣ, въ какомъ Петръ Великій побѣдилъ Карла XII.

Офицеръ, представлявшій шведскаго короля, былъ въ точно такомъ же костюмѣ, въ какомъ былъ Карлъ XII на этомъ знаменитомъ сраженіи.

Потемкинъ въ Полтавѣ простился съ императрицей.

Онъ питалъ надежду, что она, наконецъ, согласится объявить Турціи войну—выгнать турокъ изъ Европы было, какъ мы знаемъ, его завѣтной мечтой—а потому счелъ выгод-

нымъ остаться въ Крыму, откуда ему удобнѣе было приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Долго еще отголоски этого путешествія звучали въ Россіи и Европѣ.

Сопровождавшіе Екатерину посланники разнесли въ своихъ письмахъ по всѣмъ странамъ о могуществѣ великолѣпнаго князя Тавриды.

Но лучшею наградою Григорію Александровичу были письма государыни, которая долго не могла забыть видѣннаго.

«А мы здѣсь чванимся»,—писала она князю на возвратномъ пути изъ села Коломенскаго,—«ѣздою и Тавридою и тамошними генераль - губернаторскими распоряженіями, какъ добрыми безъ конца и во всѣхъ частяхъ».

Изъ Гвери: «Я тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты безцѣнный; сіе я говорю и думаю ежедневно».

Изъ Царскаго Села: «Другъ мой сердечный, Григорій Александровичъ! Третьяго дня окончили мы свое шеститысяче-верстное путешествие и съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи, усердіи и попеченіи, и порядкѣ, вами устроенныхъ повсюду, и

такъ, другъ мой, разговоры наши, почти непрестанные, замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу..

Эти письма краснорѣчиво доказываютъ, какъ живость воспоминаній Екатерины о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, такъ и ея искреннюю и глубокую благодарность старому другу.

Ободренный благосклонностью и милостью государыни, Григорій Александровичъ снова сталъ лелѣять свой излюбленный «греческій проектъ».

Ему казалось, что онъ уже наканунѣ его осуществленія.

Крестъ на мечети Софіи уже сіялъ въ его пылкомъ вообъяженіи.

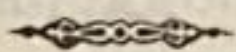
Еще о войнѣ съ турками никто и не думалъ, а онъ спѣшно готовился къ ней, стягивая во ввѣренныя ему области войска, запасаясь провіантомъ и артиллерійскими снарядами въ такомъ количествѣ, какое было потребно для продолжительныхъ военныхъ дѣйствій.

Повторяемъ, онъ надѣялся получить въ скоромъ времени согласіе императрицы отбросить турокъ въ Малую Азію и возстановить греческую имперію, вручивъ ея скипетръ внуку государыни, великому князю Константину Павловичу.

Эту надежду онъ основывалъ на нѣкоторыхъ словахъ и замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Екатериною во время ея пребыванія въ Тавридѣ.

Турція сама пошла на встрѣчу нетерпѣливымъ ожиданіямъ «свѣтлѣйшаго».

Война стала неизбежной

XXII.

Разрывъ съ Турціей.

Описанное нами путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ и ея дружеское свиданіе съ австрійскимъ императоромъ произвело сильное впечатлѣніе въ Турціи.

Диванъ хотя ранѣе и изъявилъ согласіе присоединеніе Крыма къ Россіи, но согласіе это не было искренно.

Турецкое правительство очень хорошо понимало всю важность для него потери этого полуострова.

Россія, уничтоживъ послѣднее татарское царство, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣла весь сѣверный берегъ Чернаго моря, откуда непріятельскіе корабли при первомъ удобномъ случаѣ могли появиться подъ стѣнами Константинополя.

Предупредить опасность и броситься въ

распложъ на врага—вотъ единственный выходъ, который былъ подсказанъ Турціи отчаяніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразуміемъ.

Послы иностранныхъ державъ — англійскій, французскій, и прусскій, которымъ было непріятно возвышеніе Россіи и возможность завладѣнія ею Чернымъ моремъ и Константинополемъ, поддерживали задоръ турецкаго правительства.

Лѣтомъ 1787 года, когда императрица только что успѣла вернуться въ Петербургъ, султанъ прислалъ послу нашему, Булгакову, ультиматумъ, въ которомъ требовалъ: выдачи молдавскаго господаря Маврокордато, нашедшаго пріютъ въ Россіи; отозваніе изъ Яссы, Бухареста и Александріи русскихъ консуловъ, допущенія во всѣ русскія гавани и торговые города турецкихъ консуловъ; признаніе грузинскаго царя Ираклія, поддавшагося Россіи, турецкимъ вассаломъ и осмотръ всѣхъ русскихъ кораблей, выходящихъ изъ Чернаго моря.

Булгаковъ, конечно, отвергъ эти требованія и былъ заключенъ по приказанію султана въ семибашенный замокъ.

5 августа 1787 года была объявлена война. Она застала Россію дѣйствительно враспложъ.

Войска русскія были разбросаны на обшир-

номъ пространствѣ, многія крѣпости еще не окончены вооруженіемъ, въ продовольствіи чувствовался недостатокъ послучаю почти повсемѣстнаго неурожая и наконецъ перевозочныя и госпитальныя принадлежности, понтоны и осадный паркъ не могли быть заготовлены и доставлены ранѣе зимы или въ лучшемъ случаѣ осени.

Положеніе Потемкина, какъ защитника Новой Россіи, было чрезвычайно затруднительно.

Онъ палъ духомъ.

Императрица старалась поддержать его нравственно письмами.

Турки открыли военныя дѣйствія нападеніемъ на Кинбурнъ.

Узнавши это, Екатерина писала Григорію Александровичу, между прочимъ, слѣдующее:

«Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже четверо сутокъ выдержалъ кононаду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Богъ его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для чего же унывать, а стараться, какъ ни на есть отмстить и брать реваншъ; имперія останется имперіей и безъ Кинбурна; то ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь

не уныли; а публика лжетъ въ свою пользу и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ. Я слышу и все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно, если бы гдѣ и вырвалось что непріятное. Молю Бога, что бы тебѣ далъ силы и здоровья унялъ иппохондрию. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкій детайль? Скажи, кто тебѣ надобенъ, я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, что бы одинъ изъ нихъ занялся мелочью, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но во всякомъ случаѣ, не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ, а царь тебѣ другъ и покровитель. Проклятое оборонительное положеніе! И я его не люблю. Старайся его скорѣе оборотить въ наступательное, тогда тебѣ, да и всѣмъ легче будетъ, и больныхъ тогда будетъ менѣе; не все на одномъ мѣстѣ будутъ»:

Хандра Потемкина не проходила.

Новое неожиданное несчастіе повергло его въ положительное отчаяніе

Его любимое созданіе — севастопольскій флотъ, на который князь возлагалъ всѣ свои

надежды, при первомъ выходѣ въ море, подвергся страшной бурѣ, которая унесла одинъ линейный корабль въ Константинопольскій проливъ, гдѣ турки взяли его со всѣмъ экипажемъ; остальные корабли и суда были такъ повреждены, что съ трудомъ вернулись въ Севастополь. Эскадру Войновича, какъ нѣкогда знаменитую армаду Филиппа II Испанскаго истребили не враги, а бури.

Баловень счастья окончательно уналъ духомъ.

«Матушка государыня!—писалъ онъ императрицѣ 27 сентября 1787 года—я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ, мною предпріемлемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ севастопольскій разбитъ бурею; остатокъ его въ Севастополѣ—все мелкія и ненадежныя суда, или лучше сказать, неупотребительныя; корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не турки. Я, при моей болѣзни, пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Прошу о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всѣ милости и имѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю къ стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу Петру Александровичу

(Румянцеву), чтобы онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю, чтобы онъ принялъ, и такъ Богъ вѣсть, что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ».

Въ порывѣ отчаянія Потемкинъ предлагалъ вывести войска изъ Крыма.

Письмо это всецѣло обрисовываетъ характеръ Григорія Александровича.

Этотъ сынъ счастья, почти не знавшій неудачъ и все легко приводившій въ исполненіе, при первой неудачѣ вдругъ впалъ въ страшное уныніе и готовъ былъ отказаться отъ всего, что несомнѣнно составляло его лучшія дѣла.

Трогательное зрѣлище представляетъ намъ въ эти дни исторія. Екатерина, старая годами, но бодрая духомъ, въ ласковыхъ, душевныхъ письмахъ вливаетъ свѣжую энергію въ душу тоскующаго и отчаявающагося громаднаго ребенка, какъ называли Потемкина нѣкоторые современники.

«Конечно, все это не радостно, однако, ничего не пропало» — отвѣчала ему 20 октября императрица. — Сколько буря была вредна намъ, авось либо столько же была вредна и непріятелямъ; неужели, что вѣтеръ дулъ лишь на насъ. Крайне сожалею, что ты въ

такомъ крайнемъ состояніи, что хочешь сдать команду; это мнѣ болѣе всего печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова. Я надѣюсь, что сіе отъ тебя письмо было въ первомъ движеніи, когда ты мыслилъ, что весь флотъ пропалъ... Приписываю сіе чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію... Если сіе исполнишь, то родится вопросъ, что же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? Я думаю, что всего лучше было, если бы можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ, либо на Бендеры, чтобы оборону обратить въ наступленіе. Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе имѣетъ расположенія, нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова. Ты нетерпѣливъ, какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, на тебя возложенныя теперь, требуютъ терпѣнія невозмутимаго».

Кромѣ утѣшенія, которое черпалъ Григорій Александровичъ въ милостивыхъ письмахъ мудрой государыни, счастливый оборотъ военныхъ дѣйствій влилъ живительный бальзамъ въ его наболѣвшую душу.

Суворовъ, послѣ кровопролитнаго боя, отразилъ турокъ отъ Кинбурна съ огромнымъ урономъ.

Мы въ послѣдствіи ближе познакомимъ нашихъ читателей съ этимъ знаменитымъ полководцемъ, въ описываемую нами войну обезсмертившимъ себя неувядаемыми лаврами непобѣдимаго.

Григорій Александровичъ, повторяемъ, нѣсколько пріободрился.

Съ грустью, но уже сравнительно спокойно онъ сталъ говорить о потерѣ флота.

«Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолевалъ препятствій и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царюгороду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ. Вы не можете представить, сколь сей нечаянный случай меня почти поразилъ до отчаянія».

Императрица, между тѣмъ, продолжала настаивать на необходимости взять Очаковъ.

2 ноября 1787 года послѣ Кингбурнскаго дѣла она между прочимъ писала:

«Понеже Кинбурнская сторона важна и въ опой покой быть не можетъ, дондеже Оча-

ковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за неволю подумать нужно о сей осадѣ, буде тако захватить не можно по вашему сужденію».

«Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ мнѣ?» — отвѣчалъ Григорій Александровичъ. — «Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не стало бы за доброй волей моей, еслибы я видѣлъ возможность... Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ — и къ ней столь много приготовленій! Теперь еще въ Херсонѣ учатъ минеровъ, какъ дѣлать мины и прочему. До ста тысячъ потребно фашиновъ и много надо габионовъ. Вамъ извѣстно, что лѣсу нѣтъ по близости. Я уже надѣлалъ въ лѣсахъ моихъ польскихъ, откуда повезутъ къ мѣсту. Очаковъ намъ нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить всѣ способы, вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ раззоренъ въ прошлую войну; въ мирное время укрѣпляли его непрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ они слабѣе. Еслибы слѣдовало мнѣ только жертвовать собой, то будьте увѣрены, что я

не замѣшкаюсь ни минуты; но сохраненіе людей, столь драгоцѣнныхъ, обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сомнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря нѣскольکو тысячъ пойдетъ не взявши, и разстроимся такъ, что, уменьшивъ старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступить къ городамъ? Полевое дѣло съ турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны».

Такъ писалъ и осторожный, и жалѣвшій солдатъ Потемкинъ.

За наступившими холодами военныя дѣйствія прекратились.

Со стороны непріятеля они ограничились лишь неудавшимся нападеніемъ на Кинбурнъ.

Это произошло вслѣдствіе замѣшательства въ Египтѣ и возстанія албанскаго правителя Махмуда-паши, отвлекшихъ турецкія силы съ театра русско-турецкой войны.

Зимой Григорій Александровичъ дѣятельно занялся приготовленіями къ предстоявшей кампаніи.

Войска были пополнены рекрутами и снабжены всѣми средствами, необходимыми для веденія войны.

Госпитали и провіантскіе склады значительно умножены и расположены въ удобныхъ мѣстахъ.

Укрѣпленіе Кинбурна и другихъ приморскихъ пунктовъ усилены.

Черноморскій флотъ былъ исправленъ и умноженъ.

Продовольственные припасы были заготовлены въ изобиліи.

Войска были раздѣлены на двѣ арміи: екатеринославскую въ 80.000 человѣкъ и 180 орудій, украинскую—въ 37.000 человѣкъ и 90 орудій и отдѣльный кавказскій корпусъ изъ 18.000 человѣкъ.

По плану кампаніи, составленному самимъ Потемкинымъ, екатеринославская армія, предводимая самимъ княземъ, должна была охранять Крымъ и взять ключъ Бессарабіи—Очаковъ; украинская армія, подъ командой Румянцева, овладѣть Молдавіей. Австрійскій императоръ, который, на основаніи договора съ русскою императрицею, тоже объявилъ войну Турціи, долженъ былъ занять Сербію и Валахію.

Предполагалось затѣмъ соединить всѣ три арміи, перейти Дунай и тамъ, на поляхъ Болгаріи или за Балканами, нанести туркамъ рѣшительный ударъ и предписать условія мира.

Планъ былъ задуманъ прекрасно, но исполненіе его не вполнѣ соотвѣтствовало предначертанію.

Въ маѣ 1788 года большая часть екатеринославской арміи въ числѣ 46.000 человекъ собралась у Ольвіополя и двинулась по обѣимъ сторонамъ Буга.

Переходъ совершали медленно и лишь къ 28 іюня силы были стянуты подъ Очаковымъ.

Въ это же время Румянцевъ съ украинской арміей переправился черезъ Днѣстръ, расположился, чтобы отвлечь турокъ между, этою рѣкою и Прутомъ и отдѣлилъ одну дивизію для обложенія Хотина.

Турки съ своей стороны тоже приготовились къ упорной борьбѣ. Они успѣли усилить къ веснѣ свои полчища до 300.000 человекъ.

Въ Очаковѣ, Бендерахъ и Хотинѣ находилось болѣе 40.000 человекъ.

Такою же силою охранялись линіи по Днѣстру; слѣдовательно, для дѣйствій въ полѣ оставалось болѣе 200.000 человекъ.

Султанъ рѣшилъ обратить главныя усилія противъ австрійцевъ, которые вступили въ Сербію и Валахію, ограничиваясь съ другой стороны лишь удержаніемъ русскихъ войскъ.

Съ этою цѣлью 150.000-ная армія, предводи-

тельствуемая верховнымъ визиремъ, двинулась къ Бѣлграду.

Очаковскій гарнизонъ былъ доведенъ до 20.000 человекъ, а новый крымскій ханъ Шахъ-Басъ-Гирей, избранный въ Константинополь, сосредоточилъ до 50.000 турокъ у Измаила.

Таковы были силы обѣихъ армій: непріятельской и нашей.

Первымъ пунктомъ, съ котораго началась эта вторая серьезная «борьба съ луною», былъ Очаковъ.

Вся Европа обращала на него напряженное вниманіе.

Многіе знатные иностранцы стремились туда, желая участвовать въ дѣлѣ, обѣщавшемъ отличіе и славу.

Григорій Александровичъ, между тѣмъ, медлилъ.

— Зачѣмъ терять даромъ людей? Не хочу брать Очаковъ штурмомъ—пусть добровольно покорится мнѣ,—говорилъ князь и въ надеждѣ близкой сдачи крѣпости не торопился осадой.

Григорія Александровича смущали, во-первыхъ, преувеличенные слухи о минахъ, устроенныхъ французскими инженерами, и

онъ ожидалъ полученія изъ Парижа вѣрнаго
плана крѣпости со всѣми ея минными галле-
реями, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ,
онъ слишкомъ дорожилъ кровью солдатъ.

Крестъ и луна стояли другъ противъ друга,
вступая въ рѣшительную борьбу

Развязка, однако, была недалека.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СРЕДИ СТЕПЕЙ.

PAUL T. LEE

CHURCH STREET

О ч а к о в ь.

Проходили дни, недѣли, а осада Очакова не подвигалась впередъ.

Лишь въ половинѣ августа 1788 года была заложена первая параллель въ разстояніи версты отъ города, а къ половинѣ октября русскія батареи приблизились къ ретраншаментамъ не болѣе 150 сажень.

Григорій Александровичъ былъ въ нерѣшительности.

Происходило это съ одной стороны оттого, что онъ нашелъ Очаковъ отлично вооруженнымъ.

Французскіе инженеры, вызванные султаномъ, употребили все свое въ это время славное искусство, чтобы сдѣлать крѣпость неуязвимой.

Она была, кромѣ того, окружена внѣшними сооружеціями, которыя могли служить

укрѣпленнымъ лагеремъ для цѣлой арміи.

Очаковъ имѣлъ фигуру четырехъугольника, продолговатаго и неправильнаго, примыкавшаго одной стороною къ Днѣпровскому лиману.

Эта сторона была прикрыта простою гладкою каменною стѣною, а три другія обнесены валомъ съ сухимъ рвомъ и гласисомъ.

Впереди была воздвигнута линія редутовъ, а въ углу, образуемомъ моремъ и лиманомъ, пятиугольный замокъ съ очень толстыми стѣнами.

Осадныя работы были чрезвычайно трудны вслѣдствіе песчаной и каменистой окрестной мѣстности.

Турки поклялись держаться въ крѣпости до послѣдней крайности.

Съ другой стороны причина медленности осады лежала въ свойствѣ натуры свѣтлѣйшаго главнокомандующаго.

Онъ былъ лично храбръ и смѣлъ въ составленіи предначертаній, но когда приходилось ихъ исполнять, то затрудненія и заботы волновали его такъ сильно, что онъ не могъ ни на что рѣшиться.

Онъ самъ признавалъ это и зачастую говорилъ.

— Меня не соблазняютъ побѣдами, воинскими триумфами, когда я вижу, что они напрас-

ны и гибельны. Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими транжирить и швырять по пусто-му... Упаси Богъ тратить людей, я не коже-сдиратель - людоедъ.. тысячи лягутъ да-ромъ... Да и полководецъ я не по своей волѣ, а по указу.. не въ моей это природѣ.. Не мо-гу видѣть крови, ранъ, слышать стоны и воп-ли истерзанныхъ изуродованныхъ людей... Гуманитетъ излишній, несовмѣстимъ съ вой-ною. Такъ то...

И онъ медлилъ и медлилъ отдать рѣши-тельное приказаніе.

Всѣ, между прочимъ, ожидали этого при-казанія съ нетерпѣніемъ.

Многіе даже роптали на эту черепашую осаду

Что тайлъ въ своемъ умѣ князь?—не было извѣстно никому.

Состояніе его духа было по обыкновенію переменнымъ.

Онъ то былъ въ «Канѣ Галилейской», какъ называлъ онъ свои веселые дни, то «сидѣлъ на рѣкахъ Вавилонскихъ», какъ онъ образно именовалъ дни своей тяжелой хандры.

Чужая душа потемки. Душа свѣтлѣйшаго для всѣхъ его окружающихъ и даже самыхъ близкихъ была непроглядной ночью.

Григорій Александровичъ всегда тща-тельно скрывалъ свои планы и намѣренія и съ

этою цѣлью даже, дѣлая одно, говорилъ другое.

Во время этой безконечно длящейся очаковской осады въ главную квартиру прибылъ присланный австрійскимъ императоромъ военный уполномоченный принцъ Карлъ-Іосифъ де-Линь.

— Когда сдастся Очаковъ?—спросилъ онъ свѣтлѣйшаго, явившись къ нему тотчасъ же по пріѣздѣ въ армію.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Григорій Александровичъ,—въ Очаковѣ находятся 18 тысячъ гарнизона, а у меня столько нѣтъ и арміи. Я во всемъ претерпѣваю недостатокъ. Я несчастнѣйшій человѣкъ, если Богъ мнѣ не поможетъ!

— Какъ?—сказалъ удивленный де-Линь—а Кинбургская побѣда... отплытие флота... неужели все это ни къ чему не послужить?.. Я скакалъ день и ночь. Меня увѣряли, что вы уже начали осаду!

— Увы!—вздохнулъ Потемкинъ,—дай Богъ, чтобы сюда не пришли татары предать все огню и мечу. Богъ спасъ меня—я никогда этого не забуду—Онъ дозволилъ, чтобы я собралъ всѣ войска, находившіяся за Бугомъ. Чудо, что до сихъ поръ удержалъ за собою столько земли.

— Да гдѣ же татары? — допытывался де-Линь.

— Вездѣ, — отвѣчалъ князь, — въ сторонѣ Аккермана стоитъ сераксиръ съ великимъ числомъ турокъ; двѣнадцать тысячъ непріятелей находятся въ Бендерахъ, Днѣстръ охраняемъ; да шесть тысячъ въ Хотинѣ.

Принцъ де-Линь недовѣрчиво покачалъ головой и убѣдившись изъ этой бесѣды, что отъ Григорія Александровича ничего не узнаешь, перемѣнилъ разговоръ.

— Вотъ, — сказалъ онъ, подавая князю пакетъ, — письмо императора, долженствующее служить планомъ всей кампаніи; оно содержитъ въ себѣ ходъ военныхъ дѣйствій. Смотра по обстоятельствамъ, вы можете сообщить ихъ начальникамъ корпусовъ. Его величество поручилъ мнѣ спросить васъ, къ чему вы намѣрены приступить.

Григорій Александровичъ взялъ пакетъ.

— Не позже, какъ завтра, я дамъ вамъ непремѣнно отвѣтъ.

Принцъ де-Линь удалился.

Прошелъ день, другой, недѣля, двѣ, а отвѣта отъ Потемкина принцъ не получалъ.

Де-Линь рѣшился наконецъ напомнить князю объ его обѣщаніи и наконецъ получилъ отъ него лаконическую записку:

«Съ Божьей помощью, я сдѣлаю нападеніе

на все, находящееся между Бугомъ и Днѣ-
стромъ».

Пославъ этотъ отвѣтъ, Григорій Алексан-
дровичъ позвалъ къ себѣ войсковаго судью
незадолго передъ тѣмъ сформированнаго
«войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ»
уже извѣстнаго нашимъ читателямъ Антонъ
Васильевича Головатаго.

— Головатый, какъ бы взять Березань?

Изъ укрѣпленія Березань, построеннаго
недалеко отъ Очакова, турки очень часто
безпокоили вылазками нашу армію.

— Возьмемъ, ваша свѣтлость! А чи будетъ
крестъ за то?—спросилъ прямо Головатый.

— Будетъ, будетъ, только возьми.

— Чуемо, ваша свѣтлость, — сказалъ Ан-
тонъ Васильевичъ, поклонился и вышелъ.

Немедленно послалъ онъ развѣдать о по-
ложеніи Березани и узналъ, что большая
часть гарнизона вышла изъ укрѣпленія для
собиранія камыша.

Головатый быстро посадилъ казаковъ на
суда, присталъ спокойно къ берегу, безъ шу-
ма высадилъ отрядъ и безъ сопротивленія
овладѣлъ Березанью.

Затѣмъ, отпустивъ свои суда, онъ пере-
одѣлъ казаковъ турками и поставилъ изъ
нихъ караулы.

Гарнизонъ возвратился и, ничего не подо-

зрѣвая, безпечно входилъ малыми отрядами въ укрѣпленіе.

Казаки забирали ихъ по частямъ.

Березань была взята.

Антонъ Васильевичъ явился съ ея ключами къ Потемкину.

— Кресту твоему поклоняемся владыко! — громкимъ голосомъ заплѣлъ онъ, входя въ ставку къ свѣтлѣйшему.

Онъ поклонился низко князю и положилъ къ его ногамъ ключи Березани.

Объяснивъ, какимъ образомъ ему удалось исполнить порученное ему дѣло, онъ заключилъ свой рассказъ той же церковной пѣснью:

— Кресту твоему поклоняемся владыко!

— Получишь, получишь! — воскликнулъ обрадованный Григорій Александровичъ, обнявъ Головатаго и возложилъ на него орденъ св. Георгія 4 класса.

Принцъ де Линь, остался недовольнымъ скрытностью и отвѣтомъ Потемкина.

Вскорѣ послѣ полученія имъ письма и взятія Березани, онъ однажды въ разговорѣ въ присутствіи Григорія Александровича замѣтилъ, что хитрить въ войнѣ хорошо, но также необходима и личная храбрость полководца.

При этомъ принцъ привелъ примѣръ личной храбрости австрійскаго императора Іоси-

фа II, оказанной имъ въ какомъ-то сраженіи.

Григорій Александровичъ промолчалъ.

На другой день, надѣвъ парадный мундиръ, во всѣхъ орденахъ, окруженный блестящимъ штабомъ, князь отправился осматривать только что заложенный на берегу Чернаго моря редутъ, почти подъ самыми стѣнами Очакова.

Ядра и пули сыпались со всѣхъ сторонъ.

Находившіеся въ свитѣ князя генераль-майоръ Синельниковъ и казакъ были смертельно ранены.

Казакъ испустилъ жалобный вопль.

— Что ты кричишь? — сказалъ Потемкинъ и продолжалъ хладнокровно распоряжаться работами.

Окружающіе начали представлять ему опасность, которой онъ себя подвергаетъ.

— Спросите принца де Линя—отвѣчалъ съ досадой князь — ближе ли къ непріятелю стоялъ при немъ императоръ Іосифъ, а не то мы еще подвинемся впередъ.

Больше всѣхъ осуждали князя за медленность осады иностранные вояжеры и эмигранты, кишмя кишѣвшіе при главной квартирѣ.

Для того, чтобы судить, какого сорта были эти иностранцы, расскажемъ слѣдующій эпизодъ.

Извѣстный французскій генералъ Лафай-

этѣ прислалъ къ принцу де-Линю инженера Маролля, рекомендуя его за человѣка, способнаго управлять осадой крѣпости.

Де-Линь отправился съ нимъ къ Потемкину.

Войдя въ ставку князя, Маролль, не дожидаясь, чтобы его представили, спросилъ:

— Гдѣ же генераль?

— Вотъ онъ!—указалъ ему одинъ изъ княжескихъ свитскихъ.

Маролль фамиллярно взялъ Григорія Александровича за руку и сказалъ:

— Здравствуйте, генераль! Ну, что у васъ тутъ такое? Вы кажется хотите имѣть Очковъ?

— Кажется такъ,—отвѣчалъ Потемкинъ.

— Ну такъ мы его вамъ доставимъ—продолжалъ Маролль—нѣтъ ли у васъ здѣсь сочиненія Вобана и Когорна? Не худо бы имѣть также Ст. Реми и прочитатъ все то, что я нѣсколько забылъ или даже не такъ твердо зналъ, потому что въ сущности я только инженеръ мостовъ и дорогъ.

Князь, бывшій въ эту минуту въ хорошемъ расположеніи духа, расхохотался на нахальство француза и сказалъ:

— Вы лучше отдохните послѣ дороги и не обременяйте себя чтеніемъ; ступайте въ свою

палатку — я прикажу вамъ принести туда обѣдать...

Казавшійся лѣнтяемъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ зорко слѣдилъ за исполненіемъ обязанностей подчиненныхъ ему даже сравнительно мелкихъ служащихъ.

Во время осады Очакова ночью въ сильную снѣговую мятель князь сдѣлалъ внезапно повѣрку и осмотръ траншейныхъ работъ и не нашелъ дежурнаго инженера-капитана, который, не ожидая главнокомандующаго въ такую погоду, оставилъ постъ свой на время подъ наблюденіемъ молодаго офицера.

Кончивъ смотръ и возвращаясь домой Григорій Александровичъ встрѣтилъ по дорогѣ неисправнаго траншейнаго начальника.

— Кто ты такой?—спросилъ Потемкинъ.

— Я инженеръ-капитанъ Селиверстовъ.

— Черезъ часъ ты имъ уже не будешь!— замѣтилъ князь и пошелъ далѣе.

Дѣйствительно, не прошло и часу, какъ капитанъ получилъ отставку и приказаніе удалиться изъ арміи.

Строгость свѣтлѣйшаго, впрочемъ, не превышала мѣры.

Одинъ изъ офицеровъ черноморскаго казачьяго войска, имѣвшій чинъ армейскаго секундъ-маіора, въ чемъ то провинился.

— Головатый, пожери его по своему, что бы впередъ этого не дѣлалъ.

— Чуемо, наияснѣйшій гетмане! — отвѣчалъ Антонъ Васильевичъ.

Головатый на другой день явился съ рапортомъ къ князю.

— Исполнили, ваша свѣтлость.

— Что исполнили?

— Пожурили маіора по-своему, какъ ваша свѣтлость указали.

— Какъ же вы его пожурили, расскажи мнѣ.

— А якъ пожурили? Прости, наияснѣйшій гетмане? Положили, да кіями такъ ушкварили, что насилу всталъ.

— Какъ, маіора... — закричалъ Григорій Александровичъ, — какъ вы могли...

— Правда таки, — отвѣчалъ Головатый, — що насилу змогли. Едва вчетверомъ повалили; не давался, однако, справились. А що маіоръ? не маіорство, а онъ виновать. Маіорство при немъ и осталось. Вы приказывали его пожурить: вотъ онъ теперь долго будетъ журиться и я увѣренъ, что за прежнія шалости никогда ужъ не примется...

II.

Предъ лицомъ непріятеля.

Въ то время, когда русская армія съ нетерпѣніемъ ждала рѣшительнаго приказанія ити на штурмъ Очаковской крѣпости и роптала на медленность и нерѣшительность вождя, когда сотни человѣческихъ жизней гибли отъ стычекъ съ непріателемъ, дѣлавшимъ частыя вылазки, и особенно отъ разившихся въ войскахъ болѣзней, главнокомандующій жилъ въ главной квартирѣ, окруженный блестящей свитой и цѣлой плеядой красавицъ.

Около роскошно убранной ставки Григорія Александровича каждый вечеръ гремѣлъ громадный оркестръ подъ управленіемъ Сартти, устраивались пиры и праздники, тянувшіеся непрерывно по цѣлымъ недѣлямъ.

Волшебникъ Сартти, какъ называлъ его Потемкинъ, особенно угодилъ «свѣтлѣйшему» исполненіемъ кантаты собственнаго сочиненія на слова: «Тебе, Бога хвалимъ», при чемъ припѣвъ «святъ, святъ», сопровождался бѣглою пальбою изъ пушекъ.

Въ числѣ красавицъ, гостившихъ въ то время при главной квартирѣ, были княгиня Голицына, графиня Самойлова и жена двою-

роднаго брата «свѣтлѣйшаго», Прасковья Андреевна Гагарина.

Въ угоду своимъ дамамъ, Григорій Александровичъ не жалѣлъ ничего.

Всѣ малѣйшіе ихъ капризы исполнялись.

Для нихъ онъ выписывалъ съ особыми фельдъегерями разныя диковинки: икру съ Урала и Каспія, калужское тѣсто, трюфли изъ Периге, итальянскіе макароны изъ Милана и капдуновъ изъ Варшавы.

Узнавъ однажды, что два кавказскихъ офицера, братья Кузмины, отлично пляшутъ лезгинку, князь тотчасъ же ихъ выписалъ изъ Екатеринодара съ курьеромъ

Тѣ прискакали, лихо отплясали передъ его свѣтлостью лезгинку и на другой же день были отпущены назадъ.

— Молодцы, потѣшили, спасибо! — поблагодарилъ братьевъ Потемкинъ.

— Офицеры народъ лихой, на всѣ руки... — замѣтилъ кто-то. — Взять хоть напримѣръ, ваша свѣтлость, вашего адъютанта Спечинскаго...

— Развѣ есть у меня такой? — спросилъ Григорій Александровичъ.

Надо замѣтить, что многіе адъютанты только числились состоявшими при свѣтлѣйшемъ князѣ, что считалось высокою честью, но въ дѣло онъ ихъ неупотреблялъ и даже нѣкото-

рыхъ совершенно не зналъ, ни въ лицо, ни по фамиліи.

— Спечинскій числится въ числѣ адъютантовъ вашей свѣтлости... поспѣшилъ объяснить находившійся тутъ же Поповъ.

— Аа... протянулъ Григорій Александровичъ. — Ну, такъ что же этотъ... какъ его... обратился князь къ говорившему.

— Спечинскій, ваша свѣтлость...

— Ну да, Спечинскій.

— Да, онъ обладаетъ необікновенною памятью, знаетъ наизусть всѣ святцы и можетъ безъ ошибки перечислить имена святыхъ на каждый день..

— Что ты, это, братецъ, очень интересно.. Василій Степановичъ, выпиши-ка его сюда.. Онъ гдѣ...

— Въ Москвѣ, ваша свѣтлость.

— Пошли въ Москву... выдай на дорогу деньги, пусть пріѣдетъ... это любопытно...

Спечинскій принялъ приглашеніе съ восторгомъ, вообразивъ, что Потемкинъ нуждается въ немъ для какого-нибудь государственнаго дѣла, обѣщалъ многимъ своимъ знакомымъ протекцію и милости, наскоро собравшись проскакалъ безъ отдыха нѣсколько сутокъ въ курьерской телѣжкѣ и прибылъ подъ Очаковъ.

Это было рано утромъ.

Свѣтлѣйшій еще былъ въ постели.

Спечинскій тотчасъ же былъ потребованъ къ нему.

Григорій Александровичъ, ожидая выписаннаго имъ адъютанта, держалъ всегда при себѣ святцы.

Они лежали на столѣ у его кровати.

— Правда ли—спросилъ князь, окинувъ вошедшаго равнодушнымъ взглядомъ—что вы знаете наизусть всѣ святцы?

— Такъ точно, ваша свѣтлость.

— Какого же святого празднуется 18 мая?—продолжалъ Григорій Александровичъ, открывъ на угадъ святцы.

— Мученика Θεодота, ваша свѣтлость.

- Точно, а 29 сентября?

— Преподобнаго Киріака, ваша свѣтлость.

— Точно. А 5 февраля?

— Мученицы Агафіи.

— Вѣрно—сказалъ князь и закрылъ святцы—благодарю, что потрудились пріѣхать. Можете отправиться обратно въ Москву хоть сегодня же.

Разочарованный адъютантъ печальный поѣхалъ восвояси, хотя и получилъ хорошую денежную награду.

Надо замѣтить, что онъ пріѣхалъ не во время.

Свѣтлѣйшій въ это время готовился, гово-

ря его же образнымъ языкомъ «сидѣть на рѣкахъ Вавилонскихъ».

Среди праздниковъ, и разнаго рода чудачествъ проводилъ время осады главнокомандующій, казалось забывая о дѣлѣ, а между тѣмъ часто въ самомъ разгарѣ пира, дѣлалъ распоряженія, поражавшія всѣхъ своею обдуманностью и знаніемъ расположенія предводимыхъ имъ войскъ.

Только однажды, изъ самолюбія и желая похвастаться исполнительностью своей арміи, князь отдалъ необдуманное приказаніе.

Турки при содѣйствіи служившихъ у нихъ французскихъ инженеровъ, вмѣсто взятой Головатымъ Березани, въ одну ночь построили впереди Очакова отдѣльный редутъ.

Это укрѣпленіе, выдававшееся на довольно значительное разстояніе отъ крѣпости, стало спльно вредить нашимъ осаднымъ работамъ и батареямъ.

Цотемкинъ, въ сопровожденіи своего блестящаго штаба и иностранныхъ гостей, отправился лично осмотрѣть этотъ выросшій вдругъ какъ изъ подъ земли редутъ.

— Однако, укрѣпленіе это построено на славу, взять его будетъ трудно и на это надо будетъ потратить не мало времени...— замѣтилъ принцъ Нассау-Зигенъ.

— Ваша правда—отвѣчалъ князь — но черезъ часа два-три его не будетъ.

Затѣмъ обратясь къ генералъ-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину, Григорій Александровичъ приказалъ ему поручить одному изъ храбрѣйшихъ штабъ-офицеровъ немедленно же взять редутъ съ батальономъ гренадеръ, а въ помощь имъ назначить пять батальоновъ пѣхоты и нѣсколько сотенъ кавалеріи.

Штабъ-офицеръ, получивъ приказаніе, объяснилъ невозможность исполнить его днемъ и просилъ или отложить штурмъ до вечера, или дать солдатамъ фашиннику для закидки рва и штурмовыя лѣстницы, въ противномъ случаѣ—говорилъ онъ—люди погибнутъ совершенно даромъ.

Павелъ Сергѣевичъ оцѣнилъ справедливость этихъ доводовъ и сообщилъ князю о разговорѣ своемъ съ офицеромъ, равно и о томъ, что при арміи нѣтъ фашинника и лѣстницъ.

Григорій Александровичъ самъ очень хорошо видѣлъ, что не подумавъ, безъ разсчета, выпустилъ слово, но отмѣнить его значило показать пустую похвальбу.

Самолюбіе князя было задѣто и онъ внутренно досадуя на себя, сказалъ съ наружнымъ равнодушіемъ:

— Хоть тресни да полѣзай.

Слова эти буквально переданы штаб-офицеру.

Послѣдній собралъ свой батальонъ, велѣлъ гренадерамъ стать въ ружье, сомкнулъ ихъ въ колонну и, сообщивъ о приказаніи главнокомандующаго, громко сказалъ:

— И такъ, товарищи надо намъ помолиться Господу Богу и его святому угоднику Николаю Чудотворцу, попрося помощи свыше. На колѣни!

Солдаты упали на колѣни и стали усердно молиться.

Молился на колѣняхъ и батальонный командиръ.

Наконецъ, онъ всталъ. Встали и солдаты.

— Теперь съ Богомъ, впередъ. Помните братцы, по Суворовски! точно такъ, какъ онъ, отецъ нашъ, училъ насъ.

Осѣнивъ себя крестомъ и взявъ ружья на перевѣсъ, батальонъ обреченный на вѣрную смерть, быстро направился къ турецкому укрѣпленію, твердо рѣшившись или Взять его, или погибнуть.

Григорій Александровичъ молча слѣдилъ за гренадерами и лишь только они приблизились къ редуту, велѣлъ двинуть бѣглымъ шагомъ приготовленные къ подкрѣпленію ихъ войска съ полевой артиллеріею.

Турки въ недоумѣніи смотрѣли на происходившее и наконецъ, догадавшись, открыли убійственный огонь.

Гренадеры шли впередъ, не смотря на осыпавшія ихъ ядра и пули и шаговъ за тридцать передъ рвомъ остановились на мгновенье.

Три роты сдѣлали залпъ изъ ружей въ турокъ, усыпавшихъ валъ, и съ криками «ура» бросились въ ровъ, а оттуда ползли въ укрѣпленіе.

Четвертая, разсыпавшись по краю рва, била пулями по головамъ непріятелей.

Произошла ужасная схватка и минутъ черезъ десять наши солдаты уже ворвались въ укрѣпленіе, наповаль перажая отчаянно защищавшихся турокъ.

Укрѣпленіе было взято, гарнизонъ его переколотъ, но подвигъ этотъ стоилъ потери трехсотъ лучшихъ солдатъ.

Иностранцы диву дались передъ геройствомъ русскаго войска.

Свѣтлѣйшій главнокомандующій торжествовалъ и велѣлъ тотчасъ же представить къ наградамъ уцѣлѣвшихъ храбрецовъ.

Прошло нѣсколько дней.

Штабъ-офицеръ, взявшій укрѣпленіе, былъ приглашенъ къ столу князя—честь, которой

удостоивались немногіе изъ офицеровъ въ его чинъ.

За обѣдомъ Григорій Александровичъ завелъ разговоръ о заселеніи Новороссійскаго края и вдругъ, обратясь къ штабъ-офицеру, спросилъ его:

— Вы которой губерніи?

— Слободско-Украинской, ваша свѣтлость.

— Имѣете имѣнье?

— Отецъ мой имѣетъ.

— И хозяйственныя заведенія есть?

— Есть, ваша свѣтлость.

— А какія?

— Посѣвы, сады, заводы винокуренные, конскіе и рогатый скотъ. Есть овцы и пчелы.

— А пчелы ваши лѣсныя или въ хозяйствѣ разведенныя?

— Домашнія, ваша свѣтлость.

— Э... домашнія лѣнныя и крупнѣе лѣсныхъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, прекручныя.

— А какъ?

— Да съ майскаго большаго жука будутъ Потемкинѣ улыбнулся.

— И!.. а улья какіе же?

— Улья и летки обыкновенныя, ваша свѣтлость.

— Да какъ же такія ваши пчелы лезутъ въ летки?

— Ничего нѣтъ мудренаго, ваша свѣтлость, у насъ такъ: хоть тресни, да полѣзай...

Григорій Александровичъ закусилъ губу и прекратилъ разговоръ.

Онъ понялъ, что штабъ-офицеръ намекаетъ на его необдуманное приказаніе штурмовать среди бѣлаго дня и безъ лѣстницъ турецкое укрѣпленіе.

Вскорѣ этотъ штабъ-офицеръ со своимъ батальономъ былъ удаленъ изъ подъ Очакова, подъ предлогомъ усиленія корпуса Суворова, охранявшаго Херсонъ и Кинбурнъ.

Осада между тѣмъ все тянулась.

Но, наконецъ, медлить было нельзя.

Въ Петербургѣ недоброжелатели князя громко говорили о его промахѣхъ и сама императрица высказывала неудовольствіе.

Надо было рѣшиться на штурмъ Очакова и Потемкинъ рѣшился.

Это было 6 декабря 1788 года.

Стоялъ сильный морозъ и кровь, лившаяся изъ ранъ, моментально застывала.

Такъ говоритъ преданье.

Начался приступъ.

Турки сопротивлялись съ отчаяннымъ упорствомъ, но ничѣмъ не могли удержать побѣдоноснаго русскаго солдата. Битва была страшная и кровопролитная.

Въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста сраженія на батарее сидѣлъ, подперши голову рукой, генералъ съ одною звѣздою на груди. Тревожное ожиданіе отражалось на его лицѣ.

Онъ обращалъ свой унылый взоръ то къ небу, то къ мѣсту битвы.

Ядра со страшнымъ свистомъ летали вокругъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лопнула граната и осыпала его землею, но онъ даже не двинулся съ мѣста, а продолжалъ, вздыхая, произносить:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Вдругъ взоръ его, какъ бы прикованный, остановился на одномъ пунктѣ... Русскіе мундиры показались на городскихъ валахъ.

— Ура! Ура! — раскатилось вдали.

Отъ валовъ до бастіоновъ былъ одинъ шагъ русскіе овладѣли ими.

Очаковъ былъ взятъ.

— Тебе, Бога хвалимы! — громкимъ голосомъ воскликнулъ генералъ и осѣнилъ себя истовымъ крестнымъ знаменіемъ.

Генералъ этотъ былъ — самъ Потемкинъ.

Онъ тотчасъ же отправилъ донесеніе императрицѣ и вскорѣ получилъ орденъ святого великомученика и побѣдоносца Георгія перваго класса и шпагу, украшенную алмазами, въ шестьдесятъ тысячъ рублей.

Всѣ офицеры, бывшіе при взятіи Очакова, получили золотые кресты, а нижніе чины — серебряныя медали на георгіевской орденской лентѣ.

Въ числѣ отчаянно дравшихся подъ стѣнами Очакова былъ и нашъ знакомецъ—Щегловскій, уже ранѣе пожалованный золотою саблею и капитанскимъ чиномъ за храбрость и орденомъ св. Георгія за взятіе въ плѣнъ турецкаго паши.

За долгое сопротивленіе городъ былъ преданъ на три дня въ добычу побѣдителямъ.

Десятка два солдатъ изъ отряда Щегловскаго возвратились къ нему съ мѣшками золота и, поощренные удачей, отправились снова на поиски.

Нѣсколько разъ возвращались они съ сокровищами, но разъ пошли и не вернулись болѣе.

Василій Романовичъ долженъ былъ вскорѣ выступить, взять сокровища не было возможности, да и было опасно.

Заваливъ землянку съ серебромъ и золотомъ, онъ покинулъ Очаковъ.

Онъ уже болѣе не возвращался туда никогда и неизвѣстно сохранился ли этотъ скрытый имъ кладъ.

Къ фельдмаршалу, въ числѣ плѣнныхъ,

былъ приведенъ очаковскій комендантъ сераскиръ Гуссейнъ-паша.

Потемкинъ гнѣвно сказалъ ему:

— Твоему упорству мы обязаны этимъ кровопролитіемъ.

— Оставь напрасные упреки, — отвѣчалъ Гусейнъ: — я исполнялъ свой долгъ, какъ ты твой—судьба рѣшила дѣло.

Взятіе Очакова произвело потрясающее впечатлѣніе не только въ Петербургѣ и Константинополѣ, но и во всей Европѣ.

III.

Долгъ платежемъ красенъ.

Очаковъ палъ.

Добыча была громадна. На долю Потемкина, между прочимъ, достался изумрудъ, величиною въ куриное яйцо.

Онъ послалъ его въ подарокъ государынѣ.

Какъ мы уже говорили, Григорій Александровичъ самъ признавалъ необходимость рѣшительныхъ дѣйствій и, желая поднести ключи Очакова императрицѣ въ день ея тезоименитства, назначилъ днемъ штурма 24-го ноября.

Къ этому дню, однако, не успѣли окончить

всѣ приготовленія и штурмъ былъ отложенъ до 6 декабря.

Войска узнали о намѣреніи главнокомандующаго съ восторгомъ, солдаты встрѣчаясь между собой обнимались и поздравляли другъ друга.

Интересенъ приказъ, отданный княземъ по арміи 1 декабря 1788 года:

«Истоща всѣ способы къ преодолѣнію упорства непріятельскаго и преклоненія его къ сдачѣ осажденной нами крѣпости, принужденнымъ я себя нахожу употребить на ковецъ, послѣднія мѣры. Я рѣшился брать ее приступомъ и на сихъ дняхъ, съ помощью Божіею, приведу оный въ дѣйство. Представляя себѣ торжество и неустрашимость войска россійскаго и противуполагая онымъ крайность, въ которой находится гарнизонъ очаковскій, весьма умалившійся отъ погибшихъ во время осады, изнуренный болѣзнями и терпящій нужду, ожидаю я съ полною надеждою благополучнаго успѣха. Я даскаюсь увидѣть тутъ отличные опыты похвальнаго рвенія, съ которымъ всякій воинъ устремится исполнить свой долгъ. Таковымъ подвигомъ, распространяя славу оружія россійскаго, учинимъ мы себя достойными названія, которое имѣетъ армія мною предво-

димая; мнѣ же останется только хвалиться честью, что я имѣю начальствовать столь храбрымъ воинствомъ. Да даруетъ Всевышній благополучное окончаніе».

Приступъ продолжался всего часъ съ четвертью.

Мы уже знаемъ, что русскіе солдаты не щадили никого, кромѣ женщинъ и дѣтей, озлобленные долгимъ ожиданіемъ и отчаяннымъ сопротивленіемъ.

Наполненный трупами, Очаковъ представлялъ страшное зрѣлище.

Не было возможности похоронить ихъ, а потому трупы, вывезенные на Лиманъ, оставались тамъ до весны, когда и стали добычею подводнаго царства Чернаго моря.

Трофеи побѣдителей состояли въ 310 пушкахъ и мортирахъ и 180 знаменахъ.

Число плѣнныхъ простиралось до 283 офицеровъ и 4000 солдатъ.

Число убитыхъ съ непріятельской стороны превышало 10.000 человекъ.

Съ нашей стороны было убито и ранено 150 штабъ- и оберъ-офицеровъ и свыше 3000 нижнихъ чиновъ.

Взятіе Очакова было для Россіи тѣмъ важно, что оно открыло для нея свободное плаваніе по всему Днѣпру, обезпечило плаваніе по Черному морю и обуздао турокъ и та-

таръ, утвердивъ владычество Россіи въ Малой Татаріи и въ Крыму.

Взятіе этой крѣпости, кромѣ того, способствовало утвержденію спокойствія въ этомъ краѣ и даровало средство къ приведенію его посредствомъ земледѣлія и торговли, въ цвѣтущее состояніе.

Дѣйствія украинской арміи были сравнительно ничтожны. Румянцевъ, недовольный предпочтеніемъ, оказываемымъ Потемкину, провелъ все лѣто въ безплодныхъ переходахъ по Молдавіи и ограничился сдачей Хотина и занятіемъ Яссъ.

Австрійцы потерпѣли во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ полнѣйшую неудачу; императоръ Іосифъ, лично предводительствовавшій арміей, былъ разбитъ турками и, возвратясь въ столицу, помышлялъ уже не о побѣдахъ а о защитѣ собственныхъ владѣній.

Григорій Александровичъ лично распоряжался разстановкой арміи по зимнимъ квартирамъ въ Очаковѣ и Молдавіи, а конницы за Днѣстромъ.

Въ это время небольшой отрядъ турецкихъ плѣнныхъ былъ отправленъ подъ присмотромъ турецкаго чиновника въ Яссы.

Дорогой плѣнники, по наущенію чиновника, бросились на сопровождавшій ихъ слабый конвой казаковъ, разбили его и пусти-

лись въ бѣгство, но вскорѣ были пойманы и приведены въ главную квартиру.

Потемкинъ потребовалъ къ себѣ турецкаго чиновника, сдѣлалъ ему грозный выговоръ.

— Какъ бы поступилъ верховный визирь съ русскими, если бы они сдѣлали тоже самое, что и ты?—спросилъ онъ.

— Верховный нашъ начальникъ велѣлъ бы отрубить голову русскому чиновнику, — трепещущимъ голосомъ отвѣчалъ турокъ.

— А, я... я прощаю тебя...—сказалъ Григорій Александровичъ.

Турокъ упалъ къ ногамъ великодушнаго главнокомандующаго.

Не только отдавъ всѣ распоряженія, но и убѣдившись въ ихъ точномъ исполненіи, свѣтлѣйшій отправился въ Петербургъ, куда призывала его императрица, обрадованная взятіемъ Очакова, оправдавшимъ ея надежды на «друга и ученика».

Онъ пристыдилъ своихъ враговъ.

«За ушки взявъ обѣими руками, — писала государыня Григорію Александровичу:—мысленно цѣлую тебя, другъ мой сердечный... Всѣмъ ты рты закрылъ и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще разъ случай оказать великодушіе ложно и вѣтренно тебя осуждающимъ».

Екатерина вызывала его въ Петербургъ

для совѣщанія о планѣ будущей кампаніи и о дѣлахъ со Швеціей, которая, пользуясь затрудненіями Россіи на югѣ, объявила намъ тоже войну.

Свѣтлѣйшій по дорогѣ заѣхалъ въ Херсонъ и тамъ прожилъ около двухъ недѣль, для распоряженій по части кораблестроенія.

Въ числѣ многочисленной свиты, сопровождавшей побѣдителя, были знакомый нашъ Василій Романовичъ Щегловскій и молодой поставщикъ арміи первой гильдіи купецъ Яковкинъ.

Щегловскій лично испросилъ у князя позволенія ѣхать съ нимъ въ Петербургъ для свиданія съ родными.

— Съ родными-ли?..—подозрительно спросилъ его Потемкинъ.

— Только съ родными, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Василій Романовичъ, дѣлая удареніе на первомъ словѣ.

— Хорошо, поѣзжай, но, смотри, только съ родными...—сказалъ князь.

— Слово офицера, ваша свѣтлость...

— Хорошо, говорю поѣзжай, но если...

Свѣтлѣйшій не договорилъ и вышелъ изъ пріемной.

Исторія другого спутника князя Яковкина является чрезвычайно интересной.

Его отецъ былъ тотъ самый петербургскій

торговецъ, который, если не забылъ читатель, былъ «кормилецъ гвардіи» отпускавшій въ долгъ солдатамъ и офицерамъ незатѣйливые товары своей лавочки.

Въ числѣ его должниковъ былъ, какъ мы знаемъ, въ молодости и Потемкинъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Потемкина въ Новороссійскій край, для приготовленія къ встрѣчѣ государыни, старый Яковкинъ, не получая уплаты отъ множества должниковъ, совершенно проторговался и обанкротился.

Займодавцы, разсмотрѣвъ его счета, признали его должникомъ несостоятельнымъ и посадили въ тюрьму.

Сынъ Яковкина — юноша восемнадцати лѣтъ, предвидя бѣду, съ согласія своего отца, скрылся, имѣя въ карманѣ всего семнадцать рублей.

Тщетно кредиторы отыскивали его — онъ проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь и потомъ пріютился у раскольниковъ, въ одной изъ бѣлорусскихъ губерній.

Вслѣдствіе просьбы кредиторовъ, правительство присудило отдать старика Яковкина, еще стройнаго и ловкаго, въ солдаты. Ему забрили лобъ и опредѣлили на службу въ полевые полки.

Въ то время, когда отецъ тянулъ тяжелую солдатскую лямку, сыну его часто приходи-

ло на мысль явиться къ свѣтлѣйшему князю и получить съ него должокъ, простиравшійся до пятисотъ рублей.

— Но какъ осмѣлится беспокоить могущественнѣйшаго изъ вельможъ? Да и допустить ли къ нему?—раздумывалъ молодой Яковкинъ.

Однако, до Яковкина стали доходить слухи, что свѣтлѣйшій очень милостивъ къ простому народу и солдатамъ, допускаетъ ихъ къ себѣ безъ замедленія и что только одни высшіе чины не смѣютъ войти къ нему безъ доклада, а простаго человека адъютанты берутъ за руку и прямо вводятъ къ князю.

Слухи эти, хотя и были преувеличены, но заключали въ себѣ значительную долю правды.

Они ободрили Яковкина; онъ рѣшился и, помолившись Богу, пустился пѣшкомъ въ армію къ Очакову.

Здѣсь онъ отыскалъ знакомаго маркитанта, спросилъ его, когда, какъ и черезъ кого можно достигнуть до свѣтлѣйшаго и, получивъ подробное наставленіе, явился въ княжескую ставку и, доложивши о себѣ адъютанту, былъ приведенъ къ Григорію Александровичу.

— Кто такой? Что тебѣ нужно отъ меня?

Яковкинъ задрожалъ. Сердце его замерло,

онъ упалъ на колѣни и трепещущимъ голосомъ сказалъ:

— Я Яковкинъ, сынъ бывшаго мелочнаго торговца въ Петербургѣ.

Потемкинъ задумался.

Это имя, этотъ человѣкъ напомнили ему былое, давно прошедшее.

Опустивъ голову, онъ по обыкновенію грызъ ногти, а потомъ вдругъ весело улыбнулся и сказалъ:

— А, теперь только я вспомнилъ и тебя— тогда еще мальчика и отца твоего—честнаго человѣка. Встань! Ну, какъ поживаетъ твой старикъ?

— Давно не видалъ его, ваша свѣтлость, онъ отданъ въ военную службу по приговору займодавцевъ.

Яковкинъ рассказалъ все, какъ было.

— Вы глупы оба... — замѣтилъ князь, — почему онъ не писалъ ко мнѣ? Почему ты тогда же не явился? А!.. Въ какомъ полку твой старикъ?

— Въ нижегородскомъ пѣхотномъ полку служить солдатомъ, ваша свѣтлость. А я, отецъ ты мой, не смѣлъ явиться къ тебѣ; опасался... Да, наконецъ, услышалъ отъ одного проѣзжаго офицера, что ты, государь, милостивый, принимаешь милостиво всѣхъ насъ бѣдныхъ, рѣшился и вотъ пришелъ къ тебѣ,

отецъ мой! Не оставь и меня, и отца моего..

Яковкинъ снова упалъ на колѣни передъ свѣтлѣйшимъ.

— Встань! встань!—сказалъ князь и, обратясь къ адъютанту, добавилъ:

— Бауръ! возьми его на свои руки! Одѣнь и все, все ему. Да, кажется, я долженъ отцу твоему, Яковкинъ.

— Такъ, ваша свѣтлость, было малое то-лико!

— А сколько? Вѣдь я согрѣшилъ, забылъ и что долженъ-то былъ.

— Да четыреста девяпосто пять рублей двадцать одну копѣйку съ деньгой.

— Ну, хорошо. Ступай течерь. Послѣ увидимся.

Яковкинъ опять бросился въ ноги князю и со слезами благодарилъ его.

Черезъ нѣсколько дней Яковкинъ былъ вымытъ, выхоленъ и одѣтъ щегольски въ кафтанъ изъ тонкаго сукна, подпоясанъ шелковымъ кушакомъ, въ козловыхъ сапогахъ съ напускомъ и рубашкѣ тонкаго александрійскаго полотна съ косымъ, обложеннымъ позументомъ, воротомъ, на которомъ блестѣла золотая запонка съ крупнымъ брилліантомъ.

Въ такомъ видѣ онъ былъ представленъ князю Бауромъ.

— А, господинъ Яковкинъ, здравствуй!—

весело встрѣтилъ его Потемкинъ;—да ты сдѣлался молодцомъ.

Яковкинъ упалъ на колѣни.

— Ваша свѣтлость, да наградить же васъ Господь Богъ! Отъ милости твоей я не знаю, живъ-ли я, или мертвый? Вотъ третій день я какъ во снѣ, живу словно въ раю. О, спасибо же вамъ, отецъ родной!

Князь былъ въ духѣ и разговорился съ молодымъ человѣкомъ.

Узнавъ, что онъ умѣетъ хорошо читать и писать, знаетъ ариѳметику и мастерски считаетъ на счетахъ, Григорій Александровичъ спросилъ его:

— Скажи-ка мнѣ, Яковкинъ, не хочешь-ли ты быть поставщикомъ всего нужнаго въ полевые лазареты для больныхъ моей арміи?

— Ваша свѣтлость, да у меня не только лошади съ повозкой, но и кнутовища нѣтъ, а радъ бы душой служить вашей свѣтлости, —отвѣтилъ Яковкинъ, не понявъ вопроса.

— Не то,—возразилъ князь,—ты не понялъ. Василій Степановичъ,—обратился онъ къ Попову,—старого поставщика долой, разсчесть, —онъ испортился, а Яковкина на его мѣсто, онъ первой гильдіи купецъ здѣшной губерніи. Растолкуй ему, въ чемъ дѣло. Для первыхъ оборотовъ дать ему денегъ взаймы, дать и всѣ способы. Всѣ бумаги приготовить

и представить ко мнѣ. Ну, Яковкинъ! Теперь ты главный подрядчикъ. Поздравляю!.. Э, Василій Степановичъ! А что о старикѣ.

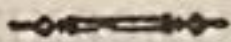
— Писано, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Поповъ,—къ полковому командиру, чтобы онъ произвелъ его въ сержанты, имѣлъ къ нему особенное вниманіе и объ исполненіи донесъ вашей свѣтлости.

— Хорошо,—сказалъ Григорій Александровичъ,—да не забудь: черезъ шесть мѣсяцевъ онъ аудиторъ съ заслугою на подпоручій чинъ. Вотъ, — продолжалъ князь, обращаясь къ Яковкину,—и отецъ твой сержантъ, а послѣ будетъ и офицеръ.

Яковкинъ залился слезами и осыпалъ поцѣлуями ноги князя.

Онъ честно повелъ порученное ему дѣло и вскорѣ разбогатѣлъ съ легкой руки свѣтлѣйшаго.

Его то и везъ съ собою въ Петербургъ Григорій Александровичъ на побывку и для свиданья съ отцомъ, котораго князь перевелъ въ петербургскій гарнизонъ.

IV.

Тріумфъ.

Едва ли тріумфы полководцевъ классической древности были болѣе великолѣпны, не-

жели триумфъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, при его возвращеніи въ Петербургъ послѣ взятія Очакова.

Въ пространственномъ отношеніи онъ несомнѣнно превосходилъ ихъ всѣ, такъ какъ это было триумфальное шествіе по всей Россіи.

Во всѣхъ попутныхъ городахъ въ ожиданіи свѣтлѣйшаго триумфатора, звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, зажигали роскошныя иллюминаціи.

Жители и всѣ власти, начиная съ губернатора до мелкихъ чиновниковъ, выходили далеко на дорогу для встрѣчи князя и съ трепетомъ ждали этого земного полу-бога.

Григорій Александровичъ, одѣтый въ дорожный, но роскошный костюмъ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой шубѣ, крытой шелкомъ, съ бѣлой шалью вокругъ шеи и дорогой собольей шапкой на головѣ, проходилъ мимо этой раззолоченной раболѣпной толпы, какъ Голіафъ между пигмеями, часто даже кивкомъ головы не отвѣчая чуть не на земные поклоны.

Его пресыщеннаго и наградами и почестями не радовали эти торжества .встрѣчи, эти

знаки поклоненія, эти доказательства его могущества и власти.

Совершенныя имъ дѣла онъ не считалъ своими—онъ ихъ исключительно приписывалъ Богу.

Князь, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ очень набоженъ и не приступалъ ни къ какому дѣлу безъ молитвы. Любимымъ предметомъ его бесѣдъ было Богословіе, которое онъ изучилъ очень основательно.

Великолѣпные храмы, построенные имъ на югѣ Россіи и богатые вклады, пожертвованные разнымъ монастырямъ, до сихъ поръ служатъ памятниками его набожности.

Относя всѣ свои успѣхи и удачи къ Промыслу Божію, онъ видѣлъ въ нихъ лишь проявленіе особенной къ себѣ милости и благоволенія Господа.

Еще недавно, когда въ бытность князя въ Новогеоргіевскѣ, было получено извѣстіе о первой морской побѣдѣ принца Нассау-Зигена надъ турками.

— Это произошло по волѣ Божіей—сказалъ Григорій Александровичъ окружающимъ—посмотрите на эту церковь, я соорудилъ ее во имя св. Георгія, моего покровителя—и сраженіе подъ Кинбургомъ случилось на другой день его праздника.

Вскорѣ принцъ Нассау прислалъ донесеніе еще о двухъ новыхъ побѣдахъ своихъ.

— Не правду ли я говорилъ—радостно воскликнулъ князь—что Господь меня неоставляетъ. Вотъ еще доказательство тому. Я избалованное литья небесъ.

Сообщая Суворову объ удачныхъ морскихъ дѣйствіяхъ принца Нассау, Григорій Александровичъ писалъ:

«Мой другъ сердечный, любезный другъ! Лодки бьютъ корабли, пушки заграждаютъ теченіе рѣки. Христосъ посреди насъ! Боже! дай найти Тебя въ Очаковѣ!

Во время осады Очакова князь однажды сказалъ принцу де-Линю.

— Не хотите-ли посмотрѣть пробу новыхъ мортиръ. Я приказалъ пріѣхать за мной шлюпокѣ, чтобы отвезти на корабль, гдѣ будутъ производиться опыты.

Де-Линь согласился и они отправились на Лиманъ, но, къ удивленію, не нашли тамъ ни одной лодки.

Приказаніе князя почему то не было исполнено.

Дѣлать нечего, пришлось остаться на берегу и смотрѣть издали на опыты.

Они удались прекрасно.

Въ эту минуту появилось нѣсколько неприятельскихъ судовъ.

На корабль поспѣшно начали готовиться къ оборонѣ, но, второпяхъ, забыли о порохѣ, насыпанномъ на палубѣ и покрытомъ только парусомъ.

При первыхъ же выстрѣлахъ порохъ вспыхнулъ и корабль вмѣстѣ съ экипажемъ взлетѣлъ на воздухъ, въ глазахъ Потемкина и де-Линя.

— Тоже самое воспослѣдовало бы и съ нами, — увѣренно, съ набожнымъ видомъ, сказалъ онъ принцу: — если бы Небо не оказывало мнѣ особенной милости и не пеклось денно и нощно о моемъ сохраненіи.

Такимъ безусловно и глубоко вѣрующимъ человѣкомъ былъ князь Григорій Александровичъ.

Въ столицу Потемкинъ прибылъ вечеромъ, 4 февраля 1789 года. Дорога отъ Царскаго Села до Петербурга была роскошно иллюминирована. Иллюминація, въ ожиданіи князя, горѣла по вечерамъ цѣлую недѣлю. Мраморные ворота были украшены арматурами и стихами изъ оды Петрова «На покореніе Очакова», выбранными самою императрицей.

«Ты съ плескомъ вступишь въ храмъ Софіи!»

Екатерина была совершенно увѣрена въ дальнѣйшихъ успѣхахъ Потемкина.

— Онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царь-

градѣ! — сказала она Храповицкому послѣ полученія извѣстія о паденіи Очакова.

Къ пріѣзду князя она сама написала стихи въ честь покорителя Очакова:

О, пали, пали—съ звукомъ, съ трескомъ
Пѣшець и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ—со громкимъ вѣрныхъ плескомъ—
Очаковъ—силы ихъ оплотъ.
Расторглись крѣпки днесь заклещны,
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ,
Струи Днѣпра великолѣпны
Шумные въ море потекутъ.

Несмѣтные толпы ликующаго народа сопровождали торжественный поѣздъ побѣдителя до самаго Петербурга.

Григорій Александровичъ остановился въ Эрмитажѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ выдающемся изъ памятниковъ Екатерининскаго времени.

Мысль создать Эрмитажъ явилась у государыни совершенно случайно:

Въ 1766 году, проходя черезъ кладовую Зимняго дворца, въ комнатѣ верхняго этажа императрица нечаянно обратила вниманіе на большую картину, изображающую «Снятіе со Креста».

Картина эта, послѣ кончины императрицы Елизаветы, была перенесена сюда изъ ея комнаты.

Екатерина—долго любовалась ею и здѣсь у нея родилась мысль завести у себя картинную галлерею.

Вскорѣ она повелѣла собрать всѣ лучшія картины, находившіяся въ другихъ дворцахъ, а также приказала своимъ министрамъ и агентамъ при иностранныхъ дворахъ скупать за границей хорошія картины и присылать къ ней.

Такимъ образомъ были пріобрѣтены въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, извѣстныя богатые картинныя коллекціи: принца Конде, графовъ Брюля и Бодуэна, берлинскаго купца Гоцковскаго, лорда Гаугтона и еще много другихъ.

Кромѣ покупокъ, императрица заказала лучшимъ художникамъ снять копію съ ложи Рафаеля.

Къ собранію картинъ, императрица присоединила коллекцію античныхъ мраморовъ, пріобрѣтенныхъ въ Римѣ, купила также всѣ мраморныя статуи у извѣстнаго въ то время мецената Ив. Ив. Шувалова; затѣмъ, государыня пріобрѣла у принца Орлеанскаго богатѣйшую коллекцію рѣзныхъ камней, антич-

ныхъ геммъ и стала покупать отрываемыя въ раскопкахъ древности: монеты, кубки, оружіе и пр.

Положивъ основаніе художественной части Эрмитажа, государыня избрала его мѣстомъ отдохновенія въ часы, свободные отъ государственныхъ занятій.

Здѣсь она дѣлила свой досугъ въ бесѣдѣ съ Дидро, Гриммомъ, Сегюромъ, принцемъ де-Линь, Потемкинымъ, Шуваловымъ, Строгоновымъ и многими другими остроумнѣйшими людьми своего времени.

Эрмитажемъ собственно называлась уединенная комната, гдѣ теперь хранятся эскизы и рисунки Рафаеля и другихъ великихъ художниковъ.

Она то и дала имя всему зданію.

Изъ этой комнаты былъ выходъ въ такъ-называемую «Алмазную комнату» въ которой, по приказанію императрицы, были собраны изъ всѣхъ дворцовъ и кладовыхъ и изъ московской оружейной палаты разныя рѣдкости изъ финифти и филиграна, агата, яшмы и другихъ драгоценныхъ камней.

Тутъ помѣстили всѣ домашніе уборы русскихъ царей и бывшія у нихъ въ употребленіи вещи: часы, табакерки, кувшины, зеркала, бокалы, ножи, вилки, цѣпочки, солонки, чайные приборы, перья, букеты.

Здѣсь хранились, между прочимъ, филиграновые туалеты царевны Софьи Алексѣевны и царицы Евдокии Лукьяновны; хрустальный кубокъ императрицы Анны Іоанновны; серебряная пудреница Елизаветы Петровны, золотая финифтяная чарочка царя Михаила Ѳеодоровича; часы, служившіе шагомѣромъ царю Алексѣю Михайловичу, модель скромнаго домика, въ которомъ обиталъ Петръ Великій въ Саардамѣ; кукла, одѣтая по-голландски—копія съ хозяйки этого домика; изображенія Полтавской битвы и морскаго сраженія при Гангеудѣ, высѣченныя рѣзцомъ Петра; табакерки, игольникъ и наперстокъ работы Екатерины.

Впослѣдствіи эти достопримѣчательности были разставлены по галлереямъ Эрмитажа.

Первою изъ этихъ галлерей считалась та, которая примыкала къ южной части висячаго сада.

Всѣ три галлерей были со сводами и имѣли около трехъ сажень ширины и четыре вышины.

Окна выходили только въ садъ.

Изъ первой галлерей выстроенъ въ сводѣ переходъ чрезъ переулокъ въ придворную церковь Зимняго дворца.

Вторая галлерей, западная, примыкала къ застройкѣ флигеля, чрезъ который госуда-

рыня изъ внутреннихъ покоевъ ходила въ Эрмитажъ.

По обѣимъ сторонамъ дверей находились вазы изъ бѣлаго прозрачнаго мрамора съ барельефами, на подножкахъ цвѣтнаго мрамора въ четыре фута вышины.

Подлѣ нихъ стояли два женскихъ портрета въ восточныхъ нарядахъ, въ подвижныхъ рамахъ.

Они были сдѣланы на императорской шпалерной фабрикѣ.

Въ третьей, восточной, галлерей были еще какія же двѣ вазы.

Въ послѣдней комнатѣ всѣ стѣны и промежутки между оконъ были покрыты картинами.

Окруженный съ трехъ сторонъ галлереями, а съ сѣверной заломъ Эрмитажа, всякій садъ имѣлъ видъ продолговатаго четырехугольника, около двадцати пяти сажень длины и двѣнадцати сажень ширины.

Своды были покрыты землею на три фута, такъ что садъ имѣлъ такую же вышину, какъ полъ въ галлереяхъ.

Садъ былъ покрытъ дерномъ, а между роскошными рядами прекрасныхъ березокъ шли дорожки, устланныя пескомъ.

Въ концѣ каждой изъ нихъ стояли статуи

изъ бѣлаго мрамора, работы Фальконета, на подножьяхъ изъ дикаго камня.

Въ сѣверной части сада была устроена высокая оранжерея съ галлереей вверху.

Въ этомъ зимнемъ саду содержалось множество попугаевъ и рѣдкихъ птицъ, обезьянъ, морскихъ свинокъ, кроликовъ и другихъ заморскихъ и нашихъ звѣрковъ.

Отъ галлерей съ восточной стороны, шли комнаты, въ одной изъ которыхъ стоялъ бюстъ Вольтера въ натуральную величину изъ красноватаго мрамора, на столбѣ изъ дикаго камня.

Въ прилегающихъ къ этимъ и другимъ комнатамъ стояло еще нѣсколько бюстовъ Вольтера: одинъ изъ фарфора, другой изъ бронзы сдѣланные съ оригинала Гудономъ.

Всѣ эти комнаты были украшены бронзовыми группами изъ жизни древней Греціи и Рима.

Подлѣ угольной комнаты къ оранжереѣ находился залъ, вмѣсто стѣны съ одной стороны были громадныя окна въ садъ; рядомъ съ заломъ была столовая комната.

Полъ здѣсь состоялъ изъ двухъ квадратовъ, которые вынимались и изъ нихъ поднимались и опускались посредствомъ особаго механизма два накрытые стола на шесть приборовъ.

Императрица здѣсь обѣдала безъ присутствія слугъ.

Въ этой комнатѣ стояли два бюста работы Шубина: графа Румянцева и графа Шереметева.

Изъ этой комнаты шла арка ко второму дворцу Эрмитажа

Въ первой овальной залѣ этого дворца со сводами и высокою галлереею, поддерживаемою тринадцатью столбами, никакихъ украшеній не было.

Висѣли только два рисунка съ изображеніемъ цвѣтовъ, писанные великою княгинею Маріею Ѳеодоровною и нѣсколько географическихъ картъ.

Въ небольшой угловой комнатѣ за этимъ заломъ сохранялся токарный станокъ Петра Великаго и разныя выточенные имъ работы изъ слоновой кости.

Рядомъ, въ овальной комнатѣ, стоялъ большой билліардъ и маленькая «фортуна»

Стѣны этой комнаты были увѣшаны картинами.

Въ небольшой комнатѣ «диванной», рядомъ съ билліардной, стоялъ драгоцѣнный столикъ изъ разноцвѣтныхъ камней, а въ углахъ бюсты адмираловъ: гр. А. Г. Орлова и В. Я. Чичагова.

Въ сосѣдней комнатѣ стояли двѣ драго-

цѣнныя вазы: одна изъ стекла аметистоваго цвѣта, а другая фарфоровая съ тонкою живописью.

Тутъ же было одно изъ первыхъ и древнѣйшихъ фортепіянь съ флейтами.

Въ комнатѣ рядомъ помѣщались двѣ мраморныя группы и большой фарфоровый сосудъ на кругломъ пьедесталѣ въ четыре фута вышины изъ голубаго состава работы Кенинга.

Въ слѣдующемъ полукругломъ залѣ находилось изображеніе римскихъ императоровъ Іосифа и Леопольда и бюстъ князя Потемкина-Таврическаго.

Уборная императрицы, кромѣ обыкновенной мебели, имѣла слѣдующія рѣдкости: играющіе часы работы Рентгена, бюсты Цицерона и Вольтера, античное изображеніе Діаны съ собакой изъ слоновой кости, античный столъ, горка изъ уральскихъ драгоцѣнныхъ камней съ каскадами изъ аквамариновъ.

Въ слѣдующемъ большомъ залѣ висѣло шесть хрустальныхъ люстръ и были расположены разныя китайскія рѣдкости.

Первая комната, на восточной сторонѣ, по каналу, вела къ лѣстницѣ главнаго входа въ Эрмитажъ, сдѣланной изъ одноцвѣтнаго кам-

ня; напротивъ нея былъ переходъ черезъ каналъ въ придворный театръ.

Въ комнатѣ передъ проходомъ построенъ былъ греческій храмъ, въ которомъ стояло изображеніе изъ мрамора «Амуръ и Психея».

Далѣе во всю длину по каналу шли «ложи Рафаэля», росписанныя *al fresco*.

Затѣмъ слѣдовали кабинеты минералогическіе и императорская картинная галлерей и скульптурныхъ и античныхъ мраморовъ *).

Таковъ былъ Эрмитажъ при его основательницѣ императрицѣ Екатеринѣ.

Потемкину было отведено помѣщеніе во второмъ дворцѣ.

Императрица, желая особенно почтить его, предупредила его представленіе и сама первая посѣтила его.

Своеручно возложила она на князя орденъ св. Александра Невскаго, прикрѣпленный къ драгоцѣнному солитеру, и подарила сто тысячъ рублей.

Черезъ нѣсколько дней, при утвержденіи доклада о наградахъ за очаковскій штурмъ, государыня приказала выбить медаль съ изображеніемъ князя и пожаловала ему «въ вящее доказательство своей справедливости къ благоразумному предводительствова-

нію имъ екатеринославской арміей, фельд-маршальскій жезлъ, украшенный лаврами и алмазами, и золотую шпагу тоже съ алмазами и съ надписью: «командующему екатеринославною сухопутною и морскою силою, успѣхами увѣнчанному».

Шпага была поднесена Григорію Александровичу на большомъ золотомъ блюдѣ, имѣвшемъ надпись: «командующему екатеринославною сухопутною и морскою силою и строителю военныхъ судовъ».

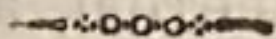
При дворѣ и у вельможъ начались балы и праздники.

Всѣ наперерывъ старались представлять зрѣлища, которыми можно было бы польстить честолюбію свѣтлѣйшаго фельдмаршала.

Главнѣйшіе подвиги его, а особенно очаковскій приступъ были представлены въ танцахъ, музыкѣ и фейерверкахъ.

Всѣ искусства соединились для прославленія подвиговъ побѣдоноснаго полководца.

Потемкинъ снова совершенно заслонилъ своею колоссальною фигурою мелкую придворную толпу, которая буквально пресмыкалась у его ногъ.

V.

Смотритель памятника.

Снова разной формы и цвѣта экипажи стали запружать каждый день, въ пріемные часы свѣтлѣйшаго, Милонную улицу.

Снова массивные двери дворца то и дѣло отворялись, впуская всякаго рода и званія людей, имѣвшихъ надобность въ властномъ вельможѣ.

А надобность эту имѣли очень многіе.

Иные ѣхали благодарить за оказанное покровительство, другіе искали заступничества сильной руки Потемкина, тѣ надѣялись получить теплое мѣстечко, а тѣ шли на горячую головомойку.

Большинство же торчало въ его пріемной лишь для того. чтобы обратить на себя вниманіе случайнаго человѣка, выказать ему лицемѣрное почтеніе, принести дань далеко неискренняго уваженія, поклониться кумиру со злобной завистью.

Григорій Александровичъ хорошо зналъ настроеніе большинства этой низкопоклонничающей знати, которая еще такъ недавно старалась обнести его передъ государыней всевозможной клеветой, а теперь ползала передъ нимъ въ прахъ и тѣмъ же подлымъ

языкомъ готова была лизать его ноги, а потому и не очень церемонился съ своими гостями, заставляя ихъ по цѣлымъ часамъ дожидаться въ его пріемной и по недѣлямъ ловить его взглядъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней въ самый разгаръ княжескаго пріема, къ роскошному подъѣзду дворца, робко озираясь, нерѣшительною походкою подошелъ дряхлый старикъ съ сѣдою косичкою, выглядывавшей изъ подъ порыжѣвшей шляпы духовнаго фасона, въ нагольномъ полушубкѣ, сильно потертомъ и съ высокой палкой въ рукахъ, одѣтыхъ въ рукавицы.

Обутъ старикъ былъ въ валенки, обшитые кожей, сильно пообившеюся.

Въ подъѣздѣ то и дѣло сновали разодѣтые сановники и военные генералы, а отворявшій дверь швейцаръ въ расшитой золотомъ ливреѣ показался пришедшему важнѣе и строже всѣхъ этихъ пріѣзжающихъ.

Старикъ остановился въ сторонкѣ и растеряннымъ боязливымъ взглядомъ сталъ смотрѣть на роскошныя двери, охраняемыя такимъ знатнымъ господиномъ, изрѣдка своими подслѣповатыми слезящимися глазами рѣшаясь взглянуть на послѣдняго.

Сѣденькая, жиденькая борода старичка,

мѣрно покачивалась, указывая на нерѣшительное раздумье ея обладателя.

Съ часъ времени простоялъ старикъ неподвижно, пока, наконецъ, не обратилъ на себя вниманія важнаго на видъ, но добродушнаго швейцара.

— Ты чего, дѣдушка, тутъ на вѣтру мерзнешь, ходь сюда, въ подъѣздъ, здѣсь не дуетъ.

— Развѣ дозволено... — тихо, какъ бы про себя, сказалъ старикъ и робко подошелъ къ подъѣзду.

— Ты кого ждешь, штоли, дѣдушка? — спросилъ швейцаръ.

— Поспросить думалъ во дворцѣ, можетъ знаютъ, гдѣ живетъ Григорій Александровичъ, можетъ твоя милость знаетъ..

— Какой Григорій Александровичъ?

— Потемкинъ.

— Его свѣтлость?.

— Ужъ не знаю, милый человѣкъ, какъ. его здѣсь величаютъ... А по мнѣ такъ Гриша,

— Гриша!.. Поди-жъ ты какой... Перваго, можно сказать, послѣ матушки-царицы вельможу, а онъ—Гриша...

— Перваго... не врешь?.. — вскинулъ удивленный взглядъ на швейцара старикъ.

— Конечно же, перваго... Да ты, братъ, откуда взялся?..

— Изъ Смоленской губерніи, родименькій, изъ села Чижева, дьячекъ я тамошній... вотъ кто...

— Какъ же тебѣ свѣтлѣйшій-то доводится, что онъ для тебя Гриша?..

— Доводиться-то никакъ не доводится, а грамотѣ я его обучалъ мальченкомъ, за уши, бывало, диралъ, за милую душу, хлестко диралъ, лѣнивъ да строптивъ былъ, пострѣленокъ...

Старикъ улыбнулся беззубымъ ртомъ, весь отдавшись воспоминаніямъ прошлаго.

— Вотъ оно что... Значить повидать своего выученика припелся, каковъ онъ сталъ поглядѣть...

— Да, вотъ розыскать бы его, посмотришь, можетъ куда-нибудь меня, старика, пристроить...

— Пристроить, коли захочетъ, какъ не пристроить, барскую мамзель, губернантку, бають, къ гвардейскому полку приписалъ, и жалованье положилъ... онъ у насъ чудесникъ...

— А проживать-то гдѣ онъ изволить?— спросилъ старикъ.

— Какъ гдѣ, да здѣсь...

— Во дворцѣ?..—удивился старикъ.

— А то гдѣ же ему проживать, говорю, вельможа первѣющій.

— Первѣющій...

— Коли повидать желательпо, въ самый разъ, ходь, дѣдушка, къ верху, въ пріемную...

— Ты, внучекъ, коли въ дѣдушки меня записалъ, зубоскалить-то брось... Надъ стариномъ смѣяться грѣшно... Ишь, что выдумалъ, ходь въ верхъ, въ пріемную... Такъ я тебѣ и повѣрилъ...

Много времени и словъ пришлось истратить швейцару, пока онъ убѣдилъ старика-дьячка, что не смѣется надъ нимъ, и что, поднявшись на верхъ, въ пріемную, онъ можетъ повидать своего Гришу.

Для вящей убѣдительности онъ даже позвалъ лакея, который подтвердилъ его слова и проводилъ старика въ пріемную.

Волшебная обстановка, ленты, звѣзды, толпы придворныхъ, преклонявшихся передъ прежнимъ деревенскимъ школьникомъ, ошеломили окончательно стараго дьячка и онъ стоялъ, ни живъ, ни мертвъ, между благоговѣйнымъ страхомъ, смутною надеждой и мгновенными безъисходнымъ отчаяніемъ, пока не упалъ на него разсѣянный взглядъ могучаго вельможи.

Григорій Александровичъ узналъ своего бывшего учителя, не смотря на долгій промежутокъ лѣтъ, разъединившихъ ихъ въ разные стороны, и, къ удивленію придворныхъ,

безцеремонно имъ раздвинутыхъ, подошелъ къ старику и привѣтливо взялъ его за руку.

— Здравствуй, старина!

— Какой же молодецъ сталъ ты, Гриша! — прошепталъ растерявшійся дьячекъ, окончательно обезумѣвшій отъ лѣтъ, отъ неожиданнаго пріема, отъ роскошной, никогда и во снѣ имъ не виданной обстановки. — Какой же ты молодецъ сталъ! — повторилъ онъ.

— Зачѣмъ ты приобрелъ сюда, старина? — ласково спросилъ его князь.

— Да вотъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ ты знаешь, все Господу Богу служилъ, да выгнали за неспособностью. Говорятъ, дряхлъ, глухъ, глупъ сталъ, такъ матушкѣ-царицѣ хочу чѣмъ-нибудь еще послужить, чтобъ не даромъ на послѣдяхъ землю топтать, — не поможешь-ли у ней чѣмъ-нибудь?..

— Поможемъ, поможемъ, старина, ты теперь у меня отдохни, тебя накормятъ, напоятъ и спать уложатъ, а завтра потолкуемъ, куда тебя приспособить: утро вечера, самъ знаешь, мудренѣе...

Григорій Александровичъ отдалъ адъютанту соотвѣтствующія приказанія.

— Да ты, Гриша, на голосъ мой не надѣйся, теперь я, голубчикъ, ужъ того — ау! — замѣтилъ дьячекъ.

— Слышу! — подтвердилъ, улыбаясь, князь.

— И видѣть-то того — плохо вижу, ужъ разъ сказалъ, что обманывать!..

— Разумѣется!.. — согласился Потемкинъ.

— А даромъ хлѣбъ ѣсть не хочу, впередъ тебѣ говорю, ваша свѣтлость...

— Хорошо, хорошо, успокойся и ступай...

Дьячка увелъ адъютантъ во внутренніе апартаменты.

Пріемъ вскорѣ окончился.

На другой день рано утромъ, когда еще князь былъ въ постели, дьячекъ былъ позванъ къ нему въ спальню.

— Ты говорилъ вчера, дѣдушка, что ты и хилъ, и глухъ, и глупъ сталъ? — спросилъ Григорій Александровичъ.

— И то, и другое, и третье, какъ передъ Богомъ сказать справедливо...

— Такъ куда же тебя примкнуть?

— Да хоть бы въ скороходы или въ придворную арапію, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ, постой! Нашелъ тебѣ должность! Знаешь ты Исаакіевскую площадь? — вскочилъ князь съ кровати.

— Еще бы! Черезъ нее къ тебѣ тащился изъ гавани.

— Видѣлъ Фальконетовъ монументъ императора Петра Великаго?

— Еще бы! повыше тебя будетъ!

— Ну, такъ иди же теперь, посмотри, бла-

гополучно ли онъ стоитъ и тотчасъ мнѣ до-
неси.

Дьячекъ вышелъ.

Открытие памятника Петру Великому со-
стоялось за семь лѣтъ до описываемаго нами
времени, а именно 7-го августа 1782 года,
въ присутствіи государыни, прибывшей въ
шлюпкѣ, при выходѣ изъ которой была
встрѣчена всѣмъ сенатомъ, во главѣ съ гене-
раль-прокуроромъ А. А. Вяземскимъ, и со-
провождаемая отрядомъ кавалергардскаго
полка отправилась въ сенатъ, откуда и яви-
лась на балконъ въ коронѣ и порфирѣ.

Со слезами на глазахъ императрица пре-
клонила главу и тотчасъ спала завѣса съ па-
матника и воздухъ огласился криками вой-
ска и народа и пушечными выстрѣлами.

Поэтъ того времени В. Рубанъ по этому
случаю сочинилъ слѣдующее восьмистишіе:

Колоссъ Родосскій, днесъ смири свой гордый
видъ!

«И нильски зданія высокихъ пирамидъ

Престаньте болѣе считаться чудесами!

Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.

Нерукотворная здѣсь Росская гора

Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,

Прешла во градъ Петровъ чрезъ невскія

пучины,

И пала подъ стопы Великаго Петра!»

Дѣйствительно, камень, служащій подножіемъ колоссальной статуи Петра Великаго взятъ близъ деревни Лахты въ 12 верстахъ отъ Петербурга, по указанію старика — крестьянина Семёпа Вишнякова.

Камень былъ извѣстенъ среди окрестныхъ жителей подъ именемъ «камня-грома».

По словамъ Вишнякова, на него неоднократно всходилъ императоръ для обозрѣнія окрестностей.

Камень этотъ лежалъ въ землѣ на 15 футовъ глубины и заросъ со всѣхъ сторонъ мхами на два дюйма толщины.

Произведенная громовымъ ударомъ въ немъ разсѣлина была шириною въ полтора фута и почти вся наполнена черноземомъ, изъ котораго выросло нѣсколько довольно высокихъ березъ.

Вѣсъ этого камня былъ болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ.

Государыня приказала объявить, что кто найдетъ удобнѣйшій способъ перевезти этотъ камень въ Петербургъ, тотъ получитъ 7.000 рублей.

Способъ этотъ придумалъ простой кузнецъ, а князь Корбургъ, онъ же графъ Цефалони, купилъ его у него за ничтожную сумму.

Въ октябрѣ 1766 года было приступлено къ работамъ для поднятія камня.

Отъ самага мѣста, гдѣ лежалъ камень, дорогу очистили отъ лѣса на десять сажень въ ширину.

Весь путь былъ утрамбованъ.

Везли камень четыреста человѣкъ на мѣдныхъ саняхъ, катившихся на мѣдныхъ шарахъ.

Какъ скоро камень достигъ берега Невы, его спустили на построенную подлѣ рѣки плотину и затѣмъ на специально приготовленное судно.

22 сентября 1767 года, въ день коронаціи Екатерины, камень былъ торжественно провезенъ мимо Зимняго дворца и на другой день судно причалило благополучно къ берегу, отстоящему на 21 сажень отъ назначеннаго мѣста для памятника.

Въ іюнѣ 1769 года, прибывшій изъ заграницы архитекторъ-скульпторъ Фальконетъ окончилъ гипсовую модель памятника.

Голову всадника сдѣлала пріѣхавшая французенка дѣвица Коллотъ.

Для того чтобы вѣрнѣе изучить махъ лошади перелѣ окнами дома Фальконета было устроено искусственное возвышеніе въ родѣ подножія памятника, на которое по нѣскольکو разъ въ день вѣзжалъ вскачь искусный берейторъ, попеременно на лучшихъ двухъ

лошадяхъ царской конюшни: «ле-Брилліантъ» и «ле Каприсъ».

25 августа 1775 года начата была отливка памятника и окончена съ отдѣлкой въ 1777 г.

Модель змѣи дѣлалъ ваятель академіи художествъ Гордѣевъ.

Такова краткая исторія памятника и этой «нерукотворной Россовой горы», которая по образному выраженію поэта «прешла во градъ Петровъ чрезъ невскія пучины и пала подъ стопы Великаго Петра».

О томъ, благополучно ли стоитъ этотъ памятникъ и послалъ Григорій Александровичъ справиться своего бывшего учителя стараго дьячка.

Дьячекъ вскорѣ вернулся съ докладомъ.

— Ну что?—спросилъ Потемкинъ, все еще лежа въ постели.

— Стоитъ, ваша свѣтлость.

— Крѣпко?

— Куда какъ крѣпко, ваша свѣтлость.

— Ну и очень хорошо! а ты за этимъ каждое утро наблюдай, да аккуратно мнѣ доноси. Жалованье же тебѣ будетъ производиться изъ моихъ доходовъ. Теперь ступай.

Обрадованный полученіемъ мѣста, дьячекъ отвѣсилъ чуть не земной поклонъ и вышелъ.

Григорій Александровичъ позвалъ Василія Степановича Попова и сдѣлалъ распоряженіе

относительно аккуратной выдачи жлованья «смотрителю памятника Петра Великаго».

Дьячекъ до самой смерти исполнялъ эту обязанность и умеръ благословляя своего «Гришу».

VI.

Попущеніе.

Въ одномъ изъ въ описываемое нами время пустынныхъ переулковъ, прилегающихъ къ Большому проспекту Васильевского острова ближе къ мѣстности, называемой «Гаванью», стоялъ довольно приличный, хотя и не новый, одноэтажный деревянный домикъ, въ пять оконъ по фасаду, окрашенный въ темно-сѣрую краску съ зелеными ставнями, на которыхъ были вырѣзаны от-верстія въ видѣ сердець.

Къ дому примыкалъ дворъ, заросшій травою, съ надворными постройками и небольшою сажикъ, окруженный деревянною рѣшеткой, окрашенной въ ту же сѣрую краску, но значительно облупившуюся.

Надъ калиткой, почти всегда заложенной на цѣпь, около наглухо запертыхъ деревянныхъ воротъ, была прибита желѣзная доска,

надпись на которой хотя была полустерта отъ дождя и снѣга, но ее все же еще можно было прочесть, была слѣдующая:

«Сей домъ принадлежитъ женѣ губернскаго секретаря Аннѣ Филатьевнѣ Галочкиной»

Его владѣлицей была знакомая намъ бывшая горничная княгини Святозаровой и сообщница покойнаго Степана Сидорова въ дѣлѣ подмѣна ребенка княгини—Аннушка.

Быль поздній по тому времени зимній вечеръ 1788 года—седьмой часъ въ исходѣ.

Ставни всѣхъ пяти оконъ были закрыты и въ сердцевидныхъ ихъ отверстіяхъ не видно было огня въ комнатахъ—казалось въ домѣ всѣ уже спали.

Между тѣмъ, это было не такъ.

Войдя по праву бытописателя въ одну изъ заднихъ комнатъ этого домика, мы застаемъ тамъ хозяйку Анну Филатьевну, сидящую за чайнымъ столомъ съ старушкой, въ черномъ ситцевомъ платьѣ и такомъ же платкѣ на головѣ.

Чайный столъ накрытъ цвѣтной скатертью. Кипящій на немъ большихъ размѣровъ самоваръ, посуда и стоящія на тарелкахъ печенья и разныя сласти и освѣщавшая комнату восковая свѣча въ металлическомъ подсвѣчникѣ указывали на относительное довольство обитателей домика.

Сама Анна Филатьевна съ лѣтами измѣнилась до неузнаваемости—это была уже не та вертлявая красивая дѣвушка, которую мы видѣли въ имѣніи княгини Святозаровой, въ Смоленской губерніи и даже не та самодовольная дама умѣренной полноты, которую мы встрѣтили въ кондитерской Мазараки—это была полная, обрюзгшая женщина съ грустнымъ ваглагомъ заплывшихъ глазъ и съ посѣдѣвшими, когда-то черными, волосами.

Между рѣдкихъ бровей три глубокихъ морщины придавали ея почти круглому лицу какое-то невыразимо печальное выраженіе.

Одѣта она въ темное домашнее платье.

Разговоръ со старушкой, съ годъ какъ поселившейся у ней, странницей Анфисой, оставленной Анной Филатьевной для домашнихъ услугъ, «на время» «погостить», какъ утверждала сама Анфиса, все собиравшаяся продолжать свое странствованіе, но со дня на день его откладывавшая, вертѣлся о суетѣ мірской.

Въ комнатѣ было тихо и мрачно.

Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ лекарствъ и давалъ понять всякому приходящему, что въ домѣ лежитъ трудно больной и заставлялъ каждого и тише ступать по полу и тише говорить.

Мужъ Анны Филатьевны, Викторъ Сергѣ-

евичъ Галочкинъ, лежалъ на смертномъ одрѣ.

— Вы говорите, Анна Филатьевна, болѣсть — оно точно божеское попущеніе. Имъ, Создателемъ, каждому, то-есть, человѣку въ болѣстяхъ быть опредѣлено; а плакать и роптать грѣхъ. Его воля — въ міръ возвратить, али къ Себѣ отозвать, — говорила пѣвучимъ шепотомъ Анфиса.

— Да я, матушка, и не ропщу, а со слезой что подѣлаешь, не удержу; вѣдь почти двадцать пять годовъ съ нимъ въ законѣ состоимъ, не чужой!

— Вѣстимо, не чужой, матушка, что и говорить.

— То-то и оно то, можетъ за эти годы какія отъ него обиды и побои видала, а муку его мученскую глядѣть не въ мочь; и какъ безъ него одна останусь и ума не приложу. Все таки онъ какой ни на есть, а мужъ — заступникъ.

Анна Филатьевна заплакала.

— Это вы, матушка, правильно: мужъ и жена — плоть едина, и въ писаніи сказано; а я къ тому говорю, что болѣсть это отъ Бога, а есть такія попущенія, что хуже болѣсти. Это ужъ онъ, врагъ человѣческій посылаетъ. Теперича къ примѣру, хозяинъ вашъ, Викторъ Сергѣевичъ, по христіанскому кончину

пріять приготовился; ежели встанетъ—слава Создателю, и ежели отыдетъ—съ душою чистою...

— И что ты, Анфиса, не накличь.

— Что вы, матушка Анна Филатьевна, зачѣмъ накликать? Наше мѣсто свято. Я вотъ вамъ про солдатика одного расскажу: отъ смертной болѣсти Божіей милостью оправился, а противу бѣса, прости Господи, не устоялъ,—сгибъ и души своей не пожалѣлъ. Силенъ онъ—врагъ-то человѣческій.

— Расскажи, матушка, Расскажи, авось забудусь я. За разговоромъ то мнѣ и полегчаетъ...

— Было это, родимая моя, годовъ назадъ пятнадцать; въ эту пору я только что овдовѣла. Дѣтокъ, двухъ сынковъ, Онъ, Создатель, раньше къ Себѣ отозвалъ; осталась я аки персть и задумала это для Господа потрудиться—по сидѣлкамъ за больными пошла—княгинюшка тутъ одна благодѣтельница въ больницу меня опредѣлила. Недѣли съ двѣ это я въ больницѣ пробыла; привозятъ къ намъ поздно ночью нищаго-солдатика, на улицѣ подобрали и положили его въ мою палату. Извѣстное дѣло, дежурный дохтуръ осмотрѣлъ, лекарства прописалъ, по утру главный, Карлъ Карловичъ, царство ему небесное, добрый человѣкъ былъ, палаты обо-

шелъ, съ новымъ больнымъ занялся. Порядокъ извѣстный. Лежить солдатикъ этотъ недѣлю, другую, третью, лекарствомъ его всякимъ пичкаютъ, а не легчаетъ. Дохтура съ нимъ бились, бились, и порѣшили на томъ, что не встанетъ. Карлъ Карловичъ при немъ это громко сказалъ и всякую діетію для него велѣлъ прекратить. «Давайте ему все, что онъ не пожелаетъ» приказъ мнѣ отдалъ. Ушли это они изъ палаты-то, а солдатикъ меня къ себѣ подзываетъ: нельзя ли, говорить, мнѣ медку липоваго? Наше дѣло подневольное: Карлъ Карловичъ давать все приказалъ, ну я и послала. Принесли это ему медку на тарелкѣ—я тѣмъ временемъ съ другими больными занялась. Подхожу потомъ къ нему, а онъ спитъ, и тарелка уже порожняя. И чтобы вы, матушка, думали? — въ испарину его съ эфтаго самага меда ударило. Поутру дохтора диву дались: наполовину болѣсть какъ рукой сняло.

— Ишь ты медъ какой полезительный! — вставила слово Анна Филатьевна.

— Не отъ меда, матушка, а такое, значитъ, уже Божье опредѣленіе. Донесли это, значитъ, Карлу Карловичу, онъ сейчасъ мнѣ свой приказъ отмѣнилъ, на діетію посадили снова, лечить стали. Солдатикъ поправляетъ

ся, ходить уже сталъ, но грустный такой, задумчивый.

— Съ чего же бы это?

— Я, матушка, и сама дивовалась; больные-то всѣ передъ выпиской веселые такіе, а этотъ какъ въ воду опущенный. Выбрала я минуточку и спросила его объ этомъ. «Нечего, говорить мнѣ, радоваться, капиталъ съѣлъ».

— Это, то-есть, какъ же?

— Да такъ; рассказалъ онъ мнѣ, что какъ доктора-то его къ смерти приговорили, онъ это услыхалъ, и грусть на него въ тѣ поры напала, кому его капиталъ достанется. А было у него въ ладонкѣ, на крестѣ, пятьсотъ рублей—все четвертными бумажками—зашиито. И порѣшилъ онъ ихъ съѣсть; медъ-то ему дали, онъ ихъ изорвалъ, смѣшалъ съ нимъ, да и слопалъ, прости Господи!

— Ишь, грѣхъ какой! — удивилась Галочкина.

— Грѣхъ, матушка, грѣхъ, вражеское пощенье!

— Ну, а ты ему что же?

— Я, вѣстимо, утѣшать начала: Богъ-де далъ, Богъ и взялъ. Куда тебѣ! Только пуще затуманивается. Ну, я и оставила, авось, думаю, такъ обойдется: погрустить, погрустить, да и перестанетъ.

— Что же, пересталъ?

— Какой, родная, въ эту же ночь въ корридорѣ на крюкѣ удавился. Вотъ онъ, бѣсъ-то, горами ворочаетъ.

— Грѣхи... Слабъ, человѣкъ! Слабы — захала Анна Филатьевна.

— Ужъ именно, матушка, что слабъ... Какъ сразу ему, бѣсу-то, прости Господи, поддастся, онъ ужъ насядетъ, да и насядетъ.. Я это, солдатику въ утѣшеніе, говорила: «Богъ-де далъ, Богъ и взялъ», анъ на повѣрку-то вышло, далъ-то ему деньги не Богъ, а онъ же, врагъ человѣческій... Петлю ему на шею этими деньгами накиннулъ... да и тянулъ всю жисть, пока не дотянулъ до геенны огненной...

— До геенны... — поблѣднѣла Галочкина.

— А, вѣстимо, матушка до геенны... Кто руки на себя наложить, ужъ вѣдь и грѣха хуже нѣту, непрощаемый, и молиться за нихъ заказано, потому, все равно, не замолишь, смертный грѣхъ, матушка...

— Откуда же у него эти деньги взялись?.. — спросила Анна Филатьевна.

— Землякъ его, матушка, опосля въ больницу приходилъ, поразсказалъ... Сироту, младенца, покойный, вишь, обидѣлъ... обобралъ то-есть... Господами былъ его женѣ на пропитаніе отданъ, не въ законѣ рож-

день былъ, и денегъ пятьсотъ рублей на него положили, а онъ эти деньги прикарманилъ какъ въ побывку ходилъ, отъ жены отобралъ, а ребенокъ-то захирѣлъ, да и померъ...

Анна Филатьевна сидѣла блѣднѣе стоявшей передъ ней бѣлой чайной чашки и молчала.

— А еще въ писаніи сказано—продолжала Анфиса. «Аще кто обидитъ единого изъ малыхъ сихъ, легче будетъ ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выѣ его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй» — вотъ онъ какой грѣхъ младенца-то обидѣть... Какъ ни какъ и когда, а скажется...

— Скажется!—машинально повторила Галочкина.

— Скажется, матушка, скажется — снова заговорила Анфиса, не замѣчая произведеннаго на Анну Филатьевну впечатлѣнія отъ ея словъ — не даромъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ сказалъ, что «ихъ есть Царствіе Божіе». Грѣшно младенца, малаго, да еще сироту обидѣть, охъ, грѣшно... Такой грѣхъ смертный, незамолимый...

— Вотъ оно что! — Господи прости меня грѣшную—шептала между тѣмъ, Галочкина и смыслъ этого шепота можно было скорѣе

угадать по движенію ея поблѣвшихъ губъ, чѣмъ слышать...

Анфиса замѣтила, что съ ея хозяйкой творится что-то неладное.

— Разстроила я васъ, матушка, еще пуще своими глупыми рѣчами.. Пойду я къ себѣ на куфню... За чай и сахаръ благодарствуйте.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди Анфисушка... Мнѣ одной боязно...

— И чего тутъ боязно, Богу помолитесь, да и спать лягте.. Нонѣшнюю ночь у больного кажись всю глазъ не сомкнули... Чай, сморились совсѣмъ...

— Нѣтъ, я днемъ вздремнула и спать теперь не хочу...

— И какъ же не хотѣть, на что-же ночь эту самую Господь Богъ даетъ... Денной сонъ силъ не подкрѣпляетъ.. Больной-то нашъ кажись притихъ... заснулъ батюшка.

— Нѣтъ, ты посиди, а я схожу къ нему понавѣдать...

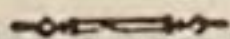
Анна Филатьевна встала и шатаясь прошла въ сосѣдную комнату, гдѣ лежалъ больной Викторъ Сергѣевичъ.

Черезъ минуту изъ этой комнаты раздался неистовый крикъ и шумъ отъ паденія на полъ чего-то тяжелаго.

Анфиса бросилась туда и ея глазамъ представилась слѣдующая картина:

На постели съ закатившимися глазами и кровавой пѣной у рта покоился трупъ Галочкина.

На полу, навзничь, лежала безъ чувствъ Анна Филатьевна.

VII.

Была ли она счастлива?

Обморокъ съ Анной Филатьевной былъ очень продолжителенъ, или скорѣе онъ перешелъ въ болѣзненный тяжелый сонъ.

Она совершенно пришла въ себя только позднимъ утромъ другаго дня.

Блуждающимъ взглядомъ обвела она вокругъ себя.

Она лежала раздѣтая на двухспальной кровати, занимавшей добрую половину небольшой комнаты, служившей спальней супругамъ Галочкинымъ.

Кромѣ кровати, въ спальнѣ стояли комодъ, столъ, а въ углу кіотъ-угольникъ съ множествомъ образовъ въ драгоцѣнныхъ ризахъ, передъ которыми теплилась спускавшаяся съ потолка на трехъ металлическихъ цѣпочкахъ, металлическая же съ краснымъ стекломъ лампада.

Анна Филатьевна уже мѣсяца съ два какъ

спала одна въ спальнѣ, такъ какъ больного Виктора Сергѣевича перевели въ болѣе просторную комнату рядомъ со столовой, гдѣ и поставили ему отдѣльную кровать.

Поэтому, проснувшись одна, Анна Филатьевна не удивилась.

Удивило ее только странное монотонное чтеніе, доносившееся изъ сосѣднихъ комнатъ.

Анна Филатьевна, нѣкоторое время внимательно вслушивалась.

Это читали псалтырь.

Мигомъ она вспомнила все происшедшее наканунѣ.

Страшный разсказъ Анфисы, ожидаемая давно, но все-же показавшаяся ей неожиданной смерть мужа, не успѣвшаго отдать послѣдній долгъ, приличествующій христіанину, умершаго одиноко въ ея отсутствіи.

Передъ ней встала картина мертвыхъ закатившихся глазъ, кровавой пѣны и она даже теперь почувствовала на правой рукѣ, которой она дотронулась до лба мужа, могильный холодъ.

Она вспомнила, что не выдержала и лишилась чувствъ.

Съ этого времени она уже ничего не помнила--ей было такъ хорошо.

Не были ли это самые счастливые часы ея жизни?

Она закрыла глаза и притворилась спящей. Она сдѣлала это умышленно.

Анна Филатьевна догадалась, что Анфиса уже распорядилась, обмыла покойника, отыскала читальщика и вотъ сейчасъ, какъ только она, Анна Филатьевна, встанетъ, на нее со всѣхъ сторонъ налетятъ люди, съ которыми ей надо будетъ разговаривать, отдавать приказанія, дѣлать распоряженія, торговаться, даже браниться, словомъ, жить въ томъ своеобразномъ значеніи слова, въ какомъ понимаютъ жизнь очень многіе вообще, а «гаваньскіе жители» въ особенности.

Жизнь—это отсутствіе покоя.

Аннѣ Филатьевнѣ не хотѣлось жить — ей хотѣлось покоя.

Она и прибѣгла къ маленькой хитрости.

Пусть думаютъ, что она еще не проснулась.

Конечно, это не можетъ продолжаться долго, но часъ, другой она можетъ урвать у жизни, которая ее ожидаетъ, какъ только она спуститъ ноги съ мягкой пуховой перины, лежащей на широкой кровати.

А такъ сейчасъ ее не побезпокоятъ!

Какъ бы въ подтвержденіе этой мысли раздался легкій скрипъ двери, она пріотворилась и въ ней просунулась голова Анфисы съ озабоченно-безпокойнымъ лицомъ.

Анна Филатьевна вся притихла и даже крѣпче, чѣмъ слѣдуетъ спящей, зажмурила глаза.

Этого, конечно, не могла замѣтить Анфиса; она поглядѣла на лежавшую, прислушиваясь къ ея легкому дыханію, покачала головой и притворила дверь со словами, видимо обращенными къ самой себѣ и выражавшими мысль старушки.

— Пусть спитъ, болѣзная, что тревожить, и безъ нея управлюсь, панихидку то отслужимъ ужъ къ вечеру...

Она удалилась отъ двери.

Анна Филатьевна слышала, какъ затихла скользящая походка ея суконныхъ башмаковъ, но не открыла глазъ.

Съ закрытыми глазами думать легче.

Человѣкъ невольно сосредоточивается.

Анна Филатьевна думала.

Передъ ней проносились вся ея жизнь со дня ея свадьбы съ Викторомъ Сергѣевичемъ, съ тѣмъ самымъ Викторомъ Сергѣевичемъ, который теперь лежитъ тамъ, подъ образами, недвижимый, бездыханный...

Она сдѣлалась чиновницей-барыней.

Она купила это положеніе на деньги, добытыя преступленіемъ, преступленіемъ подмѣна ребенка, обидою сироты...

Анна Филатьевна вспомнила вчерашній рассказъ Анфисы.

Она невольно вздрогнула подъ теплымъ, ваточнымъ одѣяломъ, покрытымъ сшитыми уголками изъ разныхъ шелковыхъ матерій.

Одѣяло было пестрое, красивое.

— Когда и какъ, а все скажется... Грѣхъ это...—силилась она припомнить слова старухи.

— Скажется? А можетъ быть уже и сказалось?—задала она себѣ вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, была-ли она счастлива?

Аннѣ Филатьевнѣ въ первый разъ въ жизни пришлось поставить себѣ ребромъ этотъ вопросъ.

Она затруднялась отвѣтомъ даже самой себѣ.

Со многими людьми можетъ произойти то же самое, если не съ большинствомъ.

Какъ много людей живутъ безъ всякихъ цѣлей, интересовъ, чисто растительною жизнью, для которыхъ понятія о счастіи узки, и, между тѣмъ, такъ разнообразны, что вопросъ, поставленный категорически: счастливы ли они?—поставить ихъ невольно въ тупикъ.

— Съ одной стороны, пожалуй, и да, а съ другой оно конечно... Живемъ ничего, ожидаемъ лучше...

Вотъ отвѣтъ, который вы получите отъ нихъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Да и что такое счастье?

Понятіе относительное, но все же... человекъ можетъ быть и даже долженъ быть счастливъ, хотя мгновеньями.

Если человеку, вообще, не суждено сказать на землѣ: я счастливъ, то ему по крайней мѣрѣ дается возможность сказать: я былъ счастливъ.

И это уже большое утѣшеніе.

Была-ли хоть такъ счастлива Анна Филатьевна?

— Съ одной стороны, пожалуй, и да... а съ другой, оно конечно...

Эта именно, или въ родѣ этой фраза сложилась въ умѣ лежавшей съ закрытыми глазами Галочкиной, послѣ долгаго раздумья надъ вопросомъ: была-ли она счастлива?

И дѣйствительно, съ одной стороны ея жизнь катилась довольно ровно.

Первые годы мужъ служилъ. На часть ея денегъ они купили себѣ тогда домикъ. Викторъ Сергѣевичъ, впрочемъ, запивалъ и во хмѣлю былъ крутъ; Аннѣ Филатьевнѣ приходилось выносить довольно значительныя потасовки... Анна Филатьевна терпѣла, потому трезвый онъ былъ хорошій человекъ... Перваго ребенка она выкинула, свалилась

съ лѣстницы въ погребъ и выкинула. Послѣ того было еще четверо дѣтей—три мальчика и одна дѣвочка, и всѣ они умирали, не доживъ до году, только послѣдняя дѣвочка жила до семи лѣтъ... жила бы и до сихъ поръ, здоровая была такая, да ее забодала корова, на смерть забодала... Анна Филатьевна съ годъ ходила какъ сумасшедшая, послѣ смерти Оли—такъ звали дѣвочку. Больше дѣтей у нея не было.

— Дѣти—Божье благословенье!..—вспоминалось Галочкиной:—значить на ихъ домѣ благословенія нѣтъ...

— Скажется, какъ и когда, а скажется...— снова лѣзли ей въ голову слова Анфисы.

Она вернулась къ своимъ воспоминаніямъ.

Вскорѣ послѣ смерти дѣвочки мужъ сталъ прихварывать и вышелъ въ отставку... На службѣ онъ скопилъ деньжонокъ, такъ что вмѣстѣ съ оставшеюся у нея частью капитала образовалась довольно солидная сумма.

Викторъ Сергѣевичъ сталъ отдавать деньги въ ростъ.

Дѣла пошли ходко.

Все окрестное неимущее населеніе Васильевскаго острова полѣзло за деньгами къ «Галкѣ», какъ по-просту называли Галочкина.

Вслѣдъ за мужемъ и у Анны Филатьевны

развились страсть къ стяжанію, къ скопидомству, къ накопленію богатствъ.

Въ этомъ смыслѣ они были удовлетворены.

Доходы съ каждымъ годомъ росли.

Двѣ комнаты дома, отведенныя подъ кладовыя, были полны всякаго рода скарбомъ, принесеннымъ въ качествѣ залога; тутъ были и мѣховыя шубы и высокіе смазные сапоги, каждая вещь была подъ нумеромъ.

Книжки велъ самъ Викторъ Сергѣевичъ.

Въ комодѣ, стоявшемъ въ той же кладовой, пять ящиковъ были наполнены золотыми и серебряными вещами, то же занумерованными.

Проценты брались большіе.

Бѣдность вѣдь и терпѣлива и податлива.

Домъ Галочкиныхъ былъ полная чаша.

Они сладко ѣли и мягко спали.

— Но въ этомъ ли счастье? — задумалась Анна Филатьевна.

— Нѣтъ, не въ этомъ! — рѣшила она мысленно.

Викторъ Сергѣевичъ изрѣдка продолжалъ запивать и расхварывался все сильнѣе. Наконецъ слегъ.

— Теперь онъ умеръ... — вспомнилось ей вчерашнее.

Монотонное чтеніе псалтыря снова явствен-

но доносилося до ея ушей изъ сосѣднихъ комнатъ.

Она теперь одна со всѣми накопленными богатствами...

Къ чему они ей?

Вѣдь и у солдатика, о которомъ рассказывала Анфиса, было богатство — пятьсотъ рублей.

Его деньги, какъ и ея были нажиты не трудами праведными, а это вѣдь...

— Скажется, какъ и когда, а скажется — снова прозвучала въ ея ушахъ фраза Анфисы.

Онъ обидѣлъ младенца-сироту, а она...

Анна Филатьевна вспомнила со всѣми ужасающими душу подробностями появленіе въ Несвицкомъ Степана Сидорова, искушеніе, которому онъ подвергъ ее... Страшную ночь родовъ княгини Зинаиды Сергѣевны... Подмѣнь ребенка...

Руки ея похолодѣли.

Ей показалось, что она и теперь держитъ въ рукахъ переданный ей трупикъ дѣвочки.

Это ощущеніе холода мертваго тѣла какъ-то страшно соединилось съ ощущеніемъ, испытаннымъ ею вчера при прикосновеніи рукой ко лбу мертваго мужа.

Она вся задрожала и какъ-то съежилась подъ пестрымъ одѣяломъ.

— Легче будетъ ему, да обѣсится жерновъ осельный на выѣ его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй—припомнились ей вдругъ снова Анфисы.—Вотъ что ожидаетъ того, кто обидитъ единого изъ малыхъ сихъ.

А она обидѣла.

— Накинетъ бѣсъ петлю.. Тянетъ, тянетъ, да и дотянетъ до геены... А у нея развѣ нашеѣ не такая же петля?..

Вчера умеръ мужъ, завтра можетъ умереть и она.

Всѣ подъ Богомъ ходимъ!

А каково предстать на судъ Всевышняго, такъ, безъ покаянія... Не дастъ Господь покаяться, какъ вдругъ призоветъ.

Анна Филатьевна вспомнила, что Викторъ Сергѣевичъ умеръ безъ покаянія.

Она не разъ говорила ему намеками, стороной, чтобы онъ исповѣдывался, да пріобщился... Куда тебѣ... сердился... Ты что меня раньше времени хоронишь... Она бывало и замолчить... А вотъ теперь вдругъ и нѣтъ его...

Не допустилъ Господь до покаянія.

Тоже вѣдь бѣдняковъ, да сиротъ обижалъ: «малыхъ сихъ».

Тамъ въ кладовой, на стѣнахъ, въ узлахъ и въ комодѣ все слезы бѣдняковъ, да сиротъ хранятся... Каждая вещь можетъ кровавымъ

потомъ нажита, да горючими слезами облита, прежде чѣмъ сюда принесена! Такъ-то! Все за это самое...

Такія отрывочныя мысли бродили въ головѣ Анны Филатьевны.

Мѣрное чтеніе псалтыря при каждомъ возвышеніи голоса читальщика доносилось, между тѣмъ, явственпо до ея ушей.

— Что же дѣлать? Что же дѣлать?—мысленно, со страхомъ задавала она себѣ вопросы.

Она открыла глаза и обвела вокругъ себя безпомощнымъ взглядомъ.

Этотъ взглядъ остановился на кіотѣ съ образами.

Кроткіе лики Спасителя, Божьей Матери и святыхъ угодниковъ глядѣли на нее, освѣщенные красноватымъ отблескомъ чуть теплившейся лампы.

Вдругъ Анну Филатьевну осѣнила мысль.

Она вскочила съ постели и, какъ была въ одной рубашкѣ, босая упала ницъ на голый полъ поредъ кіотой.

Она молилась.

Сначала молитвенные помыслы перебивали, какъ это всегда бываетъ, другія мірскія мысли, но потомъ, когда силою воли она принудила себя сосредоточиться, ей почудилось, что она не молится, а бесѣдуетъ съ добры-

ми друзьями, готовыми придти къ ней на помощь, посовѣтовать, выручить изъ бѣды, раздѣлить тяжесть горя.

Тяжесть, лежавшая на ея груди, стала какъ будто подниматься кверху, вотъ подошла къ самому горлу.

Анна Филатьевна залилась слезами.

Это были великія слезы примиренія съ Богомъ, примиренія съ своей собственной совѣстью.

Долго еще горячо и усердно молилась Анна Филатьевна.

Наконецъ, она встала съ колѣнъ и присѣла на край кровати.

Лицо ея за ночь какъ будто похудѣло и казалось какимъ-то просвѣтленнымъ.

Скрипнула дверь, полуотворилась и въ ней показалась голова Анфисы.

— Встали, матушка родимая, одѣвайтесь да выходите, болѣзная, гробовщикъ пришелъ.

— Сейчасъ!—отозвалась Анна Филатьевна и стала торопливо одѣваться.

Черезъ четверть часа она уже окунулась въ омутъ жизненной сѣтолки.

VIII.

И с п о в ѣ д ь.

Совершенно оправившаяся Анна Филатьевна твердою походкой вошла въ залъ, гдѣ въ переднемъ углу лежалъ покойный Викторъ Сергѣевичъ.

Онъ почти не измѣнился, только черты исхудавшаго за время болѣзни лица еще болѣе обострились.

Одѣтъ онъ былъ въ его старый вицъ-мундиръ, три свѣчи горѣли по сторонамъ и у изголовья покойника.

Анна Филатьевна опустилась на колѣни и съ полчаса пролежала ницъ лицомъ у самаго стола, на которомъ лежало тѣло ея мужа.

Она не плакала.

Вставши, она начала отдавать приказанія и дѣлать нужныя распоряженія.

Къ вечеру былъ принесенъ гробъ и за вечерней панихидой въ него положили тѣло.

Всѣ сосѣди близкіе и дальніе перебывали въ домѣ, чтобы поклониться покойному.

Большинство пришедшихъ движимы были, впрочемъ, далеко не желаніемъ отдать послѣдній долгъ покойному, а любопытствомъ, что происходитъ въ томъ домѣ, ворота кото-

раго были почти постоянно на заборѣ, и въ который только ходили по нуждѣ, за деньгами.

Вѣсть, что умеръ «Галка-ростовщикъ» съ быстротою молніи облетѣла весь Васильевскій островъ и вся бѣднота невольно встревожилась.

— А вдругъ Галчиха — такъ звали Анну Филатьевну кліенты ея мужа — вещи то не отдастъ, скажетъ мужъ бралъ, а я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

И они побѣждали смотрѣть, что дѣлаетъ Галчиха, чтобы вывести изъ ея наружности, настроеніе духа, какъ она думаетъ поступить.

Такъ, присущій послѣднему нищему, не позволялъ говорить о дѣлахъ въ присутствіи покойника.

Анна Филатьевна ходила по комнатамъ, распоряжалась, стояла на панихидахъ съ сухими глазами, покойная, почти довольная,

Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось нѣкоторымъ.

— Ишь, кремень-баба, слезы не проронить! — шептались въ толпѣ, окружавшей гробъ. — Пропали наши манатки, пропали...

— У меня самоваръ... пять рублей стоялъ... полтинникъ далъ... за полтинникъ пропадетъ, хорошій самоваръ..

— А у меня, родимые, салопъ чернобурый,

канаусомъ крытый, старый, оно говорить нечего, маменькинъ... — бормотала ветхая старушка:—а еще хорошій, теплый, растеплый... три рубля отвалилъ покойный, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное... Пропадетъ...

— Вѣстимо пропадетъ... — утвердительно, тоже шепотомъ, рѣшилъ чиновникъ въ вицмундирѣ и пальто нараспашку.—У меня табакерка жалованная, отцовская... сто рублей ей цѣна... за пятнадцать... Ну, да я потягаюсь, до царицы дойду.

— Мужчинамъ, вамъ хорошо, управу какъ разъ найдете, — томно закативъ глаза тихимъ шепотомъ говорила молодящаяся дама съ раскрашеннымъ лицомъ и съ подведенными глазами и бровями: — У меня браслетъ, покойный мужъ еще въ женихахъ подарилъ Сувениръ... Съ жемчугомъ... Какъ твои зубки—говорилъ покойный!—осклабилась дама, беззубымъ ртомъ: — за три рубля... Пропадетъ...

— Пропадетъ... — снова изрекалъ чиновникъ.

— Ахъ, mon Dieu...—восклинула дама.

— Сапоги смазные, онамеднясь только и заложилъ за три гривны.. Сама принимала, можетъ отдасть... — заявлялъ какой-то обор-

ванецъ:—Ужели пропадутъ... Сапоги первѣющіе... Пропадутъ...

— Пропадутъ...—эхомъ шепталъ себѣ подъ носъ чиновникъ.

Таково, вмѣсто молитвеннаго, было настроеніе окружавшихъ гробъ покойнаго Виктора Сергѣевича.

Какъ ни тихи были эти разговоры, но они достигали порой до ушей вдовы.

Анна Филатьевна на нихъ только какъ-то загадочно улыбалась.

Ея улыбка, замѣченная многими, еще болѣе утверждала ихъ въ роковой догадкѣ, что она не отдастъ заложенные вещи.

Большинство склонялось къ мнѣнію чиновника, все продолжавшаго повторять, какъ заключеніе на раздававшееся кругомъ сѣтованіе.

— Не отдастъ!..

— Придется тягаться...—рѣшили многіе.

— Что тягаться... Вѣдь нумерокъ и то своей рукой записалъ... Гдѣ-жъ доказать... Квартальный имъ свой человекъ... Ишь передъ вдовой разсыпается... Чувствуетъ, что перепадетъ... Иродово племя...

Мѣстный квартальный надзиратель, доводившійся Аннѣ Филатьевнѣ кумомъ по послѣдней дочери, дѣйствительно разговари-

валъ съ ней въ это время, называя ее кумушкой.

Это не ускользнуло отъ слуха окружающихъ.

— Квартальный-то ейный кумъ.

Эта фраза, сказанная кѣмъ-то, начала переходить изъ устъ въ уста.

— Пиши пропало... рѣшило большинство

— До царицы-дойду... потому жалованная... ворчалъ чиновникъ.

Панихида окончилась.

Это была послѣдняя панихида передъ днемъ похоронъ.

Отпѣваніе тѣла состоялось на другой день въ церкви Смоленскаго кладбища.

Анна Филатьевна купила могилу на одномъ изъ лучшихъ мѣстъ кладбища, возлѣ церкви.

На выносъ собралось также много народа, былъ и чиновникъ, хотѣвшій дойти до царицы, и крашенная дама, и оборванецъ, заложившій сапоги.

Были и приглашенные—знакомые сосѣди, съ мѣстнымъ кварталнымъ во главѣ.

По окончаніи печальнаго обряда, вдова стала одѣлать нищихъ...

Милостыня, сверхъ ожиданія, была очень щедрая...

— На поминъ-то души муженька расщедрилась... да только врядъ-ли замолятъ... ска-

редъ былъ покойничекъ, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное — вставляли лишь нѣкоторые ядовитое замѣчаніе, узнавши о обильной милостынѣ, розданной Анной Филатьевной.

Послѣ погребенія приглашенные поѣхали назадъ въ домъ, гдѣ былъ имъ предложенъ поминальный обѣдъ.

Анна Филатьевна вышла съ кладбища подъ руку съ квартальнымъ-надзирателемъ

— Задобрить, шабашъ... пропадутъ... шептали снова въ толпѣ при видѣ этой пары.

— До царицы дойду... ворчалъ чиновникъ. Наконецъ, кладбище опустѣло.

Виновникъ всей этой тревоги, остался одинъ подъ свѣже-насыпанномъ холмомъ.

Послѣ поминальнаго обѣда, продолжавшагося до вечера, наконецъ, всѣ провожавшіе разошлись.

Анна Филатьевна осталась вдвоемъ съ Анфисой.

Послѣдняя занялась уборкой посуды и только управившись замѣтила, что Галочкина сидитъ у окна, не перемѣняя позы въ глубокой задумчивости.

— Анна Филатьевна, матушка, Анна Филатьевна... — окликнула ее старушка.

Та не отвѣчала.

Анфиса подошла ближе и дотронулась до плеча сидѣвшей.

— Анна Филатьевна...

— А!.. что?.. — точно очнувшись отъ сна, произнесла Галочкина.

— Съ чего это вы такъ задумались... Все время молодецъ-молодцомъ были... на людяхъ... когда не грѣхъ бы и покручиниться, а тутъ вдругъ затуманились, ровно въ столбнякъ сидите...

— Охъ, Анфисушка, столько думъ, что и не передумаешь...

— О чемъ, матушка, думать то... Отъ думы то одинъ грѣхъ... Покойнаго не вернешь... Надо и безъ него жизнь доживать...

— Доживать... Страшно...

— И чего, матушка, страшиться...

— Смерти, тоже также безъ покаянія...

— Да развѣ покойный то... Какъ же вы, матушка, мнѣ сказывали, что исповѣдался и онъ и тайнъ святыхъ принялъ...

— Охъ, Анфисушка, голубушка, обманула я тебя, грѣшная, ты въ Невскую лавру помолиться пошла, къ вечеру вернулась, я тебѣ и сказала, чтобы ты къ нему не пошла его уговаривать.

— Ахти, грѣхъ какой!

— Сколько разовъ я сама его Христомъ Богомъ просила: исповѣдайся ты, да пріобщишь,

Слышать не хотѣлъ...—Что ты меня споза-ранку въ гробъ кладешь... еще поправляюсь... на спажинкахъ отговѣю, самъ, на ногахъ отговѣю... Серчаешь, бывало, страсть...

— Ахти, грѣхъ какой, ахти, грѣхъ какой...
—продолжала качать головой Анфиса.

— Грѣхъ, грѣхъ...
Наступило молчаніе.

Сумерки стали сгущаться. Въ комнатѣ была полутьма.

— Что же, матушка, очень то убиваться о томъ, нищую то братію ты сегодня какъ слѣдуетъ быть одѣлила—замолятъ за его грѣшную душеньку... Милостыня — тоже великое дѣло. Вкладъ сдѣлай въ церковь то кладбищенскую... сорокоустъ закажи... Въ Лавру тожъ... помолятся отцы святыя...—первая заговорила Анфиса.

— Все сдѣлаю, Анфисушка, все сдѣлаю...—со слезами въ голосъ отвѣчала Анна Филатьевна.

— Я вотъ, матушка, по веснѣ по святымъ мѣстамъ пойду, можетъ со мной какія жертвы угодникамъ Божіимъ пошлешь..

— Вотъ что я, Анфисушка, надумала...—вдругъ вскинула на нее глаза Анна Филатьевна.

— Что, касаточка?

— Съ тобой по святымъ мѣстамъ походить...

— Оно что же, для души, ахъ, какъ полезно... А домъ-то какъ же? Мірское это: оно удерживаетъ... Еще Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: «Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе».

— Я домъ продамъ, Анфисушка, на что мнѣ домъ...

— Продашь?.. — удивилась старуха.

— Продамъ, Анфисушка, продамъ... и всѣ деньги бѣднымъ раздамъ... Христовымъ именемъ съ тобой пойду по святымъ мѣстамъ...

— И что ты, Анна Филатьевна, что-то несуразное толкуешь.: Прости меня Господи...

Старуха перекрестилась.

— Ничего нѣтъ тутъ, Анфисушка, несуразнаго.. Это я еще на другой день смерти Виктора Сергѣевича рѣшила... Такъ и будетъ, вѣдь я нынче нищей-то братіи пятьсотъ рублей раздала...

— Пятьсотъ, да въ умѣ ли ты, матушка, такую-то уйму денегъ...

— Куда они мнѣ, всѣ раздамъ...

— Да съ чего же ты это?

— А помнишь, Анфисушка, намедни, какъ мужу-то умереть, ты мнѣ рассказывала про нищаго солдатика.

— Помню, разстроила только тебя.,

— Не разстроила, а совѣсть у меня зазрела въ тѣ поры... Страшно стало..

— Не пойму я что-то! Чего же тебѣ-то страшно?

— А вотъ сейчасъ и поймешь, Анфисушка! Припомни, ты сказала, что нечистый этими деньгами на него петлю накиннулъ, да и тянулъ, тянулъ и дотянулъ до геенны огненной...

— Сказала

— А мои-то деньги тоже мнѣ на шею нечистымъ, прости Господи, петлей накинуты.

— Господи Іисусе Христе... Съ нами крестная сила...—лепетала Анфиса, истово осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Слушай, Анфисушка, ты женщина праведная...

— И, какая праведная, матушка...

— Слушай и не перебивай, я тебѣ, какъ на духу, во всемъ откроюсь, тогда ты сама скажешь, что мнѣ остатокъ своихъ дней не о мірскомъ, а о небесномъ думать надо...

Тихимъ шепотомъ, со всѣми мельчайшими подробностями, рассказала Анна Филатьевна Анфисѣ всю свою жизнь у княгини Святозаровой, отъѣздъ въ Несвицкое, подкупъ ея покойнымъ Степаномъ Сидоровичемъ, подмѣнъ ребенка, который былъ отправленъ къ сосѣдкѣ Потемкиной.

— Вотъ на какія деньги, Анфисушка, разжились мы съ Викторомъ Сергѣевичемъ... Онъ, покойничекъ, царство ему небесное, объ этомъ, въ могилу сошелъ, не узналъ... На духу я не признавалась, ты одна знаешь, суди меня... Развѣ деньги эти не петля дьявольская... Господи, прости меня, грѣшную...

Старушка, нѣсколько разъ крестившаяся во время разказа Анны Филатьевны, молчала.

— Вотъ какова я, окаянная... Грѣхъ совершила незамолимый, смертный, младенца обидѣла... Въ геенну себѣ путь уготовила...

Анна Филатьевна залилась горькими слезами.

Анфиса вышла изъ своего оцѣпенѣлаго состоянія.

— Коли искреннее раскаяніе чувствуешь... Богъ проститъ... Онъ милостивъ... «Не до конца прогнѣвается, ниже вѣкъ враждуетъ»... въ писаніи сказано... Не мнѣ отговаривать тебя отъ твоего подвига... Самъ Господь, быть можетъ, вразумилъ тебя... Только вотъ что... княгинюшкѣ своей ты все это Расскажи, можетъ она сыночка своего и найдетъ...

— Охъ, идти-то мнѣ къ ней боязно...— сквозь слезы прошептала Анна Филатьевна.

— Что тутъ боязно, передо мной покаялась, и передъ ней покайся... Къ Богу-то тоже идти надо съ душой чистою...

— Охъ, боязно...

— Со мной пойдемъ, чего не сможешь... я доскажу...

— Пойдемъ, Анфисушка, пойдемъ... Только вотъ съ этими закладами справиться, съ завтрашняго дня, чай, ходить начнутъ узнавать, что и какъ...

— Какъ же съ ними ты сдѣлаешь..

— Раздамъ, всѣ раздамъ... дарма, за поминъ души раба Виктора.

— Пойдемъ-ка спать теперь, касаточка, утро вечера мудренѣе. Помолимся, да и на боковую...

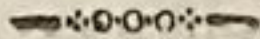
Анна Филатьевна съ Анфисой отправились въ спальню.

Долго молились онѣ передъ образами и обѣ плакали...

Кончивъ молитву, старушка перекрестила Анну Филатьевну и пошла въ кухню.

Она сразу заснула.

Анна же Филатьевна не могла отъ пережитаго волненія долго сомкнуть глазъ и задремала только подъ утро.

IX.

Неожиданная благодѣтельница.

Быль седьмой часъ утра, когда въ парадной двери дома Галочкиной раздался первый звонокъ.

Анна Филатьевна еще спала.

Первымъ посѣтителемъ оказался тотъ чиновникъ, который на панихидахъ и накануне на похоронахъ пророчилъ всѣмъ, что заложенные у «Галки» вещи пропадутъ и грозился дойти до самой царицы.

Ему отворила Анфиса.

Она встала рано и была очень сосредоточена.

Ее на самомъ дѣлѣ поразила исповѣдь ея хозяйки и благодѣтельницы.

Проснувшись и помолившись Богу, она раздумалась о людскихъ прегрѣшеніяхъ.

— Вотъ кажется, живутъ люди... домъ—полная чаша, истинно Божеское благословеніе на немъ почіеть, а подижъ ты, что на повѣрку то выходитъ... Что внутри то гнѣздится... Такъ и яблоко, или другой плодъ какой, съ виду такой свѣжій, красивый, а внутри... червь... Такъ то...

Эти философскія разсужденія старушки прервалъ раздавшійся звонокъ.

Анфиса поплелась къ двери...

— Пошли... поѣхали... Прости Господи!..—
ворчала она.

Чиновникъ вошелъ съ видимо напускною
важностью.

— Хозяйка дома?

— Спитъ еще...

— Спитъ, мужа вчера похоронила, а спитъ.

— Да, что же ты ей, батюшка, не спать
прикажешь, столько дней намаявшись и всю
ночь глазъ можетъ не сомкнувши...—разсер-
дилась Анфиса.

— Ночь, говоришь, не спала?

— Вѣстимо не спала, этакое горе.

— Ну имъ богатѣямъ такое горе съ поль-
горя... Деньжищъ, чай, покойный уйму оста-
вилъ?

— А ты, ваше благородіе, считалъ...

— И считать нечего... знаемъ... слухомъ,
чай, земля полнится...

— Не всякому слуху вѣрь, ваше благо-
діе, да если и впрямь денегъ много... развѣ
съ ними то окаянными горя люди не видятъ...
еще большее...

— Да ты, кажись, тетка, начетчица, съ то-
бой не столкуешь. Мнѣ бы хозяйку повидать..

— Вотъ проснется... выйдеть...

— Проснется... выйдеть... Мнѣ тоже не до-
сугъ, на службу царскую надобно...

— Такъ и иди на службу, а ужъ не обезсудь, будить не стану, пусть поспигъ болѣзная...

— Съ чего это ты къ ней больно жалостлива, али вчерась щедро одарила?

— Это тебѣ, ваше благородіе, ни къ чему. А будить для тебя не стану, вотъ весь и сказъ...—окончательно озлилась старуха.

Чиновникъ, видя непреклонность служанки, смирился.

— Чтожъ и не буди, коли на самомъ дѣлѣ она всю ночь не спала... я подожду.

У него мелькнула мысль, что если «Галчиху» разбудятъ, она встанетъ злая и, пожалуй, что табакерка его и впрямь пропадетъ.

Надежда дойти до царицы, при близкомъ знакомствѣ хозяйки дома съ мѣстнымъ квартальнымъ, представилась ему вдругъ дѣломъ довольно затруднительнымъ.

— Что же, посиди, я не гоню...—смиловилась и Анфиса.

Чиновникъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, стоявшихъ по стѣнамъ залы.

Анфиса тоже присѣла.

— Я собственно насчетъ одной вещи.

— Заложена?

— Заложена.

— Отдастъ...

— Не врешь... потому у меня теперь денегъ

нѣтъ, подождать попросить пришелъ недѣльки съ двѣ до жалованья...—замѣтилъ чиновникъ.

— Отдасть... такъ отдасть...

— Какъ, такъ?

— Такъ, безъ денегъ...

— Да ты, тетка, въ умѣ-ли?

— Да чего же ты, ваше благородіе, диву дался... точно отдать нельзя.

— Безъ денегъ?

— Ну, вѣстимо, безъ денегъ... На поминъ души покойника, все раздасть, что заложено было... Вечоръ мнѣ такъ сказала, такъ и сдѣлаетъ...

— Не врешь?

— Песъ вретъ, ваше благородіе.

— Ну, дѣла, дивныя дѣла... Отъ Бога видно ей такъ внушено было...

— Вѣстимо не отъ бѣса, прости Господи!

Старуха перекрестилась.

— Такъ ты, тетушка, вотъ что, ее не буди... Пусть спить...—сказалъ чиновникъ.

— Да я и не буду...

— Я и говорю, не буди... Добрѣющая, видно, у ней душа... Не ожидалъ, признаюсь, не ожидалъ...—потиралъ руки чиновникъ:—Безъ денегъ и безъ процентовъ... Дивныя дѣла... А ужъ за душеньку покойнаго мы замолимъ.

— Вѣстимо, молиться надо...

— Пусть спитъ, голубушка, пусть спитъ..
— говорилъ чиновникъ.

— Ты вотъ что, ваше благородіе, здѣсь побудь, а я пойду на куфню, самоваръ наставлю, а ежели кто позвонится, ужъ не поставь себѣ во трудъ, отвори...

— Иди, иди, тетушка, я отворю...—тотчасъ же согласился чиновникъ.

Анфиса ушла.

— Дивныя дѣла, дивныя дѣла! — продолжалъ повторять чиновникъ, ходя по залѣ.

Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ.

Въ дверь влетѣла раскрашенная дама.

— Вы уже здѣсь! Какъ я рада! — воскликнула она, при видѣ отворившаго ей чиновника:—Видѣли? Отдаетъ?

— Тссс...

— А что?

— Спитъ..

— Кто?

— Анна Филатьевна..

— Галчиха?

— Тсссъ...

— Вотъ новости.. Спитъ...

— И чего вы кричите, сударыня, пусть спитъ, благодѣтельница, мы и подождать можемъ... Мнѣ ихняя старушка сказала, что она всю ночь не спала.

— Благодарительница, вы говорите... mon Dieu.

— Конечно, благодарительница, когда рѣшила всѣ заложенные вещи даромъ раздать...

— Ужели?..

— Да, сударыня, именно такъ мнѣ и сказала старушка... На поминъ, значить, какъ бы души покойника...

— Сувениръ?

— Да, такъ на манеръ сувенира.

— И вы повѣрили?.. Я ни въ жисть не повѣрю...

— Не вѣрьте, вотъ встанетъ, повѣрите... Старушка Божья вратъ не станетъ.

— Mon Dieu, это было бы хорошо... Мой браслетъ... Сувениръ мужа съ жемчугомъ... «Какъ твои зубки» — сказалъ покойный — подавая мнѣ его...

Барыня улыбнулась своимъ беззубымъ ртомъ.

Снова раздался звонокъ.

Чиновникъ отворилъ, но оставилъ дверь полуоткрытой.

Въ комнаты стали набираться разные люди, въ числѣ которыхъ были и старушка, заложившая маменькинъ салонъ и оборванецъ, заложившій сапоги.

Всѣ сообщали другъ другу извѣстіе, что вдова рѣшила раздавать заклады даромъ...

— «Ура!»—вдругъ закричалъ во все горло оборванецъ.

— Тссъ... раздалось со всѣхъ сторонъ.

Въ залу вбѣжала Анфиса и напустилась на парня, указаннаго всѣми, какъ на виновника крика.

Старушка подошла къ нему совсѣмъ близко.

— Ты чего это орешь, въ кабакъ нешто ты?

— Виновать, бабушка, съ радости...

Анфису заставили повторить слышанное ею отъ Анны Филатьевны рѣшеніе раздать царомъ заложенные вещи.

— Спить?—спросили нѣкоторые.

— Встала, чай пьетъ!—отвѣчала старушка и снова удалилась во внутреннія комнаты.

— Пусть кушаетъ... Мы подождемъ! — слышались замѣчанія.

Наконецъ, Анна Филатьевна вышла.

Вся толпа шарахнулась на нее.

— А вы не всѣ вдругъ... По одному—распорядилась вышедшая съ ней вмѣстѣ Анфиса.

Порядокъ водворился.

Анна Филатьевна съ спокойнымъ, нѣсколько грустнымъ лицомъ отбирала по нѣсколько нумерковъ и направлялась съ ними въ кладовую, откуда выносила съ помощью Анфисы вещи и отдавала владѣльцамъ.

— Помяните въ своихъ молитвахъ, да упокойте Господь душу новопреставленнаго

раба Виктора... говорила старушка каждому, получающему закладъ.

— Будемъ поминать, будемъ, благодѣтельница... Упокой его душу въ селеніяхъ праведныхъ! — говорили кланяясь владѣльцы вещей.

— Ужъ и помяну я покойнаго! — вскрикнулъ радостно оборванецъ, получивъ обратно свои смазные сапоги.

Всѣ уходили съ радостными, веселыми лицами изъ того дома, куда еще недавно загоняли людей только нужда и безъисходное горе.

Ушедшихъ смѣняли другіе, уже знавшіе о рѣшеніи Галчихи раздавать даромъ заклады.

Вѣсть объ этомъ почти моментально облетѣла Васильевскій островъ и до поздняго вечера бѣдняки все приходили въ домъ Галочкиной и, уходя оттуда, расточали ей свои благословенія и пожеланія всего лучшаго въ мірѣ.

На другой день повторилось то же самое.

Такъ продолжалось почти цѣлую недѣлю.

Наконецъ всѣ вещи были розданы.

Эти радостныя лица бѣдныхъ людей, эти благодарности, полныя искренняго чувства, эти благословенія, идущія прямо отъ сердца, произвели необычайное впечатлѣніе на Анну Филатьевну.

Въ эти дни она была счастлива.

— Вотъ въ чемъ счастье!—думала она.— Мало быть довольной самой, надо еще быть окруженной довольными людьми...

Улыбки этихъ бѣдняковъ отражались тоже улыбкою на лицѣ Галочкиной, какъ въ зеркалѣ.

Анфиса ходила вся сіяющая, счастливая и шептала молитвы:

— Господи Иисусе Христе, прости ее грѣшную, Господи Иисусе Христе, пошли ей силы на искусь...

Когда послѣдній бѣднякъ съ послѣднимъ закладомъ вышелъ изъ дома, Анфиса заперла за нимъ дверь и вернулась въ залу.

Анна Филатьевна бросилась ей на шею.

— Спасибо родная, спасибо родимая, спасибо милая...—шептала она, покрывая лицо старухи нѣжными поцѣлуями.

Анфиса почувствовала, что на ея лицо и шею капаютъ горячія слезы ея хозяйки.

— Что ты, матушка, что ты, голубушка...—бормотала старушка.—Меня то тебѣ благодарить съ какой стати?

— Тебя, Анфисушка, только тебя одну и благодарить мнѣ надо... Не будь тебя, коснѣла бы я въ этомъ скаредствѣ, не видала бы вокругъ себя лицъ радостныхъ... Не была бы, хоть на минуту, да счастлива...

— Все Богъ, матушка, одинъ Богъ...

— Богъ и послалъ тебя мнѣ, Анфисушка... Не Расскажи ты мнѣ про этого несчастнаго солдатики, можетъ ничего такого, что теперь случилось и не было, а теперь у меня съ души точно тяжесть какая скатилась, а какъ исповѣдуюсь съ тобой вмѣстѣ передъ княгинюшкой, паду ей въ ноги, ангельской душенькѣ, да простить она меня, окаянную, и совсѣмъ легко будетъ... Силы будутъ остальные дни послужить Господу...

— Когда же пойдѣмъ мы къ ея сіятельству?..

— А вотъ дай, Анфисушка, дѣла всѣ справить, отъ денегъ-то бѣсовскихъ совсѣмъ отвязаться, домъ продать... Тогда ужъ и пойду, передъ странствіемъ...

— Не долгонько ли это будетъ откладывать?

— Недолго, Анфисушка, недолго... За цѣной на домъ вѣдь не погонюсь, мигомъ покупатель явится... Филать Егоровичъ уже обѣщалъ мнѣ это быстро оборудовать...

Филатомъ Егоровичемъ звали мѣстнаго квартальнаго.

— Оно, конечно, за дешевую цѣну домъ-то, да со всей движимостью, кому не надо и тотъ купить... — замѣтила Анфиса.

— Купятъ, голубушка, купятъ... А завтра

ѣмъ свѣтъ на кладбище поѣдемъ, да въ Лавру, въ другія церкви, вклады сдѣлаемъ, на вѣчный поминъ души покойничка... А что отъ дома выручимъ, съ собой возьмемъ, по святымъ мѣстамъ разнесемъ, въ обители святыя пожертвуемъ, но чтобы на себя изъ этихъ денегъ не истратить ни синь пороха ..

— Вѣстимо, зачѣмъ на себя тратить... Ну, ихъ и деньги-то эти... Всю Рассею — матушку изъ конца въ конецъ обойдемъ, Христовымъ именемъ, и сыты будемъ, и счастливы...

Такъ и порѣшили обѣ женщины.

Х.

Слеза Потемкина.

Жизнь княгини Зинаиды Сергѣевны Святозаровой текла тихо и однообразно.

Она, какъ мы знаемъ, послѣ смерти мужа совершенно удалилась отъ двора и посвятила себя сыну и Богу.

Послѣднее выражалось въ широкой благотворительности княгини, — благотворительности, заставившей говорить о себѣ даже черствый чувствомъ Петербургъ.

Всѣ нуждающіеся, всѣ несчастные, больные, убогіе находили въ княгинѣ Зинаидѣ Сергѣевнѣ Святозаровой ихъ ангела-храни-

теля, она осушала слезы сиротъ, облегчала страданія недужныхъ и порою останавливала руку самоубійцы отъ приведенія въ исполненіе роковаго рѣшенія.

Имѣя свое независимое громадное состояніе, получивъ законную часть изъ состоянія мужа, она кромѣ того черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти унаслѣдовала колоссальное богатство своей тетки графини Анны Ивановны Нелидовой, умершей въ Москвѣ, среди той же обстановки, въ которой мы застали графиню въ началѣ нашего правдиваго повѣствованія, не измѣнивъ до самой смерти своихъ привычекъ и, казалось, ни мало не огорченной таинственнымъ исчезновеніемъ графини Клавдіи Афанасьевны Переметевой.

Старуха никогда не хотѣла слышать о завѣщаніи и умерла безъ него.

Ближайшей родственницей и единственной наслѣдницей послѣ нея оказалась княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова, такъ какъ единственная, оставшаяся въ живыхъ дочь графини уже болѣе двадцати лѣтъ находилась въ безвѣстномъ отсутствіи.

Деньги «московской чудачки» попали въ хорошія руки.

Даже небольшая часть процентовъ съ

огромнаго капитала могла обезпечить не десятки, а сотни семействъ бѣдняковъ.

Княгиня по смерти мужа уменьшила громадную дворню почти наполовину и одинъ изъ надворныхъ флигелей отвела для богадѣльни на двадцать старушекъ, благословлявшихъ вмѣстѣ со всѣми бѣдняками столицы имя ангела-княгинюшки Зинаиды Сергѣевны.

Сама княгиня помѣщалась въ верхнемъ этажѣ двухэтажнаго княжескаго дома, апартаменты же нижняго этажа всецѣло были отданы въ распоряженіе молодаго князька Василя Андреевича.

Послѣдній, попавъ прямо изъ объятій маменьки въ среду удалыхъ товарищей-офицеровъ, какъ это всегда бываетъ съ мальчиками, которыхъ держать въ хлопкахъ, развернулся, что называется, во всю.

Ни одинъ товарищескій кутежъ не обходился безъ его участія, онъ былъ зачинщикомъ всевозможныхъ шалостей и продѣлокъ тогдашней молодежи.

Ухарство заставляло его пить, часто противъ его желанія, и его поведеніе доставляло много горькихъ минутъ любящей его матери.

Она нѣжно выговаривала ему порой.

Онъ давалъ ей обѣты воздержанія, ла-

скаясь какъ ребенокъ и княгиня Зинаида Сергѣевна таяла подъ лучами этой сыновней ласки, таяла какъ воскъ подъ лучами солнца.

Сынокъ же принимался снова за прежнее.

Такъ шли годы.

Съ Потемкинымъ Зинаида Сергѣевна не встрѣчалась, съ Дарьей Васильевной, послѣдніе годы болѣвшей сильно ногами, видѣлась лишь нѣсколько разъ, сдѣлавъ ей краткіе визиты.

Изъ-за шалуна Васи, какъ она называла своего сына, ей, впрочемъ, пришлось одинъ разъ, уже по возвращеніи Григорія Александровича изъ подъ Очакова, явиться самой къ нему просительницей.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Нѣсколько офицеровъ, съ княземъ Святозаровымъ во главѣ, позволили себѣ сыграть какую-то злую шутку съ однимъ изъ близкихъ къ государынѣ лицъ, почтеннымъ графомъ Александромъ Андреевичемъ Безбородко.

Послѣдній среди шалуновъ узналъ одного Святозарова и объявилъ, что пожалуется на него самой государынѣ.

Дѣло могло принять дурной оборотъ для молодого князя.

Онъ во всемъ покался матери.

— Единственное спасенье попросить свѣтлѣйшаго... Съѣзди, мама...

— Къ Потемкину!—вздригнула княгиня.

— Ну, да, къ нему... Онъ одинъ можетъ спасти и отвратить гнѣвъ государыни...

— Хорошо... я съѣзжу — сказала Зинаида Сергѣевна послѣ продолжительной паузы.

Много потребовалось ей силы воли, чтобы рѣшиться на этотъ шагъ.

На другой день она была въ пріемной свѣтлѣйшаго.

— Кого тамъ нанесло—спросилъ Григорій Александровичъ адъютанта, сидя въ кабинетѣ и кивая въ сторону пріемной.

Адъютантъ началъ говорить фамиліи.

Князь разсѣяннo слушалъ.

— Княгиня Святозарова—произнесъ адъютантъ.

— Кто?—вскочилъ свѣтлѣйшій.

— Княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова...—повторилъ адъютантъ.

— Ты не ошибся?.. — спросилъ Григорій Александровичъ.

Голосъ его дрогнулъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваша свѣтлость, я лично знакомъ съ ея сіятельствомъ, и сейчасъ только говорилъ съ нею... Она пріѣхала просить вашу свѣтлость по поводу ея сына...

— Сына... какого сына?..—установилъ Потемкинъ на адъютанта своей единственный здоровый глазъ.

Глазъ этотъ выражалъ сильное душевное волненіе.

— Князя Василя Андреевича...—просто отвѣчалъ адъютантъ, съ недоумѣніемъ наблюдая волненіе вельможи.

Онъ не понималъ, да и не могъ понять причины.

Григорій Александровичъ вздохнулъ свободно.

— Проси, проси сюда... скорѣе... Какъ можно заставлятъ дожидаться ея сіятельство...—заторопился свѣтлѣйшій.

Адъютантъ кинулъ на него чуть замѣтный удивленный взглядъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе свѣтлѣйшаго.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и въ кабинетъ Потемкина появилась княгиня Зинаида Сергѣевна.

При видѣ этого до сихъ поръ дорогого ему лица, этихъ свѣтлыхъ, почти такихъ же какъ прежде свѣтлыхъ, глазъ, часто мелькавшихъ передъ нимъ и во снѣ, и на яву, Григорій Александровичъ еле удержался на ногахъ отъ охватившаго его волненія, но силой воли поборолъ его.

— Княгиня!—двинулся онъ навстрѣчу неожиданной гостьѣ: — Чѣмъ я обязанъ удовольствію видѣть васъ у себя... Несмотря на то, что я очень радъ, я начну съ упрека...

Если я вамъ нуженъ, вамъ стоило только написать и я явился бы къ вамъ.

— Вы слишкомъ добры, ваша свѣтлость, — сказала княгиня, опускаясь въ подставленное ей княземъ кресло: — Я къ вамъ съ просьбой...

— Съ приказаніемъ, княгиня...

Зинаида Сергѣевна окинула его вопросительно-недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ваша просьба — для меня приказаніе... — пояснилъ свѣтлѣйшій свою мысль: — Потемкинъ всегда въ полномъ распоряженіи бывшей княжны Несвицкой.

Княгиня вспыхнула, а затѣмъ вдругъ поблѣднѣла:

— Не будемъ тревожить прошлаго, ваша свѣтлость...

Очередь поблѣднѣть настала для Григорія Александровича

— Для меня оно всегда настоящее... Но, въ чемъ дѣло, княгиня?

Зинаида Сергѣевна рассказала ему подробно шалость молодого князя и грозящую ему бѣду.

— Одни вы можете спасти его... — заключила она.

Потемкинъ улыбнулся.

— Это просьба не изъ большихъ, княгиня.. Прикажите вашему шалуну быть у меня зав-

тра вечеромъ, да скажите ему, чтобы онъ былъ со мной посмѣлѣе... Все уладится какъ нельзя лучше...

— Я не знаю какъ благодарить васъ, ваша свѣтлость...

— Вмѣсто благодарности я прошу васъ, княгиня, если я понадобится вамъ, прислать за мной просто, а не беспокоиться ѣздить ко мнѣ, этимъ вы доставите мнѣ большое удовольствіе... Обѣщаете мнѣ это.

— Хорошо, я обѣщаю вамъ... протянула княгиня руку Григорію Александровичу.

Онъ наклонился поцѣловать ее, по обычаю того времени.

Княгиня почувствовала, что ея руку чѣмъ то обожгло.

Это была слеза Потемкина.

Она вышла изъ кабинета почти шатаясь, съ дрожжащими на рѣсницахъ слезами.

Это были слезы волненія.

Василій Андреевичъ Святозаровъ, явился въ назначенное время къ «свѣтлѣйшему».

Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты.

Въ это время пріѣхалъ приглашенный имъ графъ Безбородко.

Григорій Александровичъ принялъ его какъ нельзя лучше, но продолжалъ игру.

Вдругъ онъ подозвалъ къ себѣ князя Святозарова.

— Скажи, братъ, какъ мнѣ тутъ сыграть?— спросилъ онъ его, показывая карты.

— Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, играйте, какъ желаете... — отвѣчалъ согласно приказанію, Василій Андреевичъ.

— Ай, мой батюшка, и слова нельзя сказать тебѣ; ужъ и разсердился... улыбнулся Потемкинъ.

Услыхавъ такой разговоръ, графъ Безбородко раздумалъ жаловаться.

Молодой князь былъ въ восторгѣ отъ этой выходки свѣтлѣйшаго и со смѣхомъ разсказалъ матери этотъ эпизодъ.

Княгиня слѣшала разсѣяннo.

Она спасла сына, но потеряла душевный покой, который добыла страшной нравственной ломкой. Задушевная рѣчь Потемкина, капнувшая на ея руку его горячая слеза вновь унесли княгиню въ далекое чудное прошлое.

Гриша Потемкинъ какъ живой стоялъ передъ ней.

Княгинѣ было за сорокъ, но она замѣчательно сохранилась и нравственно и физически.

Она чувствовала, что она снова любить въ свѣтлѣйшемъ князѣ ея незабвеннаго Гришу.

Григорію Александровичу это свиданье тоже не прошло даромъ.

Исполнивъ просьбу княгини, князь захандрилъ и хандра эта продолжалась долго и была сильнѣй обыкновенной.

Но вернемся къ молодому князю Святозарову.

Не смотря на ухарство, кутежи и шалости, единственно, что осталось въ немъ подъ вліяніемъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, это благоговѣніе передъ женщинами.

Благоговѣніе это доходило до того, что онъ боялся ихъ.

Товарищи, зная за нимъ это свойство, поднимали его на смѣхъ, нарочно наталкивали его на модныхъ куртизанокъ, но исправить въ желательномъ для нихъ смыслѣ не могли.

Молодой князь дичился и убѣгалъ отъ оргій съ женщинами.

Это претило его чистой натурѣ.

Женщина и любовь для него были понятія нераздѣльные, одно изъ другого вытекающія.

Раздѣленіе этихъ понятій казалось ему отвратительнымъ.

— Его надо познакомить съ «гречанкой»,— рѣшилъ одинъ изъ друзей князя, молодой графъ Сандомирскій, красивый мужчина, одинъ изъ завзятыхъ «донъ-жуановъ» того времени.

Читатель несомнѣнно догадался, что подъ именемъ гречанки подразумѣвалась Калисѣенія Николаевна.

Графъ Владиславъ Нарцисовичъ, такъ звали Сандомирскаго, усиленно именно въ это время ухаживалъ за ней.

Соперничества князя Святозарова онъ не боялся.

Графъ не боялся ни чьего соперничества.

Знакомство состоялось въ театрѣ.

Красивый, стройный и нѣсколько застѣнчивый и дикій, молодой офицеръ понравился Калисѣеніи Николаевнѣ.

Она употребила всѣ неотразимыя чары своего кокетства, чтобы произвести впечатлѣніе на Василья Андреевича.

Она достигла цѣли.

Князь Святозаровъ ушелъ изъ ложи красавицы въ какомъ-то туманѣ.

Онъ влюбился, влюбился въ первый разъ въ жизни.

Съ лѣтами Калисѣенія Николаевна Мазаракки унаслѣдовала опытность и осторожность своей матери.

Немногіе изъ ея поклонниковъ рѣшались хвастаться побѣдою.

Она выбирала изъ нихъ самыхъ скромныхъ и прежде чѣмъ подарить своею хотя и мимолетною взаимностью, играла съ ними, какъ

кошка играет съ мышью, прежде чѣмъ ее съѣсть.

Она продолжала получать громадныя суммы изъ конторы свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, который во время своего отсутствія на театръ военныхъ дѣйствій находился съ ней даже въ перепискѣ.

Поклонники ея осыпали и подарками, и цвѣтами, предупреждали всѣ ея желанія и она, такимъ образомъ, каталась, по народному выраженію, какъ сыръ въ маслѣ.

Жила она все въ томъ же восточномъ домикѣ на Васильевскомъ островѣ.

Состоявшія къ ея услугамъ въ конюшнѣ лошади и въ каретномъ сараѣ экипажи уничтожали разстояніе этого отдаленнаго мѣста отъ центра города, каковымъ и тогда какъ и теперь была Дворцовая площадь, Морская и конецъ Невскаго проспекта, или, какъ тогда называли, «Невской першпективы», примыкающей къ послѣдней.

Ежедневно въ урочный часъ, карета Мазараки появлялась въ этихъ улицахъ, окруженная и пѣшими, и конными поклонниками.

Въ числѣ послѣднихъ были отличнѣйшіе ѣздоки того времени графъ Сандомірскій и князь Святозаровъ.

Послѣдняго все сильнѣе и сильнѣе охватывало чувство первой любви.

Какъ извѣстно, это чувство по преимуществу бываетъ платоническимъ.

Оно чуждо стремленія къ обладанію любимымъ существомъ, которое представляется любящему свѣтлымъ, чистымъ образомъ, малѣйшая физическая близость къ которому уничтожаетъ его обаяніе.

Нѣжный прозрачный мраморъ мечты не долженъ быть загрязненъ малѣйшимъ прикосновеніемъ.

Это даже не любовь, это обожаніе, поклоненіе.

Для этого чувства совсѣмъ не надо, что та или тотъ. къ кому оно проявилось, обладалъ всѣми тѣми свойствами, которыя приписываетъ ему влюбленный или влюбленная.

Оно находитъ силу въ самомъ себѣ и эту силу пылкаго воображенія, которая является для влюбленнаго созданной имъ дѣйствительностью, нельзя разрушить никакими доводами благоразумія.

Такимъ именно чувствомъ къ Калисѣеніи Николаевнѣ было охвачено все существо князя Василія Андреевича Святозарова.

Молодая женщина чутьемъ угадала духовное настроеніе своего поклонника и оно польстило ей самолюбію.

Какая изъ женщинъ откажется быть такъ любимой?

Въ Калисѣеніи Николаевнѣ проснулись кромѣ того временно заглохшія мечты юности, обновленные полузабытыми рѣчами Василія Романовича Щегловскаго.

Она стала искать любви, которая есть «все, что есть лучшее».

Она поняла, что такова именно любовь князя Святозарова.

Калисѣенія Николаевна искусно разожгла ее и съ удовольствіемъ видѣла, какъ брошенная ею искра разгорѣлась въ пламя.

Въ этомъ пламени суждено было погибнуть несчастному князю.

ХІ.

П о д у ш ъ.

Отъ княгини Зинаиды Сергѣевны не ускользнула переменѣна, происшедшая въ ея сынѣ.

Веселый, беззаботный, онъ сдѣлался вдругъ серьезенъ и задумчивъ.

Постоянно вращавшійся въ обществѣ, участникъ всевозможныхъ пикниковъ и кутежей, онъ вдругъ сталъ по нѣсколько вечеровъ подрядъ просиживать дома, поднимаясь на верхъ къ матери.

Хотя послѣдней это было очень пріятно, но показалось подозрительнымъ.

Чуткое сердце матери забило тревогу.

Тѣмъ болѣе, что въ этомъ домоѣдствѣ сына княгиня видѣла далеко не желаніе проводить вечера въ ея обществѣ, а причина его лежала въ какой-то тихой грусти, съ нѣкоторыхъ поръ охватившей все существо этого, такъ недавно жизне-радостнаго, молодого человека.

Бывая съ матерью, князь Василій, то задумчиво ходилъ изъ угла въ уголъ по мягкому ковру ея гостиной, то сидѣлъ смотря куда-то вдаль, въ видимую ему одному только точку и нерѣдко совершенно невпопадъ отвѣчалъ на вопросы княгини.

— Что съ тобой, Basile?— не разъ восклицала Зинаида Сергѣевна.

— Ничего, маман, такъ, я задумался...

— О чемъ?..

Князь Василій давалъ объясненіе, но оно явно оказывалось дѣланнымъ и ничуть не успокоивало встревоженную мать.

Она стала доискиваться причины такого страннаго настроенія ея единственнаго сына.

Изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ фразъ, которыми сынъ перекидывался при ней съ посѣщавшими его товарищами, княгиня догадалась, что эти товарищи знаютъ болѣе ея внутреннюю жизнь ея сына.

Къ одному изъ нихъ, а именно къ графу

Сандомірскому она и рѣшилась обратиться съ разспросами.

Въ пріемный день княгини онъ пріѣхалъ съ визитомъ ранѣе всѣхъ.

Они были вдвоемъ въ гостинной.

Княгинѣ показалось, что это былъ самый удобный моментъ для достиженія намѣченной ею цѣли.

— Много веселитесь, графъ? — спросила она съ напускною веселостью.

— Нельзя пожаловаться, нынѣшній сезонъ очень оживленъ, особенно благодаря пріѣзду свѣтлѣйшаго, который кстати сказать, на дняхъ снова уѣзжаетъ.

— Въ армію?

— Да, онъ видимо серьезно задался мыслью выгнать турокъ изъ Европы и занять Константинополь.

— Мнѣ кажется это мечтой..

— Для Потемкина самая мечта — дѣйствительность.

Графъ Сандомірскій послѣ разнесшагося по Петербургу извѣстія, что Григорій Александровичъ поцѣловалъ руку у польскаго короля, сдѣлался его горячимъ поклонникомъ.

— Вы думаете? — разсѣянно спросила княгиня, досадуя, что разговоръ, начатый ею, принимаетъ другое направленіе.

— Не думаю, а убѣжденъ... У него въ вѣ-

сколько часовъ строить корабли, въ нѣсколь-
ко дней создаютъ дворцы, въ нѣсколько не-
дѣль вырастаютъ города, среди безлюдныхъ
степей. Это волшебникъ, княгиня... Это—ге-
ній...—восторженно говорилъ графъ.

— Говорятъ.. Я слышала...—замѣтила кня-
гиня. — Но я потому спросила васъ, весели-
тесь-ли вы,—заспѣшила она, какъ бы боясь,
что панегиристъ «свѣтлѣйшаго князя» снова
переведетъ разговоръ на него,—что Basile
чуть-ли не по цѣлымъ недѣлямъ вечерами не
выходитъ изъ дома и... скучаетъ...

Графъ засмѣялся.

Зинаида Сергѣевна вперила въ него безпо-
койно-удивленный взглядъ.

— Basile это другое дѣло... Ему не до свѣт-
скихъ развлеченій... — со смѣхомъ замѣтилъ
Владиславъ Нарцисовичъ.

— Почему?

— Развѣ вы не знаете .. Онъ влюбленъ...

— Влюбленъ... Въ кого?

— Виновать, графиня, но я не смѣю... Я съ
своей стороны, по дружбѣ моей къ нему, дѣ-
лалъ всевозможное, чтобы представить ему
всю неприглядность такого выбора, но, вы
знаете, влюбленные—это безумцы...

Княгиня поблѣднѣла.

— Графъ... вы... не можете...или какъ вы го-
ворите... не смѣете... сказать, въ кого влюб-

лень мой сынъ... — дрожащимъ голосомъ, съ разстановкой, сказала княгиня. — Кто же она?

— Княгиня... — началъ было Сандомірскій.

— Мы одни, графъ.. Вы говорите не въ гостиной, не съ княгиней Святозаровой, вы говорите съ матерью о ея сынѣ... Прошу васъ... умоляю... назовите мнѣ ее,..

Въ голосѣ Зинаиды Сергѣевны слышались слезы.

— Извольте, княгиня, тѣмъ болѣе, что это на самомъ дѣлѣ серьезно, и, быть, можетъ вы съумѣете его образумить... Будете въ этомъ смыслѣ счастливые меня...

— Кто же она, кто?

— Гречанка... Потемкинская затворница... Жарь-птица... Одна изъ его безчисленныхъ... но, кажется, самая любимая...

— Ахъ!..

Княгиня нервно вскрикнула и откинулась на спинку кресла.

Съ ней сдѣлалась легкая дурнота.

Флаконъ съ солями, всегда находившійся на столикѣ, у котораго сидѣла княгиня, былъ любезно поданъ ей графомъ.

Она поднесла ее къ носу и усиленно вдохнула.

Не смотря на свою замкнутую жизнь княгинѣ было извѣстно о существованіи въ Петербургѣ прекрасной гречанки.

Она считала ее просто кокеткой.

Извѣстіе, что ея сынъ, князь Святозаровъ влюбленъ въ эту женщину съ такимъ даже не двусмысленнымъ положеніемъ въ обществѣ, окончательно ошеломило Зинаиду Сергѣевну.

— Это хуже самоубійства... Это позоръ! — мелькнуло въ ея головѣ.

— Благодарю васъ, графъ... необычайной силой воли заставила себя придти въ себя княгиня — вы мнѣ этимъ открытіемъ оказали большую услугу... Я постараюсь спасти его отъ этого роковаго увлеченія.

— Дай Богъ, чтобы вамъ удалось... Мнѣ не удалось... — дѣлanno грустнымъ тономъ сказалъ графъ, и чрезъ нѣсколько минутъ сталъ откланиваться.

Княгиня протянула ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

— Совершенно неожиданно устроилъ хорошее дѣльце... Княгиня его приструнить... Перестанетъ онъ набивать голову этой дурѣ разными сантиментальностями и позволять себя ей водить за носъ... Только мѣшаетъ другимъ... Ни себѣ, ни людямъ... Лежить собака на снѣгъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ... Такъ кажется говорить русская пословица...

Таковы были мысли спускавшагося съ

лѣстницы дома Святозаровыхъ графа Сандо-
мірскаго.

Его лицо выражало полное удовольствіе.

Онъ самъ усиленно ухаживалъ за Калисее-
ніей Николаевной и считалъ ея затянүвшій-
ся платоническій романъ съ Святозаровымъ
главнымъ препятствіемъ для осуществленія
своихъ далеко не платоническихъ цѣлей.

Онъ надѣялся, что княгиня прекратитъ
этотъ глупый романъ ея сына съ содержан-
кой князя Потемкина.

Тогда дорога къ сердцу, или лучше ска-
зать въ будуаръ красавицы будетъ для него
открыта.

— Удастся-ли княгинѣ?..—возникъ въ его
умѣ тревожный вопросъ.

— Это, конечно, въ ея же интересахъ... она
сѣумѣетъ...—утѣшалъ онъ самого себя.

Въ подъѣздѣ онъ встрѣтился съ нѣсколь-
кими только что пріѣхавшими визитерами.

Княгиня Зинаида Сергѣевна вынесла стои-
чески мытарства пріемныхъ часовъ.

Она старалась быть привѣтливой и любез-
ной, старалась поддерживать разговоръ, ког-
да думы ея были совсѣмъ не о томъ, о чемъ
говорили съ ней ея свѣтскіе знакомые.

Наконецъ, гостинная опустѣла.

Княгиня удалилась въ свой кабинетъ.

— Что дѣлать? — возсталъ въ ея умѣ роковой вопросъ.

Она вспомнила о болѣе чѣмъ любезномъ пріемѣ, оказанномъ ей Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, и о спасеніи имъ карьеры ея сына.

Въ ея головѣ мелькнула мысль.

— Онъ, одинъ онъ, и теперь можетъ спасти его... Онъ съумѣетъ его образумить... Это волшебникъ... Это геній... — вспоминались ей слова графа Сандомірскаго.

— Поѣхать завтра къ нему... Нѣтъ... Онъ взялъ съ нея слово, что она напишетъ ему, когда онъ ей понадобится...

Княгиня сѣла къ письменному столу.

Черезъ нѣсколько минутъ записка была написана.

Княгиня дернула сонетку.

Вошелъ лакей.

— Это письмо сегодня же отправить во дворецъ... Его свѣтлости князю Потемкину.

Лакей бережно взялъ письмо и, произнеся стереотипное: «Слушаю-съ, ваше сіятельство», удалился.

Княгиня снова осталась одна и задумалась.

— Сынъ сказалъ ей, что и сегодня вечеромъ онъ будетъ дома и зайдетъ къ ней... — начала размышлять она. — Поговорить съ

нимъ... Нѣтъ... Нѣтъ, онъ даже не долженъ знать, что она получила свѣдѣнія... Онъ будетъ допытываться отъ кого... Догадается... Это поведетъ къ ссорѣ между нимъ и графомъ... Графъ такой милый... Она и князю Григорію Александровичу скажетъ завтра, чтобы онъ дѣйствовалъ отъ себя... вѣдь она,, его...

Сердце княгини почему-то вдругъ болѣзненно сжалось.

Передъ ней возсталъ образъ бѣлокурого юноши Григорія Потемкина тамъ въ далекой Москвѣ и въ далекіе отъ настоящаго годы.

Княгиня ходила въ это время по кабинету и какъ-то инстинктивно приблизилась къ зеркалу.

Отраженіе показало ей, что она еще очень моложава.

Не смотря на то, что ей уже было далеко за сорокъ лѣтъ, княгиня замѣчательно сохранилась.

Свѣжій цвѣтъ лица и почти юношескій взглядъ голубыхъ глазъ дѣлали то, что ей можно было дать лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

Она порывисто отошла отъ зеркала.

Грустная полуулыбка, появившаяся на ея губахъ говорила краснорѣчиво, что она рѣшила отрицательно какую-то льстившую ея

женскому самолюбію мысль.

Она стала ожидать сына.

Первый разъ въ жизни ей захотѣлось, чтобъ онъ не пришелъ.

Желаніе ея исполнилось.

Князь Василій провелъ вечеръ внѣ дома.

На другой день, часовъ около трехъ, великолѣпный, извѣстный всему тогдашнему Петербургу экипажъ «свѣтлѣйшаго» остановился у подъѣзда дома Святозаровыхъ.

Князь былъ аккуратенъ и явился въ назначенный княгинею часъ.

Зинаида Сергѣевна встрѣтила его въ залѣ.

Они прошли въ угловую маленькую гостиную, находившуюся рядомъ съ будуаромъ княгини.

Княгиня спустила портьеру и жестомъ указала князю на одно изъ стоявшихъ креселъ.

Григорій Александровичъ сѣлъ.

Княгиня опустилась на противоположномъ креслѣ.

— Прежде всего, княгиня, благодарю васъ за память и исполненіе вами слова, написать мнѣ, когда я вамъ понадобится... А затѣмъ, что вамъ угодно ..

— Ваша свѣтлость, мнѣ такъ совѣстно...

— Прошу васъ, безъ чиновъ, кажется, мы слишкомъ старые знакомые.

Сбиваясь и, даже краснѣя, начала княгиня рассказъ о несчастной любви ея сына къ «гречанкѣ» къ «Мазараки», какъ путаясь, называла княгиня Калисѣенію Николаевну.

— Вы одни, князь, можете помочь мнѣ, его образумить, такъ что бы онъ не зналъ, что это идетъ отъ меня... Поговорите съ нимъ, пугните его вашей властью, дѣлайте что хотите, только спасите его...

— Это уже не просьба, княгиня, тутъ обоюдный интересъ... Онъ дѣйствуетъ противъ меня.. заключилъ князь...

Княгиня вскинула на него испуганный взглядъ.

— Успокойтесь, княгиня, я пошутилъ,—эта дѣвочка, которою я когда то отъ скуки заинтересовался, кружить, какъ мнѣ извѣстно, головы многимъ изъ нашей молодежи, но не такъ серьезно, какъ вы рассказываете, относительно князя Василія. Впрочемъ, онъ молодъ и, быть можетъ любить въ первый разъ.

Григорій Александровичъ вздохнулъ.

Княгиня вся всныхнула.

— Но выборъ изъ неудачныхъ... продолжалъ «свѣтлѣйшій»

Княгиня горько улыбнулась.

— Во всякомъ случаѣ, я съумѣю излѣчить его отъ этой дури, простите за выраженіе, княгиня.

— Именно дури, *c'est le mot...* улыбнулась Зинаида Сергѣевна... Значить вы общаете, и я покойна...

Княгиня протянула Григорію Александровичу руку.

Онъ поклонился и поцѣловалъ ее.

Этотъ поцѣлуй былъ дольше, чѣмъ этого требовалъ свѣтскій этикетъ, но Зинаида Сергѣевна не отнимала руки.

— Положитесь на меня... Онъ дастъ мнѣ слово позабыть ее и сдержать... — сказалъ князь.

— Я заранѣе благодарю васъ... Вы во второй разъ спасете его... — взволнованно сказала княгиня.

— Успокойтесь, все будетъ хорошо... Я на дняхъ увидаюсь съ нимъ.

Князь всталъ и, снова поцѣловавъ руку хозяйки, уѣхалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней князь былъ вызванъ къ Потемкину.

Свѣтлѣйшій принялъ его за-просто въ спальнѣ.

— А, соперникъ! — встрѣтилъ онъ вошедшаго князя Василя, совершенно неожиданнымъ для послѣдняго возгласомъ.

Князь Святозаровъ вспыхнулъ и затѣмъ поблѣднѣлъ.

— Не годится князю Святозарову дѣлать

то, что заставляет его краснѣть...

Князь стоялъ, потупивши глаза.

Это странное начало разговора положи-
тельно поставило его втупикъ.

Онъ долго не могъ понять, серьезно ли го-
ворить свѣтлѣйшій, или шутить.

— Я выручилъ тебя въ трудную минуту и
избавилъ отъ козней, которыя тебѣ готовилъ
Безбородко, а ты, вмѣсто благодарности,
вздумалъ отбивать у меня любовницу...

— Ваша свѣтлость...

— Что, ваша свѣтлость, развѣ я не правъ!
Отъ меня ничто не укроется... Жениться, ка-
жется, князю Святозарову на любовницѣ
Потемкина не приходится... А вѣдь я и же-
ню... Это убьетъ твою мать... Слышишь... же-
ню... Это свѣтскій скандалъ... Похуже, чѣмъ
дѣло Безбородко...

Князь молчалъ

Да и что онъ могъ возразить. Потемкинъ
былъ правъ. Онъ вѣдь зналъ, что Калисѣенія
его содержанка. Ухаживая за ней, онъ со-
вершалъ кражу.

— Ты сядь, чего ты стоишь... Въ ногахъ
правды нѣтъ... — вдругъ крикнулъ свѣтлѣй-
шій, лежавшій на постели, и указалъ рукой
на стоявшее около него кресло.

Князь Василій Андреевичъ машинально
опустился на него.

— А ты не робѣй ужъ такъ, я, вѣдь, шучу. Я также, братъ, не прочь поухаживать и за замужными, но если мужъ мнѣ другъ, да еще оказалъ мнѣ услугу... никогда... И тебѣ не совѣтую.., нехорошо... Честь, прежде всего... а потомъ... женщина...

— Простите, ваша свѣтлость...—пробормоталъ князь Василій.

— Чего простить, я не сержусь... Сказалъ по душѣ... Моя—не трожь... и весь сказъ...

— Не буду...

— Честное слово?..

— Честное слово!

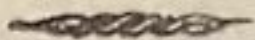
— Ну, вотъ и шабашъ... давай руку... вѣрю... А то, вѣдь, женилъ бы... что хорошаго.

Рука князя Святозарова утонула въ широкой длани свѣтлѣйшаго.

— Пріѣзжай, сегодня, ко мнѣ вечеромъ... Я тебѣ не такихъ красавицъ покажу, какъ та, черномазая, лучше...

Князь Василій понялъ, что аудіенція кончилась и откланялся.

Онъ окончательно пришелъ въ себя только въ своемъ кабинетѣ.

XII.

Р а с к а я н і е.

Прошло около двухъ недѣль.

Зинаида Сергѣевна Святозарова сравнительно успокоилась за своего сына.

Урокъ, данный ему Потемкинымъ — какой именно, княгиня не знала — видимо, пошелъ впрокъ.

Она рѣже видѣла его задумчивымъ, онъ снова вернулся въ товарищескій кругъ и за-вертѣлся по-прежнему въ столичномъ омутѣ.

Это радовало княгиню.

Изъ двухъ золъ надо было выбирать меньшее.

— Слава Богу, онъ позабылъ ее! Вотъ было бы несчастье... Позоръ... Свѣтскій скандалъ — мысленно говорила себѣ Зинаида Сергѣевна.

Была ли она права совершенно, покажетъ будущее.

Пока что, повторяемъ, она успокоилась и отдалась снова исключительно благотворительности.

Жизнь ея, словомъ, вошла въ свою обычную колею.

Княгиня въ этотъ періодъ своей жизни, вставала и ложилась рано.

Былъ десятый часъ утра, когда ей доложили, что ее желаютъ видѣть двѣ странницы.

Докладъ этотъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особеннаго, такъ какъ по утрамъ къ княгинѣ ходила масса разнаго рода и званія людей, кто за пособіемъ, кто поблагодарить за оказанное благодѣяніе, кто съ вынужтой «за здравіе ангела княгинюшки» просфорой, а кто съ образкомъ, освященнымъ въ дальнихъ монастыряхъ у мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Княгиня приказала провести вошедшихъ въ пріемную и попросить обождать.

Зинаида Сергѣевна сидѣла въ своемъ уютномъ кабинетѣ и была занята просмотромъ суточного рапорта смотрительницы ея богадѣльни, чѣмъ она занималась внимательно каждое утро.

Княгиня не ограничивалась отведеніемъ помѣщенія для нашедшихъ въ ея богадѣльнѣ пріютъ старушекъ и доставленіемъ имъ полнаго содержанія, она внимательно слѣдила за ихъ жизнью, за ихъ нуждами и старалась предупредить послѣднія, дабы онѣ ни духовно, ни физически, ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

Старушки при попеченіи княгини жили, по народному выраженію: «какъ у Христа за пазухой».

Покончивъ съ рапортомъ и сдѣлавъ надлежащія помѣтки, она занялась корреспонденціей, которая каждое утро составляла довольно объемистую пачку.

Она сплошь состояла изъ просительныхъ и благодарственныхъ писемъ.

Въ иныхъ эти оба содержанія смѣшивались.

Надо замѣтить, что къ одному изъ оконъ, выходящихъ на дворъ княжескаго дома былъ придѣланъ большой деревянный ящикъ съ разрѣзомъ для опусканія писемъ и прошеній.

Туда бѣдняки имѣли право съ утра до вечера опускать ихъ, хорошо зная, что на утро «ангелъ - княгинюшка» собственноручно ихъ распечатаетъ, развернетъ, прочтетъ и, наконецъ, положитъ милостивое рѣшеніе.

При ящикѣ состоялъ одинъ изъ слугъ, на обязанности котораго лежало раннимъ утромъ выбирать накопившуюся за сутки корреспонденцію и всю цѣликомъ класть на письменный столъ въ кабинетъ княгини.

Княгиня, дѣйствительно, сама распечатывала письма, внимательно читала ихъ и клала на каждое собственноручную резолюцію.

Особо назначенный конторщикъ приводилъ эти резолюціи въ исполненіе.

На этотъ разъ писемъ было, сравнительно,

немного и княгиня въ какой-нибудь часъ покончила съ ними и позвонила.

Вошелъ дожидавшійся въ сосѣдней комнатѣ конторщикъ и почтительно принялъ изъ рукъ Зинаиды Сергѣевны просмотрѣнную ею корреспонденцію.

Княгиня вышла въ пріемную.

Увидавъ входящую Зинаиду Сергѣевну двѣ женщины, одѣтыя по дорожному съ котомками за плечами, встали со стульевъ, сидя на которыхъ, видимо, до этого времени, мирно бесѣдовали, отвѣсили низкіе поясные поклоны.

Княгиня пристальнымъ взглядомъ окинула обѣихъ странницъ.

Этимъ взглядомъ она, обыкновенно, изучала приходящихъ къ ней лицъ и первыя ея впечатлѣнія никогда ее не обманывали.

— Обведетъ это тебя глазками, точно всю душу высмотритъ! — говорили о ней обрашавшіеся къ ней бѣдняки. — И совралъ бы ей грѣшнымъ дѣломъ, да языкъ не поворачивается; чуешь, сердцемъ чуешь, что ей, ангелу, вѣдомо, съ горемъ ты тяжелымъ пришелъ, али съ нуждишкой выдуманной, отъ бездѣлья, да праздношатайства.

Одна изъ женщинъ была старуха, другая помоложе.

Лицо послѣдней показалось знакомо Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

— Аннушка... ты? — произнесла княгиня послѣ нѣкотораго размышленія.

— Я, матушка, ваше сіятельство, я самая... дрожащимъ голосомъ отвѣчала Анна Филатьевна.

— Что съ тобой, ты такъ измѣнилась... тебя узнать нельзя... и этотъ нарядъ... Что это значитъ?..—забросала ее вопросами княгиня.

Галочкина дѣйствительно страшно измѣнилась, особенно за время, которое ее не видала княгиня Святозарова, а она не видала ее болѣе года, да и ранѣе Аннушка лишь изрѣдка посѣщала свою бывшую госпожу, которой она была такъ много обязана, и которой она отплатила такой черной неблагодарностью.

Аннѣ Филатьевнѣ было, по ея собственному выраженію, «ножъ вострый» ходить къ княгинѣ, особенно послѣ, вѣроятно не забытаго читателями, разговора со Степаномъ Сидоровичемъ въ кондитерской Мазараки.

Этотъ разговоръ навелъ ее на грустныя мысли, онъ разбудилъ ея задремавшую совѣсть. Анна Филатьевна все рѣже и рѣже стала появляться въ княжескомъ домѣ.

Измѣнилась Анна Филатьевна даже за тотъ сравнительно короткій промежутокъ

времени, который промчался съ тѣхъ поръ, какъ она раздала послѣднія заложенные у ея мужа вещи и рѣшила продать домъ, а затѣмъ уже и пуститься въ странствованіе по святымъ мѣстамъ.

Она страшно похудѣла и совершенно посѣдѣла.

Кожа на лицѣ повисла морщинами и съ него исчезло прежнее самодовольное выраженіе сытости.

Глаза, уже далеко не заплывшіе, а скорѣе на выкатѣ, сдѣлались больше и въ нихъ появилось какое-то щемящее душу отраженіе безъисходнаго горя и перенесеннаго, или лучше сказать, переносимаго страданія.

— Хозяина онѣ, матушка, ваше сіятельство, только надысь похоронили... — отвѣчала Анфиса, видя, что дрожащая, какъ осинový листъ, Анна Филатьевна не въ силахъ болѣе произнести слова.

— Мужъ у ней умеръ?.. — съ соболѣзнованіемъ переспросила княгиня.

— Такъ точно, ваше сіятельство, приказалъ долго жить Викторъ Сергѣевичъ...

— Отъ чего?.. — какъ-то растерянно спросила Зинаида Сергѣевна.

Она только теперь замѣтила тяжелое душевное состояніе своей бывшей горничной, и оно вдругъ страшно взволновало ее.

— Отъ болѣзни, матушка, ваше сіятельство, отъ болѣзни, мѣсяца съ два грудью промаялся... и недавно Богу душу и отдалъ...— отвѣчала Анфиса.

— Чахоткой?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Съ чего же ты, Аннушка, ужъ такъ убиваешься, всѣ подъ Богомъ ходимъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ, я вѣдь вотъ тоже мужа потеряла, еще страшнѣй было, да не прогнѣвала Господа ропотомъ...—обратилась Зинаида Сергѣевна снова къ Аннѣ Филатьевнѣ.

— Та молчала.

— И куда же ты это собралась... Вѣдь у тебя домъ, хозяйство...

— Продала она, матушка, ваше сіятельство, и домъ, и все продала...

— Продала, зачѣмъ?

— Такъ ей отъ Господа свыше уаазаніе было...—таинственно замѣтила Анфиса.

Княгиня окинула ее подозрительнымъ взглядомъ.

— Какое указаніе?... Куда же она дѣла деньги?..

— По церквамъ, да по монастырямъ роздала на поминъ души покойничка... Викторъ Сергѣевичъ, царство ему небесное, не тѣмъ будь помянуть, закладами занимался, такъ

всѣ залогѣ даромъ роздала... Деньги же, что за домъ выручила, съ собой несемъ, по святымъ мѣстамъ, да по дальнимъ монастырямъ бѣднымъ роздадимъ...—продолжала старуха.

Зинаида Сергѣевна поняла, что говорившая чужда въ этомъ дѣлѣ корыстныхъ цѣлей.

У княгини, прежде всего мелькнула эта мысль.

Она-то навидалась разнаго рода странницъ.

Мысленно укорила она себя за нехорошую мысль о ближнемъ, и видя, что Аннушка стоитъ передъ ней съ остановившимся взглядомъ, видимо ничего не понимая изъ совершающагося вокругъ нея, уже болѣе мягко обратилась къ Анфисѣ.

— Такъ неужели, матушка, она такъ безумно любила своего мужа?

Старуха еще не успѣла отвѣтить, какъ Анна Филатьевна совершенно неожиданно, какъ снопъ, ничкомъ повалилась къ ногамъ Зинаиды Сергѣевны.

Княгиня сперва испуганно отступила, а затѣмъ стремительно нагнулась, чтобы поднять лежавшую.

— Аннушка, Аннушка, что съ тобой, что съ тобой... растерянно бормотала Зинаида Сергѣевна, тормоша ее за плечо.

— Не замай ее... ваше сіятельство... пусть полежитъ, совѣсть ей не дозволяетъ смотрѣть вамъ въ очи, ваше сіятельство, вотъ она къ ногамъ и припала, прощенья значить вымслить хочетъ...

— Почему же ей совѣсть не дозволяетъ . въ чемъ ей у меня просить прощенья? — выпрямилась княгиня, бросивъ удивленно-вопросительный взглядъ на Анфису.

— Говорила она, что не сможетъ покаяться вашему сіятельству, и впрямь не смогла.. Придется мнѣ за нее повѣдать ея грѣхъ незамолимый противъ васъ, княгинюшка...

Анна Филатьевна при этихъ словахъ старухи поднялась съ пола, но продолжала стоять на колѣняхъ, опустивши низко свою голову.

— Какой грѣхъ, говори, что такое? — нетерпѣливо спросила княгиня.

— Жила она у васъ въ деревнѣ, какъ вы на сносяхъ были...ваше сіятельство, медленно начала Анфиса и вдругъ остановилась...

— Ну, ну...

— Родили вы въ тѣ поры мальчика...

Зинаида Сергѣевна вся превратилась въ слухъ и даже наклонилась впередъ всѣмъ корпусомъ.

Глаза ея были широко открыты.

— Камердинеръ покойнаго князя, супруга

вашего, и подкупилъ ее, окаянную, подмѣнить ребенка на мертвую дѣвочку, что родила судомойка вашей сосѣдки .. Потемкиной...

Княгиня слабо вскрикнула. Ноги у ней подкосились и она медленно, сперва сѣла на полъ, а потомъ опрокинулась навзничь...

На этотъ крикъ вбѣжала прислуга и понесла безчувственную княгиню въ ея спальню.

Этотъ же крикъ привелъ въ сознаніе и Анну Филатьевну. Она вскочила на ноги.

— Ишь болѣзная, какъ ее сразу скрутило... замѣтила Анфиса.

— Но надо ей рассказать все... все... Вѣдь мнѣ Степанъ Сидорычъ сказалъ, что онъ, ребеночекъ этотъ, у Потемкиной.

— Другорядъ зайти надо будетъ... къ вечеру... пойдѣмъ ка въ Лавру, помолимся...

— Ея сіятельство, просить васъ обѣихъ къ себѣ въ спальню... вернула горничная уже было выходящихъ изъ пріемной женщинъ.

— Пришла въ себя, значить, голубушка...

— Ея сіятельство лежитъ въ постели... — бросила на нихъ суровый взглядъ служанка.

Она, какъ и вся прислуга въ домѣ, боготворила Зинаиду Сергѣевну и считала этихъ неизвѣстныхъ ей богомолковъ причиною дурноты княгини.

Горничная пошла впередъ.

Анфиса и Анна Филатьевна послушно последовали за ней.

Княгиня, уже раздѣтая лежала въ постели.
— Говори, Аннушка, говори.. Что сдѣлано, то не вернешь... Я много страдала, все вынесла... и это вынесу... Гдѣ онъ, гдѣ мой сынъ... Вотъ объ комъ написалъ мой мужъ передъ смертью.

Голосъ Зинаиды Сергѣевны прерывался.

Анна Филатьевна, облегченная исповѣдью за нее Анфисы тоже прерывающимся голосомъ рассказала подробности происшествія въ Несвицкомъ, не умолчавъ и о томъ, что сынокъ княгини былъ отданъ Степаномъ Сидоровичемъ Потемкиной.

— Простите меня, ваше сіятельство, простите окаянную, всю остатнюю жизнь буду замаливать грѣхъ свой передъ Господомъ, только коли вы не простите, не проститъ меня и Онъ, милосердный...

— Богъ проститъ тебя, а я прощаю...

Княгиня протянула ей руку

Та припала къ ней долгимъ поцѣлуемъ и облила ее всю горячими слезами.

— Не плачь... молись... за себя... и за меня... Это меня тоже Господь наказалъ, за гордость...

Княгиня вспомнила свое поведеніе относительно мужа, послѣ убійства имъ Костогова.

Дрожь прооѣжала по ея членамъ.

— Вотъ она, матушка, ваше сіятельство, и надумала іудины-то деньги эти, съ которыхъ они и жить пошли, всѣ раздать бѣднымъ, да по святымъ мѣстамъ, а самой для Бога потрудиться со мной вмѣстѣ странствіемъ...— вставила слово Анфиса.

— Простите, простите меня, окаянную!— плакала, принавъ къ рукѣ княгини, Аннушка.

— Прощаю, прощаю... Идите, помолитесь за меня...

Обѣ женщины вышли.

Зинаида Сергѣевна нѣкоторое время была въ какомъ-то оцѣпененіи.

— Она знаетъ, гдѣ онъ... Знаетъ навѣрное я ея сынъ...—высказала она вслухъ свою мысль и дернула за сонетку, висѣвшую у кровати.

— Одѣваться!—сказала она вошедшей горничной,—да сперва вели заложить карету.

Та удивленно посмотрѣла на барыню, но тотчасъ же отправилась исполнять приказаніе.

Черезъ какихъ-нибудь четверть часа княгиня была уже въ Аничковомъ дворцѣ, но, увы, къ Дарьѣ Васильевнѣ ее не допустили.

Старуха Потемкина была больна и лежала въ постели

Зинаида Сергѣевна приказала ѣхать въ Зимній дворецъ.

Тамъ ей сообщили, что его свѣтлость на-
пунѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ Ново-
россію.

Княгиня сѣла въ карету и зарыдала.

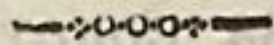
Лакей отдалъ приказаніе кучеру ѣхать до-
мой.

Выплакавшись, она нѣсколько успокоилась
и стала соображать.

— Написать... онъ отвѣтитъ...—рѣшила она.

Тотчасъ же по пріѣздѣ домой, она сѣла
писать письмо Григорію Александровичу
Потемкину.

Она рѣшила отправить его съ нарочнымъ
въ догонку за свѣтлѣйшимъ княземъ.

ХІІІ.

Сдача Бендеръ.

5 мая 1789 года, Григорій Александровичъ
Потемкинъ уѣхалъ изъ Петербурга къ своей
побѣдоносной арміи.

За это кратковременное пребываніе его въ
столицѣ, онъ ко всему приложилъ свою мо-
гучую и искусную руку.

Она отразилась на ходѣ дѣлъ со Швеціей,
Польшей и Пруссіей.

Его вліяніе на императрицу и довѣріе послѣдней къ нему ярче всего выяснилось въ томъ фактѣ, что Потемкину были поручены обѣ арміи: украинская и екатеринославская и онъ явился, такимъ образомъ, полководцемъ всѣхъ военныхъ силъ на югѣ и юго-западѣ.

Предводитель украинской арміи графъ Румянцевъ-Задунайскій, считая себя несправедливо обиженнымъ, удалился въ свою малороссійскую деревню.

Григорій Александровичъ получилъ для продолженія кампаніи шесть милліоновъ рублей.

Постоянно усиливавшаяся непріязнь поляковъ, сочувствовавшихъ Турціи, и въ силу этого отказавшихся доставлять провіантъ для украинской арміи, принудила его избрать главнымъ театромъ своихъ дѣйствій не Подолю, а Бессарабію; онъ рѣшился наступать по кратчайшей и удобнѣйшей для него операціонной линіи и отъ Ольвіополя къ Нижнему Днѣстру и задался цѣлью овладѣть Бендерами и Аккерманомъ.

Сообразно съ этимъ планомъ, князь раздѣлилъ ввѣренныя ему войска, численность которыхъ превосходила 150.000 человекъ, на двѣ части.

Одна, состоявшая изъ трехъ дивизій, подѣ

личнымъ его предводительствомъ, сосредоточилась у Ольвіополя; другая же, изъ двухъ дивизій и таврическаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Репнина, расположилась на рѣкѣ Прутѣ.

Кромѣ того дивизія Суворова была направлена къ Бырладу для поддержанія сообщенія съ австрійцами, которые занимали небольшимъ отрядомъ принца Кобургскаго Молдавію и собирали свои арміи въ Кроаціи, Славоніи и Баннатѣ, намѣреваясь двинуться къ Бѣлграду.

Намѣреніе непріятеля было, видимо, стараться возвратить себѣ Очаковъ и овладѣть Крымомъ.

Начало военныхъ дѣйствій замедлилось въ силу непредвидѣнныхъ случайностей.

Растянутое расположеніе екатеринославской арміи и бури свирѣпствовавшія на Днѣпрѣ, не позволяли собрать ее къ Ольвіополю ранѣе конца іюня. Истощеніе молдаванскихъ магазиновъ и сильное разлитіе Прута, сорвавшаго всѣ устроенные на немъ мосты и затопившаго дороги, задержали Репнина въ Молдавіи.

Въ это же самое время умеръ султанъ Абдулъ-Гамидъ и его мѣсто занялъ юный Селимъ III.

Князь Потемкинъ, далеко не уклонявшійся

отъ мирныхъ переговоровъ съ турками, считалъ за лучшее выждать, какой оборотъ примутъ дѣла въ Константинополѣ, вслѣдствіе переменъ правительства.

Во время этого вынужденнаго обстоятельствомъ бездѣйствія, Григорій Александровичъ, заложилъ при устьѣ Ингула, недалеко отъ Очакова, новый портовый городъ съ верфью и назвалъ его Николаевымъ, въ память святителя, въ день котораго былъ взятъ Очаковъ.

Въ половинѣ іюня великій визирь, получивъ повелѣніе новаго султана начать наступательныя дѣйствія, перешелъ Дунай и направилъ 25.000 корпусъ на Фокшаны, чтобы вытѣснить австрійцевъ изъ Молдавіи.

Русскія войска, стоявшія въ Бырладѣ, поспѣшили на помощь къ австрійскимъ и соединенными силами разбили турокъ близъ Фокшанъ.

Великій визирь, взбѣшенный неудачею, двинулся самъ съ 90.000 арміею противъ союзниковъ, а для отвлеченія оттуда главныхъ силъ Потемкина, велѣлъ сераскиру Гассанъ-пашѣ выступить съ 30.000 изъ Измаила къ Лапушнѣ.

Обѣ эти арміи потерпѣли полное пораженіе.

Суворовъ, вмѣстѣ съ австрійцами, разбилъ

визиря на голову при Рымникѣ, а князь Ренинъ сераксира при Сальчѣ.

Начало этой кампаніи было такимъ образомъ много счастливѣе начала первой.

Эти побѣды русскихъ повлекли за собой сдачу турецкихъ крѣпостей на Днѣстрѣ.

Потемкинъ почти безъ боя занялъ 14 сентября замокъ Гаджи-бей, гдѣ впослѣдствіи была выстроена Одесса, 23-го—укрѣпленіе Паланку, 30-го—крѣпость Аккерманъ.

Интересна подробность взятія послѣдняго.

Григорій Александровичъ послалъ сказать начальствовавшему въ немъ пашѣ, чтобы онъ сдался безъ кровопролитія.

Отвѣтъ, по мнѣнію Потемкина, могъ быть только удовлетворительнымъ, а потому въ ожиданіи его былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ, къ которому были приглашены генералитетъ и всѣ почетныя особы, принадлежавшія къ свитѣ свѣтлѣйшаго.

По расчету Потемкина парламентаръ долженъ былъ явиться къ самому обѣду.

Однако же онъ не явился.

Князь сѣлъ за столъ въ дурномъ расположеніи духа, ничего не ѣлъ, грызъ, по своему обыкновенію, ногти, и безпрестанно спрашивалъ, не ѣдетъ-ли посланникъ.

Обѣдъ оканчивался и нетерпѣніе свѣтлѣйшаго возростало.

Наконецъ вбѣжалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что парламентаръ ѣдетъ.

— Скорѣй, скорѣй, сюда его!—воскликнулъ Григорій Александровичъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ ставку вошелъ запыхавшійся офицеръ и подалъ князю письмо.

Распечатать и развернуть его было для князя дѣломъ одной минуты, но вотъ бѣда— оно было написано по-турецки.

Новый взрывъ нетерпѣнія.

— Скорѣй переводчика!.. крикнулъ Потемкинъ.

Переводчикъ явился.

— На, читай и говори скорѣй, сдается крѣпость, или нѣтъ?

Переводчикъ началъ читать письмо, прочелъ разъ, другой, оборачиваетъ его, вертитъ передъ глазами, но не говоритъ ни слова.

— Да говори же скорѣй, сдается крѣпость или нѣтъ!—загремѣлъ князь.

— А, какъ вашей свѣтлости доложить?—хладнокровно отвѣтилъ переводчикъ, — Я самъ въ толкъ не возьму...

— Какъ такъ?

— Да изволите видѣть, въ турецкомъ языкѣ есть слова, имѣющія двойное значеніе: утвердительное и отрицательное, смотря по-

тому, бываетъ поставлена надъ нимъ точка или нѣтъ...

— Ну такъ что же?

— Въ этомъ письмѣ есть именно такое слово. Если надъ нимъ поставлена точка, то крѣпость не сдается; но если эту точку насидѣла муха, то на сдачу крѣпости паша согласенъ.

— Ну, разумѣется, насидѣла муха!—воскликнулъ Григорій Александровичъ и тутъ же, соскобливъ точку столовымъ пожемъ, приказалъ подавать шампанское и первый провозгласилъ тостъ за здоровье императрицы.

Крѣпость Аккерманъ дѣйствительно сда-лась, но только черезъ двое сутокъ, когда пашѣ были обѣщаны подарки.

Донесеніе же государынѣ о сдачѣ этой крѣпости было, между тѣмъ, послано, въ тотъ же самый день, когда Потемкинъ соскоблилъ точку, будто бы насиденную мухой.

Послѣ взятія Аккермана, Потемкинъ двинулся на Бендеры...

Во время этого движенія въ авангардѣ произошла ночью небольшая стычка.

Григорій Александровичъ, услышавъ перестрѣлку, немедленно сѣлъ на лошадь и поѣхалъ впередъ.

Дорогой онъ встрѣтилъ партію казаковъ, изъ которыхъ одинъ весь въ крови, шелъ пѣшкомъ и во все горло пѣлъ пѣсни.

Князь остановился, подозвалъ къ себѣ казака и спросилъ его, что съ нимъ случилось—

— Батько свитлый!—отвѣчалъ казакъ,—отказаковался! Пропала рука! Сучій турчинъ отбивъ изъ грамады.

Казакъ показалъ князю оторванную по самый локоть руку, которую онъ бережно несъ, завернувши въ тряпку.

Григорій Александровичъ вздохнулъ, вынулъ изъ кармана десять червонцевъ и подарилъ ихъ казаку.

Бендеры были обложены 28 октября.

Въ нихъ находилось 16.000 человекъ гарнизона.

Осадой крѣпости завѣдывалъ лично самъ главнокомандующій.

Однажды онъ поѣхалъ на передовую линію, чтобы указать мѣста для закладки осадныхъ батарей.

Турки узнали его и усилили огонь.

Одно изъ ядеръ упало около самого князя и забросало его землей.

— Турки въ меня цѣляютъ, — сказалъ онъ спокойно, — но Богъ защитникъ мой, Онъ отразилъ этотъ ударъ.

Постоявъ еще нѣкоторое время на томъ же

мѣстѣ, князь поѣхалъ медленнымъ шагомъ по линіи, не обращая никакого вниманія на учащенные выстрѣлы.

Однако, осада сильной крѣпости въ такое позднее время года могла имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для осаждающихъ и потому Потемкинъ старался всѣми мѣрами побудить гарнизонъ сдаться.

«Я черезъ сіе даю знать, — писалъ онъ командовавшему въ городѣ пашѣ:—что съ многочисленною арміею всемилостивѣйшей моей государыни императрицы Всероссійской приблизился къ Бендерамъ, съ тѣмъ, чтобы сей городъ взять непременно. Законъ Божій повелѣваетъ напередъ спросить. Я, слѣдуя сему священному правилу и милосердію моей самодержицы, объявляю всѣмъ и каждому, что если городъ будетъ отданъ добровольно, то всѣ безъ вреда, съ собственнымъ имѣніемъ отпущены будутъ къ Дунаю, куда захотятъ; казенное же все долженствуетъ быть отдано намъ. Въ противномъ случаѣ поступлено будетъ какъ съ Очаковымъ и на васъ уже тогда Богъ взыщетъ за женъ и младенцевъ. Избирайте для себя лучшее».

Постоянные успѣхи и многочисленность русской арміи, свѣжая еще въ памяти гибель защитниковъ Очакова и великодушіе побѣдителя къ покорившемуся аккерманскому

гарнизону, получившему свободу, сдѣлали турокъ миролюбивыми.

Бендеры сдались.

Въ крѣпости было найдено 300 пушекъ, 25 мортиръ, 12.000 пудовъ пороху, 22.000 пудовъ сухарей и 24.000 четвертей муки.

Григорій Александровичъ, вѣрный своему слову, отпустилъ гарнизонъ и жителей въ Измаиль.

Приобрѣтеніе такой сильной крѣпости безъ всякаго урона было тѣмъ болѣе пріятно свѣтлѣйшему, что въ 1770 году, эта же крѣпость три мѣсяца была осаждаема графомъ И. И. Панинымъ и, наконецъ, взята кровопролитнымъ штурмомъ, стоимшимъ свыше 7.000 человекъ убитыми и ранеными.

Потемкинъ донесъ государынѣ о взятіи Бендеръ слѣдующими французскими стихами:

«Nous avons pris neuf lançons
Sous perdre un garçon,
Et Bender avec trois pachas
Sous perdre un chat».

(Мы взяли девять судовъ, не потерявъ даже одного мальчика, и Бендеры съ тремя пашами, не потерявъ и кошки).

Съ этимъ донесеніемъ отправленъ былъ въ Петербургъ Валерьянъ Зубовъ, осыпанный милостями императрицы.

Взятіємъ Бендеръ окончилась успѣшная кампанія 1789 года.

Дѣйствія австрійцевъ тоже были гораздо счастливѣе сравнительно съ предшествовавшими походами: они заняли Валахію и успѣшно воевали на Савѣ и Дунаѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ князь распустилъ войска на зимнія квартиры между Прутомъ и Днѣстромъ, и поселился самъ въ Яссахъ, которые избралъ своимъ мѣстопробываніемъ и главною квартирою.

26 декабря онъ получилъ отъ императрицы благодарственный рескриптъ, оканчивавшійся такими словами: «дабы имя ваше, усердною къ намъ службою прославленное, въ воинствѣ нашемъ пребывало навѣгда въ памяти, соизволяемъ, чтобы кирасирскій екатеринославскій полкъ, коего вы шефъ, отнынѣ впредь именовался «кирасирскимъ князя Потемкина полкомъ».

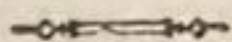
Вслѣдъ затѣмъ, государыня пожаловала ему 100.000 рублей деньгами, въ 150.000 лавровый вѣнокъ, осыпанный брилліантами и другими драгоценными каменьями и званіе «великаго гетмана казацкихъ войскъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ».

Кромѣ того, императрица приказала выбить въ честь Потемкина три золотыя медали съ его изображеніемъ въ видѣ героя,

увѣнчаннаго лаврами. На оборотѣ одной медали была представлена карта Крыма, на другой—планъ Очакова и на третьей—Бендеры.

Посылая князю эти медали, государыня, между прочимъ, писала ему: «Я въ нихъ любовалась какъ на образъ твой, такъ и на дѣла того человѣка, въ которомъ я никакъ не ошиблась, зная его усердіе и рвеніе ко мнѣ и къ общему дѣлу, совокупленное съ отличными дарованьями души и сердца».

Потемкина ожидали послѣ этой кампаніи въ Петербургъ, но онъ не поѣхалъ.

XIV.

В ъ Я с с а х ъ.

Блестящіе успѣхи русскаго оружія не могли однако вывести Россіи изъ того затруднительнаго положенія, въ которое она была поставлена въ описываемое нами время.

Въ наступившемъ 1790 г., эти затрудненія достигли своего кульминаціоннаго пункта.

Война со Швеціей не прекращалась. Польша собирала свои войска на нашихъ границахъ. Пруссія, Англія и Голландія опасаясь возрастающаго могущества Россіи, готовились, подъ предлогомъ пресловутаго полити-

ческаго равновѣсія, помогать Турціи и грозили войною, если не будетъ заключенъ миръ съ Портой, при условіи возвращенія послѣдней завоеванныхъ областей.

Къ довершенію всего, вѣрный союзникъ Екатерины, Іосифъ II умеръ, а его преемникъ Леопольдъ II, подъ вліяніемъ берлинскаго кабинета и вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, поспѣшилъ заключить миръ съ Турціей.

Россія осталась одна, окруженная врагами.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, поневолѣ долженъ былъ ограничиться обороной взятыхъ имъ крѣпостей, такъ какъ получить подкрѣпленія войсками было невозможно.

Онъ даже завязалъ съ турками мирные переговоры, безслѣдно длившіеся до августа.

Самъ же онъ проживалъ въ Яссахъ.

Эта жизнь была рядомъ великолѣпныхъ празднествъ.

Обѣды и рауты смѣнялись балами. Оркестръ въ 300 человѣкъ, подъ управленіемъ волшебника—Сарти ежедневно оглашалъ роскошное помѣщеніе свѣтлѣйшаго и разбитый вокругъ его ставки англійскій садъ.

Цвѣтникъ красавицъ, между которыми особенно выдавались Потемкина, де-Витте, Ггарина и Долгорукая украшалъ эти волшебные праздники и лукулловскіе пиры.

Тосты за этихъ представительницъ прекраснаго пола сопровождались грохотомъ пушекъ, во время десерта имъ раздавались брилліанты цѣлыми ложками.

Григорій Александровичъ усиленно ухаживалъ въ это время за княгиней Гагариной.

Она находилась въ интересномъ положеніи и князь общалъ ей собрать мирный конгрессъ въ ея спальнѣ.

На одномъ изъ такихъ праздниковъ, Григорій Александровичъ, въ порывѣ неудержимой страсти, обнялъ княгиню при всѣхъ.

Та отвѣтила ему пощечиной.

Неожидавшій этого Потемкинъ вскочилъ и весь блѣдный вышелъ изъ комнаты.

Гости похолодѣли отъ ужаса.

Наступило короткое, но казавшееся безконечнымъ, тяжелое молчаніе.

Григорій Александровичъ черезъ нѣсколько минутъ снова появился среди гостей, веселый, улыбающійся.

— Миръ, княгиня... — подошелъ онъ къ виновницѣ переполоха и поднесъ ей дорогую брошку съ великолѣпнымъ солитеромъ.

Праздникъ, омрачившійся на нѣсколько минутъ, продолжался.

«Дѣлу—время, забавѣ—часъ», — говоритъ русская пословица.

Слѣдуя ей, Григорій Александровичъ, не

смотря на непрерывно смѣнявшіеся праздники, неусыпно и неустанно работалъ.

Курьеры отъ начальниковъ частей то и дѣло прибывали въ Яссы съ донесеніями и за полученіемъ приказаній главнокомандующаго.

Между этими курьерами явился и посланный Суворовымъ ротмистръ Софійскаго кирасирскаго полка Линева.

Это былъ очень умный, образованный и богатый человѣкъ, но чрезвычайно невзрачной наружности.

Посланный былъ тотчасъ же представленъ князю.

Принявъ отъ Линева депешу, Потемкинъ взглянулъ на его некрасивое лицо, поморщился и произнесъ сквозь зубы.

— Хорошо! Приди ко мнѣ завтра, утромъ.

Когда на другой день Линева явился къ князю, послѣдній пристально посмотрѣлъ на него, снова поморщился и сказалъ:

— Отвѣтъ на донесеніе готовъ, но ты мнѣ еще нуженъ, приди завтра.

— Я вижу, — рѣзко отвѣтилъ Линева, оскорбленный такимъ обращеніемъ: — что вашей свѣтлости не нравится моя физіономія; мнѣ это очень прискорбно; но, разсудите сами, что легче: вамъ-ли привыкнуть къ ней, или мнѣ измѣнить ее?

Отвѣтъ этотъ привелъ въ восхищеніе Григорія Александровича.

Онъ расхохотался, вскочилъ, обнялъ Линева, разцѣловалъ его и тутъ же произвелъ въ слѣдующій чинъ.

Горожане и окрестные жители Яссь чуть не молились на свѣтлѣйшаго.

Его щедрость вошла въ пословицу.

Одинъ изъ окрестныхъ крестьянъ, узнавъ, что князь охотникъ до огурцовъ, принесъ ему ранней весной нѣсколько штукъ.

Потемкинъ удивился, откуда крестьянинъ могъ такъ рано достать свѣжихъ огурцовъ.

Тотъ доложилъ, что у него есть нѣчто въ родѣ парника, и какъ только поспѣли первые огурцы, онъ счелъ долгомъ ударить ими челомъ свѣтлѣйшему.

Григорій Александровичъ щедро наградилъ его.

Слухи объ этомъ вскорѣ распространились по окрестнымъ деревнямъ.

Когда наступило лѣто и огурцы выросли уже на грядкахъ, одна крестьянка начала понукать своего мужа свезти огурцовъ свѣтлѣйшему.

— Повези цѣлый возъ, князь тебя озолотитъ!—говорила она.

Мужъ, было, запрямился, но баба поста-

вила на своемъ и отправила его въ Яссы съ возомъ огурцовъ.

— Прихвати и нѣсколько арбузовъ... — замѣтила она.

Но отъ арбузовъ мужикъ рѣшительно отказался.

Григорію Александровичу доложили о пріѣздѣ мужика.

Князь былъ въ эту минуту чѣмъ-то разстроенъ и сказалъ въ сердцахъ:

— Выбросьте ему огурцы на голову..

Челядь съ радостью принялась буквально исполнять приказаніе его свѣтлости.

Пока въ мужика швыряли огурцами, онъ обнаруживалъ не столько чувство боли, сколько чувство самодовольства.

— Хорошо-таки я сдѣлалъ, — приговаривалъ онъ, — что не послушался бабы и не взялъ арбузовъ, а то теперь ими меня бы убили до смерти...

Челядь смѣялась.

Потемкинъ, увидя въ окно исполненіе своего приказанія, о которомъ уже успѣлъ позабыть, послалъ узнать о причинѣ такого веселаго настроенія слугъ.

Ему доложили все въ подробности.

Поведеніе мужика, избиваемаго его собственными огурцами прогнало хандру князя.

онъ улынулся и велѣлъ дать ему довольно значительную сумму денегъ.

Кромѣ щедрости князь заслужилъ любовь жителей Яссы и справедливостью.

Людямъ его была отведена квартира въ домъ одного купца.

У послѣдняго случилась крупная кража, грозившая ему совершеннымъ разореніемъ.

Купецъ принесть Потемкину жалобу, объяснивъ, что причина кражи была та, что люди свѣтлѣйшаго безпрерывно днемъ и ночью, ходять со двора, вслѣдствіе чего нельзя запереть ни воротъ, ни дверей.

Григорій Александровичъ, убѣдившись въ справедливости жалобы купца, приказалъ немедленно вознаградить его сполна наличными деньгами изъ своей шкатулки.

Сюда же въ Яссы явился изъ отпуска Василій Романовичъ Щегловскій.

Князь Потемкинъ, къ которому онъ не замедлилъ представиться, принялъ его болѣе чѣмъ сухо.

Онъ на его привѣтствіе какъ то загадочно посмотрѣлъ на него изподлобья и не сказалъ ни слова.

Щегловскій вышелъ изъ пріемной блѣдный, какъ полотно, еле держась на ногахъ.

Онъ понялъ, что «свѣтлѣйшему» извѣстно,

что онъ не сдержалъ своего слова и видѣлся въ Петербургѣ не только съ родными.

Выдержавъ свой характеръ, въ присутствіи князя въ столицѣ, Василій Романовичъ послѣ отъѣзда Потемкина, не устоялъ противъ соблазна посѣтить нѣсколько разъ восточный домикъ на Васильевскомъ островѣ.

Григорій Александровичъ, до мелочей зорко слѣдившій за исполненіемъ своихъ приказаній, былъ увѣдомленъ объ этомъ изъ Петербурга.

Этимъ и объясняется холодная, суровая встрѣча провинившагося.

Василій Романовичъ понялъ, что его карьера окончательно погибла.

Не таковъ былъ свѣтлѣйшій, чтобы забыть и оставить безнаказаннымъ человека, нарушившаго данное имъ честное слово.

— Честь прежде всего... потомъ женщины!.. говаривалъ, какъ мы знаемъ Потемкинъ, и твердо держался этого правила.

Щегловскій чувствовалъ, что отнынѣ надъ нимъ виситъ Дамокловъ мечъ.

Мечъ упалъ.

Между прочими возложенными на него служебными обязанностями Василій Романовичъ получилъ ордеръ сдать турецкихъ плѣнныхъ поручику Никорицѣ.

Изъ числа этихъ плѣнныхъ девять турецкихъ офицеровъ бѣжали.

Объ этомъ доложили свѣтлѣйшему.

Не прошло и пяти дней какъ за это упущеніе плѣнныхъ, безъ всякаго допроса и суда, Щегловскій былъ въ кандалахъ отправленъ въ Сибирь.

Въ Яссахъ же находился и созданный Потемкинымъ богатый подрядчикъ Яковкинъ.

Онъ уже былъ титулярный совѣтникъ и ѣздилъ на своихъ лошадяхъ.

— Я слышалъ, что ты купилъ себѣ имѣнье? А отцу своему купилъ ли?—разъ спросилъ его свѣтлѣйшій.

— Я для себя купилъ имѣнье, ваша свѣтлость. а для отца еще нѣтъ.

— Купи и ему. Онъ старъ и ему время на покой.

Воля князя была немедленно исполнена.

Старикъ Яковкинъ дослужился въ это время, благодаря, конечно, покровительству Потемкина уже до капитанскаго чина, вышелъ въ отставку и зажилъ бариномъ въ своемъ имѣньѣ.

Задаваемые чуть не ежедневно Григоріемъ Александровичемъ пиры и праздники служили ему нѣкоторымъ разсѣяніемъ отъ тяжелыхъ гнетущихъ мыслей, которыя невольно

посѣщали его голову подѣ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ.

Старанія князя, давно, кажется, разочаровавшагося въ скоромъ осуществленіи своихъ крупныхъ плановъ, о мирѣ не увѣнчивались успѣхомъ.

Конечно, миръ, послѣ всѣхъ блестящихъ успѣховъ русскаго оружія, долженъ былъ бы быть почетнымъ, между тѣмъ Порты, подзадориваемая иностранными державами, не особенно спѣшила вести переговоры и дѣлать уступки.

Потемкинъ сталъ приготовлятися къ военнымъ дѣйствіямъ.

Онъ послалъ адмирала **Θ. Θ. Ушакова** съ эскадрою отыскивать турецкій флотъ.

«Возложите твердое упованіе на Бога—писалъ ему набожный князь—и при случаѣ сразитесь съ непріятелемъ;—Христосъ съ вами, я молю Его благость, да ниспошлетъ на васъ милость и увѣнчаетъ успѣхомъ».

Черезъ нѣсколько дней онъ снова писалъ Ушакову.

«Молитесь Богу! Онъ вамъ поможетъ; положитесь на Него; ободрите команду и произведите въ ней желаніе сразиться. Милость Божія съ вами».

Кромѣ того свѣтлѣйшій призывалъ Голова-таго и спросилъ, нѣтъ ли у него изъ числа

возратившихся изъ Турціи бѣглыхъ запорожцевъ, такихъ, которыхъ можно бы было послать къ Измаилу для развѣдыванія о пришедшемъ турецкомъ флотѣ и о положеніи острововъ на устьѣ Дуная, ниже крѣпости.

— Отрывай батьку — отвѣчалъ Головатый, — я пиду пораспытаюсь до коша *).

Собравъ казаковъ и сдѣлавъ имъ вызовъ, Головатый нашелъ многихъ, способныхъ выполнить порученіе.

Оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ даже знали инженерную науку, умѣли рисовать и брались начертить всему точные планы.

Когда Головатый донесъ объ этомъ свѣтлѣйшему, тотъ приказалъ немедленно снабдить казаковъ всѣмъ нужнымъ, но Головатый остановилъ его:

— Треба только хлиба дать, а бильше ничего.

Вызвавшіеся на опасное порученіе запорожцы, въ числѣ сорока человекъ, отправились къ устью Дуная, сѣли тамъ на легкія рыбацкія лодки, взяли неводъ и объѣхали свободно весь турецкій флотъ, показывая видъ, что они ловятъ рыбу.

Турки сначала было остановили ихъ, но

*) Хорошо батюшка, я пойду въ лагерь и пораспрошу казаковъ.

они увѣрили ихъ, что они турецкіе запорожцы и были отпущены.

Такимъ образомъ, смѣльчакамъ удалось снять подробные планы расположенія турецкаго флота и крѣпостей Измаила и Браилова.

Окончивъ порученіе, запорожцы возвратились въ Яссы.

Головатый представилъ планы князю, который былъ чрезвычайно удивленъ вѣрностью чертежей и подробностью собранныхъ свѣдѣній, и пожелалъ лично поблагодарить смѣльчаковъ-искусниковъ.

Головатый привелъ ихъ въ залу и построилъ въ одну шеренгу.

Всѣ они были оборваны, ошипаны, въ рубищахъ.

Нѣкоторые не имѣли даже рубашекъ, не только платья и обуви.

Григорій Александровичъ вышелъ и, думая, что это стоятъ нищіе, спросилъ:

— Гдѣ же они?

— Вотъ они, батъко...—указалъ Головатый на запорожцевъ.

Князь былъ пораженъ представившейся ему картиной бѣдности и прослезился.

Онъ тутъ же произвелъ шестнадцать человекъ запорожцевъ въ офицеры, а остальныхъ, которые отказались отъ чина, велѣлъ

обмундировать съ ногъ до головы въ лучшее казацкое платье и сверхъ того подарилъ каждому по сту червонцевъ.

Но ни денегъ ни платья не стало, нѣкоторымъ и на мѣсяцъ.—все было пропито и остались они опять въ чемъ мать родила.

Наступилъ августъ.

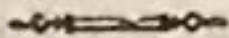
Григорій Александровичъ получилъ не ожиданно радостное извѣстіе о прекращеніи шведской войны.

«Велѣлъ Богъ одну ногу высвободить изъ грязи—писала къ нему государыня,—а какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуйя»

Миръ со Швеціей далъ возможность усилить нашу армію и возобновить наступательныя дѣйствія на Дунаѣ.

Надо было сломить упорство Турціи и взять ея послѣдній оплотъ на театрѣ войны—твердыню Измаила.

Для совершенія этого дѣла, конечно, лучше всего было назначить Суворова.

XV.

Суворовъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ, этотъ знаменитый чудакъ-полководецъ, уже въ описываемое нами время пользовался репутаціей непобѣдимаго.

Онъ былъ кумиромъ солдатъ и одно его появленіе передъ войсками уже предрѣшало побѣду.

Онъ украсилъ свое безсмертное чело первыми военными лаврами въ семилѣтнюю войну въ 1759 году, участвовалъ въ усмирении Польши въ 1768 году и въ подавленіи пугачевского бунта въ 1773 году и вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ.

Про него говорили, что онъ нашелъ тайну побѣдъ.

Эта тайна, какъ все на свѣтѣ, была очень проста.

Геній—это трудъ.

Этотъ афоризмъ англійскаго ученаго всецѣло оправдывается на исторіи величайшаго русскаго полководца.

Разскажемъ вкратцѣ его біографію.

Отецъ Александра Васильевича Василій Ивановичъ Суворовъ былъ потомокъ шведскаго дворянина Сувора, переселившагося въ Россію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Потомки Сувора вѣрой и правдой служили русскимъ государямъ и пользовались ихъ особою милостью, что доказывается тѣмъ, что Василій Ивановичъ былъ крестникомъ Петра Великаго.

Служа при своемъ высокомъ воспріемникѣ онъ дослужился до чина капитана гвардіи и

послѣ кончины императрицы Екатерины I вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣньи въ Новгородской губерніи.

Тамъ онъ занялся воспитаніемъ своего единственнаго сына Александра, родившагося 15 ноября 1729 года.

Мальчикъ былъ очень худъ и слабъ, что беспокоило его отца и заставило его, скрѣпя сердце, рѣшиться пустить сына по гражданской службѣ.

Маленькій Саша, напротивъ, какъ бы унаследовалъ отъ отца любовь къ военной службѣ и спалъ и видѣлъ себя солдатомъ.

Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, по совѣту родственниковъ, Василій Ивановичъ рѣшился исполнить желаніе сына.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ.

Онъ былъ записанъ солдатомъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ.

Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ еще въ родительскомъ домѣ и только въ 1745 году семнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ дѣйствительную службу.

Отецъ его тоже, по восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, событіи радостномъ для всѣхъ приверженцевъ Петра Великаго, покинулъ деревню и вновь былъ принятъ на службу въ чинѣ генералъ-маіора.

Молодой солдатъ Александръ Суворовъ съ первыхъ же шаговъ заявилъ себя примѣрнымъ служакой, а свободное отъ фронтовой службы время посвящалъ изученію военной науки.

Однажды, лѣтомъ 1749 года, онъ стоялъ на часахъ въ Монплеzirѣ, въ Петергофѣ.

Вдругъ изъ большой аллеи вышла государыня.

Суворовъ не замедлилъ отдать ей честь.

Полюбовавшись очаровательнымъ видомъ открытаго моря, Елизавета, возвращаясь, обратила вниманіе на молодого солдата.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила она.

— Александромъ Суворовымъ, ваше императорское величество.

— Ты не родственникъ генерала Суворова?

— Я его сынъ, ваше величество.

— Поздравляю тебя съ такимъ отцомъ; старайся слѣдовать по его стопамъ и служи мнѣ вѣрно и усердно. Я не забуду тебя.

— Радъ стараться, ваше величество.

— А вотъ тебѣ отъ меня рубль серебромъ... — сказала императрица, подавая ему серебряную монету.

— Всемилостивѣйшая государыня, — отвѣчалъ Суворовъ, — законъ запрещаетъ солдату, стоящему на часахъ, принимать деньги.

— Ай да молодецъ... — улыбнулась Елиза-

вета и, потрепавъ его по щекѣ и давъ поцѣловать свою руку, она прибавила:—ты, я вижу, знаешь службу. Я положу рубль на землю. Возьми, когда смѣнишься. Прощай.

Суворовъ снова отдалъ честь.

Когда его смѣнили, онъ поднялъ рубль и, поцѣловавъ его, рѣшилъ хранить, какъ святыню.

На другой же день рядового Александра Суворова потребовали къ генералу.

— Поздравляю тебя,—сказалъ ему послѣдній, — сейчасъ полученъ отъ императрицы приказъ произвести тебя въ капралы не въ очередь. Продолжай служить, какъ служилъ до сихъ поръ и безъ награды не останешься. Ступай съ Богомъ!

Весъ сіяющій, вышелъ отъ генерала Александръ Васильевичъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ производства въ капралы, Суворовъ опять случайно встрѣтилъ императрицу Елисавету Петровну.

— Здравствуй, капралъ!—милостиво улыбнулась она.

— Здравія желаю, ваше императорское величество!

— Послушай, Суворовъ,—продолжала государыня:—я слышала, что ты не только не водишься съ своими товарищами, но даже

избѣгаешь ихъ общества... Какая тому причина?

— Ваше величество, — отвѣчалъ Суворовъ: — у меня много старыхъ друзей, а старымъ для новыхъ грѣшно измѣнять.

— Кто же эти старые друзья?

— Ихъ много, ваше величество.

— Назови мнѣ кого нибудь.

— Слушаю, ваше величество. Старые друзья мои — Цезарь, Аннибалъ, Вобанъ, Когорнъ, Фолардъ, Тюренъ, Монтекукули, Ролленъ... всѣхъ и не упомяну.

Императрица невольно улыбнулась, когда молодой солдатъ скороговоркой произносилъ имена знаменитыхъ полководцевъ и историковъ, творенія которыхъ онъ не переставалъ изучать.

— Это очень похвально, — замѣтила государыня: — но не надобно отставать и отъ товарищей.

— Успѣю еще, ваше величество! Теперь же мнѣ нечему у нихъ учиться, а время дорого.

— Странный молодой человекъ! — сказала императрица одному изъ слѣдовавшихъ за нею придворныхъ и, обратясь къ Суворову, добавила: — Старайся поскорѣй дослужиться до офицерскаго чина; ты, я вижу, будешь отличнымъ офицеромъ.

— Радъ стараться, ваше величество!—отвѣчалъ молодой капралъ и когда императрица удалилась, милостиво кивнувъ ему головой, онъ прибавилъ вполголоса:—Нѣтъ! Я не долго буду ждать очереди къ производству по гвардіи. Я подамъ прошеніе о переводѣ въ армію... Чины мои на непріятельскихъ пушкахъ...

Еще два года прослужилъ Суворовъ и былъ произведенъ въ сержанты.

Въ этомъ чинѣ его посылали курьеромъ въ Польшу и въ Германію, а по возвращеніи оттуда онъ получилъ чинъ фельфебеля.

Наконецъ, въ 1754 году, онъ былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1757 году мы уже застаемъ его подполковникомъ въ дѣйствующей арміи во время семилѣтней войны.

Онъ командовалъ гусарами и казаками и въ нѣсколько недѣль превратилъ ихъ въ стаю орловъ.

— Ребята,—говорилъ онъ солдатамъ:—для русскихъ солдатъ нѣтъ середины между побѣдой и смертью. Коли сказано впередъ, такъ я не знаю что такое ретирада, усталость, голодъ и холодъ.

Офицерамъ же онъ говорилъ слѣдующее:

— Господа, помните, что весь успѣхъ въ войнѣ составляютъ: глазомѣръ, быстрота и натискъ!..

Съ одной сотней казаковъ, онъ явился къ стѣнамъ города Ландсберга.

Казаки, высланные впередъ для рекогносцировки, вернулись и съ безпокойствомъ объявили, что въ городѣ прусскіе гусары.

— Помилуй Богъ, какъ это хорошо!—замѣтилъ Суворовъ—вѣдь мы ихъ-то и ищемъ.

— Не прикажете ли узнать, сколько ихъ здѣсь?

— Зачѣмъ, мы пришли ихъ бить, а не считать. Стройся—скомандовалъ онъ своему отряду и крикнулъ:

— Маршъ-маршъ!

Впереди отряда онъ во весь опоръ поскакалъ къ городскимъ воротамъ.

— Ломи! — скомандовалъ Александръ Васильевичъ.

Въ нѣсколько минутъ ворота были выломаны бревномъ и казаки ворвались въ городъ.

Неожиданное нападеніе смѣшало пруссаковъ, которые сдались, хотя были впятеро сильнѣе.

Таково было первое дѣло Суворова.

Близъ Штаргарда, онъ съ небольшимъ отрядомъ былъ окруженъ пруссаками, которые закричали ему.

— Сдавайся!

— Я этого слова не понимаю — отвѣчалъ

Александръ Васильевичъ и, крикнувъ «ура!» прочистилъ себѣ путь.

Такимъ образомъ, во время описываемой нами войны съ турками, имя Суворова уже было окружено ореоломъ славы—онъ былъ генераль-поручикомъ и участвовалъ, какъ мы знаемъ, въ сраженіяхъ при Кинбурнѣ и осадѣ Очакова.

Незадолго передъ штурмомъ послѣдняго, онъ былъ раненъ пулею, ворвавшись и чуть не овладѣвши однимъ изъ очаковскихъ укрѣпленій.

Къ тѣлеснымъ страданіямъ Суворова присоединились и душевныя скорби.

Григорій Александровичъ выговаривалъ ему за послѣднее дѣло, гдѣ много легло русскихъ солдатъ и писалъ ему:

«Мнѣ странно, что въ присутствіи моемъ дѣлаютъ движенія безъ моего приказанія пѣхотой и конницей... Извольте меня увѣдомить, что у васъ происходитъ будетъ, да не такъ, что даже не прислали мнѣ сказать о движеніи впередъ».

Александръ Васильевичъ, огорченный этимъ выговоромъ, просилъ Потемкина позволить ему удалиться въ Москву для излеченія ранъ.

Онъ писалъ между прочимъ, князю:

«Невинность не терпитъ оправданія; всякій имѣетъ свою систему, такъ и по службѣ я

имѣю свою. Мнѣ не переродиться и поздно! Свѣтлѣйшій князь! успокойте остатки моихъ дней!.. Шея моя не оцарапана — чувствую сквозную рану, — тѣло мое изломано. Я христіанинъ! — имѣйте человѣколюбіе! Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. На что вамъ сносить отъ меня малѣйшее безпокойство. — Добродѣтель всегда гонима. — Вы вѣчны; мы кратки».

Потемкинъ отпустилъ Суворова, но не вслѣдствіе немилости, а искренно примирившись съ нимъ и называлъ его въ письмахъ сердечнымъ другомъ.

По взятіи Очакова, Александръ Васильевичъ встрѣтился съ Григоріемъ Александровичемъ въ Петербургѣ.

Григорій Александровичъ неоднократно назывался къ нему на обѣдъ.

Суворовъ всячески отказывался, но, наконецъ, вынужденъ былъ принять князя съ многочисленною свитою.

Наканунѣ назначеннаго для обѣда дня, Александръ Васильевичъ позвалъ къ себѣ лучшаго княжескаго метродотеля, Матоне, и поручилъ ему, не щадя денегъ, изготовить великолѣпнѣйшій столъ; а для себя велѣлъ своему повару Мишкѣ приготовить только два постныхъ блюда.

Обѣдъ былъ самый утонченный и удивилъ

даже Потемкина, но Суворовъ, подъ предлогомъ нездоровья ни до чего не касался за исключеніемъ своихъ двухъ блюдъ.

На другой день, когда метрдотель принесъ ему счетъ, простиравшійся за тысячу рублей, онъ подписалъ на немъ: «Я, ничего не ѣлъ» и отправилъ къ князю.

Потемкинъ разсмѣялся и тотчасъ же заплатилъ деньги, сказавъ:

— Дорого стоитъ мнѣ Суворовъ.

Императрица приняла Александра Васильевича въ Петербургѣ очень милостиво и пожаловала ему бриллиантовое перо на каску, съ изображеніемъ буквы К. въ воспоминаніе славнаго Кинбурнскаго дѣла.

Въ 1789 году Суворовъ снова вернулся въ дѣйствующую армію.

Первыми славными дѣлами его въ эту кампанію были битвы при Фокшанахъ и на берегахъ Рымника.

Въ послѣдней онъ явился спасителемъ австрійскаго корпуса, находившагося подъ начальствомъ принца Кобургскаго.

Принцъ, увидавъ неожиданно передъ собой турецкую армію, послалъ нарочнаго за помощью къ Суворову.

— Иду! Суворовъ.. — отвѣчалъ Александръ Васильевичъ.

Тотчасъ по прибытіи его принцъ приказалъ просить его къ себѣ.

— Суворовъ Богу молится!—былъ полученъ отвѣтъ.

Принцъ, немного подождавъ, прислалъ вторично.

— Суворовъ ужинаетъ...—получилъ онъ въ отвѣтъ.

Третьему нарочному, присланному принцемъ, отвѣчали:

— Суворовъ спитъ...

Между тѣмъ, онъ не думалъ спать, а съ высокаго дерева обозрѣвалъ расположеніе непріятельскихъ войскъ и слѣзъ только тогда, когда совершенно стемнѣло.

На разсвѣтѣ онъ явился къ принцу и условился съ нимъ о нападеніи.

Турки, между тѣмъ, въ надеждѣ, что будутъ имѣть дѣло съ одними австрійцами и легко побѣдятъ ихъ, перешли черезъ крутые берега Рымника и сами атаковали непріятеля.

Тутъ они неожиданно для себѣ встрѣтились съ Суворовскими штыками.

Когда великому визирю доложили, что войскомъ командуетъ Суворовъ, онъ не повѣрилъ и сказалъ:

— Это навѣрное другой Суворовъ, потому что первый умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ.

Турки обращены были въ позорное бѣгство.

Суворовъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ, не давалъ имъ пощады, приказавъ рубить всѣхъ и не брать въ плѣнъ.

Слѣдствіемъ Рымникской побѣды было, какъ мы уже знаемъ, взятіе Бѣлграда, сдача Аккермана и Бендеръ.

Императрица истинно по царски наградила побѣдителя.

Александръ Васильевичъ получилъ знаки ордена Андрея Первозваннаго, осыпанные брилліантами, шпагу, тоже украшенную брилліантами и лаврами, съ надписью: «Побѣдителю верховнаго визиря», дипломъ на графское достоинство съ наименованіемъ Рымникскаго и орденъ св. Георгія перваго класса.

Послѣдняя награда особенно обрадовала Александра Васильевича.

Вотъ что писалъ онъ по этому случаю своей единственной горячо любимой имъ дочери, воспитывавшейся въ институтѣ въ Петербургѣ.

«Слышала-ли сестрица» — въ письмахъ Суворовъ, иногда въ шутку такъ называлъ свою дочь — «душа моя».

«Отъ моей щедрой матушки: рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому;

знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего голубушка, первый классъ св. Георгія. Вотъ, каковъ твой папенька за доброе сердце. Чуть право отъ радости не умеръ».

Императоръ Іосифъ, пожаловалъ Александра Васильевича, графомъ римской имперіи, а принца Кобургскаго въ генераль-фельдмаршалы.

Послѣ сраженія принцъ, сопровождаемый своимъ штабомъ, пришелъ въ палатку Суворова и оба полководца, со слезами на глазахъ, бросились другъ другу въ объятія.

Всѣ эти подвиги и побѣды Александръ Васильевичъ, приписывалъ далеко не себѣ, а солдатамъ — чудо-богатырямъ, какъ онъ всегда называлъ ихъ.

— Помилуй Богъ, — говаривалъ онъ объ нихъ—это моя семья! мои дѣти! Я съ ними пройду весь свѣтъ, принесу Царьградъ на плечахъ и сложу у ногъ моей матушки-царицы.

Многіе удивлялись привязанности къ нему со стороны солдатъ.

— А знаете ли вы — говорилъ Суворовъ: за что меня солдаты любятъ и народъ уважаетъ.

— За ваши геройскіе подвиги.

— Полноте, геройскіе подвиги не мои, а

того же солдата!.. Любить же онъ меня за то, что я забочусь о немъ, люблю его какъ брата родного, какъ сына, рано встаю, пою пѣтухомъ и не изгибаюсь ни передъ непріятельскими пулями, ни передъ дураками.

Солдаты и народъ дѣйствительно боготворили Александра Васильевича.

Первые иначе не называли его, какъ «отцомъ роднымъ».

— Батюшка намъ родной!

— Кормилецъ!

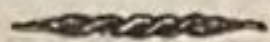
— Ясный соколъ!

— Красное солнышко!

Таковы были эпитеты Суворова, даваемые ему въ народѣ и въ войскѣ.

Его то и избралъ Потемкинъ, для взятія твердыни Измаила, считавшейся неприступной.

Суворовъ тоже не понималъ этого слова.

XVI.

И з м а и л ь.

Наступилъ декабрь 1790 года.

Взять Измаиль было тогда единственной мыслью Григорія Александровича Потемкина.

О чемъ бы онъ ни начиналъ говорить, всег-

да кончалось тѣмъ, что онъ переводилъ разговоръ на эту неприступную, сидѣвшую неотступно въ его мозгу, турецкую твердыню.

По оборонительнымъ средствамъ, это была третья крѣпость въ Европѣ: валъ ея имѣлъ четыре сажени вышины, а ровъ семь сажень глубины и столько же ширины, шесть бастионовъ защищали стѣну крѣпости.

Гарнизонъ, снабженный на нѣсколько мѣсяцевъ провіантомъ, состоялъ изъ 35.000 человекъ отборнаго войска, подъ командою храбраго сераскира Аудузлу-паши.

Турки, такимъ образомъ, не безъ основанія считали Измаиль неприступнымъ.

Гудовичъ и Кутузовъ открыли осадныя работы, но не предвидя успѣха, собрали военный совѣтъ, который, принявъ въ соображеніе наступленіе ненастной погоды, появившіяся въ войскахъ болѣзни, крайнее изнуреніе солдатъ и недостатокъ въ продовольствіи, рѣшилъ снять осаду.

Извѣстіе это не успѣло еще дойти до Потемкина, когда, однажды вечеромъ, де-Виттъ, гадая свѣтлѣйшему на картахъ, сказала, что Измаиль сдастся черезъ три недѣли.

— Я умѣю гадать лучше васъ!—отвѣчалъ съ улыбкою Григорій Александровичъ и вышелъ въ свой кабинетъ.

Оттуда онъ немедленно послалъ приказъ Суворову:

«Взять Измаиль во что бы то ни стало».

Александръ Васильевичъ понималъ почти невозможность исполнить это приказаніе. Всѣ лучшіе военные авторитеты того времени признавали штурмъ Измаила дѣломъ неисполнимымъ.

Вся армія Суворова состояла изъ 28.000 человекъ, терпѣвшихъ отъ болѣзней и недостатковъ.

Но... солдатъ не разсуждаетъ — Суворовъ сталъ готовиться къ приступу, пославъ начальнику крѣпости письмо свѣтлѣйшаго главнокомандующаго, въ которомъ Потемкинъ требовалъ сдачи Измаила.

— Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо преклонится къ землѣ, нежели сдастся Измаиль!—отвѣчалъ гордый Аудзлу-паша.

Суворовъ послалъ ему вторично письмо отъ себя:

«Если Сераскиръ въ тотъ же день не выставитъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ и гарнизонъ сдѣлается жертвою ожесточенныхъ воиновъ».

Это письмо осталось безъ отвѣта.

На Григорія Александровича, между тѣмъ,

напала нерѣшительность и онъ послалъ Суворову вторичное приказаніе:

«Если предвидится невозможность взять Измаиль, то оставить.»

Александръ Васильевичъ отвѣчалъ.

«Намѣреніе мое твердо рѣшено; два раза русскіе были у воротъ Измаила: стыдно будетъ третій разъ отступить.»

Собранъ былъ военный совѣтъ.

Бригадиръ Платовъ—будущій герой отечественной войны 1812 года, первый написалъ: «штурмовать».

Другіе написали тоже.

Радостно принялъ это рѣшеніе Александръ Васильевичъ.

— Одинъ день — Богу молиться; другой день—учиться; третій день—славная смерть или побѣда!—воскликнулъ онъ.

Изъ каждаго полка были выбраны лучшіе старые солдаты:

— Чудо-богатыри!—сказалъ имъ Суворовъ, —крѣпость непременно должна быть взята; это повелѣваетъ матушка-царица, а воля ея —святой законъ.

Наступила ночь на 11 декабря.

Еще часа за три до разсвѣта во всемъ русскомъ лагерѣ царила глубокая тишина.

Вдругъ взвилась ракета и разсыналась сотнями звѣздъ во тьмѣ ночи.

Штурмовыя колонны стали по своимъ мѣстамъ.

По второй ракетѣ войско двинулось, а по третьей бѣгомъ бросилось къ крѣпости.

Гробовую тишину не нарушалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Только въ двухъ стахъ шагахъ отъ Измаила нападающіе были встрѣчены адскимъ огнемъ со всѣхъ батарей и со всего вала.

Турки, зная хорошо Суворова, не спали и ожидали нападенія.

Пули, ядра и картечь свистали въ воздухѣ. Огненный дождь лился на русскія войска. Весь Измаиль свѣтился отъ выстрѣловъ.

Наши продолжали подвигаться впередъ, не отвѣчая на выстрѣлы и подошли ко рву крѣпости.

Мигомъ стрѣлки разсыпались по краю рва и, подъ прикрытіемъ ихъ выстрѣловъ, русскіе спустились въ ровъ, приставили къ стѣнамъ лѣстницы и полѣзли на валъ.

Завязался страшный рукопашный бой.

Въ числѣ бывшихъ на валу находился и Кутузовъ,этотъ тожебудущійгерой двѣнадцатаго года, болѣдвухъ часовъ боровшійся съ малочисленнымъ отрядомъ противъ несмѣтнаго числа непріятелей, получавшихъ безпрестанно свѣжія подкрѣпленія

Наконецъ онъ послалъ своего адъютанта

къ Суворову съ донесеніемъ, что вскорѣ онъ не будетъ болѣе въ силахъ удержаться на валу и просилъ помощи.

Суворовъ отвѣтилъ посылкой 200 человѣкъ и велѣлъ передать Кутузову, что поздравляетъ его комендантомъ крѣпости Измаилъ.

Только Суворовъ могъ сказать эти замѣчательныя слова и только Кутузовъ могъ понять ихъ.

Послѣдній возобновилъ отчаянную битву.
Разсвѣтало.

Битва продолжалась съ обоюднымъ ожесточеніемъ.

Часъ проходилъ за часомъ, а кровопролитная рѣзня не прекращалась.

Русскіе стояли уже твердою ногой въ Измаилѣ и бились съ непріателемъ на улицахъ крѣпости.

Наконецъ, побѣда была одержана окончательно.

Измаилъ палъ.

Перо прозаика слишкомъ слабо для описанія подробностей этого свирѣпаго штурма, гдѣ люди превратились въ звѣрей, гдѣ кровь лилась потоками и гдѣ живые дрались, попирая ногами мертвыхъ и даже полумертвыхъ.

Не даромъ, взятіе Измаила, считавшееся безпримѣрнѣйшемъ эпизодомъ всемірной исторіи, вдохновило геній Байрона, посвятив-

шаго въ своемъ «Донъ-Жуанъ» этому событію много чудныхъ строкъ.

Приведемъ ихъ:

Надъ крѣпостью раздался крикъ: «Аллахъ!»
Зловѣщій грохотъ битвы покрывая,
И повторился онъ на берегахъ;
Его шептали волны, повторяя;
Онъ былъ и вызывающъ, и могучъ,
И даже, наконецъ, изъ темныхъ тучъ
Святое имя это раздавалось,
«Аллахъ, Аллахъ!», повсюду повторялось.

.
Сдавался шагъ за шагомъ Измаиль
И превращался въ мрачное кладбище.

.
Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ гресою. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь струи свои катила. . .

.
Штыки вонзались, длился смертный бой,
И здѣсь и тамъ людей валялись кучи;
Такъ осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятыхъ бури стонетъ лѣсъ дремучій..

Нашъ славный русскій поэтъ Г. Р. Державинъ написалъ оду на взятіе Измаила. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ нея:

Представъ послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,

На огонь пошли стѣною воды,
Бугры взвились въ облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молнии освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаиль Россъ.

Трофеями штурма Измаила были: 200 орудій, 350 знаменъ, 10.000 плѣнныхъ и болѣе нежели на два милліона разныхъ товаровъ и военныхъ припасовъ.

Убитыхъ со стороны турокъ было 15.000 человекъ, а съ нашей—10.000 человекъ убитыми и ранеными.

Утромъ 11 декабря Александръ Васильевичъ Суворовъ рапортовалъ князю Потемкину:

«Нѣтъ крѣпче крѣпости и отчаяннѣе обороны, какъ Измаиль, павшій передъ трономъ ея императорскаго величества кровопролитнымъ штурмомъ. Низжайше поздравляю вашу свѣтлость».

Императрицѣ Суворовъ рапортовалъ кратко:

«Знамена вашего величества развѣваются на стѣнахъ Измаила».

Григорій Александровичъ торжествовалъ.
Городъ Яссы принялъ праздничный видъ.

Отъ дворца «свѣтлѣйшаго» по дорогѣ къ Измаилу были разставлены сигнальщики и адъютанты князя, скакали взадъ и впередъ по всему протяженію.

Григорій Александровичъ ожидалъ къ себѣ Суворова.

Но день проходилъ за днемъ, а герой Измаила не пріѣзжалъ.

Оказалось, что Александръ Васильевичъ, не любя никакихъ парадныхъ встрѣчъ, нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью, а рано утромъ явился къ Потемкину въ длинной молдаванской повозкѣ, заложеной парой лошадей въ веревочной сбруѣ.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина узналъ, однако, пріѣхавшаго въ этомъ оригинальномъ экипажѣ и поспѣшилъ доложить объ этомъ свѣтлѣйшему.

Григорій Александровичъ вышелъ на крыльцо и обнялъ и разцѣловалъ измаильскаго побѣдителя.

— Чѣмъ могу я, дорогой графъ Александръ Васильевичъ, — сказалъ онъ ему, — наградить васъ за всѣ побѣды надъ врагами и за взятіе Измаила... Скажите, другъ мой!

Этотъ покровительственный тонъ оскорбилъ Суворова.

— Помилуй Богъ, ваша свѣтлость! — отвѣчалъ онъ, отвѣшивая чуть не земной по-

клонъ:—сколько милости!.. Меня никто не можетъ награждать, кромѣ Бога и всемилостивѣйшей нашей матушки, государыни-царицы.

Григорій Александровичъ поблѣднѣлъ и закусилъ губу.

Молча онъ прошелъ въ залу, гдѣ Суворовъ съ почтительностью подчиненнаго подалъ ему рапортъ.

Фельдмаршалъ холодно принялъ его и также холодно разстался съ Александромъ Васильевичемъ.

Его гордости былъ нанесенъ страшный ударъ.

Это не прошло даромъ Суворову.

Онъ былъ вскорѣ отозванъ въ Петербургъ.

Императрица, желая вознаградить его, велѣла спросить: гдѣ онъ желаетъ быть на мѣстникомъ.

— Я знаю,—отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, — что матушка-царица слишкомъ любить своихъ подданныхъ, чтобы наказать мною какую-либо губернію... Я размѣряю силы съ бременемъ, какое могу поднять... Для другого не въ моготу и фельдмаршальскій мундиръ...

Но фельдмаршальскаго мундира онъ не получилъ и сдѣланъ былъ лишь подполковникомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

Дочь его была пожалована фрейлиной.

Паденіе Измаила произвело сильное впечатлѣніе на Турцію, но, увѣренная въ помощи Пруссіи и Англіи, Порты отвергла мирныя условія, предложенныя ей Потемкинымъ и рѣшилась продолжать войну.

Вслѣдствіе этого Григорій Александровичъ, приказавъ войскамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, началъ дѣятельныя приготовленія къ предстоявшей кампаніи.

Расположеніе духа свѣтлѣйшаго было въ это время далеко не изъ веселыхъ.

Уже къ послѣднихъ письмахъ къ нему императрицы онъ читалъ между строкъ, что государыня недовольна громадностью военныхъ издержекъ и жаждетъ мира.

Между ей и имъ стали набѣгать черныя тучки.

Въ Петербургѣ же при дворѣ появилось новое лицо—Платонъ Александровичъ Зубовъ—новое восходящее придворное свѣтило.

Быстрое возвышеніе двадцати двухъ-лѣтняго Зубова было неожиданно для всѣхъ, а особенно для Потемкина.

Въ 1789 году онъ былъ только секундъ-ротмистромъ конной гвардіи, на слѣдующій годъ онъ уже былъ флигель-адъютантомъ государыни, генераль-маіоромъ и кавалеромъ орде-

новъ: св. Станислава, Бѣлаго Орла, св. Анны и св. Александра Невскаго.

При такихъ явныхъ знакахъ благоволенія монархини надменный Зубовъ не искалъ благосклонности и покровительства Потемкина и не обнаруживалъ къ нему того раболѣпнаго уваженія, съ какимъ все преклонялось передъ княземъ Тавриды.

Такая смѣлость глубоко потрясла душу человѣка, въ теченіе пятнадцати лѣтъ привыкшаго не видѣть себѣ совмѣстника въ довѣріи императрицы, въ веденіи государственныхъ дѣлъ и въ общественномъ мнѣніи относительно силы своей у престола.

Чувство оскорбленнаго колоссальнаго самолюбія зародилось въ груди всемогущаго до этого времени вельможи.

Ни пышность, ни великолѣпіе его окружавшія, ни почести, вездѣ ему воздаваемыя, не могли залѣчить этой ноющей раны.

Особенно въ Яссахъ послѣ взятія Измаила, былъ онъ мраченъ, задумчивъ, скученъ, искалъ развлеченія и нигдѣ не находилъ его.

Не скрывая своихъ чувствъ отъ государыни, Григорій Александровичъ писалъ ей въ концѣ 1790 года:

«Матушка родная! При обстоятельствахъ, отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія. Неужели вы не знаете мѣру

моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ. Каково слышать мнѣ, со всѣхъ сторонъ, нелѣпыя новости и не знать: вѣрить мнѣ или нѣтъ? Заботы въ такой неизвѣстности погрузили меня въ несказанную слабость. Лишась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Ёхать въ Херсонъ сколь ни нужно, не могу двинуться; въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы».

Вначалѣ февраля 1791 года, Потемкинъ началъ готовиться къ отъѣзду изъ Яссы въ Петербургъ и сдѣлавъ распоряженія по арміи и флоту, 9 февраля, снабдилъ князя Репнина слѣдующею инструкціею:

«Отъѣзжая на кратчайшее время, въ С.-Петербургъ препоручаю здѣсь командованіе всѣхъ войскъ вашему сіятельству, а потому и предписываю: сколь возможно остаться до времени безъ движеній, ради успокоенія войскъ, развѣ бы нужно было подкрѣплять которыя части. Флотъ гребной исправить въ скорости. Какъ крѣпости Измаиль, Килія, и Аккерманъ должны быть уничтожены, то взять на то мѣры, употреблять жителей на помянутую работу. Противъ непріятеля имѣть всю должную осторожность. Съ поляками обходиться ласково и дружно, но примѣчать. Если бы турки вызвались на перего-

воры и предложили бы перемиріе, не принимать иначе, какъ развѣ утвердятъ прелиминарно объявленный отъ меня имъ ультиматъ состоящій въ томъ, чтобы утверждено было все поставленное въ кайнарджинскомъ трактатѣ и потомъ бывшія постановленія; границу новую на Днѣстръ и возвращеніе Молдавіи и Валахіи, на кондиціяхъ, выгодныхъ для помянутыхъ княжествъ—*sine qua non*. Казначейство будетъ зависѣть отъ вашего распоряженія, о чемъ и въ Варшаву я далъ знать, Работами судовъ на Прутѣ и Днѣстрѣ поспѣшить прикажите и почаству наблюдать. Я въ полной надеждѣ, что ваше сіятельство все устроите къ лучшему. Меня же увѣдомляйте чрезъ курьеровъ каждую недѣлю».

Мечты о возстановленіи Византіи снова начали копошиться въ умѣ Потемкина, особенно вслѣдствіе того, что императрица, подвліяніемъ Зубова и его партіи желала прекращенія военныхъ дѣйствій.

Григорій Александровичъ надѣялся лично убѣдить государыню въ необходимости продолженія войны.

Мысль о Зубовѣ не давала ему покоя.

— Зубъ болитъ—говаривалъ онъ окружающимъ—ѣду въ Петербургъ вырвать...

Близкіе къ князю понимали этотъ намекъ. Кромѣ этого государственнаго дѣла у кня.

зя было въ Петербургѣ еще дѣло личное...

Онъ хотѣлъ самъ возвратить княгинѣ Святозаровой ея сына Владиміра.

Получивъ въ дорогѣ письмо княгини, онъ тотчасъ же отвѣтилъ ей, что ея сынъ съ честью сражается съ непріятелемъ и вполне достоинъ имени, которое носить его мать, и что по окончаніи кампаніи онъ самъ привезетъ его къ ней.

Въ письмѣ онъ много не распространялся

Тогда же Григорій Александровичъ, написалъ императрицѣ письмо съ подробнымъ изложеніемъ семейнаго дѣла князей Святозаровыхъ и его въ немъ участія и просилъ высочайшаго ея соизволенія на возстановленіе правъ усыновленнаго дворянина Владиміра Андреевича Петровскаго, дарованія ему княжества и фамилии его отца Святозарова.

«Только сдѣлать это надо, матушка, секретно, чтобы злые языки о томъ не провѣдали и не оскорбили княгиню-страдалицу нелѣпымъ подозрѣніемъ» — заключилъ свое письмо Потемкинъ.

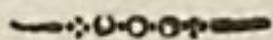
Императрица отозвалась на это письмо чуткимъ женскимъ сердцемъ и просьба Потемкина была исполнена.

Владиміръ Андреевичъ Петровскій, за жизнью и воспитаніемъ котораго неусыпно слѣдилъ князь, дѣйствительно, окончивъ

курсъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, по собственному желанію пошелъ въ военную службу, въ армію и въ описываемое нами время, служилъ въ отрядѣ Кутузова.

Во время штурма Измаила, онъ былъ легко раненъ, и къ времени отъѣзда свѣтлѣйшаго находился наканунѣ выписки изъ лазарета.

Въ день своего отъѣзда, Потемкинъ подписалъ приказъ о переводѣ Владиміра Андреевича Петровскаго, въ гвардію съ откомандированіемъ въ распоряженіе фельдмаршала.

XVII.

На пути.

Вторая поѣздка Григорія Александровича Потемкина въ Петербургъ съ театра военныхъ дѣйствій сопровождалась такою же торжественною обстановкою, какъ и первая, послѣ Очакова.

Во всѣхъ городахъ были парадныя встрѣчи при звонѣ колоколовъ и пальбѣ изъ пушекъ, если таковыя конечно имѣлись въ тѣхъ городахъ, которые проѣзжалъ свѣтлѣйшій фельдмаршалъ.

Роскошные пиры и праздники устраивались въ честь побѣдителя Очакова и Измаила въ болѣе значительныхъ городахъ.

Ночью путь князя освѣщался горящими смоляными бочками.

Но пресыщеннаго властелина не тѣшили почести, не радовали торжества.

Онъ былъ унылъ, сердитъ и мраченъ.

Лишь при особомъ умѣньи приближенныхъ къ нему лицъ, въ немъ пробуждались интересъ къ чему нибудь и желаніе.

Въ одномъ изъ маленькихъ городовъ, лежащихъ на пути, жители ожидали проѣзда «свѣтлѣйшаго» съ особеннымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ хотѣли подать ему просьбу о городскихъ нуждахъ.

Дни шли за днями.

Наконецъ ночью появился экипажъ Потемкина.

Жители окружили его.

Но на ихъ бѣду, князь дремалъ и не велѣлъ себя тревожить и останавливаться въ городѣ.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи горожане обратились къ одному изъ свиты свѣтлѣйшаго и тотъ, тронутый ихъ просьбами, согласился устроить дѣло.

Когда Григорій Александровичъ сердито спросилъ, скороли будутъ готовы лошади онъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ, ваша свѣтлость! А какая здѣсь

капуста, какой хлѣбы—добавилъ онъ какъ бы про себя со вздохомъ.

Потемкинъ вдругъ встрепенулся:

— Гдѣ, братецъ, давай сюда!

Капуста и хлѣбъ были мигомъ поданы.

Они оказались дѣйствительно прекрасными.

Князь покушалъ, похвалилъ, внимательно разсмотрѣлъ просьбу горожанъ и, найдя ее справедливою, тутъ же удовлетворилъ ихъ желанія.

Свѣтлѣйшій приближался къ тульской губерніи.

Знали, что онъ выразилъ желаніе пребыть въ Тулѣ нѣсколько дней, чтобы осмотрѣть оружейный заводъ.

— Тульскій заводъ—сказалъ дорогой Григорій Александровичъ,—есть такое государственное заведеніе, такой военный предметъ, который заслуживаетъ моего внимательнаго обозрѣнія, и я непременно займусь этимъ дѣломъ тщательно и серьезно.

Когда это намѣреніе свѣтлѣйшаго стало извѣстнымъ въ Тулѣ, все пришло въ движеніе.

Вездѣ готовились роскошныя торжества, спектакли, иллюминаціи и разнаго рода увеселенія.

Мѣстныя власти съ неутомимой энергіей

спѣшили привести въ порядокъ городъ и заводъ, въ сладкой надеждѣ хотя на одно слово похвалы полудержавнаго властелина, хотя на одинъ взглядъ одобренія.

Такъ цѣнны были милости свѣтлѣйшаго.

Тульскій губернскій предводитель съ дворянствомъ и чиновники всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, были на готовѣ по первой повѣсткѣ явиться въ парадныхъ кафтанахъ къ тульскому намѣстнику, генераль-аншефу Михаилу Никитичу Кречетникову, для представленія могущественному вельможѣ.

Повидимому и народъ принималъ живѣйшее участіе въ этой парадной встрѣчѣ.

Множество крестьянъ пришли въ Тулу изъ ближайшихъ селъ и деревень.

Всѣ хотѣли посмотрѣть на человека, на котораго обращено было вниманіе всѣхъ и слава о которомъ гремѣла по всей обширной Россіи.

Ежедневно, толпы этого пришлаго люда собирались по Кіевской улицѣ и осаждали тогда еще существовавшія тріумфальныя ворота, дворецъ, гдѣ долженъ былъ остановиться высокій путешественникъ и крѣпость.

Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, зная хорошо Григорія Александровича, приказалъ, на всякій случай, приготовить на каж-

дой станціи все, что только могло удовлетво-
рить причудливый вкусъ князя.

Тульскій губернаторъ Андрей Ивановичъ
Лопухинъ, ожидалъ дорогого гостя на грани-
цѣ Мценскаго уѣзда.

Все суетилось, готовилось, хлопотало.

Наконецъ, свѣтлѣйшій въѣхалъ въ Туль-
скую губернію и, нигдѣ не останавливаясь,
даже не выѣзая изъ своего зимняго дорме-
за, продолжалъ путь.

Такимъ образомъ, сопровождаемый губер-
наторомъ, капитаномъ-исправникомъ и нѣ-
которыми чиновниками, онъ проскакалъ Ма-
лое и Большое Скуратово — станціи, гдѣ пе-
ремѣняли лошадей, а Лопухинъ все ещѣ не
видалъ его.

Желая непременно представиться свѣт-
лѣйшему и донести объ этомъ свиданіи на-
мѣстнику, Лопухинъ рѣшилъ обратиться къ
любимому адъютанту князя — Бауру, который
былъ не только ему знакомъ, но даже нѣ-
сколько обязанъ.

Это было въ Сергіевскѣ, въ шестидесяти
верстахъ отъ Тулы, гдѣ перемѣняли лошадей.

Бауръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Григоріемъ
Александровичемъ, вышелъ изъ дормеза и
Лопухинъ попросилъ его какимъ нибудь
средствомъ доставить ему случай сейчасъ
представиться князю.

— Хорошо — отвѣтилъ Бауръ — я сдѣлаю все, что могу, но за успѣхъ не ручаюсь...

Подойдя къ дормезу и обращаясь къ своимъ товарищамъ—другимъ адъютантамъ, которые отъ инея, облѣпившаго ихъ съ головы до ногъ, были похожи на бѣлыхъ медвѣдей, громко сказалъ:

— Вотъ каковъ русскій морозъ: и безъ румянъ покраснѣешь! Бррр... хорошо бы теперь, знаете, перекусить чего нибудь, да подкрѣпиться водочкой.

Князь изъ наглухо закрытаго дормеза не подавалъ голоса, хотя могъ слышать этотъ разговоръ.

— Кто бы отказался отъ такихъ благъ!— подхватилъ одинъ изъ адъютантовъ, переминаясь съ ноги на ногу у дормеза.

Потемкинъ молчалъ.

— Этакъ, пожалуй, чего добраго застынешь какъ студень—продолжалъ Бауръ.

— Ты шутишь, а намъ не до шутокъ — мы смертельно перезябли.

Потемкинъ молчалъ.

— Ваша свѣтлость — крикнулъ наконецъ потерявшій терпѣнье Бауръ, подошедши къ самому окну дормеза — здѣсь приготовленъ вкусный завтракъ.

Григорій Александровичъ сдѣлалъ легкое движеніе.

— Тульскіе гольцы теперь только изъ воды, а калачи еще горячіе. Право, все это стоитъ вниманія вашей свѣтлости.

Стекло дормеза опустилось

— Алексинскіе грузди и осетровая икра заслуживаютъ того же...— продолжалъ Бауръ.

— Гм!..—отвѣчалъ Потемкинъ.

— А ерши, крупные, животрепещущіе, такъ и напрашиваются въ ротъ.

— Ой-ли?

— Сверхъ того, ваша свѣтлость, здѣсь мигомъ приготовятъ и яичницу-глазунью.

— Вели отворить карету! — крикнулъ Григорій Александровичъ, видимо соблазненный послѣднимъ блюдомъ русской кухни.

Свѣтлѣйшій вышелъ изъ дормеза, вытянулся во всю длину своего роста, окинулъ блуждающимъ взоромъ своихъ полузамерзшихъ спутниковъ и сказалъ Попову и Бауру:

— Пойдемъ.

Они отправились къ почтовому дому, гдѣ ихъ дѣйствительно ожидали сытныя явства и превосходное вино.

Когда съ князя сняли шубу, онъ скорѣе упалъ, нежели сѣлъ въ вольтеровское кресло въ какомъ-то изнеможеніи, которое вѣроятно было слѣдствіемъ продолжительной и необыкновенно скорой ѣзды.

Бауръ, улучивъ минуту, доложилъ ему, что

тульскій губернаторъ уже двѣ станціи сопровождаетъ ихъ и желаетъ представиться его свѣтлости.

— Попроси сюда господина губернатора, — отвѣчалъ Григорій Александровичъ и велѣлъ своему камердинеру подать флягу съ водкой.

Бауръ бросился за Лопухинымъ въ другое отдѣленіе почтоваго дома.

— Его свѣтлость проситъ ваше превосходительство къ себѣ... Пожалуйста скорѣе...

Лопухинъ не заставилъ себя ждать и вошелъ къ князю, который, сидя откинувшись на спинку кресла, отвинчивалъ серебряную крышку у фляги, оклееной краснымъ сафьяномъ.

Увидя вошедшаго, онъ сдѣлалъ легкое движеніе головой, что означало поклонъ, и холодно сказалъ:

— Напрасно вы беспокоились, я слышалъ, что вы проѣхали съ нами двѣ станціи.

— Три, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ Андрей Ивановичъ.

— Напрасно, повторяю вамъ, — возразилъ князь, — я, право, не могъ этого знать, потому что не выходилъ изъ кареты.

Крышка, между тѣмъ, была отвинчена.

Свѣтлѣйшій налилъ въ нее изъ фляги темной водки, которую всегда употреблялъ, выпилъ, потомъ налилъ Попову, а флягу от-

далъ Бауру, который, въ свою очередь, также налилъ изъ нея, проглотилъ свою порцію и передалъ флягу камердинеру.

— Я здѣсь немного отдохну и позавтракаю, — продолжалъ Григорій Александровичъ, обращаясь къ Лопухину, — а вы поѣзжайте съ Богомъ въ Тулу и потрудитесь поклониться Михаилу Никитичу, съ которымъ я самъ скоро увижусь... Васъ же лично благодарю.

Князь опять сдѣлалъ легкое движеніе головой.

Андрей Ивановичъ низко поклонился, вышелъ изъ комнаты, надѣлъ шубу, сѣлъ въ сани и помчался въ городъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

Подали яичницу.

Бауръ напомнилъ объ ней свѣтлѣйшему, полулежавшему въ креслѣ, въ мрачной задумчивости.

— Яичница готова, ваша свѣтлость! — сказалъ Бауръ.

Потемкинъ встрепенулся, какъ бы отъ сна и началъ завтракать.

Его примѣру послѣдовала и свита и скоро яичница, а за ней и другія кушанья были истреблены по военному.

Въ этотъ день вечеромъ вся Тула освѣтилась блестящей иллюминаціей.

Свѣтлѣйшій вѣхалъ въ городъ.

Намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, губернский и уѣздный предводители съ дворянствомъ, многіе военные генералы, штабъ-офицеры, гарнизонъ, всѣ чиновники присутственныхъ мѣстъ встрѣтили его у дворца.

Григорій Александровичъ былъ на этотъ разъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ былъ крайне вѣжливъ съ Кречетниковымъ, повторилъ свою благодарность Лопухину, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ генераламъ, губернскому предводителю, вице-губернатору, похвалилъ почетный караулъ, ординарцевъ и сдѣлавъ всѣмъ остальнымъ общіе поклоны, прошелъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ и губернаторомъ во внутренніе покои дворца.

На другой день, за обѣденнымъ столомъ, къ которому было приглашено болѣе сорока особъ, Григорій Александровичъ, обращаясь къ Кречетникову, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, сказалъ, указывая на нѣкоторыя кушанья.

— Я замѣчаю, Михаилъ Никитичъ, что вы меня балуете. Все, что я видѣлъ и вижу, доказываетъ особое ваше обо мнѣ озабочиваніе.

— Очень радъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь, — что я могъ угодить вамъ этими мелочами.

Взявъ съ тарелки огромную мясцовскую рѣдьку, стоявшую на столѣ подъ хрустальнымъ колпакомъ, Потемкинъ отрѣзалъ отъ нея толстый ломоть и продолжалъ:

— У васъ каждое блюдо такъ хорошо смотреть, что я начинаю бояться за свой желудокъ.

Рѣдька ему чрезвычайно понравилась; но онъ, къ удивленію всѣхъ, взялъ, вслѣдъ за тѣмъ, свѣжій ананасъ, разрѣзалъ его пополамъ и началъ ѣсть, замѣтивъ:

— У всякаго свой вкусъ.

Когда намѣстникъ провозгласилъ тостъ за князя, музыка заиграла тушь и артиллерія, привезенная изъ парка, открыла пальбу.

— Все это прекрасно, Михаилъ Никитичъ, — сказалъ князь Кречетникову, — но здѣсь нѣтъ еще одной вещи, до которой я большой охотникъ и которую вы, помните, прислали мнѣ съ курьеромъ въ Бендеры.

— Не могу догадаться, ваша свѣтлость! — отвѣчалъ нѣсколько изумленный Кречетниковъ.

— Вы, кажется, и калужскій намѣстникъ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— А забыли, что тульскіе обварные калачи едва-ли лучше калужскаго тѣста..

На другой день за завтракомъ свѣтлѣйшій уже ѣлъ калужское тѣсто.

Князь, между тѣмъ, не забылъ главнѣйшей цѣли пребыванія своего въ Туль—оружейнаго завода.

Онъ посвятилъ ему два утра и осмотрѣлъ подробно во всѣхъ частяхъ.

Многое онъ одобрилъ но многое нашелъ требующимъ значительныхъ улучшеній, и преобразованій.

Онъ сдѣлалъ тутъ же нѣкоторыя распоряженія и приказалъ начальству выбрать двухъ чиновниковъ, которыхъ хотѣлъ послать въ Англію для изученія оружейнаго искусства.

Онъ изъявилъ, кромѣ того, желаніе вызвать оттуда же опытныхъ и знающихъ мастеровъ для закалки стали, которую дѣлали у насъ очень дурно.

Эти предположенія свѣтлѣйшаго осуществились уже послѣ его кончины.

Два дня и два вечера толпился народъ на тульскихъ улицахъ, то бѣгалъ за каретою Потемкина, съ любопытствомъ и уваженіемъ поглядывая на знаменитаго вельможу, то любовался иллюминаціей, дивился прозрачнымъ картинамъ, глазѣлъ на тысячи предметовъ, для него диковинныхъ и чудесныхъ.

Два дня и два вечера въ Туль непрерывно происходили торжества, спектакли, раздавались музыка и пѣсни.

Наконецъ, Григорій Александровичъ уѣхалъ

и городъ снова вернулся къ своей однообразной и скучной жизни *).

Императрица отправила на встрѣчу свѣтлѣйшему главнокомандующему графа Безбородко.

Она ждала своего друга съ радостью, вельможи же, которыхъ онъ заслонилъ своимъ присутствіемъ, съ ненавистью.

Среди всей придворной толпы одинъ только не боялся предстоящей встрѣчи — это Плзтонъ Зубовъ.

Страшно честолюбивый и затаившій ненависть противъ Потемкина, не дававшего ему быть «первою персоною» въ государствѣ, онъ, поощряемый большою партіей при дворѣ и благоволеніемъ государыни, вздумалъ сломить гиганта.

Предстояла борьба великана съ пигмеемъ.

Встрѣча князя въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ 28 февраля 1791 года, была необыкновенна по своей пышности.

XVIII.

День Потемкина.

Съ перваго взгляда казалось, что Григорій

*) «Москвитянинъ», 1842 г., № 2.

Александровичъ ничуть не утратилъ своего могущества.

Роль его въ устройствѣ государственныхъ дѣлъ, по-прежнему была первенствующая.

Имя его имѣло такое же, какъ и прежде, обаяніе въ придворныхъ сферахъ.

Но...—это «но» было и у Потемкина—хотя императрица и относилась къ нему по старому благосклонно, однако порой замѣчалось съ ея стороны какъ бы какое-то тайное предубѣжденіе противъ князя.

Это были, видимо, результаты навітовъ графа Платона Зубова.

Свѣтлѣйшій, по самому своему характеру, не былъ склоненъ къ мелкимъ интригамъ—онъ привыкъ сокрушать смаху, однимъ ударомъ, а не валить противника «подъ ножку».

Понятно, почему этотъ чисто русскій богатырь не могъ терпѣть совмѣстительства во власти съ Зубовымъ.

Не желая имѣть съ нимъ частыхъ встрѣчъ, князь не остановился въ приготовленныхъ для него его прежнихъ покояхъ въ Зимнемъ дворцѣ, а поселился въ Таврическомъ.

Столкновеній между этими «свѣтилами» однимъ еще стоявшимъ на зенитѣ, а другимъ восходящимъ не было, но крайней мѣрѣ крупныхъ.

Изъ мелкихъ отмѣтимъ лишь одно:

Вскорѣ послѣ пріѣзда Григорія Александровича въ столицу, императрица объявила Зубову, что даритъ ему за заслуги имѣніе въ Могилевской губерніи, заселенное 15.000 душъ крестьянъ, но потомъ спохватилась, вспомнивъ, что имѣніе это уже подарено Потемкину.

Тогда она разъ за обѣдомъ сказала князю.

— Продай мнѣ твое могилевское имѣніе!

— При всемъ моемъ желаніи исполнить желаніе вашего величества -- сказалъ весь вспыхнувъ Потемкинъ, догадавшись для кого предназначается покупка—исполнить его не могу.

— Почему?

— Я продалъ имѣніе...

— Кому.

— Вотъ ему... оглянувшись кругомъ сказалъ Потемкинъ, указывая на стоявшаго за его кресломъ молодого камеръ-юнкера Голынского.

Императрица, догадавшись, что князь догадался о ея намѣреніи, сильно смущенная, растерянно спросила Голынского.

— Какъ же ты это купилъ имѣніе у свѣтлѣйшаго?

Григорій Александровичъ бросилъ на молодого человѣка выразительный взглядъ.

— Точно такъ, ваше величество, купилъ... —

отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ догадливый Голынскій.

Въ этомъ поступкѣ видѣнь гигантскій размахъ «великолѣпнаго князя» — онъ не пожалѣлъ огромнаго богатства, швырнувъ его юношѣ, лишь-бы это богатство не досталось Зубову *).

Въ общемъ отношеніи Екатерина къ своему подданному другу оставалась, однако по прежнему благосклонною. На него сыпались милостивые знаки вниманія, награды и подарки.

Григорій Александровичъ съ присущимъ ему тактомъ, самъ удалялся отъ Зимняго дворца, проводя время у себя въ Таврическомъ.

Въ своей домашней жизни, князь всегда держался порядка, къ которому сдѣлалъ привычку еще въ молодости.

Онъ ложился спать и вставалъ въ назначенные часы.

Впрочемъ нерѣдко, особенно въ описываемое нами время, онъ проводилъ цѣлыя ночи, хотя и лежа въ постели, но не засыпая. Терпѣлъ отъ этого не столько самъ князь, сколько Василій Степановичъ Поповъ, изумлявшій всѣхъ своею неутомимою дѣятельностью.

*) Г. А. Потемкинъ біогр. оч. В. В. Огаркова.

Когда Григорій Александровичъ мучился бессонницей, то безпрестанно призывалъ его къ себѣ, заставлялъ записывать мысли и планы, отдавалъ различныя приказанія и поручалъ тотчасъ же приводить ихъ въ исполненіе.

Поповъ являлся всегда въ полной формѣ, работалъ до утра, не смыкая глазъ и не смотря на это, когда Потемкинъ просыпался, первымъ входилъ къ нему съ донесеніемъ.

Такая неутомимость Василя Степановича удивляла иногда даже самого князя, потому что Поповъ, не имѣвшій буквально минуты покоя и исправлявшій самыя трудныя и разнообразныя обязанности, былъ постоянно здоровъ, веселъ и бодръ.

Проснувшись и выслушавъ докладъ Попова, князь на цѣлый часъ садился въ холодную ванну, потомъ одѣвался, отправлялъ краткое утреннее моленіе и выходилъ въ столовую, гдѣ уже стоялъ завтракъ, заключавшійся обыкновенно въ чашкѣ шеколада и рюмкѣ ликера.

Затѣмъ, если былъ веселъ, приказывалъ своимъ музыкантамъ и пѣвцамъ исполнять какую нибудь духовную кантату.

Нерѣдко онъ приглашалъ къ завтраку и красавицъ своихъ, которыя, по выраженію современника, «отличнымъ образомъ пре-

лестнаго своего обхожденія и рѣдкою красотою могли затмить самихъ грацій».

Когда же князь былъ не въ духѣ, что такъ же случалось нерѣдко, къ нему никто не смѣлъ являться, за исключеніемъ должностныхъ лицъ, и всѣ двери кругомъ затворялись, чтобы до него не доходилъ никакой шумъ.

Послѣ завтрака къ Григорію Александровичу снова входилъ Поповъ, вручалъ полученные бумаги и письма и оставался до тѣхъ поръ, пока не получалъ приказанія удалиться.

Попова смѣнялъ секретарь, имѣвшій докладъ два раза въ день, потомъ медикъ, наконецъ всѣ, прибывшіе съ порученіемъ отъ разныхъ правительствъ, иностранцы.

По отпуску послѣднихъ Потемкинъ запиралъ свой кабинетъ и оставался часа два одинъ.

Служить у Потемкина было трудно.

Василій Степановичъ Поповъ, отлично изучившій всѣ привычки «свѣтлѣйшаго», никогда и ни въ какомъ случаѣ не начиналъ говорить первымъ и не осмѣливался напоминать ему о какомъ либо дѣлѣ, которое онъ почему бы то ни было медлилъ исполнять, потому что князь, никогда и ничего не забывавшій, терпѣть не могъ напоминаній.

Не только служившія при князѣ лица, но даже всѣ вельможи и иностранцы безъ изъятія должны были принаравливаться къ его характеру, если не хотѣли навлечь на себя его неудовольствія и гнѣва.

Передъ обѣдомъ, если не было надобности собственноручно писать къ императрицѣ или не удерживали другія важныя дѣла, Григорій Александровичъ обыкновенно ѣхалъ навѣститъ когонибудь изъ своихъ близкихъ.

По возвращеніи, онъ подписывалъ всѣ приготовленныя бумаги, отдавалъ пароль и въ два часа садился обѣдать.

На сколько былъ великолѣпенъ дворъ «свѣтлѣйшаго», по блеску и многочисленности равнявшійся королевскому, на столько былъ роскошенъ и его столъ, къ которому ежедневно собиралось нѣсколько десятковъ гостей, званыхъ и незваныхъ.

Въ продолженіи обѣда игралъ прекрасный домовый оркестръ князя, мѣняясь по очереди съ хорами русскихъ пѣсенниковъ и оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Въ это время Потемкинъ былъ почти всегда веселъ, разговорчивъ и любезенъ.

Хотя онъ, величественностью своей осанки обхожденіемъ немного рѣзкимъ и гордымъ, внушалъ каждому какое-то подобострастіе къ себѣ, тѣмъ не менѣе всѣ современники со-

гласны въ томъ, что князь былъ очень внима-
теленъ и снисходителенъ къ своимъ гостямъ
и не дѣлалъ между ними никакого различія.

Григорій Александровичъ старался строго
слѣдовать правиламъ умѣренности и трезво-
сти и, для сбереженія своего здоровья, воз-
держивался, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ,
отъ употребленія вина и другихъ излишествъ.

Послѣ обѣда, который продолжался не бо-
лѣе двухъ, иногда трехъ часовъ, князь, поси-
дѣвъ еще немного съ гостями, удалялся въ
свой кабинетъ, гдѣ такъ же, какъ по утру,
оставался нѣкоторое время одинъ.

Затѣмъ, если не препятствовали дѣла, онъ
развлекался игрою въ карты съ приближен-
ными къ нему людьми.

Игра происходила всегда въ глубокой ти-
шинѣ, потому что партнеры князя, зная его
привычки, не говорили ни слова, кромѣ того,
что слѣдовало по игрѣ, или если Григорій
Александровичъ не подавалъ самъ повода къ
разговору.

Вечеромъ Потемкинъ дѣлалъ движеніе, за-
нимался гимнастикой, или гулялъ пѣшкомъ.
Потомъ ѣхалъ въ концертъ или театръ, если
не назначалъ у себя вечера, что бывало до-
вольно часто.

Кромѣ порядка, введеннаго въ домъ князя
и соблюдавшагося имъ даже въ походахъ,

онъ нерѣдко давалъ великолѣпные, стоимшіе огромныхъ издержекъ, балы, на которые приглашались всѣ придворные, генералитетъ, офицеры.

Сознавая вполнѣ необходимость и пользу развлеченій, Потемкинъ заботился доставлять ихъ не только себѣ, но и своимъ подчиненнымъ.

«Что бы человѣкъ былъ совершенно способенъ къ своему назначенію,—говорилъ онъ:—потребно оному столько же веселія, сколько и пищи; въ разсужденіи сего наипаче надлежитъ помышлять о солдатахъ, кои безъ того, бывъ часто подвергаемы великимъ трудамъ и отягощеніямъ, тратятъ бодрость и силы сердца. Унылое же войско не токмо бываетъ неспособно къ труднымъ предпріятіямъ, но и легко подвергается разнымъ болѣзнямъ».

Руководствуясь такимъ правиломъ, Григорій Александровичъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ на устройство и содержаніе ввѣренныхъ ему войскъ и этимъ пріобрѣлъ себѣ искреннюю любовь подчиненныхъ и солдатъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда около князя все веселилось, былъ веселъ и самъ онъ, хотя нерѣдко среди веселья внезапно подвергался припадкамъ своей обычной скучливости и раздражительности.

Григорій Александровичъ ужасно боялся болѣзней и питалъ отвращеніе ко всякимъ лекарствамъ.

Когда онъ заболѣвалъ, нужно было имѣть необыкновенное терпѣніе, чтобы переносить капризы и раздражительность, проявлявшіеся въ немъ въ это время.

Доктора возились съ нимъ день и ночь, какъ съ ребенкомъ и должны были давать ему лекарства обманомъ, въ пищѣ и питьѣ, потому что иначе онъ ни за что бы не принялъ ихъ.

Несмотря на всѣ просьбы и наставленія медиковъ, онъ никогда не хотѣлъ слушаться ихъ совѣтовъ, не лежалъ въ постели, когда того требовали обстоятельства болѣзни и не могъ долго выдержать діеты.

Какъ только силы ему позволяли, онъ тотчасъ же выѣзжалъ и безъ разбора ѣлъ все, что нравилось.

Скорое выздоровленіе производило въ Потемкинѣ чрезвычайную радость.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ послѣ паденія Измаила онъ простудился на охотѣ.

Врачи уложили его въ постель и прописали лекарство, которое, по обыкновенію, осталось не тронутымъ.

Почувствовавъ ночью сильный лихорадоч-

ный пароксизмъ, Григорій Александровичъ — кликнулъ камердинера и велѣлъ подать себѣ горячаго пунша.

Нѣсколько стакановъ этого напитка вызвали, разумѣется, обильный потъ и князь вдругъ, почувствовавъ себя совершенно здоровымъ.

Это привело его въ такой восторгъ, что онъ немедленно велѣлъ освѣтить весь домъ, готовить великолѣпный ужинъ и разослалъ гонцовъ будить всѣхъ своихъ короткихъ знакомыхъ и звать ихъ сейчасъ же на балъ.

Еще не разсвѣло, какъ всѣ уже танцовали подъ звуки двухъ оркестровъ музыки.

Потемкинъ самъ открылъ балъ и старался доставить присутствующимъ разнообразныя удовольствія, которыя продолжались до самаго обѣда *).

Вотъ мнѣніе о великолѣпномъ князѣ Тавриды одного изъ его современниковъ.

«При великихъ свойствахъ Потемкина, нельзя не дивиться и противоположностямъ, кои имѣлъ сей знаменитый вельможа въ нравственномъ своемъ поведеніи. Характеръ его съ этой стороны былъ изъ самыхъ странныхъ, каковой едва ли можно въ сравненіи

*) «Русскій Вѣстникъ», 1859. № 4 «Москвитинъ» 1852. № 2.

пріискать въ другомъ великомъ мужѣ; по этому нельзя почти вѣрить, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ предаваться столькимъ непостояннымъ страстямъ какъ Потемкинъ. Люди, возраставшіе съ нимъ въ молодости, обнадёживали, что онъ прихоти сіи усвоилъ уже въ совершенныхъ лѣтахъ, съ пріумноженіемъ его необычайнаго счастія и что въ молодости своей не оказывалъ онъ и слѣдовъ такого нрава. Великое богатство, позволявшее ему издерживать ежегодно свыше трехъ милліоновъ рублей, не въ состояніи было доставить ему радость, чтобы онъ хотя одинъ день въ покоѣ онымъ наслаждался. Онъ не щадилъ великихъ суммъ для удовлетворенія страстямъ своимъ и прежде нежели что либо доходило къ его употребленію, онъ терялъ уже желаніе, побудившее его въ первыя мгновенія сдѣлать на то издержки. Сколько странна была сія его перемѣна страстей, столько же быстро дѣйствовала и перемѣнчивость его душевнаго состоянія; нѣсколько разъ въ день можно было видѣть его въ полномъ веселіи и удовольствіи и столько же разъ въ совершенномъ уныніи. Нерѣдко случалось, что во время увеселеній, князь ясностью своего духа и радованіемъ превосходилъ всѣхъ участвующихъ; но прежде нежели кто либо могъ вообразить, содѣлывался онъ столько

уныненъ, какъ бы произошли съ нимъ всѣ несчастія въ свѣтѣ. Радость и огорченіе съ равномѣрною быстротою въ немъ дѣйствовать могли и потому нельзя было воспринимать дальнѣйшей осторожности, чтобы заблаговременно избѣгать его гнѣва, поелику нравъ его былъ вспыльчивый и дѣйствія онаго слѣдовали скорѣе, нежели можно себѣ представить. Малость въ состояніи была доставить ему несказанное удовольствіе и опять малость могла на цѣлый день повергнуть въ неносную скуку. Онъ имѣлъ нѣкоторые часы, въ которые сердце его таяло, иногда отъ радости, иногда же отъ состраданія; еще иные, въ которые ему ничто на свѣтѣ не нравилось, не могло возстановить его понуреннаго духа. Онъ имѣлъ привычку непременно окусывать ногти, отчего всегда говорилъ сквозь пальцы и большею частью наморщивъ лицо; а сіе представляло въ немъ видъ недовольный. Чтобы не видѣть унынія на лицѣ другихъ, Потемкинъ, особливо же въ веселомъ духѣ, расточалъ свои сокровища, въ другое же слезы невиности и бѣдности служили орудіемъ къ вящему раздраженію его гнѣва; но черезъ нѣсколько мгновеній приходилъ онъ въ состояніе, въ которомъ о поступкѣ своемъ раскаивался. Вообще, кро-

мѣ занятій по своей обязанности ни къ чему на свѣтѣ примѣниться не могъ».

Мы знаемъ истинную причину такого, оставшагося для современниковъ, не посвященныхъ въ романъ юности Потеккина, страннаго душевнаго состоянія «свѣтлѣйшаго князя», этого «несчастливаго баловня счастья».

Загадочная хандра въ послѣдніе пріѣзды князя въ Петербургъ повторялась съ нимъ особенно часто.

Причиной ея съ одной стороны была известная намъ «болѣзнь зуба», вырват который оказалось труднѣе, нежели князь предполагалъ, а съ другой—душевное состояніе княгини Святозаровой, съ которой князь видѣлся нѣсколько разъ, и которая съ нетерпѣніемъ ожидала заключить въ объятія своего второго сына.

Хандра напала на князя, какъ мы знаемъ, и въ день пріѣзда въ Петербургъ Владиміра Андреевича Петровскаго, загадочнымъ образомъ понавшаго съ первыхъ же своихъ шаговъ въ столицѣ въ восточный домикъ Калисееніи Николаевны Мазараки, откуда подъ арестомъ его привезли въ Таврическій дворецъ.

ХІХ.

Д у э л ь.

Состояніе духа княгини Зинаиды Сѣргѣевны Святозаровой со дня полученнаго ею отъ Аннушки извѣстія о томъ, что сынъ, рожденный ею въ Несвицкомъ, появленія на свѣтъ котораго она, какъ вѣроятно не забылъ читатель, ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, живъ, до самаго полученія ею отвѣта на ея письмо отъ Потемкина и даже послѣ этого отвѣта, едва-ли поддается описанію.

Она, не смотря на громадную силу воли, ходила положительно въ какомъ то туманѣ съ единственной мыслью о предстоящемъ свиданіи съ своимъ ребенкомъ, котораго она никогда въ жизни не видала.

Изъ письма Григорія Александровича она поняла, что послѣдній все время заботился о Володѣ, какъ уже она мысленно называла своего сына, и несомнѣнно сдѣлалъ его достойнымъ имени, которое онъ будетъ носить.

— «Которое носить его мать..» — вспомнилась ей фраза изъ письма Потемкина.

— Почему же онъ не написалъ, «достойнымъ имени своего отца?» — возникъ вопросъ въ умѣ Зинаиды Сѣргѣевны.

— Онъ правъ! — рѣшила она черезъ мгно-

венье и горькое чувство къ покойному мужу шевельнулось въ ея душѣ.

— Царство ему небесное!—остановила она сама теченіе этой мысли, которое могло раз-ростись до страшнаго обвиненія.

— Онъ искупилъ свою вину... страшной смертью... Онъ покался передъ ней короткимъ предсмертнымъ письмомъ... Онъ написалъ въ немъ «нашъ сынъ...» Онъ безумно ревновалъ ее, но ревность вѣдь признакъ любви... Можно-ли обвинять въ чемъ нибудь человека, который любитъ.. Любовь искупаетъ все...—мелькали въ умѣ княгини мысли, клонившіяся къ защитѣ несчастнаго самоубійцы...

Невольно въ умѣ Святозаровой возникло сравненіе между тѣмъ сыномъ, который съ честью сражается съ непріятелемъ и этимъ старшимъ, который проводитъ время среди праздности и веселья, въ то время когда тамъ на границахъ Турціи льется кровь героевъ.

Володя—ея сынъ одинъ изъ этихъ героевъ.

Княгиня припоминаетъ всѣ подробности о ея неожиданно найденномъ сынѣ, рассказанныя ей Григоріемъ Александровичемъ, нѣсколько разъ посѣтившимъ ее по пріѣздѣ въ Петербургъ послѣ паденія Измаила.

— Онъ похожъ на Васю лицомъ и фигурой, только немного ниже ростомъ, да выра-

женіе лица болѣе серьезное, вдумчивое—перебираетъ въ своей памяти Зинаида Сергѣевна... Онъ до сихъ поръ не знаетъ кто онъ? Князь скажетъ ему это здѣсь, наканунѣ свиданья съ нею... Потемкинъ для этого вызоветъ ее къ себѣ... Свиданье произойдетъ при немъ...

Княгиню всю охватывала нервная дрожь при одной мысли, что эта минута скоро наступитъ.

— Скоро, очень скоро... Князь уже увѣдомилъ ее, что ея сынъ выѣхалъ изъ Яссы и ѣдетъ... Это было вскорѣ послѣ пріѣзда свѣтлѣйшаго... уже давно значить...

— Авось доѣдетъ благополучно... а такъ онъ здоровъ, совершенно здоровъ... Ужели... наканунѣ... Не можетъ быть... Богъ этого не допустить.

Таковы были безпокойныя мысли княгини Святозаровой.

Сердце ея болѣзненно сжималось, точно чуя какую-то близкую бѣду...

Бѣда на самомъ дѣлѣ была у воротъ, но не касалась ея новаго—она такъ и называла его—«новый»—сына Владиміра.

Мы оставили князя Василія Андреевича Святозарова, въ тотъ моментъ, когда онъ возвратился къ себѣ послѣ объясненія съ княземъ Потемкинымъ, по поводу его ухажи-

ванія за Калисѣеніей Николаевной Мазаракки, объясненія, какъ мы знаемъ, сильно по-дѣйствовавшего на молодаго человека и заставившаго его совершенно измѣнить свое поведеніе относительно «потемкинской затворницы».

Насколько сильно ранѣе онъ искалъ съ ней хотя мимолетной встрѣчи, на столько послѣ онъ упорно и настойчиво сталъ избѣ-гать ее.

Это было для него, тѣмъ болѣе необходи-мо, что чувство къ «прекрасной гречанкѣ» далеко не потухло въ сердцѣ князя Святоза-рова.

Скажемъ болѣе: властное потемкинское «не тронь—моя» и данное свѣтлѣйшему честное слово, положивъ между нимъ и предметомъ его любви безбрежную пропасть, только уси-лило въ немъ обожаніе къ этой женщинѣ.

Она, со времени его объясненія съ свѣтлѣй-шимъ, умерла для него, но память о ней бы-ла для него священна.

Онъ смѣшивалъ, какъ это всегда бываетъ съ влюбленными, ея личность съ своимъ чув-ствомъ и чистоту послѣдняго переносилъ на его предметъ.

Фривольно и двусмысленно произносимое имя Калисѣеніи заставляло его страдать и

портило на нѣсколько дней расположеніе его духа.

Товарищи знали это и болѣе чуткіе и дальновидные щадили его и были осторожны въ разговорахъ.

Увы, такой тактики держались не всѣ.

Графъ Владиславъ Нарцисовичъ Сандомірскій, бесплодно, какъ мы знаемъ, ухаживавшій за красавицей-гречанкой, ничего не выигралъ, удаливъ съ своей, какъ ему казалось, дороги князя Василя.

Скорѣе даже онъ проигралъ.

На Калисѣенію разрывъ съ княземъ Святозаровымъ, такъ неожиданно начатый имъ самимъ, произвелъ неожиданное для нея самой впечатлѣніе. Ей вдругъ страшно захотѣлось, чтобы князь Святозаровъ былъ снова у ея ногъ.

Это былъ капризъ оскорбленнаго женскаго самолюбія—импульсъ, зачастую замѣняющій у женщинъ любовь и страсть...

Она изобрѣтала всякіе способы, чтобы увидаться съ княземъ, рассчитывая на силу своихъ чаръ, писала ему письма, но Василій Андреевичъ оставлялъ ихъ безъ отвѣта и не являлся ни къ ней, ни въ мѣста, назначенныя для свиданья.

Молодая женщина выходила изъ себя, рвала и метала.

Это состояніе духа далеко не способствовало побѣдѣ надъ ней со стороны другого.

Графъ Сандомірскій оставался, какъ выражаются гадалки, при пиковомъ интересѣ.

Красавица перестала на него обращать даже небольшое, какъ прежде, вниманіе.

Пришлось отказаться отъ всякой надежды.

Фатъ по природѣ и воспитанію, пустой человекъ съ мелкимъ самолюбіемъ, графъ Владиславъ Нарцисовичъ былъ взбѣшенъ.

Онъ считалъ уничтоженнымъ свой престижъ «неотразимаго», которымъ онъ такъ кичился въ товарищескомъ кругу.

Онъ началъ поднимать этотъ престижъ, стараясь при всякомъ случаѣ намекнуть, что онъ былъ близокъ къ «жарь-птицѣ», но что она ему надоѣла.

— Слишкомъ навязчива... не люблю такихъ... прямо бросилась на шею, такъ и виситъ, не стряхнешь... Ну, да я не изъ таковыхъ — стряхнулъ... Съ такими какъ она, чѣмъ круче, тѣмъ лучше... Видали мы ихъ не одну сотню... какое, тысячу... — вралъ озлобленно отвергнутый ловеласъ.

Товарищи подсмѣивались, но слушали:

Многіе знали, что онъ вретъ, но молчали.

— Какое намъ дѣло... Пусть вретъ... — думали, вѣроятно, они.

По счастливой случайности, это хвостов-

ство графа происходило безъ князя Святозарова.

Въ тотъ самый день, съ котораго мы начали наше правдивое повѣствованіе, у князя Василя Андреевича Святозарова былъ товарищескій обѣдъ, обильно политый всевозможными винами.

Послѣ обѣда все холостое общество собралось въ кабинетъ князя съ трубками.

Разговоръ перешелъ, сообразно настроенію собравшихся, на женщинъ вообще и на Калисѣенію Николаевну въ частности.

О послѣдней заговорилъ Сандомірскій.

Онъ сталъ, по обыкновенію, рассказывать о своей къ ней близости и вошелъ въ самыя пикантныя подробности.

— Подлецъ!..—вдругъ, не выдержавъ, вскочилъ князь Василій.

— Что-о!.. — въ свою очередь крикнулъ графъ.

— Подлецъ!.. говорю я, кто рассказываетъ такъ о женщинахъ. Если же, вдобавокъ, онъ, какъ ты, вретъ, то подлецъ—вдвойнѣ!..

Графъ Сандомірскій—было рванулъ къ князю, съ поднятой рукой, но его удержали.

— Ты мнѣ за это отвѣтишь!.. Думаешь, какъ самого тебя прогнала кокотка, такъ и всѣхъ...

Князь Святозаровъ поднялъ чубукъ и хо-

тѣлъ ударить имъ графа, но его также не допустили сдѣлать этого.

— Ты мнѣ отвѣтишь... за это... — прохрипѣлъ князь, вырываясь изъ рукъ державшихъ его товарищей.

— Хоть сейчасъ...—отозвался, тоже силившійся освободиться изъ непрошенныхъ объятий офицеровъ, графъ.

— Сейчасъ.. такъ сейчасъ.. вотъ шпаги.. Снимите!..—прохрипѣлъ князь Святозаровъ.

Надъ диваномъ, крестъ-на-крестъ, были расположены прекрасныя, парныя дуэльныя шпаги.

Этому обороту дѣла присутствующіе не рѣшались воспрепятствовать.

Дуэли были тогда въ ходу.

Оскорбленіе, служащее поводомъ къ дуэли, несомнѣнно имѣло мѣсто.

Двое изъ товарищей графа Сандомірскаго и князя Василія сами вызвались быть секундантами и начали говорить, что дуэль надо отложить до болѣе удобнаго времени и назначить въ болѣе удобномъ мѣстѣ...

— Къ чему...—сказалъ князь Василій,—онъ самъ сказалъ сейчасъ... А я говорю здѣсь...

— Я согласенъ...—отозвался графъ.

Секунданты подали противникамъ шпаги и поставили ихъ на позиціи.

Дуэль съ хозяиномъ дома при весьма ори-

гинальной обстановкѣ, въ его собственномъ кабинетѣ, началась.

Князь Василій горячился.

Графъ Сандомірскій, напротивъ, совершенно овладѣлъ собою и видимо хладнокровно рассчитывалъ каждый ударъ.

Въ этомъ было его преимущество, такъ какъ они оба фехтовали прекрасно.

Горячность погубила князя.

Онъ сдѣлалъ неосторожный выпадъ и открылъ противнику правый бокъ.

Шпага графа Сандомірскаго почти до половины лезвія вонзилась въ бокъ князя Святозарова нѣскольکو выше бедра.

Этотъ страшный ударъ былъ, видимо, непредвидѣнъ самимъ графомъ, быть можетъ, и не желавшимъ убить товарища.

Владиславъ Нарцисовичъ бросилъ эфесъ шпаги и въ ужасѣ отступилъ.

Князь Святозаровъ медленно опустился на коверъ кабинета.

Шпага дрожала въ его боку.

Широко раскрытые глаза князя были полны предсмертнаго ужаса.

Всѣ присутствующіе окружили тяжело раненаго.

Въ наступившемъ переполохѣ не замѣтили, какъ графъ Сандомірскій выбѣжалъ изъ кабинета, а затѣмъ и изъ дома.

Одинъ изъ товарищей быстрымъ движеніемъ вынулъ шпагу.

Кровь хлынула фонтаномъ и обагрила пушистый коверъ.

Глаза раненаго закатились.

Съ помощью сбѣжавшейся прислуги раненаго раздѣли, уложили на диванъ и сдѣлали первую перевязку.

Прибывшій очень скоро врачъ констатировалъ безнадежное положеніе князя Василя Андреевича.

Княгиня Зинаида Сергѣевна, не смотря на осторожность, съ которой ей сообщили о случившемся несчастіи, блѣдная какъ смерть поспѣшила къ смертному одру своего старшаго сына.

Она приняла его послѣдній вздохъ.

Онъ умеръ, не приходя въ сознаніе.

Княгиню безъ чувствъ унесли наверхъ.

Все это произошло въ тотъ самый вечеръ, когда Владиміръ Андреевичъ Петровскій былъ въ Большомъ театрѣ и принятый Калисееніей Николаевной за его брата князя Василя Святозарова, совершилъ послѣ спектакля таинственное и загадочное для него путешествіе въ восточный домикъ Васильевского острова.

Обморокъ княгини продолжался не долго. Несчастливая женщина, закаленная подъ уда-

рами судьбы и поддерживаемая религіознымъ чувствомъ покорности волѣ Божіей, вскорѣ встала и почти спокойно стала дѣлать необходимыя распоряженія.

Дали знать полиціи.

Та по горячимъ слѣдамъ бросилась за графомъ Сандомірскимъ, но розыскать его не могли: онъ какъ въ воду канулъ.

Оказалось въ послѣдствіи, что онъ въ этотъ же вечеръ бѣжалъ за границу.

Одинокая и безпомощная княгиня вспомнила естественно о Потемкинѣ и о своемъ второмъ сынѣ, возвратить котораго обѣщался ей свѣтлѣйшій.

Она приказала заложить карету и поѣхала въ Таврическій дворецъ.

Мы знаемъ, что Григорій Александровичъ не принялъ ее: у него былъ припадокъ жестокой хандры.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея отъѣзда былъ привезенъ Бауромъ Петровскій.

Хандра князя на этотъ разъ продолжалась лишь съ небольшимъ сутки.

Входившій на другой день нѣсколько разъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго Попова засталъ его около четырехъ часовъ дня уже сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ.

Онъ осторожно доложилъ ему о случаѣ съ Петровскимъ и повторилъ свой вчерашній

докладъ о дуэли между княземъ Святозаровымъ и графомъ Сандомірскимъ, со смертельнымъ исходомъ для перваго и о посѣщеніи княгини.

Князь молча выслушалъ первую часть доклада и мрачно улыбнулся.

На вторую часть онъ сквозь зубы сказалъ:
— Знаю!..

Наступило молчаніе. Григорій Александровичъ озлобленно кусалъ ногти.

— Петровскаго... сюда — наконецъ произнесъ онъ.

Поповъ вышелъ, чтобы исполнить приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ смущенный и блѣдный Петровскій уже стоялъ передъ свѣтлѣйшимъ княземъ.

Григорій Александровичъ принялъ его почти ласково, не смотря на свое мрачное настроеніе духа.

Онъ подробно разсказалъ ему исторію его рожденія и воспитанія и окончилъ сообщеніемъ, что по волѣ императрицы онъ теперь получилъ принадлежащій ему по праву княжескій титулъ и фамилію его отца и матери.

— Не обвиняй твоего несчастнаго отца... Быть можетъ, каждый сильно любящій и дорожащій своею честью человѣкъ, поступилъ бы также какъ и онъ... не обвиняй и мать...

они оба и виноваты и не виноваты... Оба они были жертвою свѣтской интриги... небывалой, возмутительной... Кромѣ того, возмездіе за ихъ поступокъ уже свершилось... Отецъ твой окончилъ жизнь самоубійствомъ... братъ вчера убитъ на дуэли... Ты теперь одинъ, будь опорой, утѣшителемъ своей матери... Она... святая женщина.

У Григорія Александровича на глазахъ блеснули слезы.

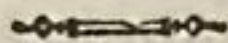
Разстроенный Владиміръ Андреевичъ плакалъ какъ ребенокъ.

Князь далъ ему выплакаться.

— Поѣдемъ къ матери! — сказалъ онъ ему, когда тотъ нѣсколько успокоился. — Подожди меня въ пріемной, я одѣнусь.

Князь дернулъ за сонетку.

Владиміръ Андреевичъ шатаясь, вышелъ изъ кабинета свѣтлѣйшаго и въ изнеможеніи опустился на одинъ изъ ближайшихъ къ нему стульевъ пріемной.

XX.

Волшебный праздникъ.

Мириады мыслей неслись въ головѣ молодого офицера.

Все его прошлое возстало передъ нимъ об-

щей картиной; дымка таинственности съ нея исчезла. Всѣ мучившіе его еще съ дѣтства вопросы вдругъ получили неожиданное разрѣшеніе.

Все для него стало ясно, включительно до эпизода вчерашняго вечера.

Она, эта красавица, приняла его за брата, за того брата, который теперь лежитъ мертвый, убитый на дуэли.

— Быть можетъ, изъ-за нее! — мелькнуло въ его головѣ предположеніе.

Онъ инстинктивно угадалъ истину.

Владиміръ Андреевичъ выросъ безъ родительской ласки.

Потребность въ ней гнѣздится въ сердцѣ cadaго человѣка. Имя «мать» звучитъ для всякаго, даже дикаря, небесной мелодіей.

— У него есть мать! — это сознаніе, какъ выводъ изъ объясненія князя, вдругъ поселило въ его душѣ какое-то неземное спокойствіе.

— Поскорѣй бы только очутиться въ ея объятіяхъ, поскорѣй бы начать жизнь для нея...

До сихъ поръ его жизнь казалась ему безцѣльной, теперь цѣль жизни была отыскана. Широкая волна энергіи и подъема духа охватила все его существо.

Князь Владиміръ Святозаровъ — такъ мы теперь будемъ называть его — всталъ.

Въ это самое время вышелъ изъ кабинета Григорій Александровичъ Потемкинъ.

— Ъдемъ! — коротко обратился онъ къ Святозарову.

Владиміръ Андреевичъ съ сильно бьющимся сердцемъ послѣдовалъ за княземъ.

Въ каретѣ всю дорогу они молчали. Григорій Александровичъ усиленно кусалъ ногти, что было у него, какъ извѣстно, признакомъ сильнаго волненія.

Княгиня молилась у гроба сына, когда ей доложили о пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

— Князь одинъ? — спросила она лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ, съ ними офицеръ.

Сердце княгини сжалось отъ охватившаго ее волненія.

Она догадалась, что это — онъ, ея сынъ.

Зинаида Сергѣевна вышла въ гостиную.

— Княгиня... — сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ Потемкинъ: — вашъ сынъ, Владиміръ...

Не успѣлъ онъ договорить этой фразы, какъ княгиня Святозарова была уже на груди Владиміра Андреевича.

— Володя, дорогой, милый... — шептала она, рыдая.

— Мама, мама... — задыхаясь отъ волненія,

говорила молодой офицеръ и слезы крупными каплями падали изъ его глазъ.

Потемкинъ, усиленно моргая глазами, смотрѣлъ на эту сцену.

Когда сынъ и мать выплакались и успокоились, когда онъ пересталъ покрывать ея руки поцѣлуями, обливая ихъ слезами, а она съ какою-то ненасытностью цѣловать его лобъ, щеки, губы, Зинаида Сергѣевна вдругъ бросилась на шею Потемкину и поцѣловала его прямо въ губы.

Князь дрогнулъ и было въ первое мгновение отшатнулся, но затѣмъ сжалъ княгиню въ своихъ мощныхъ объятіяхъ.

— Княгиня... Зинаида Сергѣевна... Зина... — заговорилъ онъ, не помня себя отъ нахлынувшего на него потока счастья.

— Вамъ, однимъ вамъ, я обязана этимъ счастьемъ... Вамъ я обязана моимъ возрожденіемъ... Вы единственный свѣтлый лучъ во тьмѣ моей жизни... Гриш... Григорій Александровичъ...

Она опомнилась и отшатнулась.

Потемкинъ тоже пришелъ въ себя... Страдальческая улыбка промелькнула на его губахъ.

— Я радъ, княгиня, что могъ доставить вамъ утѣшеніе въ вашемъ горѣ... — сдержан-

нымъ тономъ сказалъ онъ...—Я хотѣлъ бы поклониться покойнику...

Онъ прошелъ въ залу.

Княгиня, опираясь на руку сына, послѣдовала за нимъ.

Они всѣ трое преклонили колѣни передъ гробомъ усопшаго князя Василя.

Вскорѣ Потемкинъ уѣхалъ.

Онъ присутствовалъ черезъ два дня на похоронахъ молодого князя, которыя отличались необыкновенной помпою и многолюдствомъ.

Весь великосвѣтскій Петербургъ собрался проводить прахъ безвременно погибшаго молодого человѣка, а главное посммотрѣть на новаго, неожиданно точно съ неба свалившагося сына княгини Святозаровой—Владимира Андреевича.

Исторія появленія этого сына въ самыхъ разнообразныхъ версіяхъ уже успѣла облетѣть всѣ петербургскія гостинныя.

Злые языки увѣряли, что это побочный сынъ Потемкина и княгини, не признанный покойнымъ княземъ Андреемъ Павловичемъ, простившимъ жену подъ условіемъ, что плодъ ея любви къ Григорію Александровичу не раздѣлитъ ни титула, ни состоянія съ ихъ сыномъ.

Теперь законный сынъ умеръ, а незакон

ный вступилъ въ его права. Могущество свѣтлѣйшаго сдѣлало эту метаморфозу.

Такъ шептался въ гостинныхъ.

Молодого князя похоронили въ фамильномъ склепѣ князей Святозаровыхъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Тайнственная исторія семейства князей Святозаровыхъ снова заняла умы петербургскаго большого свѣта и заняла бы на болѣе долгое время, если бы его вниманіе не отвлекъ данный свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ волшебный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Приготовленіе къ этому празднику дѣлалось уже давно, и также давно въ обществѣ циркулировали слухи о тѣхъ и другихъ подробностяхъ его программы, но самый праздникъ превзошелъ, какъ это рѣдко бываетъ, даже самыя взыскательныя ожиданія, самую пылкую фантазію приглашенныхъ, которыхъ было множество.

Приглашенъ былъ буквально весь велико-свѣтскій Петербургъ, кромѣ Александра Васильевича Суворова, которому свѣтлѣйшій не забылъ нанесенной обиды.

Къ огорченію Григорія Александровича, не могла, конечно, быть и княгиня Святозарова съ сыномъ.

Наконецъ, день праздника наступилъ.

Это было 9 мая 1791 года.

На площади, передъ Таврическимъ дворцомъ построены были качели и разнаго рода лавки, изъ которыхъ безденежно раздавались народу не только явства и питія, но платья, обувь, шляпы, шапки и проч.

Народу, конечно, собралась несмѣтная толпа.

Къ дворцовому подъѣзду, между тѣмъ, одинъ за другимъ подкатывали богатые экипажи.

Надъ подъѣздомъ красовалась изъ металлическихъ буквъ надпись, выражавшая благодарность Потемкина великодушной его благодѣтельница.

Всѣхъ приглашенныхъ было три тысячи человекъ, и всѣ они, какъ мужчины, такъ и дамы, должны были явиться въ маскарадныхъ костюмахъ.

На самомъ Григоріѣ Александровичѣ былъ алый кафтанъ и епанча изъ черныхъ кружевъ, стоившая нѣсколько тысячъ рублей.

Все это, по обыкновенію свѣтлѣйшаго, сіяло брилліантами, а на шляпѣ его было ихъ столько, что ему стало тяжело держать ее въ рукѣ и онъ отдалъ ее одному изъ своихъ адъютантовъ, который и носилъ за нимъ эту неоцѣненную драгоценность.

Обстановка и убранство комнатъ были великолѣпныя.

Изъ передней, не очень большой комнаты, о трехъ дверяхъ, входили въ огромную большую залу съ куполомъ и свѣтомъ сверху. Подъ куполомъ устроены были хоры, на которыхъ стояли невидимые снизу часы съ курантами, игравшіе попеременно пьесы лучшихъ тогдашнихъ композиторовъ; тутъ же помѣщены были триста человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ.

Во всю длину залы, въ четыре ряда шли высокія и массивныя колонны изъ бѣлаго полированного гипса, образовавшія такимъ образомъ двѣ узкія галлерей, по четыремъ концамъ которыхъ были громаднѣйшія зеркала.

Окна находились не въ продольныхъ, а въ поперечныхъ стѣнахъ комнатъ, и тутъ, у каждой изъ этихъ стѣнъ, устроено было по эстрадѣ, отдѣлявшейся отъ полу нѣсколькими ступенями.

Одна изъ эстрадъ, предназначавшаяся для императрицы, была покрыта драгоцѣннѣйшимъ персидскимъ шелковымъ ковромъ.

На каждой изъ эстрадъ стояло по огромнѣйшей вазѣ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, на пьедесталѣ изъ сѣраго; а надъ вазами висѣли двѣ люстры изъ чернаго хруста-

ля, въ которыхъ вѣланы были часы съ музыкой.

Люстры эти стоили сорокъ двѣтысячи рублей.

Кромѣ того въ залѣ было еще пятьдесятъ шесть люстръ и пять тысячъ разноцвѣтныхъ лампадъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ, сдѣланныхъ на подобіе розъ, тюльпановъ и лилій, и развѣшанныхъ гирляндами.

При входѣ въ залу, по обѣимъ сторонамъ отъ дверей, устроены были логи, задрапированныя роскошными матеріями и украшенныя цвѣтами.

Подъ ними были входы въ четыре ряда комнатъ, обитыхъ драгоцѣнными обоями. На стѣнахъ этихъ комнатъ красовались великолѣпныя картины, купленныя Потемкинымъ, какъ и описанныя нами вазы изъ чернаго хрусталя у герцогини Кингстонъ.

Изъ этихъ комнатъ особеннымъ великолѣпіемъ отличались комнаты, предназначенныя для карточной игры императрицы и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Обои въ нихъ были гобеленовскіе, софы и стулья стоили сорокъ шесть тысячъ рублей.

Въ одной изъ этихъ комнатъ находился «золотой слонъ» т. е. средней величины часы, стоявшіе передъ зеркаломъ на мраморномъ столѣ. Часы служили пьедесталомъ не-

большому золотому слону, на которомъ сидѣлъ персіанинъ. Слонъ былъ обвѣшанъ жемчужными бахромами и драгоценными камнями.

Изъ большой бальной залы былъ выходъ въ зимній садъ, въ шесть разъ большій эрмитажнаго и несравненно красивѣе его распланированный.

На дорожкахъ сада и на невысокихъ дерновыхъ холмикахъ стояли мраморныя вазы и статуи, изображавшія геніевъ, изъ которыхъ одни вѣнчали очень сходно сдѣланный бюстъ Екатерины, а другія совершали передъ нимъ жертвоприношенія.

Посреди сада возвышался храмъ съ куполомъ, достигавшимъ до самаго потолка, искусно росписаннаго въ видъ небѣ. Куполъ опирался на восемь колоннъ изъ бѣлаго мрамора.

Нѣсколько ступеней изъ сѣраго мрамора вели въ этотъ храмъ къ жертвеннику, служившему подножіемъ изображенію императрицы, изсѣченному изъ бѣлаго паросскаго мрамора.

Государыня была представлена въ царской мантии, держащею рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги.

На жертвенникѣ была надпись: «Матери отечества и моей благодѣтельницѣ».

Садъ былъ увѣшанъ также гирляндами,

разноцвѣтныхъ лампадъ, въ формѣ цвѣтовъ и плодовъ, оглашался пѣніемъ пѣвчихъ птицъ, и былъ полонъ ароматами отъ поставленныхъ тамъ и сямъ курильницъ и фонтана бившаго лавандовою водою.

Эффектъ, производимый этой волшебной обстановкой, былъ чрезвычайный.

Самый Таврическій садъ, окружавшій дворецъ, былъ точно также великолѣпно убранъ и иллюминированъ. Въ немъ построены были нѣсколько новыхъ мостовъ изъ мрамора и желѣза, нѣсколько павильоновъ и бесѣдокъ, а въ аллеяхъ поставлены были новыя статуи.

Въ шестомъ часу съѣхались почти всѣ приглашенные, но въ роскошныхъ залахъ дворца царствовала чинная тишина.

Всѣ ждали царицу праздника.

Пробило шесть часовъ и изъ устъ въ уста стали передавать извѣстіе, что императрица ѣдетъ.

Дѣйствительно, вокругъ дворца раскатилось громоподобное «ура». Это народъ привѣтствовалъ свою «матушку-царицу».

Екатерина съ великими княгинями Александрою Павловною и Еленою Павловною, подъѣхала ко дворцу.

Григорій Александровичъ принялъ ее изъ кареты, а въ передней комнатѣ встрѣтилъ императрицу, наследникъ престола Павелъ

Петровичъ и его супруга Марія Ѳедоровна.

Сопровождаемая всей высочайшей фамиліей, государыня прошла на приготовленную для нея, въ большой залъ, эстраду и начался балетъ сочиненія знаменитаго балетмейстера того времени Пика.

Въ балетъ участвовали двадцать четыре пары изъ знатнѣйшихъ фамилій — на подборъ красавцы и красавицы.

Всѣ они были въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которыхъ въ итогъ было на десять милліоновъ рублей.

Предводительствовали танцовавшими великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и принцъ Виртембергскій.

Въ концѣ балета явился самъ Пикъ и отличился необыкновеннымъ соло.

Стало уже смеркаться.

Григорій Александровичъ пригласилъ императрицу, со всей высочайшей фамиліей въ театръ, устроенный въ одной изъ боковыхъ залъ, куда послѣдовала и часть гостей, сколько могло умѣститься.

Когда занавѣсъ поднялся, — на сценѣ появилось лучезарное солнце, въ срединѣ котораго въ зеленыхъ лаврахъ стояло вензелевое имя Екатерины II.

Поселяне и поселянки, воздѣвая къ солнцу

руки, выражали движеніями благоговѣйныя и признательныя къ нему чувства.

Затѣмъ слѣдовали двѣ французскія комедіи и балетъ.

Въ послѣднемъ представленъ былъ смирянскій купецъ, торгующій невольниками всѣхъ народовъ, между которыми не было ни одного русскаго.

Послѣ спектакля императрица въ сопровожденіи великихъ князей и княженъ прошла сперва въ большую залу, а потомъ въ зимній садъ.

Тамъ уже все приняло другой видъ.

Дворецъ освѣщенъ былъ сто сорока тысячами лампадъ и двадцатью тысячами восковыхъ свѣчей. Онъ былъ буквально залитъ свѣтомъ, всюду отражавшимся въ безчисленныхъ зеркалахъ, всюду дробившемся въ хрусталѣ и драгоценныхъ украшеніяхъ.

— Неужели мы тамъ, гдѣ и прежде были? — спросила Потемкина Екатерина, изумленная и видимо довольная представившимся ей великолѣпнымъ зрѣлищемъ.

Государыня прослѣдовала въ зимній садъ.

Тамъ заливались на всѣ голоса соловьи и другія птицы.

На колоссальной украшенной хрусталемъ пирамидѣ, находившейся между храмомъ и устроенной за нимъ лиственной бесѣдкой,

сверкало брилліантовыми литерами имя Екатерины, отъ котораго на всѣ стороны исходило сіяніе.

На другихъ пирамидахъ горѣли составленныя изъ фіолетовыхъ и зеленыхъ огней вензелевыя имена наслѣдника престола, его супруги и обоихъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

Когда императрица со своею свитою подошла къ храму, Григорій Александровичъ на его ступеняхъ упалъ на колѣни передъ изображеніемъ государыни и благодарилъ ее за всѣ ея благодѣянія.

Екатерина ласково подняла его и поцѣловала въ лобъ.

По возвращеніи высочайшихъ особъ въ залу, начался балъ.

Онъ открылся знаменитымъ польскимъ Козловскаго «Громъ побѣды раздавайся», слова котораго сочинилъ Державинъ, съ трескотней литавръ, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами.

Императрица во время бала играла въ карты съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной, а гости кромѣ обыкновенныхъ танцевъ, забавлялись плясками русскою и малороссійскою, музыкою, устроенными въ комнатахъ качелями и разными другими увеселеніями.

Прохладительные напитки, плоды и конфекты подавались непрерывно.

Угощался и веселился по своему и народъ въ дворцовомъ саду, который тоже весь горѣлъ огнями. Иллюминированы были бесѣдки, иллюминированы аллеи, иллюминированы суда, стоявшія на прудахъ, иллюминированы берега самыхъ прудовъ. Роговая музыка и хоръ пѣсенниковъ попеременно улаждали слухъ несмѣтной толпы гуляющихъ.

Въ двѣнадцатомъ часу начался ужинъ. Ужинали въ той залѣ, гдѣ былъ спектакль и въ сосѣднихъ комнатахъ.

На столѣ, за которымъ ужинала императрица съ послѣдникомъ престола и его супругою, былъ золотой сервизъ и самъ Потемкинъ прислуживалъ императрицѣ, пока она не попросила его сѣсть.

Сервировка и посуда и на другихъ столахъ были драгоцѣнныя.

Нечего говорить, что ужинъ состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ.

Послѣ ужина балъ продолжался до самаго утра, но императрица съ высочайшей фамиліей уѣхала въ исходѣ второго часа ночи.

Никто не помнилъ, что бы она у кого-либо оставалась такъ долго.

Когда она уже выходила изъ залы, съ хоръ закрытыхъ стеклянными сосудами, сіявшими

яркими огнями, слышалось нѣжное пѣніе съ тихими звуками органа.

Пѣли итальянскую кантату, слова которой были слѣдующія:

«Царство здѣсь удовольствій, владычество щедротъ твоихъ; здѣсь вода, земля и воздухъ — дышутъ всѣ твоей душой. Лишь твоимъ я благомъ и живу, и счастливъ. Что въ богатствѣ и въ почестяхъ, что въ великости людей, если мысль — тебя не видѣть — духъ ввергаетъ въ ужасъ? Стой, не лети время, и благъ нашихъ насъ не лишай! Жизнь наша — путь печали: пусть на ней цвѣтутъ цвѣты».

Императрица обернулась къ провожавшему ее Потемкину и объявила ему свое живѣйшее удовольствіе и признательность за прекрасный праздникъ.

Григорій Александровичъ упалъ передъ Екатериной на колѣни, схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ своимъ.

Она была глубоко тронута, онъ плакалъ.

На глазахъ императрицы навернулись тоже слезы...

Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ говорили потомъ, что свѣтлѣйшій былъ растроганъ потому, что предчувствовалъ близкую смерть.

Предчувствовалъ ли онъ ее, или нѣтъ — неизвѣстно, но смерть дѣйствительно, уже из-

брала его своей жертвой и во время этого «волшебнаго праздника» онъ въ предпоследній разъ видѣлъ императрицу въ своемъ домѣ *).

Раннимъ утромъ разъѣхались отъ Таврическаго дворца послѣдніе экипажи, и онъ опустѣлъ и принялъ свой угрюмый видъ.

Угрюмый, проводивъ гостей, отправился на покой и его свѣтлѣйшій хозяинъ.

XXI.

З а к а т ъ.

Послѣ даннаго Потемкинымъ «волшебнаго праздника», онъ еще около трехъ мѣсяцевъ оставался въ Петербургѣ.

Для такой отсрочки отъѣзда въ армію, казалось, не было основательной причины, но князь просто хандрилъ и не хотѣлъ ѣхать.

Это странное поведеніе главнокомандующаго породило въ Петербургѣ массу слуховъ.

Говорили даже, что онъ хлопоталъ о разрѣшеніи основать изъ областей отнятыхъ у

*) «Русскій Вѣстникъ», 1859, № 4, Записки Л. Н. Энгельгардта.

турокъ, особое царство и владычествовать въ немъ подъ протекторатомъ Россіи.

Это были, конечно, выдумки досужихъ и праздныхъ умовъ.

На самомъ дѣлѣ на Григорія Александровича напалъ продолжительный припадокъ его болѣзненной хандры и онъ, бросивъ всѣ дѣла, то валялся по цѣлымъ недѣлямъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ нечесанный, полурасдѣтый, то задавалъ пиры и проводилъ въ самыхъ необузданныхъ оргіяхъ по нѣсколькимъ дней и безсонныхъ ночей подрядъ.

Временами «великолѣпный князь Тавриды» по цѣлымъ часамъ стоялъ на колѣняхъ, билъ съ рыданіемъ головой въ полъ передъ образами, въ горячей молитвѣ, то въ бѣшеной злобѣ катался по широкимъ оттоманкамъ, изрыгая страшныя ругательства и проклятія, а иногда по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, уставившись въ одну точку, грызя ногти, не слыша и не видя ничего и никого, и не принимая пищи.

Вдругъ среди ночи, это мрачное настроеніе смѣнялось бурнымъ весельемъ. Тавричeskій дворецъ горѣлъ огнями, гремѣла музыка, пѣлъ хоръ пѣвцовъ, начинались увлекательные танцы, дорогія вина лились рѣксою и самъ хозяинъ былъ какъ то необузданно ре-

сель и ухаживалъ за женщинами съ пылкостью юноши.

Но въ срединѣ пира, внезапно онъ нахмурился, уходилъ на полусловѣ; музыка смолкала, огни потухали, и сконфуженные гости спѣшили разѣхаться по домамъ.

Между тѣмъ на театрѣ войны турки потерпѣли нѣсколько чувствительныхъ поражений. Еще въ послѣднихъ числахъ марта генераль-поручикъ князь Голицынъ, переправясь черезъ Бугъ, взялъ Мачинъ, срылъ его и потомъ овладѣлъ укрѣпленіями на островѣ Концефанѣ, лежащемъ противъ Браилова. Въ началѣ іюня генераль-маіоръ Кутузовъ разбилъ турокъ при Пободачѣ, а командовавшій на Кавказѣ, генераль-аншефъ Гудовичъ, взялъ приступомъ сильную и важную крѣпость Анапу; наконецъ, 28 іюля, князь Рѣпинъ одержалъ блистательную побѣду надъ верховымъ визиремъ при Мачинѣ.

Диванъ, уstraшенный мачинской побѣдой и паденіемъ Анапы, предписалъ верховному визирю сдѣлать Рѣпину мирныя предложенія.

Всѣ эти побѣдоносные подвиги русскихъ войскъ не были извѣстны въ Петербургѣ.

Хандрившій Потемкинъ не распечатывалъ пакетовъ князя Рѣпина, которые послѣдній одинъ за другимъ слалъ ему съ курьерами,

напрасно ожидавшими отвѣта свѣтлѣйшаго главнокомандующаго въ кордегардіи Таврическаго дворца.

Слухъ о курьерскомъ плѣненіи дошелъ до придворныхъ сферъ, но не находилось смѣльчака доложить о дѣйствіяхъ Потемкина императрицѣ.

Узналъ объ этомъ и Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, а на другой же день онъ присутствовалъ за завтракомъ во дворцѣ среди небольшого кружка первыхъ вельможъ двора.

Тутъ среди другихъ находился и остроумецъ того времени Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

Разговоръ зашелъ о необыкновенномъ молчаніи князя Рѣпина по поводу военныхъ дѣйствій съ турками. Больше всѣхъ возмущался поведеніемъ Рѣпина Нарышкинъ.

Орловъ молчалъ, но подъ шумокъ разговора незамѣтно собралъ со всего стола ножи и спряталъ ихъ подъ салфетку около своего прибора.

— Левъ Александровичъ! Отрѣжь, благодѣтель, вонъ телятинки, что около тебя стоитъ,—обратился онъ къ Нарышкину, сидѣвшему на противоположномъ концѣ стола.

— Съ удовольствіемъ, Алексѣй Григорьевичъ, съ удовольствіемъ.

Нарышкинъ началъ искать ножа около те-

лятины, около своего прибора, на всемъ столѣ, но безуспѣшно.

— Чудеса въ рѣшетѣ.. Точно отъ сущеглупыхъ всѣ ножи обообрали... Эй кто тамъ... крикнулъ онъ.

— Постой, Левъ Александровичъ, не надо ножей, вотъ они всѣ здѣсь, это я нарочно... Ты вотъ говоришь, что Рѣпнинъ вѣстей не шлетъ и здѣсь ничего о войнѣ неизвѣстно! А и какъ же быть извѣстнымъ, коли всѣ рѣпнинскія вѣсти, какъ у меня ножи, у свѣтлѣйшаго Григорія Александровича подъ спудомъ лежатъ.

— Какъ, что такое? Какъ подъ спудомъ?

— Да такъ!.. Онъ нынче въ грустяхъ находится, и курьеровъ съ письмами Рѣпнина безъ отвѣта во дворцѣ держитъ и писемъ не читаетъ и подступиться никто къ нему не смѣетъ.

— Да какъ же это можно?

— Намъ съ тобой не можно, а ему можно... сѣзвилъ Орловъ.

— Нѣтъ, это великолѣпно... — восхитился Нарышкинъ. — Обообразь всѣ ножи и просить отрѣзать... Такъ и письма Рѣпнина... Сегодня же буду у ея величества въ Царскомъ, на-смѣшу ее до слезъ... Ножей нѣтъ, а отрѣжь...

Нарышкинъ хохоталъ отъ души.

Онъ, дѣйствительно, сообщилъ это импера-трицѣ, но далеко не насмѣшилъ ее.

Государыня разсердилась.

Она призвала къ себѣ Василя Степановича Попова и приказала ей немедленно доставить всѣ пакеты Рѣпина, а затѣмъ сама прѣехала къ Потемкину и объявила князю въ рѣшительныхъ выраженіяхъ о необходимости отъѣзда въ армію.

Григорій Александровичъ долженъ былъ покориться.

Онъ выѣхалъ 24 іюля 1791 года.

Онъ ѣхалъ медленно, въ покойномъ экипажѣ, но, не смотря на это, путешествіе чрезвычайно утомляло его.

Но черезъ нѣсколько дней пути онъ вдругъ ожилъ.

Эта бодрость, впрочемъ, была неестественная, а слѣдствіе сильнаго раздраженія и страшнаго гнѣва.

По дорогѣ Григорій Александровичъ встрѣтилъ курьера, отправленнаго изъ арміи въ Петербургъ, и узналъ отъ него, что князь Рѣпинъ уже подписалъ мирный договоръ съ Турціей.

Забывъ свою болѣзнь, Потемкинъ стрѣлою помчался въ Галацъ.

Тотчасъ же по прибытіи туда былъ позванъ князь Рѣпинъ.

— Несчастный, что ты сдѣлалъ! — воскликнулъ Григорій Александровичъ.

— Я исполнилъ свой долгъ... — спокойно отвѣчалъ Рѣпинъ.

— Ты измѣнилъ мнѣ..

Князь Рѣпинъ нахмурился.

— Какъ ты смѣлъ начать безъ меня кампанію? — неистовствовалъ Потемкинъ.

— Я долженъ былъ отразить нападеніе тридцатитысячнаго турецкаго корпуса сараскира Боталь-Бея.

— Но какъ дерзнулъ ты заключить миръ не только безъ моего согласія, но даже не посоветовавшись со мной?.. Миръ невыгодный и въ тотъ самый день когда Ушаковъ одержалъ побѣду надъ турецкимъ флотомъ у мыса Калакріи, когда султанъ уже трепеталъ видѣть русскій флотъ подъ стѣнами Царьграда... Несчастный!

— Я исполнилъ свой долгъ, повторяю вамъ, ваша свѣтлость.

— А, я повторяю тебѣ... — съ пѣной у рта закричалъ Григорій Александровичъ, — что ты головой заплатишься мнѣ за эту дерзость... Я велю тебя судить, какъ измѣнника...

— Ваша свѣтлость... — возразилъ Рѣпинъ, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ, — еслибы вы не были ослѣплены въ эту минуту гнѣ-

вомъ, то я заставилъ бы васъ раскаяться въ послѣднемъ словѣ...

— Угрозы... — зарычалъ Потемкинъ. — Да ты знаешь ли, что черезъ часъ я могу приказать разстрѣлять тебя...

Князь Рѣпинъ гордо поднялъ голову и пристально глядя на свѣтлѣйшаго, спокойно отвѣчалъ ему:

— Знаете-ли, князь, что я могу арестовать васъ, какъ человѣка, противящагося повелѣніямъ государыни.

Григорій Александровичъ остолбенѣлъ.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Это значитъ, что я повинуюсь и обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ одной государынѣ императрицѣ.

Потемкинъ понялъ, что во время пребыванія его въ Петербургѣ императрица уполномочила князя Рѣпина на самостоятельныя дѣйствія.

Страшный ударъ былъ нанесенъ его самолюбію.

Онъ удалился къ себѣ въ кабинетъ и слегъ въ постель, на самомъ дѣлѣ совершенно разбитый и нравственно и физически.

Въ это время, а именно, въ половинѣ августа, въ Галацѣ скончался братъ великой кня-

гини Маріи Теодоровны, принцъ Виртембергскій.

Григорій Александровичъ полубольной былъ черезъ нѣсколько дней на похоронахъ.

Выйдя изъ церкви, онъ, въ задумчивости, вмѣсто своей кареты, сѣлъ-было на похоронные дроги, но во время въ ужасѣ отступилъ.

Это произвело страшное впечатлѣніе на суевѣрнаго Григорія Александровича.

Черезъ пять дней его уже совершенно больного повезли въ Яссы.

Тутъ болѣзнь князя ежедневно стала усиливаться и натура, изнуренная трудами, страстями и неводержанностью, не могла побѣдить ее, несмотря на стараніе и искусство генераль-штабъ-доктора Тимона и доктора хирургіи Массота.

Сначала, впрочемъ, ему стало лучше, но, по нетерпѣливости своего характера, онъ не берегся, то и дѣло нарушая правила діеты, и болѣзнь перешла въ горячку.

Къ нему пріѣхала его племянница графиня Бранницкая.

Григорій Александровичъ пожелалъ пріобщиться св. тайнъ и послалъ за духовникомъ своимъ, архіепископомъ херсонскимъ Амвросіемъ, который и прибылъ къ нему вмѣстѣ съ русенскимъ митрополитомъ Іоною.

Оба они умоляли князя беречь себя, при-

нимать лекарства и воздерживаться отъ вредной пищи.

— Едва-ли я выздоровѣю, — отвѣчалъ онъ имъ: — сколько уже времени, а облегченія нѣтъ, какъ нѣтъ. Но, да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты, духовникъ мой, — обратился Григорій Александровичъ къ Амвросію: — и вѣдаешь, что я никому не желалъ зла. Осчастливить человѣка было цѣлью моихъ желаній.

Амвросій и Іона не могли удержать рыданій и, обливаясь слезами, приступили къ исполненію великаго таинства.

Потемкинъ исповѣдывался и пріобщился съ живѣйшими знаками вѣры и тотчасъ же велѣлъ собираться къ выѣзду изъ Яссы.

— По крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ, — говорилъ онъ: — а то мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походить на гробъ, нежели на обиталище живыхъ...

2 октября дрожащею рукою онъ подписалъ послѣднюю оффиціальную бумагу — полномочіе генераламъ Самойлову, Рибасу и Лошкареву на окончательное веденіе мирныхъ переговоровъ съ Турціей, а 4 числа бережно уложенный въ экипажъ, отправился въ Николаевъ въ сопровожденіи графини

Браницкой, правителя канцеляріи Попова и нѣсколькихъ слугъ.

Съ самаго начала дороги Григорій Александровичъ жаловался по временамъ на сильную боль въ желудкѣ.

Въ общемъ, впрочемъ, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Тише, тише! — кричалъ онъ во время приступовъ боли кучеру.

Ѣхали тихо и въ день отъѣхали только двадцать пять верстъ.

Къ ночи припадки желудочной боли усилились.

Экипажъ остановился.

Князя внесли въ хату, стоявшую на дорогѣ.

Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ:

— Скоро ли разсвѣтетъ?

Чувствуя удушье, онъ судорожно вырывалъ пузыри, замѣнявшіе въ хатѣ стекла.

— Боже, Боже мой, какъ я страдаю... — изрѣдка стоналъ князь.

— Дядюшка, успокойтесь, въ Николаевѣ вы отдохнете, выздоровѣете... — успокоивала его графиня Александра Васильевна.

— Выздоровѣю... — повторилъ Григорій Александровичъ... — Къ чему мнѣ выздоравливать... Я лишній на этомъ свѣтѣ... Императрица болѣе не нуждается во мнѣ...

Горькая усмѣшка пробѣжала по губамъ свѣтлѣйшаго.

— Дядюшка, вы несправедливы... Государыня до сихъ поръ къ вамъ расположена... Когда миръ будетъ окончательно заключенъ...

— Миръ...— заскрежеталъ зубами Потемкинъ,—миръ! Я не хочу мира!.. Этотъ миръ опозорить меня въ глазахъ всего свѣта.. Я хочу войны, жестокой упорной, неумолимой... и хоть бы мнѣ пришлось вести ее на свой счетъ, я продалъ бы свое послѣднее имѣнье и отдохнулъ только въ Царьградѣ...

Волненіе еще болѣе усилило боли...

Наконецъ занялась утренняя заря.

Потемкина снова уложили въ карету и продолжали путь.

Боли несчастнаго страдальца все усиливались.

— О, какъ я страдаю, какъ страдаю...—то и дѣло повторялъ онъ.

— Потерпите, дядюшка, мы остановимся у перваго дома...

— Не могу... стой...—пронзительно вскрикнулъ Григорій Александровичъ.

Кучеръ вздрогнулъ и остановилъ лошадей.

Мѣсто было совершенно пустынное. Съ одной стороны разстилалась безконечная равнина, съ другой чернѣлся густой лѣсъ...

Кругомъ не было видно ни одного жилища.

Браницкой стало страшно.

— Остановитесь! мнѣ дурно! Теперь некуда ѣхать... я умираю... Выньте меня изъ кареты... я хочу умереть въ полѣ...

Слуги, окружившіе карету, поспѣшно разостлали бѣлый плащъ подъ деревомъ, стоящимъ при дорогѣ и положили на него князя.

Свѣжій воздухъ ранняго утра облегчилъ страданія больного.

— Гдѣ ты... гдѣ — произнесъ онъ слабымъ голосомъ, потухающимъ взоромъ отыскивая свою племянницу.

— Я здѣсь, дядюшка, не угодно ли вамъ чего...

— Мнѣ худо, очень худо, дайте образъ...

Ему подали образъ Христа Спасителя, съ которымъ онъ никогда не разставался.

Онъ взялъ его благоговѣйно, поцѣловалъ три раза, осѣнилъ себя крестомъ.

— Мнѣ худо, очень худо — повторилъ онъ.

— Пройдетъ, дядюшка...

Князь безнадежно покачалъ головой.

— Наклонись ко мнѣ...

Александра Васильевна сѣла рядомъ и наклонила свою голову къ умирающему.

— Дай мнѣ руку... вотъ такъ... Слушай.. болѣе тридцати лѣтъ... служилъ я государы-

нѣ вѣрой и правдой и теперь въ предсмертную минуту, сожалѣю только объ одномъ... что прогнѣвилъ ее...

— Оставьте, дядюшка, эти печальныя мысли... онѣ и несправедливы...

— Слушай... скажи государынѣ... Боже... опять... опять... эти страданія... Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой...

Князь замолчалъ и казалось успокоился.

Холодная рука его продолжала держать руку графини Браницкой.

— Его свѣтлость отходить... сказалъ стоявшій рядомъ казакъ.

Всѣ окружавшіе поняли горькую истину этихъ словъ.

Александра Васильевна приложила руку къ сердцу Григорія Александровича.

Оно не билось.

Тотъ же казакъ положилъ на глаза усопшаго двѣ мѣдныя монеты.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, президентъ государственной военной коллегіи, генераль-фельдмаршалъ, великій гетманъ казацкихъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ, главнокомандующій екатеринославскою арміею, легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотомъ черноморскимъ и другими сухопутными и морскими военными силами, сенаторъ, екатерино-

славскій, таврическій и харьковскій генералъ-губернаторъ, ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, войскъ генералъ-инспекторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковникъ, корпуса кавалергардовъ и полковъ екатеринославскаго кирасирскаго, екатеринославскаго-гренадерскаго и смоленскаго-драгунскаго шефъ, мастерской оружейной палаты главный начальникъ и орденовъ россійскихъ: святаго апостола Андрея Первозваннаго, святаго Александра Невскаго, святаго великомученика и побѣдоносца Георгія и святаго равноапостольнаго князя Владиміра большихъ крестовъ и святыя Анны; иностранныхъ: прусскаго—Чернаго Орла, датскаго—Слона, шведскаго — Серафима, польскаго—Бѣлаго Орла и Святого Станислава кавалеръ—отошелъ въ вѣчность.

Ночью въ той же самой каретѣ, окруженной конвоемъ и освѣщенной факелами, привезли усопшаго обратно въ Яссы.

XXII.

Похороны Потемкина.

Графиня Александра Васильевна Браницкая была права, говоря своему покойному

дядѣ Григорію Александровичу Потемкину, что онъ неправъ, жалуясь на измѣнившіяся къ нему отношенія императрицы.

Екатерина, на самомъ дѣлѣ, выпроводивъ князя изъ Петербурга, какъ того требовала честь государства и его личная, ни мало не уменьшила своего расположенія къ подданному-другу.

Цѣлый рядъ самыхъ ласковыхъ и ободряющихъ ея писемъ полетѣлъ вслѣдъ за Григоріемъ Александровичемъ, едва онъ выѣхалъ изъ столицы.

Императрицѣ нужно лишь было чтобы онъ «для славы имперіи» уѣхалъ въ армію; но она все-таки по прежнему цѣнила его таланты и сердце.

Когда донеслась до Екатерины первая вѣсть о болѣзни «свѣтлѣйшаго», она писала ему:

«О чемъ я всекрайне сожалѣю и что меня же столько беспокоитъ, есть твоя болѣзнь и что ты мнѣ пишешь, что не въ силахъ себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу чтобы онъ отвратилъ отъ тебя сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія».

«Обрадовалъ ты меня—писала она въ другомъ письмѣ,—прелиминарными пунктами о мирѣ, за что тебя благодарю сердцемъ и

душою. Желаю весьма, что бы великія жары и труды дороги здоровьемъ твоему не нанесли вреда, въ теперешнее паче время, когда всякая минута требуетъ новаго труда. Adieu, mon ami.

Болѣзнь князя очень сильно беспокоила государыню.

Подтвержденіемъ этого служитъ замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго отъ 28 августа 1791 года: «Получено извѣстіе черезъ Кречетникова изъ Кіева, что Потемкинъ очень боленъ и что къ нему поѣхала Браницкая... Печаль и слезы».

Опечаленная Екатерина на другой же день, т. е., 29 августа, ѣздила ко всеобщей въ Невскій монастырь и пожертвовала въ тамошнюю церковь большое серебряное паникадило, золотую лампаду къ ракъ св. Александра Невского и нѣсколько золотыхъ сосудовъ съ антиками и брилліантами.

Вслѣдъ затѣмъ четыре курьера, одинъ за другимъ привезли свѣдѣнія, что князю все хуже и хуже.

Наконецъ, 14 октября, прискакалъ нарочный изъ Яссы съ роковымъ извѣстіемъ, что Потемкина не стало.

Вѣсть эта поразила императрицу, какъ громомъ.

Она впала въ совершенное отчаяніе, за пер-

лась въ своемъ кабинетѣ, плакала и долго не могла утѣшиться.

— Мнѣ не кѣмъ замѣнить Потемкина, — говорила она окружающимъ: — онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе; глядѣлъ волкомъ и потому не пользовался любовью многихъ; но, давая щелчки, благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ; его нельзя было куштить — онъ былъ настоящій дворянинъ.

Увѣдомляя о смерти князя принца Нассау-Зигена, Екатерина писала:

«Это былъ мой ученикъ, человекъ геніальный; онъ дѣлалъ добро своимъ непріателямъ и тѣмъ обезоруживалъ ихъ».

Письмо государыни къ Гримму — великолѣпное надгробное слово «свѣтлѣйшему»:

«Страшный ударъ разразился надъ моей головой, — писала императрица, — мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврическій — умеръ... Это былъ человекъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца... Имъ никто не управлялъ, но онъ самъ удивительно умѣлъ управлять другими»...

«Древо великое пало — былъ человекъ необыкновенный», — сказалъ о Потемкинѣ московскій митрополитъ Платонъ.

Честолюбивый фельдмаршалъ графъ Ру-

мянцевъ-Задунайскій не любилъ Григорія Александровича и постоянно завидовалъ его значенію и вліянію при дворѣ.

Когда, какъ вѣроятно не забылъ читатель, въ 1788 году главное начальство надъ дѣйствующею арміею противъ турокъ было ввѣрено императрицей Потемкину, Румянцевъ скорбился предпочтеніемъ, оказаннымъ его противнику, уѣхалъ изъ арміи и поселился въ деревнѣ, которую уже не оставлялъ съ тѣхъ поръ до самой своей кончины.

Онъ получилъ извѣстіе о смерти «свѣтлѣйшаго», сидя за ужиномъ съ своими друзьями, княземъ Дашковымъ и Апраксинымъ.

Старый фельдмаршалъ быстро поднялся съ кресла, сталъ на колѣни передъ образомъ и громко произнесъ:

— Вѣчная тебѣ память, князь Григорій Александровичъ!

Затѣмъ, обратясь къ Дашкову и Апраксину, удивленно глядѣвшихъ на него, сказалъ:

— Чему вы удивляетесь? Князь былъ мнѣ соперникомъ, можетъ быть, даже непріателемъ; но Россія лишилась великаго человѣка, отечество потеряло сына безсмертнаго по заслугамъ своимъ.

Подробности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ необыкновенную по своей внезапности смерть «необыкновеннаго человѣ-

ка», ходили изъ устъ въ уста по обширной Россіи.

Кромѣ описаннаго нами происшествія съ погребальными дорогами, рассказывали еще слѣдующее предзнаменованіе кончины Григорія Александровича:

На одной изъ черниговскихъ церквей, во имя св. Іоанна Богослова, до сихъ поръ находится 600-пудовый колоколъ, отличающійся необыкновенно пріятнымъ звукомъ.

Народная молва говорила, что когда Потемкина, по пріѣздѣ его въ Черниговъ въ 1791 году, встрѣчали колокольнымъ звономъ во всѣ городскіе колокола, онъ отличилъ звукъ богословскаго колокола и съ удовольствіемъ слушалъ его.

Захворавъ, онъ пробылъ въ Черниговѣ три дня и въ продолженіе всего этого времени велѣлъ звонить въ колоколъ.

— Потемкинъ звонить по себѣ! — говорили въ народѣ.

Когда князь выѣхалъ изъ Чернигова колоколъ стащили и повезли въ только что основанный Екатеринославль.

Народъ со слезами провожалъ свою потерю.

Вдругъ колоколъ воротился съ дороги... съ нимъ вмѣстѣ пришла вѣсть о кончинѣ Потемкина.

Императрица велѣла похоронить Потемкина почти съ царскими почестями и великолѣпїемъ и поставить въ Херсонѣ мраморный памятникъ.

Тѣло усопшаго, по прибытіи въ Яссы было поставлено въ домѣ, гдѣ онъ жилъ прежде, въ большой залѣ, которая, къ этому случаю, была вся обита чернымъ крепомъ съ флеровыми перевязями по бортамъ. Часть залы была отдѣлена для катафалка, черною шелковою занавѣсью, обложенною по бортамъ серебрянымъ позументомъ, и большими висячими серебряными кистями и подтянутою серебрянымъ шнуромъ; нѣсколько поодаль поставлена была баллюстрада, обитая чернымъ сукномъ и обложенная сверху по краямъ широкимъ серебрянымъ позументомъ.

Потолокъ этого отдѣленія былъ задрапированъ на подобіе павильона чернымъ сукномъ и увить крестообразно по краямъ бѣлыми и креповыми перевязями.

По срединѣ отдѣленія былъ поставленъ амвонъ, обитый краснымъ сукномъ, съ тремя ступенями, обложенными по краямъ серебрянымъ позументомъ.

На амвонѣ сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на которомъ стоялъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатыми позументами, съ серебряными

скобами, на серебряныхъ подножіяхъ и покрытый великолѣпнымъ златотканнымъ покровомъ.

Надъ гробомъ возвышался огромный балдахинъ изъ розоваго бархата, обложенный по краямъ чернымъ бархатомъ съ богатымъ золотымъ позументомъ. Спуски его были изъ розоваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахромой и подтянутые шнурками съ небольшими золотыми кистями. Балдахинъ стоялъ на десяти древкахъ, обтянутыхъ розовымъ бархатомъ и перевитыхъ серебряными позументами и укрѣпленъ къ полу восьмью золотыми шнурками, на которыхъ висѣли большія золотыя кисти. Верхъ балдахины украшался черными и бѣлыми страусовыми перьями, а внутренность была обложена бѣлымъ атласомъ.

Въ головахъ на особомъ возвышеніи лежала на парчевой подушкѣ княжеская корона, обвитая лаврами.

На первыхъ ступеняхъ гроба, у головы съ обѣихъ сторонъ, стояли табуреты, покрытые краснымъ сукномъ съ золотыми по краямъ позументами, на которыхъ были положены подушки изъ малиноваго бархата, обложенныя золотымъ позументомъ съ бахромою и висячими по угламъ золотыми кистями. На нихъ съ правой стороны лежалъ фельдмар-

шальскій жезлъ, а съ лѣвой пожалованный покойному императрицей золотой лавровый вѣнокъ, усыпанный изумрудами и брилліантами; съ тойже стороны лежала крышка отъ гроба, на которой были укрѣплены шпага, шляпа и шарфъ. На послѣдней ступени были расположены на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена умершаго, по старшинству ихъ, всѣ знаки власти, полученные имъ отъ щедротъ монаршихъ.

По сторонамъ катафалка возвышались двѣ пирамиды изъ бѣлаго атласа, увѣшанныя перевязями изъ чернаго и бѣлаго крепа.

На пирамидѣ, стоявшей съ правой стороны видѣнъ былъ гербъ Потемкина, осѣненный двумя знаменами великаго гетмана; на черной доскѣ изображена была бѣлыми буквами слѣдующая надпись:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч. и проч. усерднѣйшій сынъ отечества, присоединитель къ Россійской имперіи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и на морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Кучукъ-Кале, Сунніи, Тульчи, Исакчи, острова Березанскаго, Хаджибея

и Паланки; прославившій оружіе Россійской имперіи въ Европѣ и Азіи, приведшій въ трепеть столицу и потрясшій сердце Оттоманской имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ градовъ, покровитель науки, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми доблестями общественными и благочестіемъ. Скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 34 верстахъ отъ столичнаго города Яссы, 1791 года, октября, въ 5-й день, на 52 году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не только благодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдающихъ его».

На пирамидѣ, стоявшей съ лѣвой стороны находился гербъ, во всемъ подобный первому, осѣненный справа кейзеръ-флагомъ, слѣва — гетманскимъ знаменемъ.

Девятнадцать большихъ свѣчъ, въ высокихъ подсвѣчникахъ, обложенныхъ золотою парчею и множество меньшихъ свѣчъ, поставленныхъ кругомъ гроба, освѣщая катафалкъ, придавали всему великолѣпный видъ.

При гробѣ были учреждены дежурства изъ одного генералъ-маіора, двухъ полковниковъ, четырехъ штабъ-офицеровъ, восьми

оберъ-офицеровъ, одного генераль-адъютанта и одного флигель-адъютанта.

11 октября, жителямъ города было объявлено, что желающіе отдать послѣдній долгъ покойному фельдмаршалу, будутъ допускаться безъ изъятія.

Народъ стоялъ толпами; горестъ была написана на всѣхъ лицахъ, преимущественно военные и молдавскіе бояре проливали слезы о потери своего благодѣтеля и защитника.

Въ это время поставленный у дверей залы офицеръ раздавалъ нищимъ мелкія серебряныя деньги.

Поклоненіе тѣлу, происходило въ этотъ день отъ 3 до 6 час. пополудни.

Въ часы прихода для поклоненія, у головы усопшаго стояли по обѣимъ сторонамъ два генераль-адъютанта, у середины гроба по два офицера гвардіи и два флигель-адъютанта, нѣсколько подалѣе по два офицера екатеринославскаго гренадерскаго полка, лейбъ-гвардіи бомбардирской роты и кирасирскаго князя Потемкина полка, а у балюстрады по два офицера того же полка въ супервестахъ.

12 числа, двери залы были отворены для публики, отъ 10 час. утра, до 2-хъ часовъ пополудни и отъ 3 до 8 час. вечера.

Въ это же время по прежнему происходи

ла раздача нищимъ мелкихъ серебряныхъ денегъ.

Между тѣмъ одинъ генераль-адъютантъ, два флигель-адъютанта на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного эскадрона кирасирскаго князя Потемкина полка, въ траурномъ одѣяніи, съ литавами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, которое назначено было на другой день въ 8 часовъ утра.

13 числа полки екатеринославскій и малороссійскій гренадерскій и днѣпровскій мушкетерскій стали по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ долженствовало проходить шествіе.

Когда духовенство собралось и все было готово, время выноса было возвѣщено одинадцатью пушечными выстрѣлами и унылымъ колокольнымъ звономъ; пальба продолжалась черезъ каждую минуту до самаго внесенія тѣла въ монастырь Гоми, назначенный для совершенія печальнаго обряда.

Тѣло выносили изъ особеннаго усердія генералы, также штатъ покойнаго князя и назначенные къ тому штабъ-офицеры; балдахинъ несли гвардейскіе офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Эскадронъ конвойныхъ гусаръ усопшаго фельдмаршала.

2) Кирасирскій полкъ князя Потемкина.

3) Домъ покойнаго въ траурѣ.

4) Верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ; каждую вели два конюха въ богатыхъ ливреяхъ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ.

5) Сто двадцать человѣкъ солдатъ съ факелами, въ черныхъ эпанчахъ и въ распущенныхъ шляпахъ съ чернымъ флеромъ.

6) Двадцать четыре оберъ-офицера въ траурномъ одѣяньи со свѣчами.

7) Двѣнадцать штабъ-офицеровъ въ траурной одеждѣ со свѣчами.

8) Бояре княжества Молдавскаго, князья и посланики черкесскіе.

9) За ними долженъ былъ слѣдовать генералитетъ, но генералы выносили гробъ и шли по сторонамъ его до самаго монастыря.

10) Духовенство.

11) Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеры съ двумя оберъ-офицерами за ассистентовъ: а) ордена св. Андрея Первозваннаго; б) св. Александра Невскаго; в) св. Георгія 1-го класса; г) св. Владимира 1-го класса; д) Бѣлаго Орла; е) св. Станислава; ж) прусскаго Чернаго Орла; з) Датскаго Слона; и) Шведскаго Серафима; і) св. Анны 1-го класса; к) каммергерскій ключъ; л)

гетманская булава; м) гетманская сабля; н) жалованная шпага; о) вѣнецъ золотой съ брилліантами; п) бантъ отъ портрета императрицы; р) фельдмаршальскій жезлъ; с) гетманское знамя; т) кайзеръ-флагъ; у) другое знамя; ф) княжеская корона.

12) Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряженныхъ восемью лошадьми, въ черныхъ пополахъ, изъ которыхъ каждую велъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ.

13) Парадная карета, покрытая чернымъ сукномъ, запряженная 8 лошадьми, подъ черными покрывалами; при ней конюхи въ парадныхъ ливреяхъ и черныхъ эпанчахъ.

14) Родственники покойнаго.

15) Шествіе замыкали: эскадронъ конвойныхъ гусаръ, казачій полкъ великаго гетмана и донской казачій полкъ князя Потемкина.

По совершеніи литургіи, преосвященный Амвросій, мѣстоблюститель экзархіи молдаво-валахской, вышелъ-было сказать надгробное слово, но, зарыдавъ, не могъ выговорить ни слова и возвратился въ алтарь.

По окончаніи отпѣванія, когда запѣли «вѣчную память», сдѣлано было одиннадцать выстрѣловъ, а войска произвели троекратный бѣглый ружейный огонь.

Церковь огласилась рыданіемъ присутствовавшихъ.

Штабъ и оберъ-офицерамъ были розданы золотыя кольца съ именемъ покойнаго фельд-маршала.

Четыремъ полкамъ были розданы на каждого человека по рублю серебромъ.

Тѣло Потемкина оставалось еще нѣсколь-ко дней въ монастырѣ, а затѣмъ было перевезено въ Херсонъ и 23 ноября положено въ крѣпостной соборной церкви во имя св. Екатерины, въ особомъ склепѣ, куда всѣ желающіе могли входить и служить панихиды *).

Особенно горевали о Григоріи Александровичѣ солдаты:

— Покойный его свѣтлость, — твердили они: — былъ нашъ отецъ, облегчалъ нашу службу, довольствовалъ насъ всякими потребностями; словомъ сказать, мы были избалованныя его дѣти; не будемъ имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память!

Но были люди, которые обрадовались смерти свѣтлѣйшаго князя.

Прежде всего—всѣ придворные.

И какъ имъ было не радоваться, если да-

*) «Русскій Вѣстникъ» 1859, № 4; «Русскій Архивъ» 1867, № 2.

же по словамъ Массона, не панегириста князя, онъ былъ человѣкъ необыкновенный, исполнѣнъ, заслонявшій собою всѣхъ.

«Онъ созидаль или разрушалъ, — говоритъ Массонъ: — или спутываль все, но и оживляль все. Когда отсутствовалъ, только и рѣчей было что о немъ; а когда появлялся — глядѣли исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшіе нѣкоторую роль въ бытность его въ арміи, при его появленіи, казалось, уходили въ землю, уничтожались при немъ».

Рады были смерти Потемкина и его родственники, получившіе отъ него огромное наслѣдство въ десять милліоновъ и неисчислимыя художественныя сокровища.

Въ память Потемкина государыня, кромѣ памятника, приказала изготовить грамоту съ перечисленіемъ всѣхъ его подвиговъ и хранить ее въ соборной церкви Херсона.

Въ степяхъ Бессарабіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ «князь Тавриды», возвышается небольшая пирамида.

XXIII

П о с л ѣ с л о в і е.

Гигантъ палъ!

Князь Тавриды, жизни и дѣятельности котораго мы посвятили наше правдивое повѣствованіе, отошелъ въ вѣчность!

Остается сказать лишь нѣсколько словъ о судьбѣ оставшихся въ живыхъ второстепенныхъ выведенныхъ нами героевъ и героинь и о судьбѣ останковъ свѣтлѣйшаго князя Тавриды.

Эта судьба послѣднихъ, какъ и жизнь и смерть русскаго Алкивіада не изъ обыкновенныхъ

Калисѣенія Ѳемистокловна Мазараки не выдержала монастырскаго заключенія и, не получая отвѣта отъ своей дочери, поняла, что послѣдняя оставила ее на произволъ судьбы.

Бывшая «куртизанка» загрустила, а черезъ годъ съ небольшимъ послѣ пріѣзда въ монастырь утопилась въ монастырскомъ прудѣ.

Начальство монастыря, впрочемъ, приписало это несчастной случайности, и наложившая на себя руки грѣшница была похоронена по христіанскому обряду и нашла успокоеніе отъ полной тревоженій жизни на монастырскомъ кладбищѣ.

О судьбѣ матери Калисоеенія Николаевна узнала лишь послѣ смерти Григорія Александровича, кстати сказать, не очень ее огорчившей—она уже успѣла себѣ составить большое состояніе.

Равнодушно узнала она и о томъ, что ея матери уже нѣтъ въ живыхъ.

Эгоизмъ почти нечеловѣческій нашелъ себѣ воплощеніе въ этой бездушной красавицѣ.

Возмездіе, впрочемъ, не заставило себя ждать.

Года черезъ три послѣ смерти Григорія Александровича, она увлеклась венгерцемъ—наѣздникомъ изъ цирка, который съумѣлъ быстро обождать красавицу и убѣжать съ ея капиталомъ за границу.

Къ довершенію несчастія Калисоеенія Николаевна заболѣла.

У нея сдѣлалась оспа, повѣтріе которой было тогда въ Петербургѣ.

Крѣпкій организмъ выдержалъ болѣзнь, но... она встала съ постели уродомъ.

Когда она подошла къ зеркалу, то невольно отшатнулась.

Изрытое лицо, глаза лишеныя рѣсницъ съ воспаленными вѣками, порѣдѣвшіе волосы сдѣлали неузнаваемой за какіе нибудь два мѣсяца очаровательную женщину.

Калисоеенія Николаевна зарыдала.

Это были первыя серьезныя слезы ея жизни — горькія слезы безнадежнаго отчаянія.

Она поняла, что ея жизнь кончена.

Красота и деньги были главными рычагами ея существованія.

У ней не было теперь ни того, ни другаго.

На другой день ее нашли повѣсившеюся на шелковомъ шнуркѣ, въ томъ самомъ будуарѣ, служившемъ алтаремъ поклоненія ея исчезнувшей красоты, гдѣ было принесено столько жертвъ, гдѣ нѣсколько томительно-сладкихъ минутъ провелъ Владиміръ Андреевичъ Петровскій-Святозаровъ.

Она висѣла на крючкѣ, вбитомъ въ потолокъ для снятой на лѣтнее время люстры.

Искаженное лицо удавленницы обращено было къ висѣвшему на стѣнѣ большому портрету, изъ золотой рамы котораго насмѣшливо смотрѣлъ на нее Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Восточный домикъ послѣ смерти Мазараки былъ пріобрѣтенъ родственниками покойнаго Потемкина и лучшія вещи, вмѣстѣ съ портретомъ свѣтлѣйшаго князя, вывезены, а другія распроданы.

Вырученныя деньги, какъ выморочное имущество, поступили въ казну.

Домикъ былъ заколоченъ на-глухо.

Объ немъ на Васильевскомъ островѣ сло-

жилося множество легендъ, пока, пришедшій въ ветхость, онъ не былъ проданъ на сломъ уже въ концѣ царствованія императора Александра I.

Княгиня Зинаида Сергѣевна Святозарова была глубоко потрясена вѣстью о кончинѣ Потемкина.

Она нашла, впрочемъ, утѣшеніе въ своемъ «новомъ» сынѣ, который свято сдержалъ слово данное имъ свѣтлѣйшему — быть опорой матери, умершей черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Григорія Александровича.

Въ царствованіе императора Павла и особенно Александра I, князь Владиміръ Андреевичъ Святозаровъ сдѣлалъ блестящую карьеру.

Аннушка и Анфиса нашли себѣ пріютъ въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ и строгихъ женскихъ монастырей и постриглись въ монашество, сдѣлавъ богатый вкладъ изъ оставшихся нерозданными денегъ, взятыхъ съ собою изъ Петербурга.

Игуменья этого монастыря отличалась святой, почти отшельнической жизнью. Она начала въ немъ съ самыхъ тяжелыхъ трудовъ послушницы около тридцати лѣтъ тому назадъ и дослужилась до званія игуменьи за свое болѣе чѣмъ строгое житіе.

Кто она и при какихъ обстоятельствахъ

поступила въ монастырь?—никто изъ монашенокъ не зналъ.

Для Аннушки въ лицѣ игуменьи, матери Досиѣеи, мелькнуло что-то знакомое.

Бывшая горничная княгини Святозаровой стала напрягать свою память и вспомнила.

Мать Досиѣея, оказалась никто иная, какъ пропавшая безъ вѣсти графиня Клавдія Афанасьевна Переметьева.

Императрица Екатерина пережила своего подданнаго друга на шесть лѣтъ.

Въ первый же годъ царствованія Павла I, который не любилъ Потемкина и увидѣвши изъ его бумагъ, какъ много онъ вредилъ ему въ мнѣніи императрицы, херсонскимъ губернаторомъ были получены слѣдующія бумаги:

«Помѣченная 18 апрѣля 1798. Секретно.

Милостивый государь мой Иванъ Яковлевичъ.

Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго князя Потемкина до нынѣ еще не предано землѣ, а держится въ особо сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо, а потому находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы тѣло безъ дальнѣйшей огласки въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а поверхъ засыпано землею и взглажено такъ, какъ бы его никогда не бывало.

Вслѣдствіе чего о таковой высокомонаршей воли вашему превосходительству сообщая, есмь впрочемъ съ истиннымъ и переменнымъ почтеніемъ.

вашего превосходительства
милостиваго государя моего
покорный слуга

Алексѣй Куракинъ.

Марта 27 д. 1798 года».

Приказъ былъ конечно немедленно исполненъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ была получена бумага и о памятникѣ Потемкину, воздвигнутомъ по повелѣнію Екатерины II.

Бумага эта, помѣченная 7-мъ мая 1798 года была слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь мой, Иванъ Яковлевичъ.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генераль-прокуроръ и квалеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ 10 минувшаго марта сообщилъ мнѣ Высочайшее его императорскаго величества повелѣніе на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсонѣ отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ.

А потому предписавъ о точномъ и немедленномъ исполненіи сего Высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту, нужнымъ

почитаю объ ономъ извѣстить симъ и ваше превосходительство. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Михаилъ Каховскій.

Апрѣля 27 дня 1798 года».

Херсонскій комендантъ вскорѣ донесъ, что высочайшая воля относительно памятника князя Потемкина, исполнена.

Эти распоряженія подали основаніе молвъ, быстро облетѣвшей всю Россію и проникнувшей за границу, будто тѣло князя вынуто было изъ гроба и зарыто безслѣдно во рву херсонской крѣпости.

Молва эта была несправедлива—тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ.

Въ 1818 году, при объѣздѣ епархіи, екатеринославскій архіепископъ Іовъ Потемкинъ, по родству, пожелалъ убѣдиться въ справедливости носившагося слуха.

Ночью, 4 іюля, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, поднять былъ церковный полъ, проломанъ сводъ склепа и вскрытъ гробъ.

Архіепископъ удостовѣрился въ присутствіи въ гробу тѣла.

Разсказывали, что онъ вынулъ изъ склепа какой-то сосудъ и помѣстилъ его въ свою ка-

рету; въ сосудѣ этомъ, по догадкамъ, находились внутренности покойнаго.

Говорили, что сосудъ отправленъ былъ въ село Чижево, Смоленскаго уѣзда, на родину князя.

Преданіе гласитъ, что захвативъ изъ склепа сосудъ, іерархъ взялъ и портретъ императрицы Екатерины II, осыпанный брилліантами, лежавшій въ гробу *).

Въ 1859 году, по случаю внутреннихъ починокъ въ церкви, пять лицъ спустились черезъ проломъ въ склепъ и, вынувъ изъ разваливагося гроба засыпанные землею, черепъ и нѣкоторыя кости покойнаго, вложили ихъ въ особый ящикъ съ задвижкой и оставили въ склепѣ.

Около этого же времени, какъ рассказываютъ, изъ склепа взято было все до послѣдней пуговицы, куски золотого позумента и даже сняты полуистлѣвшія туфли Потемкина.

Черепъ и нѣсколько костей—вотъ что осталось отъ великолѣпнаго «князя Тавриды».

Sic transit gloria mundi **).

Позднѣйшее потомство лучше оцѣнило заслуги великаго государственнаго мужа.

*) «Русская Старина» 1875 г. т. XVI.

**) Такъ проходитъ слава міра.

Въ 1836 году «благодарный Новороссійскій край» съ высочайшаго соизволенія воздвигъ въ честь Потемкина въ центрѣ Херсона, въ городскомъ саду, новый бронзовый памятникъ, который изображаетъ князя во весь ростъ, облеченнаго въ рыцарскую мантию: лицо его обращено къ завоеванной имъ Тавридѣ, а взоръ устремленъ на Екатеринославлѣ.

Въ одной рукѣ онъ держитъ фельдмаршальскій жезлъ—эмблему военныхъ подвиговъ, въ другой—подзорную трубу—эмблему зоркой проницательности.

Чудный видъ принимаетъ памятникъ среди деревьевъ, когда весеннее солнце яркими лучами играетъ на его блестящей поверхности.

Колоссальная фигура князя, превосходно исполненная знаменитымъ художникомъ Мартосомъ, возвышается на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ чугунными колоннами и цѣпью *).

Въ 1873 году херсонское земство повѣсило въ церкви св. Екатерины въ память князя Таврическаго небольшую мраморную доску съ надписью.

К о н е ц ъ.

*) «Москвитянинъ» 1852 г., № 12. «Русскій Архивъ» 1867 г., № 2.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ кельи во дворецъ.

	стр.
I. Въ большомъ театрѣ	5
II. Двойникъ	14
III. Въ Таврическомъ дворцѣ	24
IV. Князь хандрить	34
V. Юность Потемкина	44
VI. Старая графиня	54
VII. По монастырямъ	64
VIII. Первый лучъ и первый ядъ	75
IX. Змѣя	86
X. Анонимное письмо	96
XI. Двойной выстрѣлъ	105
XII. Предсмертная записка	115
XIII. Вѣщій сонъ	125
XIV. Страшный замыселъ	134
XV. При дворѣ	143
XVI. Сообщникъ	151
XVII. Страшный торгъ	160
XVIII. На чистоту	170
XIX. Екатерина-человѣкъ	180
XX. Императрица	191
XXI. На поляхъ битвы	202
XXII. Пріемышъ	213
XXIII. Побѣжденное искушеніе	220
XXIV. Примиреніе	227
XXV. У ступеней трона	238

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ борьбѣ съ луною.

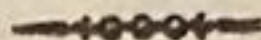
	стр.
I. Свѣтлѣйшій	253
II. Въ Зимнемъ дворцѣ	264
III. Увелъ	276
IV. Гречанка	286
V. Холопъ	296
VI. Въ греческомъ плѣну	308
VII. Недостатки «свѣтлѣйшаго»	321
VIII. Женолюбецъ	334
IX. Достойная ученица	347
X. Таврида	359
XI. Разсѣяныя тучи	370
XII. Возмездіе	382
XIII. Пропойца	395
XIV. «Нашъ сынъ живъ»	408
XV. Женщина-президентъ	421
XVI. Племянницы	433
XVII. Страсть сказалась	445
XVIII. Въ монастырь	457
XIX. На югъ	470
XX. Путь въ Византію	481
XXI. Въ Крыму	494
XXII. Разрывъ съ Турціей	507

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Среди степей.

	стр.
I. Очаковъ	524
II. Предъ лицомъ нецрїателя	534
III. Долгъ платежемъ красенъ	546
IV. Тріумфъ	557

V. Смотритель памятника	572
VI. Попущеніе	583
VII. Была-ли она счастлива?	593
VIII. Исповѣдь	605
IX. Неожиданная благодѣтельница	617
X. Слеза Потемкина	627
XI. По душѣ	641
XII. Раскаяніе	654
XIII. Сдача Бендеръ	666
XIV. Въ Яссахъ	677
XV. Суворовъ	689
XVI. Измаилъ	703
XVII. На пути	718
XVIII. День Потемкина	730
XIX. Дуэль	744
XX. Волшебный праздникъ	756
XXI. Закатъ	772
XXII. Похороны Потемкина	786
XXIII. Послѣсловіе	802

572	V. Oxytropis ochrocephala
573	VII. Hesperis
574	VIII. Hesperis
575	IX. Hesperis
576	X. Hesperis
577	XI. Hesperis
578	XII. Hesperis
579	XIII. Hesperis
580	XIV. Hesperis
581	XV. Hesperis
582	XVI. Hesperis
583	XVII. Hesperis
584	XVIII. Hesperis
585	XIX. Hesperis
586	XX. Hesperis
587	XXI. Hesperis
588	XXII. Hesperis
589	XXIII. Hesperis
590	XXIV. Hesperis
591	XXV. Hesperis
592	XXVI. Hesperis
593	XXVII. Hesperis
594	XXVIII. Hesperis
595	XXIX. Hesperis
596	XXX. Hesperis
597	XXXI. Hesperis
598	XXXII. Hesperis
599	XXXIII. Hesperis
600	XXXIV. Hesperis
601	XXXV. Hesperis
602	XXXVI. Hesperis

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Gejnec, Nikolaj Ė.,

Knjaz' Tavridy Istoričeskich roman v trech častjach. S portretom G. A.
Potemkina

S.-Peterburg 1897

P.o.russ. 132 z

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819701-1